

365

лучших сказок мира

Якоб и Вильгельм Гримм
365 лучших сказок мира

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2014

Гримм Я.

365 лучших сказок мира / Я. Гримм — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», 2014

Перед вами уникальный сборник «365 лучших сказок мира», благодаря которому каждый день в году может стать сказочным! В книгу вошли сказки, на которых выросло и познало мир не одно поколение детей. Вы найдете здесь народные сказки из разных уголков мира, а также произведения Р. Киплинга, В. Гауфа, А. Афанасьева, Л. Чарской и многих других. Поучительные и забавные, трогательные и яркие сказочные истории станут настоящим кладом знаний и подарят удовольствие как взрослым, так и детям. А совместное ежедневное чтение этой книги, возможно, станет вашей хорошей семейной традицией.

© Гримм Я., 2014

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2014

Содержание

Лидия Чарская. Сказки голубой феи	6
Вступление	6
Царевна Лыдинка	7
Волшебный оби	13
Король с раскрашенной картинки	19
Фея в медвежьей берлоге	26
Чародей Голод	31
Дочь Сказки	34
Три слезинки королевны	39
Дуль-Дуль, король без сердца	44
Чудесная звездочка	52
Галина правда	55
Веселое царство	61
Мельник Нарцисс	65
Живая перчатка	70
I	70
II	70
III	71
IV	71
V	71
VI	72
VII	72
Меч королевы	74
Герцог над зверями	77
Сказка о Красоте	81
Подарок феи	85
Сказка про Ивана, искавшего счастье	88
Редьярд Киплинг. Сказки старой Англии	91
Меч Виланда	91
Юноши в замке	101
Веселый подвиг	111
Старики в Певнсее	122
Центурион	133
На большой стене	142
Крылатые шапки	152
Галь-рисовальщик	162
Отлет из Димчерча	170
Редьярд Киплинг. Сказки и легенды	177
Почему кит ест только мелких рыбок	177
Как на спине верблюда появился горб	179
Как на коже носорога появились складки	181
Как леопард стал пятнистым	183
Слон-дитя	187
Просьба старого кенгуру	192
Как появились броненосцы	195
Как было написано первое письмо	200

Как была составлена первая азбука[11]	206
Морской краб, который играл с морем	218
Кот, который гулял где хотел	224
Мотылек, который топнул ногой	230
Сказки бабушки про чужие странушки	236
Принцесса лгунья	236
Угольный человечек	240
Охота питона Каа	244
Купец и обманщики	257
Серый человечек	260
Птицы графини Моралес	265
Дон Миакка	269
Мак	272
Сватовство	275
Аль Багум	280
Лунный луч	291
Как Джек пошел счастья искать	296
Наследство	298
Священник-призрак	301
Дочь алхимика	304
Розовая птица	310
I	310
II	313
III	315
IV	315
Паша пастух	319
Каменное сердце	325
Конь рыцаря Рабогани	328
Неведомый рай	331
Глупый крестьянин и умная птица	333
Хуан-Аррада	334
Храбрый царский сын	338
Маленький паша	341
Конец ознакомительного фрагмента.	343

365 лучших сказок мира

Лидия Чарская. Сказки голубой феи

Вступление

Солнце... весна... зелень кругом... Хорошо. Ах хорошо!

О чем шепчет лес? Не знаю.

О чем перешептываются мотыльки и кузнечики? Тоже не знаю.

А только хорошо! Так хорошо, точно снова мне три года, и старая няня плетет мне венок из полевой ромашки.

Хочется подружиться и с солнцем, и с речкой, и с ворчуном-лесом, который шумит и шумит про что-то. А зачем шумит и про что шумит – никто не поймет и понять не может.

Чу! Что это? Не то птичка шарахнулась из кустов и меня крылом задела, не то мотылек вспорхнул на плечо, смотрит... смеется...

Нет! Не птичка, не мотылек это, а веселая крошечная голубая девочка. У нее серебристые крылышки за спиной и кудри, легкие, как пух. Я знаю ее – это фея голубого воздуха и весеннего неба, фея золотого солнца и майского праздника.

– Здравствуй, голубая фея! Зачем ты прилетела ко мне?

Она смеется.

Она всегда смеется, голубая, радостная, беспечная.

– Я прилетела, – говорит она, – передать тебе то, про что шумит лес и рокошет речка, про что поют соловей и весна, рассказать о том, как живут, радуются и страдают маленькие королевы, как веселятся крошечные феи. И про суровых и кротких королей, про добрых волшебников, про бедных и несчастных людей и еще про многое-многое другое расскажу тебе сказки. А ты, большая, передашь эти сказки маленьким людям...

– Знаю я сказки. Много старых сказок, которые няня еще в детстве рассказывала мне у камина, – говорю я фее.

А фея смеется. Журчит, поет ее серебристый голосок.

– Странная ты, – смеется фея, – ты знаешь сказки людские, а я тебе расскажу те, что выдумали старый лес и шаловливая речка и золотое солнце прислало к нам сюда с весенними лучами. И те, которые принес орел на своих крыльях, медведь прорычал в берлоге, и те, что прозвенели серебряными голосами такие же маленькие феи, как я. Слушай! Слушай!

Зажурчала, залепетала, зазвенела фея – и я узнала от нее все, все... Знаю теперь о том, что нашептывает лес. О чем лепечет речка... Про что шумит ветер...

Что посылает солнце в золотых лучах...

Как страдают люди, как веселятся феи, как живут короли и королевы...

Знаю сказки, переданные мне голубой феей. Их было много-много, но всех не запомнить. Что запомнила, расскажу, что позабыла, повторит в другой раз голубая фея.

Не взыщите...

Царевна Льдинка

На высокой, высокой горе, под самым небом, среди вечных снегов стоит хрустальный дворец царя Холода. Он весь выстроен из чистейшего льда, и все в нем, начиная с широких диванов, кресел, резных столов, зеркал и кончая подвесками у люстр, – все ледяное.

Батюшка царь грозен и угрюм. Седые брови нависли у него на глаза, а глаза у него такие, что, кто в них ни взглянет, того колючим холодом так и проймет. Борода у царя совершенно белая, и в ней словно блески от камней драгоценных запутались, и самоцветными искрами вся она так и переливается.

Но краше бороды царской, краше его высокого дворца, краше всех сокровищ три дочери царя, три красавицы царевны: Вьюга, Стужа и Льдинка.

У царевны Вьюги черные очи и такой звонкий голос, что его внизу в долинах далеко слышно. Царевна Вьюга всегда чрезвычайно весела и танцует и поет целый день.

Средняя царевна, Стужа, не уступит в красоте старшей сестре, только гордая она и кичливая, ни с кем добрым словом не обмолвится, никому головой не кивнет, и ходит, стройная да румяная, по своему терему, вполне довольная своей красотой, никому не открывая своего сердца.

Зато младшая сестра, царевна Льдинка, совсем иная: разговорчива, словоохотлива и уж так хороша, что при виде ее у самого грозного царя Холода очи загораются нежностью, седые брови расправляются и по лицу добрая, ласковая улыбка скользит. Любуется царь дочкой, любит ее и так балует, что старшие царевны обижаются и сердятся за это на царя.

– Льдинка – батюшкина любимица, – с завистью говорят они.

И красавица же уродилась младшая царевна, такая красавица, что другой такой во всем Ледяном царстве не сыскать.

Локоны у царевны – чистое серебро. Глаза – как сапфиры синие и как алмазы самоцветные. Уста алые, как цветок розы в долине, а сама вся нежная да хрупкая, как драгоценное изваяние из лучшего хрусталя.

Как взглянет на кого своими синими лучистыми глазами Льдинка, так за один взгляд этот каждый жизнь свою готов отдать.

Царевны весело живут в своем высоком тереме. Днем они пляшут, играют да дивные сказки старшей царевны Вьюги слушают, а ночью на охоту за барсами и оленями выезжают.

И тогда по всем горам да ущельям такой гул и шум поднимается, что люди в страхе от этого шума спешат из гор и из леса к себе по домам.

Царевнам только и можно ночью из дома выходить. Днем они из терема показаться не смеют, так как у царя Холода и у его дочерей-красавиц есть опасный, страшный враг.

Этот враг – король Солнце, который живет в высоком тереме, выше самого дворца царя Холода, и то и дело посылает свою рать на Ледяное царство, то и дело шлет свои Лучи узнать-изведать, как легче и лучше победить ему непобедимого врага – царя Холода. А вражда у них давнишняя, старая. С тех пор, как выстроен хрустальный дворец на утесе, с тех пор, как стали пчелы за медом в долинах летать, с тех пор, как цветы запестрели в лесу и в поле, с тех пор и поднялась между царем Холодом и королем Солнцем эта вражда не на жизнь, а на смерть.

Строго-настрого блюдет царь Холод, чтобы лукавый король не проник как-нибудь в его царское жилище, не сжег своим роковым огнем и дочерей его, и самый дворец из хрустального льда.

День и ночь стоит стража на карауле вокруг царского дворца, и строго приказано ей следить, чтобы ни один из Лучей-воинов короля Солнца не проник сюда. А царевнам накрепко запрещено выходить днем из дворца, чтобы как-нибудь ненароком не встретиться с королем.

Вот почему день-деньской, пока страшный король гуляет по своим и чужим владениям, царевны-красавицы сидят в терему и нижут ожерелья жемчужные, да ткут алмазные пряжи, да слагают дивные сказки и песни. А придет ночь, золотые звезды усыпят небо, ясный месяц выплывет из-за облаков, тогда выходят они из хрустального терема и скачут в горы гонять барсов да оленей.

Но не все же царевнам за барсами и оленями гоняться, да звезды считать, да алмазные нити выводить, да дивные песни и сказки складывать.

Пришла пора замуж царевен выдавать.

Позвал царь Холод всех трех дочерей к себе и говорит:

– Дети мои! Не все вам в родном тереме сидеть под крылышком отцовским. Выдам-ка я вас замуж за трех прекрасных принцев нашей стороны, трех родных братьев. Тебе, царевна Стужа, дам в мужья краснощекого принца Мороза; у него несметные богатства из подвесок и украшений драгоценных. Несчетным сокровищами наделит он тебя. Будешь ты самой богатой принцессой в мире. Тебе, царевна Вьюга, дам принца Ветра в мужья. Он не так богат, как его брат Мороз, но зато так могуч и так силен, что в могуществе и силе нет ему равного в мире. Он будет тебе добрым защитником-мужем. Будь покойна, дочка. А тебе, моя любимица, – с ласковой улыбкой обратился старый царь к младшей дочери Лыдинке, – дам я такого мужа, который подходит тебе больше всего. Правда, он не могуществен, как принц Ветер, и не богат, как принц Мороз, но зато отличается несказанной, безграничной добротой и кротостью. Принц Снег – твой жених нареченный. Все его любят, все почитают. И недаром всех-то он приласкает, всех прикроет своей белой пеленой. Цветы, травы и былинки чувствуют себя зимой под его пеленою точно под теплым, пуховым одеялом. Он добр и ласков, кроток и нежен. А доброе, ласковое сердце дороже всех могуществ и богатств в целом мире.

Низко-низко поклонились старшие царевны отцу, а младшая надула губки, нахмурила брови и процедила сквозь зубы недовольным голосом:

– Нехорошо ты придумал, батюшка-царь. Самого незавидного жениха мне, своей любимой дочери, выискал. Что толку, что добр принц Снег и ласков, когда он не может ни подарить мне драгоценных уборов, как Мороз сестрице Стуже, ни побиться на смерть, как принц Ветер, с врагами и всех своею силою одолеть. К тому же его старшие братья над ним такую силу взяли! Ветер его по своему желанию кружит, вертит, а принц Мороз одним мановением руки может к месту приковать, и без его разрешения бедный принц Снег не в состоянии и двинуться.

– Так это и хорошо! – произнес царь, нахмутив свои седые брови. – Принц Снег – младший из братьев, а покорность старшим – это одно из лучших достоинств молодого принца.

Но царевна все свое твердит:

– Не люб мне принц Снег, батюшка, не хочу идти за него замуж!

Рассердился, разгневался царь Холод. Дунул направо, дунул налево. Заскрипели льды-ледники, захладела земля. Все пушные звери со страху попрятались в норы, а старый горный орел вскинул крыльями, да тут же и замер в воздухе.

А царь Холод как загремит своим грозным голосом на младшую дочку:

– Что ты понимаешь, Лыдинка? Лучше мужа тебе самой не сыскать. И не смей упрямиться! Иди в свой терем и приготовься к вечеру как следует встретить жениха. На сегодняшний бал во дворец приглашены мною все три принца.

Горько заплакала царевна, но не посмела послушаться царя-батюшку и, поникнув головою, поплелась в свой терем.

Села царевна в уголок, серебряные слезинки из синих глаз роняет, и тут же эти слезинки в прекрасные бриллиантовые капельки на щеках ее превращаются.

Собрала бриллиантовые слезинки в пригоршню царевна, смотрит на них и думает: «Вот сокровища, которые я должна собирать теперь, потому что у моего жениха ничего нет и я собственными слезами должна создавать себе богатство».

Глупенькая царевна! Она не знала, что не богатство составляет истинное счастье каждого существа.

И вдруг видит царевна, что чудными огнями заиграли у нее на ладони бриллиантовые слезинки. Она испуганно подняла голову и увидела, что в окно ее терема глядит красавец мальчик, такой светлый и радостный, какого она не видела никогда.

– Кто ты? – вскричала царевна, вскакивая со своего места и подбегая к окошку.

– Я слуга одного молодого короля, который хорош, как день, могуч, как горный орел, и богат, как три царя Холода, вместе взятые.

– Богаче, чем мой отец и принц Мороз даже? – вскричала изумленная царевна.

– Куда перед ним твой принц Мороз! – насмешливо произнес мальчик. – Принц Мороз просто нищий перед нашим повелителем.

– А как зовут твоего короля? – поинтересовалась красавица.

– Его зовут король Солнце! – произнес гордо мальчик.

Едва только успел он выговорить эти слова, как царевна с криком отодвинулась от окошка и, в ужасе закрыв лицо руками произнесла:

– Уйди! Уйди! Я знаю, кто ты! Ты мальчик Луч, один из тех, которых посылает король Солнце войною на наше царство. Как ты осмелился и сумел проникнуть сюда, когда вокруг нашего дворца стоит стража?

Мальчик Луч только усмехнулся в ответ своими сверкающими глазами.

– Все ваши теперь заняты приготовлением к балу. Ваши стражи, Зефиры, разлетелись в разные стороны с приглашениями гостей. Я воспользовался этим и как самый маленький из слуг моего короля проникнул к твоему терему. Что скажешь ты на это, царевна Лыдинка?

– Скажу одно! – гневно топнув ножкою, вскричала царевна. – Скажу одно: твой король – заклятый враг наш, и я сейчас час крикну стражу, которая прибежит схватить тебя.

– Не торопись, царевна! – произнес мальчик Луч в ответ спокойным голосом. – Ну, схватишь ты меня, а потом что? Будешь кружиться, как глупая козочка, на балу с твоим женихом Снегом, и то, если ему позволят кружиться старшие принцы: Мороз и Ветер. А потом отдадут тебя замуж за бедного принца, их младшего брата, и проживешь ты свой долгий век, не видя ни роскоши ни могущества, ни богатства, ты, самая красивая из царевен. А в это время твои сестры прославятся через своих мужей. Их ждет богатство и могущество.

– Ах, правду ты говоришь, мальчик Луч, – произнесла Лыдинка, – истинную правду. – И она печально поникла своей прекрасной головкой.

Мальчик Луч долго молча смотрел на нее. По лицу его промелькнула лукавая улыбка.

– Не тужи, красавица Лыдинка! – произнес он самым ласковым голосом. – Я недаром проник в твой терем. Я прилетел сюда с целью посватать тебя за такого знатного жениха, такого богатого, что твои сестры лопнут от зависти, узнав про это. Хочешь быть женою самого короля Солнца, моего господина?

Царевна Лыдинка даже замерла от ужаса, услыша это. Она долго не могла произнести ни слова, а когда заговорила снова, то голос ее дрожал от волнения и страха.

– Нет, нет. Король Солнце наш враг. Недаром мой отец, царь Холод, всячески скрывает всех нас от него. Солнце только и ищет случая погубить нас, заключила она с трепетом.

– И ты веришь этому, маленькая царевна? – звонко рассмеялся Луч. – Все это вздор: король Солнце лучший из царей вселенной. Он заботлив и ласков, как нежная мать. Если царь Холод не хотел, чтобы вы познакомились с ним, так это оттого только, чтобы ты и сестры твои не увидели, что сам он, могущественный ваш повелитель и отец, куда слабее великого короля Солнца...

– Так вот оно что! – задумчиво произнесла царевна. – А я думала... Отчего же он воюет с батюшкой? – внезапно высказала она мелькнувшую мысль.

– Отчего? А вот сейчас узнаешь!.. – звонко рассмеялся солнечный Луч. Король Солнце любит тебя и хочет взять тебя за себя замуж, а батюшка твой против этого. Ему не выгодно, чтобы его зять был знатнее его.

– Понимаю теперь, – проговорила тихо принцесса, – все понимаю... А если я и впрямь выйду за Солнце, он нашьет мне таких же уборов и нарядов, какие Мороз сделает сестрице Стуже?

– Во сто раз краше и богаче нарядит тебя мой король, царевна! – уверенно произнес мальчик Луч.

– Ну, тогда я готова быть женою твоего короля, – весело проговорила Лыдинка. – Воображаю, как позавидуют мне сестры и сам батюшка-царь, когда увидят меня самой богатой и знатной королевой в мире!

И царевна Лыдинка гордо выпрямилась и кинула на мальчика Луча такой взгляд, точно она была уже его царицей, а он ее поданным.

– Вот и отлично, ваше высочество, моя будущая королева, – с низким поклоном произнес Луч. – Я так и думал, что вы самая умная царевна в мире и скоро поймете тех, кто искренне желает вам добра, – с тонкою улыбкою добавил он. – А теперь не угодно ли вам пожаловать за мною?

– Куда? – испуганно произнесла царевна.

– В царство короля Солнца, моего повелителя! – с новым поклоном произнес Луч.

Царевне Лыдинке очень понравилось такое почтительное обращение. Она любила лесть.

Мальчик Луч ударил в ладоши, и вмиг легкая колесница цвета утренней зари, сплетенная из лепестков роз, появилась перед нею. Две исполинские мохнатые пчелки везли ее.

– Садитесь скорее, царевна, – торопил ее мальчик Луч, в одну минуту занимая место на козлах, – а то наши кони, дети солнечных дней, замерзнут в вашем холодном царстве.

Лыдинка не заставила себя приглашать вторично. Знатность, могущество и богатство, которые улыбались ей в самом недалеком будущем, заставили ее весело и легко выпрыгнуть в розовый экипаж и они понеслись.

Изумленная стража ледяного дворца царя Холода со страхом увидела пронесшуюся мимо нее царевну, но пока успела поднять тревогу. Лыдинка с Лучом были уже далеко. Им навстречу попала бабушка Пурга, с головы до ног закутанная в свое белое покрывало.

Она грозила клюкой, стараясь преградить путь царевне, и кричала:

– Берегись, царевна, не слушай лстивых речей! Будь покорна отцу. Вернись! Вернись!

Но Луч только со смехом заглянул в лицо старухи, и та с громким проклятием со всех ног понеслась в горы.

Между тем белые ледники и сугробы исчезли. Теплом и ароматом пахнуло на царевну. Перед ней показался роскошный сад.

Там прогуливались феи, воздушные и нежные, как сон. Их длинные волосы отливали золотом, алые уста улыбались; их легкие платья, сотканные из лепестков роз и лилий, были самых нежных оттенков. Легкие и воздушные, они носились, танцуя в воздухе чуть шурша своими легкими крыльями, казавшимися серебряными в блеске майского дня.

В один миг, увидя царевну, появившуюся среди них, они залепетали звонкими, как свирель, тоненькими голосками:

1-я фея: Какая хорошенькая девочка!

2-я фея: Совсем не хорошенькая! Закуталась в такую жару и выглядит кусочком снега!

3-я фея: У нее глаза, как синее озеро!

4-я фея: Наши разноцветные глазки выглядят куда лучше!

5-я фея: Она никуда не годится. Она ничто в сравнении с нами по красоте!

6-я фея: Она тяжела и неуклюжа и не может кружиться в воздухе, как мы.

7-я фея: Просто ледяная сосулька, которой нет места в нашем чудесном царстве.

8-я фея: Уродливая сосулька, и больше ничего.

И затем все феи вместе закричали:

– Сосулька! Сосулька! Сосулька!

Бедной царевне Льдинке хотелось заплакать от горя и обиды. Но ее синие глаза не знали слез. Ее сердце только заглодело еще больше. Оно до краев наполнилось теперь гордым презрением к маленьким феям за их недоброе отношение к ней. И она гордо и громко произнесла:

– Ага, вы смеетесь теперь надо мною, я кажусь вам гадкой и смешной, но когда я буду вашей повелительницей, женою короля Солнца, вы будете низко кланяться мне и все во мне найдете прекрасным.

И как будто уже предвкушая свою победу над насмешницами-феями, царевна Льдинка гордо прошла перед ними, обдавая их холодом с головы до ног.

– Ах, противная сосулька, что она говорит? – вскричали нежные феи и угрожающе подступили к царевне Льдинке, размахивая перед самым ее лицом своими крылышками.

Вдруг смутный гул пронесся по светлому царству. Тысячи разноцветных мотыльков замесались в разные стороны. Стая жаворонков поднялась в голубом воздухе и запела хором.

Ах, что это была за песнь!

Такой песни царевна Льдинка в жизни не слышала в своих нагорных ледниках. Сестра Вьюга пела хуже, во сто раз хуже звонких жаворонков.

Мальчики Лучи появились в огромном количестве и стали двумя рядами на пышной цветочной поляне.

– Король Солнце идет! Король Солнце идет! – зашептали веселые феи и стали охорашиваться в ожидании своего молодого повелителя.

И вдруг все разом чудесно засияло в светлом царстве. Царевна Льдинка даже зажмурилась невольно. Столько блеска и света было кругом, что глазам становилось больно.

Неожиданно появился на золотой колеснице златокудрый юноша такой красоты, какой еще не видывала Льдинка. И весь он сиял; сияли даже его волосы, глаза и одежда. На пышных кудрях лежала золотая корона, от которой и происходило сияние, больно резавшее глаза. Целая свита мальчиков Лучей толпилась вокруг.

Все феи при виде короля упали на колени. Одна царевна Льдинка гордо выступила вперед. Окинув надменным взором толпу фей, она смело посмотрела на красавца короля и сказала:

– Глупые, маленькие, ничтожные дочери воздуха посмели смеяться надо мной, могучей царевной, их будущей повелительницей. Накажи их, король Солнце, накажи тотчас!

Король нежно поднял глаза на царевну.

– Вот сейчас увидите! Вот сейчас увидите! – произнесла торжествующая Льдинка, обращаясь к феям. – Я невеста короля Солнца, и вы должны поклониться мне, как вашей повелительнице-королеве.

Она хотела еще прибавить что-то и вдруг остановилась.

Целый сноп лучей вырвался из золотых очей короля Солнца. Раскаленными иглами впились они в лицо Льдинки.

Из груди ее вырвался громкий крик, ноги подкосились, глаза закрылись, и она упала навзничь, бледная как смерть.

И под жгучим взглядом короля Солнца Льдинка быстро таяла, таяла...

На горах, в ледниках старый царь Холод рыдал в отчаянии узнав про гибель дочери. Стужа и Вьюга вторили ему, оплакивая красавицу сестричку.

А Льдинка растаяла, умерла совсем, умерла, сожженная Солнцем, его золотыми глазами.

От нее не осталось уже следа, когда король Солнце приказал насмешницам-феям:

– Сплетайте хороводы и пойте песни. Я отправляюсь воевать с царем Холодом и вскоре надеюсь торжествовать победу над моим врагом.

И феи с веселыми песнями полетели в разные стороны с радостной вестью, а люди счастливыми улыбками встретили благую весть о приближении Солнца, их любимого, светлого короля...

Волшебный оби

У знатного богатого самурая¹ была дочь. Звали ее Хана. У мусме² Ханы были красивые черные глаза, блестящие волосы и тонкий нежный голосок.

У мусме Ханы была добрая душа, и про нее сложилась в Японии дивная сказка.

Я слышала эту сказку от старого седого орла, который прилетал на скалу близ священной горы Фудзияма, расположенной неподалеку от большого японского города.

Старый седой орел часто прилетал на голую скалу у берега моря и рассказывал сказки.

И вот в последний раз он рассказал о девушке Хане, дочери самурая.

Я запомнила сказку старого седого орла и от слова до слова передам ее вам.

Мусме Хане было пятнадцать лет. Только пятнадцать. Когда ей исполнится шестнадцать, отец ее, знатный самурай, придет в ее зару, в большую теплую зару, – так называется по-японски комната, – и, по принятому в Японии обычаю, принесет ей оби. Знаете ли, что значит «оби»?

Это пояс. Широкий, шелковый пояс, сотканный из пестрой или розовой ткани, нежный и красивый, как восточное утро или как полоса розовой зари над сонной страной. По обоим концам пояса спускаются золотые кисти.

Японские девушки придают огромное значение оби. Чем знатнее по своему происхождению мусме, тем пышнее и наряднее ее оби. Красивый, пышный, с вышитыми на нем цветами, птицами и веерами, он не может принадлежать простолюдинке: те носят самые скромные пояса. Зато дочери богатых самураев, вельмож и сановников одна перед другой похваляются своими дорогими шелковыми оби.

И чем знатнее, чем важнее японская девушка, тем роскошнее и богаче ее оби. Он говорит о знатности, о почетной должности ее предков и о близости их к трону самого микадо – японского императора.

Мусме Хана давно мечтала о таком оби. Он должен был быть нежно-розовый, как отблеск солнца в час восхода на голубой поверхности моря, он должен был быть воздушный и легкий, как вздох лотоса, и мягкий, мягкий, как лепесток царственной хризантемы – самого любимого в Японии растения.

Мусме Хана надеялась, что у нее будет именно такой пояс. Ее отец был очень знатный и богатый человек, и дочь его может носить только роскошный и дорогой оби. Каждый раз при разговоре об оби Хана напоминала отцу о том, что она желает иметь пояс разве только немногим хуже, нежели оби самой императрицы.

Прошел год.

Море вздулось и потемнело, потом успокоилось и к весне снова стало тихим, кротким и красивым.

Лотосы зацвели в долинах, белые и прозрачно-нежные, как щечки красавиц.

Мусме Хане исполнилось 16 лет.

С первым солнечным лучом в ее зару вошел отец и подал ей что-то, тщательно завернутое в розовую бумагу.

– Оби! Оби! – вскричала Хана и быстро стала разворачивая принесенный подарок.

О, она не сомневалась, что оби, принесенный ей отцом, будет роскошнее, красивее и богаче всех тех, которые ей доводилось видеть на ее подругах.

И что же?

¹ Так называли древних японских рыцарей, бояр.

² По-японски – девушка, употребляется в обращении.

Вместо ожидаемого нарядного подарка она увидела совсем простой темный пояс, которым обвязывают простолюдинки свои скромные платья. Мало того, этот пояс был сделан из старого шелка, расплзся от старости в нескольких местах и походил скорее на грязную тряпицу, которой опоясывают самые бедные японки свои будничные кимono.³

– Что же это? Ты смеешься надо мной, отец? – вскричала она, заливаясь слезами.

Но знатный самурай только усмехнулся себе в усы, взял оби в руки, обмотал им роскошное шелковое кимono дочки и сказал:

– Не смотри, что подарок мой прост и скромен, дочка. У этого оби есть чудодейственная сила. Пока ты носишь его и не стыдишься его убогого вида, до тех пор он будет твоим верным слугою. Стоит тебе только обернуть конец этого скромного оби через большой палец, как все, что тебе захочется, исполнится вмиг. Этот пояс достался твоей матери от волшебницы Суато, которая была ее воспитательницей и покровительницей. Но помни: в первую же минуту, как только ты застыдишься своего скромного оби и пожелаешь иметь вместо него блестящий и нарядный, он мигом потеряет свою чудодейственную силу и окажется простой негодной тряпкой. Поняла меня, дочка?

Хана поняла отлично все, что ей сказал отец. Хана была умная и понятливая девушка. Теперь она уже не горевала больше. У нее было неисчерпаемое богатство в руках, и она была счастлива вполне.

* * *

Спустя несколько дней целая толпа веселых свеженьких мусме собралась на берег моря. Они собирали красивые раковинки и украшали зелеными водорослями свои черные головки. На них были цветные пестрые кимono и самые роскошные оби, какие можно встретить только в Японии, потому что все эти розовые девушки были дочерьми самых знатных сановников Дай-Нипона, как называется японская страна.

У одной только мусме Ханы был ее скромный, ветхий, бедный пояс поверх нарядного кимono.

– Слушай, Хана! – обратилась к девушке хорошенькая дочь важного сановника. – Ты выглядишь в этом старом, грязном, поношенном поясе настоящей нищенкой; сними его и брось в воду.

– Зачем ты надела эту дрянную тряпку? – вскричала красавица Белая Хризантема, племянница одного знатного полководца.

– Мусме Хана обеднела! Надела какую-то тряпку вместо оби! Мусме Хана забыла, что ей, дочери сановника, нельзя носить такой пояс. Мусме Хана большая дурочка, если не знает этого, – задорно проговорила Розовый Лотос, дальняя родственница самого микадо.

О, это было уже слишком! Как всякая японка. Хана гордилась своим происхождением. Подобных насмешек она вынести не могла. Она окинула своих подруг презрительным взглядом и приказала им громким, властным голосом:

– Сложите все собранные вами раковины на берегу и смотрите, что будет с ними.

Розовые мусме недоверчиво покачали своими хорошенькими головками, но послушно уложили все найденные ими раковины песок и отошли в сторонку, тихо шушукаясь между собою.

Хана незаметно обернула кончик своего оби вокруг пальчика левой руки и... о, чудо!

Маленькие разноцветные раковинки мигом превратились в золотые, ярко горевшие в лучах солнца червонцы.

³ В современном русском языке «кимono» – платье японских женщин вроде халата.

– Возьмите эти червонцы и поделите их между собою! – произнесла надменно Хана и отошла от подруг с видом владетельной королевы.

Розовые мусме стали подбирать червонцы, кидая завистливые взгляды на уходившую Хану. Они решили, что перед ними не простая японская мусме, а могучая волшебница.

* * *

Было утро, золотое утро Востока. Солнце радостно купалось, как беспечный ребенок, в хрустальных водах синего океана.

Мусме Хана шла по тропинке между двумя засеянными рисом полосами поля. За нею шла огромная толпа ее подруг. С тех пор как они узнали могущество Ханы, они уже ни на шаг не отставали от нее. Хана была богата. Хана была знатна, Хана обладала чудодейственной силой. Люди богатство и знатность ставят выше всего, и немудрено поэтому, что за мусме Ханой шли теперь целые толпы ее сверстниц.

Они шли широкими полями, сожженными солнцем. Это были голые поля, на которых уже ничто не произрастало. Неурожай свирепствовал в стране, и желтые, сожженные солнцем поля не производили ни одного колоса.

Розовым смеющимся мусме то и дело попадались навстречу голодные, оборванные, озлобленные от нищеты люди; они кричали грубыми голосами:

– Вы, дети знатных богачей! Подайте нам на хлеб! Мы умираем с голода.

У Ханы было доброе сердце и чуткая душа. Чуткая душа была у мусме Ханы.

Она раздала все червонцы, которые имела, голодным, озлобленным людям, и когда у нее не осталось ни одной иены, она тихонько обернула кончик своего черного оби вокруг пальца, и миг желтые поля покрылись спелым рисом, который у японцев составляет главную пищу. Его было так много, что им можно было накормить досыта самую огромную страну.

Голодные люди бросились было собирать посева, но силы им изменили, тощие тела, изможденные голодом, не могли двигаться, слабые руки не могли работать.

Тогда они с угрожающими криками и с поднятыми кулаками кинулись к Хане.

– Ты колдунья! – кричали они. – Ты злая волшебница! Ты дала нам пищу, чтобы раздразнить нас, а собрать мы ее не можем, у нас нет сил на это! Мы тебя убьем!

У них были такие злые, свирепые лица, а глаза их сверкали такою ненавистью и злобой, что розовые мусме разбежались в страхе, и Хана осталась одна.

Ничуть не смущаясь, она снова обернула кончик оби вокруг своего розового пальчика, и что же?

Целая толпа невольников появилась среди рисового поля. Они мигом срезали жатву и, собрав в снопы, понесли с поля. Теперь уже несчастные голодающие не бранили Хану, не угрожали ей.

– Светлая богиня Кван-Нан! – кричали они. – Смилуйся над нею! Помогите ей, добрые духи, во всех ее делах!

И они стремительно кинулись следом за невольниками, уносившими рис.

Хана осталась одна.

* * *

И вдруг до слуха Ханы долетел звук песни, сладкий, как сон. Молоденькая мусме замерла на месте. Восторг наполнил ее душу; вся она превратилась в слух.

Звуки неслись из соседней рощи, лежавшей недалеко от того места, где она находилась.

Хана долго стояла без движения, пораженная, очарованная дивной песнью. От песни веяло то тихим, ласковым плеском волны, то шепотом лотосовых полей, то звуками сладкой «ше», любимого музыкального инструмента японцев.

Молоденькая мусме кинулась в рощу и остановилась изумленная перед огромным столетним деревом, у корней которого сидел красивый юноша в бедной одежде бродячего певца. Он-то и пел так сладко, что можно было невольно заслушаться его песни.

– Здравствуй, юноша! – произнесла Хана, глядя во все глаза на певца.

– Здравствуй, красавица мусме! – отвечал тот приветливо.

– Что ты поешь здесь один? – снова спросила Хана.

– Я слагаю ту песню, которую я буду петь во дворце микадо в день большого праздника, – отвечал он. – Ты знаешь, пригоженькая мусме, что наш великий микадо и повелитель хочет женить своего сына, наследника престола. В следующее новолуние в дворце микадо соберутся все знатнейшие красавицы Дай-Нипона, и между ними принц выберет себе супругу. Этой счастливнице я должен буду пропеть хвалебную песнь.

– О, благодарю тебя, певец! – вскричала Хана. – Благодарю заранее! Ведь микадо выберет сыну в жены меня и только меня.

Голубые глаза певца блеснули насмешкой. Он весело рассмеялся и вскричал:

– Слов нет, что ты очень хорошенькая мусме; но во дворец микадо проникнут только те девушки, у которых будут самые роскошные оби, то есть самые знатные мусме.

– И я буду среди них, ты увидишь это! – вскричала Хана.

Но певец только недоверчиво покачал головою. Мусме Хана полюбила ему сразу за ее красоту, но он вовсе не подозревал, что перед ним находится девушка очень знатного рода и притом обладающая такой чудодейственной силой.

Он все качал головою и чуть посмеивался румяными устами.

А Хана говорила:

– Я сорву сейчас цветок желтой хризантемы и отдам тебе. Желтая хризантема превратится в алую, как кровь, лишь только войду во дворец микадо. По этой хризантеме ты меня узнаешь. А теперь скажи, как зовут тебя, певец?

– Меня зовут Иеро! – произнес он, любуясь ею.

– До свидания, Иеро! – произнесла Хана. – До свидания во дворце микадо.

– Прощай, пригожая мусме!

Она ушла, а Иеро все смотрел туда, где она скрылась. Она по казалась ему лучом солнца, и песня не шла ему больше на ум.

* * *

В первое новолуние во дворце микадо собралась большая толпа знатнейших красавиц.

Хана, стоя у дворца, видела, как быстроногие дженерикши⁴ примчали нарядные бархатные коляски, из которых выскакивали веселые, как птички, нарядные красавицы.

Стража проводила их во дворец. Там встречали их знатные сановники и отводили в тронный зал, где приветствовали красавиц сам микадо и его сын.

Хана тоже хотела проникнуть во дворец, но суровая стража не пустила туда девушку.

У мусме Ханы был бедный, простенький оби, а простой оби мог быть только у простолюдинок.

Тогда Хана осторожно нагнула на пальчик свой простенький оби, и вот перед удивленными сторожами очутилось около дюжины Златокудых пажей, около десятка трубачей и алебардщиков и целая свита слуг.

⁴ Японские носильщики-извозчики. – Ред.

Все они толпились вокруг Ханы, на которой мигом очутилось роскошное, все затканное драгоценными камнями платье невиданной красоты. Драгоценная корона венчала ее голову. И только один темный простенький оби по-прежнему оставался без изменения, портя весь ее богатый наряд.

Но никто уже не обращал внимания на скромный оби, когда важная знатная красавица, окруженная блестящей свитой, потребовала впуска во дворец.

Стража с низкими поклонами пропустила Хану, и через минуту она предстала перед лицом микадо и его сына.

Певец Иеро был уже здесь, но Хана и не взглянула даже на бедного певца. Шепот восторга, вызванный ее появлением, совсем оглушил ее. Да и Иеро вряд ли признал бы в этой великолепной принцессе хорошенькую мусме, которую он встретил недавно, и если бы желтая хризантема, приколотая у его груди, не превратилась вдруг в алую, он никогда бы не узнал Ханы.

– Откуда эта дивная красавица? – произнес сын микадо. – Это, наверное, очень знатная принцесса. Я хочу выбрать ее в жены.

Микадо одобрительно кивнул сыну.

Принц взял за руку Хану, посадил ее рядом с собою среди общего гула одобрения и восторга. Микадо дал знак певцу, чтобы гот спел свою хвалебную песнь в честь избранницы принца, и бедный Иеро, задыхаясь от горя, потому что он успел полюбить Хану и желал иметь ее своей женой, начал свою хвалебную песнь. Он восторгался красотой Ханы, хвалил ее дивный наряд и роскошную свиту; сравнивал ее очи с ночными звездами, ее нежную кожу – с лепестком лотоса, ее уста – с кровавой хризантемой, ее маленькие ножки – с розовыми раковинами, а блестящие, черные как смоль волосы – с непроницаемой мглой восточных ночей.

И только скромный темный оби не хвалил Иеро. Хотелось Иеро видеть свою будущую повелительницу, опоясанную пестрым роскошным оби, как и подобало ее высокому сану. И он не жалел звуков, воспевая этот воображаемый, сказочно роскошный оби, который по справедливости должен был опоясывать гибкий стан красавицы.

Звуки лились, как волны, и журчали, как струи, и вздыхали, как ветер, и таяли в самой глубине сердца мусме. Сердце мусме под влиянием этих звуков наполнилось одним жгучим желанием получить такой оби. Она коснулась незаметно пальчиком своего пояса. И вдруг... о, ужас!

Исчезла нарядная свита, исчезли трубачи и литавришки, исчезли златокудрые пажи и нарядное платье и уборы. Скромно одетая мусме Хана очутилась вместо прежней нарядной принцессы перед лицом микадо и принца.

Но вместо черного старого оби ее стан опоясывал роскошный пояс самых ярких цветов.

Микадо и принц, видя это странное превращение, несказанно волновались.

– Где твоя свита, принцесса? Где твое роскошное платье? Где твоя корона? – вскричали они в один голос.

Мусме Хана быстро схватила конец оби, чтобы одним движением вернуть себе былое величие, но, увы! Роскошный оби не имел чудодейственной силы, которой обладал ее прежний скромный пояс.

Тут только вспомнила Хана слова своего отца, с которыми он дарил ей чудодейственный пояс. Вспомнила и горько заплакала.

– Обманщица! Лгунья! Ты вздумала морочить нас! Жалкая простолюдинка, разыгрывающая из себя принцессу! – вскричал разгневанный принц. – Ступай прочь, гадкая лгунья!

Хана заплакала еще горше. Она поняла, что не ее лично полюбил принц, а драгоценности и пышность, которые ее окружали. Поспешными шагами двинулась она к выходу, закрыв лицо руками под градом насмешек злорадствующих гостей. Вдруг она почувствовала, что кто-то крепко-крепко держит ее за руку.

Подняла голову – перед нею Иеро.

– Постой! Пойдем вместе отсюда, хорошенькая мусме! – произнес он, ласково заглядывая в ее черные очи. – Пойдем вместе. Я отведу тебя в мою зару, и ты будешь моей женой, потому что я вижу добрую душу в твоих глазах, нежное сердце в твоей улыбке! Мне не надо драгоценных уборов. Мне ты нравишься такой, как ты есть. Хочешь быть моей женой, красавица?

Хана молча благодарно взглянула на Иеро и подала ему руку. Она не хотела задумываться над тем, как дочь знатного самурая будет женою бродячего певца. Доброта души Иеро покорила ее...

* * *

Эту сказку я слышала от старого седого орла, который сидел на гребне скалы близ Фудзиямы. Когда он окончил ее, то прибавил тихо:

– Как странны люди! Как глупы люди! Старый седой орел умнее их. Но старый седой орел желает им счастья.

Старый седой орел желает им вечного счастья!

Король с раскрашенной картинке

Он был очень хорош. Так хорош, что настоящие, живые короли, бесспорно, позавидовали бы его блестящему виду. У него была роскошная белая, как сахар, седая борода, такие же седые кудри и большие черные глаза. На голове его красовалась золотая корона. Одет он был так, как вообще одеваются короли. Художник не пожалел красок, чтобы вырисовать его пурпурную мантию и огромный воротник из дорогого собольего меха. Да, он был чудно хорош.

И все-таки это был не живой король, а только король с раскрашенной картинке. Правда, очень нарядный, очень пышный, очень красивый король.

Раскрашенная картинке лежала в окне магазина, и прохожие целый день толпились у витрины, любуясь раскрашенным бумажным королем, сидевшим на троне и важно курившим трубку.

Это составляло большое развлечение для самого короля. Он любил смотреть на людей и внимательно приглядывался ко всему тому, что происходило за окном. И ему было очень досадно, когда на ночь ставнями закрывали окно и он не мог видеть, что делается на улице.

Но как-то раз, в один очень холодный зимний день, витрину почему-то на ночь не закрыли ставнями, и хотя стекло в окне замерзло и заиндевело, все-таки в нем осталось отверстие, через которое бумажный король мог видеть, что делалось кругом.

И вот король увидал, как к обтянутому ярким сукном подъезду большого дома один за другим подъезжали экипажи и как из них выходили важные господа и нарядные дамы и поднимались по лестнице наверх, в какую-то богато обставленную квартиру. Господа и дамы уходили в хорошо натопленные залы, а кучера остались на улице ждать на морозе.

В числе других подъехала карета, из которой выскочила молоденькая красавица и, крикнув старику кучеру: «Подождешь меня!», быстро скрылась в подъезде. Съездившись от холода, старик кучер отъехал в сторону.

Вскоре бумажный король заметил ее в окнах дома; она носилась в веселом танце, окруженная целой толпой кавалеров, раскрасневшаяся от оживления и жары.

А на улице в это время мороз становился все сильнее и сильнее, и старик кучер, поджидавший свою барышню, медленно замерзал на козлах. Его лицо посинело, руки опустились, вожжи выпали из них. Бумажный король видел, как постепенно умирал несчастный, и он, король, готов был зарыдать от ужаса, если бы только бумажные короли могли рыдать и плакать.

Красавица протанцевала долго. Когда наконец гости стали расходиться и она узнала, что ее кучер замерз, то она даже не заплакала, а сделала гримасу и сказала только:

– Ах, какая досада! Как же я теперь домой поеду?

Бумажный король был возмущен до глубины своей бумажной души. «О! – думал он. – Если я когда-либо стану настоящим королем, я не допущу ничего подобного...» И с этой думой король заснул.

Но спать пришлось ему на этот раз недолго, не потому, что было очень холодно в витрине, а потому, что его разбудили громкие голоса, раздававшиеся близко, совсем близко от него. Король протер свои заспанные глаза и увидал целую толпу людей, одетых в потертое платье, с закоптелыми от дыма, изможденными лицами. Это были фабричные рабочие, спешившие на работу. Они остановились у окна магазина и разглядывали бумажного короля, а те, которые были поближе, старались прочесть длинную подпись, находившуюся под картинкой и объяснявшую, как звали короля. Но как они ни старались, им не удалось разобрать ни одного слова, несмотря на яркий свет фонаря: они были неграмотны и не умели читать.

– Эх, не учили нас в детстве, вот и тяжко приходится под старость! – произнес один из рабочих таким печальным голосом, что сердце бумажного короля сжалось от сострадания.

«Во что бы то ни стало я по всему моему государству устрою школы и дам возможность всем и каждому учиться, сколько кто захочет», – произнес мысленно король.

И вдруг он вздрогнул, вспомнив, что он не может этого сделать. На бумажных ресницах бумажного короля задрожали слезинки. Ему стало больно, очень больно от мысли, что он только король с раскрашенной картинки, а не настоящий король.

Между тем улица оживилась. Всюду стали появляться люди. Многие останавливались у магазина, восторгались бумажным королем и шли дальше.

Вот к окну подошел какой-то важный господин в дорогой шубе с двумя нарядно одетыми мальчиками. Последние, увидав бумажного короля, вскричали в один голос:

– Папа, купи нам этого короля!

– Что? Вы хотите эту лубочную картинку? – презрительно спросил господин в шубе. – Нет, дети, я лучше куплю вам какую-нибудь хорошую игрушку.

– Да, да, ты прав, папа! Купи нам игрушку, – весело ответили дети, и все трое направились к дверям соседнего магазина. Маленькая, худенькая, оборванная девочка остановилась перед ними. Она была очень жалка в своих лохмотьях, с исхудалым от голода и нужды личиком, со впалыми, лихорадочно горящими глазами.

– Подайте, Христа ради, добрые господа! – тянула она печальным, жалобным голоском.

– Пошла прочь, побирушка! – прикрикнул на нее господин в шубе. – Много вас тут бегают без дела и кланчат подавание. Слышишь, пошла прочь!

Девочка отскочила. Слезы брызнули из ее глаз. Она пролепетала что-то о больной матери, третий день оставшейся без обеда, о том, что сама она голодна, и, глухо рыдая, опустилась на мостовую.

А господин в шубе и его дети в это время вошли в магазин игрушек, смеясь и весело болтая между собою.

Бумажный король взглянул на полумертвую девочку, и его бумажное сердце готово было разорваться на тысячи кусков, разорваться от боли и бессилия. Да, от бессилия особенно. Он вполне сознавал, что не может ничем помочь бедной девочке, потому что он – бумажный король.

Бумажный, и только. И не одной этой девочке, но вообще никому он не в состоянии помочь, не в состоянии устранить людское горе и несправедливость.

«Ах, если бы я был живым, настоящим королем! Сколько добра бы я мог сделать!» – подумал бумажный король.

И он схватился руками за голову и стал просить у судьбы или совсем лишить его и трона, и короны, и царской мантии, и даже жизни, или же сделать его живым королем. Да, живым, а не бумажным королем.

Луч месяца ударил в оконце и нежно коснулся его лица. На глазах короля заблестели слезы.

Серебряная фея лунного света, добрая волшебница Лара, проскользнув на своей голубой колеснице, увидела эти слезы и произнесла тихо:

– Я вижу в первый раз, как плачет король. Пусть это слезы бумажного короля, но раз это слезы любви к ближним, они заслуживают внимания. Ты добрый король и, наверное, будешь любить своих подданных. Я сделаю тебя настоящим, живым королем.

И фея Лара коснулась своей волшебной голубой палочкой плачущих глаз старого короля. И, о чудо! Голубые лучи полночного месяца исчезли, исчезла и темная ночь, и мигающие фонари на улицах. Исчезло и само окно игрушечного магазина. Король в один миг соскользнул с бумажной картинки и почувствовал себя настоящим королем. Он очутился в огромной дворцовой зале, на золотом троне, под пурпуровым балдахином, и вокруг него толпилась послушная толпа сановников и слуг. Длинная горностаевая мантия волной спускалась с его плеч, а от серебряной бороды и седых локонов пахло дорогими духами.

Правда, король казался очень маленьким, тщедушным, невзрачным среди высоких, рослых, толстых придворных, окружавших трон, но все эти придворные так низко и почтительно наклонили свои головы, когда он, король, поднялся на трон, что сердце короля затрепетало от радости. Он понял разом, что судьба услышала его желание и сделала его могучим властителем страны.

Не медля ни одной минуты, король разослал послов по всему городу разыскивать несчастных, голодных, нуждающихся и угнетенных и приказал раздавать им деньги, новые платья и все необходимое.

Затем король разослал гонцов по всем улицам и площадям объявить громогласно народу о том, что он выстроит школы, где будет народ обучаться бесплатно, чтобы жизнь людей стала светлее и лучше. А своих сановников король отправил ко всем богачам города, требуя от них хорошего и ласкового обращения со слугами и грозя в случае непослушания, своим королевским гневом.

Не забыл король и о несчастной девочке, умирающей от голода у витрины магазина, и велел позаботиться о ней. Народ с радостью выслушал благие вести и с громкими криками восторга кинулся во дворец приветствовать своего короля.

Все были счастливы, довольны и уходили, прославляя доброго короля.

Но счастливее всех был сам король. Он был убежден, что сделал все, что нужно для блага народа, и со спокойным сердцем укладывался спать в этот вечер в свою роскошную королевскую постель.

Лежал король в постели и думал: «Как хорошо сознавать, что ты можешь делать добро несчастным: это лучшая радость королей».

Вдруг что-то нежное, как дуновение ветерка, коснулось серебряных сединок короля.

Он быстро поднял голову. Перед ним стояла лунная фея Лара.

Ее голубая фигурка, вся насквозь сияющая в лучах месяца, наклонилась над изголовьем короля.

Король обрадовался, как ребенок, при виде своей благодетельницы.

– Благодарю тебя, могучая Лара, – произнес он с чувством, – что ты сделала меня настоящим королем и дала мне возможность совершить целый ряд добрых дел. Я надеюсь, что отныне в моем царстве не будет уже ни голодных, ни обиженных, ни печальных.

Голубая фея медленно покачала своей красивой головкой и тихо рассмеялась.

– Ты ошибаешься, король, – произнесла она с нежным, чуть слышным смехом, который походил на звуки арфы, – разве можно в один день изменить все? Король, до сих пор ты даже не знаешь, сколько горя в твоём царстве. До сих пор ты видел только то, что ты мог наблюдать из витрины магазина, и лишь тех людей, на которых ты мог смотреть из окна королевского дворца. Но если бы ты, король, объездил всю свою страну или хотя бы часть ее, ты бы убедился, что твой народ гибнет от голода, от неурожая, болезней, вражды друг с другом. И то, что ты сделал, показалось бы тебе ничтожной крупичей того, что нужно сделать для счастья твоего народа.

– Лара! – вскричал король. – Клянусь, завтра же я пускаюсь в дальний путь. Завтра же я начинаю объезжать свое королевство. Там, где я увижу голод и нужду, там должно воцариться довольство и радость. Клянусь тебе, волшебница Лара, я утру слезы моего народа!

– Это труднее сделать, чем ты думаешь, – послышался тихий, мелодичный голос лунной феи.

– И тем не менее я сделаю это! – упрямо возразил король.

Лара кивнула ему серебристой головкой и исчезла, растворилась в лунном свете. Король остался один. Он долго ворочался на своей широкой постели под бархатным балдахином и до утра промечтал о той светлой минуте, когда не будет ни одного голодного в его стране.

С первым солнечным лучом трубачи и литаврики на белых конях поскакали из дворца. За ними в золотой карете, окруженный блестящею свитой, ехал король. Он пускался в даль-

ний путь объезжать свою обширную страну и знакомиться с жизнью народа. Гонцы скакали далеко впереди королевского поезда и предупреждали каждый город, каждую деревеньку, каждое местечко о том, что едет король. И куда бы ни приезжал он, всюду его встречали нарядные, веселые, сытые люди с сияющими радостью лицами, в дорогих платьях и на золотых блюдах подносили драгоценные дары своему королю.

– Но где же голодные мои подданные? Где же нищие и бедные? – с недоумением спрашивал король окружающих.

– Ваше величество, – льстиво отвечала свита, – под властью такого мудрого, такого прекрасного короля, как вы, не может быть ни бедных, ни голодных. В вашей стране благодаря вашей мудрости и великодушию всюду роскошь, довольство и радость!

– Король улыбнулся счастливой улыбкой и довольный возвратился в столицу.

– О, как не права была Лара, когда говорила, что у меня в стране есть нищие и несчастные, – произнес он уверенно. – Я объездил полстраны и нигде не видал ни бедных, ни нищих, ни обиженных. О, как бы я хотел повидать фею, чтобы доказать, что она ошибается!

Желание короля исполнилось. В первую же ночь после возвращения короля в столицу едва только на небе показалась луна, через окно спальни проникла Лара.

– Здравствуй, король! – произнесла она и коснулась легким поцелуем серебряной головы старого короля.

– Здравствуй, Лара! Ты являешься как раз вовремя, – произнес король и стал быстро и подробно рассказывать о тех сытых, довольных и счастливых людях, которые встречали его на пути в городах и деревнях, в селах и местечках.

И вдруг послышался серебристый смех, тихий, как шелест ветра, и звучный, как ропот речки. Это смеялась Лара.

– Ах ты легковверный, беспечный король! – говорила она между перекатами смеха. – Как легко тебя обмануть!.. Зачем ты допустил льстивую свиту сопровождать тебя? Ведь она своими блестящими одеждами заслоняла от тебя всех тех, которых тебе хотелось видеть! И ты из окон твоей золотой кареты видел только золото да парчу, но не видел правды, не видел того, что ты должен был видеть, не видел нужды и скорби твоего народа... Король, хочешь, я превращу тебя в большую черную птицу, в вещую птицу, которая в несколько дней пролетит от моря до моря все твои владения вдоль и поперек и своими зоркими глазами увидит то, что всячески скрывает хитрая свита от своего короля?

– Да, да! – вскричал король. – Обрати меня в птицу, милая Лара. Я хочу видеть нужды и скорби моего народа!

Едва только успел король произнести последнее слово, как вдруг почувствовал, что у него за спиной вырастают огромные крылья и все тело постепенно покрывается пухом и перьями.

В следующую же минуту Лара распахнула окно королевской спальни, и огромная черная птица вылетела в него...

Король-птица летел долго, очень долго и прилетел в глухую маленькую деревеньку.

Солнце уже взошло и золотило верхушки деревьев, и хрустальную воду реки, и пестрые цветы за околицей.

Деревенька была мала и убога, так мала и так убога, что король-птица испугался закоптелых изб ее и покривившихся крылечек и полуразрушенных стен.

«Странно, что меня не провозили мимо этой деревеньки...» – подумал король-птица и, взмахнув своими широкими крыльями, сел на крышу крайней избы.

Вдруг он услышал жалобные рыдания и мольбы. Он повернул голову, взглянул вниз в крошечный дворик и увидел следующую картину.

Посреди двора стоял худой, жалкий человек в лохмотьях. Он казался черным от худобы. Его глаза дико сверкали, губы кривились.

Двое людей в одежде королевских слуг стояли перед ним с гневными лицами и говорили сердито:

– Что же ты? согласишься ли, наконец, исполнить наше требование? Завтра же бросим тебя в тюрьму, если ты не соберешь все деньги, какие только есть у вас в деревне, чтобы на них купить золотое блюдо и хлеб-соль королю. Он скоро снова пустится в путь осматривать свое королевство, и необходимо, чтобы его встретили с подобающей честью в вашей деревне.

– Но откуда же я возьму вам столько денег? – прошептал несчастный. Деревня наша мала и бедна. Нам почти нечего есть. У нас остались только худые, голодные коровы, и наши дети питаются их молоком. Если их продать, дети умрут с голоду.

– Это не наше дело! – вскричали королевские слуги в один голос. Приказано, чтобы вся деревня встретила короля с подобающими дарами и чтоб король видел довольные, сытые, радостные лица своих подданных.

– Ну, что ж? Берите все, коли так! – произнес угрюмо несчастный. – Но знайте, что я расскажу королю, как вы поступаете.

– Ха! Ха! Ха! – рассмеялись королевские слуги. – Ты думаешь, что мы боимся твоих угроз? Ничуть! Мы отлично знаем, что тебя не допустят к королю. А если даже твоя жалоба и дойдет до королевских ушей, то, покуда король разберется, кто тут прав, а кто виноват, уже и тебя и нас не будет на свете. Ведь ты только подумай: у короля миллионы подданных! Разве он в состоянии заниматься жалобами каждого из них? А нас-то, королевских слуг, сколько? Разве мы не сумеем объяснить королю, что ты не прав? Эх, старик, тебе же хуже будет, раз ты вздумаешь жаловаться. Да и король никогда тебе одному не поверит, когда увидит, что все другие встречают его радостными и довольными.

Королю-птице показалось, точно кто оторвал у него кусок от сердца. Теперь он понял, что волшебница Лара была права. Теперь он понял, какую дороною ценою покупались народом торжественные встречи короля. И он полетел дальше с быстротою молнии, мимо лесов и рощ, мимо сел и деревень. На дороге он увидел большой город.

На городской площади собралась толпа народа. Целый отряд воинов выстроился в шеренги. Высокий, рослый парень стоял в стороне в солдатской одежде, а возле него приютился пяток малолетних ребятишек. Худая, бледнолицая крестьянка стояла подле и заливалась слезами.

– Прощай, милый муженек, – говорила она, – прощай, голубчик! Покидаешь ты нас, оставляешь сиротинками, отправляют тебя в чужую страну воевать с лютыми врагами. Бог знает, вернешься ли ты назад. Да если и вернешься, то не застанешь нас. Умрем мы с голоду без тебя, голубчик. Не прокормить мне без тебя при нашей нужде пятерых ребятишек...

И крестьянка заплакала так горько, что сердце черной птицы замерло от ужаса.

– Зачем, зачем мои сановники не говорят мне о том, что мои воины оставляют сиротами несчастных голодных ребятишек? – прошептал король-птица и, изнывая от жалости и гнева, метнулся дальше.

В небольшом городе у церковной ограды собрались кучки людей. Они громко разговаривали друг с другом. Слышались веселые, радостные голоса. Оживленные лица мелькали вокруг. «Слава Богу, – произнес мысленно король-птица, – не все же плач и горе в моем королевстве, есть в нем и такие уголки, где царствует радость».

И черная птица спустилась на колокольню и оттуда стала смотреть, что происходит кругом. Вдруг до ее слуха донесся громкий плач. Черная птица встрепелась, стала прислушиваться. Плач раздавался из маленького, покрявившегося домика, стоявшего на краю города. Король-птица широко взмахнул крыльями, опустил у домика и заглянул в окно.

В убогой комнате сидела худая, изможденная швея, ковырявшая что-то иглою. Она уставилась в работу красными от бессонницы и труда глазами и от времени до времени смотрела на лежавшую рядом на убогой постели худенькую белокурую девочку. Девочка была бледная,

с посиневшими губами, с широко раскрытыми глазами. Бедняжку была лихорадка, и она зябко куталась в голубое стеганое одеяло, единственную роскошную вещь, находившуюся в комнате. Все остальное было ветхо, убого и говорило о страшной нужде.

Мать, глядя на больную дочь, всхлипывала. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге разом появилось двое людей. Один из них, обращаясь к бедной швее, сказал:

– Мы – королевские слуги. Мы пришли за деньгами, которые каждый житель, согласно желанию короля, обязан внести, так как король хочет раздать щедрую милостыню беднякам своей столицы.

– Но я сама бедна, и у меня нет ни одного лишнего гроша, который я могла бы отдать королю, – сокрушенно заметила вдова.

– В таком случае мы должны взять у вас какую-нибудь вещь и продать ее, чтоб исполнить волю короля.

– Смотрите, ведь у меня ничего, ничего нет, кроме тех вещей, которые вы здесь видите, а за них никто и гроша не даст.

Вошедшие окинули взором убогую комнату. Действительно, в ней не было ничего ценного. Поломанные стулья, кривой стол без ножки, полуразвалившийся шкаф – вот и все, что там находилось. Вдруг оба они обратили внимание на одеяло, которым была покрыта девочка.

– Вот это одеяло мы и возьмем, – сказали они в один голос. – Возьмем да продадим, а вырученные деньги отошлем королю.

Женщина вздрогнула. Испуганными глазами взглянула она на больную девочку, потом перевела взгляд на обоих мужчин и громко зарыдала.

– Не отнимайте у меня последнего! – молила она. – Не губите мою девочку! Я целые ночи проводила за шитьем этого одеяльца, чтобы только порадовать мою крошку. Ей стало лучше с тех пор, как я укутываю ее в это теплое одеяльце. Она умрет, умрет непременно, если ее лишит его!

– Вздор! – произнесли слуги. – Король велел, чтобы его подданные отдавали ему, что есть у них поценнее. И мы, отнимая у тебя одеяло, исполняем волю короля.

Король-птица не мог удержаться. Он решил крикнуть, что ложь, что такого приказа он не издавал, что он никогда не решился бы отнимать что-либо у своих бедных подданных. Но вместо королевского голоса раздалось лишь карканье птицы, которое осталось непонятным королевским слугам...

И они грубо сорвали одеяло с кровати девочки и исчезли за дверью.

Худенькое, иссохшее от лихорадки тельце ребенка задрожало, забилося в ознобе. Несчастная мать кинулась к дочери, обхватила ее своими трепещущими руками и старалась отогреть своим теплым дыханием.

Черная птица с громким стоном отлетела прочь от окна. Она поднялась высоко-высоко, пролетела через громадное пространство и опустилась у окна королевского дворца. Там крылья ее разом отпали, пух исчез, и вместо черной птицы появился опять седовласый король посреди своей роскошной опочивальни.

Он был бледен, и глаза его горели мрачным огнем.

– Лара! Фея Лара! – воскликнул он, протягивая руки к лучам месяца, только что выплывшего из-за туч. – Явись ко мне!

И фея Лара явилась.

– Ты звал меня, король? – послышался ее звонкий голос.

– Да, я звал тебя, – отвечал он мрачно. – Ты превратила меня из бумажного короля с раскрашенной картинки в настоящего живого властелина страны. Я хотел облагодетельствовать мою страну, хотел сделать всех людей счастливыми. Я хотел, чтобы каждый в моем королевстве был счастлив и доволен, сыт и одет. Но теперь я вижу, что сделать все это мне одному не по силам. Мои сановники скрывают от меня правду, мои слуги притесняют народ... Добрая фея,

помоги мне стать счастливым королем счастливого народа. Я все сделаю, что ты прикажешь. Я готов отдать даже жизнь за благо моих подданных.

– Этого мало, – покачав серебристой головой, произнесла голубая Лара. Твоя жизнь не принесет счастья твоим подданным, не устраним их горе, не осушит слез.

– Так что же мне делать? – в отчаянии спросил король. – Я бессилен и сам ничего не могу придумать.

– Не можешь? – угрюмо произнесла Лара. – Значит, ты не достоин быть настоящим королем, значит, тебе только и быть всегда бумажным королем с раскрашенной картинки, и не место тебе здесь, во дворце.

Фея подняла свою палочку...

Как раз в это время весь дворец дрогнул от бешеных криков восторга. Это толпа народа, с королевскими слугами во главе, собралась на улице славить своего короля.

Но короля уже не было во дворце. Раскрашенная картина, лежала на прежнем своем месте, в окне магазина, а на раскрашенной картинке красовался опять бумажный король, прежний, великолепный король в короне и дорогой мантии.

Он протер свои бумажные глаза и произнес с удивлением:

– Так это был сон? И только сон?

В самом деле это был сон и только сон бумажного короля, который впервые провел ночь при открытых ставнях.

Золотые звезды, сиявшие с неба, подтвердили об этом королю. Золотые звезды добавили еще что-то.

Добавили так тихо, что это мог услышать один только бумажный король.

Они сказали:

– Жаль нам маленького бумажного короля. Он так горячо и искренно хотел быть настоящим королем, чтобы сделать счастливой свою большую страну. Бедный маленький бумажный король! Он забыл, что мало одного такого желания! Не бумажным королям с раскрашенной картинкой быть повелителями миллионов людей... Так пусть же он довольствуется своей скромной долей привлекать искусно раскрашенной картинкой взоры прохожих.

Так говорили золотые звезды...

Фея в медвежьей берлоге

Шумел лес, гудел ветер, столетние сосны плакали и стонали... Старая колдунья Метель кружилась в дикой пляске. Дедко Мороз смотрел на нее, хлопал в ладоши и восклицал с довольным видом, потирая руки:

– Лихо! Ой, бабушка Метелица, лихо! А лес шумел, и старые сосны плакали и стонали. Кругом было темно, неприветно. Звери попрятались к себе в берлоги, чтобы переждать в них лютую непогоду. Им было весело, тепло и уютно. У всех у них были семьи, были добрые, ласковые детки, были родные.

У серого Мишки не было никого. Совсем одинок на белом свете был серый лохматый Мишка. И жил он, как отшельник, один-одинешенек в самой чаще леса, и никто никогда не заглядывал к нему.

Он был большой-пребольшой и сильный-пресильный, такой большой и такой сильный, что все его собратья-медведи казались слабыми малютками в сравнении с ним.

И все звери его боялись: и зайцы, и лисицы, и волки, и медведи. Да, даже медведи боялись его, когда он шел по лесу, весь всклокоченный, огромный и страшный, со сверкающими глазами; и как только он своей неуклюжей, тяжелой поступью выходил из берлоги, все бежало, сворачивая в сторону с его пути.

А между тем он никому не сделал зла и был страшен только потому, что одичал в одиночестве.

А одиноким он был давно. Давным-давно пришел он в этот лес из глухого, черного бора и поселился здесь, в чужом лесу, в новой, наскоро им самим вырытой берлоге.

Люди отняли у него медведицу-жену и детей-медвежат, убили их, а его самого ранили пулей. Эта пуля крепко засела в толстой медвежьей шкуре и напоминала ему о том, что люди его враги, что они сделали его несчастным на всю жизнь. И серый Мишка ненавидел людей, как только можно ненавидеть самых злейших врагов. И зверей он ненавидел: ушел от них в лес подальше и не хотел дружить с ними. Еще бы! Ведь они были счастливы по-своему, а ему одинокому, обиженному и одичавшему, было больно смотреть на чужое счастье.

В те дни, когда кружилась метель и пел ветер, он чувствовал себя лучше, и легче и веселее становилось у него на душе. Он залезал в свою берлогу, лизал лапу и думал о том, как злы и жестоки люди и как он ненавидит их – он, большой, серый, косматый медведь.

Шумел лес, кружилась метелица и старые сосны скрипели.

Мишка лежал на своей постели из мха и листьев и ждал приближения ночи. Ему хотелось уснуть хорошенько, чтобы забыть и злобу, и ненависть, и тоску.

И вдруг в полутьме его берлоги что-то блеснуло неожиданно ярко. Какой-то розовый комочек перекувырнулся в воздухе и упал к самым ногам медведя.

Мишка наклонился, взял в лапу розовый комочек и поднес его к самым глазам, стараясь рассмотреть неизвестный предмет.

Смотрел Мишка, смотрел – и брови его нахмурились, глаза сверкнули.

– Неужто человеческое существо! – произнес он сердито. – Хотя и крошечное, маленькое, а все-таки человеческое существо, человек. Да, да, не что иное, как человек.

Действительно, то, что лежало бездыханное на широкой мохнатой его лапе, было очень похоже на человека; только оно было ростом в мизинец, не больше, и с лучистыми крылышками за спиной.

Оно казалось мертвым, это маленькое человеческое существо со светящимися крылышками за спиной, с прелестным, хотя и посиневшим от холода личиком.

Но медведь злобно смотрел на маленькое существо, не замечая, как оно прекрасно. Ему хотелось уничтожить его, потому что маленькое существо было похоже на его врага – человека.

Мишка уже занес другую лапу, чтобы убить ею малютку, как вдруг согретое горячим медвежьим дыханием маленькое существо ожило, встрепенулось, открыло глазки и зашевелилось своими лучистыми крылышками... И вся внутренность берлоги сразу осветилась ярким светом, и странные звуки точно серебряного колокольчика, звуки, каких угрюмый Мишка никогда в жизни не слышал, наполнили все уголки и закоулки его жилища. И показалось Мишке, что в его берлоге стало светло, как в первый день ясного мая, и что запахло в ней цветами, весенними душистыми цветами старого леса...

А странное существо с блестящими крылышками, раскрыв, свои глазки, залилось звонким смехом.

– О-о, какой смешной, странный медведь, – звенело оно, – какой большой, дикий медведь! Не думаешь ли ты убить меня? Ха, ха, ха, ха! Вот глупый, глупый Мишка! Поднял свою косматую лапу, ворочает своими свирепыми глазами и думает, что напугал этим маленькую фею.

– Разве ты фея, а не человек? – удивился медведь.

– Ну, конечно, фея, глупый! Люди велики и неуклюжи, а я мала и изящна, как цветок. Вглядишься-ка в меня хорошенько. Разве бывают люди такие грациозные, такие подвижные, как я? И потом, я не боюсь смерти, как люди! Если ты убьешь меня, я превращусь в тот цветок, из которого я появилась, и новая жизнь улыбнется мне. Бабочки будут порхать вокруг меня, пчелы станут напевать свои мелодичные песенки, а серебряный луч месяца расскажет мне такие чудесные сказки, каких ты, большой, серый, неуклюжий медведь, наверное, не слыхивал. Когда же придет осень и цветы завянут, я превращусь снова в фею, лучистую, красивую, как сейчас, и улечу на зиму в южные страны.

– Но как же теперь, в такую стужу, ты осталась здесь и чуть живая очутилась в моей берлоге? – заинтересовался медведь.

Фея засмеялась еще веселее.

– О, о, это мой маленький каприз! – вскричала она весело. – Я хотела увидеть зиму, метель, вьюгу, я хотела услышать песенку ветра, чтобы потом похвастать всем виденным перед моими подругами! И я спряталась в дупло старой сосны, думая полюбоваться оттуда на все это. Но стало холодно, так холодно, что я заоченела. Я привыкла к теплу и свету, к радостям жизни и аромату цветов. А тут еще старый дятел, хозяин дупла, выгнал меня из своего жилища. Глупый дятел совсем не понимает вежливого обращения с такими хорошенькими феями, как я. Ветер подхватил меня, вьюга закружила мне голову и... и не знаю, как я очутилась в твоей берлоге, на твоей косматой лапе, серый медведь.

– А ты не боишься, что я съем тебя? – поинтересовался снова Мишка.

– Нет, не боюсь... Я самая хорошенькая фея, какая может только встретиться в вашем лесу, и тебе жаль будет съесть меня, – снова засмеялось-завенело странное существо. – И потом я буду рассказывать тебе сказки, и тебе будет веселее со мною, чем одному. О, ты не знаешь еще, какие сказки умеет рассказывать фея Лиана.

– Тебя зовут Лиана? – осведомился медведь.

– Да, меня зовут Лианой! Розовый Май, мой крестный отец дал мне это хорошенькое имя. Что же, ты все еще хочешь прогнать меня из своей берлоги? Или ты хочешь съесть меня, глупый серый медведь?

Медведь нахмурился и усиленно засосал лапу. Ему жаль было расставаться со звонким и нежным, как серебряный колокольчик, смехом, и с ярким светом в своей берлоге, и с ароматом весенних цветов, который наполнил ее с появлением феи.

Но она, эта маленькая фея, так была похожа на человека, а он, Мишка, ненавидел людей и обещал отомстить им за то, что они сделали его одиноким. Не отомстить ли ему заодно и маленькой фее?

Пока Мишка думал о том, как ему быть, фея, не дожидаясь, начала тихонько, вполголоса, рассказывать ему сказку, такую сказку, какой, наверное, не знал сам могучий зеленобородый хозяин леса, лесовик.

А когда Лиана кончила свою сказку, суровое, угрюмое выражение сошло с морды медведя, складки на лбу расправились и глаза загорелись приветливым, мягким светом.

– Ты можешь остаться в моей берлоге! – разрешил он милостиво Лиане. – Тебе будет здесь тепло, хорошо и уютно!

И Лиана осталась.

«У меня была медведица-жена и трое медвежат, ласковых и игривых. Их отняли злые люди, и я остался одиноким, угрюмым медведем. Звери боятся меня. А Лиана не боится. Она доверяет мне. Она садится мне на лоб и тормозит меня за уши, она трогает мои острые, огромные зубы своими нежными пальчиками, дует мне в глаза, а когда я морщусь от этого, она заливается звонким смехом над моими невольными гримасами. Она не боится меня, не чуждается, она привыкла ко мне и не хочет мне зла. Злые люди отняли у меня медведицу и трех славных медвежат, а судьба за это подарила мне Лиану. Буду заботиться о Лиане за ее доброту и ласку ко мне», – так рассуждал медведь, ступая по лесу, а звери с недоумением смотрели ему вслед.

– Удивительно, что случилось с нашим букой. Он выглядит много приветливее и добрее! – говорила кумушка-лисица молодому лесному волку.

Тот прищурился вслед медведю и, виляя хвостом, процедил сквозь зубы:

– Не удивляйтесь. Если бы в вашей норе стало так светло, уютно и прекрасно, как у него в берлоге, вы бы тоже изменились, как он.

Фея Лиана совершенно преобразила суровую, неприветную берлогу Мишки.

Вместе с ярким светом своих крылышек, вместе с ароматом цветов и журчаньем сказок она внесла веселье, жизнь, сердечность и радость в угол бедного одинокого медведя.

И Мишка за это платил беззаветной преданностью и верной службой маленькой фее.

Он всячески старался угождать ее малейшим капризам, угадать каждое ее желание.

А желаний и капризов у феи Лианы было немало.

Однажды ей захотелось иметь тот цветок розы, который она видела когда-то в окне соседней с лесом деревушки.

Мишка отправился в деревню и похитил цветок, рискуя собственной шкурой. Но оказалось, растение представляло один только жалкий стебелек с листьями, а самого цветка уже не было на нем. Роза давно отцвела.

Лиана затопала ножками от досады и успокоилась только тогда, когда Мишка, вместо розы, устроил ей крошечную колесницу из сосновой хвои, впряг в нее белку, пойманную им в лесу, и Лиана могла разъезжать в своем новом экипаже по всей берлоге.

Но интереснее всего было то, что фея Лиана научила плясать угрюмого, серого Мишку.

Когда ей надоедало рассказывать сказки или кружиться по берлоге со своей белкой, она заставляла петь сверчков в углу их жилища и приказывала Мишке плясать одну из тех неуклюжих потешных плясок, которые умеют исполнять одни лишь медведи.

И Мишка плясал, чтобы только угодить своей маленькой гостье. А когда он уставал и пот градом катился с его тяжелой шкуры, Лиана вспархивала ему на голову и махала над ним своими легкими крылышками, и медведю от этого становилось прохладно и легко. Так весело и хорошо протекало время в медвежьей берлоге. Серый медведь давно забыл свое горе. Он крепко полюбил Лиану и, не задумываясь, отдал бы жизнь за нее.

Наступила весна. Снег в лесу растаял. Потекли быстрые ручейки в ложбинах. Белый подснежник сиротливо выглянул из зеленой травы.

Мишка увидел подснежник, сорвал его и принес Лиане. Веселая фея при виде первого весеннего цветка побледнела разом и стала сама белее принесенного подснежника. В глазах

Лианы отразилась безысходная грусть. Она сложила свои крылышки и вся опустилась и потемнела.

– Что с тобою, Лиана? – испуганно наклонился к ней медведь.

– Ах, ничего, ничего... – произнесла она таким голосом, от которого болезненно замерло медвежье сердце.

Но расспрашивать про ее горе он не посмел, потому что боялся еще более растреволить маленькую фею.

Прошел еще месяц, и лесная лужайка запестрела цветами. Красавчик Май выглянул из своей нарядной колыбели и поздравил с праздником природу. Ему ответил жаворонок мелодичной и звонкой трелью. Эта трель достигла слуха Лианы. Она затрепетала и забилась от нежных звуков птичьей песенки. Глаза ее широко раскрылись, в них появились слезы.

Медведь увидел эти слезы и произнес с чувством:

– Люди, слышал я, плачут много и сильно, но феи – никогда. Только большое горе может вызвать слезы на веселых глазах фей. У тебя, вероятно, есть какое-нибудь горе. Ты хочешь на волю, Лиана, к таким же веселым, маленьким феям, как и ты!

Но фея заплакала еще сильнее, услышав эти слова.

– Нет, нет, я не уйду от тебя! Лиане жаль оставить тебя снова одиноким, говорила она. – Ты будешь скучать без меня, потому что я успела своими сказками, своей веселой болтовней и смехом заставить тебя забыть твое горе. Нет, я не уйду от тебя, я не хочу быть неблагодарной: ты дал мне приют в своем жилище, когда мне некуда было деваться, ты спас меня от стужи и смерти... Нет, нет, я не оставлю тебя! Будь покоен, мой Друг! Сердце Мишки забилося радостно и тепло. Он понял, что не все в мире несправедливы и жестоки. И он еще крепче полюбил своего друга – маленькую фею за ее слова.

Все пошло по-старому, только Лиана не выглядывала больше из медвежьей берлоги и поминутно затыкала свои маленькие уши, чтобы не слышать трелей жаворонка, заливавшегося в лесу.

И вдруг однажды, когда медведь дремал на свежей моховой постели, а Лиана, сидя около его уха, шептывала ему свои прелестные сказки, в берлогу влетел хорошенький голубой мотылек. На спине мотылька сидела чудесная маленькая фея, как две капли воды похожая на Лиану.

– Привет тебе! Привет тебе! – залепетала она, бросаясь в объятия Лианы. Наконец-то я нашла тебя, сестра! Я искала тебя по всему лесу, чтобы сказать тебе приятную новость. Завтра в первое новолуние мы, лесные феи, празднуем избрание нашей королевы. Каждая из нас расскажет то, что видела интересного за эту зиму. И та, чей рассказ будет лучше всех, сделается нашей повелительницей. Я прилетела известить тебя об этом сюда, потому что лесная мышь сказала мне, что тебя можно найти в медвежьей берлоге. Смотри, не забудь прилететь завтра на наше торжество.

И, прозвенев все это своим колокольчиком-голоском, фея-гостья снова умчалась на спине своего возницы – мотылька.

Мишка взглянул на Лиану. Она лежала, вся съежившись, в самом дальнем уголку берлоги. Ее глаза, широко раскрытые, выражали такую безысходную тоску, что медведь не выдержал и произнес глухим, убитым голосом:

– Ступай, Лиана! Ступай обратно в твое майское царство зелени, песен и цветов! Ты появишься среди веселых маленьких фей, расскажешь им про дружбу и преданность сурового одинокого медведя, и они выберут тебя своей королевой, потому что твоя сказка будет самой интересной из всех. Прощай, Лиана, лети в свое царство! Феи должны быть свободны, должны жить и радоваться среди цветов, и не место им в темной и душной звериной берлоге. И с этими словами он сиротливо поник своей косматой головой.

Лиана вострепнулась. Ей было бесконечно жаль оставить доброго, славного Мишку, которого она успела приучить к себе и которого заставила забыть его одиночество; но в то же время ее неудержимо тянуло в царство маленьких фей, зелени, цветов, в царство веселья и радости, из которого она явилась. Недолго колебалась маленькая, розовая фея. Бросила она последний взгляд на медведя, кивнула ему хорошенькой головкой и, расправив блестящие крылышки, нежно прозвенела ему на ушко свой прощальный привет. А потом, с болью в сердце, но с сознанием возвращенной свободы, улетела, как быстрая птичка, из медвежьей берлоги.

Она примчалась с быстротою молнии на посеребренную лунным сиянием цветочную поляну как раз в ту минуту, когда под звуки соловьиной песни одна из фей, сидя на троне будущей королевы, закончила свою сказку.

Вокруг трона королевы, на чашечках ночных фиалок, сидели крошечные феи и аплодировали рассказчице.

– Ее сказка лучше всех остальных! – звенели они своими колокольчиками-голосами. – И прелестная рассказчица должна быть нашей королевой.

Но тут появилась Лиана и, опустившись на цветок дикого левкоя, рассказала им правду-быль о том, как злой, страшный, угрюмый, дикий медведь стал добрым и кротким с тех пор, как в его берлоге появилась крошечная фея, и как он полюбил фею, как заботился о ней и как ему не хотелось расставаться с нею. А в заключение она рассказала и о том, как самой фее жаль было оставить одинокого Мишку с разбитым сердцем...

Эта сказка была так хороша, что даже соловей затих, прислушиваясь к красивому повествованию.

И маленькие эльфы плакали, слушая сказку Лианы, плакали, слушая сказку о разбитом медвежьем сердце.

И когда она кончила, цветы и феи, соловьи и ночные бабочки аплодировали ей.

И все в один голос выбрали ее королевой. Светляки зажглись в траве и осветили картину ночного майского праздника. Лиану посадили на трон, и многочисленная свита воздушных маленьких фей старалась предупредить каждое желание новой королевы.

Но королева смотрела печально на всех своими красивыми глазками.

Ей представлялась далекая, темная берлога, невзрачная постель из старых листьев и мха и одинокий, бедный, печальный медведь, думающий с тоскою о ней королеве...

Чародей Голод

Широко раскинулись огромные палаты именитого боярина Коршуна. Богат и знатен боярин. Много у него всякого добра казны в больших укладках и ларцах напрядано. Много тканей, бархата, парчи, мехов собольих да куньих да камней самоцветных и зерен жемчужных схоронено под крышками тяжелых кованых сундуков. По всему дому, неслышно скользя, снуют челядинцы (слуги) боярина. Много их у него. И все-то они сыты, одеты и обуты. Для всех их много хлеба и всякой снеди в амбарах и кладовых боярских припасено.

Любит боярин вокруг себя видеть сытые, довольные, радостные лица. И чтобы довольны были своей жизнью слуги боярские, чтобы радостно улыбались их лица и чтобы восхваляли они своего боярина честь честью, ничего для них Коршун не жалеет.

Кушайте, мол, сладко, пейте досыта!

Кушает вволю боярин, кушает и челядь его пироги подовые, масляные, всякую живность, курей да уток, пьет пиво да брагу, мед да вина заморские с боярского стола вдоволь, досыта.

А чтобы сытно кушать да вкусно пить боярину Коршуну, его семье и челяди, собирает боярин дань со своих мужиков, которых ему давно с вотчинами пожаловал батюшка царь. Мужики до пота лица трудятся, хлебушка нажнут, обмолят, смелют и боярину Коршуну шлют; и пряжи всякой посылают, и полотна.

И живет боярин трудами своих мужиков-работников, живет припеваючи. Только однажды послал гонцов боярин по своим вотчинам и деревням, чтобы собрать с мужичков обычную дань, а гонцы встревоженные и взволнованные назад воротились.

– Ничего не привезли тебе, боярин! В твоих деревнях Чародей Голод поселился. Он там хозяйничает, – говорят ему. – Из-за него в этот раз ничего от мужиков твоих получить нам не пришлось.

Крут был нравом, вспыльчив боярин Коршун.

– Какой такой Чародей, – кричит, – какой такой Голод? Знать его не знаю, ведать его не ведаю! Чтобы было мне все по-прежнему: и мука, и полотно, и пряжа, все, чем мне мужики мои до сих пор челом били!

Испугались боярские гонцы хозяйского гнева. Стоят ни живы, ни мертвы перед боярином. Дрожат, трясутся.

– Ничего, боярин-батюшка, поделаться нельзя, – снова лепечут. – Засел крепко-накрепко в твоих деревнях Чародей Голод, всеми мужиками твоими распоряжается, словно в тисках их держит, поля их сушит, коровушек и лошадей губит. Скоро до самих мужиков доберется!

– Ой ли? – гаркнул боярин. – Ой ли? Неужто ж так силен и могуч Чародей Голод?

– Очень могуч, боярин-батюшка! – отвечают насмерть перепуганные гонцы.

– Так могуч, что и не победить мне его? – еще пуще того рассвирепев, спрашивает боярин.

Слуги молчат, трясутся от страха и чуть слышно шепчут:

– Очень могуч Чародей Голод!

– А когда так, – совсем уже разгневался боярин, – когда так, то я знаю, что сделаю. Гей, люди! Готовьтесь в путь, запрягайте сани, собирайтесь в дальнюю дорогу! Побольше всякой снеди с собой берите! Хочу Чародея Голода сыскать, на бой его вызвать и побороть его, негодного! И жену-боярыню, и детей моих возьму с собою – пусть посмотрят, как боярин Коршун с Чародеем Голодом борется будет.

Поднялась суматоха в боярском доме. Засуетились слуги, засуетилась дородная хозяйка-боярыня. Забегали дети хозяйские. Все в путь готовятся, снаряжаются.

На кухне боярской дым коромыслом стоит: пироги да яства разные для дороги готовят, хлеб да разные припасы на возы да телеги складывают, бочки брагою и вином наполняют, чтоб для всех хватило.

Шутка ли, всем домом в путь подняться! Поднялись, однако. Тронулись.

Перед боярскими санями гонцы скачут верхами, народ разгоняют с пути. Оповещают всех криками, чтобы сторонились, значит, что знатная особа боярская в санях едет.

День, другой, третий проходит. Неделя, другая, третья.

По дороге останавливаются лошадям отдых дать, самим размяться. На исходе месяца доехали до боярской вотчины. Люди из избы выскочили встречать редких гостей. Господи Боже мой, и что это за люди были! Худые, измученные – кожа да кости... Глаза как плоски, у всех огромные, так и горят. Желтая кожа отвисла на лице и руках. Голоса как из-под земли звучат, глухие страшные.

– Здрав буди, боярин милостивый! – кричат. Да крик у них такой слабый, что до ушей боярских дойти не может.

– Что такое? Что с вами? – удивляется боярин, обращаясь к голодным, измученным людям.

– Это нас так Голод разукрасил, – отвечают ему несчастные. – Уморить он нас всех хочет. Ни крошки хлеба не оставил. Вот который день уже голодаем. Помогите нам, боярин, у тебя хлеба да припасов в твоих амбарах много. Вели, боярин, отпустить.

Не нравится боярину речь мужиков, помогать им не хочется. Мало ли их тут? Всех не обделишь.

Скуп был боярин и не умел людей жалеть. Да и не для того в дальний он путь отправился, чтобы мужикам свои запасы отдать. Другое его тешило и занимало: какой такой из себя Чародей Голод, мыслит он, и как бы найти его да на бой вызвать, чтобы он не смел ему, Коршуну, перечить? А то, что же это? Который месяц боярин дани со своих вотчин собрать не может, из-за какого-то Чародея Голода убытки терпит!

Нет, надо его найти и победить непременно, лютого врага. И стал спрашивать голодных мужиков боярин, как найти Чародея Голода, как встретить его?

Но мужики не понимают, чего от них боярин хочет. Одно только твердят:

– Помогите нам, боярин, Христа ради!

А боярин разгневался пуще. Велел поворачивать сани и в другую вотчину ехать.

Повернули сани и поехали лесом, большим, густым, непроходимым. Как выехали на опушку, так темно, темно в санях крытых, точно ночью, стало. А тут еще метелица с вьюгой поднялась. Кружит, свистит, хлопьями снега забрасывает. Мучились, мучились, из сил выбились.

– Стойте! – кричит боярин, – переждем здесь метелицу, отдохнем. Запасов у нас дня на три хватит. К этому времени метель пройдет.

Выпрягла челядь лошадей.

День отдыхают, другой, третий, а вьюга не унимается. Всю дорогу занесло. Не выбраться. А припасов, что взяли с собою, все меньше да меньше становится. Наконец настал день, когда все припасы поели; больше ничего не осталось: не то что пирогов да живности – ни единой даже краюшки хлеба. А метель все кружит и поет и дорогу все больше и больше заметает...

Есть страшно людям хочется, а из леса выхода покамест не видно. Снежные заносы кругом.

Слуги волноваться начали. Ропщут.

– Есть хочется, боярин. Невмоготу!

А боярину и самому тяжело.

Дети боярские, уже третий день ничего не получая, захворали у него в возке. Жена стонет, мечется, смерть призывает. У старшенькой дочери боярина, боярышни Фимы, судороги уже делаются. И кричит страшным голосом Фима:

– Есть хочу, тятя! Дай мне хлеба, тятя! Умираю!..

Света не взвидел боярин от этих криков дочери. Ударился головой о стенку колымаги и заплакал навзрыд, поднимая руки к небу.

– Смилуйся, Господи! Помоги мне! Половину имущества моего раздам мужикам! Все свои запасы хлебные раскрою перед ними! Помоги мне! Спаси Фиму, жену, деток!

Сказал, поднялся с полу, посмотрел в окно возка и тихо вскрикнул.

Видит боярин, у самой колымаги стоит огромное худое чудовище. Лицо у него страшное, костлявое, как у мертвеца. Коса за плечами, руки и ноги, как жерди, повисли – болтаются.

– Узнал ты меня, боярин? – спрашивает, смеясь, страшное чудовище. – Я Чародей Голод, тот самый, которого ты на бой вызвать хотел.

– Узнал! – лепечет боярин.

– Что же ты на бой меня не вызываешь? – снова смеется чудовище. – Я жду, есть у тебя оружие, боярин? Не с пустыми же руками ты со мной бороться будешь. Иль ты меня богатством своим победить хочешь, боярин?

– Милостями постараюсь победить тебя, батюшка Голод, – отвечает боярин, милостями. Сам теперь знаю всю силу твою!

И низко, низко поклонился Чародею Голоду боярин Коршун.

Словно чудом стихла метель, расступились снежные сугробы и выехали на дорогу боярские сани. Вернулись в вотчину голодную и тут боярин сам вышел к голодным мужикам и дал всем им торжественное слово, что пришлет им хлеба и муки из своих боярских амбаров.

И всю свою казну, какая с ним была, беднякам роздал.

С тех пор круто изменился боярин Коршун: не только себя, свою челядь жалеет, но и мужиков своих не забывает, часто наезжает в свои вотчины, голодных кормит, бедняков наделяет щедро и торогато своей казной.

И хоть казны этой меньше у боярина стало, зато богат боярин любовью народной и счастьем окружающих людей.

Победил не к худу, а к добру боярина Коршуна Чародей Голод.

Дочь Сказки

Там, где сплелись ветвями ивы зеленые, где глухо шумит день и ночь большое лесное озеро, там, куда золотые звезды заглядывают по ночам робко и пугливо, там живет Сказка-королева.

Много лет королеве, старая она, не одну сотню тысяч лет живет она на свете. А по лицу и не подумаешь, что такая старуха Сказка. Лицо у нее гладкое, юное, свежее и такое прекрасное, что звезды любят, глядя на нее, а озерные волны глухо шумят, красоте ее завидуя. Глаза у Сказки темные, глубокие и так горят, что глядеть жутко; щеки румянцем пышут; алые губки как птички щебечут; волосы у Сказки золотой сверкающей волной спускаются до самой земли.

Одета она всегда пестро и нарядно в одежду не то лиловато-красную, не то голубовато-розовую. И белого, и желтого, и зеленого много в ее наряде. А на голове – веночек из цветов, такой душистый, что голова кружится, если близко подойти к Сказке.

Живет Сказка-королева в самой чаще зеленого леса. Там у нее замок построен, огромный, нарядный. Стены замка кружевные, ажурные, из листьев тополей серебристых и плакучих белостволых берез и ив; трон – из незабудок и ландышей лесных; стража – двенадцать великанов дубов. Стоят они караулом вокруг дворца Сказки-королевы и охраняют свою повелительницу.

Днем спит Сказка на душистом ложе из полевых цветов, а ночью, когда загорятся на небе золотые звезды, тогда пробуждается Сказка, протирает свои темные, красивые глазки и начинает говорить, но так, что кажется, точно поет кто-то среди ночной тишины. Все громче и яснее звучит ее плавно текущая речь. И весь лес, все ее зеленое царство пробуждается тогда и сходится к ее замку: приходят звери, слетаются птицы, букашки и мошки, приползают, шурша по траве, змеи и гады.

И все слушают, слушают.

И звери, и птицы, и гады, и мошки целые часы стоят вокруг неподвижно, словно зачарованные сладким лепетом Сказки-королевы.

Ах как хорошо, как захватывающе интересно все то, что она им говорит! А говорит она много, без усталости, говорит о том, что делается на земле и под землей, в морях и на небе, какие светлые духи живут высоко за облаками, какие темные чудовища находятся под землей и в воде. И звери, заслушавшись Сказку, покорно ложатся у ее ног, и змеи смотрят на нее умиленными глазами, и бурные волны стихают, не завидуя больше ее сверкающей красоте, а золотые звезды улыбаются еще мягче и ласковее с далекого неба. Улыбаются и кивают Сказке-королеве. И только с первыми лучами солнца замолкает Сказка и, утомленная и счастливая, падает на свое душистое ложе и засыпает на нем, как беззаботный ребенок на руках няньки.

А двенадцать сторожевых дубов простирают над нею ветви, чтобы защитить ими от солнечных лучей и жары свою королеву...

* * *

Всем хороша и радостна жизнь Сказки в ее зеленом царстве. Всем хороша, только...

Одно горе у прекрасной королевы, большое горе! Есть у Сказки дочка Правда-королевна. Вы думаете, что такая же она красавица, как и ее мать? Нет! Вы думаете, что у нее, как у ее матери, глаза сверкают, как звезды, и глубоки, как волны лесного озера? Нет! Вы думаете, что лицо у нее румяное и розовое, а губки милы и постоянно смеются? Опять нет!

Насколько мать приветлива и прекрасна, настолько дочь ее резка со всеми и некрасива.

Королевна еще девочка, а на вид старше матери. Худая, бледная, со старушечьим лицом, с мрачно горящими глазами, пронизывающими, как молнии, с длинными черными волосами.

Правду-королевну никто не любит в зеленом лесу. Звери при виде ее ворчат глухо и свирепо. Змеи шипят, посверкивая на нее своими маленькими злыми глазками, а мошки стараются досадить ей, чем только могут.

Давно бы расправились с нею и звери, и гады, да только из любви к ее матери Сказке не трогают королевну Правду, да боятся строгого взгляда ее больших, блестящих, страшных глаз. Глаза у Правды такие, что от них за десятки, за сотни верст убежать хочется. Так и жгут они, так и пронизывают душу. Подойди-ка к ним, попробуй – не подступишься! А больше всего глаза эти смущают саму Сказку.

Только зачарует кого-нибудь чудными рассказами Сказка-королева, а в эту минуту взглянет Правда на мать своими молниями-глазами, и пошла потеха: запутается, собьется Сказка, слова рвутся с языка, а выйти из уст не могут. Ни единого звука не в силах под взором дочери произнести старая королева. Беда, да и только!

И звери рычат, и змеи шипят на Правду, а ей хоть бы что!

Смеется!

Пристали как-то звери к королеве с просьбой:

– Накинь ты на глаза дочери покрывало, чтоб не видели мы их, чтоб не смущали они зря ни тебя, ни нас.

Послушалась королева. В темноте нежных ночей по ее приказанию мотыльки тишком сплели из лепестков розы и дикого жасмина пестрое покрывало на глаза Правды.

Перестали сверкать молниями глаза королевны. Да только от этого лучше не стало. Придет на ночной праздник Правда и в самый разгар рассказа матери возьмет и сорвет покрывало с глаз.

И опять засверкают молнии-глаза, и опять сбивается и путается в речах королева Сказка. А Правда заливается, хохочет:

– Не так-то легко победить меня, милые!

Снова просят Сказку-королеву звери, гады, насекомые, птицы:

– Отдай ты дочку замуж, Сказка, да подальше куда-нибудь за море, чтобы не мешала она нам жить, радоваться и твой голос слушать.

Приздумалась королева Сказка. Жаль ей дочери. Любит она по-своему проказницу Правду. Тяжело с ней расстаться. Да вот беда: уж очень она своими проделками всем подданным надоела, жить им мешает.

Захочет ли волк у пастуха из стада ягненка утащить, глядишь а Правда тут как тут: сверкнет своими молниями-глазами, и волк со страху в три прыжка за версту от стада очутится. Повздорят ли звери из-за чего-нибудь (мало ли споров между своими бывает), а Правда опять уж тут. Не стыдит, не бранит их, а только посмотрит, ой-ой как посмотрит! Жутко на душе становится. Брр! И, не окончив спора, расходятся по своим берлогам звери. А уж про то, как она матери наперекор все делает, и говорить нечего.

Подумала-погадала Сказка-королева и решила отдать замуж дочку.

Разослала она зеленых кузнечиков и легкокрылых бабочек по всему свету сватать женихов дочке.

Приехали женихи.

И не один приехал, и не два, а целая дюжина женихов сразу. На подбор красавец к красавцу, молодец к молодцу. Все заморские короли и принцы. Разные здесь были: и принц Богатырь, и принц Победа, и король Сила, и король Мир, и королевич Дружба, и принц Любовь, и принц Слава, и еще другие – всех не перечесть.

Черный Ворон стоял у входа во дворец и каркал во все горло, восхваляя достоинства Правды-королевны. Каркал Ворон о том, что у нее, у Правды, все есть: и могущество, и красота, и добродетель.

А в первой зале дворца встречала женихов сама Сказка-королева:

– Милости просим, гости дорогие, добро пожаловать.

Голос у Сказки, как свирель, сладкий, а глаза так и зачаровывают.

Короли и принцы, как увидели королеву, красавицу писаную, так и зашептали в восторге:

– У такой красавицы не может быть некрасивой дочери. Покажи дочку, королева!

Кликнула Правду Сказка. Выбежала королевна, сдернула с глаз покрывало. Да как взглянет!

Господи Боже мой! Что в этом взгляде было? Женихи все, как один, в обморок попадали, а как в себя пришли, давай бежать из дворца Сказки-королевы.

– Ну и дочка! Ну и Правда-королевна!

А Правда заливается, хохочет.

– Вот и просватали меня! – говорит. – Куда только женихи делись?

Пуще закручинилась Сказка-королева. Не выдать ей замуж дочки. Так дурна собой Правда, что от нее всякий жених за тридевять земель бежит. Что теперь с ней делать?

И вдруг узнает Сказка, что едет к ним новый жених, король какой-то. Имени своего говорить не хочет и, что удивительнее всего, гонцов шлет с дороги сказать королеве, чтобы не беспокоилась из-за уродства дочери, что знает он, как дурна собой ее дочка и какие глаза у нее страшные-престрашные, но все-таки жениться на ней думает, если только сама королевна ему не откажет.

Велела спросить королева, как зовут жениха, но гонцы, строго храня тайну короля, имени его не выдают, прибавляют лишь, что король у них строгий-престрогий.

Заволновалась, засуетилась Сказка-королева, все старания приложила к тому, чтобы получше встретить жениха-короля.

«Если уж не хороша лицом Правда, так пусть хоть могущественной королевной покажется она королю: поведу его в мои сказочные царства, заколдую, заморожу его моими расказами увидит он мою власть и женится на дочери ради могущества ее магери!» – решила Сказка-королева.

Нарядила дочку, убрала ее цветами да на всякий случай глаза новым, только что сотканным покрывалом закрыла и пошла с нею встречать на берег озера приезжего короля-незнакомца. Вот слышали они среди ночи звуки труб, звон литавр, увидели роскошную колесницу, а в ней сидит неведомый король, высокий, статный и красивый, только на глазах у него черная повязка одета.

Подивилась королева Сказка такому жениху, однако ничего не сказала.

«Знатный он и важный, по всему видно, а что до повязки, то кому какое дело?» – подумала она.

И так ей захотелось дочку за короля выдать, что тут же она свои чары на него напустила.

Стала рассказывать Сказка-королева. Залепетали ее розовые губки. И под этот лепет им сама она и королевна-дочка, и король приезжий стали спускаться медленно и тихо в глубокое, бурливое лесное озеро.

– Вот мое царство! – говорит королева гостю и снова лепечет, шепчет дивные сказки розовыми устами.

И под чарующие звуки ее голоса журчащие сладко, как рокот арфы, расступились воды лесного озера встали двумя стенами по обе стороны и образовали проход к роскошному хрустальному дворцу. Целая толпа светлооких русалок выбежала навстречу, и все пали ниц перед Сказкой-королевой. Все приветствовали ее. А белые кувшинки с лицами подводных красавиц протягивали пришедшим свои чашечки, в которых были всевозможные сласти и лакомства. В хрустальном дворце звучала невидимая музыка, и сюда вошла Сказка с Правдой и ее женихом.

Лишь только вошли, встал сам царь Водяной со своего трона и уступил его королеве Сказке. А прекрасные светлоокие девы сплелись в стройные хороводы и стали плясать легкий и грациозный танец.

– Вот мое царство! Не правда ли, как я могущественна и сильна? – произнесла торжественно королева и ждала, что ответит ей ее гость, жених Правды. Но гость не успел ответить.

Звонко засмеялась проказница Правда и сдернула со своих глаз покрывало. Исчез дворец хрустальный, исчезли яства в чашечках кувшинок, исчезли светлоокие плясуньи русалки. Все пропало, как сон.

Королева с дочерью и ее женихом стояли на берегу лесного озера, и, как ни в чем не бывало, глухо шумели его темные воды там далеко внизу. Разгневалась на дочь Сказка-королева, хотела разбранить ее при госте, да побоялась, Хуже не было бы! Чего доброго, не женится еще, отдумает король! А король улыбнулся только. И показалось или нет Сказке, только повязка у него чуть сползла с левого глаза и лицо чуточку больше открылось.

Еще больше заволновалась Сказка, набросила опять покрывало на глаза Правды и с большим жаром стала рассказывать снова. И чудные картины ее рассказа опять развернулись перед женихом-гостем. Опять сладко зазвучал прекрасный мелодичный голос Сказки, и под эти чарующие звуки подъехала легкая серебряная колесница, запряженная белыми конями.

– Садитесь, король, я покажу вам другое мое царство! – произнесла Сказка и, легко впрыгнув в воздушный экипаж с дочерью и гостем, понеслась к небу, к золотым звездам.

Там они увидели роскошные замки, причудливые беседки: голубые сады, все залитые дивным серебристо-малиновым светом. Какие-то странные крылатые существа, прозрачные, как лунные лучи, окружили теперь их колесницу. Золотые звезды, казавшиеся с земли ярко горящими фонариками, здесь оказывались огромными золотыми дворцами и замками. У одного из таких замков остановились серебряные кони. Крылатые прозрачные существа бросились проворно и ловко прислуживать приехавшим и предупредительно помогли им выйти из серебряной колесницы. Королева пригласила своего гостя войти в золотой дворец. Тот перешагнул порог его и тихо вскрикнул: несметные сокровища наполняли огромные залы.

Тут были груды навалены драгоценные камни, алмазы, яхонты, сапфиры, изумруды, рубины. Драгоценной рекою переливались бриллианты. И у каждой такой груды стояло на страже крылатое существо в виде страшного дракона, карауля сокровища.

– Вот мои богатства. Найдете ли вы еще что-нибудь такое на земле? – произнесла Сказка-королева, обращаясь к своему гостю.

Но тут снова худенькая ручка Правды быстро сорвала покрывало с глаз и... И все исчезло в один миг, а разгневанная королева, гость-жених и королевна Правда очутились в лесной чаще у входа в замок Сказки-королевы.

Снова улыбнулся король-незнакомец, и опять показалось матери и дочери, что повязка с его глаз сползла еще немного.

Бросила Сказка суровый взгляд на Правду-королевну и, наскоро прикрыв ее лицо покрывалом, вновь повела свой рассказ.

Опять полились дивные, певучие звуки Сказки, и под эту музыку, чарующую и сладкую, ожил лес. Огромные сторожевые дубы превратились в рыцарей-великанов, гибкие тополя – в лесных нимф, древесные пни – в карликов-гномов, цветы – в нарядных красавчиков эльфов. Светляки зажглись в кустах, и весь лес осветился. Сверчки затрещали в траве, а певцы соловьи слетелись к замку Сказки-королевы и засвистели-запели такую красивую, такую упоительную песню, что сама королева Сказка, все еще не переставая рассказывать, закружилась под эту музыку по огромной, ярко освещенной зале дворца. За нею закружились великаны и нимфы, эльфы и карлики. Все заплясало.

Ночные цветы раскрыли свои глазки и с жадным любопытством смотрели на волшебный бал.

– Вот видите, король, как все хорошо и радостно в моем царстве, – произнесла с гордостью Сказка, снова обращаясь к своему гостю, – посмотрите, как веселятся мои подданные,

как они всем довольны! И сколько могучих великанов, лесных карлов и воздушных эльфов подвластны мне!

Но едва только успела сказать это Сказка-королева, как Правда опять сорвала с глаз покрывало, и в одну секунду превратились великаны рыцари в исполинов дубов, карлы – в лесные пни, нимфы – в стройные тополя, а эльфы – в простые цветы. Разом опустел нарядный зал, потухли огни светляков, замолкли певцы соловьи. Все исчезло, скрылось, словно ничего и не было. Пропала исчезла и повязка с глаз короля. Он стоял теперь перед Правдой-королевой и ее матерью во всем блеске своей красоты. Темные глаза его с любовью остановились на худом, некрасивом личике Правды, на ее мрачно горящих глазах.

– Милая, милая Правда-королевна! – произнес он ласковым, нежным голосом. – Давно я тебя знаю, давно ищу тебя по всему свету! И вот только теперь нашел тебя наконец и уже не покину, увезу с собою. Не место тебе здесь, Правда. Я увезу тебя навсегда в большое людское царство; ты подружишься там с людьми, окружишь их своими заботами и ласками, и люди станут добрее лучше от близости к Правде-королевне.

И еще ласковее, еще нежнее загорелся темный взгляд короля И странно: чем больше смотрел он на свою невесту, тем лучше и лучше становилось некрасивое личико Правды, а когда он взял ее за руку и подвел к своей колеснице, чтобы навсегда отвезти отсюда Правду, Сказка не узнала дочери: мрачные глаза ее сияли чудным светом, и нежный румянец счастья преобразил совсем ее ожившие черты. И стала такой красавицей Правда, что Сказка-королева перед ней со всей своей красотой померкла, потускнела.

– Кто ты, прекрасный король? – прошептала Правда, простившись с матерью и заняв место подле жениха в его колеснице.

– Я король Справедливости и Правосудия, – громко и внятно произнес король и, наклонившись, поцеловал Правду. – Мне одному без Правды жить невозможно. Без нее не могу я один управлять моим царством. Мы с ней должны быть неразлучны и служить людям и поведовать ими в одно и то же время! Едем же едем к ним, в далекое людское царство!

Сказал, и взвились на воздух быстрые кони. Взвились и умчали колесницу с королем Справедливости и Правосудия и королевной Правдой.

А Сказка-королева в своем лесу осталась зачаровывать своими рассказами зверей, птиц, гадов и насекомых. Теперь ее чарам не помешает проказница-дочка. Не близко она. В далекое светлое людское царство умчали ее кони короля-жениха.

Три слезинки королевны

Жил на свете король. У него был роскошный дворец. И каких только богатств не было в этом дворце! Золото, серебро, хрусталь и бронза, драгоценные камни все можно было найти с излишком в нарядных и роскошных горницах королевского дворца. Красивые мальчики-пажи, похожие на нарядных кукол, неслышно скользили по комнатам, устланным коврами, и не спускали глаз с короля, желая предупредить его малейшее желание.

Король был не один: у него была жена-королева, кроткая и нежная, с добрыми глазами, прекрасными, как небо в час заката.

Король проводил все свое время в войнах с неприятелями. Когда от возвращался домой, красавица королева одевала свои лучшие одежды и с лютней в руках встречала своего супруга, воспевая его славное мужество и стойкую храбрость в битвах с врагом.

Но ни удачные походы, ни любовь кроткой и красивой королевы, ни несчетные сокровища, ни привязанность подданных не радовали короля. С его лица никогда почти не сходило печальное, унылое выражение. Постоянное горе угнетало короля и его молодую супругу.

У королевской четы не было детей. И когда король думал о том, что некому будет ему оставить ни своего славного имени, ни завоеванных земель, ни бесчисленных богатств, невольные слезы выступали на мужественных глазах короля, и он готов был завидовать последнему бедняку страны, у которого были дети.

После военных подвигов и побед над врагами король ездил по монастырям, делал богатые вклады, прося святых отцов молиться Богу о даровании ему ребенка.

В мирное время король со своим двором переселялся из мрачной столицы в прелестную долину благоухающих роз, посреди которой для короля был построен скромный охотничий домик, где он и проводил все свои досуги. Часто гуляя по долине, наполненной душистыми цветами, королевская чета, восхищенная чудным видом природы, обращала взоры к голубому небу и в горячей молитве просила Бога о даровании им ребенка. И просьба их была услышана.

Однажды, во время одной из таких прогулок, король и королева увидели женщину, закутанную в черное. Она шла навстречу королевской чете, едва касаясь ногами земли, легкая и спокойная.

– Мое имя Судьба, – сказала женщина, приближаясь к королю и королеве, – я пришла объявить вам великую радость. Ваша молитва услышана Богом, и Он пошлет вам дочь-королевну, которая будет не только вашим утешением, но и светлым лучом и радостью целого королевства. Она будет прекрасна, как цветок, и добра, как ангел. Но берегите королевну, чтобы она не узнала, что такое горе, что такое печаль и грусть, и чтобы никогда-никогда не пришлось ей пролить по поводу чьего-либо несчастья или горя более двух слез. Не дайте пролиться более двух слезинок из прекрасных глаз королевны, потому что, как только она прольет третью слезу, конец вашей радости, вашему утешению: не будет у вас больше королевны, вы потеряете ее.

Сказав эти загадочные слова, странная женщина исчезла, точно растворилась в воздухе.

Король и королева заплакали от счастья. Одна из королевских слез упала в голубую незабудку, и – о, чудо! – из цветка поднялась прелестная крошечная девочка с голубыми глазами, как две капли воды похожая на короля. О такой хорошенькой королевне и мечтала королевская чета.

Они раскрыли ей навстречу свои объятия. Королевна бросилась в них, горячо отвечая на ласки родителей, точно она давно уже знала и любила их.

Красавицу королевну называли Желанной, потому что отец и мать так долго желали иметь дочь, и в честь ее поднялось шумное ликование по всему королевству. Народ валом повалил к королевскому дворцу, чтобы взглянуть хоть одним глазком в голубые очи королевны Желанной.

С каждым днем росла и хорошела королева. Отец-король, помня слова Судьбы, позаботился о том, чтобы дочь не увидела людского горя, чтобы она была всегда веселая, довольная, счастливая и нарочно приказал выстроить для нее роскошный дворец, весь розовый, как самый нежный отблеск утренней зари, и благоухающий, как те цветы, что росли по соседству с ним в долине. Стены, потолки, двери во дворце – все было выкрашено в розовый цвет. Окна же дворца были плотно завешены розовыми занавесками, и сквозь эти занавески королева видела все в светлом розовом цвете: и лес, и долину, и далекую столицу, виднеющуюся на горизонте. Все было розово и прекрасно, ни одна тень не ложилась на этом розовом фоне. Даже бедные лачуги крестьян благодаря розовым занавескам у окон казались нарядными и красивыми.

Розовый цвет – это цвет радости и счастья; оттого-то король и постарался, чтобы Желанная была окружена только этим цветом, видела все в розовом цвете. Другие цвета могли повлиять на ее светлое настроение, могли сделать ее задумчивой и грустной, а грусти королевны боялись пуще всего ее родители.

И многочисленная свита, состоящая из маленьких придворных дам, веселых и жизнерадостных, и кудрявых шалунов пажей, по приказанию короля следила за тем, чтобы королева не отдернула как-нибудь розовых занавесок.

Заметила королева, что от нее что-то тщательно скрывают, и явилось у нее желание узнать во что бы то ни стало, что находится там, за розовой занавеской, за стенами замка.

Однажды королева Желанная проснулась раньше обыкновенного. Маленькие фрейлины, спавшие у ее постели, не слышали, как выбежала королева из своей розовой спальни, пробежала целый ряд розовых зал, выбежала на розовую террасу, толкнула розовую дверь, ведущую в сад, и исчез розовый цвет... Перед королевной Желанной серый день, дождливое небо, сад, точно нахохлившийся от непогоды, и старые убогие лачужки далеко у опушки большого, темного леса. В саду стоит женщина, старая, болезненная, в лохмотьях, с седыми космами волос, стоит и смотрит на королевну Желанную.

Очень поразила королевну и эта мрачная обстановка, и эта старая женщина, однако она подошла к старухе и сказала:

– Здравствуй, бабушка! Кто ты? Как твое имя?

– Меня зовут Жизнь! – отвечала старуха, сурово взглянув на хорошенькую королевну.

– Ах, неправда! – весело вскричала королева. – Неправда, что тебя зовут Жизнь. Ты старая и безобразная, а моя мама-королева рассказывала мне, что жизнь юная, розовая и прекрасная, такая же прекрасная, как я. Но кто бы ты ни была, старушка, ты жила много и знаешь, должно быть, все. Скажи же мне, почему стало вдруг так серо, неприветливо и гадко кругом?

– Королева! – произнесла бабушка Жизнь. – Все было всегда так серо, неприглядно и печально. Только ты не могла видеть этого, потому что через розовые занавески, повешенные у твоих окон, все казалось тебе светлым, розовым и прекрасным. Ты не знаешь жизни, не знаешь людских горестей и страданий и растешь веселой и беспечной принцессой, потому что не видишь горя вокруг себя.

– Но я хочу видеть горе, хочу видеть несчастных, чтобы сделать их счастливыми, я хочу помогать всем людям, кто нуждается в помощи! – вскричала королева.

– Тогда упроси твоих родителей снять розовые занавески с окон! – произнесла старуха Жизнь.

– Да, да! Я упрошу их! – вскричала королева и побежала в замок отыскивать родителей.

Ее мать встретила ее на пороге замка. Королева была ужасно напугана исчезновением дочери. Пажи и придворные дамы трепетали за свою участь. Они знали, что их постигнет строгое наказание за то, что они упустили из виду свою юную госпожу.

А когда королева высказала матери свою просьбу, последняя обмерла от ужаса и с плачем созналась дочери в том, что тщательно скрывала от королевны.

– Ты умрешь, милая Желанная моя, – рыдала королева, – как только выкатятся у тебя три слезинки из глаз. Ты не сможешь увидеть людских страданий и горестей, ты заплачешь, и тогда мы потеряем тебя, такую прекрасную, юную и любимую.

Задумалась на мгновение Желанная. И вдруг тряхнула белокурой головкой и светло-светло улыбнулась матери.

– Мама, – произнес ласково и нежно ее милый голос, – вели снять розовые занавески с окон, прикажи беспрепятственно выпускать меня из замка к людям, чтобы я могла видеть их горе и слезы и помогать им. Не бойся, что я умру, мама. Теперь я видела Жизнь, узнала, какая она старая, сердитая, мрачная и суровая, и хочу, сколько могу, сделать ее улыбающейся и приветливой для несчастных людей. А если ты непустишь меня, мама, я все равно зачехну здесь, в этом розовом замке, и умру с тоски.

Выслушала речь дочери королева и прошептала тихо и покорно:

– Будь по твоему, дочка. Теперь, когда ты уже вышла за розовую дверь, бесполезно скрывать от тебя то, что ты сама увидела.

И королевна Желанная получила свободу.

* * *

Расцвела, ожила, еще более похорошела королевна. Теперь уже розовый замок и королевские сокровища, веселая свита маленьких придворных дам и пажей и их радостные игры – все это уже не забавляет Желанную. Одета в простенькое платьице убогой крестьянки, с распущенными, раздуваемыми ветром кудрями, она бежит по цветочной долине, разговаривая с птицами и цветами, понимая голос трав и былинки, глотая ночную росу с голубых сердцевин незабудок. Она заходит в бедные крестьянские лачуги, и куда они ступят ее маленькие ножки, там всюду воцаряется радость, довольство и счастье. Всех бедняков наделяет королевна деньгами, согревает ласковым взглядом и добрым обхождением. Довольно одного лучистого взгляда Желанной, чтобы люди забывали свои болезни, немощи и страдания. Не было бедняка в королевстве, который бы не благословлял маленькой королевны. Слава о ней, о ее доброте разошлась по всей стране, и все несчастные стремились к Желанной, чтобы найти утешение и помощь у королевны.

Король по-прежнему воевал с соседними народами, чтобы расширить свои владения и оставить дочери огромное наследство, а мать-королева заботливо охраняла Желанную от всего, что могло причинить ей страдание, и зорко присматривалась к ней, боясь увидеть хоть бы намек на слезу в ее лучистых, голубых глазах.

* * *

– Мама, – сказала как-то королевна, вернувшись с обычной прогулки, – мама, я слышала пение в соседней роще; кто-то заливался там чудной серебристой трелью. Кто это, мама?

Едва только успела произнести это королевна, как сотня гонцов была разослана по роще с приказанием доставить во дворец таинственного певца.

И певец был доставлен. Это оказался соловей – маленькая, серенькая птичка, невзрачная на вид, но владевшая невыразимо чудным голосом. Ее посадили в золотую клетку, где соловушка должен был петь песни. Но соловей молчал. Он не умел петь в неволе. Только вечером, после заката солнца, когда к клетке его подлетела другая такая же маленькая птичка, обе они залились чудесной песней.

В этой песне слышалась смертельная тоска, грусть по зеленому лесу и утраченной свободе и жалоба на людей, на их жестокость и мольба, слезная предсмертная мольба об освобождении пернатого узника. Обе птички горько и жалобно плакали, заливаясь печальной песней.

И королева, все время находившаяся подле клетки, поняла жалобу птичек. Поняла и побежала к матери, умоляя ее выпустить соловья на свободу. Соловья выпустили, но из голубого глазка королевы Желанной выкатилась слезинка, чистая и блестящая, как горный алмаз.

В тот же вечер таинственная женщина Судьба явилась к королевской чете и произнесла грустно и сурово:

– Помните, что ваша дочь пролила первую слезу.

Сказав это, таинственная женщина исчезла.

* * *

Еще сильнее стали заботы королевской четы об их дочке. Еще более нежными ласками осыпали они королеву. Вскоре она забыла про горе маленькой птички и снова стала бегать по цветочной долине и зеленому лесу, снова стала забегать в крестьянские лачуги, осушать людские слезы и исполнять их просьбы.

Как-то раз, гуляя по опушке леса, королева была поражена непривычными для нее звуками рога и бряцанием оружия. Вдали прямо навстречу к ней, неслась многочисленная группа рыцарей и дам верхом. Они за кем-то гнались. В ту же минуту из-под ног самой королевы, из высокой травы, выскочил маленький насмерть перепуганный погоней зайчик.

Он остановился в двух шагах от королевы, прижал длинные дрожащие ушки к спине и, поводя кругом круглыми, тоскливыми глазками, ждал, казалось, чего-то.

Пиф-паф! – раздался выстрел, и беленький зайчик с окровавленной мордочкой распростерся у самых ног королевы.

Желанная схватила на руки трепетавшего еще зайчика, прижала его к груди и закричала, бросившись навстречу охотникам и их дамам:

– О, злые, злые люди! Что вам сделал дурного этот бедный, невинный зверек? Зачем вы его убили?

При этих словах вторая алмазная слезинка выкатилась из голубых глаз Желанной и повисла на ее темных ресницах.

В тот же вечер таинственная Судьба снова появилась во дворце и сообщила королю и королеве о второй слезинке, пролитой их дочерью.

Прошло много времени. Королева Желанная выросла и превратилась в прекрасную молодую девушку-невесту – гордость и красу целого королевства. Ее отец-король продолжал свои войны, расширяя владения своей страны в приданое дочери. Одна из таких войн тянулась особенно долго. Победа досталась с большим трудом, но это была лучшая из побед короля. Он пригнал много пленных и привез богатую добычу, отбитую у неприятеля.

Пленных поместили подальше от дворца, чтобы звон их оков и цепей не достиг как-нибудь до ушей королевы.

Однажды, в день возвращения отца из нового похода, королева Желанная, уже взрослая шестнадцатилетняя девушка, вышла его встречать, окруженная толпой придворных дам.

На всех были праздничные белые одежды. Победные венки украшали их головы. Эти венки девушки должны были бросить под ноги короля-победителя. В руках Желанной была златострунная лютня ее матери, звуками которой девушка приготовилась приветствовать отца.

И вдруг к ногам королевы бросилась Бог весть откуда появившаяся, женщина, взволнованная, дрожащая и худая, как скелет.

Она кричала страшным, диким голосом:

– Королева, выслушай меня! Королева, ты наслаждаешься жизнью. Ты ешь на золотых блюдах и носишь бархат и парчу. Сотни внимательных прислужниц ловят каждый твой взгляд, каждое твое слово. Кругом тебя несчетные богатства и безумная роскошь. А знаешь ли ты, как добыто все это? Тысячи людей умирали в бою, чтобы добыть тебе все эти богатства. Другие

работали в поте лица, чтобы платить дань твоему отцу – победителю, который беспощадно разоряет чужие земли и убивает людей, чтобы скопить как можно больше богатства тебе, королевна. Но это еще не все. Ты поешь песни и бегаешь, счастливая и радостная, по долине, а тысячи пленников томятся в душных тюрьмах и подземельях. Между ними мой сын. Он мужествен и храбр, как горный орел, и любит, как и ты, свободу. Но твой отец приказал заковать его в цепи потому только, что он защищался против ваших воинов, как смелый и храбрый вождь. Я пришла сюда из чужой страны, из чужого королевства, пришла сюда, старая мать, умолить тебя спасти моего сына. Спаси его, королевна, и я всю жизнь буду благословлять тебя за это.

И женщина зарыдала, обняв колени королевны Желанной. Что-то страшное, безысходное и тяжелое, как смерть, зазвучало в ее рыдании.

Королевна наклонилась, обняла несчастную, хотела сказать что-то, и вдруг третья слезинка выкатилась из лазурного глазка упала на склоненную голову рыдающей матери пленника.

Пошатнулась королевна. Смертельная бледность покрыла ее прекрасное лицо. Девушки-прислужницы подхватили ее.

В ту же минуту послышались победные клики, бряцание оружия и сам король появился во главе войска. Увидя смятение в толпе девушек, он дал шпоры коню и подскочил к толпе.

Королевна лежала на руках служанок. Ее широко раскрытый взор был поднят на короля. Он выражал мольбу и страдание за тех, кого убивали, за тех, кто томился в тюрьмах и подземельях. Потом лучистый взгляд затуманился, померк, угаснул... Голубые глазки закрылись, и с тихим вздохом улетела прекрасная, светлая душа королевны.

А в это самое время во дворец к королеве пришла закутанная в черное таинственная женщина и угрюмо сказала:

– Королевна пролила третью слезинку. То, что должно было свершиться, свершилось. Королева, у тебя нет больше дочери...

* * *

Умерла королевна, но не умерла память о ней. Король прекратил войны и набеги, распустил войска, открыл тюрьмы и подземелья и выпустил на волю измученных узников, и все это сделал в память своей дочери Желанной. В память ее же король занялся другим, светлым делом. Он кормит всех бедных и голодных страны. Сирые и бездомные, все находят приют в королевском дворце. Милосердие и мир воцарились в стране.

Дуль-Дуль, король без сердца

На опушке леса, при лунном свете, три добрые волшебницы собрались около небольшой каменной урны. Месяц то скрывался за тучу, то снова выплывал, и тогда бледные лица добрых волшебниц становились прозрачными, а волосы их сияли серебряным светом.

Первая волшебница вынула из-за пазухи целую горсть розовых лепестков и, бросив их в урну, сказала:

– Завтра должно родиться королевское дитя. Пусть оно будет так же прекрасно, как роза, и пусть все любят и дивятся его красоте.

Потом она быстро отбежала от урны и стала кружиться в воздухе. Светляки зажглись в траве, освещая ее пляску, а соловей запел из чащи такую дивную песню, какую нельзя услышать даже в самом королевском дворце.

Тогда подошла к урне вторая волшебница. В руке она держала какую-то длинную серебряную нить.

– Вот волос с головы мудрого волшебника Гая, – сказала она, бросая волос в урну. – Я взяла у него этот волос, пока он спал, чтобы отдать его королевскому дитяти. Благодаря этому волосу ребенок будет мудрым, как сам Гай. Ведь другого такого мудреца, как Гай, не найдется в мире, и каждый его волос – это клад мудрости.

– Торопись, сестра, – произнесла третья волшебница, – а то проснется Гай, отнимет волос и, чего доброго, прогонит нас, так что я не успею положить в урну сердце голубки, которое должно сделать добрым и кротким будущего королевича.

Едва только третья волшебница успела произнести последнее слово, как закачался, загудел лес, и чародей Гай, получеловек, получудовище с огненными глазами и всклокоченными, дыбом стоящими волосами, появился верхом на диком вепре.

– Кто украл с моей головы волос? – завопил он страшным голосом, от которого гул пошел по лесу.

Но волос вместе с лепестками розы уже был в урне, и оттуда чуть заметной голубой струей подымался дымок.

При виде этого Гай схватился за голову и испустил новый рев, страшнее первого. Он понял, что ему никакой силой не извлечь уже из урны волоса.

Испуганные волшебницы метнулись в сторону, а та, у которой было в руке предназначенное для королевского дитяти голубиное сердце, уронила его на землю.

В тот же миг Гай подхватил сердце и погнал своего вепря обратно в лес, испуская громкие торжествующие крики.

А три добрые волшебницы, очнувшись от страха, снова очутились у урны.

Теперь они плакали. Плакали о том, что будущее дитя будет иметь красоту и ум, но не будет обладать сердцем.

Маленький королевич родится без сердца.

И слезы волшебниц падали в урну...

Скоро голубой огонек погас, и старшая из волшебниц, взяв свой волшебный жезл, стала мешать в урне, тихо напевая сквозь слезы.

Ее сестры вторили ей.

Когда песнь была кончена, все трое взглянули в урну.

На дне ее лежал крошечный мальчик, прекрасный как ангел. Они взяли его из урны, унесли в королевский дворец и положили в роскошную колыбельку, уже давно приготовленную для маленького королевича, рождения которого ожидали со дня на день.

* * *

Король возвращался с войны, возвращался победителем. День был светлый и яркий, и горячее весеннее солнце играло на щитах, копьях и бронях воинов, окружавших короля.

За королевским войском шли, связанные по рукам и по ногам, пленники, с потупленными глазами, страшно исхудалые, окровавленные; они со стойким мужеством ждали своей участи.

Подле короля шел солдат. Самый обыкновенный, самый простой солдат. И имя у него было самое простое. Его звали Иваном. На нем была пробитая пулями шинель, а через лоб шел огромный рубец от неприятельской шашки.

Все встречные на пути короля с удивлением поглядывали на серого солдата и спрашивали, почему он идет рядом с королем. Простой, серый солдат, и дождался такой почести! Тогда из рядов войска послышались голоса:

– Это не простой солдат. Это герой. Он указал королю путь, как ближе найти неприятельский лагерь, он остановил войско, когда оно бросилось в бегство, и он же защитил своей грудью самого короля, когда неприятельская сабля направилась на него. Король не может забыть этого и считает солдата Ивана своим лучшим другом и слугою.

И народ, услыша это, стал восторженно приветствовать солдата наравне с королем.

Крики звучали все слышнее и слышнее. Целый дождь цветов сыпался на победителей. Красивейшие девушки города в белых, воздушных одеждах усыпали розами триумфальный путь короля.

Таким образом победители дошли до королевского дворца.

Король поднял голову на окна в надежде увидеть в одном из них свою любимую жену-королеву.

Но вместо прелестного личика королевы из окна выглянуло старое лицо седого монаха, который сказал:

– Приготовься, король, услышать две новости: одну печальную, другую радостную. Бог дал тебе сына, а твоя супруга-королева скончалась на утренней заре.

Король дико вскрикнул, схватился за сердце и... умер.

Он так и не увидел ни своей мертвой жены, ни новорожденного сына.

В народе и в войске поднялся плач и стенания: король был добр, мудр, храбр, и вся страна любила его.

Потом, когда первый взрыв горя прошел, народ собрался на площади у дворца и стал решать, что делать.

Долго спорили и кричали – целых три дня и три ночи. И когда охрипли настолько, что уже не могли говорить, то решили:

– Король и королева умерли, королевич в пеленках, поэтому надо выбрать другого короля до тех пор, пока новорожденный королевич Дуль-Дуль подрастет и в состоянии будет сам править королевством. А так как солдат Иван спас страну, войско и короля от гибели, то пусть он и будет королем.

Так решил народ.

Пошли разыскивать Ивана, чтобы объявить ему радостную весть, и нашли его у колыбели принца.

– Ты избран королем! – сказали они ему.

– Нет, – сказал он, – королем мне не быть. Я останусь солдатом, чтобы отдать всю мою жизнь на служение королевичу Дуль-Дулю. Как служил его отцу, так стану и ему служить. Воспитаю, как умею, принца, научу его быть таким же смелым, умным и добрым, каким был покойный король...

– Но в таком случае выбери себе какое-нибудь звание, которое доставило бы тебе богатство и обязывало всех почитать тебя, – обратились посланные от народа к Ивану.

Но тот опять покачал головою.

– Не надо мне ни богатства, ни почестей. Зачем солдату богатство? А почести? Для меня первая почесть служить верой и правдой королевскому дитяти! Ступайте, братики мои, назад и скажите народу: пусть выбирает себе другого короля, получше да поумнее, а мне в награду оставит одно: позволение никогда не разлучаться с королевичем.

Посланные ушли, пожимая плечами, а солдат Иван снова склонился над детской колыбелькой.

* * *

Прошло шестнадцать лет. Королевич вырос и стал королем. Ах, что это был за король! Красивее его не было юноши во всей стране. Вы видели лесную незабудку на краю болота? Ну вот, такие точно две голубые прекрасные незабудки были глаза короля.

А алый цвет мака приходилось вам встречать посреди садовой куртины?

Ну вот, такими же лепестками мака казались пурпуровые королевские уста. Белизна его лица напоминала лилию, а румянец – легкий отблеск утренней зари. Волосы у юного короля были такие Золотистые, что, когда он снимал свой берет, бархатный головной убор, казалось, солнечное сияние окружало его голову.

Но никто не видал юного короля. До шестнадцати лет его прятали от народа (таков уж был закон той страны). Боялись, чтобы страшный чародей Гай не испортил как-нибудь красоты Дуль-Дуля. Один только солдат Иван находился подле королевича и служил ему день и ночь неустанно.

Учителям, которых приглашали учить Дуль-Дуля книжной премудрости, не пришлось учить его, потому что король был настолько мудр благодаря одному волосу Гая, что его нечему было учить.

Когда королевичу исполнилось 16 лет, солдат Иван надел на его кудри золотую корону и вывел его к народу. Это был чудесный зимний день. Солнце играло на небе, и золотые кудри молодого короля сияли, как солнце.

И народ, тесня друг друга, указывал на Дуль-Дуля и шептал в восторге:

– Отныне у нас два солнца: одно – на небе, другое – на крыльце дворца.

Белый снег, покрывавший землю, точно потемнел от зависти при виде очаровательно белого личика Дуль-Дуля. А алые розы, которые белокурые красавицы девушки бросали под ноги молодому королю, заплакали от зависти при виде нежных, алых уст красивого юноши.

Но восторгу народа не было конца, когда Дуль-Дуль обраился к нему с приветствием. Ни один король в мире не сумел бы сказать такую речь! В ней сказался весь тонкий ум, вся мудрость молодого короля.

– Да здравствует наш мудрый красавец король! – кричал народ. – Если он так же добр и кроток, как умен и красив, то и наш народ – самый счастливый народ в мире!

Едва только замолкли восторженные крики, как их заменили вопли отчаяния и муки. Через реку, протекавшую под самым крыльцом королевского дворца, был перекинут мост. Народ, желая поближе полюбоваться красавцем королем, бросился на этот мост, давя и толкая друг друга. Каждому хотелось заглянуть поближе в красивое лицо короля.

Вдруг послышался ужасный треск. Мост не выдержал напора толпы и рухнул в воду. А вместе с мостом упали в воду и тысячи людей, толпившихся на мосту.

– Король! Король! Спаси нас! – кричали люди. – Спаси нас, мудрый король!

Но король стоял неподвижно на крыльце своего дворца и... улыбался.

Голубые незабудки, глаза короля, не выражали ни ужаса, ни печали. Они были веселы, по-детски безоблачны, прозрачны. Они смеялись.

Тогда новое отчаяние охватило толпу.

– У короля нет сердца! Наш король – бессердечный, жестокий король! – слышались отчаянные возгласы из толпы тех, которым удалось спастись.

А глаза короля по-прежнему смеялись, как ни в чем не бывало. Смеялись, глядя на бездыханные трупы, наводнившие собою реку, смеялись, глядя на самый испуг народа. Король даже не понимал, казалось, что происходило вокруг него, и с тем же веселым смехом отправился во дворец.

Солдат Иван ушел следом за своим повелителем.

– Король! – произнес он мрачно. – За стенами дворца осталось много несчастных сирот, детей тех, которые утонули в реке. Не хочешь ли помочь им? Вели раздать золото беднякам, и народ будет прославлять тебя за твою доброту.

– Делай, что знаешь, – произнес король. – Ты самый умный после меня и не посоветуешь ничего дурного. Раздай им золото, только лучше бы было, если бы золотые монеты остались у меня во дворце. Я велю украсить ими стены моего жилища и буду любоваться, как солнечные лучи будут играть в этом золотом море.

И король рассмеялся весело и звонко.

У него не было сердца, а без сердца он не мог понять того горя, которое переживали сироты...

* * *

Народ, узнав о том, что у его красавца короля не было сердца, пришел в ужас и смятение. Но среди окружавших короля царедворцев были такие, которые обрадовались этому и, видя, что королю по душе жестокая расправа, старались угодить ему, доставляя ему всяческие жестокие развлечения и думая этим понравиться ему. Король любил мучить животных и не щадил людей. Однажды перед его дворцом было повешено до тысячи кошек. В другой раз из певчих птиц дворца были повыдерганы перья, и их пустили летать с ощипанными, обнаженными телами.

Наконец, после одной из побед над внешними врагами всех пленников королевских сожгли на большом костре посреди площади.

Король стоял на балконе и смеялся. Вокруг него теснилась целая толпа льстивых царедворцев.

– Ты мудр, как змий, и прекрасен, как солнце! Большого ты не можешь требовать от судьбы. Она одарила тебя всеми своими дарами. Ты самый прекрасный, самый мудрый и самый добрый король, какой только есть на свете.

Так говорили они.

И король Дуль-Дуль высоко поднимал свою красивую голову и спрашивал с гордым величием:

– Это правда, что я самый добрый, самый прекрасный и мудрый король?

– Правда! Несомненная правда! – слышались вокруг голоса царедворцев. Правда, правда! Ты самый прекрасный король!

И вдруг один голос прозвучал громче, слышнее всех:

– Нет, не правда! Тебе лгут, король! Ты самый мудрый, самый прекрасный, но ты и самый жестокий из королей в целом мире.

– Кто посмел произнести эти дерзкие слова? – вскричал король и топнул ногою.

– Это сказал я! – произнес солдат Иван, выходя перед самое лицо короля.

– Это сказал солдат Иван! – зашептали царедворцы. – Солдат Иван позволил себе оскорбить короля, – говорили они.

Иван слышал все эти возгласы и спокойно ждал своей участи. Его добрые серые глаза бесстрашно смотрели прямо в лицо короля.

– Он достоин смертной казни! – снова зашушукали придворные. – Он оскорбил тебя, король! Казни его!

Дуль-Дуль окинул взором окружающих его царедворцев. Лица всех выражали ненависть и вражду. Всем хотелось казни Иван, чтобы самим занять его место при особе короля.

И король готов был исполнить общее требование.

Он уже хотел изречь смертный приговор своему воспитателю и слуге, как неожиданно вспомнил, что никто не сумеет приготовить ему на ночь стакана такого вкусного питья, какое умеет готовить Иван, никто не сможет так хорошо укрыть его теплым бархатным одеяльцем, никто не будет в состоянии расчесывать его золотые кудри так, как это делает Иван.

И не любовь, не жалость зашевелились в душе Дуль-Дуля при одной мысли, что он может лишиться Ивана, а просто боязнь потерять доброго, верного и нужного слугу.

– В другой раз будь осторожнее в речах с твоим королем, – проговорил он сурово, обращаясь к Ивану. – За твою дерзость ты заслуживаешь казни, но я не хочу казнить моего слугу и на этот раз прощаю тебя.

Войны сменялись войнами, и все соседние короли скоро признали могущество и непобедимость Дуль-Дуля, потому что Дуль-Дуль был мудр и умел вести войны.

Один только черный принц полудикого народа все еще продолжал отчаянно бороться с дружинами короля. Наконец, после многих битв, черный принц Аго был побежден. Его взяли в плен, скованного привели в столицу и бросили в тюрьму. Дуль-Дуль, разгневанный на черного принца за его долгое сопротивление, решил лишить его жизни. Он велел народу собраться с первыми лучами солнца на городской площади.

– Мы будем купать черного Аго, чтобы он не был таким черным и грязным, со смехом объявил он ближайшим сановникам и тут же приказал поставить на площади большой котел с горячей водой, где пленный принц должен был неминуемо свариться.

Солдат Иван затрепетал от ужаса, услышав подобное решение своего короля.

Он бросился к ногам Дуль-Дуля и стал молить его о пощаде.

– Черный Аго такой же человек, как и мы, король, – говорил он, – зачем же ты хочешь подвергнуть его таким лютым мучениям? Он защищался в бою, как храбрый вождь. Не губи же его, король! Не убивай его за то, за что он достоин уважения!

– Как ты смеешь порицать мое повеление! – закипая гневом, закричал Дуль-Дуль.

– Я всегда буду говорить тебе, король, когда ты бываешь несправедливым, спокойно произнес Иван.

– В таком случае, – произнес с беспечным смехом король, – тебе не придется долго разговаривать, так как завтра с восходом солнца тебя сварят в котле вместе с черным Аго.

И, сказав это, король преспокойно повернулся спиной к Ивану и заговорил со своими придворными сановниками, которые грубо лъстили и старались хвалить жестокое решение короля.

Они были бесконечно рады, что солдат Иван не будет стоять между королем и ими, не будет больше мешать им влиять на короля.

Иван, выслушав свой приговор, остался совершенно спокойным. Он не боялся смерти, но ему было бесконечно жаль несчастных подданных жестокого, бессердечного короля.

– Бедный король, – говорил Иван, – он не знает своей жестокости, потому что у него нет сердца. Во что бы то ни стало ему надо достать сердце! И я, старый солдат Иван, достану его ему. У меня остается целая ночь, и в эту ночь я должен во что бы то ни стало сделать добрым и кротким моего жестокого короля.

Но как было уйти Ивану, когда на него надели оковы, заковали ему цепями руки и ноги! Это сделали его враги сановники, которые радовались тому что король наконец освободится от Ивана и теперь их самих приблизит к себе.

Однако Иван рискнул попросить короля.

– Ваше величество, отпусти меня на свободу сегодня, а завтра я буду с восходом солнца на площади ожидать своей казни. Я хочу пойти в лес, последний раз полюбоваться природой.

– Не пускай его, король, – зашептали Дуль-Дулю окружающие его царедворцы, – он не вернется, убежит от казни.

– Нет! – произнес Дуль-Дуль. – Я знаю Ивана – он не обманет меня. Он даст свое честное солдатское слово и вернется.

– Я даю мое честное солдатское слово, король! – ответил Иван.

Тотчас же слуги по приказанию короля сняли с него оковы, и он почувствовал себя снова свободным, свободным на одну ночь для того, чтобы умереть в следующее же утро!

* * *

Черный лес гудел, крутил вихри, свистел вьюгой и пушил снегом, когда солдат Иван подошел к опушке и громко крикнул:

– Всесильное чудовище, волшебник Гай, явись предо мною!

Заскрипели старые сосны, и на опушку выехал верхом на ведре страшный чародей.

– Что тебе надо, солдат? Зачем ты пришел беспокоить меня в такую пору? – крикнул он замогильным голосом.

– Ты могучий и сильный волшебник, – произнес с поклоном солдат Иван, – ты все можешь сделать. Ты можешь дать сердце моему королю! Дай его, Гай, Дуль-Дулю и возьми от меня что только ни пожелаешь.

Чародей расхохотался таким страшным хохотом, от которого гул пошел по лесу, и земля затряслась, и пушные звери задрожали от страха в своих берлогах.

– Глупый, глупый солдат! – произнес чародей. – Что я могу взять от тебя, когда я самый могучий волшебник в мире и все у меня есть? Сердце, предназначенное волшебницами для Дуль-Дуля, у меня. Но я его не отдам так легко. Впрочем, – прибавил Гай, – я дам тебе это сердце, если ты мне дашь вырезать свое человеческое сердце из твоей груди. Согласен?

– Но ведь вместе с сердцем я лишусь и жизни? – сказал Иван тревожно.

– Ну разумеется. Что же ты? Ишь испугался смерти? – снова расхохотался волшебник.

– Нет, не то, – произнес задумчиво Иван. – Все равно я должен умереть на заре. Дело не в этом. Не смерть страшна мне, а бесчестие. Я дал слово королю быть на месте казни рано утром, а если ты умеришь меня, то я не в силах буду сдержать моего солдатского слова. А это большой позор для солдата и человека.

– Ну, коли так, то твой король останется без сердца! – произнес Гай со смехом и повернул вепря, чтобы ехать обратно в лесную чащу.

Но тут случилось что-то совсем неожиданное.

Солдат Иван заплакал горькими слезами. Солдат Иван, видевший во время многочисленных походов, как лилась кровь рекою, солдат Иван, убивавший сам врагов отечества, теперь плакал горькими, неутешными слезами, как маленький ребенок. Ему бесконечно хотелось сделать добрым и кротким короля Дуль-Дуля, осчастливить его страну, и в то же время он не хотел покрыть позором свое честное солдатское слово.

А Гай при виде слез человека пришел в недоумение.

– Что это такое? В первый раз вижу, чтобы вода текла из глаз человека! Мне это нравится! – сказал он. – Нравится настолько, что я готов взять себе эти глаза, умеющие изливаться

ручьи, и взамен дать тебе сердце голубки, которое ты можешь отдать королю. Отдай мне твои глаза. Вот тебе голубиное сердце за них.

И, сказав это, Гай подал Ивану крошечное голубиное сердечко. Солдат схватил его обеими руками и прижал к своей груди. В ту же минуту Гай вытащил огромный нож из-за пазухи и вырезал им плачущие глаза Ивана.

Иван ослеп разом. Вместо слез у него потекла теперь кровь по лицу, но он не стонал, не жаловался. С необычайным терпением переносил отважный солдат страшную боль.

Наскоро остановил он снегом кровь на лице и пустился в обратный путь в столицу. Теперь ему уже нечего было делать в лесу, да и надо было торопиться в путь, потому что слепым он должен будет пройти вдвое дольше зрячего.

А Гай привесил себе на грудь два плачущих глаза Ивана, и – о, диво! – весь лес осветился чудным сиянием. Две великолепные звезды сверкнули на груди Гая, распространяя светозарные лучи вокруг себя.

* * *

Огромные толпы народа собрались на площади. Небо уже покрылось алым заревом восхода.

Король Дуль-Дуль в сопровождении многочисленной свиты находился на площади. Сюда привели и трепещущего от страха черного Аго, закованного по рукам и ногам. Громадный котел стоял посреди площади, обдавая близстоящих густыми клубами пара. Вода зловеще шипела и клокотала в нем. Королевские слуги – герольды – ездили по площади и объявляли народу, что сейчас совершится казнь двух самых злых преступников, которые осмеливались ослушаться воли короля.

Только одного из осужденных – Ивана не было видно.

– Вот видишь, король, – заговорили вокруг Дуль-Дуля царедворцы, – напрасно ты отпустил солдата. Он не вернется к нам. Кому охота вариться в котле, когда он может уйти в другую страну и служить другому королю!

– Нет! Нет! Я хорошо знаю Ивана: он не сделает ничего подобного! – уверенно произнес Дуль-Дуль. – Он сдержит свое солдатское слово!

– Но ему время уже подойти! Сейчас взойдет солнце! – не унимались царедворцы.

И точно в подтверждение их слов брызнул целый сноп лучей и солнце ярко пригрело своим золотым морем и площадь, и котел, и короля с его свитой, и черного Аго.

В ту же минуту появился на площади солдат Иван. Он шел, едва переступая с ноги на ногу, вытянув вперед руки, медленно и ощупью, как ходят обыкновенно слепые.

– Вот и я, король! – произнес Иван. – Кажется, я поспел вовремя!

– Да, ты поспел вовремя! – произнес король. – Готовься к смерти! Но что это с тобою? – прибавил он с недоумением, взглянув на лицо Ивана. – Где ты потерял свои глаза?

Сказав это, Дуль-Дуль расхохотался весело и звонко над чужим несчастьем, потому что у Дуль-Дуля не было сердца, и он не умел и не мог чувствовать жалости и боли.

– Я скажу тебе, король, где я потерял их, – произнес Иван, – только наклонись ко мне, а то я плохо говорю от волнения и иначе ты ничего не услышишь, король!

Дуль-Дуль наклонился к Ивану.

В ту же минуту Иван трепещущими руками рванул дорогой, золотом шитый камзол короля и коснулся королевской груди голубиным сердцем.

Король Дуль-Дуль громко вскрикнул. Смертельная бледность разлилась по его лицу. Он заметался и упал на руки придворных.

Он ощутил в груди своей что-то новое, сильное, что наполнило разом страшной болью и счастьем все его существо.

Часть свиты занялась бесчувственным Дуль-Дулем, а другая подхватила Ивана и потащила его к котлу.

– Он хотел убить короля! Надо его бросить в котел сию же минуту, а то он погубит всех нас, этот слепой чародей! – кричали они тащили Ивана к месту казни.

Иван был уже в двух шагах от котла, вот несколько рук подняли его на воздух, вдруг...

– Остановитесь! Иван, сюда! Ко мне! Мой бедный, слепой Иван! – слышался слабый голос короля, и в один миг Дуль-Дуль растолкал свиту и очутился перед своим слугою.

Его лицо было бледно и взволнованно. Глаза проливали слезы, прекрасные и светлые, как роса. Он держал руку у сердца, которое билось с невероятной силой.

– Ко мне, Иван! Ко мне!

И Дуль-Дуль кинулся на грудь своего верного слуги, обнимая его шею, целуя его слепые глаза. Потом он велел освободить черного принца Аго и, обняв его, как брата, подарил ему свободу.

Вслед затем он обратился к народу со словами:

– Друзья мои, я был жестоким королем! Но благодаря жертве, принесенной мне моим благодетелем Иваном, я стал другим. И теперь, мой народ, я обещаю не только мудро, но и добро и кротко править тобою!

И король Дуль-Дуль низко поклонился народу. А народ отвечал радостным криком:

– Да здравствует Дуль-Дуль! Да здравствует наш светлый, прекрасный король!

С этого дня Дуль-Дуль не разлучался с Иваном. Но уже не Иван прислуживал королю, а король солдату. Он всячески ухаживал за ним и водил слепого по своим огромным палатам, как может только почтительный сын водить своего слепого отца.

Солдат Иван снова занял свое прежнее место подле короля. Теперь никто уже не завидовал ему. Все знали, какую страшную цену Иван приобрел свое счастье, и искренно полюбили верного королевского слугу.

Чудесная звездочка

Жила в роскошном замке маленькая принцесса, хорошенькая, нарядная, всегда в золотых платьях и драгоценных ожерельях.

Ну, словом, настоящая сказочная принцесса и, как все сказочные принцессы, недовольная своей судьбой.

Избаловали маленькую Эзольту (так звали принцессу) напропалую. Баловал отец, баловала мать, баловали старшие братья и сестры, баловала угодливая свита. Чего ни пожелает принцесса – мигом исполнялось.

– Хочу иметь коня совсем белого, с черной звездочкой на лбу! – заявила как-то Эзольта и топнула ножкой.

Топнула ножкой, и помчались рыцари во все стороны, и старые и молодые, и знатные и незнатные, и глупые и умные – все искать белого коня с черной звездой на лбу.

По всему свету искали. Наконец нашли. Нашли с большим трудом в конюшне одного азиатского хана.

Стали у хана просить продать лошадь, а он заупрямился.

– Не отдам дешево лошадь. Конь хороший. Очень хороший конь. Давайте целую конюшню червонцев взамен.

Дали рыцари целую конюшню червонцев, взяли коня, привели к Эзольте.

А Эзольта и смотреть на коня не хочет.

– Очень нужно мне его! Я уже расхотела. Надо было раньше. А теперь кошку хочу. Кошку такую, чтобы была вся золотая и пушистая, а глаза – как бирюза...

Нечего делать: поехали двадцать рыцарей искать золотую кошку с бирюзовыми глазами.

Искали, искали – нигде не нашли. Целый год искали, и еще год и еще...

Эзольта уже из девочки в девушку превратилась, а рыцари все по свету рыскают – ищут кошку для принцессы.

Наконец убедились – нет такой кошки на свете. Нечего и искать коли нет. Потужили, погоревали и возвращаются ни с чем, с пустыми руками, с вытянутыми носами.

На самой границе государства встречает их хитрая волшебница Урсула. Ехала Урсула верхом на волке, а зайцы над ней пестрый балдахин несли. Увидела рыцарей, хитро прищурилась и сказала:

– Эге! Золотую кошку с бирюзовыми глазами я, Урсула, вам дам, пожалуй, только за это двадцать лет вы мне служить должны... все, кроме одного, который повезет кошку вашей принцессе.

– Согласны, согласны! – вскричали обрадованные рыцари, и девятнадцать из них по жребию остались служить у волшебницы, а двадцатый получил из рук Урсулы золотую кошку с бирюзовыми глазами и повез ее Эзольте.

Та как вскинула глазами на кошку, так вся и затряслась от гнева.

– Долго искали. Не хочу больше кошку. Раньше хотела, а теперь другого хочу. Хочу звездочку с неба. Самую большую, самую красивую. Вон ту самую, которая теперь так мигает на небе.

И принцесса показывает пальцем на яркую звезду.

Пожалел рыцарь о своих девятнадцати товарищах, которые ни за что, ни про что должны были двадцать лет служить волшебнице Урсуле, но не сказал ни слова, а только задумался, как исполнить новое желание принцессы. Легко сказать: достать звезду с неба, а как ее достанешь?

Отправился рыцарь к жившим в том городе мудрецам, спрашивает их совета. Думали, думали мудрецы и решили, что единственный способ достать звездочку приставить длин-

ную-длинную лестницу, которой хватило бы до самого неба, и по этой лестнице пусть взойдут сильные рыцари, пусть ухватятся за звездочку и снесут ее на землю.

Передал рыцарь этот совет товарищам, и те в один голос заявили, что готовы помочь рыцарю в его трудном деле. Принялись рыцари строить лестницу высокую-высокую. Не едят, не пьют, все топорами размахивают. Готова лестница. Поставили. Нет, до неба не хватает. Принялись опять за дело, пристроили к этой лестнице другую, потом третью. Получилась такая высокая лестница, что кто на верх ее взглянет, тот непременно опрокинется. Уж очень высокого голову приходилось поднимать. Однако полезли смельчаки-рыцари по той лестнице на небо.

Вот они уже у самых облаков. Прямо перед ними – яркая, блестящая звездочка. Кажется, вот-вот можно ее рукой достать. Но едва рыцари протянули к ней руки, как звездочка ввысь уплыла.

Еще приставили лестницу, опять полезли. И опять неудача. Уходит все выше и выше звездочка. А сама мигает, точно смеется над своей погоней.

Выбились из сил рыцари. Слезли вниз и тут же у лестницы уснули от усталости. А принцесса ждет не дождется, когда наконец рыцари принесут ей звездочку: то ножками от нетерпения топают, то слезами от злости заливаются.

Вдруг в ее горнице стало разом светло, как днем, и чей-то тоненький голосок послышался за плечами.

Оглянулась принцесса и чуть не вскрикнула: та самая звездочка, которая ей так понравилась и которую тщетно старались достать для нее рыцари, слетела с неба и стоит перед нею.

– Не плачь, Эзольда, не плачь, капризная принцесса, – говорит звездочка с усмешкой, – слезами не поможешь. Ты требуешь невозможного.

– Нет ничего невозможного для дочери короля! – с гневом вскричала Эзольда. – Меня любят все подданные моего отца и охотно готовы жизнь свою положить, чтобы исполнить каждое мое желание. Они достали мне белого коня с черной звездочкой на лбу, достали золотую кошку с бирюзовыми глазами, достанут и звездочку с неба, да! Да! Они очень любят меня!

– А за что они тебя любят, что ты сделала для того, чтобы они тебя любили? Чем заслужила их любовь? – спросила звездочка.

– За что меня любят? – изумилась Эзольда. – Да ведь я дочь могущественного и богатого короля, я принцесса, и меня нельзя не любить...

– Ха! Ха! Ха! – засмеялась звездочка. – Так, значит, ты заслужила любовь только тем, что ты дочь короля?.. Но сама-то ты сделала хоть что-нибудь такое, за что тебя мог бы полюбить народ?

Эзольда задумалась. Она хотела припомнить, что она сделала доброго в жизни, и не могла ничего припомнить.

– А вот, принцесса, – произнесла спустя некоторое время звездочка, – я покажу тебе, что люди любят не одних только королей и принцесс. Гляди туда, вперед!

Эзольда вперила глаза в темноту сада, раскинутого около замка. И вдруг королевский сад исчез. Вместо него Эзольда увидела городскую площадь. Толпы народа заполняли ее. Посреди площади шел человек, просто одетый, с посохом в руках. За ним бежала толпа с громкими восторженными криками. Он скромно кланялся, отвечая на приветствия. На пути его попадались все новые и новые толпы народа. Лица всех обращались к нему с благоговейною любовью. Глаза людей восторженно устремлялись на него.

– Кто этот царь, которого так горячо любит народ? – спросила звездочку Эзольда.

– Ты ошибаешься: не царь это, а простой бедный человек, – ответила звездочка. – Но этот человек нашел способ печатать книги и этим распространил свет науки среди темных до сих пор, неученых людей. Он принес огромную пользу своей стране, и народ благодарит его за это. Но смотри: я покажу тебе, за что еще можно любить людей, – поспешно прибавила звездочка.

И разом исчезла городская площадь, исчезли и толпы народа и человек, которому они поклонялись, и перед изумленными взорами Эзольды выросла огромная зала. Посреди залы было устроено возвышение, все засыпанное цветами. На возвышении стоял человек. Двое других людей венчали его голову лавровым венком. Люди, наполнявшие зал, громкими криками выражали свой восторг человеку в лавровом венке. Многие из них падали на колени и посылали ему со слезами тысячи благословений.

– Это, должно быть, могущественный король. Вон какие почести воздают ему люди! – произнесла Эзольда.

– О, нет! Не король это, – отвечала звездочка, – а врач, который нашел средство лечить людей от самых опасных, самых серьезных болезней. И благодарные люди, поняв всю пользу, принесенную им, горячо полюбили своего благодетеля. Но смотри, смотри, Эзольда, еще смотри! – заключила свою речь звездочка.

Глянула Эзольда. Где же дворец, зала с возвышением и человек в лавровом венке? Ничего нет! Все исчезло. Только длинная, бесконечная дорога представилась ее глазам.

По дороге идет путник. За ним бежит народ. Народ спешит забежать вперед, чтобы заглянуть в лицо путника, чтобы сказать ему несколько горячих слов любви и благодарности. И сколько преданности, сколько признательности сияет в обращенных на него глазах людей!

– Кто это? – спросила звездочку Эзольда, боясь, что снова ошибется, если назовет царем сопровождаемого толпою человека.

– Это недавний богач, теперь самый бедный нищий в стране, – пояснила звездочка. – Он все, что имел, роздал неимущим: все деньги и богатства, которые были у него, – все до последнего гроша. И за это получил самое большое, самое отрадное сокровище: любовь народа...

Сказав это, звездочка исчезла. Исчез с нею и чудесный свет в комнате Эзольды. А сама Эзольда быстро уснула, утомленная необычайными впечатлениями.

На другое утро рыцари, фрейлины и свита собрались у дверей принцессы, ожидая новых приказаний, новых капризов и желаний Эзольды.

Но принцесса ничего не приказывала...

* * *

– Что же дальше? Разве сказка уже окончена? – спросила я голубую фею, которая рассказала мне про принцессу Эзольду.

– Что дальше? – ответила она. – Вот что: на следующий день принцесса заявила, что она уже не желает иметь звездочку. Рыцари знали, как быстро менялись прихоти принцессы, и ничуть не удивились этому. Они стали терпеливо ждать нового приказа принцессы. Но прошел день, прошел другой, третий Эзольда ничего не требовала, ничего не приказывала.

– Что случилось с Эзольдой? – недоумевали рыцари и свита.

В самом деле, что случилось с Эзольдой?

Галина правда

Давно это было.

Зеленели вишневые садо́чки, нежная травка чуть пробивалась из земли, весенние фиалки синели в лесной чаще.

Все радовалось, все ликовало, а в Галиной хате печаль, слезы.

Плакала Галя.

Мать Гали лежала на убогой кровати бледная, с впалыми щеками и то покашливала, то тихо стонала.

Приходили старухи, прыскали святой водой в лицо Галиной матери, смотрели в ее мутные, большие глаза и говорили, покачивая головами:

– Умрет... Не протянет и до завтра...

Плакала Галя. Мать была всегда такая тихая да ласковая, дочку Галю свою любила. Как же не плакать? Их на свете-то только и было двое: мама да Галя Галя да мама. И вдруг умрет мама...

Плакала Галя.

Потух солнечный луч за деревней, утонул в голубовато-хрустальном озере. Запахло сильнее цветами, первыми ландышами из леса, птицы прокричали в последний раз свой привет перед ночью, и все уснуло, затихло, замолкло до утра. На небе зажглась ночная звездочка, яркая, нарядная и красивая. Галя сидела у окна, глядела на звездочку и вспоминала, как она с мамой часто сидела по вечерам у порога хатки и любовалась звездочками. А маме становилось все хуже да хуже. Она и кашляла-то глуше, и дышала слабее.

И вдруг нежным тихим голосом позвала она Галю:

– Деточка моя ненаглядная, присядь ко мне, посиди со мною.

Отбежала от окна Галя, кинулась к маминой постели, обвила маму своими детскими ручонками.

– Не долго уж осталось мне жить, деточка моя, – произнесла мать. – Скоро, очень скоро придется оставить тебя, моя ненаглядная...

– Нет, мама, нет! – воскликнула Галя. – Я не отпущу тебя, не отдам смерти! – И еще сильнее прижалась к матери.

Мать дрожащими руками тоже обняла дочурку.

– Прощай, деточки моя ненаглядная! Прощай, Галя моя! прощай, голубушка. Не забывай маму... Помни: любит тебя твоя мама и будет постоянно смотреть на тебя с неба, деточка, и каждый твой добрый, светлый поступок будет ее радовать. Нет у меня ничего, что бы я могла тебе оставить, дочурка. Одно только было у меня в сердце сокровище, пока я жила и дышала, а теперь я его тебе передам, дочке моей. Это сокровище – правда, Галя. Говори всегда правду, и будет у тебя всегда светло на сердце и ясно на душе! Всегда-всегда одну правду говори, Галя! Одну только правду! ничего не таи, ни в чем не лги! А теперь прощай.

И, перекрестив дочурку дрожащей рукой, умирающая прижала ее к своему сердцу, коснулась нежного детского личика своими горячими губами и затихла навеки.

Упала Галя на похолодевшее тело матери, громко-громко зарыдала и стала покрывать руки умершей поцелуями.

Опять пришли старухи, унесли плачущую Галю в другую хатку, а сами стали одевать Галину маму и укладывать ее в гроб.

А Галя сидит в это время одна, вся в слезах.

Увидела звездочка с неба плачущую девочку, ярко засветила в окошко пустой хатки, точно желая утешить сиротинку. Подняла Галя свои заплаканные глаза к небу, посмотрела на звездочку, протянула к ней руки и прошептала срывающимся голосом:

– Нет моей мамы! Умерла моя мама! Вернись, мама, вернись! – и сердечко ее билось, разрывалось на части.

Плакала Галя.

Рассвело. Солнышко встало над Галиной хаткой. Красивая большая птица опустилась на крышу.

– Кто там плачет? – спросила птица.

Спросила, заглянула вниз в оконце и увидела девочку.

– Хорошенькая девочка! – сказала птица, взмахнула крыльями и очутилась на окне возле Гали. – О чем ты плачешь, девочка? – обратилась птица к Гале и постучала своим длинным клювом в подоконник.

Галя взглянула на птицу, увидела ее широкие крылья, длинный клюв и добрые, круглые глаза и, сразу почувствовав доверие к большой птице, рассказала ей, заливаясь слезами, все свое горе. Птица пожалела сиротинку и сказала ей:

– Ты одна на свете, я тоже одна. Каждому из нас тяжело и грустно в одиночестве, а вместе, вдвоем, нам легче будет переносить тоску. Садись мне на спину, девочка, и я умчу тебя в такие страны, где стоит вечное лето, где пестреют душистыми цветами огромные, непроходимые леса, где громадные белые цветы растут на берегу реки и смотрят в нее, любуясь своим пышным нарядом. Я умчу тебя туда, где огромные крокодилы выплывают из реки и греются на солнце у берега, а великаны-слоны целыми стаями ходят на водопой. В эту сказочную страну я унесу тебя, девочка. Хочешь лететь со мной?

Галя печальными глазами огляделась вокруг: ей было жаль расстаться и с белой хаткой, и с вишневыми садочками, и с родимой деревней. Но тут же вспомнила девочка, что нет с нею больше ее мамы, а без мамы и хатка, и вишневые садочки, и родная деревня для нее, Гали, не милы...

И, тихо заплавав, сказала птице Галя:

– Унеси меня, большая, добрая птица, куда хочешь. Я готова лететь с тобою далеко, далеко. Хоть на край света!..

Едва только успела произнести эти слова Галя, как мигом очутилась на спине птицы, которая сейчас же взвилась с нею на воздух.

Жутко было лететь первое время Гале. Далеко внизу копошились люди, казавшиеся крохотными букашками с высоты, белели хатки, церкви, мелькали целые города, селения. Птица летела с головокружительной быстротой, поднимаясь все выше и выше. Скоро не стало видно ни домов, ни церквей, ни селений...

Облака носились внизу, отделяя птицу и Галю от земли, от целого мира. Облака наверху и внизу, и всюду...

Страшно стало Гале, зажмурила она глаза и крепче прижалась к птице. А та только сильнее замахала крыльями и помчалась еще быстрее, еще выше, к самому солнцу...

– Где мы? – спросила Галя, когда птица с быстротой молнии опустила ее на землю, прямо в роскошный, чудно благоухающий сад.

Белые цветы стройными, красивыми рядами тянулись по бокам аллеи, которая вела к белоснежному дворцу с колоннами и огромной террасой. На террасе находилось много, много людей в пестрых полосатых одеждах, со смуглыми лицами, с бронзовыми телами. Посреди них сидел человек с красной бородой, с обмотанной чем-то белым головою, с яркими губами и с таким грозным лицом, что при одном взгляде на него Галя вся затрепетала от страха.

Бронзовые люди кланялись до земли страшному человеку и говорили:

– Ты светел и могуч, ты мудр и прекрасен, ты велик, как никто в целом мире!

А царь, – потому что бронзовый человек со страшным взором был царь, упрямо крутил головою, потрясал огненно-красной бородою и отвечал сурово:

– Вы говорите неправду, и говорите все это только потому, что боитесь меня, зная, что одним движением брови я могу лишить вас жизни.

И опять бронзовые люди кланялись до земли и восхваляли своего царя:

– Ты светел и могуч, мудр и прекрасен!

А царь все тряс своей огненной бородою и все говорил:

– Нет, это вы льстите мне, потому что я царь. Не верю вам.

Вдруг у самых ступеней, ведущих на террасу, он увидел девочку и птицу. Увидел и пораился несказанно, откуда могла явиться эта девочка. По лицу его промелькнула улыбка. Точно он догадался о чем-то, точно решил что-то внезапно. И, окинув взглядом придворных, он сказал:

– Вот я спрошу ее, сколько правды в ваших словах.

Потом обратился к Гале и произнес, поглаживая свою красную бороду:

– Скажи мне, девочка, правда ли, что я светел и могуч, мудр и прекрасен?

И уставил на Галю свои страшные, суровые глаза. Хотела отвечать Галя то же, что говорили бронзовые люди, чтобы не разгневать страшного царя, да вдруг вспомнила про завет матери: говорить одну правду – и твердым голосом сказала:

– Нет, царь. Не светел ты, потому что лицо твое хмуро и сурово. Я видела солнце, которое светло и могуче, от одного его луча идет столько тепла и света! Не знаю, мудр ли ты, но знаю, что Тот, Кто создал тебя и твоих подданных, мудрее тебя. Нет, ты не прекрасен, царь: человек с такими глазами не может быть прекрасным; я вижу кроткое, ласковое небо, оно – прекрасно, а не ты...

Едва только произнесла последнее слово Галя, как в ужасе заметались царские приближенные.

– Она с ума сошла! Она больная! – кричали они. – Что говорит она нашему повелителю?!

И они бегали и метались, как стая испуганных птиц. А сам царь нахмурился и стал чернее ночи. Разгневала его слова Гали. Не привык он слышать такие слова и принял ее за безумную.

– Возьмите ее! – приказал он слугам. – Поселите отдельно от всех, и пусть мои лучшие врачи лечат ее. Но не позволяйте ей сноситься с людьми, чтобы они не услышали от нее ее безумного лепета!

И, сказав это, он махнул рукой. Слуги бросились к Гале и готовы были схватить ее, но в это время большая птица взмахнула крыльями, усадила Галю к себе на спину и в одну минуту была уже за несколько верст от белого дворца и бронзовых людей.

– Неси меня туда, птица, – шепнула ей Галя, – где люди любят правду и слушают ее.

И полетели, понеслись птица и Галя в другую сторону, в другую страну.

Долго неслись они по голубому небу, среди белых перистых облачков, высматривая, где бы им спуститься. Спустились они прямо на луг, окруженный лесом, непроходимым и дремучим. На лужайке, вокруг костров, сидели большие, плечистые люди. Их было несколько тысяч. Среди них стоял юноша выше, красивее и стройнее других. У всех за спиной были стрелы, лук, топоры и копья. Они говорили своему вождю, стройному юноше, вооруженному лучше и богаче других:

– О, великий, смелый вождь! Твой брат собрал большое войско и идет на нас. Он говорит, что половина этой страны – его, что этот лес – его лес, что наши жилища должны принадлежать его воинам и что он идет отобрать все это у тебя, у нас. Но пусть он соберет еще больше войска, мы не боимся ничего. Каждый куст в этом лесу знаком нам. Мы окружим лес и нападём на твоего брата, разобьем его войско, а его самого приведем к тебе. Ты можешь убить его или сделать его своим рабом.

– Да, я сделаю его своим рабом, потому что смерть лучше унижения. Пусть же он испытает последнее, чтобы узнать гнев брата своего! – произнес грозно юноша и взмахнул копьем.

Воины испустили дикий крик и завертелись вокруг костра в бешеной пляске. А когда они остановились, чуть не падая от усталости, то внезапно увидели большую птицу с девочкой на ее спине.

Галя уже стояла перед их молодым вождем и говорила, обращаясь к стройному юноше-вождю:

– Юноша, ты не прав! Ты не должен воевать с твоим братом, потому что отец твой, умирая, завещал вам обоим землю эту пополам. Я это знаю. И знаю также, что ты отнял у твоего брата его половину и прогнал его отсюда. И если твой брат опять идет сюда, то он имеет на это право. А ты не прав, молодой вождь. Ты поступил жестоко и бесчестно!

Юноша-вождь слушал Галю, и чем дальше говорила она, чем смелее становилась ее речь, тем сильнее трепетал дикий воин. Страх и благоговение отразились в его лице к концу Галиной речи. Он упал к ногам девочки и, ударяя себя в грудь, вскрикнул страшным голосом:

– О, мои воины! Мои храбрые воины! Падите ниц! Сам Великий Дух посылает нам это дитя! Сам Великий Дух говорит ее устами! Она видит мое сердце и знает мои помыслы. Видит всю правду и бесстрашно высказывает ее мне, вашему могучему вождю. Никто до сей поры не смел мне высказать правды. Значит, сам Великий Дух посылает ребенка на землю! Она – посол Великого Духа! Сюда, ко мне, жрецы и прорицатели! Восхвалите девочку, отведите ее в наш храм, посадите ее на трон первого жреца, зажгите перед ней благовонные курева и служите в честь ее, в честь вестницы правды! А я и мои воины кланяемся ей до земли!

И юный вождь упал на колени. За ним упали и все его воины. Из дремучего леса вышли седобородые старцы. Они ударяли в огромные раковины и производили ими странные, непонятные звуки.

Седобородые старцы приблизились к Гале и, кланяясь ей до земли, говорили:

– О светлая посланница Великого Духа! Пойдем с нами в наш храм. Там твое место. День и ночь ты будешь жить в храме, и голубой дымок в честь твою понесется из наших каминов благовонной струей, мы будем петь тебе священные песни и украсим тебя цветами. Ты будешь царицей нашего храма.

И они осторожно взяли под руки Галю и хотели ее увести в дремучий лес, где у них между деревьями скрывался их храм. Ужас и страх наполнили разом сердце Гали.

– Где же правда? – вскричала она трепещущим голосом. – Когда люди кланяются человеку и считают его за божество? Где же правда, если правдивое слово здесь так дико, что сказавшую это слово простую, маленькую девочку приняли за посланницу Бога? Нет, не хочу я ни почестей, ни славы. Сюда, ко мне, большая птица, унеси, умчи меня отсюда!

И большая птица уже тут как тут: расправила крылья, подхватила Галю и умчала ее снова в небо высоко, высоко, оставив пораженных ужасом воинов и жрецов.

И снова носятся большая птица и Галя между солнцем и облаками.

Наконец утомились, спустились на землю. Слышат дивную музыку, веселый смех и шутки. В звонких голосах чувствуется радость.

– Неси меня туда, птица, откуда слышатся музыка и голоса, – попросила Галя.

Через минуту увидели они роскошный, ярко освещенный замок на берегу озера. Замок весь повис над водою, стоя на высокой скале, свесившейся над темным и бурливым озером.

В замке огни, музыка, веселье.

Роскошно одетые кавалеры, еще более нарядные красавицы дамы, все это движется в плавном и красивом танце. Парча, золото и драгоценные камни – все смешалось, все горит, блестит и сверкает не меньше огней хрустальных люстр, подвешенных к потолку зала.

Впереди всех выступает об руку с красивым и нарядным рыцарем сама королева, владелица этого замка и всей страны, в которую залетела Галя со своей птицей.

Ах, как хороша королева! Глаза у нее темно-синие, как вода в том озере, что шумит под окнами замка, и блестят они, как та драгоценная диадема, что горит, переливается алмазами

и яхонтами на ее белокурых кудрях. И личико королевы совсем как у ребенка: тихое, кроткое, безмятежное.

«Какая ласковая, какая милая королева! – подумала Галя. – Верно, в ее стране живет правда, верно, она любит правду, и хорошо живется всем подданным такой доброй королевы!»

Едва только подумала это девочка, как сквозь шум музыки и веселый смех танцующих чуть слышно донесся до нее какой-то глухой, тихий стон.

Вздрогнула Галя, насторожилась.

Стон повторился. Он несся из зеленой чащи сада, скрытой ночной темнотой.

– Полетим туда, милая птица, узнаем, кто это стонет! – взволнованно прошептала Галя.

И они помчались от залитого огнями замка в темный сад, в ночную тьму.

Стон становился все слышнее и явственнее по мере того, как Галя со своей птицей углублялась в чащу сада. Бледный серп месяца выглянул из-за тучи и осветил крошечную полянку. Там, у ствола большого дерева, стояла молодая девушка с бледным измученным лицом. Ее руки и ноги были крепко стянуты толстыми веревками, прикручивавшими ее к дереву. Ее лицо носило следы тяжких страданий.

– Что с тобою? Кто привязал тебя здесь? И почему ты стонешь? – спросила девушку Галя.

– Я служанка красавицы королевы, – чуть слышным от слабости голосом прошептала девушка, – той красавицы королевы, которая танцует и веселится там, в замке. Она приказала привязать меня к дереву и заморить голодом, потому что три дня тому назад я осмелилась сказать ей, что рыцарь, которого она избрала в женихи, не любит ее и желает жениться на ней потому только, чтобы стать королем. Я это знаю. Это правда. И за эти слова правды я должна умереть голодной смертью.

Сказав это, девушка глухо и жалобно простонала.

Галя вся задрожала от волнения.

– Скорее! Скорее, моя птица, поспешим в замок, – заговорила она, поспешим к королеве, пока еще не поздно освободить несчастную девушку и спасти ее от лютой смерти!

И быстрее ветра помчались они в замок.

Словно гром небесный грянул над танцующими, так ошеломило их появление маленькой девочки и большой птицы среди зала. Музыка умолкла. Пары остановились. В одну минуту Галя очутилась перед красавицей королевой.

– Королева! – сказала девочка дрожащим голосом. – Выслушай меня: ты тут танцуешь и веселишься, а там, в саду, умирает твоя служанка. Нехорошо это, королева! Ведь твоя служанка сказала правду. Нельзя веселиться, когда делаешь зло своему ближнему. Прикажи освободить несчастную девушку, и тогда пускай снова играет музыка, танцуют пары и звучит веселый смех твоих гостей, королева! Нехороша та повелительница, которая так жестоко наказывает за правдивое слово.

Закончив свою речь, Галя взглянула на королеву, да так и обмерла от ужаса. Что случилось вдруг с красавицей королевой? Глаза у нее разом почернели и округлились, как у ворона, лицо позеленело и покривилось, губы перекосились, и вся она стала вдруг отталкивающей и безобразной.

– Ничтожная, жалкая девчонка! – закричала на Галю королева, затопав ногами. – Как смеешь ты порицать меня! За это ты должна немедленно умереть!

И сейчас же приказала страже бросить Галю в озеро. Стража исполнила приказ своей королевы, схватила Галю, подтащила ее к окну и бросила вниз, прямо туда, где глухо шумели темные воды большого озера.

Упала в озеро Галя, погрузилась в холодные волны и опустилась мертвая на самое дно. И, наверное, она стала бы добычей молодых смеющихся русалок, если бы большая, верная птица не метнулась следом за нею и не вытащила из воды маленькую утопленницу.

Схватила в свой сильный клюв мертвую Галю большая птица и быстро поднялась с нею от земли и озера высоко, высоко к небу. А там уже ждали Галю. Ждали ее прекрасные белые существа, мальчики и девочки с серебряными крылышками за спиной. Увидели они птицу с мертвой девочкою в клюве, подхватили Галю на руки и понесли в небеса.

Недолог был путь маленьких крылатых существ.

Внезапно послышалась дивная музыка. Незримый хор запел чудесную, сладкую песнь.

Принесли крылатые дети в роскошный небесный сад Галю, положили на душистую полянку, сплошь покрытую ароматными листьями и розами, и, встав вокруг нее, запели звонкими красивыми голосами, какие могут быть только у ангелов:

– Проснись, пробудись, милая Галя! Ты попала в царство правды, одной правды, чистой и прекрасной, которой не встретишь на земле! Проснись, милая, маленькая Галя!

Но Галя не слышала пения ангелов, не чувствовала аромата цветов. Тогда, не переставая петь, крылатые дети полетели высоко за облака и через минуту вернулись снова, ведя за руку высокую женщину в белой одежде, кроткую и прекрасную, как голубка. Женщина склонилась над мертвой Галей и нежно обвила ее тонкими руками. Две слезы капнули из ее глаз прямо на сердце Гали, и вдруг это сердце ожило, затрепетало. Открыла глаза девочка, взглянула перед собой и вскричала радостным голосом, узнав склонившуюся перед нею женщину:

– Мама! Мама моя!

– Галя! Моя Галя! – прошептала белая женщина. – За твою правду Господь соединил меня снова с тобою, чтобы никогда, никогда уже нам не разлучаться больше. В царство правды примчала тебя большая птица, в то царство, где живет радостная и торжествующая правда!

И мама крепко обняла свою девочку и целовала ее без конца, без счета. Роскошный сад благоухал, и бледнолицые ангелы пели гимн о Галиной правде.

А большая птица снова полетела к земле и людям, желая найти во что бы то ни стало правду там, на земле. Полетела одна, без Гали упрямая птица. А Галя осталась с мамой в лазурном царстве.

Давно это было.

Веселое царство

Ха! Ха! Ха!

Хи! Хи! Хи!

За десятки, за сотни, за тысячи верст раздавались громкие раскаты веселого, беззаботного смеха. Раздавались с утра и до вечера, с заката и до восхода солнца, раздавались без перерыва.

Это смеялись жители Веселого царства. Странное, совсем особенное это было царство. Другого такого нет, не было и не будет на земле.

Очень занятное царство. Там никто никогда не горевал, не плакал, не жаловался, не печалился, не болел. Там все смеялись, смеялись постоянно, смеялись без усталости. Ходили – и смеялись, сидели – и смеялись, работали – и смеялись, говорили – и смеялись, даже... спали – и смеялись. Только и слышно было: ха, ха, ха да хи, хи, хи!

В Веселом царстве не было ни горя, ни забот. Его жители не знали ни нищеты, ни грусти; они никогда не болели, не страдали и доживали, веселые и довольные, до глубокой старости. Рождались со смехом и умирали со смехом, передавая своим потомкам способность весело смеяться.

Веселее всех смеялся царь Веселого царства. Веселая улыбка так и не сходила с его лица; на высоком его лбу никогда не видно было морщинки грусти, а глаза царские постоянно искрились смехом – добрым, веселым смехом.

Просыпался утром веселый царь и со смехом звонил в колокольчик. Со смехом появлялись царские слуги.

– Давайте одеваться. Хи-хи-хи! – командовал царь.

– Извольте, ваше величество, ха-ха-ха! – заливались слуги.

Одевшись, царь выходил на балкон своего дворца послушать, как смеются подданные в его столице.

По улицам бежали смеющиеся люди, со смехом возницы предлагали прохожим свои услуги, со смехом торговцы продавали свои товары...

Все смеялись. Все... И взрослые, и дети, юноши и старцы, господа и слуги, генералы и солдаты, богатые и бедные. Точно серебряный звон стоял над Веселым царством, точно там праздновался постоянно светлый, радостный праздник – так были все счастливы и веселы.

И вдруг однажды в это царство радости, довольства, счастья и смеха забрела старая, худая, согнутая в три погибели старуха – такая, какой никогда не видывали в Веселом царстве. У нее было мрачное, печальное лицо, глаза какие-то растерянные, полуслепые от слез, а щеки ввалились от худобы. Седые космы редких волос выбивались у нее из-под платка.

– Хи-хи-хи? Что за странная старуха? – удивлялись счастливые люди Веселого царства. – Ха-ха-ха! Кто ты, бабушка? – спрашивали они.

– Мое имя Нужда, – произнесла она глухим замогильным голосом. – Пришла я к вам из соседнего государства, где живут мои сестры: Горе, Болезнь, Печаль, Голодуха, Страдание. Мы все постоянно странствуем из одного места в другое, а в иных местах подолгу остаемся. В вашем царстве ни одна из нас еще не бывала, вот я и решила заглянуть к вам, чтоб убедиться, нельзя ли мне как-нибудь здесь пристроиться. Но вижу, что мне здесь не житье: все вы тут сытые, довольные, веселые...

– А ты умеешь смеяться? Ха-ха-ха! Умеешь? – зазвенело, загудело на разные голоса вокруг нее.

Старуха гордо выпрямилась. Ее глаза гневно блеснули.

– Я не умею смеяться, и не хочу смеяться, и ненавижу смех, – строго проговорила она. – Нужда не должна смеяться. Она плачет. И если бы я осталась у вас, то скоро научила бы и вас плакать.

– Плакать? – с удивлением переспросили веселые люди. – Нет, старуха, это ты напрасно думаешь. Ха-ха-ха! А вот мы заставим тебя смеяться, увидишь заставим.

– Никогда! – сурово оборвала их старуха Нужда.

– Нет, заставим. Непременно заставим, – повторили несколько раз веселые люди. – Ха-ха-ха! Давай сейчас смеяться. Слышишь?

– Никогда! – вновь повторила Нужда. – И не требуйте от меня чтобы я смеялась: раз я засмеюсь, беда вам будет.

– Ха-ха-ха! – ответили веселые люди. – Разве от смеха может быть беда? Нет, бабушка, ты должна с нами смеяться. Ну-ка, Начинай!

– Не буду! – угрюмо повторила опять старуха.

– Ну, хоть немножко!

– Никогда! – вновь повторила Нужда.

Как ни старались веселые жители Веселого царства рассмешить старуху Нужду, их старания ни к чему не повели. Рассердились, наконец, веселые люди, но рассердились, конечно, по-своему, по-смешному.

– Не смеяться в нашем Веселом царстве, а грустить и печалиться, когда мы все смеемся, – это преступление, – говорили они. – Мы этого так не пропустим и отдадим тебя, старуха, под суд. Пусть умные судьи решат, как быть с тобою.

И недолго думая, они подхватили старуху и потащили ее в суд.

– Ха-ха-ха! В чем провинилась эта старушенция? – спросили судьи, когда привели Нужду в большую комнату, в которой заседал суд.

Веселые люди рассказали, что старуха заупрямилась, не хочет ни за что смеяться.

Стали судьи совещаться – как быть, какое придумать для печальной старухи наказание. Совещались они, конечно, смеясь и хохоча. Смеялись при этом не только судьи, но и стража, стоявшая у дверей, смеялись писцы, записывавшие решение суда, смеялись сторожа, привратники. Одна Нужда не смеялась.

Долго-долго советовались судьи, наконец обратились к Нужде с такой речью:

– Слушай, старуха. Ты лучше раскайся и засмейся. Тогда мы тебя простим. Ха-ха-ха!

Но Нужда с гневом отказалась от такого предложения. Не станет она смеяться. Ни за что не станет! Никогда не смеялась и не будет смеяться. Ее дело печалить людей, и не к лицу ей смех.

– А мы все-таки тебя заставим смеяться, – хохотали судьи. – А не захочешь, накажем тебя со всею строгостью законов Веселого царства.

– Наказывайте! Я ничего не боюсь! – надменно заявила упрямец.

Опять стали совещаться судьи. Словно пчелиное жужжанье повисло в воздухе, так они спорили и гоготали, прерывая постоянно свою речь смехом.

Кончили, наконец, совещанье и вынесли такой приговор:

– Так как старуха, несмотря на все увещания, упрямится и не хочет смеяться, то немедленно выслать ее из пределов Веселого царства и не позволить ей ни минуты оставаться среди веселых людей.

Нужда молча выслушала этот приговор. Но веселые люди, которые привели ее в суд, остались недовольны приговором.

– Что это за наказание? – кричали они. – Нет, надо непременно заставить смеяться старуху. Непременно надо. Судьи неверно решили дело! – и они потребовали, чтобы были призваны другие судьи, которые придумали бы старухе иное наказание.

Это желание было тотчас исполнено. Опять собрались судьи, опять совещались, спорили и вынесли такой приговор:

– Закрывать все заставы Веселого царства и не выпускать старуху до тех пор, пока она не станет смеяться.

Но веселый народ и этим приговором остался недоволен.

– Ха-ха-ха! – кричали веселые люди на разные лады. – Разве такой приговор подействует на упрямую старуху? Ничуть. Нет, видно, судьям не решить этого дела. Отправимся мы лучше к нашему королю: он сумеет приказать старухе смеяться. Ха-ха-ха!

И они бросились к Нужде, подхватили ее и потащили ее во дворец.

– Царь! Милостивый и справедливый! – кричали веселые люди, толпясь вокруг жилища любимого царя. – Выйди к нам. Мы привели к тебе старуху странницу Нужду, которая пришла в наше царство с печальным лицом и не хочет смеяться с нами. Прикажи ей, царь, смеяться.

Царь вышел к толпе, приблизился к старухе и, громко смеясь, произнес:

– Старуха, смейся!

– Не буду! – угрюмо отозвалась Нужда.

– Тебе говорят, смейся!

– Ни за что.

Царь хотел сделать строгое лицо и... не мог. Оно так и прыгало от смеха.

А старуха становилась с каждой минутой все угрюмее, все мрачнее.

Подумал веселый царь, как и чем заставить старуху исполнить желание народа, то есть рассмеяться, и, наконец, сказал:

– Слушай, бабушка Нужда. В наказание за твое упрямство я лишаю тебя самого дорогого, что только может быть на свете: отныне я запрещаю тебе, раз и навсегда, смеяться. Как бы весело тебе ни было на душе, ты лишена впредь возможности смеяться. Страшное это наказание! Ты его почувствуешь, старуха, потому что как рыба не может жить без воды, как никакая земная тварь не может существовать без воздуха, так человек не может жить без смеха. А ты, Нужда, лишена отныне этого великого блага, ха-ха!

– Ха-ха-ха! – раздалась в ответ на это громовые раскаты смеха веселого народа, очень довольного умным приговором своего короля.

Вместе с народом расхохоталась, вопреки всем ожиданиям, и сама старуха Нужда.

Расхохоталась хриплым, замогильным, отвратительным своим смехом, таким громким, что он заглушил смех тысяч веселых людей.

Расхохоталась потому, что такого наказания никак не могла ожидать старуха Нужда.

Ее лишили того, к чему она чувствовала непреодолимое отвращение, того, чего она сама терпеть не могла. Ей, которая никогда в жизни не смеялась, запрещали смеяться! Это было так ново, необыкновенно и смешно, что Нужда не выдержала и расхохоталась первый раз в своей долгой жизни. За ней расхохотался король. За ним воины, стража, народ. И отовсюду стали раздаваться раскаты смеха. Но всех громче смеялась сама старуха Нужда. Странно, однако: чем громче смеялась она, тем тише становился смех окружающих ее жителей Веселого царства...

И лица у них, всегда такие веселые, довольные, становились все серьезнее и серьезнее. Как ни стараются они по-прежнему хохотать, смех у них выходит какой-то сдавленный, невеселый.

А старуха Нужда смеется все громче да громче, приплясывает, скачет...

Прошел день, другой, третий – и в Веселом царстве не слышно уже раскатов смеха. Раздается только странный, хриплый, неприветливый хохот старухи Нужды...

Прошло еще несколько времени – и в Веселом царстве совсем не стало больше слышно смеха. Люди точно разучились смеяться.

Даже сам царь и тот не смеялся больше. Лицо у него стало грустное-прегрустное, а глаза, которые умели только улыбаться, теперь блуждающе смотрят вдаль, где старуха Нужда, пере-

ходя из дома в дом, все смеется, скачет, приплясывает. И где только она покажется, люди сразу разучаются смеяться.

– Перестань же, старуха! – кричат ей.

Но старуха не унимается.

– Ха-ха-ха! Заставили вы меня смеяться, – отвечает она, – теперь я не могу перестать...

– И с тех пор Веселое царство превратилось в царство грусти.

Мельник Нарцисс

Стояла мельница над синей рекой, стояла и пела. И все в ней пело: и колеса, сквозь которые струилась вода, и тяжелые жернова, и сам мельник, юноша восемнадцати лет, которого звали Нарциссом.

Мельник-юноша пел громче и слаще всего. Хорошо пел. Люди слушали его и говорили: – Ровно птица небесная поет-заливается Нарцисс...

И правда их была. Серебряным ручьем, струею гремучей, арфой невидимой, золотою, ангельским голосом заливался мельник Нарцисс.

Был он на свете круглым сиротою. Не помнил ни матери, ни отца. Умерли они рано. Было ему, Нарциссу, несколько месяцев в то время. Старый мельник пожалел сироту-мальчика, взял его к себе, воспитывал, точно родного сына, а умирая оставил мельницу Нарциссу. И вот на мельнице стал хозяйничать сам Нарцисс. Хозяйничает и поет.

Ах, поет!

Птицы Божие завидуют его голосу звонкому. Люди не надвоятся его веселому, счастливому, всегда довольному лицу.

– И чего он весел? – спрашивают. – И чего заливается? У других забота и печаль, а у него песня звонкая да радостная улыбка не сходят с уст. А сам одинок, сирота и беден как церковная мышь. Что толку, что есть у него мельница? Зерна ему молотье возят мало, платят немного: бедные люди кругом живут, платить больше не могут, не из чего! А ему и горя мало. Поет, соловьем разливается, даром что впроголодь живет.

Услыхала про веселого, довольного мельника злая, коварная колдунья Урсула и захотела увидеть воочию людскую радость. Спряталась она под мельничное колесо и стала поджидать диковинного мельника, что так доволен своей судьбой. Известное дело: злая колдунья не может видеть без зависти счастливых, довольных людей.

Видит – действительно счастлив и доволен своею судьбою мельник и весело улыбается и поет, поет.

– Ну, постой же ты, милый! – ехидно прошипела себе под нос колдунья. Перестанешь ты петь у меня.

И в один миг закружила, зачаровала мельника Нарцисса и нагнала на него очарованный сон. Заснул мельник и видит себя во сне королем. На нем золотая корона, вокруг него – послушная свита, перед ним – несметные богатства хрустального дворца.

И радостно, радостно забилося сердце Нарцисса! Еще бы! Худо ли быть могущественным королем?

Но не долго длился сладкий сон.

Проснулся мельник – и ни дворца, ни свиты, ни сокровищ перед ним нет. Стоит только девушка неземной красоты. Стоит и улыбается ему. Это злая Урсула превратилась в красавицу, чтобы не напугать мельника своим безобразным, отталкивающим, злым лицом.

Нарцисс вытаращил глаза и лепечет в недоумении:

– Кто ты?

– Нет! Лучше скажи мне, ты кто? – засмеялась своим звонким голосом мнимая красавица.

– Я мельник! – отвечал Нарцисс. – А был только что королем. Ах, хорошо было! – вздохнул он, с сожалением вспоминая чудесном сновидении.

– Что ж? Разве так сладко быть королем? – спросила красавица, то есть Урсула.

– Ах, сладко! – отвечал Нарцисс. – Так сладко, что, кажется, все бы отдал, чтобы хоть годик побыть королем... Всюду тебе почет, всюду покорность! Денег куры не клюют, ешь вкусно, сладко, с серебряной посуды, пьешь из золотых кувшинов. То-то хорошо! А живешь-

то во дворце в хрустальных палатах, сам одет в шелк и бархат, в шляпу с пером, в сапоги со шпорами. Чудо что такое!

Улыбнулась Урсула.

– Хочешь, сделаю тебя королем?

Глаза у мельника разгорелись, как звезды. Весь он вспыхнул от счастья и хотел даже запрыгать на радостях, да ноги у него подогнулись, и он упал на берег, на траву.

Упал и сладко заснул в тот же миг... А злая Урсула наклонилась над ним, протянула руку и зловещим голосом зашептала:

Стань, обернись,
Опять закрутись,
Назад оглянись
И мне поклонись.
А как встанешь и проснешься,
О былом не заикнешься,
Все минует долгим сном
Станет мельник королем...

* * *

Проснулся мельник, смотрит удивленно кругом и видит – лежит он на лебяжьей перине, на широкой постели, под бархатным балдахинном с золотыми кистями. Над постелью королевская корона. Простыни – из тончайшего шелка, обшитые трехаршинными кружевами по краям. Одеяло атласное, шитое золотом, легкое, как пушинка. А кругом толпятся слуги, важные-преважные, почтенные, седые. Иного такого слугу, наверное, принял бы за важного господина в былое время бедный мельник, а теперь? А теперь без всякого стеснения протянул слугам свои голые ноги и коротко произнес:

– Обувайте!

Засуетились слуги, преклонили колена и стали натягивать с великой осторожностью на ноги мельника шелковые чулки. Точно это и не ноги были, а две хрустальные вазы, которые они опасались разбить.

Потом они подали королю-мельнику туфли с бриллиантовыми пряжками и исподнее платье. Нарцисс не двинул ни рукой, ни ногой, пока его одевали, и только поворачивался вправо и влево, как кукла на пружинах. Все делали за него другие. Когда, наконец, его одели, вошли два маленьких невольника-негра и внесли серебряный жбан с водой. Слуги умыли короля и повели в столовую.

В столовой его ждал обильный завтрак. Каких только яств не поставили на стол!

Нарцисс подошел к столу и уже приготовился схватить лучший с тарелки, как неожиданно предстал перед ним высокий, в темном одеянии, старик с очками на носу.

– Не извольте этого кушать, ваше величество, а то расстроите ваш драгоценный желудок, – произнес он и почтительно отвел руку короля от жирного куска.

Тогда Нарцисс схватился за другое блюдо. Но велик же был его гнев, когда доктор (высокий человек в очках был придворный врач, лейб-медик) снова почтительно остановил его.

– Это вредное кушанье для вас, ваше величество, – сказал он и прибавил, не понимая, чего смотрит гофмейстер,⁵ ведь такие блюда нельзя кушать королю.

⁵ Придворный, ведавший дворцовым хозяйством, придворным церемониалом.

И, вместо вкусных яств, подвинул Нарциссу стакан молока и два крошечных куска белого хлеба, прибавив, низко кланяясь:

– Здоровье короля – лучшее счастье его подданных. А поэтому вашему величеству необходимо беречься для счастья вашего народа! Я же поставлен для того, чтобы постоянно следить за вашей едой, и обязан наблюдать, чтобы вы, государь, случайно не поели что-нибудь вредное или не скушали слишком много.

Нечего делать, пришлось Нарциссу довольствоваться молоком.

* * *

– Я хочу идти гулять! – вскричал Нарцисс весело, покончив с завтраком.

Но тут человек десять каких-то седовласых людей окружили его тесной толпой.

– Ваше величество, не угодно ли вам будет заняться сперва государственными делами? – произнесли они, чуть ли не до земли склоняясь перед ним.

Король не может отказываться от государственных дел, и Нарцисс должен был покорчиться. Он пошел за седовласыми старцами в огромную комнату, которая называлась королевским кабинетом. Здесь король и его седовласые советники принялись решать важные государственные дела.

Солнце, сияя вовсю, смотрело в окна. Толпы гуляющих сновали по улицам. Деревья приветливо шумели за окнами, точно хотели сказать:

– Брось свои дела, король, и ступай к нам на волю, на простор!

И молодому королю неудержимо захотелось выбежать из скучного кабинета, от скучных дел и скучных советников. А они точно и не замечали его нетерпения, все говорили, говорили, говорили без конца. Наконец встали все и с низкими поклонами вышли из королевского кабинета.

Молодой король точно ожил душой.

– Гулять! Гулять! В поля! В лес! На волю! – запело и заликовало все внутри его.

Он затянул было свою песенку, но тотчас вспомнил, что он теперь король и что королям не полагается петь веселые песенки, и замолк.

На пороге королевского кабинета появилась между тем блестящая свита молодого короля.

– Ваше величество, желаете гулять? Лошади уже готовы и ждут у подъезда.

И ближайшие сановники, приняв под руки Нарцисса, осторожно и бережно, как больного, свели его с лестницы.

Нарцисс был неприятно поражен, увидя у крыльца карету. Ему хотелось побегать по лесу и полям, а тут сиди в закрытом ящике и любуйся миром сквозь стеклянные окна.

«Ну, по крайней мере, хоть вдоволь наслажусь быстрой ездой!» – подумал король и ошибся.

Лошади ехали шагом. Карета едва двигалась вперед, так как народ, желая полюбоваться своим королем, наполнял улицы, теснился вокруг экипажа и не давал ходу карете. Притом люди неистово кричали «ура», так что звон стоял в ушах Нарцисса, и он был рад-радешенек, когда снова экипаж остановился у дворцового подъезда и свита бережно проводила его в столовую, где уже было накрыто к обеду.

Обильные, роскошные яства покрывали стол, но королевский гофмейстер накладывал самые маленькие порции на тарелку короля. И Нарцисс, при всем своем желании наестся вкусных блюд до отвала, остался почти голодный.

Сердитый и недовольный, поднялся он из-за стола.

– Я хочу в сад! – резко произнес он, ни к кому не обращаясь.

– О, ваше величество, к сожалению, желание ваше невыполнимо, – с самым изысканным поклоном произнес гофмейстер, – уже поздно, и вы едва успеете приготовиться к балу, который назначен к девяти часам.

Нарцисс топнул ногою от гнева, но все-таки пошел одеваться.

Целый десяток слуг засуетились снова вокруг него. Его усадили перед зеркалом. Явился парикмахер и стал в пышные кольца завивать красивые, вьющиеся волосы Нарцисса. Потом одели в узкий костюм, весь шитый золотом и унизанный дорогими камнями. С непривычки носить подобные одежды Нарцисс жался, подергивался и гримасничал. К тому же он устал.

Ему было тесно и душно в новом платье. Пот градом лился с его лица.

Одевание, продлившееся добрых часа два, наконец окончилось. Под звуки музыки, окруженный блестящею свитой, король Нарцисс проследовал в балный, весь залитый огнями зал.

Когда он проходил по залу, все низко ему кланялись, но никто не решался заговорить с ним, никто не осмеливался подойти к нему, так что Нарциссу, в конце концов, стало скучно, и он начал уже зевать.

Заметив это, придворные подвели к королю-мельнику высокую некрасивую девушку и сказали, что это дочь могущественного соседнего царя и что королю следовало бы открыть бал с нею.

Дама не понравилась Нарциссу. Она была чересчур высока ростом, полна и угловата. Но он все-таки прошел с нею дважды по залу. Он хотел затем сделать с ней тур вальса, но гофмейстер предупредительно шепнул ему на ухо, что королю не полагается плясать.

Едва гофмейстер удалился, как к Нарциссу подошел ближайший сановник и тихо сказал:

– Сегодняшний бал самый подходящий для вашего величества, чтобы выбрать себе невесту. Все дочери знатнейших королей, герцогов и принцев собрались в вашем дворце. Остается только вам, государь, выбрать из них, которую вы считаете достойной стать королевою.

Нарцисс улыбнулся. Он не прочь был жениться на молоденькой, хорошенькой девушке. Быстрыми глазами он обожегал знатный круг своих гостей, королевен, княжен и герцогинь. Но, к своему глубочайшему огорчению, не нашел ни одной, которая бы понравилась ему своей красотой.

Все принцессы, герцогини и королевны были пышно одеты в нарядные, туго зашнурованные платья. Их талии казались тонкими, как у ос, они едва дышали в своих узких корсетах. Их лица были густо наруганы и набелены. Огромные безобразные прически не шли к ним, отягощая головы и стягивая волосы у висков. Они двигались неестественно в своих тесных на высоких каблуках ботинках и казались Нарциссу заводными куклами на пружинах. И улыбались кукольной, деланной улыбкой, поджимая губки.

Вдруг взор Нарцисса поразила одна девушка, стоявшая одиноко в стороне от других. На ней не было ни роскошного наряда, ни пышной прически, ни тесных туфель на высоких каблуках. Она была одета очень скромно. Но зато она была красивее всех других.

Прелестная фигурка, румяное личико, белые руки, радостная, веселая улыбка, сияющие довольством глазки девушки, простое ситцевое платье, шелковый фартучек, изящная косынка – все это в один миг очаровало короля.

Нарцисс смотрел на девушку и не мог вдоволь насмотреться. Один ее вид уже заронил в его сердце горячую любовь.

– Вот моя невеста! – произнес он радостно и, миновав напудренных, затянутых красавиц, подошел к очаровательной простушке и взял ее за руку.

В тот же миг громкий, насмешливый хохот огласил залу. Ближайший сановник со всех ног кинулся к Нарциссу.

– Что вы, государь! Это простая служанка. Она присутствует единственно для того здесь в зале, чтобы следить, не порвался ли наряд у кого-либо из этих важных дам, королевен, герцогинь и княжен. Разве может простая служанка стать невестой короля! И чуть ли не силой отвел

короля от красавицы служанки. Но Нарцисс уже не слышал его слов. Он ринулся из бального зала сначала в сад, оттуда на улицу, в поле, в лес, в самую чащу его.

Здесь он упал на мягкую, сырую от росы траву и, не помня себя от горя, закричал:

– Что за ужас, что за скука быть королем! Не только не смеешь распорядиться своим временем, но и любить не смеешь того, кого выбрало сердце! Все отдам я тому, кто превратит меня снова в прежнего скромного мельника Нарцисса!

Сказал и уснул мгновенно, потому что находившаяся поблизости Урсула, услышав его обещание, решила снова вернуть ему прежнюю долю.

На утро проснулся Нарцисс и видит: перед ним его милая мельница, гудят колеса, плещет вода звонкою, хрустально-синей струей. Радостный и счастливый вскочил он на ноги и запел, запел так, как никогда еще не певал мельник Нарцисс во всю свою жизнь!

Живая перчатка

I

Жил на свете рыцарь, свирепый и жестокий. До того свирепый, что все боялись его, все – и свои и чужие. Когда он появлялся на коне среди улицы или на городской площади, народ разбегался в разные стороны, улицы и площади пустели. И было чего бояться рыцаря народу! Стоило кому-либо в недобрый час попасться на его дороге, перейти ему нечаянно путь, и в одно мгновение ока свирепый рыцарь затапывал насмерть несчастного копытами своего коня или пронзал его насквозь своим тяжелым, острым мечом.

Высокий, худой, с очами, выбрасывавшими пламя, с угрюмо сдвинутыми бровями и лицом, искривленным от гнева, он наводил ужас на всех. В минуты гнева он не знал пощады, становился страшным и выдумывал самые лютые кары и для тех, кто являлся причиной его гнева, и для тех, кто случайно попадался ему в это время на глаза. Но жаловаться королю на свирепого рыцаря было бесполезно: король дорожил своим свирепым рыцарем за то, что тот был искусным полководцем, не раз во главе королевских войск одерживал победы над врагами и покорил много земель. Потому-то король высоко ценил свирепого рыцаря и спускал ему то, чего бы не спустил никому другому. А другие рыцари и воины, хотя и не любили свирепого рыцаря, но ценили в нем храбрость, ум и преданность королю и стране...

II

Бой близился к концу.

Свирепый рыцарь, закованный в золотую броню, скакал верхом между рядами войск, воодушевляя своих усталых и измученных воинов.

В этот раз бой был очень тяжелый и трудный. Третьи сутки дрались воины под начальством свирепого рыцаря, но победа не давалась им. У врагов, напавших на королевские земли, было больше войска. Еще минута-две, и враг, несомненно, одолел бы и ворвался бы прямо в королевский замок.

Напрасно свирепый рыцарь появлялся то тут, то там на поле брани и то угрозами, то мольбами старался заставить своих воинов собрать последние силы, чтобы прогнать врагов.

Вдруг конь рыцаря шарахнулся в сторону, заметив на земле железную перчатку, такую, какую носили в то время почти все рыцари. Свирепый рыцарь дал шпоры коню, желая заставить его перепрыгнуть через перчатку, но лошадь ни с места. Тогда рыцарь велел юноше оруженосцу поднять перчатку и подать ее себе. Но едва только рыцарь дотронулся до нее, перчатка, точно живая, выскочила из его руки и опять упала на землю.

Рыцарь велел опять ее подать себе – и опять повторилось то же самое. Мало того: упав на землю, железная перчатка зашевелилась, как живая рука; пальцы ее судорожно задвигались и снова разжались. Рыцарь приказал снова поднять ее с земли и в этот раз, крепко зажав ее в руке, помчался в передние ряды своих войск, потрясая в воздухе перчаткою. И каждый раз, когда он поднимал высоко перчатку, пальцы перчатки то сжимались, то снова разжимались, и в ту же минуту, точно по сигналу, войска кидались на врага с новою силою. И где ни появлялся рыцарь со своею перчаткою – усталые и измученные его воины точно оживали и с удвоенною силою бросались на врага. Прошло всего несколько минут, и враги, бежали, а вестники свирепого рыцаря стали трубить победу...

Гордый и торжествующий объезжал теперь рыцарь ряды своих усталых, измученных бойцов, спрашивая, кому принадлежит странная перчатка, но никто не видал до тех пор такой перчатки, никто не знал, откуда она взялась...

III

Во что бы то ни стало решил свирепый рыцарь узнать, кому принадлежит странная перчатка, и стал объезжать все города, все села и деревни и, потрясая в воздухе своею находкою, спрашивать, чья это перчатка. Нигде не отыскивался хозяин живой перчатки. В одном городе попался свирепому рыцарю навстречу маленький мальчик и сказал:

– Я слышал от деда, что в лесу живет старая Мааб. Она знает все тайны мира и, наверное, сумеет открыть тебе значение живой перчатки, рыцарь.

– Едем к ней! – был суровый приказ, и, прищипорив коня, свирепый рыцарь помчался к лесу. Покорная свита помчалась за ним.

Старуха Мааб жила в самой чаще глухого, темного леса. Она едва двигалась от дряхлости. Когда она увидела перчатку, то глаза у нее загорелись, словно яркие факелы в ночной темноте, и она вся побагровела от восторга.

– Огромное счастье досталось тебе в руки, благородный рыцарь, – глухим голосом произнесла она. – Далеко не всем людям попадается подобное сокровище! Эта живая перчатка – перчатка победы... Судьба нарочно бросила ее на твоём пути. Стоит тебе только одеть ее на руку, и победа останется всегда за тобою!

Свирепый рыцарь просиял от счастья, надел на руку перчатку, щедро наградил золотом Мааб и умчался из дремучего леса в королевскую столицу.

IV

Прошла неделя.

Не слышно ничего про обычные жестокие проделки рыцаря, не слышно, чтобы он в припадке гнева кого-либо подверг казни, не слышно, чтобы он обидел кого-либо.

Еще так недавно лилась кровь вокруг свирепого рыцаря рекою, слышались стоны, раздавался плач. А теперь?

Правда, неделю тому назад попробовал было рыцарь ударить мечом кого-то из прохожих. Но неожиданно рука его, судорожно сжатая живыми пальцами перчатки, опустилась, и тяжелый меч со звоном упал на землю.

Хотел рыцарь сбросить с руки докучную перчатку, да вспомнил вовремя, что даст она ему победу, и удержался.

Другой раз хотел рыцарь направить своего коня на окружавшую его толпу людей, и снова до боли сжали его руку живые пальцы перчатки, и он не мог двинуть ими для управления конем. С этой самой минуты понял рыцарь, что идти наперекор живой перчатке бесполезно, что она, эта перчатка, удерживает его от самых жестоких поступков. И перестал он извлекать меч из ножен для гибели невинных людей.

И люди не боялись теперь выходить из домов на улицы в то время, когда проезжал по ним свирепый рыцарь.

Они без страха появлялись теперь на его пути и славили рыцаря за его победы над врагами.

V

Снова загорелась война...

Уже давно дальний сосед короля, властелин богатой страны, прельщал взоры рыцаря. И он говорил своему королю:

– Гляди! Твой дальний сосед богаче тебя, и хотя ты поклялся ему в вечной дружбе и мире, но если ты победишь его и присвоишь себе его владения, то станешь самым могучим и богатым в мире королем.

Король послушался слов своего любимца. «Прав рыцарь, – думал король, завоюю страну моего соседа и разбогатею от его богатства!» И приказал трубить новый поход.

VI

Сошлись два войска на поле брани.

Дружины рыцаря встретились с дружинами дальнего короля.

Рыцарь был вполне спокоен и заранее уверен в исходе боя.

Он знал: перчатка победы была на его руке.

Солнце всходило и заходило снова. Месяц сиял и мерк и снова сиял. Птицы пели, стихали и снова пели, а люди все бились и бились без конца.

Долгая то была битва.

Долгая и упорная как никогда.

Свирепый рыцарь стоял в стороне, распоряжаясь боем, заранее уверенный в победе своих дружин.

Вдруг невиданное зрелище поразило его взоры: враги побеждали, а его воины ударились в бегство.

Взбешенный, он сам кинулся в бой. И... принужден был отступить. Враги окружили его со всех сторон.

Не помня себя, он дал шпоры коню и погнал его с поля битвы.

Прискакал в столицу рыцарь, весь обрызганный кровью, и упал к ногам короля.

– Не вини меня, король! – вскричал он. – Не я, а старуха Мааб виновница гибели твоего войска. Она обманула меня, заставив надеть на руку перчатку гибели и поражения. Вели казнить ее, король, казнить жестокою, страшною смертью, какую только можно придумать!

VII

С первыми лучами солнца весь город высыпал на площадь. В этот ранний утренний час решена была казнь старухи Мааб, привезенной еще накануне из леса. Решено было сжечь Мааб на костре, чтобы впредь не морочила людей, не выдавала перчатку гибели за перчатку победы.

Привезли на площадь Мааб, сняли с колесницы, ввели на возвышение, где лежали сложенные для костра дрова.

Поставили на них Мааб и привязали веревками к столбу. Перед самым столбом стоял свирепый рыцарь и кричал со злым смехом в самое лицо Мааб:

– Ты обманула меня, Мааб! За это умрешь лютою смертью! И знак к казни я дам тою самою перчаткою, которая мне, по твоим словам, должна была доставить победу.

С этими словами он поднял руку, чтобы дать знак палачам зажигать костер, и вскрикнул в испуге. Рука не двигалась. Точно налитая свинцом, она безжизненно повисла вдоль тела. Тогда он открыл рот, желая отдать приказание начинать казнь, но в тот же миг живая перчатка поднялась вместе с рукою и, тесно прижавшись к его рту, чуть не задушила его.

Обезумев от ужаса, рыцарь вскричал:

– Спаси меня, Мааб! Спаси!

Мааб медленно сошла с костра, без всякого усилия перервав веревки, и, приблизившись к рыцарю, произнесла:

– Я не солгала тебе. Живая перчатка воистину перчатка победы. В каждом правом деле она даст тебе победу всюду и везде. И в последней неудачной битве дала бы она тебе победу, если бы ты не шел на соседнего короля с корыстолюбивыми целями овладеть его богатством, а защищал своего короля, свою родину, свою честь.

И тогда бы ты не потерпел поражения, сознавая себя правым и в честном деле. Знай же, что живая перчатка будет служить тебе только во всех добрых и честных делах! Ведь удержала она тебя в те минуты, когда ты хотел пролить кровь невинных людей! Дала тебе победу над самим собою! Дала победу и тогда, когда на твою страну напали злые враги. Так будет с нею и впредь!

И сказав это, исчезла, как тень, растаяв в воздухе, Мааб.

* * *

Предсказание Мааб сбылось.

Живая перчатка помогала рыцарю во всех его правых делах, давая ему победу, и удерживала его всякий раз, когда он начинал какую-либо скверную, несправедливую затею.

И весь народ прославил его имя, и вместо свирепого рыцаря люди прозвали его рыцарем правым и благородным.

Меч королевы

Три дочери было у короля Артура, три стройные, красивые и добрые принцессы. Но лучше всех была старшая, веселая да радостная такая: очи звездочки небесные – так и искрятся, улыбка с уст не сходит, серебряный смех то и дело тишину и великолепии огромного дворца оживляет. И всем-то, глядя на веселую принцессу, весело становится. А Мира-королевна так и звенит своим колокольчиком-смехом, так и сияет звездочками-очами.

Жизнь вокруг королевны ключом кипит. Что ни вечер, то бал во дворце, что ни день, то королевская охота наряжается. Трубят рога, лают собаки, веселый смех дам и кавалеров по лесу носится. А вечером освещаются роскошные дворцовые залы, наезжают гости и идет пляс веселый до самой утренней зари. И пуще всех пляшет, пуще всех за оленями да зайцами гоняется Мира-королевна. Для нее и охоты эти, и балы устраиваются. Тешит, балует король Артур дочку свою любимую.

Но недолго, короток девичий век. Пролетела розовая юность незаметно, пришла пора замуж выходить, и выдали принцессу Миру замуж за короля дальней страны.

Уехала Мира в царство своего мужа, и прекратились во дворце короля Артура балы, прекратилось веселье, прекратились даже охоты за оленями.

Вместе с юной королевной уехали и многие придворные сановники, которые решили служить и впредь у своей королевны, в чужой, дальней стране.

Счастливо зажила Мира со своим мужем, но только счастье ее не долго продолжалось: не прошло и года, как муж ее, король, на охоте упал с лошади и убился до смерти. Овдовела Мира.

Народ чужой страны за короткое время пребывания Миры успел полюбить ее и пожелал, чтобы после смерти короля она правила страной, и стал упрашивать Миру не уезжать к отцу, а остаться на престоле.

Согласилась Мира, а только, видно, не по нутру было веселому нраву королевы государственными делами управлять, серьезные думы думать, скучные просьбы да жалобы народа выслушивать, суды судить да заседать с мудрейшими людьми государства. Не по душе такие дела Мире. То ли дело под лучами весеннего солнышка за прытконогим оленем гоняться, то ли дело в вихре веселой пляски по нарядным залам носиться! Жизнь беспечная, веселая, праздничная манит к себе королеву.

Недолго погоревала Мира по смерти своего мужа. Снова начались балы да охоты. А народом править поставила она двух сановников, суровых нравом да жестоких сердцем. Сановники были из другого королевства, из того самого, откуда приехала Мира. Народа чужой, дальней страны они не любили, как править этим народом, не знали и заботились лишь о том, как бы все покрасивее в столице выглядело, где дворец королевы стоял, а о том, что делалось в деревнях и селах, голодал ли или сыт был народ, – им и узнать-то не хотелось...

И стало в том королевстве все вкось и вкривь делаться, народ обеднял и стал громко роптать да жаловаться.

Но ропот и жалобы народа не доходили до королевы Миры. Охота сменялась охотой, балы – балами. Весело жилось Мире-королеве и не думала, не гадала она, как страдает ее народ. Спросит сановников королева, как ее подданным живется, – один ответ у ее сановников на устах:

– Все счастливы, королева, и тебя день и ночь благословляют...

И королева довольная, радостная продолжала веселиться и забавляться.

* * *

А народ все чаще и чаще, все громче и громче стал роптать и решил, наконец, что необходимо убрать, удалить тех сановников, что всю страну ввергли в беду, в несчастье, и просить королеву на их место назначить других, и не из чужой уже страны, а из своих людей, которые народ бы любил и знали, как им править.

Было утро раннее, майское, светлое.

Солнышко грело, птицы весело чирикали, небо голубело праздничное, радостное, красивое такое. Проснулась Мира, с веселым, радостным сердцем проснулась.

В этот день был веселый маскарад назначен, и заранее Мира-королева радовалась тому, как хороша, как нарядна она на нем будет.

Весело прыгнула с постели королева и видит – лица у ее свиты, фрейлин и служанок испуганные, белые, как мел, губы дрожат. В глазах ужас написан.

– Королева, – шепчут они в страхе, – твои мудрые сановники прискакали и желают тебя видеть. Народ не хочет им повиноваться больше, тебя зовет, шумит, кричит. Сановники не знают, что делать...

Взволновалась, встрепелась Мира. Еще такого не было, чтобы народ шумел. Все тихо у них было, все спокойно.

Оделась Мира в королевские свои одежды и в сопровождении всех придворных своих дам и многих рыцарей, которые постоянно жили во дворце, спустилась по широкой лестнице, застланной коврами.

В нижней зале, у лестницы, уже ждут королеву два самых важных сановника.

Как только увидели они Миру, низко поклонились и сделали знак рукою страже. По этому знаку вышли из толпы придворных два кудрявых мальчика-пажа. Они держали в руках бархатную подушку. На подушке лежал золотой меч.

Мальчики-пажи преклонили колени и положили меч к ногам королевы.

– Что это значит? – взволнованным голосом спрашивает Мира.

Тогда выступили с низкими поклонами сановники вперед и говорят:

– Народ шумит, безумствует, королева! Не хочет слушать нас. Мы уже собрали войска, чтобы наказать непокорных, и тебе, королева, предстоит стать во главе верных воинов с мечом в руке. Возьми его и поведи войска против непокорных.

Выслушала Мира слова сановников и глубоко задумалась, златокудрой головкой своей поникла, печально долу опустила затуманенные глаза и грустно, грустно стало у нее на душе.

Хоть и чужой ей был народ, среди которого она жила, она успела полюбить его. И теперь только стала раздумывать королева, как мало заботилась она о том народе, который так доверчиво просил ее остаться царствовать в стране после смерти ее мужа. Только теперь вспомнила, что сама никогда не спрашивала у народа, счастлив ли он, доволен ли, и во всем верила своим сановникам. Неужели же ей последовать теперь советам этих сановников и идти с мечом на тех, которые ее хотели иметь своей королевой?

Нет! Нет! Никогда не быть этому! Не прольет она крови, хоть и чужого ей, но вверившегося ее власти народа. Иначе сумеет она успокоить его. Надо только узнать прежде всего, отчего волнуются, чего хотят ее подданные.

Две сестры Миры, принцессы, которые накануне приехали к ней в гости, чтобы принять участие в веселом маскараде, стали нашептывать королеве в уши:

– Уедем, Мира, отсюда! Уедем сейчас обратно к отцу! Умчимся в родное наше королевство! Что тебе чужой народ, Мира! Не хочет он подчиняться поставленным тобою сановникам, так уйди от него. У нашего царя-батюшки достаточно богатства, достаточно дворцов, и там ты так же весело жить будешь, как и здесь.

Улыбнулась Мира, покачала своей красивой головкой и ответила сестрам:

– Нехороший совет даете мне, сестры. Раз я стала королевой этой страны, то народ, который здесь живет, мне больше не чужой. Нет, он стал мне близким, родным, я обязана печься о нем, а теперь я, прежде всего, должна узнать, что стряслось, какая беда великая в моем королевстве приключилась, кто тут прав, кто виноват.

– Нет, королева, нет уже теперь времени разбирать, кто прав, кто виноват, – встревоженно заговорили сановники. – Народ шумит, бунтует. Войско ждет. Возьми меч, королева, и стань во главе войска, пока не поздно.

– Нет, не надо мне меча, – ответила громко королева.

И оттолкнула от себя меч ногою, поспешно спустилась со ступеней лестницы, быстрыми шагами вышла на балкон, оттуда в сад дворцовый и, приблизившись к зеленому деревцу, росшему в углу сада, сорвала небольшую веточку с него и шепнула:

– Ты – миртовое деревцо, деревцо мира, спокойствия и дружбы! Пусть мой народ увидит тебя в моей руке вместо враждебного меча и поймет, что не дышит к нему ненавистью и враждою Мира-королева!

И вышла с миртовой ветвью к народу.

* * *

Затих народ.

Затих сразу, увидя свою королеву.

Надеждой и счастьем заблестали глаза. Приветственные крики огласили воздух. Восторженно, радостно звучали они.

– Да здравствует королева! – слышалось со всех сторон.

А когда многотысячная толпа увидала в руке королевы миртовую ветку, то как один человек упала на колени. Мира медленно спокойно вошла прямо в толпу собравшегося народа.

Став в самой середине, она громко и внятно сказала, что пришла узнать, кто обидел ее любимый народ, кто виновник его несчастий и чем она может ему помочь. Тогда из толпы вышли седые старики и поведали королеве все горести и печали народа.

Все узнала Мира. Узнала и поняла. Поняла, что притесняли сановники ее народ, обижали его помимо ее воли.

И больно, и стыдно стало королеве. Стыдно за то, что развлечения да празднества столько времени от нее драгоценного отнимали, того времени, которое она должна была посвящать народу своему.

Чем больше узнавала Мира от своих подданных правду-истину, тем ярче и ярче разгоралась в ее сердце любовь к ним. И тут же дала себе слово Мира-королева бросить веселье да потехи и всю свою жизнь отдать на служение своему народу.

И сдержала свое слово свято и твердо светлая Мира-королева.

Герцог над зверями

Добр и ласков был герцог Альберт и хорошо, справедливо правил государством. Подданные горячо любили своего повелителя и супругу его, герцогиню, но не могли любить, даже ненавидели всей душою сына их, молодого герцога Ролана. Да и было за что ненавидеть его. Злая, жестокая душа была у молодого герцога, злое, жестокое сердце. Все подданные с ужасом смотрели на будущего своего повелителя. Сын и наследник герцога внушал всем страх. Ему было только десять лет, а он уже успел всюду проявить свой жестокий нрав и дурной характер. Говорили люди, что будто маленький Ролан находится в дружбе со злым колдуном Чуром. Говорили, что оттого и зол, и жесток с окружающими Ролан, что колдун Чур внушает много злобы его молодому сердцу.

Но вот горе-несчастье случилось в герцогской семье. Умерла герцогиня.

Горько плакал король, горько плакал народ. Не плакал один маленький Ролан. Не принесла ему особого горя кончина матери, не любил он ее, как никого не любил маленький, злой и жестокий Ролан-герцог.

А время все шло да бежало вперед. И становился с годами все круче и злее, все жестче и безжалостнее герцог Ролан. Отец с ужасом думал о том, какой из него выйдет правитель для государства. И все печальнее и тоскливее становилось на душе герцога от злых поступков Ролана, все тяжелее и тяжелее становилось герцогу с таким сыном. Невольно стал подумывать все чаще и чаще герцог, что хорошо было бы ему найти утешение, женившись вторично, чтобы было с кем поделиться своим горем, посоветоваться, пожаловаться, погоревать на судьбу, давшую ему такого сына.

Подумал, подумал герцог и женился. Хороша, как Божий день, была молодая герцогиня, светла и радостна, как солнце, а в доброте и кротости не уступала своей умершей предшественнице.

Зажил герцог с женою душа в душу. Через год родился у герцогской четы прелестный мальчик с голубыми глазами. Герцог дал ему имя Лео.

Не нарадовались на крошку дитя отец с матерью; не нарадовалась на него свита, не нарадовался и весь народ.

Один герцог Ролан невзлюбил брата. С первого же дня появления его в мире возненавидел всюю ненавистью, всюю злобою, какая имела у него в сердце.

Стал подрастать мальчик Лео: стал хорошеть не по дням, а по часам. К десяти годам вырос и обратился в такого красавчика, что смотреть на него нельзя было без восторга. А уж о кротости и доброте Лео и говорить нечего: голубь, не мальчик, золотое сердце у него.

– Вот бы нам такого герцога вместо злого Ролана, – стал поговаривать народ.

А Ролан тут как тут. Услыхал такие речи – света не взвидел.

– Изведу, уничтожу негодного мальчишку, – решил он в гневе и тотчас же стал обдумывать, как бы погубить маленького Лео с голубыми глазами.

* * *

Гремел гром, сверкала молния, дождь лил как из ведра. Старый герцог был на охоте, и все беспокоились о нем во дворце. Лео сидел у пылающего камина и думал о том, где теперь отец, которого он нежно любил.

И вдруг в его комнату вбежал Ролан.

– Собирайся в путь-дорогу, Лео! – вскричал он. – С отцом случилось несчастье, в него ударила молния, и он лежит весь опаленный в лесу. Спешим же к нему, пока не поздно!

Горькими слезами облился Лео и поспешно, насколько мог, отправился за братом.

Пришли они в лес, глухой и непроходимый, дремучий и темный, темный, зги не видать.
– Где же отец? – рыдая, спросил старшего брата Лео.

А Ролан как захохочет:

– Ах ты простофиля! Простофиля ты, Лео, с голубыми глазами! Поверил ты моей сказке. Да знаешь ли ты, что отец охотится не в этом лесу! Здесь живет злой колдун Чур, мой добрый приятель. К нему-то и привел я тебя на ужин, глупый мальчишка Лео!

Горько заплакал маленький Лео, задрожал от страха. А Ролан так и заливается злорадным смехом, который еще больше пугал бедного Лео.

– Вот, постой, сейчас явится Чур и съест тебя, – и с этими словами исчез он, точно провалился сквозь землю.

Остался Лео один в густом, дремучем лесу. Стоит и плачет. Плачет и думает: «За что меня Ролан ненавидит? Что я дурного сделал ему? Почему он погубить меня вздумал?»

А вокруг него все глуше и глуше, все темнее и темнее становится ночь. Даже грома не слышно за шелестом огромных деревьев-великанов, даже молнии не видно промеж листьев. Так густо разросся лес дремучий, страшный...

И вдруг слышит Лео, точно шум крыльев над его головой. Поднял голову, видит: огромная птица спускается на землю, а на ней сидит злой колдун Чур. Сидит верхом на птице и кричит зычным голосом:

– Отличный ужин ты приготовил мне, Ролан! Спасибо, Ролан! Спасибо!

Шарахнулся в сторону дрожащий Лео. Понял, о каком ужине говорит ему Чур, да не уйти ему от колдуна.

Вот спустилась птица с Чуром на землю, и Чур уже готовился схватить своими корявыми пальцами Лео.

Замер в отчаянии и страхе чуть живой Лео. Но в это время, откуда ни возьмись, огромный волк кинулся к Чуру и отнял у него маленького герцогского сына.

– Мой лес – моя добыча! – заревел он на колдуна.

В тот же миг великан птица взвилась высоко на воздух и умчала колдуна.

Лео и волк остались одни.

– Откуда ты, мальчик? – спросил волк, оскаливая зубы.

Лео рассказал волку все, что с ним случилось. Волк покачал своей серой головой и произнес:

– Что есть скверные люди – это я знаю давно, но про такого, как твой брат Ролан, не слыхивал. Думал я съесть тебя – да нет, жаль мне тебя. Очень уж хорошие у тебя глаза. Покажу я тебя нашим зверям. Идем!

Пришли на звериную поляну. Кого, кого тут только не было: и барсы, и львы, и тигры, и волки, и лисицы, и зайки, и сурки, и полевые мыши, и обезьяны словом, все звери, какие только существуют на свете. Ждали и слона, но он почему-то не явился.

– Вот! – сказал волк. – Смотрите, какую нашел я редкую добычу.

Все звери окружили Лео и стали разглядывать его. В этот момент луч месяца осветил его лицо, и прекрасные глаза Лео засветились двумя голубыми незабудками. Целое море чувства отразилось в этом взоре. Вся чистая, хрустальная, добрая и честная душа Лео выглянула из него.

И лютые тигры, и львы, и хищные волки, и гиены, и шакалы – все это пало ниц под могучим взором Лео, и все звери, как покорные рабы, улеглись у ног Лео, стали лизать его руки, смотреть на него преданными глазами и, как собаки, готовы были последовать за ним всюду.

– Ба! – проревел лев. – Вот так глаза у мальчишки! В жизни не видал я ничего такого!

– Вы правы, лев, – подтвердила мартишка, – у него глаза – точно звезды на небе.

– О-о, жаль есть такого мальчугана! Уж очень он хорош собою! – прогудел голос медведя.

– Очаровательный мальчик! – делая умильную рожицу, произнесла лисичка.

– Пусть остается с нами и живет среди нас, – предложил тигр.

– Да, да! Пусть живет среди нас. Пусть будет нашим другом! – закричали все звери хором и так громко, что чуть не оглушили Лео.

А когда Лео опять взглянул на зверей, они все тесной толпой окружили его и, ползая у его ног, стали просить:

– Не уходи от нас, останься жить с нами. Будь нашим герцогом, светлоглазый Лео. Мы будем подчиняться каждому твоему слову, каждому движению твоей руки, каждому взгляду твоих глаз. Только останься с нами! Будь нашим герцогом, маленький Лео! Будь герцогом над нами, зверями, Лео! Ты заслужил, чтобы все мы повиновались тебе, светлый, благородный мальчик! Властвуй над нами, Лео! Мы все с радостью умрем за тебя!

* * *

Прошло много лет. Умер старый герцог, умерла герцогиня, не осушавшая слез после пропажи маленького Лео.

Стал герцогом Ролан.

О маленьком Лео мало-помалу все позабыли. А маленький Лео о вырос и по-прежнему повелевал звериным царством. Звери души в нем не чаяли. Они бесконечно любили своего герцога. И было за что любить. Лео был мудрый, справедливый и кроткий правитель. Он никого не оскорблял, не наказывал и жил со своими подданными в согласии и мире.

Стоило зверям затеять какую-нибудь ссору или драку, как мгновенно появлялся Лео, вскидывал на враждующих свои чудные, голубые глаза, и все утихало, смиралось и успокаивалось в тот же миг.

Однажды пронеслась весть по всему звериному царству, что на соседнюю землю, которую правил герцог Ролан, напали страшные темные люди.

Узнал об этом звериный герцог, и стало жаль ему своего жестокого брата. Как-никак родной ведь он ему по крови. И кликнул клич своим зверям Лео:

– Пойдем, поможем герцогу Ролану одолеть его врагов!

Зная, как жестоко отнесся Ролан когда-то к Лео, удивились звери его желанию помочь злему брату, однако, привычные подчиняться своему доброму повелителю, покорно последовали за ним в герцогство Ролана помогать одолеть его врагов.

А там уже бой подходил к концу. Побеждали темные люди. В пух и прах были разбиты войска Ролана. Сам Ролан лежал раненый, в крови.

Ударил со своим звериным войском на черных людей Лео. Зарычали, заревели звери, покусали черных людей, одолели врагов Ролана. Выгнали их из герцогства далеко, далеко, побитых, уничтоженных, пораженных.

Победил врагов Лео, приблизился к брату. А тот еле дышит уже. Увидел Лео, протянул к нему руки, шепчет чуть слышно:

– Много горя причинил я тебе, Лео. Погубил я тебя из зависти и злобы. А ты мне добром и ласкою отплатил за мое зло. Простишь ли ты меня, Лео?

– Прощаю! Охотно прощаю тебе все, Ролан!

И Лео обнял брата.

Узнали подданные Ролана, что вернулся его брат Лео, которого они считали давно погибшим, и окружили его с торжественными криками:

– Наконец-то вернулся ты к нам! Наконец-то, Лео! Теперь ты будешь у нас нашим любимым повелителем! Мы окружим тебя заботой и лаской, мы заставим позабыть тебя все те горести и печали, которые тебе пришлось пережить в детстве. Да здравствует Лео, да здравствует наш любимый герцог!

Но Лео молчал. Печальными глазами смотрел он на людей. А за ним теснились его звери – понурые, грустные, исполненные тоски. Роняли тихие слезы львы, тигры, волки, медведи, гиены.

Рыдали навзрыд маленькие лисички, зайчики, сурки, мыши.

– Не уходи от нас, герцог Лео, не уходи! – молили они слезно.

Зазвенело что-то в сердце Лео. Зазвенело, точно порвалось, и громким голосом сказал он людям:

– Не оставлю своих зверей милых ни за что на свете. Приютили они меня в горькую минуту, дали мне радость и любовь. Останусь с ними до самой смерти! Вы же найдете иного герцога для себя!

Сказал и ушел снова в дремучий лес, в свое звериное герцогство Лео с голубыми глазами. И хоть мучительно ему было расставаться с людьми, ушел от них к зверям, которые согрели его горькую жизнь любовью, послушанием, заботой и лаской.

Сказка о Красоте

На высокой горе, среди снежных облаков, среди синего неба построен заповедный чертог. Амброй и розами благоухает он еще издалека. В золотых курильницах тихо мерцает голубое пламя, распространяя нежный аромат. Синим дымком уходит он в золотой купол. А кругом: на полу, на стенах, на потолке все розы, розы, розы... Целый лес роз, целое море роз.

В розовом чертоге живет Красота, прекраснее роз, прекраснее заповедного чертога, прекраснее целого мира. Пять сестриц, златокудрых невольниц охраняют каждый шаг своей царицы. Глядят ей, не отрываясь, в очи, глядят и поют...

Красота слушает целыми днями пение невольниц, любит, как завивают они венки из душистых роз, гуляет по мраморным плитам своего чертога и скучает.

Скучает Красота...

Наскучили Красоте и амбра, и розы, и пение златокудрых подруг. Хочется ей проникнуть за заповедные стены, узнать, что делается за ее чертогом, внизу, в долине. Ведь поют же златокудрые невольницы о том, что есть люди на свете, есть птицы и звери, а кто и какие они и как выглядят, не знает Красота...

Хоть бы одним глазком взглянуть, хоть бы на мгновение выпорхнуть из заповедного чертога и без докучной свиты взглянуть на мир! А златокудрые невольницы, как нарочно, поют о ярком солнце, о дивном мире, о людских праздниках и о веселых людях, которые день и ночь мечтают увидеть ее, Красоту.

«Если мечтают, зачем ей не показать им себя, бедным людям?» – подумала как-то Красота и высказала свою мысль подругам.

Те заохали, застонали, чуть ли не разлились в потоках слез.

– Что ты, что ты, царица, опомнись! Разве можно показываться людям! Да ведь они и воспевают и славят тебя оттого только, что не видят тебя и лишь догадываются о твоём существовании. И, несмотря на все достоинства, которыми ты пленяешь мир, люди считают тебя в своём воображении красивее и могущественнее, нежели ты есть на самом деле. А раз ты покажешься им, предстанешь пред их глазами, они перестанут боготворить тебя, начнут искать в тебе разные недостатки, не будут уже признавать такой прелестной, очаровательной, перестанут восторгаться тобою. Таковы уже люди! Они любят все далекое, неизведанное, а раз это далекое, неизведанное приближается к ним, они, неблагодарные, и знать его не хотят!

Засмеялась Красота. Как можно не восторгаться ею? Как можно пренебречь ею – красавицей вселенной? Как можно не любоваться ею – первую и единственную в мире обладательницу всех прелестей?

Взглянула в зеркало царица, и зеркало отразило ее лицо, белое, как снег, отразило алые щечки – два лепестка розы, синие глазки – две лучистые звезды, золотые кудри – сноп солнечных лучей, пурпуровый ротик – цветок мака... Так воспевали невольницы красоту царицы, и такую увидела себя она сама в отражении зеркала.

И вдруг задорное желание пробудилось в голове прекрасной царицы – пойти к людям и сказать им:

– Смотрите на меня. Я краше всего мира. Я – Красота. Любуйтесь мною и поклоняйтесь мне. И сознайтесь, что вблизи я еще лучше, нежели издали. Я Красота и недаром ношу это имя.

В тот вечер царица была печальна и задумчива, какую никогда еще не видели ее златокудрые рабыни. Ложась на свое ложе перед сном, вся увитая розами и окуренная амброй, Красота долго вертела драгоценный перстень в руках. У этого перстня была чудодейственная сила. Его волшебница Истина дала при рождении Красоте. Стоило только приложить к губам драгоценный перстень – и все преграды должны были рушиться на пути Красоты, но не ранее как на семнадцатом году жизни прекрасной царицы... Сегодня как раз был канун рождения

царицы, и перстень Истины мог получить силу в ее руках. Об этом и вспомнила, ложась спать, Красота. Сегодня в ночь перстень Истины должен сослужить ей службу. И притворилась спящей Красота, чтобы обмануть своих златокудрых невольниц.

– Уснула Красота! – прошептали те, увидав закрытые глаза своей царицы, и разбрелись по своим ложам.

А Красоте только того и надо.

Вскочила, огляделась и приложила перстень Истины к губам.

В тот же миг раздвинулась тяжелая стена заповедного чертога, образуя узкий проход, ведущий прямо в лес. Идет по лесу Красота и видит: висит какой-то странный фонарь между двух сосен, а чем прикреплен – не видно. Льется на дорогу молочный свет и дрожит и мерцает. Свет есть, а толку от него мало. Почти ничего не видно на пути.

– Вот гадкий фонарь! – рассердилась Красота и даже ножкой топнула от гнева. – Плохо же ты светишь Красоте!

– Ха, ха, ха! – рассмеялся фонарь. – Я не фонарь, а месяц. Плоха же ты, Красота, если не можешь светить сама себе. Видно, лучи твои померкли и ты потемнела. Ведь Красота должна бы светить не хуже меня и моего старшего братца – солнца.

Обиделась Красота.

– Невежа! – крикнула она и поспешила скрыться от насмешек месяца в самую чащу леса.

Идет дальше Красота.

Идет и видит – огромный бурый медведь сидит на пороге берлоги и ревет во все горло.

Так как Красота не имела понятия о животных в своем заповедном чертоге, то и приняла медведя за человека.

– О чем ты горюешь, бедный человек? – проговорила она и, приблизившись к медведю, положила ему на голову свою прелестную ручку.

Медведь покосился на ручку Красоты и заревел снова, но уже значительно тише.

– Я не человек, а зверь и голоден, как никто из зверей не голоден в эту ночь. Наконец-то ты пришла. С твоим появлением я ведь могу рассчитывать на отличный ужин.

– Ах, я не умею, к сожалению, готовить и вряд ли сумею тебе состряпать ужин, – как бы извиняясь, робко произнесла Красота.

– Го-го-го-го! – расхохотался медведь во все горло. – Да мне и не надо готовить, я ведь не человек, а медведь. Ужин теперь у меня с твоим появлением готов: я просто съем тебя на ужин и буду сыт, по крайней мере, целую неделю.

– Послушай, – пробовала возразить Красота, – ты, вероятно, не знаешь, кто я. Я – Красота.

– Никакой я Красоты не признаю, – угрюмо произнес медведь. – Мне все равно, кто ты, лишь бы я мог утолить мой голод.

И медведь уже готовился броситься на Красоту. Дико вскрикнула Красота и шарахнулась в сторону.

К счастью, она обладала быстрыми ногами и могла убежать от медведя.

Вся помертвевшая от ужаса она теперь шептала:

– К людям! К людям! К людям! Они оценят и поймут меня. Что дикому зверю и глупому месяцу в моей красоте? Пойду к людям и буду у них царицей.

И еще быстрее, еще стремительнее побежала вперед. Лес поредел. Ночь миновала. Голубовато-молочный месяц скрылся куда-то, а на его месте занялся огромный, ярко сияющий шар. Теперь уже Красота знала, что за шар это. О солнце она слышала очень много из песен своих невольниц-подруг. Она знала, что солнце ее соперник по красоте, и не замедлила сказать ему это. Но солнце не удостоило ее даже ответом. Оно только засияло так ярко, что у бедной царицы зарябило в глазах. Она прибавила ходу, чтобы укрыться под навесом хижины, построенной среди поля.

Из хижины вышел человек, его жена и двое детей.

– Кто ты? – удивленно вскричали все четверо при виде приблизившейся к ним Красоты.

– Я – Красота! Я пришла к вам в долину, чтобы дать вам возможность любоваться собою, – гордо отвечала царица заповедного чертога и встала, как статуя, неподвижно перед людьми.

– Эге, – произнес человек, хозяин убогой хижины, – это, верно, новая работница, которую нам прислал кум Петр из соседней деревни. Очень кстати пришла ты, – произнес он, весело обращаясь к Красоте, – у нас теперь много работы, и нам нужна усердная, сильная и здоровая работница. Оставайся у нас и сейчас же принимайся за работу: пойди-ка в лес да накоси травы для нашей Буренки. А то жене некогда заниматься этим. Она идет в поле жать рожь.

– Едва дослушав последние слова человека, Красота вспыхнула от гнева и затопала ногами.

– Прочь от меня! – вскричала она сердито. – Или вы не знаете, что не для работы и грязного труда создана Красота, а для того, чтобы вы, глупые, жалкие люди, любовались мною?!

И она пошла прочь от хижины человека, который смотрел ей вслед широко раскрытыми, изумленными глазами.

– Вот чудная-то девушка, – сказал человек, обращаясь к жене, – очень она нужна нам, когда ничего не хочет и не умеет делать! Хорошо, что убирается от нас подобру-поздорову. Лентяев я не люблю.

Красота не слышала этих слов. Она была уже далеко. Она спустилась теперь еще ниже с горы, в шумную долину, посреди которой высились громадой городские постройки.

Это был роскошный город, по-видимому, столица.

– Там живут богатые люди, – произнесла, приближаясь к городским воротам. Красота. – А богатые люди сумеют лучше оценить меня, нежели бедняки, которые слишком удручены заботами и нуждой. Им не до Красоты. Пойду к богатым.

И она вошла в ворота.

На городской площади стоял огромный дом, ярко освещенный тысячами огней. Все знатнейшие семьи города собрались сюда на праздник. Но так как на слишком многочисленных и шумных сборищах всегда бывает скучно и люди на них веселятся точно по обязанности, то гости скучали и здесь.

Танцевали нехотя. Разговаривали вяло. И поэтому страшно обрадовались все, заметя появление Красоты. Ей не надо было называть себя. Все ее сразу узнали. Все слышали о ней и восторгались ею с давних пор, с самого начала существования мира. С шумными криками восторга проводили ее на лучшее место, окружили ее и стали ей кланяться, как царице.

И все любовались ею – и мужчины и женщины, и старые и молодые – все, славя Красоту. Красота торжествовала.

«Давно бы так! – думала она. – И как мне раньше не пришло в голову вырваться к этим милым, благодарным людям из моего заповедного чертога!»

Но вот прошел час, другой, третий. Все прискучивает на свете. Прискучила и Красота. Людям надоело созерцать ее, неподвижную, однообразную, словно застывшую в своей великолепной позе, как мраморное изваяние на троне. И вот, сначала робко, потом все настойчивее и смелее зазвучали голоса:

– Спой нам что-нибудь, Красота! Ты так прекрасна сама, что все, что ни сделаешь, должно быть тоже прекрасно.

– Или сыграй лучше! Твои пальцы, тонкие и длинные, точно созданы для струн.

– Или расскажи нам сказку, чудесную и волшебную. Под твоими золотыми кудрями должен таиться мозг поэта! Ты должна уметь сочинять сказки и стихи.

– Нет, нет! Изобрази лучше всех нас и себя на полотне в виде дивной картины. Ведь ты, наверное, владеешь кистью.

– Нет, лучше сойди с твоего трона и станцуй нам. Ты, без сомнения, умеешь очаровательно танцевать.

Но Красота не двигалась с места. Она не умела ни петь, ни играть, ни сочинять сказки и стихи, ни писать картины, ни даже плясать. Она ничего не умела...

Ей стало горько и стыдно, потому что она была очень горда. И чем настойчивее звучали просьбы окружающих, тем бледнее и бледнее становилось ее прекрасное лицо.

– Что же это за Красота, которая ни в чем проявить себя не умеет! – крикнул чей-то дерзкий голос в толпе.

– Не надо, не надо нам такой Красоты, – подхватили другие голоса.

Вся бледная как смерть, Красота сошла с трона и покинула зал.

На пороге дворца она сняла с пальца драгоценный перстень и, приложив его к устам, громко пожелала очутиться снова в своем заповедном чертоге.

В один миг Красота была перенесена туда на невидимых крыльях.

Ее встретили златокудрые рабыни и сама волшебница Истина на пороге ее жилища.

Красота упала на колени перед доброй волшебницей и вскричала, рыдая навзрыд:

– Возьми, возьми мою красоту и надели меня другим даром – привлекать людей к себе. Сделай меня нужной и полезной, надели меня умением работать, трудиться, привлекать людей знаниями и способностями. Сделай меня нужной и полезной всему миру. Я убедилась, что одной красоты мало, чтобы заслужить на долгое время привязанность людей. Вместо всяких других достоинств надели меня талантами.

Улыбнулась добрая волшебница. Взмахнула волшебным жезлом, и в один миг окружающие Красоту рабыни почувствовали у себя в руках кто перо, кто кисть, кто арфу, кто ноты, кто гирлянду цветов, необходимую для танца. И полились дивные звуки вокруг Красоты. Это пели, играли и плясали ее рабыни. Встали перед нею дивные образы, одни написанные в книге пером, другие нарисованные на полотне в виде картины. Каждая из рабынь обладала теперь каким-нибудь искусством.

– А мне? А мне? Что оставила ты мне, Истина? – в отчаянии прошептала сквозь слезы зависти Красота. – Ты раздала все таланты моим рабыням.

– Тебе я оставляю самое большое: власть распоряжаться твоими рабынями, вдохновлять их. Это все, чем я могу наделить тебя, – отвечала фея. – Ты Красота. Ты могучая, властная сила и только ты одна должна вдохновить твоих покорных рабынь искусства. Без тебя они ничто... Твоя рука должна водить ими. Ты будешь давать им мысли и изящество. А я раздвину стены твоего чертога: пусть люди входят сюда усталые, измученные жизнью и борьбой, а ты со своими искусствами будешь давать им сладкие минуты радости и забвения.

И, сказав это, Истина исчезла без следа. А Красота и ее златокудрые рабыни остались в заповедном чертоге, чудно преобразившемся в один миг от звуков пения и музыки. И люди шли теперь в этот чертог толпами, счастливые, радостные, умиленные, благословляя Красоту, умевшую давать такое счастье... И они не требовали больше от нее, чтобы она сама пела, играла, сочиняла стихи, танцевала. Они знали, что Красота – царица и что по ее повелениям, по ее вдохновению, по ее указаниям играют, танцуют ее рабыни. А сама она, незримая, управляет каждым шагом своих рабынь.

И Красота торжествовала...

Подарок феи

Много радостей, много счастья сеял вокруг себя ласковый и мудрый король Серебряная Борода. Хорошо и привольно жилось всем подданным его королевства. Он много помогал бедным, несчастным, кормил голодных, давал приют бездомным, словом, помогал всем нуждающимся в его помощи. И королевство Серебряной Бороды было самое счастливое королевство во всем мире. Так его и прозвали люди Счастливым королевством. Здесь не слышалось ни воплей, ни стонов, не видно было слез и печали, а уж о войнах и говорить нечего. Со всеми своими соседями жил в мире и согласии мудрый, добрый и ласковый король Серебряная Борода. За то и любили его и свои и чужие подданные, и ближние и дальние соседи, и чужестранные цари, короли, герцоги, бароны. Особенно же собственные подданные любили короля. Уж очень он был заботлив и добр и так пекся об их благосостоянии, как только любящий отец может пекься о своих детях.

Но нет полного счастья ни у кого на земле. Не было полного счастья и у любимого короля Серебряной Бороды.

Одинок был король, ни семьи у него, ни жены любимой, ни любящих деток никого не было...

Много лет тому назад смерть унесла единственную дочь его. Близко принял к сердцу король смерть своей любимицы, но думал, что в заботах о благе своих подданных забудет о своем горе. Однако не тут-то было. С каждым годом король чувствовал все больше и больше свое одиночество и с каждым же годом задумывался все чаще и чаще, кому оставить после своей смерти королевство.

И решил, наконец, король выбрать из дочерей своих подданных одну, которая заменила бы ему умершую королевну, стала бы приемной дочерью его, короля, которой бы он после своей смерти мог оставить и трон королевский, и богатства свои.

Обрадовались подданные такому решению короля, предвидя, что выбор его падет на достойную высокой чести девушку.

Разлетелись в разные стороны герольды, глашатаи, вестники, протрубили по всей стране, что хочет-де король-батюшка дочь себе выбрать, которая должна стать королевною, а со временем и королевою – повелительницею всего государства.

В назначенный день съехались в королевский дворец молодые девушки всего государства, все красавицы на подбор, одна другой очаровательнее, и все дочери знатных вельмож.

Смотрит старый король на красавиц и думает: «Кого выбрать? Кого предпочесть? Все они красавицы, все знатные. Одну возьмешь в дочери – обидится другая. Что тут поделаешь?»

Доброе сердце короля и тут боялось, как бы не огорчить кого да не обидеть. С такими мыслями удалился в свою опочивальню король Серебряная Борода и видит – стоит в углу его королевской опочивальни белая женщина, вся словно сотканная из солнечных лучей. Дивно светится лицо ее, стан, одежда. Целые снопы света выходят из очей.

Отступил в изумлении король при виде лучезарного видения. Всплеснул руками.

– Кто ты, невиданное существо? – спрашивает, – он лучезарную гостью.

– Я добрая фея, волшебница Рада, – отвечает она я узнала о том, что ты, король, решил приискать себе дочь взамен умершей королевны. И вот я пришла, чтобы сказать тебе, что я хочу сделать тебе подарок. Ты заслужил его, король, добрым сердцем и заботою о своих подданных.

– Подарок? – спросил с удивлением король. – Что же ты, фея, намерена мне подарить?

– Я подарю тебе такую дочь, что ты будешь самым счастливым отцом в мире, я выберу тебе такую дочь, что ты сразу полюбишь ее так, как любил свою покойную любимицу, и приемная твоя дочь заменит тебе вполне потерянную королевну.

– О, фея! – воскликнул король. – Скажи же, которая из девушек, явившихся во дворец, та, которую ты предназначила мне в дочери?

– Которая? Вот что, король, слушай внимательно: в числе девушек, которые завтра явятся во дворец, будет одна, на плече которой, как только переступит она порог твоего дворца, усядется белая голубка. Вот ту, мой король, ты и сделай своей дочерью.

Только смотри, не ошибись.

Сказала и исчезла фея Рада из опочивальни короля.

Всю ночь не мог уснуть король Серебряная Борода. Все думал о той девушке, которую обещала ему в виде подарка дать в дочери фея. Наутро встал поспешно, оделся и вышел в королевскую залу, где уже ждали его собравшиеся девушки.

Прошел король по зале раз, прошел два, смотрит на девушек, свою длинную бороду поглаживает и ничего не говорит. Вдруг видит король в окно залы, что распахнулись ворота замка и въехала тележка в королевский двор. На тележке уголья наложены, а тележку везет девушка лет шестнадцати, худенькая, заморенная, смуглая, некрасивая, ну, словом, совсем, совсем дурнушка. А на плече девочки сидит белая, как снег, голубка, сидит и воркует человеческим голосом:

– Вот тебе дочь, король. Бери ее и знай, что она лучше всех этих красавиц, что собрались в твоём дворце.

Рассердился король и, несмотря на всю свою доброту, упрекнул фею:

– Хорошо же ты насмеялась надо мной, Рада, вон какую дурнушку выбрала мне в дочери!

А фея или, вернее, белая голубка снова заговорила ему в ответ:

– Постой, погоди, король. То ли еще увидишь!

Нечего делать! Велел король своим слугам взять тихонько во дворец дурнушку, приказал ей нарядиться получше и вместе со знатными девушками-красавицами ждать в парадном зале.

А сам вышел в сад, не решаясь сразу назвать своею дочерью такую невзрачную девушку. Вышел в сад и видит: у ограды сидят двое ребятишек; на них ветхие платица, старенькие башмаки, а лица сияющие, радостные, точно в великий праздник.

– Чему вы радуетесь, детки? – обратился к ним король.

Дети никогда не видели короля вблизи и потому не узнали его.

– Мы ждем маленькую угольщицу, добрый господин, – отвечали они. – Она возит продавать уголь на королевскую кухню и всегда возвращается с полными руками всяких сладостей, которые дарит ей повар короля. И она отдает нам все до единого кусочка, добрая Мария.

– Неужели же она, такая бедная, отдает вам все? – заинтересовался король.

– Все! Она говорит, что давать во сто раз приятнее, нежели получать самой, – в один голос отвечали дети.

Король кивнул головой и пошел дальше. У ворот он увидел старую, бедно одетую женщину, которая сидела неподвижно, устремив глаза вдаль.

– Кого ты ждешь, голубушка? – обратился к ней король, очень удивленный тем, что женщина не поднялась даже при его приближении со своего места.

– Я жду угольщицу Марию, – отвечала та. – Она должна выйти скоро из дворца, куда повезла уголь на продажу. Сейчас она вернется, и мы пойдем вместе купить хлеба и мяса. Она только и работает на меня с тех пор, как я ослепла.

– Так ты слепая? – изумился король, с состраданием глядя на женщину.

– Да, добрый человек, я ослепла около трех лет тому назад и с тех пор пользуюсь услугами моей Марии, которая работает за десятерых, чтобы прокормить меня.

– Это дочь твоя, конечно? – живо заинтересовался король.

– О, нет, добрый человек, Мария мне чужая. Она круглая сирота и пришла работать на меня, узнав, что собственные дети бросили меня, не желая кормить под старость свою слепую мать...

– Но почему же, если ты так нуждаешься, почему не обратилась ты к королю? – снова спросил Серебряная Борода женщину. – Ведь король, слышно, очень охотно помогает всем беднякам.

– Ах, добрый господин, я бы и обратилась к королю, да Мария не позволяет мне сделать этого, – ответила слепая. – Мария говорит, что стыдно просить тогда, когда есть еще силы работать, и что у нашего короля много таких бедных, которые вдвое несчастнее и беднее нас. Вот какова моя Мария! – с заметной гордостью заключила слепая.

Радостным чувством исполнилось сердце Серебряной Бороды: он понял, про какую добрую угольщицу говорили ему дети и эта слепая.

В ту же минуту легкий шорох заставил его обернуться. Это шел какой-то старик, который, не узнавая короля, спросил, не видал ли он маленькой угольщицы? Король не мог удержаться, чтобы не спросить старика, почему он так интересуется угольщицей.

– Умная она девушка, очень умная, – произнес старик. – Поговорить с ней для меня, старика, большое наслаждение.

Все-то она знает, всем интересуется! Трудно другую такую сыскать. Жаль, бедная она и незнатного рода. А по уму и сердцу своему лучшей заслуживает доли, чем быть простой угольщицей.

В это время до короля донесся из дворца какой-то шум. Король подошел никем не замеченный к самому дворцу и остановился у открытого окна зала, где находились собравшиеся девушки-красавицы. Остановился и ошеломлен от изумления. Куда девались очаровательные личики красавиц? Куда исчезли нежные улыбки с их розовых уст? Куда пропал алый румянец, делавший их похожими на вешние розы?

У девушек-красавиц были позеленевшие от злости лица, сверкающие глаза, перекошенные гневом губы. Глухими голосами недавние красавицы перекрикивали друг друга и бранились.

Каждой из них так хотелось быть королевной, что, позабыв себя, они старались, как можно сильнее, уколоть и оскорбить друг друга. Зависть и злоба сделали безобразными их недавно еще красивые лица.

И среди них кроткая и ласковая ходила смугленькая девушка с нежно заалевшими щеками, с кроткою ласкою в больших, добрых глазах; на плече ее сидела голубка. Девушка подходила то к той, то к другой злобствующей красавице и с кротким терпением умоляла успокоиться, не ссориться, покориться своей судьбе.

– Можно быть счастливой и полезной людям и не будучи королевной, – нежно звучал ее мелодичный голос, и все недавно еще некрасивое лицо девушки теперь чудно преобразилось, сделавшись отражением ее прекрасной души.

Не вытерпел король, вошел в зал, подошел к угольщице Марии, взял ее за руку и произнес громко:

– Вот кто будет моей дочерью! Она одна достойна заменить мою покойную дочь, она одна достойна стать королевной! О, фея Рада! Благодарю тебя за чудный подарок, за редкое сердце моей милой Марии!

Сказав это, низко поклонился белой голубке седой король Серебряная Борода.

И сделалась королевной маленькая угольщица. Она взяла к себе во дворец слепую и заботилась о ней, как родная дочь, окружила себя бедными детьми, учила их и придумывала для них разные занятия и развлечения, вызвала во дворец умных стариков, с которыми советовалась, как бы лучше помогать королю Серебряной Бороде в его добрых делах. И обо всех людях пеклась и заботилась добрая королевна.

И Серебряная Борода был счастлив с нею всю свою жизнь.

Сказка про Ивана, искавшего счастье

Жил на свете Иван.

Жил он в богатом селе, с широкими прямыми улицами, с тесовыми новыми домами, с чистенькими двориками и тенистыми садами перед каждым домом, – словом, в таком селе, где все люди довольны и незнакомы с нуждой.

Сам он был парень молодой, здоровый, пригожий.

Были у Ивана отец с матерью, сестра с братом. Было все у Ивана, что необходимо человеку в жизни: и платье хорошее, новешенькое, и сапоги, и картуз всегда с иголки. И сыт он был всегда, и денежки у него водились. Чего же, кажется, больше?

Жить да поживать бы Ивану, благо всем наделен: добрыми родителями, любящими братом и сестрой, достатком, довольством, всем.

Ан не тут-то было.

Услышал как-то Иван, как люди о счастье спорили.

– Что такое счастье? – спросил Иван у людей.

Ему объяснили:

– Это такое, что ищи – не отыщешь, лови – не поймашь, схвати – не удержишь. А само оно придет тогда, когда его меньше всего ожидаешь, и поселится так, что никуда не выгонишь, пока само не уйдет.

Так пояснили Ивану люди.

– Ну это вздор! – произнес Иван. – Если захочу – отыщу счастье, поймаю его и принесу с собой.

– Ан не принесешь! – заспорили люди.

– Ан принесу! – возразил Иван.

Он был очень упрямый, и что ему в голову взбредет – сейчас же приводит в исполнение. Так и сейчас.

Надел шапку, привязал котомку за плечи, взял палку и пошел бродить по свету упрямый Иван.

Пошел искать счастье.

Идет по большой дороге и смотрит вниз, себе под ноги, не валяется ли случайно кем-нибудь оброненное счастье.

Шел, шел и пришел в большой город. Пришел и присел отдохнуть у городской заставы.

Сидит, отдыхает, песню поет. Ах, хорошо поет! Про село большое, про тенистые садошки, про речку голубую, быстрюю.

Голос его так в душу и просится. Чудесный голос у Ивана. А вокруг него толпа собирается. Большая толпа. Стоят кругом, молчат, прямо в рот ему смотрят, слушают.

А Иван и внимания на толпу не обращает, поет себе да поет.

Вдруг вышел из толпы кругленький человечек, подошел к Ивану, ударил его дружески по плечу и говорит:

– Много я голосов на своем веку слышал, а такого не слыхивал. Соловей ты. Так поешь, что заслушаться можно. Такой голос – это целый клад. Хочешь, одену тебя в шелк и бархат, озолочу тебя, денег буду давать столько, что во всех твоих карманах не уместятся. А ты только пой да пой. А я уж так устрою, что будут приходить тебя слушать и короли, и принцы, и важные сановники. Захочешь, чтоб плакали они, – запоешь печальную песню; захочешь, чтоб смеялись, – веселую запоешь... И слава про тебя как великого певца прогремит на весь мир. Везде и всюду люди с почетом тебя будут встречать, с почетом провожать. И ничего тебе для этого не надо будет делать, как только петь да петь...

А Иван смотрит на кругленького человечка и только посмеивается. Очень-де нужны ему почет, слава и золото, когда он счастье пошел искать!

И, поднявшись со своего места, нахлобучил картуз Иван и пошел прочь из города, по дороге к лесу.

Вот и лес... С песенкой веселой путь короче кажется.

Огромные великаны-деревья на пути Ивану попадают. Зеленые ветки к нему протягиваются. Смотрит Иван на ветки и думает: Не запуталось ли где-нибудь счастье в ветвях?

Смотрит да смотрит... А счастья-то нет. Но тут нечто иное привлекает внимание Ивана.

Выскакивает из чащи леса всадник на быстром коне. Одет всадник роскошно, по-королевски, в пышный кафтан с золотым поясом. На голове дорогая шляпа с пером. Лицо у всадника покрыто смертельной бледностью. В глазах испуг. И видит Иван, что огромный бурый медведь гонится следом за всадником, догнал коня, бросился на него сзади и разом обхватил всадника своими страшными лапами. Раздался отчаянный крик, потом оглушительное рычание зверя...

Иван ясно видел, что еще минута – и всадник погиб. Тогда в два прыжка он очутился подле, выхватил меч из-за пояса растерявшегося всадника и изо всей силы ударил им медведя по голове.

Новое оглушительное рычание потрясло воздух, и в следующую же минуту, распростершись на земле, лежал мертвый медведь.

Всадник сошел с коня и приблизился к Ивану.

– Ты спас мне жизнь, – произнес он взволнованным голосом, – спас жизнь короля. Я – король и по-королевски хочу наградить тебя за храбрость, за твой подвиг. Иди со мной в мою столицу. Будешь жить у меня в королевской почести, я наделю тебя королевской властью, а после моей смерти ты будешь королем моего государства.

Но Иван только головой покачал в ответ.

К чему ему королевская власть? Он пошел искать счастье, а не королевскую власть.

И с поклоном Иван отказался от предложенной ему чести.

Очень он был упрямый, и уж больно хотелось ему найти счастье.

Идет дальше, палкой помахивает да глаза по сторонам.

Вышел из лесу. Видит село по дороге.

На краю села колодец.

У колодца девушка стоит и такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Посмотрела на Ивана красавица. С первого же взгляда он ей понравился: рослый, статный, широкоплечий, ну как есть богатырь.

И чем больше смотрит на него девушка, тем больше им любит.

А запел свою песню Иван, так и замерло сердце у красавицы.

Не то соловей поет, не то Божий ангел.

Взяла девушка за руку пригожего певца и говорит:

– Давно я о таком женихе мечтала. Ты мой суженый. Пойдем к отцу и к матери, пусть благословят на брак с тобою.

А Иван смотрит на красавицу, любит ее, уж очень его красота девушки поразила, а сам только тихонечко головой качает.

– Нельзя мне оставаться с тобой, странствовать я должен, дело у меня есть, – говорит он тихим голосом, а у самого сердце так и замирает.

Очень уж полюбила ему красавица. Жаль уйти от нее.

А все-таки ушел упрямый Иван.

Пошел счастье искать.

Ходит да ищет. Ищет да ходит.

В лесах ищет, на полях, в селах, деревнях и в больших городах, на площадях и на улицах... И все-таки не находит.

Ходил, ходил, весь свет обошел и вернулся снова в родное село.

Много лет прошло с тех пор, как ушел он отсюда счастье искать. Родители умерли, сестра замуж вышла, брат женился.

Едва его узнали в селе – так он постарел, почернел, оброс бородою.

– Не нашел счастья... Всюду искал... Знать, обманули вы меня! – с горечью стал упрекать он людей, с которыми беседовал перед своим уходом. – Нет счастья на земле! Одни это выдумки про счастье. Есть слава, есть власть, есть любовь, а счастья нет!

И стал он рассказывать тут же, как предлагали ему славу, власть и любовь. Про встречу с кругленьким человечком, с молодым королем, с красавицей девушкой рассказал людям Иван.

А как узнали про все люди, так и закачали головами.

– Глупый ты, глупый, Иван. Мир исходил, а ума не нажил, – говорили они, – ведь в руках у тебя было счастье, а ты сам упустил его. Три раза оно к тебе попадало, и три раза ты его оттолкнул от себя.

И качали головами люди, удивлялись несмысленному Ивану.

И говорили между собой:

– Нет, счастье глупому не впрок.

А Иван смотрел на них и удивлялся: где они увидели счастье в его рассказах?

А когда люди ушли, уселся Иван на камне, у опушки леса, и стал вспоминать про свои встречи, о которых он только что рассказал. Уселся да стал думать, почему люди решили, что он три раза оттолкнул счастье.

Думал-думал да так ничего не надумал.

Глупый был Иван и упрямый.

Очень глупый...

Редьярд Киплинг. Сказки старой Англии

Меч Виланда

Дети давали представление. Все, что они могли вспомнить из шекспировского «Сна в летнюю ночь», Ден и Уна решили сыграть перед тремя коровами. Отец этих юных артистов сделал маленькую пьесу из большой, и дети репетировали ее, пока, наконец, не выучили наизусть. Комедия начиналась с того места, где Ник-Основа, ткач, выходит из кустов с ослиной головой на плечах и видит сияющую Титанию, королеву фей. За этим следовал скачок к строчкам, в которых Основа просит трех маленьких фей почесать ему голову и принести меду; заканчивалось представление тем, что осел засыпал в объятиях Титании. Ден играл Пека и Ника; исполнял также роли трех фей. Играя Пека, он надевал суконный колпак с двумя ушками, а для роли Основы – бумажную ослиную голову из рождественской хлопушки; только вот беда: при малейшей неосторожности она рвалась. Уна была Титанией в венке из цветов водосбора и с волшебным жезлом в виде цветущего стебля наперстянки.

Театр находился на лугу, называвшемся Длинной Лощиной. Небольшая речка, которая, пробежав еще через два-три луга, вертела колеса мельницы, делала на Длинной Лощине крутой поворот, и в самой середине образованного ею мыса было странное волшебное кольцо из темной травы; оно-то и служило сценой. Посреди ивовых кустов, орешин и дикого шиповника, покрывавших берега мельничной речки, было очень удобно ждать своего выхода на сцену. Один взрослый, видевший детское представление, сказал, что сам Шекспир не мог бы придумать более подходящей обстановки для своего произведения. Понятно, родители не позволили детям сыграть комедию ночью, но они пошли на луг после чая, когда тени уже сильно удлинились. Ден и Уна захватили с собой ужин – крутые яйца, бисквиты Оливера и соль в бумажке. Трех коров подоили; они щипали траву с таким звуком, что его можно было слышать на всем лугу; дальше на речке работала мельница; там что-то стучало и шлепало, точно босые ноги, бежавшие по твердой земле. На столбе подле ворот в усадьбу сидела кукушка и пела свою прерывчатую июньскую песню: «кукукук», а хлопотливый зимородок то и дело перелетал от речки к соседнему ручью, который журчал с другой стороны луга. Кроме этих звуков, ничего не было слышно; стояла глубокая, как бы сонливая тишина, и в неподвижном воздухе висел сладкий запах травы и сена.

Представление шло прекрасно. Ден помнил все свои роли – Пека, Основы и трех фей; Уна не забыла ни одного слова Титании; даже не сбилась в том трудном месте, где королева фей просит своих трех подданных накормить Основу-ослика абрикосами, свежими винными ягодами и разными там вещами, рифмующимися с первой строчкой. Дети остались так довольны представлением, что три раза сыграли всю пьесу с самого начала до самого конца; наконец, они уселись в середине травянистого кольца там, где не было сорных трав, принялись есть яйца и закусывать их бисквитами Оливера. Вдруг между ольховыми кустами послышался свист; дети быстро вскочили.

Чаща кустов раздвинулась, и на том месте, где еще так недавно стоял Ден, ожидая своего выхода в роли Пека, они увидели коричневого человека с широкими плечами, с острокопечными ушами, с коротким расплюснутым носиком и со щелочками вместо глаз. Человечек улыбнулся во все свое веснушчатое лицо. Он прикрывал рукой глаза, точно наблюдая за Основой, Буравом, Дудкой, Заморышем и за другими, игравшими пьесу «Пирам и Тизба». Голосом звучным, как мычание трех коров, раздававшееся всегда, когда они желали, чтобы их начали доить, коричневый человечек продекламировал:

Каких тут чучел собралась толпа?

Как раз вблизи заснула здесь царица.

Он замолчал, закинув одну руку за голову, и, лукаво поблескивая глазами, продолжал:
Хотят играть! Взгляну, а там, быть может,
С болванами сыграю шутку сам.⁶

Дети смотрели на него, широко раскрыв рты, а человечек (он был по плечо Дену) спокойно вошел в кольцо.

– Я давно не практиковался, – сказал он, – но вот каким образом следует играть мою роль.

Дети по-прежнему разглядывали его с головы до ног, начиная с темно-синей шапочки, похожей на большой цветок водосбора, и кончая его босыми волосатыми ножками. Наконец он засмеялся.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так. Право, я не виноват... Чего другого могли вы ждать?

– Мы никого и ничего не ждали, – медленно ответил Ден. – Это наш луг.

– Разве? – сказал их гость, садясь на траву. – Так объясните, что заставило вас сыграть «Сон в летнюю ночь» три раза с самого начала и до самого конца, накануне дня в середине лета, в кольце из травы, да еще как раз под одним из самых моих старых холмов в старой Англии? Холм Пока, Холм Пека, Холм Пока, Холм Пека. Дело ясно, как нос на моем лице.

Он показал на покрытый папоротником откос Холма Пока, который начинается подле мельничной реки и кончается дремучим лесом. Дальше, за лесом, почва снова все поднимается и поднимается, доходя в высоту до пятисот футов. Еще выше громоздится обнаженная, крутая вершина Маячной горы, с которой открывается вид на низину Певнсей, на пролив и чуть не на половину открытой южной равнины.

– Клянусь дубом, тисом и терновником, – со смехом продолжал человечек, – случись это несколько сотен лет тому назад, сюда сбежали бы все жители гор, толпясь, как пчелы в июне!

– Мы не знали, что это нехорошо, – заметил Ден.

– Нехорошо! – Человечек весь затрясся от смеха. – Право, в этом не было ничего нехорошего. Напротив, вы достигли того, за что в древние времена короли, рыцари и ученые отдали бы одни свои короны, другие – шпоры, третьи – книги. Помогай вам сам Мерлин, вы не могли бы поступить лучше. Вы пробили горы. Вы пробили горы! За последнюю тысячу лет этого не случилось ни одного раза.

– Да... да мы не хотели... – проговорила Уна.

– Конечно, не хотели. Вот потому-то так хорошо и вышло. К несчастью, горы теперь пусты; все их население ушло. Остался один я. Я – Пек, самое древнее из всех старых существ Англии, и я к вашим услугам, если... если вам угодно иметь со мной дело; если нет, скажите, и я уйду.

Почти целую минуту он смотрел на детей, и дети смотрели на него. Глазки человечка больше не искрились. В них светилась доброта, а его губы начинали раздвигаться в очень ласковую улыбку.

Уна протянула ему свою ручку.

– Не уходи, – сказала она. – Ты нам нравишься.

– Скушай бисквитик, – предложил человечку Ден и подал ему смятую бумагу, в которой лежали яйца и все остальное.

– Клянусь дубом, тисом и терновником! – воскликнул Пек, снимая с головы свой синий колпак. – Вы тоже мне нравитесь. Посыпь солью бисквитик, Ден, и я его съем вместе с вами. Тогда вы увидите, что я за существо. Некоторые из нас, – продолжал он с полным ртом, – не переносят соли, не могут пройти в ту дверь, над которой прибита подкова, не могут есть ягод

⁶ «Сон в летнюю ночь», комедия В. Шекспира. Перевод А. Л. Соколовского.

горных тисов, не выносят также живой текучей воды, холодного железа или звука церковных колоколов. Но я – я Пек.

Он заботливо сбросил крошки со своей куртки и пожал детям руки.

– Мы с Деном всегда говорили, – пробормотала Уна, – что если «это» когда-нибудь случится, мы отлично поймем, что нужно делать; но... но теперь все выходит как-то иначе.

– Она говорит о встрече с волшебником, – пояснил Ден. – Я-то никогда не верил в них... по крайней мере, с тех пор, как мне минуло шесть лет.

– А я верила, – заметила Уна, – то есть верила наполовину, пока мы не выучили стихотворение «Подарок на прощанье». Ты знаешь «Подарок на прощанье и феи»?

– Ты говоришь об этом? – спросил Пек и, закинув свою маленькую голову, начал декламировать известное детское стихотворение, в котором говорится об исчезновении фей.

– Конечно, знаю, – окончив второй куплет, прибавил он.

– А дальше упоминается о травяных темных кругах, которые вытоптали люди, – сказал Ден. – Когда я был маленький, от этих слов мне всегда становилось больно. Болело где-то здесь... внутри.

Пек продекламировал еще один отрывок из стихотворения голосом громким и звучным, как звук церковного органа.

– Уже давно не слышал я этой песенки, но что там говорить, она правдива. Все население гор ушло. Я видел, как древние существа явились в старую Англию, видел также, как они ушли. Исполины, кобольды, маленькие домовые, водяные, эльфы, духи лесов, деревьев, пригорков и вод; духи зарослей, хранители гор, стражи сокровищ, добрые карлики, ночные духи, нимфы, русалки, гномы и остальные ушли, все ушли. Я явился в Англию вместе с дубом, тисом и терновником, и, когда дуб, тис и терновник исчезнут, уйду и я.

Ден осмотрел луг, взглянув на дуб Уны около нижних ворот их усадьбы, на ряд тисовых деревьев, затенявших Заводь Выдр, в которую забегают вода мельничной речки во время отдыха мельницы, и на старый боярышник, любимый куст трех коров (им было удобно почесывать свои шеи о его колючие ветви).

– Да, – сказал Пек и прибавил: – И нынешней осенью я посажу множество семян.

– Значит, ты прямо ужасно стар? – спросила его Уна.

– Нет, не стар; я долго прожил, как говорится. Дайте-ка вспомнить. Мои друзья, бывало, ставили для меня блюдечки со сливками по ночам, когда вот эта каменная гряда была еще новой. Да, да, я поселился здесь раньше, чем люди каменного века устроили яму для собирания росы ниже Ченгтонбери.

Уна сжала ручки, сказала: «О!..» – и кивнула головкой.

– Она придумала какой-то план, – объяснил Пеку Ден, – она всегда качает так головой, когда что-нибудь придумывает.

– Мне кажется, мы могли бы оставлять для тебя на чердаке немного супа. Видишь, если мы будем прятать кушанья в детской, большие заметят.

– В классной, – быстро поправил сестру Ден.

Уна вспыхнула. Дело в том, что дети дали торжественное обещание никогда больше не называть классной комнаты «детской».

– Благословляю ваши золотые сердечки, – сказал Пек. – Когда-нибудь из тебя, Уна, выйдет хорошая, заботливая девушка-хозяйка. Но мне совсем не нужно, чтобы вы ставили для меня чашки с супом; впрочем, если когда-нибудь мне захочется перекусить, будьте уверены, я скажу вам это.

Пек улегся на сухой траве; дети растянулись рядом с ним, весело болтая босыми ножками. Они не могли бояться его больше, чем своего друга старого Хобдена, плетельщика изгородей и корзин. Пек не надоедал им скучными вопросами, которые обыкновенно задают взрослые,

не смеялся над ослиной головой; он просто лежал и самым благоразумным образом улыбался своим мыслям.

– Есть у вас с собой перочинный ножик? – наконец спросил детей коричневый человечек.

Ден подал ему свой большой садовый нож с одним лезвием, и Пек тотчас же вырезал им из середины круга кусок дерна.

– Зачем это? Для волшебства? – спросила Уна, когда Пек встряхнул четырехугольный кусок шоколадной земли, обрезанный, точно ломоть сыра.

– Да, это мое маленькое колдовство, – ответил он и вырезал второй такой же квадрат дерна. – Видите ли, я не могу пригласить вас внутрь гор, потому что все горное население ушло, но, если вы хотите, чтобы я ввел вас во владение вашим имуществом, я, может быть, покажу вам здесь, на человеческой земле, нечто необыкновенное. Вы, конечно, вполне заслужили такой награды.

– Что значит ввести во владение? И зачем дерн? – осторожно спросил Ден.

– Это старый обычай; он применялся, когда люди покупали и продавали землю. Продающий, бывало, вырезал из почвы кусок дерна и передавал его покупателю, и тот не вступал по-настоящему во владение землей, то есть земля не принадлежала ему, пока продавец не передавал ему этого куска, вот так. – И Пек протянул Дену кусок дерна.

– Да ведь это наш собственный луг, – отступая, сказал Ден. – Неужели ты можешь волшебством унести его?

Пек засмеялся.

– Я знаю, что это ваш луг, только в нем есть такие вещи, какие не снились ни вам двоим, ни вашему отцу. Попробуйте.

Пек взглянул на Уну.

– Хорошо, – сказала она. Ден тотчас же тоже взял дерн.

– Теперь вы двое действительно законно приняли во владение всю старую Англию, – певучим голосом начал Пек. – По праву дуба, тиса и терновника, вы можете повсюду ходить, рассматривать все, что я вам покажу, или все, что вам вздумается. Вы увидите то, что увидите; вы услышите то, что услышите, хотя бы это случилось три тысячи лет тому назад, и не почувствуете ни сомнения, ни страха. Скорее! Берите скорее все, что я вам даю.

Дети закрыли глаза, но ничего не случилось.

– Что же? – с разочарованием сказала Уна, поднимая веки. – Я думала, сюда прилетят драконы.

– Я думал о том, что случилось три тысячи лет тому назад, – сказал Пек и что-то посчитал по пальцам. – Нет, к сожалению, три тысячи лет тому назад в этих местах не было драконов.

– Но ведь вообще ничего не случилось, – пробормотал Ден.

– Погодите немножко, – сказал Пек. – Нельзя в один год вырастить дуб, а старая Англия старше двадцати дубов. Сядем опять и подумаем. Я могу думать без перерыва сотню лет.

– Ах, ведь ты волшебник, – сказал Ден.

– А разве ты слышал от меня это слово? – быстро заметил Пек.

– Нет. Ты говоришь о населении гор, но ты ни разу не упомянул фей и волшебство, – сказала Уна. – И я удивляюсь этому. Ты не любишь фей и волшебников?

– Скажите, вам обоим было бы приятно, если б вас то и дело называли «смертными» или «человеческими существами», – спросил Пек, – или сыном Адама и дочерью Евы?

– Мне это совсем не нравилось бы, – ответил Ден. – Таким образом говорят джинны и африты в сказках «Тысячи и одной ночи».

– Вот точно так же отношусь я к упомянутым тобой словам. Кроме того, население гор никогда не слыхивало о тех созданиях, про которых вы говорите, оно не знает маленьких, нежных мушек на бабочкиных крыльях, в газовых юбочках, с сияющими звездочками в волосах

и с жезлами вроде линейки школьного учителя, с палочками, служащими для наказания злых и награды добрых мальчиков. Впрочем, «я» знаю их.

– Мы не о них говорим, – сказал Ден. – Мы тоже их ненавидим.

– Правильно, – проговорил Пек. – Так можете ли вы удивляться, что жители гор не желают, чтобы их смешивали с этими пестрыми, крылатыми, помахивающими жезлами обманщицами и обманщиками сладенькими и кивающими головами? Нечего сказать, бабочкины крылья! Я видел древнего рыцаря, сэра Гюйона, и его войско, видел, как они отправились из замка Тинтенджель в Хи-Брезиль под шквалами юго-западного урагана, когда брызги перелетали через замок и горные лошади теряли рассудок от страха. «Эти» вылетели во время затишья; визжали, как чайки, но ветер отнес их опять в глубь страны, на пять добрых миль от берега, раньше, чем они могли снова повернуться лицом против бури. Бабочкины крылья! Это было волшебство – такая же черная магия, какую мог сотворить волшебник Мерлин. Тогда море превратилось в зеленый огонь и белую пену, и в нем копошились поющие морские девушки. А горные лошади переступали с одной волны на другую при свете вспыхивающих молний. Вот что случилось в старые дни.

– Великолепно! – сказал Ден; Уна же вздрогнула.

– В таком случае, я рада, что все это миновало; но почему жители гор ушли? – спросила она.

– Было много причин. Когда-нибудь я объясню вам одну из них, самую важную, – сказал Пек. – Однако они исчезли не все сразу. В течение многих столетий они уходили мало-помалу. Большинство были чужестранцами и не вынесли нашего климата. Эти улетели очень скоро.

– Когда? – спросил Ден.

– За две пары тысячелетий до сегодняшнего дня; может быть, немножко раньше. Началось с того, что они были богами. Финикийцы плавали сюда за оловом и привезли с собой некоторых из них, потом галлы, ютландцы, датчане и жители Фрисландии привезли еще нескольких, когда высадились на наши острова. В те времена одни люди высаживались на берег, других прогоняли на их суда, и все приносили с собой своих богов. Но в Англии плохо живется божкам. Ну, явился и я и пожелал остаться. Чашка с похлебкой, глубокая тарелка молока, спокойные шутки с поселянами – этого было довольно с меня тогда; довольно и теперь. Видите ли, я здешний и всю свою жизнь провел с людьми. Между тем почти все остальные древние существа желали казаться божествами; желали иметь храмы, алтари, жрецов и получать жертвоприношения.

– Людей, которых сжигали в плетеных корзинах? – спросил Ден. – Об этом нам рассказывала мисс Блек.

– Они требовали всевозможных жертвоприношений, – продолжал Пек. – Если им не приносили в жертву людей, им нужны были лошади, рогатый скот, свиньи или сладкий липкий род пива. Мне это никогда не нравилось. Древние существа были упрямые, требовательные идола. А что вышло? Люди не любят, чтобы их приносили в жертву; им неприятно даже приносить в жертву своих рабочих лошадей. И вот через некоторое время люди просто-напросто бросили старых божков, и крыши храмов обвалились; древним существам пришлось уйти и жить как придется. Одни из них решили бродить среди деревьев, прятаться в могилах и стоять по ночам. Когда они стонали достаточно громко и достаточно долго, человек пугался и жертвовал им курицу или оставлял им фунт масла. Я помню одну богиню по имени Белизама. Она сделалась обыкновенным мокрым водяным духом и поселилась где-то в Ленкошире. Да и сотни других моих друзей были прежде божествами. Потом они стали жителями гор и, наконец, бежали в другие места, так как, по той или другой причине, не ужились с англичанами. Помню только одно старое существо, которое честно работало, чтобы жить. Его звали Виланд, и он ковал разные вещи для нескольких древних божков. Я забыл их имена, но отлично знаю,

что он изготавливал для них мечи и копья. Кажется, Виланд говорил что-то о своем родстве со скандинавским Тором.

– «Герой Асгарда Тора»? – спросила Уна. Она читала эту книгу.

– Может быть, – ответил Пек. – Во всяком случае, когда для него настали тяжелые дни, он не стал просить милостыни или воровать, а честно работал. И мне посчастливилось оказать ему услугу.

– Расскажи мне об этом, – сказал Ден. – Приятно послушать о древних существах.

Все трое уселись поудобнее; каждый жевал травинку. Пек оперся на одну из своих сильных рук и продолжал:

– Дайте-ка вспомнить. В первый раз я встретил Виланда в один ноябрьский день, когда бушевала буря с градом и дождем; я увидел его подле низины Певнсей.

– Певнсей? Значит, вон там, за горой? – Ден указал на юг.

– Да, но в то время здесь было болото; оно тянулось до Хорсбриджа. Я стоял на Маячном холме (тогда его называли Брененбургом), вдруг заметил бледное пламя, какое бывает, когда горит сухой вереск, и пошел взглянуть, в чем дело. Пираты подожгли деревню в долине. Изображение Виланда, большая черная деревянная фигура с янтарным ожерельем на шее, украшала нос тридцатидвухвесельной галеры, которую разбойники только что вытянули на отмель. Жестокий стоял холод. Ледяные сосульки свешивались с палубы судна; весла блестели от намерзшего льда; лед был и на губах Виланда. Завидев меня, он начал длинную песню на своем языке, и в ней рассказал, как он станет управлять Англией, как запах дыма от его алтарей будет наполнять весь воздух, начиная от графства Линкольна до острова Уайта. Я не встревожился. Я видел столько божеств, наводнявших старую Англию, что его песня не могла меня обеспокоить. Я предоставил Виланду попеть вволю, пока разбойники палили деревню; потом сказал ему (право, не знаю, почему эти слова пришли мне в голову), итак, я сказал:

– Кузнец богов, придет время, когда ты будешь работать ради денег, поставив свою наковальню на краю дороги.

– А что ответил Виланд? – спросила Уна. – Рассердился он?

– Он осыпал меня бранью, завращал глазами; я ушел будить людей. Но пираты все же покорили страну, и много столетий Виланд считался могучим божеством. Его храмы были повсюду, до самого острова Уайта, и ему приносились прямо невероятные жертвы. Скажу по справедливости, что он предпочитал лошадей людям. Как бы там ни было, я отлично знал, что со временем он потеряет свое место, как и все другие старые божества. Я ждал долго, около тысячи лет; наконец, вошел в один из его храмов подле Эндовера, чтобы посмотреть, как он поживает. В храме стоял алтарь, было изображение Виланда, были жрецы, молящиеся; все казались счастливыми, кроме самого Виланда и его жрецов. В древние времена поклонники божеств чувствовали себя несчастными, пока жрецы не намечали очередную жертву; то же испытывали бы и вы. Теперь было иное. Вот вижу я, вышел жрец, подвел какого-то человека к алтарю и сделал вид, будто он рассекает ему голову маленьким золотым топором; человек упал и притворился мертвым. Все остальные закричали: «Жертва Виланду, жертва Виланду».

– А по-настоящему человек не умер? – спросила Уна.

– Совсем не умер. Это была такая же игра, как ваши кукольные приемы за чашкой чаю. Потом в храм привели великолепную белую лошадь; жрец отстриг прядь волос из ее гривы и хвоста и сжег эту шерсть над алтарем с криком: «Жертвоприношение!» Считалось, будто это все равно, что убили человека и лошадь. Сквозь дым я рассмотрел лицо бедного Виланда и не мог удержаться от смеха. Он казался таким огорченным, таким голодным; ведь ему пришлось довольствоваться противным запахом сожженной шерсти. Чисто кукольный чай! Я решил ничего не говорить в ту минуту (это было бы нехорошо). Когда же через несколько сот лет я опять пришел в Эндовер, Виланд и его храм исчезли; на их месте я увидел христианского

епископа в церкви. Никто из жителей гор ничего не мог сказать мне о нем, и я предположил, что он покинул Англию.

Пек повернулся, оперся на другой локоть и задумался.

– Дайте-ка вспомнить, – снова начал он наконец. – Вероятно, прошло еще несколько минут, вероятно, также года за два до покорения Англии, я вернулся к Холму Пека и раз вечером услышал, как старый Хобден говорил о броде Виланда.

– Если ты говоришь о старом Хобдене, плетельщике изгородей, ему всего семьдесят два года. Он сам сказал мне это, – заметил Ден. – Он наш близкий друг.

– Правильно, – ответил Пек, – но я говорил о старом Хобдене, который жил за девять поколений до прапрадедушки вашего приятеля. Он был свободный человек и выжигал здесь уголь. Я знаю весь их род так давно, что иногда путаюсь. Хобдена звали Хобом Датчанином, и он жил в коттедже подле кузницы. Так вот, как только я услышал имя Виланда, я наострил уши и побежал через леса к броду, вон там, за торфяным лесом. – Пек кивнул головой в сторону запада, туда, где долина сужается, стесненная лесистыми холмами.

– Да ведь это брод Виллинга, – сказала Уна. – Мы часто ходим туда. Там живет славный зимородок.

– В те времена это место называлось бродом Виланда. От маяка туда спускалась дорога. Очень плоха была она, а весь откос холма покрывал густой-прегустой дубовый лес, в котором водились олени. Я не нашел и следа Виланда, зато увидел толстого фермера; он спускался по дороге в тени деревьев. Его лошадь потеряла в глине свою подкову, и, подъехав к броду, он вылез из седла, вынул из своего кошелька один пенни, положил его на камень, привязал свою старую лошадь к дубу и громко закричал: «Кузнец, кузнец, вот для тебя работа». Сказав это, толстяк сел на землю и заснул. Вы представьте себе, что я почувствовал, когда седобородый, согнутый, старый кузнец в кожаном переднике вышел из-за дуба и принялся подковывать лошадь. Я узнал Виланда и так удивился, что прыгнул к нему, сказав: «Что ты тут делаешь, Виланд?»

– Бедный Виланд, – со вздохом шепнула Уна.

– Кузнец откинул со лба свои длинные волосы (он не сразу узнал меня) и, подумав немного, ответил: «Тебе-то следовало знать. Ты предсказал это, старое существо. Я подковываю лошадей за плату. Я теперь даже не Виланд. Мое имя Придорожный Кузнец».

– Бедняк, – заметил Ден. – А что ты ему сказал?

– Что я мог сказать? Держа ногу лошади на колене, он посмотрел на меня, улыбнулся и продолжал: «Помню время, когда я не согласился бы принять в жертву эту старую клячу, суший мешок с костями, а теперь радуюсь, что могу за пенни подковать ее».

– Разве ты не в силах вернуться в Валгаллу или вообще туда, откуда пришел? – спросил я.

– То-то и оно, что нет, – ответил он, продолжая скрести копыто. Он удивительно обращался с лошадьми. Старая кляча обнюхивала его плечо и тихонько ржала. – Ты помнишь, что в свое время, когда я был в полной власти, я не считался кротким? Я не освобожусь до тех пор, пока какое-нибудь человеческое существо искренне не пожелает мне добра.

– Ну, – сказал я, – фермер должен поблагодарить тебя, ты для него подкуешь все четыре ноги лошади.

– Да, – сказал Виланд, – мои гвозди продержат подковы от одного полнолуния до другого. Но фермеры и здешняя глина необыкновенно холодны и жестки.

Поверите ли, когда этот фермер проснулся и увидел, что его лошадь хорошо подкована, он уехал, не бросив неведомому кузнецу ни слова благодарности. Я до того рассердился, что тотчас повернул его лошадь и заставил ее пройти три мили обратно к маяку. Уж очень мне хотелось поучить вежливости этого грешника.

– Ты был невидимкой? – спросила Уна. Пек серьезно кивнул головой.

– Конечно. В те дни маяк всегда держали наготове, в случае французской высадки в Певн-сее его могли мгновенно зажечь. В эту длинную летнюю ночь долго водил я лошадь туда и сюда, фермер думал, что он заколдован, да, конечно, так и было, и толстяк скоро начал молиться и кричать. Это меня не смущало; я был таким же хорошим христианином, как он. Часа в четыре утра из монастыря, который стоял на вершине Маячного холма, вышел послушник.

– Что такое послушник? – спросил Ден.

– По-настоящему послушник – будущий монах; но в те времена многие посылали своих сыновей в монастыри, как в школы, учиться. Этот молодой человек проводил месяцев по пять во французском монастыре, а теперь заканчивал свое образование тоже в монастыре, но близ своего дома. Его звали Гуг, и родные этого юноши владели всей вашей долиной. Гуг услышал крик фермера, подошел к нему и с удивлением спросил, что с ним. Старик наговорил ему всяких чудес о феях, духах и колдуньях, я же знал, что в эту ночь он не видел ничего, кроме кроликов да оленей. (Жители гор как выдры: они показываются, только когда хотят.) Гуг не был глуп. Он посмотрел на ноги лошади и увидел, что она подкована так, как ковал один Виланд. (Виланд особым образом загибал гвозди, и люди называли это «загибом Придорожного Кузнеца».)

– Гм, – произнес послушник. – Где подковали вашу лошадь?

Сначала фермер не хотел ему сказать; священники не любили, чтобы их прихожане имели какое-нибудь дело с древними существами, но наконец сознался, что лошадь его подковал Придорожный Кузнец.

– Сколько вы заплатили ему? – спросил Гуг.

– Пенни, – мрачно ответил фермер.

– Христианин взял бы больше, – заметил Гуг. – Надеюсь, вы в придачу сказали «благодарю»?

– Нет, – ответил фермер, – Придорожный Кузнец – язычник.

– Язычник он или нет, – сказал Гуг, – вы приняли от него услугу, следовательно, должны его поблагодарить...

– Что? – с негодованием сказал фермер; он сердился, потому что все это время я водил его лошадь кругами. – Что это вы болтаете, молодая сутана? Значит, по-вашему, я должен был бы сказать благодарю сатане, если бы он помог мне?

– Полно, не старайтесь сбить меня с толку, – проговорил послушник. – Вернитесь к броду и поблагодарите кузнеца, не то сами пожалеете.

И фермеру пришлось поехать обратно. Я вел его лошадь, но никто меня не видел; Гуг шагал рядом с нами; его длинное платье шелестело в блестящей от росы траве; его удочка лежала на плечах, как копье. Когда мы опять пришли к броду, было пять часов, под дубами тянулся туман; фермер отказался крикнуть «благодарю» и ворчал, обещая сказать аббату, что его послушник хотел принудить христианина поклониться языческому божеству. Тогда Гуг вышел из себя, крикнув «благодари!», схватил фермера за его ногу, скинул толстяка с седла на траву и раньше, чем упрямец успел подняться, стал трясти его, как крысу; наконец, фермер проворчал: «Благодарю тебя, Придорожный Кузнец».

– А Виланд видел это? – спросил Ден.

– О, да; когда фермер рухнул на землю, Придорожный Кузнец так крикнул, что воздух дрогнул; это был старинный воинский клич Виланда. Кузнец был в восторге; Гуг же повернулся к дубу и сказал:

– О, кузнец богов, мне стыдно думать об этом грубом фермере, и за все то хорошее, что во имя доброты и милосердия ты сделал для него и для других моих соплеменников, я благодарю тебя и желаю тебе добра. – Сказав это, послушник поднял свою удочку, которая больше, чем прежде, стала походить на копье, и ушел по вашей долине.

– А что сделал бедный Виланд? – спросила Уна.

– От радости он и плакал и смеялся; Гуг освободил его, и он мог уйти, куда хотел. Но Виланд был честен. Он работал из-за денег и перед уходом заплатил свои долги. «Я поднесу подарок этому послушнику, – сказал он, – и дар мой послужит ему на пользу везде, куда бы ни попал он, а после него принесет добро старой Англии. Раздуй для меня огонь, ты, древний житель леса, а я приготовлю железо для моего последнего изделия». И Виланд выковал меч, темно-серый, изогнутый; он ковал, я раздувал огонь. Клянусь дубом, тисом и терновником, повторяю, Виланд был кузнецом богов. Он дважды охладил меч и проточной воде, в третий раз – в вечерней росе; потом положил его под лунные лучи и пропел над ним руны (это значит заклинания), наконец, начертал пророческие руны на его лезвии. «Древнее создание, – сказал он мне, отирая лоб, – лучшего лезвия Виланд никогда еще не делал. Даже тот, у кого оно будет в руках, никогда не постигнет до конца его совершенства. Пойдем к монастырю».

Мы прошли в общую комнату монахов и увидели послушника.

Он крепко спал на своей койке. Виланд вложил меч в его руку, и я отлично помню, как молодой человек, не просыпаясь, схватил эфес дивного оружия. Потом Виланд вошел в часовню, сделал по плитам ее пола столько шагов, сколько осмелился, и бросил все свои кузнечные инструменты – молоток, клещи и скребки, – показывая, что он навсегда покончил с ними. Тяжелые орудия упали на пол, зазвенели, точно броня; заспанные монахи сбегались в часовню; им показалось, что на монастырь напали французы. Раньше всех прибежал послушник; он размахивал своим новым мечом и выкрикивал саксонский военный клич. Увидев кузнечные инструменты, монахи изумились, но Гуг попросил у них позволения заговорить, рассказал, что он сделал с фермером, что сказал кузнецу и как, несмотря на свет в дортуаре, нашел в своей постели чудесный, покрытый рунами меч.

Сперва аббат покачал головой, но скоро засмеялся и сказал послушнику:

– Сын мой, Гуг, я и без знака языческого бога понимал, что ты никогда не будешь монахом. Возьми свой меч, храни свой меч и уходи со своим мечом; но будь так же кроток, как силен и вежлив. Мы же повесим перед алтарем кузнечные инструменты, потому что, чем бы ни был в древние дни кузнец богов, нам известно, что он честно работал ради денег и принес дары матери церкви.

Монахи ушли и снова легли спать; ушли все, кроме послушника, который сел на пороге, играя своим мечом. Стоявший около конюшни Виланд сказал мне:

– Прощай, древний; ты имеешь право проводить меня. Ты видел, как я явился в Англию, видишь, как я ухожу. Прощай.

И он стал спускаться с холма, направляясь к повороту реки подле Большого Леса; теперь вы называете его Глухим Углом; Виланд шел к тому самому месту, где он впервые пристал к земле; я слышал еще некоторое время, как он шуршал в чаще, потом все стихло. Вот так это случилось.

Ден и Уна глубоко вздохнули.

– А что же было потом с Гугом? – спросила Уна.

– И с мечом? – спросил Ден.

Пек посмотрел на луг, который, спокойный и прохладный, расстилался в тени Холма Пека. В траве крикал коростель; в ручье прыгали маленькие форели. Из ольховой чащи вылетела большая белая ночная бабочка и покружилась около детских головок; легкая дымка тумана поднялась над ручьем.

– А вы действительно хотите знать это? – спросил Пек.

– Да, да, – ответили дети. – Ужасно хотим.

– Отлично. Я обещал вам, что вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, хотя бы это случилось три тысячи лет тому назад; но теперь, мне кажется, если вы не пойдете домой, ваши домашние будут вас искать. Я провожу вас до ограды.

– А ты будешь здесь, когда мы опять вернемся? – спросили брат и сестра.

– Конечно, коне-ечно, – ответил Пек. – Я уже пробыл здесь довольно долго. Только погодите одну минутку.

Он дал каждому из детей по три листика: один дубовый, другой тисовый, третий терновый.

– Покусайте их, – сказал Пек, – не то, пожалуй, вы станете дома болтать о том, что видели и слышали, и – если только я знаю людей – ваши родители пошлют за доктором. Кусайте же.

Брат и сестра стали грызть листики и пошли рядышком к ограде усадьбы. Подле калитки стоял их отец.

– Ну, как шло представление? – спросил он.

– О, чудесно, – ответил Ден, – только позже мы, кажется, заснули. Было так тепло и тихо. Ты не помнишь, Уна?

Уна покачала головой и ничего не сказала.

– Понимаю, – сказал отец и продекламировал стихи: «Поздно вечером Кильмени пришла домой; она не могла сказать, где была, и не помнила, что видела». —

Но почему ты жуешь листики, дочка? Из шалости?

– Нет, я делаю это зачем-то, но зачем именно – не могу сейчас вспомнить.

И ни брат, ни сестра ничего не помнили, пока...

Юноши в замке

Через несколько дней дети ловили рыбу в том ручье, который вот уже много столетий прорезает мягкую почву долины. Вершины деревьев сплетались над ним, образуя длинный коридор; сквозь их листву пробивался солнечный свет и пятнами, кружками и полосками падал на берег и на воду. В зеленом коридоре виднелись мели из песка и гравия, старые корни и упавшие стволы, поросшие мхом и покрытые красными от железистой воды рисунками. Тонкие и бледные стволы наперстянок тянулись к свету; рядом с ними поднимались кусты папоротника, покачивались застенчивые, вечно жаждущие воды цветочки, которые не могут жить без влаги и тени. От движения проворных форелей рябь бежала по тихой поверхности заводов, которые между собой соединялись узкими полосками воды, а с широкими темными заливами ручья были связаны журчащими протоками. Только во время половодья и самый ручей, и заводи, и отдельные лужи – все сливалось в одну бурную, быстро несущуюся стремнину.

Эта часть ручья была одним из самых любимых тайных приютов детей. Старый Хобден показал им, как тут можно веселиться. Там, на залитом теплыми лучами солнца лугу, никто не угадал бы, что происходило под арками из ветвей; в зеленой тени раздавался только стук от случайного удара удочки о нижнюю ветку ивы или свист молодых тисовых листьев, когда леска на мгновение цеплялась за них.

– Мы поймали с полдюжины рыбок, – сказал Ден после того, как дети около часа пробыли в этой теплой сырой чаще.

– Не пройти ли нам к каменистой гряде? Не попробовать ли поудить в Длинной Заводи?

Уна кивнула головкой. Она чаще всего разговаривала знаками. И дети вышли из своего темного зеленого убежища, направляясь к маленькой возвышенности, которая заставляет ручей бежать к мельничной речке. Там берега были низки, обнажены, и от блеска дневного солнца, которое отражалось в воде Длинной Заводи, бывало больно глазам.

Едва дети вышли на открытое место, как чуть было не упали от изумления. Большая серая лошадь, вокруг хвоста которой морщилась зеркально-спокойная вода, пила из заводи, и рябь около ее морды вспыхивала, точно расплавленное золото. На лошади сидел старый седой человек, одетый в просторную блестящую кольчугу, сделанную из цепочек. Его голова не была прикрыта; на луке его седла висел железный шлем в форме ореха. Красные сафьяновые поводья узды с фестончатыми краями были около шести дюймов шириной; на спине лошади было седло с толстыми подушками и с красными подпругами; спереди оно придерживалось красным же кожаным нагрудником, сзади – таким же красным ремнем.

– Смотри, – шепнула Уна, точно Ден и так уже не смотрел во все глаза. – Это совсем как картина в твоей комнате: «Сэр Изембрас подле брода».

Всадник повернулся к Уне и Дену; его худое, продолговатое лицо было так же приветливо и кротко, как лицо рыцаря, который на картине перевозит детей.

– Им следовало бы уже быть здесь, сэр Ричард, – прозвучал густой голос Пека.

– Они здесь, – ответил рыцарь и улыбнулся Дену, продолжавшему держать связанных веревочкой форелей. – По-видимому, мальчики не особенно изменились с тех пор, как мои собственные дети удили рыбу в этих водах.

– Если ваша лошадь достаточно напилась, нам будет спокойнее в кольце, – сказал Пек и кивнул детям головой, точно неделю тому назад он не усыпил волшебством их воспоминаний.

Большая лошадь повернулась, одним прыжком поднялась на луг, и из-под ее ног посыпались комья земли.

– Прошу прощения, – сказал Дену сэр Ричард. – В те времена, когда эти земли принадлежали мне, я не любил, чтобы верховые переезжали через ручей где-нибудь, кроме вымощенного брода. Но моей Ласточке хотелось пить, и я желал встретиться с вами.

– Мы очень рады, что вы приехали, сэр, – ответил Ден, – осыпавшиеся же берега – не велика беда...

И мальчик пошел через луг подле огромной лошади, шагая со стороны висевшего у пояса рыцаря меча. Это был могучий меч с великолепно выкованным эфесом. Уна и Пек шли сзади. Теперь она помнила решительно все.

– Я извиняюсь за листья, – сказал Пек, – но если бы вы рассказали дома о том, что было, вышло бы нехорошо. Правда?

– Да, я думаю, – согласилась Уна. – Но ведь ты сказал, что все волш... что все жители гор ушли из Англии.

– Да, сказал, но сказал также, что вы оба будете смотреть и узнаете. Ведь сказал же?.. Рыцарь не волшебник. Он – сэр Ричард Даллингридж, мой старинный друг. Он явился сюда с Вильгельмом-Завоевателем, а теперь пожелал познакомиться с вами.

– Почему пожелал? – спросила Уна.

– Он слышал о вашей великой мудрости и учености, – не сморгнув, ответил Пек.

– Наша ученость? – удивилась Уна. – Да ведь я не знаю девятую девять, а Ден ужасно путается с дробями. Он, верно, желал познакомиться с какими-нибудь другими детьми.

– Уна, – обернувшись, крикнул Ден. – Сэр Ричард говорит, что он расскажет нам о том, что случилось с мечом Виланда. – Теперь этот меч у него. Ну, не прелесть ли!

– Нет, нет, – сказал сэр Ричард, соскакивая с седла, потому что они дошли до травянистого круга на мысе, образованном излучиной мельничной реки. – Не я, а вы должны обо всем рассказывать мне; ведь я слышал, что в нынешние времена самый младший ребенок в Англии мудрее наших ученых писцов.

Он разнуздал Ласточку, перекинул рубиново-красные поводья через ее голову, и умная лошадь пошла щипать траву.

Сэр Ричард (дети заметили, что он прихрамывал) отстегнул от своего пояса меч.

– Вот он, – шепнул Уне Ден.

– Это меч, который брат Гуг получил от Придорожного Кузнеца, – сказал сэр Ричард. – Один раз он отдавал мне свое оружие, но я отказался взять его; наконец, меч сделался моей собственностью после боя, какого никогда не вели крещеные люди. Смотрите. – Сэр Ричард наполовину вынул меч из ножен и повернул его. На обеих сторонах лезвия под самым эфесом, там, где рунические письмена вздрагивали точно живые, на тусклой смертоносной стали виднелись две глубокие борозды. – Скажите же, какое существо сделало их? – спросил детей рыцарь. – Я не знаю, может быть, вы скажете?

– Расскажите им всю историю, сэр Ричард, – попросил рыцаря Пек. – Ведь она, во всяком случае, касается их земель.

– Да, пожалуйста, с самого начала, – поддержала Пека Уна; улыбающееся доброе лицо рыцаря теперь еще больше напоминало ей картину «Сэр Изембрас подле брода».

Дети уселись на землю и приготовились слушать. Сэр Ричард с обнаженной головой, на которую падали солнечные лучи, обеими руками покачивал меч; большая серая лошадь щипала траву за чертой травянистого кольца, шлем, привешенный к луке седла, слегка позвякивал, когда она дергала головой.

– Хорошо, – сказал сэр Ричард. – Этот рассказ касается вашей земли, а потому я начну его с самого начала. Когда наш герцог явился из Нормандии, чтобы завладеть Англией, великие рыцари (может быть, вы слышали об этом?) приплыли вслед за ним, стараясь как можно лучше служить ему, потому что герцог обещал дать им здесь земли; за крупными рыцарями явились и мелкие. Мои домашние в Нормандии были бедны, но родственник моего отца Энгелар Орлиный – Энгенульф де Аквила – последовал за графом Мортеном, который, в свою очередь, двинулся вслед за Вильгельмом, или Вильямом-герцогом, а я устремился за де Аквила. Да, с тридцатью воинами из отцовского дома и с новым мечом я решил попытаться завоевать

Англию, и это ровно через три дня после моего посвящения в рыцари. Не думалось мне тогда, что Англия меня победит. Мы направились к Сент-Леку вместе с остальными; это было огромное полчище.

– Он расскажет про битву при Гастингсе? – шепнула Уна, и Пек молча кивнул ей головой; ему не хотелось прерывать рассказчика.

– Там, за холмом, – рыцарь указал на юго-восток, – мы увидели солдат Гарольда. Мы сражались. К вечеру пошел дождь. Мои люди с войском де Аквила преследовали врагов, собираясь грабить. Во время этого преследования был убит Энгерар Орлиный; Жильбер, его сын, подхватил знамя, выпавшее из рук умирающего, и стал во главе отряда. Все это я узнал гораздо позже, потому что мою Ласточку ранили в бок, и я остался у ручья, подле терновника, чтобы омыть ее рану. Вдруг одинокий саксонец окликнул меня по-французски, и между нами начался поединок. Я должен был бы узнать этот голос, но мы бились. Долгое время ни один из нас не мог одолеть другого; наконец, только в силу несчастной случайности, он поскользнулся, и меч выпал из его рук. Ну-с, я только что был посвящен в рыцари и больше всего в мире желал быть вежливым и великодушным, а потому не поразил мечом моего противника, попросил его поднять меч.

– Проклятие моему мечу, – сказал он, – из-за него я буду побежден в первом же бою. Вы пощадили мою жизнь. Возьмите это оружие. – Он протянул его мне, но едва я хотел коснуться железного эфеса, как меч застонал, точно раненый человек; я отскочил от него с криком: «Колдовство!»

Дети посмотрели на меч, точно он был готов снова заговорить.

– Внезапно ко мне подбежало несколько саксонцев. Видя одинокого норманна, они уже готовились убить меня, но мой саксонец крикнул, что я его пленник, и велел своим воинам отступить. Таким образом, как видите, молодой саксонский рыцарь спас мне жизнь. Он посадил меня на мою лошадь и десять долгих миль вел ее через леса; наконец, мы очутились в этой долине.

– Здесь? – спросила Уна.

– В этой самой долине. Мы перешли через нижний брод, вот там, под Королевским холмом, – рыцарь снова указал на восток – туда, где долина расширяется.

– И этот саксонец был Гуг, послушник? – спросил Ден.

– Да, даже больше. Он три года пробыл вместе со мной в монастыре в Беке, подле Руана, – посмеиваясь, ответил сэр Ричард, – и аббат этого монастыря, Эрлин, не пожелал, чтобы я там оставался.

– А почему? – спросил Ден.

– Да потому, что я въехал на лошади в столовую, когда ученики сидели за столом, сделав это с целью показать саксонцам, что мы, норманны, не боимся аббатов. Именно саксонец Гуг подстрекнул меня на такую шутку. С того памятного дня мы не встречались с ним. Когда он еще был в шлеме, мне показалось, что я узнал его голос, и, хотя наши предводители бились, мы оба радовались, что ни один из нас не убил другого. Идя подле меня, Гуг рассказал мне, что меч ему дал языческий бог (так, по крайней мере, ему казалось), и прибавил, что до сих пор это оружие никогда не пело. Помнится, я посоветовал ему беречься волшебства и чар. – Сэр Ричард задумчиво улыбнулся. – Тогда я был очень молод, очень молод.

Когда мы пришли к дому Гуга, из нашей памяти почти исчезло воспоминание о том, что мы враги. Время близилось к полуночи; большой зал наполняла толпа мужчин и женщин; все они ждали вестей. Тут я впервые увидел его сестру, леди Эливу, о которой он рассказывал нам во Франции. Она с ожесточением закричала на меня и захотела тотчас же меня повесить, но Гуг сказал ей, что я пощадил его, о том, что он спас меня от саксонцев, мой друг умолчал, прибавив только, что в этот день наш герцог одержал победу. Они довольно долго ссорились из-за меня, вдруг он упал без памяти, ослабев от полученных ран.

– Это твоя вина! – закричала леди Элива, бросилась к брату, наклонилась над ним и велела подать вина и полотняных бинтов.

– Если бы я знал, что он ранен, – ответил я, – он ехал бы на лошади, а я шел бы пешком. Но Гуг посадил меня на мою Ласточку и, не жалуясь, все время весело разговаривал со мной. Молю Бога, чтобы я не повредил ему.

– Молись, молись, – сказала она, закусывая губу. – Если он умрет, тебя повесят.

Гуга унесли в его комнату; трое рослых служителей связали меня и поставили под балкой в большом зале, надев на мою шею веревочную петлю. Конец веревки они перекинули через балку, а сами сели подле очага, ожидая, чтобы им сказали, остался ли Гуг жив или умер. Сидя, они разбивали орехи эфесами своих ножей.

– А что вы чувствовали? – спросил Ден.

– Я был очень утомлен и все-таки от души молился о сохранении жизни моего школьного товарища, Гуга. Около полудня из долины донесся топот лошадиных копыт, служители развязали меня и убежали из замка, а во двор въехали солдаты де Аквила. С ними явился Жильбер Орлиный, ведь он всегда говорил, что, «подобно своему отцу», никогда не покидает никого из «своих».

Жильбер был мал ростом, как и его отец, с носом, крючковатым, точно орлиный клюв, и с глазами, желтыми, тоже как у орла. Он всегда ездил на крупных чалых боевых конях, которых воспитывал сам, и не терпел, чтобы ему помогали садиться в седло. Войдя в комнату, Жильбер увидел, что с верхней балки свешивается веревка, и засмеялся; захохотали и его спутники, я не мог подняться с пола – весь онемел.

– Жалкий прием для рыцаря-норманна, – сказал он, – но все равно будем и за то благодарны. Скажи, мальчик, кто так обошелся с тобой? Мы хорошо расплатимся с твоим обидчиком.

– Что он хотел сказать? Он решил убить их? – спросил Ден.

– Конечно. Но я посмотрел на леди Эливу, стоявшую среди своих служанок, и на ее брата, державшегося подле нее. Воины Жильбера пригнали всех в переднюю залу.

– А она была хорошенькая? – спросила Уна.

– За всю мою долгую жизнь я никогда не видал женщины, достойной расстилать сухие тростники перед ногами леди Эливы, – совершенно просто и спокойно ответил рыцарь. – Глядя на нее, я думал, что шуткой могу спасти ее и ее замок.

– Я явился сюда неожиданно, просто-напросто вбежал в этот дом, – сказал я Жильберу, – а потому не могу упрекнуть саксонцев за недостаток любезности. – Но мой голос дрожал, с этим маленьким человеком не следует... не следовало шутить.

Все молчали, наконец, де Аквила засмеялся.

– Смотрите, мои молодцы, вот так чудо, – проговорил он. – Бой едва окончен, мой отец еще не погребен, а наш самый младший рыцарь уже обосновался в своем замке; побежденные им саксонцы покорились и предложили ему свои услуги. (Я вижу это по их толстым лицам!) Клянусь всеми святыми, – прибавил он, потирая свой орлиный нос, – я никогда не думал, что можно так быстро завоевать Англию. Ну, что же? Я могу только отдать юноше то, что он успел забрать в свои руки. Этот замок твой, мальчик, – обратился он ко мне, – владей им до моего возвращения или пока тебя не убьют. Теперь же – на коней, и вперед! Мы отправимся за нашим герцогом в Кент и сделаем его королем Англии.

Он протаскил меня за собой к двери; ему подвели его худого чалого коня, который был выше моей Ласточки, но не так хорошо ухожен.

– Слушай, – сказал он, взяв со своими большими военными перчатками. – Я дал тебе этот замок, но он – саксонское осиное гнездо, и я думаю, тебя убьют через месяц, как убили моего отца. Но, если ты сумеешь сохранить крышу над главной залой, солому над овином и плуг в борозде поля до моего возвращения, ты получишь этот замок от меня, потому что наш

герцог обещал графу Мортену все земли около Певнсея, а Мортен даст мне из них ту часть, которую он отдал бы моему отцу. Один Бог знает, доживем ли мы с тобой до покорения Англии, только помни, мальчик, здесь в настоящее время борьба – безумие, а, – он протянул руку за поводьями, – хитрость и ловкость – все.

– К сожалению, я не хитер, – сказал я.

– Пока еще нет, – ответил он, поставив ногу в стремя и толкая лошадь в живот каблуком сапога. – Пока еще нет, но, мне кажется, тебя скоро научат хитрить. Прощай. Владей замком и живи. Потеряй замок и будешь висеть. – Он пришпорил чалого и поскакал; ремни от его щита взвизгнули и закачались.

Итак, дети, я, немного старше, чем мальчик, остался в замке; со мной был только мой отряд в тридцать человек, меня окружала незнакомая местность с населением, языка которого я не знал, и мне предстояло удержать в своих руках землю, отнятую мною.

– И это было здесь? – спросила Уна.

– Да, здесь. Смотри. От верхнего брода, брода Виланда, до нижнего брода по Прекрасной Аллее на запад и на восток было около половины мили. От маяка на юг и на север – по целой миле; в лесах ютились саксонские воры, грабители норманны, разбойники, браконьеры. Действительно, сущее осиное гнездо!

Де Аквила уехал. Гуг стал было благодарить меня за то, что я спас их, но леди Элива сказала, что я сделал это только с целью получить замок.

– Как я мог знать, что де Аквила подарит мне дом и земли? – возразил я. – Если бы я сказал ему, что провел ночь у вас взаперти, к этой минуте замок был бы дважды сожжен.

– Если бы какой-нибудь человек надел веревку на мою шею, – проговорила она, – я пожелала бы, чтобы его дом был сожжен трижды, раньше чем заключила бы с ним какое-нибудь соглашение.

– Но на мою шею веревку надела женщина, – ответил я и засмеялся; тогда она заплакала и сказала, что я насмехаюсь над ней, беспомощной пленницей.

– Леди, – произнес я, – в этой долине нет пленников, кроме одного человека, но он не саксонец.

Услышав это, она закричала, что я норманнский вор, что я явился с фальшивыми сладкими речами и с самого начала задумал выгнать ее в поля просить милостыню. В поля! Она никогда не видела лица войны!

Я рассердился и ответил: «Это-то, по крайней мере, я могу опровергнуть, так как клянусь, – и на эфесе меча я поклялся, – я клянусь, что моя нога не переступит порога большого зала, пока леди Элива сама не позовет меня в дом».

Ничего не сказав, она ушла из комнаты; я отправился во двор; Гуг проковылял вслед за мной, печально посвистывая (это в обычае англичан), и мы увидели трех саксонцев, которые недавно связали меня. Теперь они сами были связаны, и около них стояло человек пятнадцать сильных, мрачных служителей замка в ожидании дальнейших событий. Из лесов, которые тянулись по направлению к Кенту, донесся слабый звук труб Жильбера Орлиного.

– Прикажете их повесить? – спросили мои солдаты.

– В таком случае мои люди будут драться, – прошептал Гуг, но я попросил его спросить троих саксонцев, на что они надеются.

– Ни на что хорошее, – в один голос ответили они. – Она приказала нам тебя повесить, если наш господин умрет. И мы повесили бы тебя. Вот и все.

Я стоял и раздумывал; вдруг из дубового леса на Королевском Холме выбежала женщина и закричала, что какие-то норманны угоняют свиней.

– Норманны там или саксонцы, – сказал я, – мы должны заставить их уйти, не то они ежедневно будут грабить нас. Бегите за ними, каждый с тем оружием, какое у него найдется...

Итак, я освободил трех слуг-саксонцев, и мы все вместе побежали к лесу, мои воины вперемешку с саксонцами, кто с луком, кто с копьем; это оружие было спрятано в соломенных крышах их хижин. Гуг вел саксонцев Королевского Холма. Мы увидели малого из Пикардии, он был разносчик и продавал вино в лагере герцога, а теперь мошенник надел на свою руку щит убитого рыцаря и ехал на украденной лошади; с ним было человек двенадцать бездельников. Все они гнали, колотили и кололи копьями наших свиней. Мы прогнали их и спасли стадо. Сто семьдесят свиней сохранили мы после этой великой битвы! – со смехом прибавил сэр Ричард.

Это была наша первая совместная работа с Гугом, и я попросил его сказать своим подчиненным, что буду поступать так с каждым – рыцарем ли, рабом ли, норманном или саксонцем, кто украдет хоть одно яйцо в долине. Когда мы ехали домой, Гуг сказал мне: «Сегодня ты сделал многое для завоевания Англии».

А я ответил: «В таком случае Англия должна быть моей и твоей. Помогай мне, Гуг, действовать правильно относительно этих людей. Растолкуй им, что если они меня убьют, де Аквила, конечно, пришлет сюда отряд, который уничтожит их всех, и вместо меня посадит в замке гораздо худшего человека».

– Может быть, ты и прав, – сказал Гуг и подал мне руку. – Лучше знакомый дьявол, чем дьявол неизвестный, значит, пусть все остается как есть, пока мы не отправим вас, норманнов, восвояси.

То же говорили и его саксонцы. Когда мы гнали свиней с холма, они смеялись, и, мне кажется, уже тогда некоторые из них перестали ненавидеть меня.

– Мне нравится брат Гуг, – мягко сказала Уна.

– Он, бесспорно, был самый совершенный, вежливый, отважный, нежный и мудрый рыцарь, когда-либо живший на земле, – сказал сэр Ричард, поглаживая свой меч. – Он повесил свой меч – вот этот – на стене большого зала, говоря, что это оружие по праву мое, и не снимал его до возвращения де Аквила, как вы сейчас увидите. Три месяца его и мои люди охраняли долину, наконец, все разбойники и ночные бродяги поняли, что от нас они добьются только побоев да виселицы. Мы рука об руку дрались со всеми являвшимися в долину (иногда по три раза за неделю), дрались и с ворами, и с безземельными рыцарями, которые искали хорошие замки. Потом наступило мирное время, и с помощью Гуга я попробовал управлять долиной – ведь вся эта ваша долина была моим имением. Я старался действовать, как подобает рыцарю. Я сохранил крышу над залом и солому над овином, но... смелый народ англичане. Саксонцы смеялись и шутили с Гугом, и Гуг смеялся с ними, и (это удивляло меня), если кто-нибудь из них, хотя бы самый незначительный, говорил, что то или другое – местный обычай, Гуг и старые служители замка, случайно оказавшиеся поблизости, забывали все остальное и начинали обсуждать вопрос (я видел, как однажды в подобном случае они остановили мельницу с полусмолотым зерном). Когда оказывалось, что то или другое действительно старинный обычай, – конец; поступали согласно установленному порядку, даже если это противоречило интересам Гуга, его желанию и приказаниям. Изумительно!

– Да, – сказал Пек, в первый раз вступая в разговор. – Обычаи старой Англии начали править страной раньше, чем пришли наши рыцари-норманны, и пережили их, хотя норманны жестоко боролись с ними.

– Только не я, – сказал сэр Ричард. – Я предоставлял саксонцам идти по намеченному ими пути, зато, когда мои воины, пробывшие в Англии менее шести месяцев, говорили, что то или другое в обычае страны, – я сердился. Ах, славные дни! Ах, чудесный народ! И как же я любил их всех!

Рыцарь протянул руки, точно желая прижать к сердцу всю эту долину, а Ласточка, услышав звон его кольчуги, подняла голову и тихонько заржала.

– Наконец, – продолжал он, – через год, полный усилий, трудов и легких столкновений, в эту долину вернулся де Аквила; он приехал один и совсем неожиданно. Я встретил его около нижнего брода; на седле перед ним сидел мальчишка-свинопас.

– Тебе незачем давать мне отчет в управлении замком, – сказал он, – я все узнал вот от этого мальчика. – И он прибавил, что свинопасик остановил подле брода его большую лошадь, помахав перед ней веткой, и закричал, что дорога преграждена. – А уж если полунагой смелый ребенок в наши дни решается охранять брод, это значит, ты управлял хорошо, – прибавил де Аквила и, отдуваясь, покачал головой.

Он ущипнул мальчика за щеку и взглянул на наш скот, пасшийся на пологом берегу реки.

– Жирные, – сказал он, потирая себе нос. – Да, я люблю такое искусство и хитрость. – Что, уезжая, я сказал тебе, мальчик?

– Удержи в своих руках замок или повиснешь на веревке, – был мой ответ. Я никогда не забывал слов Жильбера Орлиного.

– Правильно. И ты удержал замок. – Он сошел с седла, концом меча вырезал кусок дерна на берегу и подал его мне, преклонившему колено.

Ден посмотрел на Уну. Уна посмотрела на Дена.

– Ввод во владение, – шепнул Пек.

– Теперь ты законно введен во владение замком и землями, сэр Ричард, – сказал де Аквила. – Ты и твои наследники на веки вечные владельцы этого имения. Куска дерна достаточно на время; потом писцы короля напишут на пергаменте документ. Вся Англия наша... если только нам удастся удержать ее в руках.

– Какую подать я буду платить? – спросил я, и отлично помню, какую гордость почувствовал при этих словах.

– Рыцарскую, мальчик, рыцарскую, – сказал он, прыгая вокруг лошади на одной ноге. (Говорил ли я, что он был мал ростом, но терпеть не мог, чтобы его подсаживали в седло?) – Шесть всадников или двадцать лучников ты будешь присылать мне, как только я потребую их и... Откуда у вас такой хлеб? – перебил он сам себя, потому что время подходило к жатве и у нас был действительно хороший хлеб. – Я никогда не видывал такой блестящей соломы. Ежегодно присылай мне по три мешка таких же семян; кроме того, в память нашей предпоследней встречи, – когда на твоей шее болталась веревка, – ежегодно в течение двух дней угощай меня и мою свиту в большом зале твоего замка.

– К сожалению, – сказал я, – мне сразу приходится обсчитать моего господина. Я дал слово не входить в большой зал, – и я рассказал Жильберу о клятве, данной мной леди Эливе.

– И с тех пор вы никогда не бывали в доме? – спросила рыцаря Уна.

– Никогда, – с улыбкой ответил сэр Ричард. – Я построил себе на холме маленькую деревянную хижину, в ней ночевал, перед ней чинил суд и расправу... Де Аквила повернул лошадь, его висевший на спине щит колыхнулся.

– Это не беда, мальчик, – сказал он, – я окажу тебе почет позже, через двенадцать месяцев.

– Он хотел сказать, что в течение первого года сэру Ричарду не придется приглашать его на пир, – объяснил детям Пек.

Де Аквила пробыл несколько дней у меня в хижине; Гуг, умевший читать, писать и считать, показал ему отчетный свиток, в котором были написаны названия всех наших полей, а также имена служащих. Мой господин задавал ему тысячи вопросов о землях, о лесе, о пастбищах, о мельнице, о рыбных прудах и о достоинствах каждого жителя долины. Но де Аквила ни разу не произнес имени леди Эливы, ни разу не подошел к дверям замка. По вечерам он пил с нами в хижине. Да, он сиживал на соломе, точно орел, распушивший свои перья; его желтые глаза бегали по сторонам, и, разговаривая, он, точно орел, перескакивал с одного предмета на другой, но всегда быстро устанавливал между ними связь. Бывало, он немного полежит спо-

койно, потом солома зашуршит, де Аквила задвигается и начнет говорить, да порой так, точно он сам король; нередко он высказывал свои мысли в притчах и баснях, и, если мы не сразу понимали их значение, толкал нас под ребра своим мечом в ножнах.

– Слушайте, вы, мальчики, – сказал он однажды. – Я родился не вовремя. Пятьсот лет тому назад я сделал бы Англию такой страной, которую не смог бы покорить ни один датчанин, саксонец или норманн. На пятьсот лет позже нынешних дней я сделался бы таким советником королей, какие никогда не грезились миру. Все это здесь, – прибавил де Аквила, постучав по своей крупной голове, – но в наш темный век моим способностям нет простора. Теперь Гуг более подходящий человек, чем ты, Ричард. – И его голос зазвучал хрипло, точно карканье ворона.

– Правда, – согласился я, – без Гуга, без его помощи, терпения и выносливости я ни за что не удержал бы в своих руках замок и земель.

– Да и не сохранил бы жизнь, – прибавил де Аквила. – Не один, а сотню раз Гуг спасал тебя. Молчи, Гуг, – прибавил он. – Знаешь ли ты, Ричард, почему Гуг спал, да и теперь по ночам спит посреди твоих норманнских воинов?

– Я думаю, чтобы быть подле меня, – сказал я, предполагая, что это так и есть.

– Глупец, – произнес де Аквила, – он спит между ними, потому что саксонцы просили восстать против тебя и выгнать из долины всех норманнов, всех до одного. Не важно, как я об этом узнал, но говорю правду. Гуг сделал себя заложником за твою жизнь, хорошо зная, что, если с тобой случится беда от руки его саксонцев, твои норманны без сожаления убьют его. И саксонцы это знают. Правду я говорю, Гуг?

– До известной степени, – смущаясь, согласился Гуг. – По крайней мере, так было полгода тому назад. Теперь мои саксонцы не тронут Ричарда. Мне кажется, они знают его, а все-таки я думал, что осторожность не помешает.

– Вот, дети, что этот человек сделал, а я-то и не догадывался ни о чем. Каждую ночь он ложился спать между моими воинами, зная, что если какой-нибудь саксонец поднимет на меня нож, ему придется своей жизнью расплатиться за мою.

– Да, – продолжал де Аквила, – и у него нет меча. – Он указал на пояс Гуга, который снял свой меч (не помню, говорил ли я вам это?) в тот день, когда при Сент-Леке оружие выпало у него из рук. С собой он носил только короткий нож и большой лук. – У тебя нет меча, нет земли, Гуг; между тем мне говорили, что ты родственник графа Годвина. (Гуг действительно был из рода Годвина.) Дом и имение, прежде принадлежавшие тебе, отданы этому мальчику и его потомству. Проси его, потому что он может выгнать тебя, как собаку, Гуг.

Гуг не проронил ни слова, но я слышал, как он заскрипел зубами. Тогда я попросил моего высокого господина, Жильбера Орлиного, замолчать, так как в противном случае я заткну ему глотку, де Аквила рассмеялся и хохотал до слез.

– Я говорил королю, – сказал он, – что случится, если он отдаст Англию нам, вора́м-норманнам. Вот, Ричард, всего каких-нибудь два дня ты по праву владеешь замком и землями, а уже восстаешь против своего господина. Что нам с ним сделать, сэр Гуг? А?

– У меня нет меча, – ответил Гуг, – не шутите со мной. – И, прижав голову к коленям, он застонал.

– Ты еще глупее Ричарда, – совсем изменившимся голосом сказал де Аквила. – Полчаса тому назад я дал тебе замок Даллингтон, – и, вытянувшись на соломе, он толкнул Гуга своим мечом в ножнах.

– Мне? – спросил Гуг. – Я саксонец и, хотя люблю вот этого Ричарда, не могу быть вассалом какого-нибудь норманна.

– В свое время, до которого я за мои грехи не доживу, в Англии не будет ни саксонцев, ни норманнов, – сказал де Аквила. – Если я умею понимать людей, ты без всяких клятв гораздо вернее множества норманнов. Возьми Даллингтон и, если хочешь, завтра выходи против меня.

– Нет, – ответил Гуг. – Я не ребенок. Давшему мне дар я оказываю услуги. – Он протянул обе руки де Аквила и поклялся хранить ему верность; потом, помнится, я поцеловал его, а де Аквила поцеловал нас обоих.

Позже мы уселись на свежем воздухе подле моей хижины. Вставало солнце, и де Аквила увидел, как наши люди шли работать в поля. Мы говорили о святых вещах: о том, как будем управлять нашими замками, толковали и об охоте; о разведении лошадей; о мудрости и благоразумии короля; Жильбер теперь говорил с нами, как со своими настоящими братьями. Вот ко мне подкрался наш слуга, один из трех саксонцев, которых я не повесил за год перед тем, проревев (так всегда шепчут саксонцы), что леди Элива желает поговорить со мной в замке. Она каждый день ходила гулять и обыкновенно присылала мне сказать, куда идет, чтобы я мог отправить за ней одного-двух лучников, которые охраняли бы ее. Очень часто я сам прятался в лесу и смотрел, куда она направляется.

Я быстро пошел на зов, и когда поравнялся с большими дверями замка, кто-то отворил их изнутри, и я увидел леди Эливу. Она мне сказала: «Сэр Ричард, не угодно ли вам пожаловать в ваш замок?» – и заплакала. Мы были одни.

Рыцарь замолчал и долгое время не произносил ни слова; он с улыбкой смотрел на долину.

– О, как хорошо, – сказала Уна и слегка захлопала в ладоши. – Она раскаялась и сказала вам это.

– Да, раскаялась и сказала это, – повторил сэр Ричард, который слегка вздрогнул и очнулся. – Очень скоро (но «она» сказала, что прошло два часа) к дверям замка подъехал де Аквила со своим блестящим щитом (его вычистил Гуг) и попросил принять его, как гостя, назвав меня неверным рыцарем, желавшим до смерти заморить голодом своего высокого господина.

Наконец, Гуг закричал, что в этот день ни один человек не должен работать в полях; наши саксонцы затрубили в рога и уселись пировать и пить; позже они устроили скачки, танцевали и пели. Де Аквила вскочил в седло, заговорил с ними на языке, который клятвенно называл саксонским; однако никто его не понял. Вечером мы пировали в большом зале и, когда ушли арфисты и певцы, долго-долго сидели за высоким столом. Я помню, стояла теплая ночь с полной луной; де Аквила приказал Гугу снять со стены свой меч в честь замка Даллингтон, и Гуг с удовольствием исполнил его приказание. Вероятно, на эфесе была пыль, потому что я видел, как Гуг сдувал ее.

Мы с «ней» сидели в сторонке, и вдруг нам показалось, что в залу вернулись арфисты, потому что комната наполнилась мелодиями. Де Аквила вскочил с места; на полу лежал только лунный свет.

– Слушайте, – сказал Гуг. – Это поет мой меч, – и когда он пристегнул его к поясу, мелодия замолкла.

– Высшие силы запрещают мне носить такое оружие, – сказал де Аквила. – Что предсказывают звуки?

– Это знают только божества, которые его сделали. В последний раз меч говорил при Гастингсе, когда я потерял все мои земли. Теперь он поет, когда я получил новое имение и возродился, – сказал Гуг.

Он немного приподнял лезвие, снова с большой радостью вогнал его в ножны, и меч ответил ему тихим воркующим звуком, как... как могла бы говорить женщина со своим мужем, положив голову на его плечо.

Так во второй раз я услышал пение этого меча...

– Смотрите-ка, – сказала Уна. – Вон идет мама. Что-то она скажет сэру Ричарду? Она непременно увидит его.

– И на этот раз Пек не может заколдовать нас, – прибавил Ден.

– А вы в этом уверены? – сказал Пек, наклонился и шепнул что-то сэру Ричарду, который, улыбаясь, кивнул головой.

– То, что случилось с мечом и моим братом Гугом, я расскажу вам в другой раз, – сказал рыцарь, поднимаясь с земли. – Эй, Ласточка!

Большая лошадь проскакала галопом по лугу мимо матери детей.

Уна и Ден слышали, как их мама сказала:

– Смотрите, дети, старая лошадь Глизона опять забралась на луг. Где это она прошла?

– Как раз под каменной грядой, – ответил Ден. – Из-под ее копыт вырвалось несколько кусков земли. Мы это только что заметили. И знаешь, мама, мы наловили много рыбы. Целый день мы удии форель.

И дети действительно верили, что они все время провели на реке. Ден и Уна не заметили листьев дуба, тиса и терновника, которые Пек ловко бросил им на колени.

Веселый подвиг

Стоял такой жаркий день, что детям не захотелось бегать по открытому месту, и Ден попросил старого Хобдена перетащить их маленькую лодочку из пруда на ручей в конце сада. На лодочке было написано краской ее имя «Дези», но, когда дети отправлялись в экспедиции, она носила название «Золотой хвост», или «Длинная змея», или еще какое-нибудь подходящее прозвище. Ден цеплялся за берег багром; в этом узком ручье грести было нельзя. Уна упиралась шестом в песок. Когда дети подплыли к очень мелкому месту («Золотой хвост» сидел на три дюйма в воде), они высадились на берег, заросший деревьями и кустами, и, ныряя под низкими ветвями, повели за собой лодку, держа в руках веревку, прикрепленную к ее носу.

В этот день они намеревались было открыть северный мыс, как «Отер – старый морской капитан» в книге, которую Уна принесла с собой; однако жара заставила их изменить план игры и отправиться путешествовать сначала по Амазонке, а позже к истокам Нила. Даже над затененной водой воздух был накален и тяжел от ароматов цветов; сквозь просветы между деревьями дети видели, что солнце, как огонь, жгло пастбище. Зимородок спал на сторожевой ветке; черные дрозды не спеша прятались от детей в соседних кустах; только стрекозы вились, трепеща крыльями, да болотные курочки перебежали с места на место, и красный адмирал, хлопая крыльями, прилетел к ручью с залитого солнцем луга, чтобы напиться.

Когда брат с сестрой дошли до Заводи Выдр, «Золотой хвост» сел на мель, а Уна и Ден улеглись под навесом из зеленых ветвей и стали смотреть, как вода просачивалась сквозь щели в плотине и как маленькие волны перескакивали через позеленевшие доски. Большая форель – дети хорошо знали ее – высунулась из воды наполовину, стараясь поймать муху, которая поплыла по воде в одну из тех минут, когда волночки ручья на мгновение набежали на мокрые валуны. В ту же минуту нежный голос лижущей камни воды снова заговорил.

– Не правда ли, кажется, будто разговаривают тени деревьев? – спросила Уна. Она перестала читать книгу и закрыла ее. Ден лежал поперек лодки, опустив руки в воду. На мели из гравия, которая тянется до половины заводи, послышались шаги, дети подняли глаза и увидели стоявшего над ними сэра Ричарда Деллингриджа.

– Ваше плавание было опасно? – с улыбкой спросил он.

– Лодка часто стучала дном о мели, сэр, – ответил Ден. – В нынешнее лето почти нет воды.

– Ах, в те времена, когда мои дети играли в датских пиратов, ручей был и глубже и шире. А вы – пираты?

– О, нет. Мы уже давно перестали играть в пиратов, – объяснила Уна. – Теперь мы почти всегда путешественники, исследователи новых земель. Знаете, мы плаваем вокруг света.

– Вокруг? – спросил сэр Ричард. Он уселся среди удобно изогнутых корней старого тиса на берегу. – Как можете вы плавать вокруг земли?

– Разве об этом не говорилось в ваших книгах? – спросил Ден. Во время последнего урока он занимался географией.

– Я не умею ни читать, ни писать, – ответил рыцарь. – А разве ты умеешь читать?

– Да, – ответил Ден, – только приходится биться с очень длинными словами.

– Изумительно! Почитай-ка мне, чтобы я мог слышать.

Ден вспыхнул, но открыл книгу и начал, правда, немного запинаясь, читать стихотворение «Открытие Северного мыса».

«Старый морской капитан Отер, который жил на Гельголанде, принес Альфреду Правдивому белоснежный рог нарвала».

– Я это знаю! Это старая песня. Я слышал, как ее пели! Какое чудо! – прервал мальчика сэр Ричард. – Нет, читай дальше. – Он наклонился; тень от листьев скользила по его кольчуге.

«Я пахал землю на лошадях, но мое сердце было беспокойно, потому что ко мне часто приходили старые мореплаватели со своими морскими сагами», —

читал Ден.

Рука рыцаря опустилась на эфес его большого меча.

— Это правда, — произнес он, — то же было и со мной, — и, слушая стихи, он отбивал такт.

«Я плыл все к югу и попал в безымянное море», —

читал Ден.

— В безымянное море, — повторил сэра Ричард. — Так было со мной... Так было с Гугом и со мной.

— А куда вы плыли? Расскажите, — попросила рыцаря Уна.

— погоди. Дай мне дослушать.

И Ден дочитал поэму до самого конца.

— Отлично, — сказал рыцарь. — Это рассказ о древнем капитане Отере, я слышивал, как матросы на датских кораблях пели эту песню. Правда, там были немного другие слова, но смысл был тот же самый.

— Вы когда-нибудь изучали север? — спросил Ден и закрыл книгу.

— Нет, я бывал на юге. Мы с Гугом, а также с Виттой и его язычниками, побывали так далеко на юге, как никто другой.

Рыцарь поставил свой меч перед собой и оперся на него обеими руками; его взгляд был устремлен вдаль.

— А я думала, что вы всегда жили здесь, — робко заметила Уна.

— Да, пока была жива моя леди Элива. Но она умерла. Она умерла. Видя, что мой старший сын уже взрослый, я попросил Жильбера де Аквила позволить мне отдать под его охрану замок, а самому отправиться путешествовать или совершить паломничество... чтобы забыть свое горе. Де Аквила, которого второй Вильям сделал стражем Певнсея вместо графа Мортон, в то время был очень стар, но все еще ездил на своих высоких чалых конях и, сидя в седле, походил на маленького белого сокола. Когда Гуг, живший вот там, в замке Даллингтон, услышал, что я задумал, он послал за моим вторым сыном, которого он, как человек неженатый, сделал своим наследником. С позволения Жильбера Орлиного Гуг поручил моему второму сыну охранять его дом и земли на время своего отсутствия, сам же поехал со мной.

— В какое время это было? — спросил Ден.

— На твой вопрос я могу ответить с большой точностью, потому что, когда мы с Гугом и с де Аквила оставили позади себя Певнсей (не помню, говорил ли я вам, что Орлиный был лордом Певнсея), направляясь к бордоскому кораблю, который ежегодно доставлял ему вина из Франции, к нам подбежал человек с долин, крича, что он видел огромного черного козла, несшего на своей спине тело короля, и что этот козел разговаривал с ним. В этот же самый день Вильям Красный, или, как его звали бургундцы, — Вильгельм, сын нашего короля Завоевателя, умер от тайно пущенной в него во время охоты стрелы.

— Скверно, — сказал де Аквила, — когда такие вещи слышишь в самом начале путешествия. Если Красный Вильгельм умер, мне, может быть, придется мечом охранять мои земли. Погодите немного.

Леди Элива умерла, а потому меня несколько не пугали знамения и предвестия; равнодушно относился к ним и Гуг. Мы сели на палубу винного корабля, собираясь отплыть на нем в Бордо, но, когда еще был виден Певнсей, ветер стих; нас окутал густой туман, и морское течение понесло наше судно к западу. На палубе больше всего было купцов, возвращавшихся во Францию; груз состоял из шерсти, к перилам были привязаны три пары крупных охотничьих собак. Они принадлежали рыцарю из Артуа. Я не знал его имени, но на его щите были золотые полосы по красному полю, и он хромал так же сильно, как я теперь, от раны, полученной им в юности при осаде Манты. Он служил герцогу Бургундскому, бился под его командой с испан-

скими маврами и теперь, взяв своих собак, снова возвращался на эту войну. В первую же ночь он спел нам несколько странных мавританских песен и чуть не уговорил нас отправиться с ним. Я хотел ехать на поклонение святыням, чтобы забыться... но паломничество не приносит забвения. Я думаю, я отправился бы с ним, но...

Посмотрите, до чего меняется жизнь, до чего неожиданно поворачивается судьба человека! К утру датский корабль, который шел тихо, почти беззвучно на веслах, в тумане столкнулся с нами; наше судно сильно качало, и Гуг, наклонившийся через перила, упал за борт. Я прыгнул за ним, и мы оба попали на датскую палубу; раньше, чем мы могли подняться, нас схватили и связали. Наше судно поглотил туман. Я полагаю, рыцарь с золотыми полосами накинул на морды своих собак плащ, чтобы они не залаяли и не выдали купцов; действительно, я слышал, как лай псов внезапно прекратился.

Мы, связанные, пролежали до утра между скамьями; утром же датчане вытащили нас на верхнюю палубу, бросили близ руля, и их капитан, по имени Витта, ногой перевернул нас обоих. Его руки, от локтей до подмышек, украшали браслеты; его рыжие волосы были длинны, как у женщин, и, заплетенные в косы, падали на его плечи. Этот толстый, длиннорукий человек стоял на кривых ногах. Он отнял у нас все, что мы имели, но едва взял меч Гуга и увидев руны на его лезвии, быстро отбросил это чудесное оружие. Тем не менее жадность пересилила его, он два раза пробовал взять меч, в третий же меч запел так громко и гневно, что даже гребцы легли и стали слушать. Потом все заговорили сразу, вскрикивая, как чайки; на палубу вышел желтый человек, такой, каких я никогда прежде не видывал, и перерезал наши веревки. Он был совсем желтый, не от болезни; это у него было природное: желтый, как медь, и глаза его сидели косо.

– То есть как? – спросила Уна, опустив свой подбородок.

– Вот так, – сказал сэр Ричард. Он приложил по пальцу к внешнему углу каждого глаза, потянул кожу вверх, и его глаза превратились в узкие щелочки.

– Вы совсем похожи на китайца, – заметил Ден. – Этот человек был китаец?

– Я не знаю, что такое китаец. Витта нашел его, полумертвого, на одном из ледяных берегов Московии. Мы с Гугом считали его дьяволом. Он низко присел перед нами и подал нам пищу на серебряном блюде, которое эти морские волки, конечно, украли из какого-нибудь богатого аббатства; Витта же собственноручно напоил нас вином. Он немного говорил по-французски, немного на южносаксонском наречии и довольно хорошо на языке норманнов. Мы попросили его выпустить нас на берег, обещая ему большой выкуп и уверяя, что таких денег он не получит, продав нас маврам... как это однажды случилось со знакомым мне рыцарем.

– Нет, клянусь головой моего отца, Гутрума, – сказал он, – боги послали вас на мой корабль для жертвоприношения.

Услышав это, я задрожал, зная, что датчане все еще приносили пленников в жертву своим богам, чтобы те даровали мореплавателям хорошую погоду.

– Чума пади на твои четыре длинные кости, – сказал Гуг. – Какой тебе прок от бедных старых пилигримов, которые не могут ни работать, ни сражаться?

– Боги сохранят меня от того, чтобы я стал биться с тобой, бедный пилигрим, обладающий поющим мечом, – ответил он. – Останься с нами и не будь больше беден. Твои зубы редки, а это верный признак, что тебе суждено много путешествовать и разбогатеть.

– А что, если мы не захотим остаться с вами? – спросил Гуг.

– Плывите по морю к Англии или к Франции, – произнес Витта. – Мы как раз между двумя странами. Но знайте, если вы сами не захотите утопиться, ни один волос не упадет с ваших голов на нашей палубе. Мы считаем, что вы приносите нам счастье, и я знаю, что на этом мече хорошие руны.

Он повернулся и приказал своим людям поднять паруса.

С этой минуты, когда мы расхаживали по кораблю и осматривали его, все расступались перед нами. А судно это стоило внимания: его наполняли чудеса.

– Что это был за корабль? – спросил Ден.

– Длинный, низкий, узкий. На нем стояла одна мачта с красным парусом; пятнадцать весел с каждой стороны двигали его, – ответил рыцарь. – На его носу находилась одна палуба, под которой могли лежать люди, на корме другая, и раскрашенная дверь отделяла эту часть судна от скамей гребцов. Под кормовой палубой спали мы с Гугом, Витта и желтый человек; постелями нам служили мягкие ковры. Я помню, – рыцарь засмеялся про себя, – как мы вошли туда в первый раз и услышали громкие восклицания: «Мечи наголо! Мечи наголо! Смерть, смерть, смерть!» Мы вздрогнули; заметив это, Витта засмеялся и показал нам говорящую серую птицу, с сильным клювом и с красным хвостом. Он посадил ее себе на плечо, и она хриплым голосом попросила у него хлеба и вина, потом сказала, чтобы он поцеловал ее. А все-таки это была просто глупая птица. Но вы, кажется, знаете, в чем дело?

Рыцарь посмотрел на улыбавшихся детей.

– Мы не над вами смеялись, – ответила Уна. – Это, должно быть, был попугай. Все, о чем вы рассказывали, делает наша Полли.

– Впоследствии мы узнали про птицу. Но вот другое чудо. У желтого человека (его звали Китаи) была коричневая шкатулка. В шкатулке стояла синяя чашка с красными знаками по краям, а в чашке, на тонкой нитке, висел кусочек железа, не толще вот такого стебелька травы и длиной, пожалуй, с мою шпору, только совсем прямой. По словам Витты, в железе сидел злой дух, которого Китаи силой чар увел из его страны, находившейся на три года пути к югу. Злой дух и день и ночь стремился вернуться к себе домой, а потому, видите ли, железная палка постоянно указывала на юг.

– На юг? – спросил Ден и внезапно опустил руку в карман.

– Я видел это собственными глазами. Каждый день с утра до вечера, даже если корабль качался, даже если солнце, луна или звезды были скрыты облаками, сидевший в железе слепой дух знал, куда ему хотелось идти, и поворачивал конец железки в сторону юга. Витта называл стрелку мудрым железом, потому что она указывала ему дорогу через неведомые моря.

Сэр Ричард снова пристально посмотрел на детей.

– Ну, как вы думаете? Было это волшебство?

– То, о чем вы говорите, походило на это? – спросил Ден и вытащил из кармана свой старый медный компас, который всегда хранился там с перочинным ножом мальчика и его кольцом для ключей. – Стекло-то лопнуло, но стрелка в порядке, сэр.

Рыцарь от изумления глубоко вздохнул.

– Да, да. Мудрое железо дрожало и висело совершенно таким же образом. Ну, стрелка спокойна; теперь она показывает на юг.

– На север, – поправил его Ден.

– Нет, на юг. Здесь юг, – сказал сэр Ричард. И оба засмеялись, потому что, конечно, раз один конец прямой стрелки компаса показывает на север, другой должен указывать на юг.

– Те, те, те, – протянул сэр Ричард, прищелкивая языком. – Раз ребенок может носить эту штуку в кармане, в ней нет никакого волшебства. А зачем и почему стрелка указывает на юг... или на север?

– Папа говорит, что этого никто хорошенько не знает, – ответила Уна.

Сэр Ричард вздохнул с облегчением.

– Значит, все-таки в мудрой палочке может быть волшебство. Для нас она была волшебством. Так мы путешествовали. Когда дул попутный ветер, мы поднимали парус и все лежали вдоль подветренной стороны галеры и щитами защищали себя от брызг. Когда ветер был неблагоприятный, гребцы работали длинными веслами, желтый человек сидел подле своего мудрого железа, Витта правил рулем. Сначала я боялся больших волн с белыми гребнями, но, увидев,

как благоразумно Витта вел по ним свой корабль, я сделался смелее. Гугу с самого начала понравилось плавание. Мое искусство не годится для воды, и подводные скалы или водовороты, в которых весла попадают на утесы и ломаются, мне совсем не по нутру. Море бушевало; мы плыли к югу и раз при лунном свете, который пробивался между косматыми, разорванными облаками, видели, как фламандский корабль перевернулся килем вверх и утонул. Гуг работал с Виттой всю ночь, я же лежал под палубой подле говорящей птицы и мне было все равно, останусь ли я жив или умру. В море мучает болезнь, которая целых три дня – хуже смерти. Когда мы увидели землю, Витта сказал, что это Испания. Мы остановились в море. Подле испанского берега сновало множество кораблей, которые помогали герцогу воевать с маврами; мы боялись, что нас повесят солдаты герцога или мавры продадут в рабство. Поэтому мы зашли в одну известную Витте маленькую гавань. Вечером с гор спустились люди с нагруженными мулами; Витта отдал им свой северный янтарь за маленькие железные слитки и за бусы, лежавшие в глиняных сосудах. Горшочки он спрятал под палубами, железо же положил на дно, выкинув предварительно камни и гравий, до тех пор служившие нам балластом. Он брал также вина в обмен на куски сладко благоухавшей серой амбры; маленький ее кусочек, не больше ногтя большого пальца, стоил бочку вина. Но я говорю, точно купец.

– Нет, нет, пожалуйста. Скажите нам, что вы кушали? – спросил Ден.

– Витта взял из Испании сушеного на солнце мяса, сушеной рыбы, молотых бобов, кроме того, засахаренных мягких плодов, которые так любят мавры; вкусом они похожи на мякоть винных ягод, но в каждом из них по тонкой длинной косточке. Ага, это были финики, я вспомнил!

Корабль нагрузили. «Теперь, – сказал Витта, – советую вам, чужестранцы, помолиться вашим богам, потому что с этой минуты мы двинемся туда, где еще не бывали люди».

Он и его люди принесли в жертву своим богам черного козла; желтый человек откуда-то достал маленького, улыбающегося идола из темно-зеленого камня и зажег перед ним благовония. Мы с Гугом поручили себя Господу Богу, святому Варнаве и Богоматери из церкви Вознесения, которой особенно часто молилась моя леди. Мы уже не были молоды, но мне кажется, не стыдно сказать, что, когда мы вышли на заре из маленькой тайной гавани и двинулись по тихому морю, нам с Гугом стало весело и мы запели, как певали старые рыцари, следуя за нашим великим герцогом в Англию. Между тем нашим вождем был языческий пират; весь наш горделивый флот составляла одна опасно перегруженная галера; предводителем войск был языческий колдун и стремились мы к гавани за пределами мира. Витта сказал нам, что его отец, Гутрум, однажды прошел на веслах вдоль берегов Африки и приплыл к земле, в которой обнаженные люди давали золото в обмен на железо и бусы; в этой стране он накупил много золота, немало также и слоновьих клыков. Туда-то с помощью мудрого железа теперь направлялся и Витта. Этот человек не боялся ничего, кроме бедности.

– Мой отец говорил мне, – обратился к нам Витта, – что от того берега тянется огромная мель, простираясь на три дня пути; южнее стоит лес, растущий в море. Южнее и восточнее этого леса мой отец видел место, где люди прятали золото в свои волосы. Но, по его словам, эту страну населяли дьяволы, живущие на деревьях, и убивали людей, отрывая им руки и ноги. Ну, что вы думаете?

– Золото или не золото, – ответил Гуг, поглаживая свой меч, – перед нами веселый подвиг. Двигайся к твоим дьяволам, Витта!

– Подвиг! – с горечью пробормотал Витта. – Ведь я только бедный морской вор! Я вверяю мою жизнь плавучей доске не ради удовольствия или подвигов. Если только мне удастся вернуться в Ставангер и почувствовать, как руки моей жены обвиваются вокруг моей шеи, я не буду стремиться к новым подвигам. Судно требует больших забот, чем жена или домашний скот.

Он соскочил с палубы к скамейкам гребцов и стал упрекать их, говоря, что сил у них мало, а желудки огромные. В бою Витта был волк, а по хитрости – лисица.

Буря прогнала нас на юг; три дня и три ночи наш вождь держал в руках кормовое весло и ловко вел по морю свой длинный корабль. Когда галера начала качаться сверх меры, Витта разбил над морем бочку с китовым жиром, и вода успокоилась; в этой масляной полосе он повернул галеру носом к ветру и выбросил за борт привязанные к концу веревки весла; таким образом, по его словам, он устроил особенный якорь, на котором мы, правда, страшно качались, но нас не заливало. Отец Витты, Гутрум, научил его этой штуке. Он знал также лекарскую книгу Больда, умного врача; знал также корабельную книгу, написанную некоей женщиной по имени Хлаф. Он знал все, что касается корабля.

После бури мы увидели гору со снежной вершиной, которая поднималась выше облаков. Под горой растет трава; сваренная, она служит отличным средством против боли в деснах и опухоли на щиколотках. Близ горы мы пробыли восемь дней; потом прибежали люди, одетые в шкуры, и стали бросать в нас камни. Мы ушли; скоро стало очень жарко, и Витта натянул на согнутые палки над гребцами полотно; приходилось идти на веслах, потому что между островом с горой и африканским берегом ветра не было. Берег покрыт песком, и мы плыли на расстоянии трех полетов стрелы от него.

Мы видели китов, рыб в каких-то щитах и длиннее, чем наша галера. Некоторые из них спали; некоторые открывали на нас рты, некоторые прыгали по горячим волнам. Опустив руку в воду, мы чувствовали ее теплоту; небо затягивал теплый серый туман, и по утрам из него сыпалась мелкая пыль, от которой белели наши волосы и бороды. В этом же месте мы видели рыб, взлетающих на воздух, как птицы. Они падали на колени гребцов; выйдя на берег, мы изжарили и съели их.

Рыцарь посмотрел на детей, чтобы увидеть, сомневаются ли они в его словах, но Ден и Уна только кивнули головками и сказали: «Рассказывайте».

– С левой стороны от нас виднелась желтая суша; с правой – серое море. Несмотря на мое рыцарское достоинство, я вместе с гребцами работал веслом; в то же время ловил морские водоросли, сушил их и засовывал между горшочками с бусами, чтобы они не разбивались. Видите ли, рыцарство для земли; на море же человек все равно что всадник без шпор, сидящий на лошади без узды. Я научился завязывать на канатах крепкие узлы... да, да, и соединять два конца каната таким образом, что даже Витта с трудом разбирал, в каком месте они сросшены. А все-таки в морском деле Гуг был в десять раз искуснее меня. Витта поручил ему заведовать всеми гребцами с левой стороны. Торкильд из Боркума, человек со сломанным носом, носивший норманнский стальной шлем, смотрел за правыми гребцами; те и другие старались превзойти друг друга и громко пели. Они видели, что на галере никто не ленился. Поистине, как говорил Гуг, вызывая смех Витты, корабль требует больше забот, чем замок.

Почему? А вот почему. Нужно было приносить с берега воды, если мы находили ее, а также дикie плоды, сочную траву и песок, которым мы терли палубы и скамьи, чтобы они оставались гладки и опрятны. Иногда мы вытаскивали галеру из воды на низкие острова, вынимали из нее все, даже железные бруски, тростниковыми факелами сжигали траву, которая выросла на ней, курили под палубами тростником, намоченным в соленой воде, как предписывала Хлаф, женщина, в своей корабельной книге. Раз, когда мы, раздетые, работали таким образом и наша галера лежала, опираясь на свой киль, птица закричала: «Мечи наголо!», точно видя врага. Витта сказал, что он свернет ей шею.

– Бедный попка! И он это сделал? – спросила Уна.

– Нет. Она была корабельная птица и знала имена всех гребцов... Это были хорошие дни для человека, потерявшего жену; хорошо жилось мне с Виттой и его язычниками, где-то там, на краю света. Прошло много недель; наконец, мы пришли к большой мели, которая, как говорил отец Витты, тянулась далеко в море. Мы двинулись по ее краю, и скоро головы

у нас закружились и в ушах у нас зазвенело: столько мелей явилось перед нами, и так громко разбивались о них волны. Когда мы снова подошли к земле, то увидели в лесах обнаженных черных людей. За один брус железа они нагружали наше судно фруктами, травой и яйцами. Витта смотрел на них и почесывал себе голову, показывая этим, что ему хотелось бы купить у них золота. Золота у чернокожих не оказалось, но они поняли знак Витты (все продавцы золота прячут этот товар в своих черных волосах) и стали указывать дальше вдоль берега. Они также колотили себе по груди сжатыми кулаками, и это был дурной знак, но мы его не понимали.

– Что же он значил? – спросил Ден.

– Терпение! Сейчас услышите. Мы шли к востоку шестнадцать дней (считая время по зарубкам, которые мечом сделали на рулевых перилах) и вот увидели лес в море. Деревья росли прямо из ила, поднимаясь, как на арках, на тонких и высоких корнях; в темноте под ними извивалось много илистых водяных дорог. В этом месте для нас исчезло солнце. Мы двинулись по извилистым каналам между деревьями и там, где не могли грести, хватались за корни и таким образом двигали наше судно. Вода была гнилая, и большие блестящие мухи терзали нас. Утром и вечером над илом поднимался синий туман, который приносил лихорадку. Четверо из наших гребцов заболели, их пришлось привязать к скамьям, не то они прыгнули бы через борт галеры, и чудовища ила пожрали бы их. Желтый человек лежал больной подле мудрого железа; он переворачивал голову с одной стороны на другую и бормотал что-то на своем родном языке. Хорошо себя чувствовала только птица. Она сидела на плече Витты и громко вскрикивала среди этой молчаливой, но полной странных звуков темноты. Знаете ли, мне кажется, мы больше всего боялись молчания.

Рыцарь замолчал, прислушиваясь к приятному, спокойному, родному говору ручья.

– Мы потеряли счет времени, двигаясь по этим темным коридорам и плесам, и вот однажды услышали очень отдаленный бой барабана; после этого мы скоро попали в широкую темную реку; в этом месте стояли хижины, а вокруг них было расчищенное место, занятое полями тыков. Мы поблагодарили Бога при виде солнца. Народ, живший в дикой деревне, ласково приветствовал нас. Глядя на черных, Витта почесал себе голову (прося золота) и показал им железо и бусы. Они прибежали на берег, – мы не сходили с корабля, – стали указывать на наши мечи и луки, потому что, подходя к берегу, мы всегда вооружались. Скоро они принесли много золота в слитках, а также золотого песка и несколько огромных потемневших слоновых бивней. Все эти вещи они сложили на берегу, точно соблазняя нас, потом стали как бы наносить удары в битве, указывая нам на вершины деревьев и на темневший позади хижин лес. Их предводитель или главный колдун заколотил себя кулаками по груди и заскрипел зубами.

Тогда Торкильд из Боркума сказал:

– Не хотят ли они заставить нас сражаться с ними за это золото и слоновую кость? – И он наполовину обнажил свой меч.

– Нет, – ответил Гуг. – Я думаю, они просят нас вместе с ними идти против каких-то врагов.

– Ну, это мне не нравится, – произнес Витта. – Скорее на середину реки.

Мы так и сделали и сидели неподвижно, наблюдая за тем, как черные люди складывали на берегу золото. До нас снова донесся барабанный бой; все черное население кинулось в свои хижины, оставив золото без присмотра.

Сидевший на носу Гуг безмолвно протянул руку, и мы увидели, как из лесу вышел огромный дьявол. Он прикрывал свой лоб рукою и облизывал губы розовым языком, вот так.

– Дьявол! – с ужасом и восторгом повторил Ден.

– Да. Он был больше рослого человека и покрыт рыжеватой шерстью. Посмотрев на наш корабль, дьявол принялся колотить себя в грудь кулаками, так что она зазвучала, как барабан; потом подошел к краю берега и, глядя на нас, заскрипел зубами. Гуг пустил в него стрелу; она пронзила горло дьявола, и он с ревом повалился на землю; из леса выбежали еще трое

дьяволов; они тотчас унесли раненого на высокое дерево и скрылись. Через несколько минут на землю упала окровавленная стрела, и в листве раздался стон и вой. Витта видел все это, видел и золото, и ему очень не хотелось оставлять его.

– Сэры, – сказал он (до этого мгновения никто не произнес ни слова), – вон лежит то, зачем мы приплыли издалека и с таким трудом; золото у нас под рукой. Приблизимся к берегу, пока дьяволы воют и жалуются, и постараемся унести столько золота, сколько будет возможно.

Да, смел, как волк, и хитер, как лисица, был Витта! Он поставил на переднюю палубу четырех лучников, поручив им стрелять в дьяволов, если те соскочат с дерева, которое росло близ берега. С каждой стороны он посадил по десяти гребцов и велел им смотреть на его руку, наблюдая, гребет ли она вперед или назад; таким образом, он подвел галеру к берегу.

Но никто не хотел высадиться на землю, хотя золото лежало всего в десяти шагах от реки. Никто не торопился идти навстречу смерти. Гребцы повизгивали над своими веслами, точно побитые собаки, а Витта от ярости кусал себе пальцы.

Вдруг Гуг сказал: «Слушайте!»

Сначала нам показалось, что над водой жужжат блестящие мухи, но звук становился все громче и ожесточеннее, теперь его слышали решительно все.

– Что это было? – в один голос спросили Ден и Уна.

– Меч. – Сэр Ричард погладил гладкий эфес. – Он пел, как датчанин поет перед битвой.

– Я иду, – сказал Гуг, прыгнул через борт и попал в середину золота. Мне было страшно до мозга костей, но от стыда я кинулся за ним; за мной бросился и Торкильд. Больше не пошел никто.

– Не осуждайте меня! – крикнул Витта с галеры. – Я должен остаться на моем корабле. – Но у нас троих не было времени порицать его или хвалить. Мы наклонились над золотом и перекидывали его на галеру; каждый из нас работал одной рукой, другой держался за эфес, и все поглядывали на дерево, которое нависло над нами.

Я, право, не знаю, как и когда дьяволы соскочили на землю и как начался бой. Я услышал восклицание Гуга: «Мечи наголо, наголо!» – точно он был опять при Гастингсе. В ту же секунду огромная волосатая рука сбила с головы Торкильда его стальной шлем, а мимо моего уха просвистела стрела, пущенная с галеры. Говорят, пока Витта не пригрозил гребцам мечом, он не мог заставить их пристать к берегу; потом каждый из четырех лучников сказал мне, что именно Витта пронзил стрелой дьявола, который дрался со мной. Я не знаю. Я бился в кольчуге, и она защищала мою кожу. Длинным мечом и кинжалом я сражался не на жизнь, а на смерть с дьяволом, ноги которого походили на руки. Он кружил меня и толкал то вперед, то назад, точно сухую ветку. Вот он схватил меня поперек туловища и прижал мои руки к бокам, в это мгновение стрела с корабля пронзила его между лопатками, и его огромные руки разжались. Я дважды проткнул его мечом, и он скорчился, наклонив голову между своими длинными руками, закашлялся и застонал. После этого я увидел Торкильда; он, простоволосый, улыбаясь, прыгал перед дьяволом, который тоже кидался из стороны в сторону и скрипел зубами. Гуг левой рукой рубанул этого волосатого колдуна, и в моем мозгу мелькнул вопрос – почему я не замечал раньше, что Гуг левша. Больше я ничего не видел, пока не почувствовал на своем лице брызг. Я открыл глаза. Светило солнце, мы были в открытом море. Я очнулся через двадцать дней после боя с дьяволами.

– А что произошло во время этой борьбы? Гуг умер?

– Никогда крещенные люди не вели такого боя, – ответил сэр Ричард. – Стрела с галеры спасла меня от дьявола; Торкильд из Боркума отступил от своего волосатого врага и подвел его так близко к берегу, что лучники могли стрелять в злое существо. Бившийся с Гугом дьявол был хитер: он спрятался за деревьями, и ни одна стрела не могла его поразить. Там, один на один, действуя мечом и руками, Гуг убил его, но, умирая, страшное создание сжало зубами меч моего друга. Посудите сами, что это были за зубы.

Сэр Ричард опять повернул меч, чтобы дети могли видеть две большие впадины по обеим сторонам лезвия.

– Те же самые зубы сомкнулись на правой руке Гуга и укусили его за бок, – продолжал сэр Ричард. – Что случилось со мной? О, у меня была только сломана нога, и я заболел лихорадкой. Дьявол откусил ухо Торкильду; рука и бок Гуга совсем высохли. Я смотрел, как он лежал и сосал сочный плод, держа его левой рукой. Он исхудал до костей; в его волосах появились белые пряди; по кисти его руки бежали голубые вены, точно у женщины. Однажды он обнял мою шею левой рукой и прошептал:

– Возьми мой меч. Он твой со времени Гастингса, мой брат; теперь я не буду в состоянии держать его в руках.

Мы с ним лежали на высокой палубе и разговаривали о Сент-Леке и, кажется, о каждом дне, прошедшем с тех пор; наконец, оба заплакали. Я страшно ослабел, а он превратился чуть ли не в тень.

– Полно, полно, – сказал нам Витта, управлявший рулем. – Золото – отличная правая рука для человека. Полюбуйтесь им!

И он велел Торкильду показать нам золото и слоновые бивни, точно мы были детьми. Витта увез все золото, которое было сложено на берегу, и еще вдвое больше; его щедро наградили черные люди за то, что мы перебили так много дьяволов. Они поклонялись нам, как божествам, и Торкильд рассказал мне, что одна из старух заживила бедную руку Гуга.

– А сколько золота вы получили? – спросил Ден.

– Могу ли я это сказать? Мы приплыли к стране дьяволов и под ногами наших гребцов лежало железо; вернулись же мы с золотом, спрятанным под досками. С нами также был золотой песок в тюках; мы прятали их в том месте, где спали, держали вдоль бортов, а под скамьями привязали потемневшие слоновые бивни.

– Но все-таки я охотнее сохранил бы правую руку, – осмотрев все, заметил Гуг.

– Ай, ведь беда случилась по моей вине, – сказал Витта. – Мне следовало взять с вас выкуп и посадить вас во Франции, когда десять месяцев тому назад вы попали на мою галеру.

– Теперь немного поздно сожалеть об этом, – со смехом произнес Гуг.

Витта подергал свою длинную косу.

– Но подумайте, – продолжал он. – Если бы я отпустил вас, – чего, клянусь, я ни за что не сделал бы, так как люблю вас больше, чем родных братьев, – так, если бы я отпустил вас, вы, может быть, давно уже умерли бы страшной смертью от руки какого-нибудь мавра, сражаясь с бургундским герцогом; вас зарезали бы мавры или вы погибли бы от чумы в жалкой гостинице. Думай об этом, Гуг, и не слишком упрекай меня. Смотри. Я возьму только половину золота.

– Да я совсем не упрекаю тебя, Витта, – ответил ему Гуг. – Это был замечательный подвиг, и мы, тридцать пять человек, сделали то, чего еще никогда не совершали люди. Если я доживу до Англии, я выстрою укрепление над Даллингтоном, затратив на это мою часть денег.

– А я куплю скот, янтарь и теплое красное сукно для моей жены, – сказал Витта, – и мне будет принадлежать вся земля над фиордом Ставангер. Теперь многие захотят сражаться за меня. Однако прежде всего нам нужно повернуть на север, и я горячо желаю, чтобы мы не повстречали пиратов; ведь мы везем честно приобретенное сокровище.

И мы действительно были осторожны, боясь потерять хоть одну крупицу золота, за которое сражались с дьяволами.

– Где же колдун? – спросил я однажды, видя, что Витта смотрит на мудрое железо, а желтого человека нигде нет.

– Он отправился к себе на родину, – ответил Витта, – в ту ночь, когда мы выходили из леса, он внезапно поднялся и сказал, что за деревьями видит свою страну, прыгнул в илистую воду и, когда мы позвали его, не ответил нам. Ну и мы перестали его звать. Он оставил мудрое железо, а только оно-то мне и нужно; и, видишь, дух по-прежнему указывает на юг.

Мы опасались, что мудрое железо обманет нас, так как желтый человек ушел; когда же заметили, что дух продолжает нам служить, стали бояться слишком сильных ветров, мелей, беспечно прыгающих рыб и всех людей на всех берегах, к которым мы приставали.

– Почему же? – спросил Ден.

– Да потому, что у нас было золото, наше золото. Золото совершенно меняет людей. Прежним остался только Торкильд из Боркума. Он смеялся над Виттой и его опасениями; смеялся над нами, когда мы советовали Витте убирать паруса, хотя галера почти не качалась.

– Право, лучше утонуть свободным, – поговаривал Торкильд, – чем чувствовать себя привязанным к тюкам с золотым песком.

Он не имел земли и в прежнее время был рабом какого-то восточного властителя. Ему хотелось выковать из золота толстые обручи и обить ими весла и корму.

Несмотря на то что Витта тревожился из-за золота, он, как женщина, ухаживал за Гугом, когда галера качалась, поддерживал его плечом и натянул от одного ее борта к другому веревки, чтобы Гуг мог держаться за них. По его словам, да и по словам его воинов, без Гуга они никогда не добыли бы золота. Я помню, что Витта сделал тонкое золотое колечко, и с этих пор наша птица часто качалась на нем.

Три месяца мы то гребли, то шли на парусах, то высаживались на берег, чтобы добыть плодов или вычистить наш корабль. Когда мы увидели диких всадников, гарцевавших между песчаными дюнами, потрясая копьями, мы поняли, что достигли мавританского берега и находимся на севере Испании. Сильный юго-западный ветер в десять дней принес нас к берегу, покрытому высокими красными скалами; мы услышали пронесшийся над золотистым дроком звук охотничьего рога и поняли, что это Англия.

– Теперь сами добирайтесь до вашего Певнсея, – сказал нам Витта, – я не люблю узких, наполненных кораблями морей.

Он прикрепил посоленную и высушенную голову дьявола, которого убил Гуг, высоко над нашей палубой, и при виде ее все суда отплывали от нас. А все-таки, думая о нашем золоте, мы боялись их больше, чем они нас. Ночью мы ползали по берегу, пока не увидели меловых утесов восточнее Певнсея. Витта не захотел высадиться вместе с нами, хотя Гуг обещал ему в Даллингтоне столько вина, что он мог бы в нем плавать. Нет, Витта стремился поскорее увидеться со своей женой; он после заката ввел галеру в устье реки и простился с нами, оставив нам нашу часть золота; с отливом он ушел. Витта не дал нам никаких обещаний, не произнес клятвы, не ждал от нас благодарности, но Гугу, человеку без руки, и мне, старому калеке, которого он без труда мог бросить в море, подавал слиток за слитком, тюк за тюком золота и золотого песка и прекратил это занятие, только когда мы сказали ему, что нам достаточно золота. Витта наклонился над перилами, чтобы проститься с нами, снял браслеты со своей правой руки, надел их на левую руку Гуга и поцеловал его в щеку. Помнится, тогда мы чуть не заплакали. Правда, Витта был язычник и пират, правда, в течение многих месяцев он силой держал нас на своем судне, но я любил этого кривоногого, синеглазого человека за его великую отвагу, за его хитрость, искусство, главное же – за простоту.

– А он счастливо добрался к себе? – спросил Ден.

– Я так и не узнал этого. Мы видели, как в серебристой лунной дорожке он поднял парус и двинулся прочь, и я горячо помолился, чтобы наш Витта увидел своих детей и жену.

– А что сделали вы?

– Мы до утра пробыли на берегу. Потом я остался с золотом, завернутым в старый парус, а Гуг пошел в Певнсей. Де Аквила прислал нам лошадей.

Сэр Ричард скрестил руки на эфесе своего меча и устремил взгляд на тихую реку, прикрытую мягкими вечерними тенями.

– Золотой груз, – сказала Уна, глядя на свою маленькую лодочку. – Но я рада, что не видела дьяволов.

– Я не верю, что это были дьяволы, – шепнул ей Ден.

– А? – произнес сэр Ричард. – Отец Витты говорил ему, что это были несомненно дьяволы. Следует верить своему отцу, а не чьим-либо детям. Кто же, по-твоему, мои дьяволы?

Ден ярко вспыхнул.

– Я... я только думал... – забормотал он. – У меня есть книга, которая называется «Охотники за гориллами»... это продолжение «Кораллового острова», сэр... И в ней говорится, что гориллы (это такие большие обезьяны, сэр, знаете) всегда перекусывали железо.

– Нет, не всегда, – поправила брата Уна, – только два раза. – Дети читали «Охотников за гориллами» в саду.

– Ну, все равно, во всяком случае, гориллы колотили себя по груди, как показывал сэр Ричард, а потом уж бросались на людей... И они строят дома на деревьях.

– А-а? – произнес сэр Ричард и широко открыл глаза. – Наши дьяволы устраивали дома вроде плоских гнезд и там лежали их чертенята и смотрели на нас. Я не видал их (ведь я заболел после боя), но об этом мне говорил Витта... И оказывается, вы знаете это? Изумительно! Неужели же наши дьяволы были просто обезьяны, строящие себе гнезда? Неужели в мире больше нет волшебства?

– Я, право, не знаю, – сконфуженно ответил Ден. – Я видел, как один человек вынимал кроликов из своей шляпы, и он сказал нам, что, если мы будем смотреть хорошенько, мы разглядим, как он это делает. И мы смотрели...

– Но ничего не разглядели, – со вздохом сказала Уна. – А вот и Пек.

Коричневый человечек с улыбающимся лицом выглянул между двумя тисовыми стволами, кивнул головой и скользнул с берега в темную прохладу.

– Нет волшебства, сэр Ричард? – со смехом сказал он и дунул на головку сорванного им одуванчика.

– Дети сказали мне, что мудрое железо Витты – игрушка. Мальчик носит в кармане точно такое же железо. Они уверяют, что наши дьяволы были совсем не дьяволы, а обезьяны гориллы, – с негодованием произнес сэр Ричард.

– Это волшебство книг, – сказал Пек. – Я же тебя предупреждал, что они умные дети. Все могут стать мудрыми, читая книги.

– А разве книги всегда правдивы? – спросил сэр Ричард и нахмурился. – Я недолюбливаю чтение и письмо.

– Да-а, – сказал Пек, держа в руке облысевшую головку одуванчика. – Но, если бы мы повесили всех, кто пишет ложь, почему де Аквила не начал бы с Жильбера, писца? Тот был достаточно лжив.

– Бедный лживый Жильбер! А все-таки по-своему он был смел, – возразил сэр Ричард.

– Что он делал? – спросил Ден.

– Он писал, – ответил сэр Ричард.

– Как ты думаешь, этот рассказ годится для детей? – обратился Пек к рыцарю.

– Расскажите, расскажите! – в один голос попросили его Уна и Ден.

Старики в Певнсее

– В этой истории речь не коснется ни обезьян, ни дьяволов, – понизив голос, продолжал сэр Ричард. – Я расскажу вам о Жильбере Орлином, о рыцаре, отважнее, искуснее или смелее которого никогда не бывало на свете. И запомните, в те времена он был уже стар, очень стар.

– Когда именно? – спросил Ден.

– Когда мы вернулись после плавания с Виттой.

– А что вы сделали с вашим золотом? – спросил Ден.

– погоди. Кольчуга делается кольцо за кольцом. В свое время расскажу обо всем. Золото мы отвезли в Певнсей на лошадях. Три раза возвращались мы за ним; потом спрятали его в северную комнату над большим залом певнсейского замка, туда, где зимой ночевал де Аквила. Он сидел на своей постели, точно маленький белый сокол, и, пока мы рассказывали ему о наших приключениях, быстро поворачивал свою голову то в одну, то в другую сторону. Джахан Краб, старый суровый воин, охранял лестницу, но де Аквила приказал ему уйти, ждать подле нижней ступени, и опустил над дверью обе кожаные занавеси. Именно Джахана де Аквила прислал к нам с лошадьми, и Джахан один навьючивал на них золото. Когда мы окончили наш рассказ, де Аквила поведал нам о том, что совершилось в Англии; ведь мы точно проснулись после годичного сна. Красный король умер; вы помните? Его убили в тот день, когда мы отплыли, и Генрих, его младший брат, взшел на английский престол, устранив Роберта Нормандского. Точно так же поступил с ним и Красный король после смерти нашего великого Завоевателя. По словам Орлиного, Роберт обезумел при мысли, что он дважды утратил королевский сан, и выслал против Англии армию; около Портсмута его воинов оттеснили обратно к их кораблям. Случись это немного раньше, галера Витта попала бы в бой.

– Теперь, – сказал де Аквила, – добрая половина северных и западных крупных баронов против короля; их войска рассыпаны между Сальсбери и Шрюсбери; другая половина ждет, как повернется дело. Многие говорят, что Генрих им по душе, потому что он женился на англичанке, и она уговорила его вернуть нашим саксонцам старинные законы. (Лучше ехать на лошади со знакомыми удилами, считаю я.) Однако это только плащ, прикрывающий их фальшь. – Де Аквила пощелкал суставами пальцев над столом, где было разлито вино, и продолжал:

– Завоеватель одарил нас, баронов-норманнов, прекрасной английской землей. Я тоже получил свою долю, – прибавил он, ударив Гуга по плечу. – Что же вышло? Теперь они сущие принцы и в Англии и в Нормандии, псы, которые ставят лапу в одно корыто и обоими глазами смотрят на другое. Роберт Нормандский послал им сказать, что, если они не будут сражаться за него в Англии, он разграбит их земли в Нормандии и лишит их владений в этой стране. Поэтому восстал Клэр, восстал Фиц Осборн, восстал Монгомери, которого наш Завоеватель сделал английским графом. Даже д'Арсин вышел на поле брани со своими людьми, а ведь его отца я помню маленьким, придорожным воробьем подле Каэна. Если победит Генрих, бароны могут бежать в Нормандию; там Роберт примет их. Если Генрих проиграет борьбу, Роберт подарит им большие земли в Англии. О, пади чума на Нормандию, она будет много-много лет проклятием для нашей Англии.

– Аминь, – произнес Гуг. – Но как вы думаете, война захватит и наши области?

– С севера она не придет к нам, – ответил де Аквила. – Но море всегда открыто. Если бароны одержат верх, Роберт, наверное, пришлет в Англию другую армию, и тогда, я думаю, он высадится в том же месте, где высадился его отец, Завоеватель. На славный рынок пригнали вы ваших свиней! Половина Англии охвачена пожаром и везде достаточно золота, – сказал он и толкнул ногой золотые брусья, лежавшие под столом. – Благодаря ему можно поднять каждый меч крещеного мира.

– Что же делать? – спросил Гуг. – У меня нет хранилища в Даллингтоне, а, если мы его зароем, кому доверить?

– Мне, – сказал де Аквила. – Стены Певнсея крепки. Никто, кроме Джехана, – а он мой преданный пес, – не знает, что спрятано в замке. – Он отодвинул занавеску на стрельчатом окне и показал навес над колодецом, устроенном в толще стены.

– Я устроил этот колодец для питьевой воды, – сказал де Аквила, – но вода оказалась соленой, и ее уровень понижается и повышается вместе с отливом или приливом. Слушайте!.. – Мы услышали, как вода шипела и свистела на дне. – Пригодится? – спросил он.

– Должен пригодиться, – ответил Гуг. – Наши жизни в твоих руках.

– Итак, мы опустили в колодец все золото, оставили только небольшой ящик подле постели де Аквила, как для того, чтобы Орлиный мог наслаждаться весом и цветом золота, так и для расплаты за разные вещи, которые могли нам понадобиться.

Утром, раньше, чем мы с Гугом направились каждый к своему замку, де Аквила сказал нам: «Я не прощаюсь с вами, потому что вы вернетесь сюда и останетесь здесь. Не из любви ко мне, не от печали, а просто вы пожелаете быть с вашим золотом. Берегитесь, – смеясь, прибавил он, – пожалуй, я с его помощью сделаюсь папой. Не доверяйте мне... Лучше вернитесь».

Сэр Ричард замолчал и грустно улыбнулся.

– Через неделю мы уехали из наших замков, из замков, которые «были нашими».

– Вы нашли здоровыми ваших детей? – спросила Уна.

– Мои сыновья были молоды. Земли и владение по праву принадлежат молодым. – Сэр Ричард говорил про себя. – Если бы мы отобрали у них замки, их сердца разбились бы. Молодые люди радостно встретили нас, но мы видели, мы с Гугом видели, что наши дни прошли. Я сделался калекой, он потерял руку. Так-то!.. – рыцарь покачал головой. – Вот, – он усилил голос, – мы и уехали в Певнсей.

– Как жаль, – сказала Уна; ей казалось, что рыцарь сильно опечален.

– Маленькая девушка, все это давно прошло. Они были молоды, мы стары. Мы предложили им управлять замками. «Ага, – крикнул де Аквила из своего стрельчатого окна, когда мы соскочили с седел. – Назад вернулись, старые лисицы?» Но, когда мы вошли в его комнату над залом, он обнял нас и сказал: «Добро пожаловать, пришельцы; добро пожаловать, бедные пришельцы». Итак, мы стали невероятно богаты и совершенно одиноки. Да, совсем одиноки.

– Что же вы делали? – спросил Ден.

– Мы ждали Роберта Нормандского, – сказал рыцарь. – Де Аквила походил на Витту. Он не терпел праздности. В хорошую погоду мы ездили охотиться между Бекслеем и Кекмиром, иногда с соколами, иногда с собаками; прекрасные зайцы водятся в низинах, но мы всегда поглядывали на море в ожидании нормандского флота. В плохую погоду де Аквила расхаживал по вышке своей башни, хмурился на дождь, указывал то туда, то сюда. Он досадовал на то, что корабль Витты пришел и ушел так, что он не знал об этом. Когда ветер стихал и корабли бросали якоря возле пристани, он отправлялся в гавань, опирался на свой меч и, стоя подле груды дурно пахнущей рыбы, спрашивал у моряков, не слышно ли чего-нибудь из Франции. Значит, одним глазом он наблюдал за морем, другим за сушей, ожидая сведений о войне Генриха с баронами.

Жонглеры, арфисты, разносчики, продавцы вина, священники и другие бродячие люди приносили ему известия, и, хотя де Аквила был довольно скрытен в мелочах, он, если их вести ему не нравились, не обращая внимания ни на время, ни на место, ни на окружающих, ругал нашего короля, называл его безумцем или глупым ребенком. Нередко я слышал, как, стоя подле рыбацких лодок, он громко говорил: «Будь я королем Англии, я сделал бы то-то и то-то». Когда я выходил из замка, чтобы посмотреть, сложены ли и сухи ли сторожевые костры, он кричал мне из своего высокого окошка: «Смотри, Ричард, не поступай так, как наш слепой король;

удостоверься собственными глазами, ощурай собственными руками!..» Право, мне кажется, он не знал никакого страха. Так мы жили в Певнсее в маленькой комнате второго этажа.

Раз в бурную ночь нам доложили, что внизу ждет королевский гонец. Мы только что вернулись домой после долгой поездки в сторону Бекслея, туда, где так удобно приставать кораблям, и сильно продрогли. Де Аквила велел ответить, что гонец может или поесть вместе с нами, или дождаться, пока мы закусим. Тогда Джехан, стоявший около лестницы, крикнул нам, что гонец уже велел подать себе лошадь и уехал.

– Порази его чума! – сказал де Аквила. – У меня есть дело поважнее, чем спускаться в большой зал и дрожать там, разговаривая с каждым дураком, которого вздумается прислать королю. А он ничего не велел мне передать?

– Ничего, – ответил Джехан, – только сказал (Джехан был с Жильбером Орлиным при Гастингсе), только сказал, что, раз старый пес не сумел научиться новым штукам, придется снести его собачью будку.

– Ого! – протянул де Аквила, потирая себе нос. – А кому он это сказал?

– Главным образом своей бороде и, отчасти, бокам лошади, пока подтягивал подпруги. Я проводил его, – прибавил Джехан Краб.

– А что было у него на щите?

– Золотые подковы по черному полю, – ответил Краб.

– Это один из людей Фука, – заметил де Аквила.

Речь рыцаря прервал Пек, сказав:

– Золотые подковы на черном поле – герб не Фука. У рода Фука в гербе...

Рыцарь остановил его движением руки.

– Ты знаешь настоящее имя этого дурного человека, – сказал он. – Но я называю его Фуком, потому что обещал не рассказывать о его злых делах. Я изменил все имена. Ведь, может быть, дети его детей еще живы.

– Правда, правда, – с мягкой улыбкой согласился Пек. – Ты поступаешь по-рыцарски, не нарушая слова даже через тысячу лет.

Сэр Ричард слегка поклонился и продолжал.

– Золотые подковы на черном поле? – повторял де Аквила. – Я слышал, что Фук стал на сторону баронов; если это так, вероятно, наш король одержал верх. Но все равно; все Фуки – изменники. А все-таки жаль, что я отослал его голодным.

– Он поел, – вставил свое слово Джехан, – Жильбер-писец принес ему мяса и вина. Гонец угощался, сидя за столом Жильбера.

Этот Жильбер был писцом из аббатства Бетль и вел все счета певнсейского замка. Он был высок ростом, с бледным лицом и носил только что появившиеся новые четки для отсчитывания молитв. Они состояли из крупных коричневых орехов или семян и висели у него на поясе вместе с футляром для перьев и рожком для чернил; когда он ходил, эти вещи постукивали. Писец всегда сидел в зале, в нише огромного камина. Там стоял его стол; там же он спал по ночам. Жильбер-писец очень боялся собак, которые приходили в зал в поисках костей или спать на горячей золе, и замахивался на них своими четками... совсем как женщина. Когда де Аквила усаживался в зале, чтобы чинить суд, взимать штрафы или раздавать земли, Жильбер записывал все на свиток Певнсея. Но в его обязанность не входило угощать наших гостей; не смел он также отпускать их без нашего ведома.

Джехан сошел с лестницы, тогда де Аквила спросил:

– Гуг, говорил ли ты моему Жильберу, что можешь читать латинские рукописи?

– Нет, – ответил Гуг, – он не дружен со мной, не дружен он и с Одо, моей собакой.

– Это хорошо, – сказал де Аквила. – Он не должен знать, что ты умеешь отличать одну латинскую букву от другой. – Тут Орлиный каждого из нас толкнул под ребра своим мечом в ножнах, прибавив: – Наблюдайте за ним, вы, оба. Конечно, может быть, в Африке и водятся

дьяволы, как я слышал, но, клянусь всеми святыми, еще худшие бесы обитают здесь, в Певн-сее. – Больше он ничего не сказал.

Вскоре один из воинов-норманнов задумал жениться на саксонке, служанке замка, и Жильбер-писец (с того времени, как де Аквила поговорил с нами о нем, мы за ним наблюдали) не мог решить, свободные ли люди ее родители или рабы. Свободной де Аквила дал бы хорошее поле. Дело разбиралось в большом зале при де Аквила. Сперва высказался отец невесты, потом ее мать, потом заговорили все вместе, да так громко, что стены зала зазвенели и собаки залаяли. Де Аквила поднял руки.

– Запиши ее как свободную! – крикнул он Жильберу, сидевшему подле камина. – Во имя Господа, запиши ее свободной, раньше, чем я из-за нее оглохну. Да, да, – обратился он к девушке, упавшей перед ним на колени, – ты сестра Цердика, ты двоюродная сестра Мерсии, если только замолчишь. Через пятнадцать лет у нас не останется ни норманнов, ни саксонцев, будут только англичане, – продолжал он. – А вот эти люди делают за нас дело. – Орлиный ударил по плечу воина, племянника Джахана, поцеловал девушку и стал шевелить ногами тростник, устилавший пол, желая показать, что дело окончено. (В большом зале всегда было очень холодно.) Я стоял рядом с де Аквила; Гуг расположился позади Жильбера в нише камина, играя со своим умным, суровым Одо. Он сделал знак де Аквила, который приказал Жильберу отмерить для новой четы хорошее поле. Потом писец проскользнул между воином и девушкой, и его четки застучали; зал опустел; мы трое сели подле огня.

Гуг наклонился к каминным камням и сказал:

– Когда Одо стал нюхать вот этот камень, я заметил, что он шевелится под ногой Жильбера. Смотрите-ка.

Де Аквила порылся в золе своим мечом; камень зашатался; он поднял его; под ним лежал сложенный пергамент и на нем стояло заглавие: «Слова против нашего короля, произнесенные лордом Певнсея. Вторая часть».

Гуг шепотом прочитал нам рукопись; на пергаменте были записаны все брошенные нам лордом Певнсея шутки по поводу короля; все, что он кричал мне из своего высокого окна каждый раз, когда я отправлялся осматривать маяки; каждое слово нашего старого друга о том, как поступил бы он, будучи королем Англии. Да, день изо дня все беспечные разговоры де Аквила были занесены на пергамент лживым, хитрым Жильбером, и всему был придан особый смысл, изменявший их истинное значение; это было сделано крайне хитро; никто не мог бы отрицать, что де Аквила произносил занесенные на пергамент слова. Понимаете вы?

Ден и Уна кивнули головками.

– Да, – серьезно сказала Уна. – Не так важно «что» говоришь, гораздо важнее «как» говоришь. Например, если в шутку назовешь Дена животным, ему нечего обижаться. А вот взрослые не всегда это понимают.

– И он изо дня в день писал это? – спросил де Аквила, – снова заговорил сэр Ричард.

– Нет, час за часом, – поправил его Гуг. – Когда ты, де Аквила, говорил в зале о норманнах и саксонцах, Жильбер писал на пергаменте, который лежал у него подле замкового свитка, а я читал написанное им; на листе стояло, будто лорд Певнсея сказал, что, если его воины будут действовать, как следует, здесь скоро не останется норманнов.

– Святые мощи! – произнес де Аквила. – Ну, что могут сделать честь и меч в защиту против пера? А куда Жильбер спрятал этот пергамент? Съел, что ли?

– У себя на груди, – пояснил Гуг. – Вот потому-то я и постарался отыскать другие листы. Когда Одо поцарапал вот эту плиту, его лицо изменилось, и у меня не осталось больше сомнений.

– Он смел, – заметил де Аквила. – Отдадим ему справедливость: по-своему мой Жильбер смел.

– Слишком смел, – сказал Гуг. – Слушайте. – И он прочитал:

«В день праздника св. Агаты наш лорд Певнсея, лежа в своей комнате, одетый в меховое платье, подбитое мехом кролика...»

– Пади на него чума... он же не моя нянька! – перебил Гуга де Аквила, и мы засмеялись.

– «...Подбитое мехом кролика, разбудил сэра Ричарда Даллингриджа, своего пьяного собутыльника (тут оба посмеялись надо мной), и сказал: «Выгляни, старая лисица, из норы, потому что Бог на стороне герцога Нормандии»».

– Верно, я и сам подошел к окну. Стоял густой туман. Роберт мог без нашего ведома высадить десять тысяч человек! А он рассказывает, как мы целый день скакали по болотам и как я чуть было не погиб в зыбучем песке и потом десять дней кашлял, точно больная овца? – спросил де Аквила.

– Нет, – ответил Гуг. – Но на пергаменте стоит просьба Жильбера-писца, обращенная к его господину, Фуку.

– Ага, – произнес де Аквила. – Я отлично знал, что это Фук. Какая цена назначена за мою жизнь?

– Жильбер просит, чтобы после того, как лорд Певнсея будет лишен своих земель и владений, благодаря показаниям, которые Жильбер собрал со страхом и трудом...

– Страх и труд, правдивые слова, – заметил де Аквила и втянул внутрь свои щеки. – Но какое превосходное оружие перо! Мне нужно поучиться владеть им.

– Так вот, когда лорд Певнсея будет лишен своих земель, Жильбер просит, чтобы Фук дал ему почетное и давно обещанное место. Но, чтобы Фук не забыл, что именно он обещал, Жильбер приписал внизу: «Желаю сделаться ризничим аббатства Бетль».

Де Аквила засвистел.

– Человек, который может составлять заговоры против одного господина, способен изменить и другому. Когда меня лишат моих земель, Фук сорвет с плеч моего Жильбера его глупую голову. А все-таки Бетль действительно нуждается в новом ризничем. Говорят, аббат Генри держит монастырь в беспорядке.

– Бросим аббата, – заметил Гуг. – Наши головы и наши земли в опасности; это гораздо важнее. Спрятанный здесь пергамент – вторая часть. Первая отправилась к Фуку и, значит, к королю, который будет считать нас изменниками.

– Без сомнения, – согласился с ним де Аквила. – Гонец Фука увез первую часть вечером, когда Жильбер его угощал; наш король так занят своим братом и его баронами (да и немудрено), что обезумел от недоверия. Фук нашептывает ему и в его уши вливает яд. Король скоро отдаст ему мою землю, да и ваши тоже. Старая история!.. – И де Аквила откинулся к стене и зевнул.

– И ты, лорд, отдашь Певнсей, не сказав ни слова, не нанеся ни одного удара? – спросил его Гуг. – В таком случае мы, саксонцы, будем сражаться с вашим королем. Я поеду предупредить моего племянника в Даллингтоне. Дай мне лошадь.

– Не хочешь ли лучше игрушку и погремушку? – ответил де Аквила. – Положи-ка назад пергамент и завали его золой. Если Фук получит мой Певнсей, который служит воротами в Англию, что он станет с ним делать? В глубине сердца он норманн, и его сердце в Нормандии, где он может, когда вздумается, убивать своих крестьян. Он откроет двери Англии нашему сонному Роберту, как это старались сделать Одо и Мартен. Произойдет новая высадка и будет второй Гастингс. Следовательно, я не могу отдать моего Певнсея.

– Отлично, – сказали мы.

– Ах, погодите. Если, благодаря доносам Жильбера, мой король перестанет доверять мне, он вышлет против меня своих людей, и, пока мы будем сражаться, двери Англии останутся без охраны. Кто же тогда первый войдет в них? Конечно, Роберт Нормандский. Следовательно, я не могу сражаться с моим королем. – И он погладил свой меч, вот так.

– Ты говоришь и потом берешь назад сказанное, как сущий норманн, – заметил Гуг. – Ну а наши замки?

– Я думаю не о себе, – ответил де Аквила, – не о нашем короле, не о наших землях. Я думаю об Англии, о которой не думают ни король, ни бароны. Я не норманн, сэр Ричард, я не саксонец, сэр Гуг: я англичанин.

– Саксонец ты, норманн или англичанин, – проговорил Гуг, – что бы ни случилось, наши жизни – твои. Когда мы повесим Жильбера?

– Никогда, – ответил де Аквила. – Он все-таки может сделаться ризничим Бетля, потому что, отдавая ему справедливость, скажу, что он хорошо пишет. Мертвые – немые свидетели. Подождем.

– Но король может отдать Фуку Певнсей. И в придачу наши замки, – заметил я. – Предупредить наших сыновей?

– Нет. Король не разбудит гнездо шмелей на юге, пока на севере не выкурит пчел. Он может считать меня изменником, но видит, что я, по крайней мере, не сражаюсь с ним, а каждый день без вражды со мной для него выгода в его борьбе с баронами. Если бы он был мудр, он до окончания войны с ними не стал бы создавать себе новых врагов. Однако, полагаю, Фук примется подговаривать его послать за мной, и, если не послушаюсь призыва, Генри увидит в моем неповиновении доказательство измены. Впрочем, в теперешнее время пустые речи, которые передает ему Жильбер, не улики. Мы, бароны, последователи церкви и, подобно Ансельму, говорим все, что нам вздумается. Займемся же нашими обычными делами и не будем ничего говорить Жильберу.

– Значит, мы ничего не сделаем? – спросил Гуг.

– Будем ждать, – ответил де Аквила. – Я стар, а все же считаю, что ожидание – самое неприятное для меня дело.

Мы держались того же мнения, но в конце концов оказалось, что де Аквила был прав.

Немного позже, в этом же году, через холм переехали вооруженные люди; за королевским знаменем блистали золотые подковы. Де Аквила, сидя подле окна нашей комнаты, сказал:

– Что я говорил вам? Вот и сам Фук приехал осматривать земли, которые король обещал дать ему, если он привезет улики моего предательства.

– Откуда ты знаешь? – спросил Гуг.

– Потому что на месте Фука именно так поступил бы я сам; только я-то привел бы с собой больше воинов. Ставлю в заклад моего чалого против твоих старых башмаков, – сказал де Аквила, – что Фук везет мне королевский приказ покинуть Певнсей и присоединиться к воюющим.

Де Аквила втянул внутрь свои щеки и побарабанил пальцами по краю колодца, в котором глухо булькала вода.

– И мы двинемся? – спросил я.

– В это-то время года? Каково безумие! – произнес он. – Заставьте меня ездить между елями в лесу, и через три дня кили судов Роберта увязнут в иле певнсейских отмелей, на берег выйдет десять тысяч человек. Кто же остановит их? Фук, что ли?

Подле замка затрубили рога, и вот перед главным входом Фук прокричал приказ короля, гласивший, что Жильберу Орлиному велено явиться со всеми своими людьми и лошадьми в королевский лагерь близ Сальсбери.

– Что я говорил вам? – опять сказал де Аквила. – Двадцать баронов между нашим замком и Сальсбери могли бы оказать королю большую помощь, но Фук подговорил его, когда враги готовятся вломиться в них! Поместите воинов Фука в большой южный сарай, – прибавил он. – Напоите их, и, когда Фук закусит, мы с ним выпьем в моей комнате. Старым костям слишком холодно в большом зале.

Как только Фук сошел с лошади, он вместе с Жильбером-писцом отправился в часовню, чтобы поблагодарить Господа за свое благополучное прибытие, а поесть (он был толст и жадно поглядывал на наше вкусное суссекское жаркое) прошел вместе с нами в маленькую верхнюю комнату, куда уже явился писец Жильбер с замковыми бумагами. Я помню, как Фук услышал свист и удары прибывающей воды в стенном колоде и отскочил; его длинные, отвернутые вниз верховые сапоги запутались в тростнике, устилавшем пол, и он пошатнулся; поэтому Джахану, стоявшему позади него, было легко ударить головой о стену нашего незваного гостя.

– А вы знали, что так случится? – спросил Ден.

– Конечно, – с милой улыбкой ответил ему сэр Ричард. – Я наступил ногой на меч Фука и взял его кинжал; некоторое время он ничего не сознавал, не понимал даже, день был или наступила ночь. Он лежал, вращая глазами, бормотал что-то, и Джахан скрутил его веревкой, как теленка. Он весь был запрятан в новомодную кольчугу, которую мы называли ящеричной броней. Она состояла не из колец, как вот эта моя, – сэр Ричард ударил себя в грудь, – а делалась из маленьких кусочков непроницаемой для кинжала стали, прикрепленных к толстой коже. Мы сняли ее (зачем портить хорошую вещь?). На шее Фука де Аквила нашел тот самый пергамент, который мы недавно положили под каминный камень.

Жильбер-писец попытался бежать, но я положил руку на его плечо. Этого оказалось достаточно. Он задрожал и, перебирая четки, стал читать молитвы.

– Жильбер, – сказал де Аквила, – тебе придется записать еще более замечательные слова и поступки лорда Певнсея. Возьми свою чернильницу и перо. Не все мы можем быть ризничими Бетля.

В это время лежавший на полу Фук сказал:

– Вы связали королевского гонца. За это Певнсей сгорит.

– Может быть, – ответил де Аквила. – Я уже видел, как его осаждали. Но слушай, Фук, обещаю тебе, что в конце осады моего замка ты будешь повешен, даже если мне придется поделить с тобою последний кусок хлеба; а этого не сделал даже Одо, когда мы голодом выгнали его и Моргена.

Тут Фук сел на пол и посмотрел на де Аквила долгим, хитрым взглядом.

– Святители, – сказал он. – Почему с самого начала ты не сказал, что стоишь на стороне герцога?

– А я на его стороне? – спросил де Аквила.

Фук засмеялся и сказал:

– Никто, служащий королю Генриху, не осмелится так поступать с его посланцем. Когда же перешел ты на сторону герцога? Отпусти меня, и мы уладим дело.

Он стал улыбаться, подмигивать и качать головой.

– Хорошо, мы уладим дело, – сказал де Аквила, кивнув головой мне и Джахану; я поднял Фука (тяжел был этот человек), и мы на веревке опустили его в колодец не настолько, чтобы его ноги коснулись нашего золота, а так, чтобы он качался в пространстве и его плечи немного выступали из-за краев колодезного отверстия. Вода доходила до его колен. Он не обмолвился ни словом, но дрожал.

Потом Джахан внезапно ударил своим кинжалом в ножнах по кисти руки Жильбера. Рука опустилась.

– Стой, – крикнул Краб. – Он глотает свои четки!

– Вероятно, там яд, – заметил де Аквила. – Это недурная вещь для людей, знающих слишком многое. Тридцать лет я носил с собой отраву. Дай мне четки.

Жильбер заплакал и завыл. Де Аквила ощупал каждое зерно бус пальцами. Последнее из них (я говорил вам, что это были крупные орехи) он разделил булавкой на две половины; внутри бусины лежал кусочек сложенного пергамента. На нем было написано:

«Старый пес едет в Сальсбери и будет побит. Его будка в моих руках. Приезжайте скорее».

– Это хуже яда, – очень тихо произнес де Аквила и втянул внутрь щеки. Тогда Жильбер зашевелился на тростнике и сказал нам все, что знал. Как мы уже угадали, это было письмо Фука к герцогу (и не первое); Фук отдал его Жильберу в часовне, и Жильбер думал утром отнести его на один рыбацкий барк, который ходил между Певнсеем и французским берегом. Фальшивый, скверный человек был писец Жильбер. А все же, запинаясь и вздрагивая, он поклялся, что владелец барка ничего не знал об этом деле.

– Он назвал меня бритой головой, – сказал Жильбер, – и бросал в меня всякую дрянь, а все-таки он не предатель.

– Я не желаю, чтобы с моим писцом обращались дурно или ругали его, – сказал де Аквила. – Этот рыбак будет избит подле своей же мачты. Прежде всего напиши мне письмо и завтра же утром ты отнесешь на барк приказ бичевать виновного.

Услышав слова своего господина, Жильбер готов был поцеловать его руку. Он не надеялся дожить до утра. Когда дрожь писца немного унялась, он написал письмо от имени Фука герцогу, говоря в нем, что «собачья будка» (иначе говоря, Певнсей) закрыта и что старый пес (значит, де Аквила) сидит подле нее; больше: что все стало известно.

– Пиши всем, что дело открылось, – сказал де Аквила, – тогда даже сам папа лишится спокойного сна. Эй, Джехан, что ты сделал бы, если бы тебе сказали, что изменники открыли твой заговор?

– Я убежал бы, – сказал Джехан.

– Хорошо сказано, – произнес де Аквила. – Напиши, Жильбер, что Монгомери заключил мир с королем и что маленький д'Арси, которого я ненавижу, повешен за ноги. Мы дадим Роберту достаточно материала для жевания. Напиши также, что сам Фук при смерти от водяной болезни.

– Ну нет, – крикнул Фук, висевший в колодце. – Утопите меня сейчас же, только не превращайте в предмет шутки.

– Я не шучу, – ответил де Аквила. – Я только сражаюсь пером за собственную жизнь и за мои владения; ты сам научил меня этому, Фук.

Фук застонал; несчастный весь заледенел.

– Сознаюсь, – сказал он.

– Вот это по-соседски, – протянул де Аквила, перегибаясь через борт колодца. – Ты прочитал о моих словах и поступках, по крайней мере, первую часть записанного, и должен расплатиться за это, рассказав о своих собственных делах и словах. Жильбер, возьми пенал и чернильницу. Тебе предстоит привычное дело.

– Отпустите моих людей, не причиняя им вреда, – сказал Фук, – и я сознаюсь перед вами в измене королю.

– Почему это он стал так нежен к своим воинам? – шепнул мне Гуг. (Фук не славился мягким обращением со своими подчиненными. Он позволял им грабить, но милосердия к ним у него не было.)

– Те-те-те! – произнес де Аквила. – Жильбер уже давно доказал, что ты изменник. Сказанного им было бы достаточно, чтобы повесить самого Монгомери.

– Только пощади моих людей, – повторил Фук, и мы услышали, как он заплескался в воде, точно рыба: ведь был прилив.

– Все в свое время, – сказал де Аквила. – Ночь еще молода, вино старо, и нам хочется послушать веселый рассказ. Начинай же историю своей жизни с того времени, как ты был мальчиком в Туре. Рассказывай хорошенько.

– От твоих слов мне стыдно до глубины души.

– Значит, я совершил то, чего не удавалось сделать ни королю, ни герцогу.

– Отошли прочь своего слугу, – попросил Фук.

– Хорошо, – согласился де Аквила. – Только помни, я, как датский король, не могу отвратить прилива.

– Сколько времени будет вода подниматься? – спросил Фук и снова заплескался.

– Три часа. Этого времени хватит на повесть о всех твоих хороших делах. Начинай, а ты, Жильбер, – я слышал, что ты иногда довольно небрежен, – не извращай его слов.

Итак, опасаясь смерти, надвигавшейся на него из тьмы, Фук заговорил, и Жильбер, не знавший, какая судьба ждала его, записывал дословно рассказ изменника. Я слыхивал много историй, но ни одна из них не могла сравниться с повествованием о черной жизни Фука, которое мы слушали все из уст самого Фука, висевшего в колодце.

– Жизнь была дурная? – спросил испуганный Ден.

– Невероятно, – ответил сэр Ричард. – Однако в рассказе встречалось кое-что, смешившее даже писца Жильбера. Мы же трое хохотали прямо до боли в боках. Раз зубы Фука так защелкали, что мы не могли хорошенько расслышать его слов, и подали ему кубок вина. Он согрелся и правдиво раскрыл нам все свои дела; все хитрости, все измены; свою крайнюю отвагу (он был отчаянно храбр); свои отступления, свою фальшь (он был также невероятно фальшив), поведал и о потере своих богатств и чести; о сжигавшем его отчаянии по этому поводу; о попытках поправить свои дела. Да, перед нами развевались грязные лохмотья его жизни, и он горделиво показывал их нам, точно какое-то знамя. Когда Фук замолчал, мы при свете факелов увидели, что уровень воды дошел до уголков его рта, и что он с трудом дышит через нос.

Мы вытащили его из колодца, растерли, завернули в плащ, дали ему вина и, наклоняясь над ним, смотрели, как он пьет. Он дрожал, но не стыдился.

Внезапно мы услышали сердитый голос Джехана. Мимо него пробрался мальчик и остановился перед нами; в волосах этого юнца торчали обломки тростника, устилавшего зал, и его лицо распухло от сна.

– Отец, отец! Мне приснилось предательство, – закричал он и забормотал еще что-то.

– Никакого предательства нет, – ответил Фук, – уходи, – и мальчик повернулся к двери, все еще не вполне очнувшись от сна. Джехан за руку отвел его в большой зал.

– Твой единственный сын? – сказал де Аквила. – Зачем ты взял с собой ребенка?

– Он мой наследник. Я побоялся доверить его брату, – ответил Фук, и в эту минуту ему стало стыдно. Де Аквила ничего не сказал. Он сидел и обеими руками как бы взвешивал винный кубок: вот так. Через несколько секунд Фук тронул его за колено.

– Устрой так, чтобы мальчик мог бежать в Нормандию, – попросил он, – а со мной поступи, как тебе угодно. Да, повесь меня завтра, прикрепив мое письмо к моей шее, только отпусти мальчишку.

– Молчи, – проговорил де Аквила. – Я думаю об Англии.

Мы безмолвно ждали решения лорда Певнсея; по лбу Фука струился пот.

Наконец де Аквила сказал:

– Я слишком стар, чтобы судить кого-нибудь или доверять кому-нибудь. Я не желаю захватить твои земли, как ты желал завладеть моими, и лучше ли ты или хуже, чем другой вор, пусть решит твой король. Поэтому возвращайся к своему королю, Фук.

– И ты не скажешь ничего о том, что произошло? – спросил Фук.

– Ну, зачем стал бы я об этом рассказывать? Твой сын останется со мною. Если король опять прикажет мне оставить Певнсей, который я должен охранять от врагов Англии, если король выйдет против меня своих воинов, как против изменника, или если я узнаю, что король, лежа в своей постели, задумывает зло против меня или моих двоих рыцарей, твой сын будет повешен вот из этого окна, Фук.

– Да ведь все это не касалось сына Фука, – возразила пораженная Уна.

– Разве мы могли повесить Фука? – сказал сэр Ричард. – Он был нам нужен для примирения с королем. Ради мальчика он предал бы половину Англии. В этом мы были уверены.

– Я не понимаю, – сказала Уна. – Но я нахожу, что это было просто ужасно.

– Фук не нашел этого. Он остался доволен.

– Как? Доволен, что его сына убьют?

– Нет; де Аквила показал ему, каким путем он может спасти жизнь мальчика и сохранить свои собственные владения и почести. «Я сделаю это, – сказал он. – Клянусь, сделаю. Я скажу королю, что ты не изменник, напротив, что ты лучше, храбрее, совершеннее всех нас. Да, я тебя спасу».

Де Аквила все еще смотрел в свой кубок, наклоняя его то в одну, то в другую сторону.

– Я думал, – сказал он, – если бы у меня был сын, я спас бы его. Только, пожалуйста, не рассказывай мне, как ты собираешься действовать.

– Хорошо, хорошо, – ответил Фук, мудро покачивая своей лысой головой. – Это моя тайна. Но будь спокоен, де Аквила, ни один волос не упадет с твоей головы, ни одна былинка на твоей земле не пострадает. – И он улыбнулся, точно человек, задумавший великое, хорошее дело.

– С этих пор, – произнес де Аквила, – советую тебе служить одному господину, а не двоим.

– Как? – возразил Фук. – Неужели я не могу служить честным посредником между двумя сторонами в наши смутные времена?

– Служи или Роберту, или королю: Англии или Нормандии, – продолжал де Аквила. – Мне все равно, что ты выберешь, но теперь здесь же прими решение.

– В таком случае, я выбираю короля, – сказал Фук, – я вижу, ему служат лучше, чем Роберту. Поклясться?

– Незачем, – ответил де Аквила и положил руку на исписанный Жильбером пергамент. – Часть наказания моего Жильбера будет состоять в обязанности начисто переписать интересную историю твоей жизни – десять, двадцать, может быть, сто раз. Как ты думаешь, сколько голов скота дал бы за этот рассказ турский епископ? А твой брат? А монахи Блуа? Менестрели превратят рассказ в песни, и твои собственные саксонские рабы станут распевать их, склоняясь над плугами, а также и воины, проезжая через твои нормандские города. Отсюда и до Рима, Фук, люди будут хохотать над этой историей и над тем, как ты рассказывал ее, висая в колодце, точно утопленный щенок. Так я накажу тебя, если узнаю, что ты ведешь двойную игру относительно твоего короля. До поры до времени пергаменты останутся вместе с твоим сыном в Певнсее. Сына я верну тебе, когда ты примиришь меня с королем. Пергаменты же никогда не попадут в твои руки.

Фук закрыл лицо и застонал.

– Святители! – со смехом заметил де Аквила. – Жестоко ранит перо. Своим мечом я никогда не заставил бы тебя стонать.

– Но пока я не разгневаю тебя, моя история останется тайной? – спросил Фук.

– Именно. А это тебя успокаивает, Фук? – проговорил де Аквила.

– Какое же другое успокоение оставили вы мне? – спросил он и вдруг заплакал безнадменно, как ребенок, прижав лицо к своим коленям.

– Бедный Фук! – сказала Уна.

– Я тоже пожалел его, – сказал сэр Ричард.

– А вот тебе в утешение! – сказал де Аквила и бросил Фуку три слитка золота, которые он вынул из нашего маленького ящика подле кровати.

– Знай я о золоте раньше, – произнес Фук, задыхаясь, – я ни за что не поднял бы руки на Певнсей. Только недостаток в этом желтом веществе заставил меня действовать так неудачно.

Светало. В большом зале, внизу, зашевелились люди. Мы отправили вниз кольчугу Фука, велев ее вычистить, и, когда он в полдень уезжал под своими собственными знаменами и под знаменем короля, этот рыцарь казался великолепным и величавым. Он пригладил свою длинную бороду, подозвал своего сына и поцеловал его. Де Аквила проводил Фука верхом до новой мельницы. Прошедшая ночь казалась нам сном.

– А как он поступил относительно короля? – спросил Ден. – Сказал, что вы не изменили? Вот о чем я спрашиваю.

Сэр Ричард улыбнулся.

– Король не прислал новых требований в Певнсей, – сказал он, – не спросил он также, почему де Аквила не послушался его первого гонца. Да, это было делом Фука. Я не знаю, как он действовал; во всяком случае, наш недавний враг хорошо и быстро исполнил свое обещание.

– Значит, вы ничего не сделали его сыну? – спросила Уна.

– Мальчишке? О, это был суций бесенок. Он прогонял от дверей наших сторожей; пел скверные песни, которым научился в лагерях баронов, этакий дурачок; стравливал собак в зале, поджигал там тростник, чтобы, по его словам, выгнать оттуда блох; раз чуть не ударил кинжалом Джехана, который за это сбросил его с лестницы. Верхом на лошади он ездил по полям спелого хлеба или между овцами, распугивая их. Но когда мы поколотили его и два раза взяли на охоту, он стал бегать за нами, как молодая, преданная собака, и звал нас «дядюшками». В конце лета за ним приехал его отец, но мальчику не хотелось расставаться с Певнсеем; он ждал предстоящей охоты на выдр и пробыл у нас до времени травли лисиц. Я дал ему коготь болотной выпи на счастье в охоте... Ах, какой это был бесенок!

– А что было с Жильбером? – спросил Ден.

– Ничего. Его даже не побили. Де Аквила сказал, что он охотнее согласится держать умного, хотя бы и фальшивого писца, чем верного дурака, которого пришлось бы заново учить его собственному делу. Кроме того, с памятной ночи, мне кажется, Жильбер стал так же сильно любить, как и бояться, лорда Певнсея. Как бы то ни было, он не захотел расстаться с нами, даже когда Вильям, клерк короля, предложил ему стать ризничим аббатства Бетль. Фальшивый малый, но, по-своему, отважный.

– А все-таки Роберт сделал высадку близ Певнсея? – снова спросил Ден.

– Пока король Генрих сражался со своими баронами, мы хорошо охраняли берег; через три-четыре года, когда в Англии воцарился мир, король отправился в Нормандию и так побил своего брата, что излечил его от желания сражаться. Многие отправились на эту войну, сев на суда близ Певнсея. Помню, что приехал Фук, и мы все четверо опять в маленькой комнате вместе пили вино. Де Аквила говорил правду: нельзя судить или осуждать людей. Фук был весел. Да, он много смеялся.

– А что вы делали потом? – спросила Уна.

– Вспоминали прошедшие времена. Это могут делать все люди, когда они состарятся, маленькая девица.

Через луг донесся слабый звон колокола, который звал детей к чаю. Ден лежал в лодке «Золотой хвост». Уна сидела на корме; на ее коленях была раскрытая книга, и она читала стихотворение под заглавием «Греза раба». Первые строки гласили:

И снова в тумане и тенях сновидений,
Он увидел родную землю.

– Я не знаю, когда ты начала читать, – сонно сказал Ден.

На средней скамье лодки, рядом со шляпой Уны, лежали лист дуба, лист тиса и лист терновника; вероятно, они упали с деревьев, а ручей смеялся, точно был свидетелем какой-то забавной шутки.

Центурион

У Дена вышли неприятности из-за латыни, и его оставили в классной; вот поэтому-то Уна и ушла одна в Дальний лес. Сделанная Хобденом катапульта Дена хранилась в дупле огромного бука на западной опушке леса. В честь книги «Песни древнего Рима» дети называли это дерево «Волатерре», по имени твердыни, о которой говорилось в стихотворениях о Риме.

Когда же Хобден наложил валежника между большими корнями бука, Ден и Уна дали старику прозвище «Руки Исполина». Это название было из той же книги.

Уна проскользнула в устроенную детьми лазейку в изгороди, поднялась на склон холма, села и нахмурила брови. Холм Пека находился ниже ее; все изгибы ручья, который, выйдя из леса Виллингфорд, вился между полями хмеля, виднелись ясно, как на плане. Юго-западный ветер (в этом месте всегда бывал ветер) неся со стороны обнаженной каменной гряды, на которой стояла ветряная мельница.

А, пролетая через лес, ветер всегда шепчет, что должно случиться нечто необыкновенное; именно поэтому в ветреный день каждый способен остановиться на склоне высокого холма и приняться выкрикивать отрывки римских песен, которые так под стать шепоту ветра.

Уна вынула из тайника катапульту Дена и приготовилась встретить армию царя Порсены, крадущуюся через побелевшие осины подле ручья. По долине пронесся порыв ветра. Уна прочла четверостишие, говорившее, что все долины опустошены, что храбрые стражи убиты.

Но ветер не достиг леса; он повернул в сторону и закрутил одинокий дуб на лугу фермера Глизона. Там он притих, улегся в траве, помахивая вершинами былинки, как кошка кончиком своего хвоста перед прыжком.

– Теперь добро пожаловать, Секст, – пропела Уна, заряжая свою метательную машину. – Сюда, сюда, здесь дорога в Рим!

Она выстрелила в место затишья, чтобы разбудить притаившийся ветер, и вдруг услышала раздавшийся из-за терновника на лугу стон.

– Батюшки! – громко сказала Уна (она заимствовала это выражение у Дена). – Кажется, я угодила в корову Глизона.

– Ты маленький звереныш! – раздался голос. – Я научу тебя бить твоих господ.

Уна осторожно посмотрела вниз и увидела молодого человека в бронзовой броне, горевшей посреди кустов. Больше всего Уну восхитил его большой бронзовый шлем с красным, развевавшимся по ветру, лошадиным хвостом. Она слышала, как длинные волосы скребли по блестящим наплечникам.

– Что хотел сказать фавн, – вполголоса произнес молодой человек, – уверяя меня, что раскрашенный народ изменился? – Он заметил белокурую головку Уны. – Видела ли ты раскрашенного стрелка? – спросил он.

– Нет-нет, – ответила Уна. – Но, если вы видели пулю...

– Видел ли? – крикнул он. – Она пролетела на волосок от моего уха.

– Стреляла я, и мне очень жаль...

– А разве фавн не сказал тебе, что я приду? – с улыбкой спросил ее человек в блестящей броне.

– Вероятно, фавном вы называете Пека? – ответила Уна. – Нет, он мне ничего не говорил. Я приняла вас за корову. Я... я... не знала, что вы... А кто вы такой?

Он откровенно засмеялся, показав ряд великолепных зубов. У него было смуглое лицо, темные глаза и брови, которые соединялись над большим носом, образуя одну черную полосу.

– Меня зовут Парнезий. Я был центурионом седьмой когорты тридцатого легиона *Ulpia Victris*. Значит, именно ты метнула в меня свинцовый шарик?

– Я. Это катапульта Дена, – ответила Уна.

– Катапульта? – сказал он. – Я знаю кое-что о метательных машинах. Покажи мне.

Он перескочил через изгородь, и его копье, щит и броня зазвенели; с быстротой тени поднялся воин на откос холма.

– Прибор в виде вилкообразной палки, понимаю, – произнес он и потянул резинку. – Но от какого животного взяла ты эту изумительную, растягивающуюся кожу?

– Это гуттаперча – резина. Вы помещаете пулю вот сюда, в петлю, потом сильно дергаете.

Он дернул и ушиб себе ноготь большого пальца.

– Каждому свое оружие, – серьезно произнес центурион, отдавая пращу Уне. – Я лучше действую более крупными машинами, маленькая девица. Но это красивая игрушка. Волк посмеялся бы над ней. А ты не боишься волков?

– Здесь нет волков, – ответила Уна.

– Никогда не верь этому. Волк, как крылатая шапка, является, когда его не ждешь. Здесь не охотятся на волков?

– Мы не охотимся, – ответила Уна, вспоминая слова взрослых. – Мы разводим фазанов. Вы знаете их?

– Должен знать, – сказал молодой человек с новой улыбкой и засвистел, подражая крику петуха фазана с таким совершенством, что ему из лесу ответила птица.

– Какой крупный, пестрый, клохчущий дурак – фазан, – сказал центурион. – Вроде некоторых римлян.

– Да ведь вы сами римлянин, правда? – спросила Уна.

– И да и нет. Я один из тех немногих тысяч воинов, которые видали Рим только на картинах. Многие поколения моих предков жили в Вектисе. Вектис? Знаешь, тот остров на востоке, который в ясную погоду можно разглядеть.

– Вероятно, остров Уайт? Он виднеется перед дождем, и его можно разглядеть с этого места.

– Вероятно. Наша вилла стоит на южном берегу острова, около острых утесов. Большая ее часть выстроена триста лет тому назад; коровий же хлев, в котором жил наш первый предок, кажется, еще старше на сотню лет. Да, конечно, так; ведь основатель нашего рода получил свою землю от Агриколы во время утверждения в этой стране. Это неплохой участок. Весной фиалки покрывают его до самого берега. Много раз для себя я собирал морские травы, а для матери – фиалки, и мне помогала наша старая няня.

– А ваша няня была тоже... тоже римлянка?

– Нет, нумидийка. Да будут боги благосклонны к ней. Милое, толстое коричневое существо с языком, звучавшим, как коровий колокольчик. Она была свободная. Кстати, ты свободна?

– О, вполне, – ответила Уна, – по крайней мере, до чая; летом наша гувернантка не очень сердится, даже когда мы опаздываем к чаю.

Молодой человек опять засмеялся, засмеялся с видом понимания.

– Вижу, вижу, – сказал он, – что вы живете в лесу. Мы прятались между утесами.

– Значит, у вас тоже была гувернантка?

– А то как же? Да еще гречанка. Она так смешно подхватывала свое платье, когда отыскивала нас между кустами дрока, что мы невольно смеялись. Потом она кричала, что попросит нас высечь, но никогда не просила, благослови ее боги. Несмотря на всю свою ученость, Аглая была славная девушка.

– Чему же вы учились, когда... когда были маленькие?

– Древней истории, арифметике, изучали классиков и так далее, – ответил он. – Мы с сестрой были тупы, но мои два брата (я средний) любили эти предметы, и, понятно, наша мать знала больше всех нас. Она была ростом почти с меня и походила на новую статую на западной дороге, на Деметру с корзинами, знаешь? И удивительно, как матушка умела нас смешить!

– Чем это?

– Шуточками и поговорками, которые бывают во всякой семье. Разве ты не знаешь?

– Я знаю, что у нас есть, но не знала этого про другие семьи, – ответила Уна. – Пожалуйста, расскажите мне все о вашей семье.

– Все хорошие семьи похожи одна на другую. По вечерам матушка сидела и пряла; Аглая читала в своем углу, отец составлял и сводил счета; мы четверо возились в коридорах. Когда мы начинали шуметь слишком громко, отец кричал: «Потише, потише! Разве вы никогда не слышали о власти отца над своими детьми? Он может убить их, мои дорогие, убить, и боги одобряют его поступок». Тогда матушка поднимала свою милую головку и отвечала: «Гм, сдается мне, что в тебе мало черт римского отца». Отец же свертывал свитки со счетами и производил: «А вот я покажу», – и потом... потом делался хуже всех нас, детей.

– Ну, это умеют все отцы, – блестя глазами, сказала Уна.

– Разве я не говорил, что все хорошие семьи очень похожи?

– А что вы делали летом? – спросила Уна. – Играли в окрестностях, как мы?

– Да, и навещали наших друзей. На Вектисе нет волков. У нас было много друзей и лошадей сколько угодно.

– Как хорошо! – сказала Уна. – Надеюсь, так продолжалось всегда?

– Не вполне, маленькая девица. Когда мне минуло лет шестнадцать или семнадцать, у отца сделалась подагра, и мы поехали на воды.

– На какие воды?

– Акве Сулис. Все ездят туда. Ты должна попросить твоего отца отвезти тебя туда.

– Где же это? Я не знаю, – заметила Уна.

С мгновение молодой центурион смотрел на нее изумленными глазами.

– Акве Сулис, – повторил он. – Там лучшие в Британии бани, говорят, они не хуже римских. Старые обжоры сидят там в горячей воде, сплетничают и толкуют о политике. Генералы важно расхаживают по улицам, а за ними двигаются их приближенные; являются туда и судьи в своих носилках, и тоже со свитой. В Акве Сулис можно встретить предсказателей, ювелиров, купцов, философов, продавцов перьев, ультраримских британцев и ультрабританских римлян, мирных представителей диких племен, притворяющихся цивилизованными еврейских проповедников и... о, всех интересных людей. Мы, молодежь, конечно, не занимались политикой. Мы не страдали подагрой и в Акве Сулис было много наших ровесников, так что мы не скучали.

Мы, ни о чем не думая, развлекались и веселились; между тем моя сестра познакомилась с сыном одного западного судьи и через год стала его женой. Мой младший брат, всегда очень интересовавшийся растениями и корнями, встретился с главным доктором легиона из города легионов и решил сделаться военным медиком. Я считаю, что это занятие не годится для благородно рожденного человека, но... я не мой брат. Он отправился изучать медицину в Рим и теперь первый медик египетского легиона, кажется, в Антиное; я уже довольно долго не имел от него известий.

Мой старший брат столкнулся с греческим «философом» и сказал нашему отцу, что ему хочется быть землевладельцем и поселиться на ферме вместе со своим философом.

– Видишь ли, – сказал молодой центурион, и его глаза заискрились, – у философа моего брата были длинные прелестные волосы.

– А я думала, что все философы лысые, – заметила Уна.

– Нет. «Она» была очень хороша собой; я не осуждаю его. Напротив, решение моего старшего брата мне понравилось, потому что сам я стремился поступить в армию. Я вечно опасался, что мне придется остаться дома и заботиться о нашем имении, а что мой брат возьмет себе вот «это», – центурион поколотил пальцами по своему большому блестящему щиту.

– Таким образом, все мы были довольны, я говорю о нас, молодежи, и спокойно поехали обратно в Клаузентум. Когда мы вернулись домой, Аглая, наша гувернантка, сразу увидела, что с нами произошло. Я помню, как она стояла в дверях, держа факел над своей головой, пока мы поднимались по тропинке между утесами. «Ай-ай, – сказала она. – Детьми вы простились со мной, возвращаетесь же – взрослыми». – Сказав это, она поцеловала нашу матушку, матушка заплакала. Таким образом, пребывание на водах определило судьбу каждого из нас, маленькая девушка.

Центурион поднялся на ноги и, опираясь на свой щит, прислушался.

– Кажется, идет Ден, мой брат, – сказала Уна.

– Да, и с ним фавн, – ответил молодой человек, когда Ден и Пек выбрались из чащи ветвей.

– Мы пришли бы раньше, – громко произнес Пек, – но красоты твоего родного языка, Парнезий, связали этого юного гражданина.

Парнезий продолжал смотреть изумленным взглядом, даже когда Уна объяснила ему:

– Ден неправильно написал слово «dominus», а когда мисс Блек заметила ему, что он ошибается, он стал ее уверять, что ему казалось, будто она говорит об игре в домино. Вот ему и пришлось дважды переписать упражнения. Понимаете, в наказание.

Ден задыхался, ему было жарко.

– Я почти всю дорогу бежал, – отдуваясь, прошептал он, – потом встретил Пека. Как вы поживаете, сэр?

– Хорошо, – ответил Парнезий. – Смотри, я постарался согнуть лук Улисса, но... – он показал мальчику свой большой палец.

– Мне очень жаль. Вероятно, вы слишком рано отпустили резину, – заметил Ден. – А знаете, Пек уверял меня, что вы рассказываете Уне какую-то интересную историю.

– Продолжай, о Парнезий, – произнес Пек, усевшись на сухой ветке старого бука. – Я буду твоим хором. Очень он удивил тебя, Уна?

– Ни чуточки, я только не знаю, где Ак... какой «Ак» и что-то еще.

– А! Акве Сулис? Это воды, где делают чудные булочки. Пусть же герой сам расскажет свою историю.

Парнезий притворился, будто он сейчас бросит копьё в ногу Пека, но тот наклонился, схватил лошадиный хвост, прикрепленный к шлему центуриона, и стащил с головы Парнезия эту блестящую каску.

– Благодарю, шутник, – произнес воин, покачивая своей темной курчавой головой. – Так мне прохладнее. Теперь повесь его.

– Я рассказывал твоей сестре, как поступил в армию, – обратился Парнезий к Дену.

– Вам пришлось держать экзамен? – живо спросил его Ден.

– Нет. Я просто пошел к отцу и сказал, что мне хочется поступить в дакийскую конницу; я видел дакийских кавалеристов в Акве Сулис, но отец посоветовал мне начать службу в регулярном римском легионе. Надо сказать, что я, как и многие из наших молодых людей, недолюбливал все римское. Рожденные в Риме офицеры и чиновники гражданской службы смотрели на нас, уроженцев Британии, как на низшую расу, как на варваров. Я это сказал отцу.

– Знаю, что ты говоришь правду, – ответил он, – только помни, что в конце концов мы – люди старинного рода и обязаны служить империи.

– Которой? – спросил я. – Еще до моего рождения мы раскололи нашего орла.

– Что это за воровские речи? – заметил отец. Он ненавидел условный школьный язык.

– Я хотел сказать, господин мой, – продолжал я, – что у нас один император в Риме и уж не знаю, сколько императоров в отдаленных провинциях. За которым должен я идти?

– За Грацианом, – ответил отец. – Он, по крайней мере, человек отважный и благородный.

- Да, да, – проговорил я, – но он превратил себя в скифа, поедающего сырое бычье мясо.
- Где ты это слышал? – спросил меня отец.
- На водах, – произнес я.

Действительно, это была правда. Наш драгоценный император Грациан окружил себя скифскими телохранителями, одетыми в звериные шкуры, и до того восхищался ими, что стал носить их одежду. Подумайте, это в Риме-то! Также плохо было бы, если бы мой собственный отец раскрасил себя синей краской.

– Что за важность – платье, – заметил отец, – платье еще не велика беда. Все это началось раньше вашего времени и раньше моего. Рим забыл своих богов и должен понести наказание. Великая война с раскрашенным народом началась в год уничтожения храмов наших богов. Мы победили раскрашенный народ в тот год, когда храмы были снова возведены. Вернемся еще дальше назад...

Тут он вспомнил время Диоклетиана, и если верить ему, следовало бы думать, что сам вечный Рим был на краю разрушения только потому, что некоторые люди приобрели широкие взгляды.

Я ничего об этом не знал. Аглая не учила нас истории нашей страны. Ее ум занимали только древние греки.

– У Рима нет надежды, – в заключение произнес отец. – Он позабыл своих богов; но если боги простят нас, живущих здесь, мы, может быть, спасем Британию. С этой целью мы должны сдерживать раскрашенный народ. Вот потому-то я, как отец, говорю тебе, Парнезий, что раз твое сердце склоняется к военной службе – твое место с мужчинами на стене, а не с женщинами в городах.

- На какой стене? – в один голос спросили Ден и Уна.

– Отец говорил о стене, которую мы называем стеной Адриана. Позже я расскажу вам о ней. В очень отдаленные времена она была выстроена поперек северной Британии, чтобы удерживать раскрашенный народ... который вы называете племенем пиктов. Отец принимал участие в великой пиктской войне, в борьбе, продолжавшейся более двадцати лет, и знал, что значит биться.

Один из наших великих полководцев, Феодосий, преследовал этих мелких зверенышей далеко на севере; это было еще до моего рождения; на Вектисе мы, понятно, не думали о них. Но, когда мой отец высказал все, о чем я передал вам, я поцеловал его руку и приготовился последовать его приказаниям. Мы, римляне, рожденные в Британии, умели почитать наших родителей.

- Если бы я поцеловал папе руку, он рассмеялся бы, – сказал Ден.

– Обычаи меняются; однако, если человек не повинуется своему отцу, боги помнят его проступок. Можешь быть вполне уверен в этом.

После нашего разговора, видя, что мои намерения серьезны, отец послал меня в Клаунзум, где я мог изучить обязанности пехотинца в бараке, полном чужестранцев. Это была немытая, небритая чернь, скопище варваров. Для того чтобы составить из них что-либо вроде стройных рядов, их приходилось бить палкой в грудь, а щитом в лицо. Когда я научился своему делу, инструктор дал мне горсть (что за горсть это была!) галлов и иберийцев, поручив мне отполировать этих неучей в такой мере, чтобы их можно было отослать на север. Я старался изо всех сил; раз ночью загорелась пригородная вилла, и раньше, чем явились другие войска, мои люди уже работали. Я заметил стоявшего на дороге и опиравшегося на палку человека со спокойным лицом. Он наблюдал, как мы передавали из рук в руки ведра, полные воды, зачерпнутой из пруда, и, наконец, спросил меня: «Кто ты?»

- Подготавливающийся, ожидаю назначения, – ответил я, не зная, кто говорит со мной.
- Уроженец Британии? – продолжал он расспрашивать.

– Да, если вы уроженец Испании, – ответил я (и точно, говоря, он ржал, как иберийский мул).

– А как тебя зовут дома? – со смехом спросил незнакомец.

– Зависит от обстоятельств, – ответил я. – Иногда одним именем, иногда – другим. Но в данную минуту я занят.

До тех пор пока мы не спасли фамильных богов (это было порядочное семейство), он больше не сказал ни слова, но наконец проворчал:

– Слушай, юноша то с одним, то с другим именем. В будущем называйся центурионом седьмой когорты тридцатого легиона *Ulpia Victris*. Это поможет мне запомнить тебя. Твой отец и еще другие люди называют меня Максимом.

Он бросил мне отполированную палку, на которую опирался, и ушел. Я до того был поражен, что едва не свалился на землю.

– Кто же это был? – спросил Ден.

– Кто? Сам Максим, наш великий полководец, главный генерал Британии, который во время пиктской войны служил правой рукой Феодосия.⁷ Он не только сразу дал мне жезл центуриона, но и подвинул на три ступени. Нововступивший, обыкновенно, начинает в десятой когорте своего легиона и постепенно подвигается вперед.

– Вы были довольны? – спросила Уна.

– Очень, и решил, что Максим выбрал меня за мою внушительную наружность и за прекрасную маршировку, но когда я вернулся домой, отец сказал мне, что во время войны с пиктами он служил под командой Максима и просил его обласкать меня.

– Ты был тогда мальчик, – заметил Пек.

– Да, – согласился Парнезий. – Но не ропщи на меня за это, фавн. Боги знают, что позже я отказался от игр.

Пек кивнул головой и положил свой коричневый подбородок на коричневую ладонь, и его большие глаза стали неподвижны.

– Вечером перед моим отъездом из дому мы принесли жертву предкам – это было простое, обычное домашнее жертвоприношение, но никогда в жизни я так жарко не молился добрым теням; потом мы с отцом на лодке отправились в Регнум и через меловые залежи на восток в Андериду, вот там.

– Регнум? Андериды? – Дети посмотрели на Пека.

– Чичестер – Регнум, – сказал он, указывая в сторону Вишневого холма; потом через плечо указал на юг и прибавил: – Певнсей – Андериды.

– Опять Певнсей, – сказал Ден, – то место, к которому пристал Виланд?

– Виланд и некоторые другие, – сказал Пек. – Певнсей не молод, даже в сравнении со мной.

– Тридцатый легион летом квартировал в Андериде, моя же собственная когорта, седьмая, располагалась севернее, на стене. Максим инспектировал наши вспомогательные силы в Андериде и не расставался с нами; он был очень дружен с моим отцом. Я пробыл там всего десять дней; после этого мне приказали с тридцатью воинами отправиться к моей когорте. – Он весело засмеялся. – Человек никогда не забывает первого перехода с отрядом. Когда я провел мою горсть людей через северные ворота лагеря, я чувствовал себя счастливее любого императора; мы салютовали страже и алтарю победы.

– Как? Каким образом? – в один голос спросили Ден и Уна.

Парнезий улыбнулся, выпрямился во весь рост, и его кольчуга так и засверкала на солнце.

⁷ Полководец Феодосий, восстановивший в Британии римское господство; его сын, император Феодосий Великий (Максим), самовольно провозгласил себя императором Британии и Галлии. – Примеч. пер.

– Вот так, – сказал он и медленно выполнил прекрасные движения римского салюта, который заканчивается глухим звоном щита, возвращающегося на свое место между плечами.

– О, – сказал Пек, – об этом стоит подумать!

– Мы отправились в полном вооружении, – снова опускаясь на землю, сказал Парнезий, – но едва дошли до большого леса, мои люди остановились, желая дождаться вьючных лошадей, чтобы повесить на них свои щиты. «Нет, – сказал я, – в Андериде можете одеваться в женское платье, но, пока вы со мной, вы должны нести на себе ваше оружие и доспехи».

– Но так жарко, – сказал один из них, – а с нами нет доктора. Что, если кого-нибудь поразит солнечный удар или у кого-либо начнется приступ лихорадки?

– Пусть тот и умрет, – ответил я, – и избавит от себя Рим. Поднимите щиты, поднимите копья, подтяните щитки на ногах.

– Не воображай себя уже императором Британии! – крикнул один малый. Я сбил его с ног тупым концом моего копья и объяснил этим рожденным в Риме римлянам, что, если повторится что-нибудь подобное, мы оставим на дороге одного человека. Клянусь светом солнца, я исполнил бы свою угрозу. Мои необученные галлы в Клаузентуме никогда не говорили со мной таким образом.

В эту минуту из еловой чащи спокойно, как облако, выехал Максим, а за ним показался мой отец; оба остановились поперек дороги. На Максиме был пурпур, точно он уже сделался императором.

Мои воины пали ниц, как... как куропатки.

Некоторое время он не произносил ни слова, только смотрел на них хмурыми глазами; потом согнул крючком палец; они отошли, вернее, отползли в сторону.

– Станьте на солнце, дети, – сказал Максим; они выстроились на дороге.

– Что сделал бы ты, если бы меня здесь не было? – спросил он меня.

– Я убил бы непослушного человека, – был мой ответ.

– Так убей же его теперь, – сказал Максим. – Он не шевельнет ни рукой, ни ногой.

– Нет, – ответил я. – Ты принял команду над моими людьми. Если бы я убил его теперь, я сделался бы только твоим мясником. Понимаешь ты, что хотел я сказать? – спросил Парнезий, обращаясь к Дену.

– Да, – сказал Ден. – Это было бы дурно.

– Именно так я и думал, – произнес Парнезий. – Но Максим нахмурил брови. «Ты никогда не станешь императором, даже и генералом не будешь», – заметил он.

Я молчал; мой же отец, казалось, был доволен.

– Я здесь, чтобы в последний раз взглянуть на тебя, – сказал он мне.

– Ну, теперь ты его видел, – проговорил Максим, – твой сын никогда больше не понадобится мне. Он будет жить и умрет офицером легиона, а мог бы сделаться префектом одной из моих провинций. Теперь поешь и выпей с нами, – прибавил он, обращаясь ко мне. – Твои воины подождут.

Мои жалкие тридцать солдат стояли, точно винные мехи, блестящие на солнце; Максим провел нас к тому месту, где его люди приготовили для нас закуску, и сам смешал вино с водой.

– Через год, – сказал он, – ты вспомнишь, что ужинал вместе с императором Британии и Галлии.

– Да, – произнес мой отец, – ты в состоянии управлять двумя мулами, Британией и Галлией.

– А через пять лет вспомнишь, – продолжал Максим, передавая мне кубок с напитком, – что ты пил с императором Рима.

– Нет, – сказал мой отец, – тремя мулами ты править не в силах: они разорвут тебя на части.

– И ты будешь хныкать на своей стене, потому что твое понятие о справедливости было тебе дороже милости императора Рима.

Я ничего не говорил. Нельзя отвечать военачальнику, носящему пурпур.

– Я на тебя не сержусь, – продолжал Максим, – я слишком многим обязан твоему отцу.

– Ты мне ничем не обязан, – ответил мой отец, – я только давал тебе советы, которые ты никогда не принимал.

– Слишком обязан твоему отцу и потому не буду несправедлив к кому-либо из его семьи. Поистине, скажу, из тебя мог бы выйти хороший трибун, но я считаю, что тебе суждено жить и умереть среди зарослей вереска на стене.

– Очень возможно, – заметил мой отец. – Однако очень скоро пикты и их союзники прорвутся за стену. Ты не можешь увести из Британии все войска, чтобы они помогли тебе стать императором, и воображать, будто север останется спокоен.

– Я следую велениям моей судьбы, – сказал Максим.

– Ну и следуй, – произнес мой отец, вырывая из земли корень елочки, – и умри, как Феодосий.

– А, – произнес Максим, – мой старый генерал погиб, потому что слишком хорошо служил империи. Может быть, меня тоже убьют, но совсем не из-за этого, – и он улыбнулся бледной, холодной улыбкой, от которой у меня кровь застыла в жилах.

– В таком случае, мне лучше следовать велениям моей судьбы, – ответил я, – и отвести моих людей к стене.

Максим посмотрел на меня и наклонил голову скользящим движением, как испанец.

– Следуй судьбе, мальчик, – сказал он.

На этом разговор закончился. Я был рад уйти, хотя мне хотелось дать отцу много поручений к нашим домашним. Я вернулся к моим воинам и нашел их там, где оставил; они даже не пошевелили ногами в пыли. Мы ушли; мне все вспоминалась ужасная улыбка Максима, от которой по моей спине бежал холод, точно от восточного ветра. До заката я не делал привала, – центурион повернулся и взглянул на Холм Пека, – наконец, остановился вон там. – Он указал на обрывистый, покрытый папоротником склон холма около кузницы, за домом старого Хобдена.

– Вон там? Это старая кузница, в ней когда-то ковали железо, – проговорил Ден.

– Вот именно, – спокойно произнес Парнезий. – В кузнице мы поправили три наплечника и приковали один наконечник копья. Одноглазый кузнец из Карфагена арендовал эту кузницу у правительства. Помню, мы называли его Циклопом. Он еще продал мне коврик из бобрового меха для комнаты моей сестры.

– Но это не могло быть здесь, – настаивал Ден.

– Повторяю – было. От алтаря славы в Андериде до первой кузницы в лесу двенадцать миль семьсот шагов. Все это записано в дорожной книге. Поверь, человек не забывает своего первого перехода с отрядом. Мне кажется, я могу обозначить тебе все наши остановки между этим местом и... – он наклонился вперед. Как раз в это самое мгновение луч заходящего солнца ударил прямо ему в глаза. Солнце дошло до вершины Вишневого холма, и его свет лился между стволами деревьев, так что в гуще далекого леса можно было видеть красные, золотые оттенки и глубокую черную тень. Парнезий в своей броне блестел, точно пылая огнем.

– Подождите, – сказал он, подняв руку, и свет солнца заиграл на его стеклянном браслете. – Подождите, я молюсь Митре.

Он поднялся на ноги и, протянув свои руки к западу, стал произносить красиво звучащие слова.

Скоро запел и Пек, его голос походил на печальный звон колоколов. Не прерывая песни, он соскочил с ветки большого дерева и знаком позвал за собой детей. Они повиновались; им чудилось, будто эти магические голоса подталкивали их. Залитые золотисто-коричневым

светом, который играл на листьях буков, они медленно двигались; Пек, шагавший между ними, пел песню с латинскими словами.

Вот они подошли к маленькой закрытой калитке в ограде леса.

Не прерывая пения, Пек взял Дена за руку и повернул его: мальчик очутился лицом к лицу с Уной, выходившей из калитки в плетеном тыне. Калитка закрылась за нею, в ту же самую минуту Пек бросил на головы детей усыпляющие память листья дуба, тиса и терновника.

– Как ты поздно, – сказала Уна. – Разве ты не мог прийти раньше?

– Я давно ушел, – ответил Ден. – Давно, но... но не знал, что уже так поздно. Где же ты была?

– На большом холме, на большом дереве и ждала тебя.

– Прости меня, – извинился Ден, – но виновата эта ужасная латынь.

На большой стене

Дети стояли подле калитки в далекий лес, когда услышали веселый голос, певший песню о Риме. Не говоря ни слова, они кинулись к своей любимой лазейке, пробрались сквозь чащу и чуть не натолкнулись на сойку, которая что-то клевала из руки Пека.

– Осторожнее, – сказал Пек. – Что вы ищете?

– Конечно, Парнезия, – ответил Ден. – Мы только вчера вспомнили о нем. Как это нехорошо с твоей стороны.

Поднимаясь на ноги, Пек слегка засмеялся.

– Извиняюсь, но детям, которые провели со мной и с центурионом римского легиона чуть ли не целый день, нужна была успокоительная доза волшебства перед чаем, который они собирались пить со своей гувернанткой. Оге! Парнезий! – закричал Пек.

– Я здесь, фавн, – послышался ответ с холма. И дети заметили мерцание бронзовой брони между могучими ветвями бука и дружелюбное сияние большого приподнятого щита.

– Я победил британцев, – сказал Парнезий и засмеялся, как мальчик. – Я занял их высокие укрепления. Но Рим милосерден. Вы, британцы, можете подняться сюда.

Все трое скоро очутились подле Волатерре.

– Что за песню пели вы недавно? – усевшись, спросила центуриона Уна.

– А! Это одна из песен, которые рождаются повсюду в империи. Они, как болезнь, шесть месяцев в году расхаживают по всей стране, пока другая не понравится легионам, тогда воины начинают маршировать под звуки этой другой.

– Расскажи им о твоих переходах, Парнезий. В нынешние времена немногие проходят через эту страну от одного ее края до другого, – проговорил Пек.

– Тем хуже. Нет ничего лучше большого перехода, конечно, для того, чьи ноги уже успели закалиться. Пускаешься в путь, едва поднимутся туманы; останавливаешься приблизительно через час после заката солнца.

– А что вы едите? – быстро спросил Ден.

– Жирную свиную грудинку, бобы, хлеб, пьем вино, если оно есть в домах, где мы останавливаемся. Но солдаты всегда недовольны. В первый же день перехода мои подчиненные стали жаловаться на нашу британскую рожь, измолотую водой. Они уверяли, что она менее питательна, нежели зерна, смолотые на римских мельницах, приводимых в действие волами. Тем не менее им пришлось принести себе нашу муку и съесть ее.

– Принести? Откуда? – спросила Уна.

– С этой вновь изобретенной водяной мельницы, ниже кузницы.

– Да ведь это кузничная мельница, наша мельница, – сказала Уна и взглянула на Пека.

– Да, ваша, – заметил Пек. – А как ты думаешь, сколько ей лет?

– Не знаю. Кажется, сэр Ричард Даллинггридж говорил о ней?

– Да, говорил, и в его дни она уже была старой, – ответил Пек. – При нем ей было несколько сотен лет.

– При мне она была новая, – сказал Парнезий. – Мои люди смотрели на муку, наполнявшую их шлемы, точно на гнездо ехидн. Они жестоко испытывали мое терпение. Но я обратился к ним с речью, и мы стали друзьями. Говоря по правде, они научили меня римской маршировке. Видите ли, я служил только с быстроходными «вспомогателями». Легион же двигается совершенно иначе, большими медленными шагами, которые не изменяются от восхода до заката солнца. Тише едешь, дальше будешь, так говорит пословица. Двадцать четыре мили за восемь часов, ни больше, ни меньше. Голова и копье подняты; щит на спине; ворот кирасы открыт на ширину ладони; так проносят орлов через Британию.

– И у вас были какие-нибудь приключения? – спросил Ден.

– Южнее стены никогда ничего не случается, – ответил Парнезий. – Мне только пришлось явиться к судье, там, на севере, когда один странствующий философ осмеял римских орлов. К счастью, я сумел доказать, что этот старик умышленно загородил нам дорогу, и судья сказал ему (кажется, прочитав это в своей большой книге), что, каковы бы ни были его боги, он обязан оказывать цезарю уважение.

– А что вы делали потом? – спросил Ден.

– Двинулся дальше. Зачем было мне заботиться о подобных вещах? Я думал только, как бы достигнуть указанного мне поста. Переход занял двадцать дней.

Понятно, чем дальше продвигаешься на север, тем безлюднее делаются дороги. Наконец, выходишь из лесов, поднимаешься на обнаженные горы, где в развалинах наших разрушенных городов воют волки. Не было там красавиц; не встречалось мне больше веселых судей, в молодости знавших моего отца; не слышали мы также интересных новостей в храмах и харчевнях; нам рассказывали только о диких зверях. В этой глуши часто встречаешь охотников и ловцов животных для цирков, которые водят с собой закованных медведей и волков в намордниках. Лошади их боятся; солдаты смеются.

Вместо вилл, окруженных садами, попадаются укрепления со сторожевыми башнями из серого камня и просторные овечьи дворы с крепкими каменными оградами, охраняемые вооруженными британцами с северного берега. Среди обнаженных гор, там, за обнаженными дюнами, где тучи играют, точно несущаяся кавалерия, видишь клубы черного дыма из копей. Все еще тянется твердая дорога; ветер поет, пролетая через перья шлема; путь ведет мимо алтарей, воздвигнутых легионами в честь позабытых генералов; мимо разбитых статуй богов и героев; мимо тысяч могил, из-за которых выглядывают горные лисицы и зайцы. Эта огромная лиловая область вереска, испещренного камнями, раскаляется летом, замерзает зимой.

И как раз в то время, когда начинаешь думать, что перед тобой конец мира, замечаешь дым; он тянется от востока к западу насколько хватает зрения, а под ним, тоже насколько видит глаз, виднеются дома, храмы, лавки и театры, бараки и овины, позади же них то поднимается, то падает, то опускается, то показывается ряд башен. Это стена.

– Ах!.. – еле переводя дыхание, в один голос сказали дети.

– Можете удивляться, – заметил Парнезий. – Даже старики, которые чуть ли не с детства служили под орлами, говорят, что в империи нет ничего удивительнее стены, когда впервые ее видишь.

– И она только стена? Ограда? Вроде той, которая окружает наш фруктовый сад? – спросил Ден.

– Нет, нет; другой такой стены нет в мире. На ней – сторожевые башни; между ними – башни маленькие. Даже в самом узком ее месте по ней могут идти рядом трое людей со своими щитами. Маленькая ограда, всего до шеи человека, бежит по ее краю, так что издали видишь только, как шлемы часовых скользят вперед и назад, точно блестящие бусы. Стена имеет тридцать футов высоты; с пиктской стороны, то есть с северной, – ров, усеянный лезвиями старых мечей и наконечников копий, вделанных в древки, и соединенные цепями ободья колес. Низкорослые пикты приходят сюда красть железо для своих стрел.

Однако стена не диковиннее города, находящегося за нею. В прежние времена с южной стороны возвышались большие укрепления и рвы, и никому не позволялось в этом месте строить себе жилищ. В нынешнее время часть укреплений скрыта и заново выстроена от одного конца стены до другого; таким образом, вырос узкий город в восемьдесят миль длины. Только подумайте. Этот город полон рева, шума, петушиных боев, волчьих травлей, лошадиных скачек, и он тянется от Итуны на западе до Сегедунума на холодном восточном берегу. С одной стороны – вереск, леса и развалины, в которых прячутся пикты, с другой – огромный город, длинный, как змея, и злобный, как змея. Да, он совсем как змея, которая греется на солнце около горячей стены.

Мне сказали, что моя когорта стоит в квартале Гунно, в том месте, где большая дорога проходит в северную провинцию к острову Валенции.⁸ – Парнезий презрительно засмеялся. – Провинция! Подумаешь! Мы шли по дороге в Гунно и вдруг остановились, изумленные. Это место казалось ярмаркой, ярмаркой, полной людьми из всех уголков империи. Некоторые устраивали конские состязания; некоторые смотрели на травлю собак или медведей; очень многие, столпившись во рву, любовались петушиным боем. Юноша чуть-чуть постарше меня (я видел, что он офицер) остановил передо мной свою лошадь и спросил, что мне нужно.

– Найти место моей стоянки, – ответил я и показал ему щит. – Парнезий поднял свой широкий щит, на котором виднелось изображение трех букв, похожих на букву икс.

– Счастливое предвестие, – сказал он. – Твоя когорта в соседней башне с нашей; но все солдаты смотрят на петушиный бой. Это счастливое место. Пойдем, вспырнем орлов. – Это значило, что он предлагает мне выпить.

– Прежде я передам кому следует солдат, – ответил я. Я был рассержен и пристыжен.

– О, ты скоро отделаешься от этих детских понятий! – крикнул он. – Но все равно: я не хочу разрушать твоих надежд. Иди к статуе богини Рима. Тебе это необходимо. Это лучшая дорога на север. – Он засмеялся и уехал.

Не более как в четверти мили от себя я видел большую статую и пошел к ней. Большая дорога ведет на север и к Валенции, но она преграждена из-за пиктов, и кто-то там, под аркой, нацарапал слово «конец». Когда я достиг этого места, мне почудилось, что передо мной пещера. Я и мой маленький отряд в тридцать человек ударили все вместе в землю копьями; эхо прокатилось под сводами, но никто не вышел к нам. Скоро я заметил дверь с нашим номером. Мы вошли в нее. Я увидел спящего повара и приказал ему накормить нас; потом взобрался на гребень стены, взглянул на страну пиктов и, – прибавил Парнезий, – кирпичная арка со словом «конец» особенно подействовала на мое воображение и потрясла меня; ведь я был почти мальчик.

– Как это ужасно! – сказала Уна. – Но почувствовали ли вы себя лучше, после хорошего... – Ден остановил ее, подтолкнув локтем.

– Лучше? – спросил Парнезий. – Когда солдаты моей когорты вернулись с петушиного боя без шлемов, держа своих петухов под мышками, и спросили меня, кто я, был ли я счастлив? Нет, но я заставил и мою новую когарту почувствовать себя несчастной... Моей матери я написал, что счастлив, однако, мои друзья, – он вытянул руки на своих обнаженных коленях, – я не пожелал бы худшему врагу страдать так, как я страдал в течение первых месяцев жизни на стене. Подумайте, в числе офицеров вряд ли был хоть один, кроме меня (как я думал, потерявшего милость моего генерала), вряд ли один, не сделавший чего-нибудь дурного или безумного. Один убил человека, другой украл деньги, третий оскорбил богов или обидел высоких сановников, а потому был послан на стену, в это убежище от позора и страха. Солдаты оказались не лучше офицеров. Кроме того, стену наполняли представители всех племен и народностей империи. Не находилось двух башен, в которых люди говорили бы на одном и том же наречии или поклонялись бы одним и тем же богам. В одном отношении только между всеми нами царило равенство. Какое бы оружие мы ни носили до появления в этом месте, на стене мы превратились в лучников, точно скифы. Пикт не может убежать от стрелы или проползти под ней. Он сам лучник. Он знает.

– Вероятно, вы все время сражались с пиктами? – заметил Ден.

– Пикты сражаются редко. Около полугода я не видел ни одного воюющего пикта. Мирные пикты сказали нам, что все они ушли на север.

– Что значит мирный пикт? – спросил Ден.

⁸ Остров близ юго-западного берега Ирландии (Валенция – Valentia). – Примеч. пер.

– Это такой пикт (их было много), который умеет сказать несколько слов на нашем языке и перебирается через стену, чтобы продать лошадь или собаку-волкодава. Без лошади, собаки и друга человек погиб бы на стене. Боги даровали мне все эти три дара, а нет дара лучше дружбы. Вспомни об этом, – Парнезий обратился к Дену, – когда сделаешься взрослым молодым человеком. Твоя судьба зависит от твоего первого истинного друга.

– Он хочет сказать, – улыбаясь, заметил Пек, – что, желая быть порядочным малым, ты должен в юности приобрести хороших друзей. Но если в ранней молодости ты сам будешь поступать низко, у тебя будут низкие друзья. Прислушайся к словам о дружбе, которые говорит благочестивый Парнезий.

– Я совсем не благочестив, – ответил Парнезий. – Но знаю, что значит быть хорошим человеком, и хотя мой друг не имел надежды на счастливое будущее, он был в десять раз лучше меня. Не смейся же, фавн.

– О, вечная юность, верующая всему! – крикнул Пек, качаясь на высокой ветке бука. – Расскажи же им о твоём Пертинаксе.

– Это был посланный мне богами друг. Я говорю о первом юноше, который заговорил со мною. Он был немного старше меня и командовал когортой Августы Виктории в башне между нашей и нумидийской. По совести, он был гораздо лучше меня.

– Почему же он служил на стене? – быстро спросила Уна. – Ведь все они сделали что-нибудь дурное? Вы сами сказали это.

– Его отец умер; он был племянником очень знатного и богатого человека, не всегда добро относившегося к его матери. Когда Пертинакс вырос, он узнал это; тогда его дядя хитростью и силой отправил его к стене. Мы познакомились во время одной церемонии в нашем храме... в темноте. Это было во время убиения быка, – объяснил Парнезий Пеку.

– Знаю, – сказал Пек, он повернулся к детям и прибавил: – Вы не вполне поймете это, – сказал он. – Парнезий говорит, что он встретил Пертинакса в храме.

– Да, мы впервые встретились в подземелье, и оба получили звание грифонов. – Парнезий коснулся рукой своей шеи. – Пертинакс уже два года пробыл на стене и хорошо знал пиктов. Прежде всего он познакомил меня с обычаем «носить на себе вереск».

– Я не понимаю, что это значит, – проговорил Ден.

– Научил охотиться в стране пиктов вместе с тихим пиктом. Пока человек остается гостем такого пикта и носит на себе ветку вереска, этот человек в полной безопасности. Если бы кто-нибудь, не пикт, отправился в заросли один, он, конечно, погиб бы от стрел, а, может быть, раньше утонул бы в трясине. Только одни пикты умеют находить дорогу через эти черные, скрытые топи. Самым большим нашим другом был старый одноглазый Алло, иссохший пикт, у которого мы купили наших лошадей. Сперва мы уходили в низины, только чтобы вырваться из ужасного города и поговорить о родине. Позже Алло научил нас охотиться на волков, на больших рыжих оленей, широкие рога которых похожи на еврейские подсвечники. Прирожденные римские офицеры из-за этого смотрели на нас сверху вниз, но мы предпочитали вересковые заросли их развлечениям. Поверь мне, – Парнезий снова обратился к Дену, – ничто истинно дурное не пристанет к юноше, когда он сидит на лошади или преследует оленя. Помнишь ли ты, о фавн, – он повернулся к Пеку, – тот маленький алтарь, который я выстроил Сильвану Пану на окраине соснового леса за ручьем?

– Который? Камень с изречением из сочинений Ксенофонта? – совсем новым голосом спросил Пек.

– Нет, что я знаю о Ксенофонте? Тот алтарь сложил Пертинакс после того, как он случайно застрелил стрелой первого горного зайца. Я сделал свой алтарь из круглых валунов в память моего первого медведя. Эта постройка заняла целый день; как мне было хорошо! – Парнезий быстро взглянул на детей.

– Вот так-то мы прожили два года на стене; маленькие стычки с пиктами, частые охоты со старым Алло в стране пиктов заполняли все наше время. Иногда старик называл нас своими детьми. Мы очень любили его и его варваров; однако никогда не позволяли им раскрасить нас по-пиктски. Следы их красок остаются до самой смерти.

– А как это делалось? – спросил Ден. – Это было что-нибудь вроде татуирования?

– Они сжимают кожу так, что выступает кровь, и тогда втирают в нее цветные соки. Ото лба до щиколоток Алло был выкрашен в синюю, зеленую и красную краски. Он нам сказал, что раскрашивание составляет часть его религии. Наш старик много говорил нам о пиктских верованиях (Пертинакс очень интересовался подобными вещами) и, когда мы близко познакомились с ним, стал нам сообщать, что происходит в Британии за стеной. В те дни происходило много событий. И, клянусь светом солнца, – серьезно произнес Парнезий, – мелкий народ знал почти все. Когда Максим провозгласил себя императором Британии и переправился в Галлию, Алло сказал мне об этом; сказал также, какие войска и каких переселенцев взял с собою наш новый повелитель. Другими путями вести приходили к стене через две недели. Алло сообщал мне также, какие войска брал Максим из Британии каждый месяц, чтобы они помогали ему покорить Галлию; позже я узнавал, что старый пикт правильно называл мне когорты. Изумительно! И я расскажу вам еще одну удивительную вещь.

Центурион сложил руки на своих коленях и прислонил голову к изгибу щита, который был позади него.

– Осенью, когда начались первые морозы и пикты убили своих пчел, мы трое отправились за волком с нашими новыми собаками. Наш генерал, Рутильян, дал нам десятидневный отпуск, и мы уехали за вторую стену – в более высокие горы, где нет даже старинных римских развалин. Еще до полудня мы убили волчицу, и, снимая с нее шкуру, Алло поднял голову и сказал мне:

– Когда ты будешь капитаном стены, мое дитя, тебе не придется охотиться на волков.

С таким же успехом я мог надеяться получить место префекта Нижней Галлии, а потому засмеялся и сказал: «Вот погоди, когда я сделаюсь капитаном».

– Незачем ждать, – сказал Алло. – Оба послушайте моего совета и отправляйтесь домой.

– У нас нет домов, – заметил Пертинакс. – Ты сам отлично знаешь это. Мы конченные люди; для нас обоих большой палец опустился к земле. Только люди, не имеющие надежды, решились бы подвергать себя опасности, садясь на ваших диких лошадей.

Старик засмеялся обычным коротким смехом пиктов – так лисица лает в морозную ночь.

– Я люблю вас обоих, – сказал он. – Кроме того, я научил вас немногому, что нам известно об охоте. Послушайте же моего совета, отправляйтесь домой.

– Нельзя, – сказал я. – Во-первых, я потерял расположение моего генерала; во-вторых, у Пертинакса есть дядя.

– Я ничего не знаю о дяде Пертинакса, – сказал Алло, – но дело в том, Парнезий, что твой генерал хорошего мнения о тебе.

– О, – произнес Пертинакс, – как ты можешь знать, что думает Максим, ты, старый лошадиный барышник?

Как раз в эту минуту (вы знаете, как близко подползают дикие звери, когда люди едят) большой волк выскочил из кустов и помчался от нас; за ним бросились наши собаки; мы – за ними. Волк завел нас далеко, в такие места, о которых мы никогда не слыхивали; он бежал все прямо, как стрела, до самого заката и в сторону заката. Наконец, мы увидели мысы, далеко вдающиеся в извилистые воды, и под нами внизу разглядели корабли, вытасенные на серую отмель. Мы насчитали сорок семь судов; это были не римские галеры, а корабли с крыльями воронов, которые пришли с севера из не подчиненной владычеству Рима области. На кораблях двигались люди; солнце вспыхивало на их крылатых шлемах, а эти крылатые шлемы сидели на головах рыжеволосых воинов из северной свободной страны. Мы смотрели; мы считали;

мы удивлялись, так как, хотя до нас и доходили слухи об этих «крылатых шапках», как их называли пикты, мы никогда не видели их.

– Прочь, прочь! – сказал Алло. – Мой вереск не защитит вас здесь. Нас всех убьют. Нас всех убьют. – Ноги его дрожали, голос тоже. Мы двинулись обратно, крались по вереску, при свете месяца; крались почти до утра; наконец, наши бедные лошади чуть не упали в каких-то развалинах.

Когда мы проснулись с онемевшими членами, Алло мешал муку с водой. В стране пиктов костры зажигают только близ деревень. Эти маленькие люди всегда подают друг другу знаки дымом, и чужой дым заставляет их стремиться к нему, как рой жужжащих пчел. И они умеют жалить.

– Вчера вечером мы видели только торговую пристань, – заметил Алло. – Не что иное, как торговую пристань.

– Я не люблю лжи на пустой желудок, – заметил Пертинакс. – Мне кажется (у него были зоркие орлиные глаза), мне кажется, вон там тоже торговая пристань? А?

Он указал на дым, курившийся над далеким холмом, поднимаясь, как мы говорили, «пиктскими призывами», то есть так: пух, два раза пух; еще два раза пух; потом пух. Пикты это делают, то прикрывая костер намоченной кожей, то поднимая ее; тогда дым то идет к небу клубами, то перестает подниматься.

– Нет, – сказал Алло, – дым курится ради вас и ради меня. Вы обречены. Едемте.

Мы двинулись. Раз возьмешь вереск, приходится повиноваться своему пикту; однако противный дым поднимался на расстоянии двадцати миль от нас, там, далеко на восточном берегу; и стоял несносно знойный день.

– Что бы ни случилось, – сказал Алло в то время, как наши лошадки тихо ржали, – помните обо мне.

– Я-то тебя никогда не забуду, – сказал Пертинакс. – Ты лишил меня завтрака.

– Что значит для римлянина пригоршня смолотого овса? – ответил ему Алло и засмеялся своим смехом, не похожим на смех. – Что сделали бы вы, если бы были пригоршней овса, раздавленной между верхним и нижним жерновами мельницы?

– Я Пертинакс, а не разгадчик загадок, – ответил Пертинакс.

– Ты глупец, – сказал Алло. – Вашим богам и моим богам угрожают чужестранные боже-ства, и нам остается только смеяться.

– Люди, которым грозят, всегда живут долго, – заметил я.

– Прошу богов, чтобы это оказалось справедливым, – пробормотал пикт. – Но, повторяю, не забывают меня.

Мы поднялись на последний раскаленный холм и взглянули на восточное море, блестящее в трех-четыре мили от нас. Там на якоре стояла маленькая парусная галера, выстроенная по образцу судов Северной Галлии; ее переходный мостик был опущен, парус поднят до половины мачты; а как раз у подножия нашей горы, один, держа свою лошадь в поводу, сидел Максим, император Британии. Он был одет в охотничье платье и опирался на небольшую палку, но я узнал его спину и сказал об этом Пертинаксу.

– Ты еще безумнее старика Алло, – сказал мой друг. – На тебя подействовало солнце.

Максим не двигался, пока мы не очутились перед ним; тогда он оглядел меня с головы до ног и сказал:

– Ты опять голоден? Кажется, судьба повелевает мне при каждой нашей встрече угощать тебя. Со мной пища. Алло приготовит ее.

– Нет, – возразил старый пикт. – Принц в своей собственной стране не прислуживает странствующим императорам. Я угощал моих детей, не спрашивая твоего позволения.

Тем не менее он начал раздувать золу.

– Я ошибся, – проговорил Пертинакс. – Мы все сошли с ума. Говори же, о безумец, называемый императором.

Максим улыбнулся своей ужасной улыбкой со сжатыми губами; однако, прожив два года на стене, человек перестает бояться выражения лица. Поэтому я не испугался.

– Я хотел, чтобы ты, Парнезий, жил и умер центурионом на стене, – сказал Максим. – Однако, судя вот по этому, – он поискал что-то за пазухой своей одежды, – ты умеешь думать и рисовать. – Максим вынул свиток писем, которые я писал моим близким; там было множество рисунков, изображавших пиктов, медведей и разных людей, которых я видел на стене. Моя мать и сестра всегда любили мои рисунки.

Он передал мне один набросок, который я назвал: «Солдаты Максима». На листке был изображен ряд толстых винных мехов и наш доктор из госпиталя Гунно, нюхавший их. Каждый раз, когда Максим брал войска из Британии в Галлию, он присылал гарнизону вина, вероятно желая успокоить воинов. На стене мы называли каждый винный мех Максимом. Да, да, и я нарисовал их в императорских шлемах.

– Еще недавно, – продолжал он, – цезарю присылали имена людей за меньшие шутки, чем эта.

– Правда, цезарь, – ответил Пертинакс, – но ты забыл, что это было раньше, чем я, друг твоего друга, научился превосходно метать копье.

Он не устремил на Максима конец своего охотничьего копья, но покачал его на ладони – вот так.

– Я говорил о прошедших временах, – заметил Максим, и его веки даже не дрогнули. – В нынешнее время приятно находить юношей, которые умеют думать за себя и за своих друзей. – Он кивнул головой Пертинаксу. – Твой отец, Парнезий, одолжил мне на время эти письма, значит, тебе не грозит никакая опасность с моей стороны.

– Ровно никакая, – пробормотал Пертинакс и потер острие копья о свой рукав.

– Мне пришлось уменьшить гарнизоны в Британии, потому что я нуждаюсь в войсках для Галлии. Теперь я явился, чтобы взять воинов со стены, – сказал император.

– Желая, чтобы мы принесли тебе радость, – произнес Пертинакс. – Ведь мы – самый худший сор империи, люди, потерявшие надежду. Лично я скорее доверял бы осужденным преступникам.

– Ты так думаешь? – совершенно серьезно спросил его Максим. – Но это будет только до покорения Галлии. Всегда приходится подвергать опасности или свою жизнь, или свою душу, или свой покой, или вообще какую-нибудь безделицу.

Алло обошел вокруг костра с шипящим оленьим мясом в руках и предложил его нам двоим.

– Ага, – заметил Максим, ожидая своей очереди. – Я вижу Алло в своей стране. Что же, ты заслуживаешь почести, Парнезий; скажи, у тебя много сторонников-пиктов?

– Я с ними охотился, – ответил я. – И, может быть, в их племени у меня найдутся друзья.

– Он единственный человек в броне, который понимает нас, – сказал Алло и принялся говорить о наших добродетелях и о том, как мы с Пертинаксом за год перед тем спасли от волка одного из его внуков.

– И действительно спасли? – спросила Уна.

– Да, но он преувеличил наш подвиг. Зеленый человек ораторствовал, как... как Цицерон. Он превратил нас в каких-то великолепных героев, и Максим не сводил глаз с наших лиц.

– Довольно, – сказал он. – Я выслушал Алло, говорившего о вас. Теперь я хочу послушать, что вы скажете о пиктах.

Я рассказал ему все, что знал; Пертинакс помогал мне. Пикт никогда не сделает ничего дурного, если только потрудишься узнать, что ему нужно. Их вражда против римлян загорелась из-за того, что мы сожгли их вересковые низины. Гарнизон дважды в год торжественно выжи-

гал весь вереск на десять миль к северу от стены. Наш генерал, Рутильян, называл это расчисткой местности. Конечно, пикты убегали; мы же уничтожали их медоносные цветы летом, истребляя весной их овечьи пастбища.

– Правда, истинная правда, – сказал Алло. – Как можем мы делать наше святое вересковое вино, когда вы сжигаете наши медоносные луга?

Мы долго разговаривали; Максим задавал Алло серьезные вопросы, которые показывали, что он знал о пиктах многое и еще больше думал о них. Вот он сказал мне: «Скажи, если бы я дал тебе в управление пиктские низины, был бы ты способен править ими так, чтобы пикты не возмущались, пока я не покорю Галлию? Отойди, чтобы не видеть лица Алло, и выскажи свое собственное мнение».

– Нет, – ответил я, – заросли нельзя снова превратить в римскую провинцию, пикты слишком долго были свободны.

– Предоставим им собирать деревенские советы и доставлять собственных солдат, – продолжал Максим. – Я уверен, что ты будешь держать поводья, не сильно натягивая их.

– Даже в таком случае – нет, – возразил я. – По крайней мере, не в нынешнее время. Мы так долго притесняли пиктов что они не способны доверять никому, носящему римское имя, и так будет продолжаться еще много-много лет.

Я слышал, как позади меня Алло пробормотал: «Добрый мальчик».

– В таком случае, что же ты посоветуешь? – спросил меня Максим. – До завоевания Галлии держать север в покое? Да?

– Не притеснять пиктов, – ответил я. – Сразу прекрати выжигание вереска и (они недальновидные зверьки) время от времени присылай им один-два корабля с хлебным зерном.

– И раздавать зерно должны их собственные выборные, а не какие-нибудь греческие мошенники-смотрители, – бросил замечание Пертинакс.

– Да, и позволь их больным приходить в наши госпитали, – прибавил я.

– Вероятно, они скорее умрут, чем согласятся на это, – возразил Максим.

– Нет, если их отведет Парнезий, – возразил Алло. – Я мог бы показать тебе человек двадцать пиктов, искушенных волками, исцарапанных медведями, милях в двадцати от этого места. Но Парнезию придется остаться с ними в госпитале, не то они сойдут с ума от страха.

– Понимаю, – протянул Максим. – Как и все в нашем мире – дело управления пиктами зависит от одного человека. И ты, Парнезий, этот человек.

– Пертинакс и я одно существо, – произнес я.

– Как угодно; только работай. Теперь, Алло, ты знаешь, что я не желаю зла твоему народу. Позволь мне переговорить с пиктами, – попросил Максим.

– Незачем, – возразил Алло. – Я зерно между двумя жерновами и должен знать, что намеревается сделать нижний жернов. Эти мальчики сказали правду относительно всего, что им известно. Я же – правитель страны – скажу тебе остальное: люди севера меня беспокоят. – Он весь сжался, как заяц в вереске, и оглянулся на море.

– Меня тоже, – пробормотал Максим, – в противном случае, я не был бы здесь.

– Слушай, – начал Алло. – Давно, очень давно крылатые шапки, – он говорил о северянах, – явились на наши берега и сказали: «Рим подается. Уроните его». Мы бились с вами. Вы прислали солдат. Они победили нас. Тогда мы сказали крылатым шлемам: «Вы лгуны. Оживите наших воинов, которых убил Рим, тогда мы поверим вам». Крылатые со стыдом удалились. Теперь они снова возвращаются с поднятыми головами, смелые, и начинают старые песни, которым мы готовы поверить. Они опять говорят, что Рим падает.

– Пусть на стене будет мир в течение трех лет, – воскликнул Максим, – и я покажу пиктам и всем воронам, как лгут крылатые шлемы!

– О, я желаю этого! Я хочу спасти хлебные зерна, еще не раздавленные жерновами. Но вы стреляете в нас, пиктов, когда мы приходим ко рву, чтобы взять немного железа; вы жи-

гаете наш вереск – нашу единственную ниву, вы пугаете нас большими катапультами; прячетесь за стеной и палите нас греческим огнем. Как я могу помешать моей молодежи слушать слова крылатых шапок... особенно зимой, когда мы голодаем. Моя молодежь говорит: «Рим не может ни сражаться, ни управлять. Он берет солдат из Британии. Крылатые шапки помогут нам разрушить стену. Позволь нам показать им тайные дороги через топи». Разве я хочу этого? Нет. – Алло шипел, точно гадюка. – Я сохраню тайны моего народа, хотя бы меня заживо сожгли. Эти двое моих детей сказали тебе правду. Оставь нас, пиктов, в покое. Успокаивай нас, люби нас, корми нас, не приближаясь к нам, корми, протягивая руку из-за спины. Парнезий нас понимает. Предоставь ему управлять стеной, и я смогу продержать мою молодежь – он что-то посчитал по пальцам – первый год без труда, второй – с некоторым затруднением, третий – может быть. Видишь, я даю тебе три года. Если в течение этого времени ты не покажешь нам, что Рим силен людьми, что он ужасен оружием, говорю тебе, крылатые шлемы высадутся на обоих берегах, с двух сторон пойдут вдоль стены, встретятся в середине, и вы, римляне, уйдете. Я не стану печалиться об этом; однако мне хорошо известно, что каждое племя, помогающее другому, требует за это платы. Нам, пиктам, тоже придется уйти. Крылатые шапки, как жернова, превратят нас вот в это. – Он подбросил на воздух пригоршню пыли.

– О, – вполголоса произнес Максим, – всегда и везде все в руках одного человека.

– И все вмещается в одну жизнь, – заметил Алло. – Ты император, но не бог. Ты можешь умереть.

– Я думал о смерти, – произнес Максим. – Хорошо. Если этот ветер продержится, к утру я буду близ восточного края стены. Итак, завтра, во время смотра, я увижу вас двоих и сделаю обоих капитанами стены.

– Погоди немного, цезарь, – остановил его Пертинакс. – Каждый требует платы. Меня ты еще не купил.

– Ты начинаешь торговаться? Уже? – спросил его Максим. – Ну?

– Рассуди меня с моим дядей, Иценом, дуумвиром Галлии, – сказал он.

– Тебе нужна только такая безделица, как человеческая жизнь? Я думал, ты попросишь денег или места. Конечно, я отдам тебе ее. Напиши его имя на одной из этих дощечек, с их красной стороны; другая сторона для живущих. – И Максим подал ему свои таблички.

– Мертвый он мне не нужен, – сказал Пертинакс. – Моя мать вдова. Я далеко и не уверен, что он выплачивает ей ее вдовью часть.

– Все равно. Моя рука достаточно длинна. В свое время мы просмотрим отчеты твоего дяди. Теперь же до завтра, о капитаны стены.

Он ушел. Мы видели, как его фигура уменьшалась, когда он двигался по вересковой низине к своей галере. Его окружали скрытые за камнями пикты, десятки пиктов. Он не смотрел ни вправо, ни влево. Скоро вечерний ветер понес его галеру на юг, и, глядя, как он выходил в море, мы молчали, понимая, что земля не часто возвращает подобных людей.

Алло привел лошадей и, в ожидании, пока мы не сядем в седло, держал их, чего никогда не делал прежде.

– Погоди немного, – сказал Пертинакс. Он сделал маленький алтарь из нарезанной травы, на него насыпал цветов вереска, а на них положил письмо от одной девушки из Галлии.

– Что делаешь ты, о мой друг? – спросил я.

– Приношу жертву моей мертвой молодости, – ответил он и, когда пламя уничтожило письмо, затоптал его ногой. После этого мы поехали к стене, капитанами которой нам предстояло стать.

Парнезий замолчал. Дети сидели тихо, не спрашивая даже, окончен ли рассказ. Пек помянул их пальцем, потом указал на дорогу из лесу.

– Очень жаль, – прошептал он, – но вам пора уйти.

– Мы не рассердили его? – спросила Уна. – Он стал такой неласковый... и задумчивый.

– Нет, нет. Подождите до завтра. Оно скоро наступит. И помните: вы разыгрывали сцены из «Песен древнего Рима».

Едва дети пробрались через свою лазейку, там, где росли дуб, тис и терновник, они забыли о Пеке и центурионе.

Крылатые шапки

Следующий день был, как дети называли, день «дикой свободы»! Их отец и мать отправились в гости; мисс Блек поехала кататься на велосипеде; Уна и Ден оставались одни до восьми часов.

Вежливо проводив своих милых родителей и свою дорогую наставницу, они от садовника получили капустный лист, полный смородины, а от кухарки Елены чаю. Смородину они съели, чтобы как-нибудь не раздавить ягод, и решили отдать капустный лист трем коровам, пасшимся подле театра, но по дороге на луг нашли мертвого ежа, которого были обязаны похоронить, и лист оказался им крайне необходимым для этой цели.

Похоронив ежика, дети пошли в кузницу и застали там Хобдена. С ним был и его сын «Пчелиный Мальчик», он слабоумный, зато может голыми руками брать рои пчел без всякого вреда для себя. «Пчелиный Мальчик» сказал им поговорку о дождевом черве:

«Если бы у меня были глаза, которыми я мог бы видеть, никто не потревожил бы меня».

Они все вместе напились чаю около ульев, и старый Хобден сказал, что каравай, данный детям их кухаркой, почти так же хорош, как хлеб, который делала его жена; в то же время он показал им, как нужно устраивать силки для зайцев. Силки для кроликов они уже умели делать.

Наконец, Ден с Уной двинулись по рву к нижнему краю склона, покрытого лесом. Это место печальнее и темнее той опушки, где они впервые встретились с центурионом; мрачность ему придает большая торфяная яма, полная черной воды, вдобавок на стволах окружающих ее деревьев висят длинные космы жесткого, похожего на волосы, мха. Тем не менее птицы прилетают и садятся на сухие ветки, и Хобден говорит, что горькая, настоянная на коре ив вода служит лекарством для многих больных животных. Дети сели на упавший ствол дуба в тени молодых буков и уже стали делать петли из проволоки, которую им дал Хобден, как вдруг завидели Парнезия.

– Как тихо вы подошли, – сказала Уна, подвигаясь, чтобы дать ему место. – Где Пек?

– Мы с фавном спорили о том, должен ли я рассказать вам все до конца или нет, – ответил он.

– Я только сказал, что, если он передаст вам все, что было, вы не поймете, – заметил Пек, как белка выскакивая из-за бревна.

– Я не все понимаю, – сказала Уна, – но мне приятнее слушать о маленьких пиктах.

– Я же только не понимаю, – сознался Ден, – как мог Максим знать о пиктах, когда он был далеко в Галлии.

– Император должен знать все обо всем, – ответил Парнезий. – После игрищ сам Максим сказал нам это.

– Игрищ? Каких? – спросил Ден.

Парнезий вытянул свои руки, указав большим пальцем на землю.

– Гладиаторских. Вот о чем я говорю, – произнес он. – Когда Максим неожиданно высадился в Сегедунуме, близ восточного конца стены, в его честь были устроены двухдневные гладиаторские игры. Да, через день после нашей встречи с ним происходили двухдневные игрища; однако, мне кажется, самой большой опасности подвергались не жалкие люди на песчаной арене, а сам Максим. В старину легионы молчали в присутствии своего императора. Не так было у нас. Вы слышали бы сильный рев, шедший с востока вдоль стены, когда его несли на носилках через толпу. Солдаты гарнизона окружали его, кричали, кривлялись, требовали денег, перемены места стоянки, словом, требовали всего, что только приходило в их дикие головы. Его носилки походили на маленький корабль среди волн; они ныряли и падали и снова поднимались в один миг. – Парнезий задрожал.

– Они сердились на него? – спросил Ден.

– Не больше, чем волки, посаженные в клетку, злятся на укротителя, проходящего мимо них. Повернись он к ним спиной на мгновение или на секунду закрой глаза, на стене явился бы новый император. Правду я говорю, фавн?

– Так было, – согласился Пек.

Поздно вечером за нами пришел его гонец, и мы отправились с ним в храм Победы, где жил Максим вместе с Рутильяном, генералом стены. Я почти не видел генерала, но он всегда позволял мне уходить в вересковые заросли. Рутильян был большой обжора и держал пять азиатских поваров; происходил он из семьи, верившей оракулам. Когда мы вошли, то ощутили запах вкусного обеда, но столы стояли пустые. Генерал храпел, лежа на своем ложе. Максим сидел поодаль от него, окруженный свитками счетов. Мы вошли; двери закрылись.

– Вот они, – сказал Максим генералу, который приподнял веки опухшими от подагры пальцами и устремил на нас свои рыбы глаза.

– Я узнаю их, цезарь, – сказал Рутильян.

– Отлично, – произнес Максим. – Теперь слушай. Ты не двинешь ни одного человека, ни одного щита на стене без совета этих мальчиков. Без их позволения ты будешь только есть. Они – голова и руки, ты – желудок.

– Как угодно цезарю, – проворчал старик. – Если только у меня не отнимут жалованья и доходов, ты можешь сделать моим начальником оракула моих предков. Рим был. Рима нет! – И он повернулся на бок, чтобы заснуть.

– Он получил приказание, – сказал Максим. – Теперь перейдем к тому, что «мне» нужно.

Максим развернул полные списки наших солдат и припасов. Там были обозначены даже больные, в этот день отправленные в госпиталь. Но я стонал, когда его перо отмечало для отправки в Галлию отряд за отрядом из наших лучших... то есть наименее негодных людей. Он взял две башни наших скифов, две башни наших северных британских помощников, две нумидийские когорты; всех дакийцев и половину бельгийцев. Казалось, орел терзает труп животного.

– А теперь сколько у вас катапульта? – спросил он.

Говоря, Максим взял новый свиток, но Пертинакс положил на пергамент свою ладонь.

– Нет, цезарь, – сказал он. – Довольно испытывать терпение богов. Бери людей или машины, но не то и другое; в противном случае ты услышишь отказ.

– Какие машины? – спросила Уна.

– Катапульты, высотой в сорок футов и бросавшие множество камней или железных стержней. Ничто не могло устоять против них. В конце концов Максим оставил нам катапульты, но взял половину наших людей. Когда он свернул списки, мы походили на пустую раковину.

– Привет цезарю! Мы, готовые умереть, кланяемся тебе, – со смехом сказал Пертинакс. – Если какой-нибудь враг только прислонится к стене – она рухнет.

– Дайте мне всего три года, как говорил Алло, – ответил император, – и у вас будет здесь двадцать тысяч человек по вашему выбору. Теперь же начинается игра, мои противники – боги, ставка – Британия, Галлия и, может быть, Рим. Вы будете на моей стороне?

– Да, цезарь, – обещал я, так как никогда прежде не встречал подобного человека.

– Хорошо. Завтра же, – сказал он, – я провозглашу вас капитанами стены.

При свете месяца мы ушли; солдаты очищали арену после игрищ. Мы увидели над стеной большую богиню Рима; изморозь блестела на ее шлеме; ее копьё указывало на Полярную звезду. На всех сторожевых башнях мерцали ночные костры; стоявшие в ряд черные метательные машины по мере отдаления казались все меньше и меньше. Эта картина казалась нам странной, так как мы знали, что на следующий день стена будет в наших руках.

Солдаты хорошо приняли известие, но, когда Максим увел с собою половину наших сил и нам пришлось расселить оставшихся по опустевшим башням, а горожане стали жаловаться и

говорить, что торговля скоро погибнет, да вдобавок ко всему налетели осенние бури, мрачные дни настали для нас двоих. Пертинакс сделался более чем моей правой рукой. Родившийся и выросший среди больших загородных домов Галлии, он умел разговаривать с любым, начиная с центурионов, рожденных в Риме, и кончая псами третьего легиона – ливийцами. С каждым он говорил, точно тот был равен ему. Я же в то время слишком хорошо ознакомился с предначертаниями Максима и забыл, что не все делается руками людей. Это было ошибкой.

Я не боялся пиктов, по крайней мере, в течение первого года, но Алло сказал мне, что вскоре явятся крылатые шапки, что они двинутся с моря, с обоих концов стены, желая доказать пиктам наше бессилие. Итак, я быстро приготовился и хорошо сделал, что не медлил. Я передвинул лучших солдат к концам стены и подле берега поставил закрытые щитами катапульты. Крылатые шлемы двинулись еще до снежных бурь, сразу по двадцать судов; они бросали якорь или в Сегедунуме, или в Итуне, в зависимости от направления ветра.

Надо сказать, что когда корабль подходит к земле, матросам приходится убирать парус. Если выждать, чтобы матросы собрались около мачты, ваши машины могут метнуть град камней (железные стрелы только рвут холст) в самую их гущу. Тогда корабль опрокидывается, и море очищает палубы. До берега могут добраться немногие люди, очень немногие... Дело не было трудным; утомительнее всего я находил ожидание на берегу, среди туч, песка и снега. Вот так-то этой зимой мы поступали с крылатыми шапками.

Ранней весной, когда восточные ветры резали кожу, точно острые ножи, множество их кораблей снова собралось близ Сегедунума. Алло говорил, что они не успокоятся, пока в открытом бою не возьмут хотя бы одну башню. И конечно, они дрались в открытом море. Целый час мы боролись с ними, когда же все было окончено, один человек нырнул между обломками своего корабля и поплыл к берегу. Я стоял и ждал; волна бросила его к моим ногам.

Я наклонился и увидел на его шее вот такую медаль, – Парнезий поднес руку к своему горлу. – Поэтому, когда он был в состоянии заговорить, я задал ему один вопрос, на который можно ответить только известным образом. Он выговорил нужное слово – священное слово поклонников Митры, моего божества. Пока он поднимался на ноги, я прикрывал его своим щитом. Видите – я не маленького роста, но он был на голову выше меня. Он сказал: «Что же дальше?» Я ответил: «Как желаешь, брат мой, оставайся или уходи».

Он посмотрел на волны. На море остался один неповрежденный корабль, недоступный для выстрелов наших метательных машин. Я знаком приказал прекратить стрельбу. Он рукой махнул кораблю. Судно это подошло, как подходит собака к своему хозяину. Когда оно было всего в сотне сажен от берега, молодой человек откинул волосы со своего лба и поплыл обратно. Матросы выловили его, и корабль ушел. Я знал, что почитателей Митры много в различных племенах, а потому не стал раздумывать об этом случае.

Через месяц я встретил Алло с его лошадьми подле храма Пана, о фавн, и он дал мне большое золотое ожерелье, осыпанное кораллами.

Я подумал было, что какой-нибудь городской купец посылает эту вещь Рутильяну в виде подкупа, но Алло сказал: «Нет, ожерелье – дар Амала, того крылатого, которого ты спас. Он говорит, что ты благородный человек».

– Он такой же. Скажи ему, что я буду носить его подарок.

– О, Амал – молодой глупец, но в серьезном разговоре скажу тебе, что ваш император совершает в Галлии такие великолепные подвиги, что крылатым шапкам хочется сделаться его друзьями или лучше друзьями его слуг. Он полагает, что вы с Пертинаксом могли бы вести их к победе. – И Алло посмотрел на меня, точно одноглазый ворон.

– Алло, – сказал я, – ты зерно между двумя жерновами. Радуйся, если они не расплющивают тебя, и не клади между ними свою руку.

– Я? – сказал Алло. – Я одинаково ненавижу Рим и крылатые шапки, но если бы крылатые шлемы думали, что когда-нибудь ты и Пертинакс выступите с ними против Максима, они

оставили бы вас в покое столько времени, сколько вам было бы угодно. Для вас обоих, для меня и для Максима важнее всего выиграть время. Позволь мне отнести крылатым шапкам приятное известие; позволь мне сказать им что-нибудь, из-за чего они могли бы собрать свой совет. Мы, варвары, все одинаковы. Мы способны половину ночи сидеть и рассуждать о том, что нам скажет римлянин. Ну?

– У нас нет солдат. Мы должны бороться словами, – заметил Пертинакс. – Предоставь это Алло и мне.

Итак, Алло передал крылатым шлемам, что мы не будем биться с ними, если они не выступят против нас, они же (кажется, этим людям надоело терять своих солдат в море) согласились заключить с нами что-то вроде перемирия. Мне кажется, Алло, который, как лошадиный барышник, привык лгать, уверил их, что мы со временем восстанем против Максима, как Максим восстал против Рима.

Действительно, летом они беспрепятственно пропустили к пиктским берегам те нагруженные хлебом суда, которые я послал пиктам. Благодаря этому зимой пикты питались очень хорошо, и, так как они в некотором роде были моими детьми, я испытывал радость. На стене у нас осталось всего две тысячи человек, и я много раз писал Максиму, прося его, умоляя прислать мне хотя бы одну когорту из моих старых северобританских войск. Он не мог обойтись без них. Ему нужны были все силы для новых побед в Галлии.

Когда к нам пришла весть, что он победил и убил императора Грациана,⁹ я, думая, что Максим в безопасности, снова попросил у него воинов. Он ответил: «Ты узнаешь, что я, наконец, свел счеты с этим щенком Грацианом. Ему незачем было умирать, но он испугался и потерял голову, а для римского императора это далеко не полезно. Скажи своему отцу, что с меня достаточно править двумя мулами, и потому, если только сын моего старого генерала не считает, что судьба ему велит уничтожить меня, я останусь императором Галлии и Британии; тогда вы, двое моих детей, получите всех воинов, в которых нуждаетесь. Теперь же я не могу отпустить ни одного человека».

– Кого он называл сыном своего генерала? – спросил Ден.

– Феодосия, императора Рима, сына Феодосия-полководца, под началом которого Максим сражался во время первой пиктской войны. Эти два человека никогда не любили друг друга, и когда Грациан сделал Феодосия-младшего императором Восточной Римской империи (так я, по крайней мере, слышал), Максим перенес вражду на второе поколение. Вот причина его падения. Но Феодосий-император был хороший человек. Это я знаю.

Парнезий помолчал, потом снова заговорил:

– Я ответил Максиму, что, хотя у нас на стене все тихо, я чувствовал бы себя счастливее, будь у меня немного лишних солдат и несколько новых метательных машин. Он написал мне:

«Проживите еще немножко под тенью моих побед, а именно до тех пор, пока я не разгадаю, что задумал Феодосий-младший. Может быть, он встретит меня как брата императора, может быть, выставит против меня войско. В обоих случаях я не могу вам дать ни части моих войск».

– Ведь он всегда говорил это, – заметила Уна.

– Он говорил правду. Это не было предложением, благодаря известиям о его победах, долгое-долгое время никто не беспокоил нас на стене. Пикты растолстели не меньше своих овец, многие из моих воинов научились прекрасно владеть оружием. Да, стена казалась сильной. Я же знал, как мы слабы. Я знал, что если бы даже ложный слух о поражении Максима распространился среди крылатых шапок, эти северяне нахлынули бы на нас в большом количестве, и тогда – прощай, стена. О пиктах я не заботился, но узнал кое-что о мощи крылатых. Они с каждым днем делались все сильнее, я же не мог увеличить численность моего войска. Максим

⁹ Грациан Август, император Западной Римской империи, сын Валентиана, родился в 359 г. – Примеч. пер.

опустошил Британию позади нас, и я чувствовал себя человеком с гнилой палкой, стоящим перед разломанной оградой и обязанным прогнать стадо быков.

Так, друзья мои, жили мы на стене и все ждали, ждали и ждали воинов, которых Максим не присылал.

Раз он написал нам, что готовит армию против Феодосия. Пертинакс читал это письмо, наклоняясь через мое плечо. Мы были у себя. Вот что стояло на папирусе:

«Скажи твоему отцу, что судьба повелевает мне править тремя мулами или быть разорванными ими на части. Надеюсь через год навсегда покончить с Феодосием, сыном Феодосия. Тогда ты будешь управлять Британией, а Пертинакс, если он пожелает, Галлией. Теперь же я очень хотел бы, чтобы вы были со мной и обломали моих новых рекрутов. Пожалуйста, не верьте слухам о моей болезни. Правда, в моем старом теле есть маленький недуг, но я вылечу его, когда попаду в Рим».

Пертинакс сказал:

– Максиму пришел конец. Он пишет как человек, потерявший надежду. Я, человек без надежды, вижу это. Что говорит он в конце?

«Скажи Пертинаксу, что я видел его дядю, дуумвира Дивио, а также, что он дал мне отчет относительно уплаты матери Пертинакса. Я отправил ее в Никею; там теплый климат, ее сопровождает подобающий ей отряд, потому что она мать героя».

– Вот и доказательство, – заметил Пертинакс. – Из Никеи легко добраться до Рима. В военное время женщина может в Никее сесть на корабль и бежать в Рим. Да, Максим видит близость смерти и постепенно выполняет все свои обещания. Но я рад, что мой дядя виделся с ним.

– У тебя сегодня черные мысли? – спросил я.

– Нет, справедливые. Богам наскучила игра, которую мы вели против них. Феодосий уничтожит Максима. Конец.

– Ты ему это напишешь? – спросил я.

– Смотри, что я напишу ему, – ответил он, взял перо и написал письмо, веселое, как дневной свет, нежное, как послание женщины, шутливое. Даже я, читая через плечо моего друга, успокоился, пока не увидел его лица.

– Теперь, – сказал он, запечатывая свернутый свиток, – мы с тобой мертвые люди, мой брат. Пойдем в храм.

Мы помолились Митре там, где много раз молились раньше. После этого стали жить день за днем; до нас постоянно доходили недобрые слухи. Так снова наступила зима.

Раз утром мы поехали к восточному берегу и нашли на отмели светловолосого полузамерзшего человека, привязанного к обломку плота. Увидев пряжку на его поясе, мы поняли, что он гот из восточного легиона. Воин внезапно открыл глаза и громко закричал: «Он умер! Я вез письма, но крылатые шапки потопили корабль». И, сказав это, он умер у нас на руках.

Мы не стали спрашивать, кто умер. Мы знали это и помчались под хлопьями снега в Гунно, надеясь застать там Алло. Мы встретили его около нашей конюшни, и, взглянув на наши лица, он понял, что мы узнали.

– Это случилось в шатре на берегу моря, – пробормотал старый пикт. – Феодосий обезглавил его. Ожидая смерти, он написал вам письмо. Крылатые шапки заметили и захватили корабль. По нашей вересковой заросли весть о его смерти бежит быстро, как пламя пожара. Не упрекайте меня. Больше я не могу сдерживать мою молодежь.

– Хотелось бы мне иметь право сказать то же о наших солдатах, – со смехом ответил Пертинакс. – Но, слава богам, убежать они все-таки не могут.

– Как вы поступите? – спросил Алло. – Я принес вам приказание... послание от крылатых шапок. Они желают, чтобы вы с вашими воинами присоединились к ним и двинулись на юг, грабить Британию.

– Мне очень жаль, – ответил Пертинакс, – но мы поставлены здесь именно для того, чтобы удерживать варваров.

– Если я отнесу такой ответ крылатым шапкам, то буду убит, – сказал Алло. – Я постоянно говорил им, что, едва Максим падет, вы подниметесь. Я... я не думал, что он может пасть.

– Ах, мой бедный варвар, – снова со смехом проговорил Пертинакс. – Ну, ты продал нам столько хороших лошадей, что мы не можем отдать тебя в руки крылатых. Мы берем тебя в плен, хотя ты и посланник.

– Да, так-то лучше, – согласился Алло и подал нам недоуздок. Мы слабо связали пикта, ведь он был стар.

– Теперь пусть крылатые шлемы являются за тобой; ожидая их, мы выиграем время. Посмотрите-ка, как привычка рассчитывать время въедается в человека, – сказал Пертинакс, затягивая последний узел.

– Нет, – возразил я. – Время действительно может помочь. Если Максим написал письмо, когда он был пленником, значит, Феодосий послал корабль, который вез это послание. А если он посылает корабли, он может рассылать и воинов.

– Нам-то какая от этого выгода? – сказал Пертинакс. – Мы служим Максиму, а не Феодосию. Если даже каким-то чудом Феодосий прислал бы на юг воинов и спас стену, лично мы могли бы ожидать только смерти, подобной смерти Максима.

– Наше дело защищать стену, невзирая на то, умер император или посылает кому-нибудь смерть, – сказал я.

– Эти слова достойны твоего брата-философа, – произнес Пертинакс. – Я же человек без надежды, а потому не говорю торжественных и нелепых вещей. Укрепи стену.

Мы укрепили стену от одного ее конца до другого и сказали офицерам, что ходят слухи о смерти Максима, что эти слухи могут привлечь к нам северян, но что, если справедливы тревожные известия, Феодосий, конечно, пришлет нам помощь ради Британии. Поэтому мы должны держаться твердо. Друзья мои, удивительнее всего в мире видеть, как люди принимают плохие известия; очень часто до тех пор сильнейшие становятся слабыми, а слабейшие поднимаются духом и получают от богов бодрость. Так было и у нас. Надо вам сказать, что мой Пертинакс своими шутками, своею вежливостью, своим трудом вложил мужество в сердца наших немногочисленных солдат и за последние годы научил их воинскому искусству в большей мере, чем я считал возможным. Даже воины нашей ливийской когорты – третьей – стали важно расхаживать по стене в своих подбитых подушками кирасах и не хныкали.

Через три дня от крылатых шапок явилось семеро начальников. В их числе был рослый юноша Амал, найденный мной на берегу; увидев мое ожерелье, он улыбнулся. Мы приняли их радушно, как посланников, и показали им Алло, живого, но связанного. Они думали, что мы его убили, и я понял, что, будь он убит, они не рассердились бы. Алло тоже понял это и обиделся. Для совещания мы собрались в нашем помещении.

Северяне объявили, что Рим готов пасть, и что потому мы должны соединиться с ними, сказав же это, предложили мне взять в управление всю южную Британию после того, как они возьмут с этой области известную дань.

Я ответил:

– Терпение. Докажите мне, что мой генерал умер.

– Нет, – ответил мне один из старшин, – лучше ты докажи нам, что он жив. – А другой хитро прибавил: – Что ты дашь нам, если мы прочитаем тебе его последние слова?

– Мы не купцы, чтобы торговаться! – вскрикнул Амал. – Кроме того, этому человеку я обязан жизнью. Он получит доказательство. – И белокурый юноша перебрал мне письмо Максима (я хорошо знал его печать).

– Мы достали этот пергамент с потопленного нами корабля, – продолжал он. – Читать я не умею, но вижу признак, который говорит мне о смерти императора. – Тут Амал положил

свой палец на темное пятно, видневшееся на внешнем свитке, и у меня стало тяжело на сердце; я понял, что это мужественная кровь Максима.

– Читай, – сказал Амал. – Читай, а потом скажи нам, чьи вы слуги.

Пробежав глазами письмо, Пертинакс сказал очень мягко:

– Я прочитаю все. Слушайте вы, варвары. – И он прочел написанное на пергаменте, который я с тех пор всегда ношу подле моего сердца.

Парнезий достал с груди сложенный и запятнанный кусок пергаamenta и, понизив голос, начал читать:

«Парнезию и Пертинаксу, далеко не достойным капитанам стены, от Максима, некогда императора Галлии и Британии, ныне пленника, ожидающего смерти на берегу моря, в лагере Феодосия; привет вам и предсмертное прости!»

– Довольно, – сказал молодой Амал, – вот тебе доказательство. Теперь вы должны соединиться с нами.

Пертинакс молча и долго смотрел на него, и наконец белокурый юноша покраснел, как девушка. Тогда Пертинакс прочитал:

«Я охотно делал это желавшим мне зла; но если я когда-либо сделал что-либо дурное относительно вас двух, я раскаиваюсь и прошу у вас прощения. Три мула, которых я пытался направлять, разорвали меня на части, как и предсказал твой отец, Парнезий. Обнаженный меч лежит при входе в палатку; он принесет мне такую смерть, какую я приготовил Грациану. Поэтому-то я, ваш генерал и император, посылаю вам добровольную и почетную отставку от службы, в которую вы вступили не из-за денег или почестей, но, как я, согретый этой мыслью, думаю – во имя любви ко мне».

– Клянусь светом солнца, – прервал чтение Амал, – в своем роде он был истинно мужественный человек! Может быть, мы ошиблись в суждениях о его слугах.

Пертинакс продолжал читать:

«Вы дали мне отсрочку, которую я просил у вас. Не жалуйтесь, если мне не удалось хорошо воспользоваться ею. Мы вели блестящую игру против богов, но они сделали фальшивые кости, и мне приходится расплачиваться. Помните, я «был», но Рим продолжает существовать; Рим останется цел. Скажи Пертинаксу, что его мать живет в полной безопасности, в Никее, и что ее средства в руках префекта Антиполиса. Напомни обо мне своему отцу и матери, дружба которых была для меня драгоценна. Скажи моим маленьким пиктам и крылатым шапкам все, что смогут понять их тупые головы. Если бы дела мои шли удачно, я послал бы вам сегодня же три легиона. Не забывайте меня. Мы работали вместе. Прощайте, прощайте, прощайте!»

– Это было последнее письмо моего императора. (Дети слышали, как захрустел пергамент, когда Парнезий прятал его на прежнее место.)

– Я ошибался, – сказал Амал. – Слуги такого человека способны торговать только с помощью меча. И я рад. – Он протянул мне руку.

– Но ведь Максим освободил вас, – заметил один старшина, – и вы имеете право служить, кому хотите, или управлять, кем и чем желаете. Соединитесь с нами, не идите за нами, а присоединитесь к нашим войскам.

– Благодарим, – сказал Пертинакс, – но Максим велел нам передать вам такие вести, какие – простите меня, я повторяю его слова – ваши тупые головы способны понять. – Он указал через открытую дверь на подножие заряженной и готовой стрелять метательной машины.

– Мы понимаем, – сказал один из старшин. – Стену получить можно только одной ценой? Да?

– К сожалению, – со смехом сказал Пертинакс, – именно, – и он предложил им нашего лучшего южного вина.

До последней минуты они молча пили и теребили свои золотистые бороды; наконец, поднялись с мест.

Потягиваясь (они были варвары), Амал сказал:

– Теперь была у нас веселая компания, но что сделают с нами вороны и акулы раньше, чем растает этот снег?

– Лучше подумай о том, что нам пришлет Феодосий, – ответил я, и, хотя они засмеялись, я увидел, что мое случайное замечание попало в цель.

Старый Алло отстал от крылатых шлемов.

– Видите, – сказал он, подмигивая, – я просто-напросто их собака, и, когда покажу их воинам короткую дорогу через наши болота, они откинут меня ударами ног, как пса.

– В таком случае, я на твоём месте не торопился бы показывать им тайный путь, – сказал Пертинакс, – а выждал бы, когда у меня явится убеждение, что Рим не может спасти стены.

– Ты так думаешь? Горе мне! – произнес пикт-старик. – Я жаждал мира для моего народа, – и он пошел за крылатыми шапками, спотыкаясь в глубоком снегу.

Таким вот образом, медленно, день за днем, приблизилась к нам война, а такая медлительность нехорошо действует на колеблющиеся войска. В первый раз крылатые шлемы налетели с моря, как прежде, и мы тоже, как прежде, встретили их катапультами; им это не понравилось. Долгое время они не решались ступить по земле своими утиными ногами, и, когда дело дошло до открытия тайн племени, маленькие пикты испугались и почувствовали стыд при мысли, что они покажут чужестранцам все свои тайные дороги через вересковые низины. Я узнал это от одного пиктского пленника. Пикты были нашими врагами и в то же время нашими лазутчиками, потому что крылатые шлемы притесняли их и отнимали их зимние запасы. Ах, глупый мелкий народ!

Вскоре крылатые шапки начали надвигаться на нас с обоих концов стены. Я послал скороходов на юг, поручив им разведать, что делается в Британии, но в эту зиму волки были очень смелы и свирепствовали между покинутыми стоянками, на которых когда-то квартировали войска; ни один из моих гонцов не вернулся. У нас были также затруднения с кормом для лошадей.

Я держал десять коней; Пертинакс столько же. Мы жили и спали в седлах, ездили то на восток, то на запад и питались мясом измученных лошадей. В свою очередь, горожане доставляли нам некоторое беспокойство, так что мне пришлось собрать их всех в одно помещение, за Гунно. С обеих сторон мы разломали стену, чтобы выстроить для себя цитадель. Под прикрытием наши люди дрались лучше.

К концу второго месяца мы погрузились в войну, как человек погружается в снежный сугроб или в крепкий сон. Мне действительно представляется, что мы во сне бьемся с врагами. По крайней мере, я знаю, что раз я взошел на стену и опять спустился с нее, но что было в промежутке – не помню, хотя горло у меня болело от выкрикивания приказаний и я понимал, что мой окровавленный меч не бездействовал.

Крылатые шлемы дрались, как волки, одной стаей. Там, где они терпели особенный урон, там и нападали с новым жаром. Для защитников это было тяжело, но благодаря такому образу действий северяне не проникли в Британию.

В те дни мы с Пертинаксом написали на штукатурке заложенной кирпичами северной арки названия башен и обозначили дни, в которые они одна за другой падали. Мы хотели оставить после себя какое-нибудь письменное воспоминание.

А бои? Бои продолжались и были особенно жаркими с правой и с левой стороны от большой статуи богини Рима, близ дома Рутильяна. Клянусь светом солнца, этот старый толстяк, на которого мы не обращали никакого внимания, сделался юношей при звуках труб. Помню, он называл свой меч оракулом. «Посоветуемся с оракулом», – говорил генерал, приставлял эфес к своему уху и с мудрым видом покачивал головой. «Еще и этот день Рутильяну позво-

лено жить», – произносил он и, оправив свой плащ, отдувался, откашливался и отважно рубил врагов. О, в те дни на стене было много шуток; они заменяли нам пищу.

Мы продержались два месяца и семнадцать дней, хотя нас теснили с трех сторон и наше войско занимало все меньше и меньше пространства. Несколько раз Алло присылал нам сказать, что помощь приближается. Мы не верили ему, но эта весть ободряла солдат.

Пришел конец, но не среди радостных кликов, а, как и все остальное, надвинулся во сне. Однажды крылатые шапки оставили нас в покое целую ночь и весь следующий день, а этого слишком много для истомленных людей. Мы заснули, сначала легким сном, ожидая, что нас вот-вот разбудят, а потом крепко, и лежали, точно бревна, каждый на том месте, где он лег. Желаю вам никогда не нуждаться в таком сне. Когда я проснулся, башни были полны чужих вооруженных людей, которые смотрели, как мы храпим. Я разбудил Пертинакса, мы оба вскочили на ноги.

– Как? – спросил молодой человек в светлой броне. – Вы сражаетесь против Феодосия? Смотрите!

Мы посмотрели на север – перед нами был красный снег и ни одного крылатого шлема. Взглянули мы на юг, поверх белого снега, и там увидели орлов двух сильных легионов, которые стояли лагерем. На востоке и на западе пылало пламя, шли бои, но около Гунно все было тихо.

– Не беспокойся больше. У Рима длинная рука, – сказал молодой человек. – Где капитаны стены?

Мы сказали, что капитаны мы.

– Но вы стары, вы седы, – с удивлением произнес он, – а Максим уверял, что вы юноши, почти мальчики.

– Это было истиной несколько лет тому назад, – ответил Пертинакс. – Но скажи, какая ждет нас судьба, красивый и хорошо кормленный ребенок?

– Меня зовут Амброзий, я секретарь императора, – ответил он. – Покажи мне письмо, которое Максим написал вам в палатке при Аквиле, и тогда, может быть, я вам поверю.

Я достал пергамент с моей груди, и, прочитав его, Амброзий салютовал нам и произнес:

– Ваша судьба в ваших собственных руках. Если вы хотите служить Феодосию, он даст вам легион. Если вам больше хочется вернуться к себе домой, мы устроим вам триумф.

– Я предпочел бы получить не триумф, а ванну, вино, пищу, бритву, мыло, – со смехом ответил Пертинакс.

– О да, я вижу, ты – юноша, – проговорил Амброзий. – А ты? – обратился он ко мне.

– В нас нет злобы против Феодосия, но в войне...

– В войне действуют, как в любви, – сказал Пертинакс. – Хорош ли предмет, которому отдано сердце, или дурен, все лучшее посвящаешь только одному существу. Раз это так, то и говорить больше не о чем.

– Правильно, – согласился с ним Амброзий. – Я был с Максимом перед его смертью. Он сказал Феодосию, что вы не захотите служить другому императору, и, откровенно говоря, мне жаль Феодосия.

– Рим утешит его, – сказал Пертинакс. – Я прошу тебя милостиво позволить каждому из нас вернуться домой и перестать ощущать запах этого места.

Тем не менее нас почтили триумфом.

– По заслугам, – заметил Пек, бросая листья в воду торфяной ямы. Черные маслянистые круги стали быстро расходиться по ее темной поверхности, а дети задумчиво смотрели на них.

– Я хотел бы узнать еще о многом, – проговорил Ден. – Что случилось со старым Алло? Пришли ли когда-нибудь снова крылатые шлемы? Что сделал Амал?

– И что было с толстым, старым генералом, который возил с собою пять поваров, – прибавила Уна. – А что сказала ваша мать, когда вы вернулись домой?

– Она сказала, что вы слишком долго просидели над этой ямой, – произнес позади детей голос старого Хобдена. – Тсс, – шепнул он.

Он замолчал, всего шагах в двадцати от него сидела пушистая красивая лисица и смотрела на детей, точно их старый друг.

– О ты, рыжий, – прошептал Хобден. – Если бы я знал все, что хранится в твоей голове, я знал бы много интересного. Ну, мистер Ден и мисс Уна, пойдете-ка; мне пора закрыть мой маленький курятник.

Галь-рисовальщик

Днем шел дождик, а потому Ден и Уна решили играть в пиратов на старой маленькой мельнице. Если не обращать внимания на крыс, снующих по стропилам под крышей, и на попадающую в чулки овсяную мякину, чердак мельницы со своими трапами, с рассказывающими о наводнениях надписями на балках, с вырезанными на стенах именами красавиц, – прекрасное место. Освещен он окошком величиной в квадратный фут, которое смотрит на ферму «Липки». Дети поднялись по чердачной лестнице (изображая в лицах балладу об известном английском пирате сэре Эндрью Бартоне, они всегда называли ее мачтой бизанью). Выйдя из люка на чердак, Ден и Уна остановились; близ окна сидел незнакомый им странный человек в колете цвета сливы, в таком же трико, склонившись над книгой с красным обрезом.

– Садитесь, садитесь, – закричал Пек с верхней балки. – Посмотрите, что значит быть красавцем! Сэр Гарри Доу – прошу прощения – Галь, – говорит, что моя голова годится для конца желоба, по которому с крыши стекает дождевая вода.

Человек в лиловом засмеялся и, взглянув на детей, снял с головы свою темную лиловую шапочку; они увидели его седые волосы, висевшие бахромой. Ему было, по крайней мере, сорок лет, но глаза его смотрели молодо и их окружали смешные тонкие морщинки. На широком поясе незнакомца висел расшитый шелком кожаный мешочек; странный человек показался детям очень интересным.

– Можно посмотреть, что вы делаете? – подходя, спросила его Уна.

– Конечно. Ко-не-ечно, – сказал он и снова взялся за свою работу; дети увидели, что он рисует карандашом с серебряным кончиком. Пек сидел неподвижно, и на его широком лице застыла улыбка. Несколько мгновений дети молча смотрели, как быстрые ловкие пальцы набрасывали абрис лица их друга. Вот человек вынул из сумки тростниковое перо, очинил его костяным ножичком в форме рыбы.

– О, какая прелесть, – произнес Ден.

– Осторожнее. Это лезвие очень острое. Я сам сделал его из лучшей стали, взятой мной из самострела народа низин. Рыбу тоже сделал я. Когда спинной плавник отодвигается к ее хвосту, рыба проглатывает лезвие, совсем как кит проглотил Иону... Да, да, вот это моя чернильница. Я поместил на ней четырех серебряных святых. Нажмите на голову Варнавы. Она откроется и тогда... – Он опустил в чернильницу перо и осторожно, но уверенно набросал черты сморщенного лица Пека, которые были только слабо намечены серебряным кончиком его карандаша.

Дети в один голос ахнули: с белой бумаги на них, как живое, глянуло лицо Пека.

Работая и слушая звук дождя, струившегося по черепицам крыши, рисовальщик говорил; иногда его слова звучали отчетливо, иногда он бормотал что-то неразборчиво, иногда совсем замолкал и то хмурился, глядя на свою работу, то улыбался. Он сказал детям, что родился на ферме «Липки» и что отец часто бил его за то, что он рисовал, а не работал; наконец, старый священник, по имени отец Роджер, который расписывал красками и золотом большие буквы в книгах богачей, уговорил родителей рисовальщика отдать мальчика к нему в ученье.

После этого он вместе с отцом Роджером отправился в Оксфорд, где мыл посуду и подавал плащи и башмаки ученым в колледже Мертон.

– Разве вам это не было противно? – после многих других вопросов спросил его Ден.

– Я об этом не думал. Половина Оксфорда строила новые колледжи или украшала старые, и для этого были призваны художники и ремесленники со всего мира, короли своего дела и люди, почитаемые королями. Я был знаком с ними, я работал для них и считал, что этого для меня достаточно. Немудрено...

Он замолчал и засмеялся.

– Что ты сам сделался великим человеком, – сказал Пек.

– Так меня называли, Робин. Даже Браманте¹⁰ сказал это.

– А почему? Что же вы сделали? – спросил Ден.

Художник посмотрел на мальчика странным взглядом и ответил:

– Разные разности из камня по всей Англии. Значит, ты не слыхал о них? Даже здесь, близ нашего дома, я выстроил маленькую церковь святого Варнавы; впрочем, она доставила мне больше забот и печалей, чем все остальные. Но благодаря ей я получил полезный урок.

– Гм, – произнес Ден, – сегодня утром у нас тоже были уроки.

– Я не буду тебя печалить, мальчик, – сказал Галь, не обращая внимания на громкий хохот Пека. – Только странно думать, что эта маленькая церковь была перестроена, покрыта новой крышей и стала нарядной, благодаря нескольким благочестивым суссекским литейщикам, кузнецам, молодому моряку, горделивому ослу, называвшемуся Галем-чертежником, потому что он постоянно рисовал и чертил и... – он замялся, – и шотландскому пирату.

– Пирату? – повторил Ден и завертелся, как рыба на крючке.

– Да, да, церковь помог выстроить сэр Эндрью Бартон, тот самый пират, о котором вы пели на лестнице. – Он снова опустил перо в чернильницу и, затаив дыхание, нарисовал круг, словно позабыв обо всем остальном на свете.

– Пираты не строят церквей, правда? – спросил Ден. – Или строят?

– Иногда они оказывают большую помощь строителям, – со смехом проговорил Галь. – Но ведь вы сегодня учились?

– О, о пиратах нас не учат, – сказала Уна. – А почему сэр Эндрью Бартон помог вам?

– Я не знаю хорошенько, знал ли он, – заметил Галь, блестя глазами, – что помог мне. Робин, скажи, могу ли я рассказать этим невинным душам, что может явиться следствием греховной гордости?

– О, об этом мы знаем, – храбро сказала Уна. – «Если возгордишься, тебя непременно посадят на место».

Галь молчал, Пек проговорил несколько непонятных детям длинных слов.

– Ага, так было и со мной, – сказал Уне художник. – Я очень гордился такими вещами, как портики; например, галилейский портик в Линкольне; гордился, что Ториджиано положил руку на мое плечо; гордился полученным мной рыцарским званием после того, как я сделал позолоту для «Государыни», корабля нашего короля. Но сидевший в мертонской библиотеке отец Роджер не позабыл обо мне. Когда я, в разгаре моей гордости, получил приказание выстроить портик в Линкольне, он сурово велел мне вернуться к моей суссекской глине и за собственный счет перестроить церковь, в которой в течение шести поколений хоронили моих предков Доу. «Сын моего искусства, – сказал он. – Сражайся с дьяволом дома; это важнее, чем называться художником». – И я поехал... Ну, как тебе это нравится, Робин? – и он показал Пеку законченный набросок.

– Вылитый я, – сказал Пек, поворачиваясь перед рисунком, точно перед зеркалом. – Ах, смотрите. Дождь-то ведь прошел. Я не люблю сидеть дома в хорошую погоду!

– Ура, праздник! – крикнул Галь и соскочил с места. – Кто идет ко мне в «Липки»? Там мы можем поговорить.

Все сбегали с лестницы, прошли под ивами, ронявшими дождевые капли, и повернули к залитой солнцем мельничной плотине.

– Ах ты, Боже мой, – сказал Галь, глядя на плантацию зацветающего хмеля. – Что это за лозы? Нет, нет, это не виноград; их странные плети походят на бобовые. – Он начал рисовать в своей книге.

¹⁰ Браманте (Донатто д'Анджело, 1444–1514 гг.) – знаменитый художник. Он был превосходным архитектором, живописцем; писал стихи. В Италии много прекрасных церквей и зданий, которые возвел он. – Примеч. пер.

– Это хмель. В Англии он появился после тебя, – сказал Пек. – Он растение Марса, и его цветы придают остроту. Мы говорим:

«Индюки, ересь, хмель и пиво пришли в Англию в один и тот же год».

– Что такое ересь – мне известно; теперь я видел хмель и его красоту. Но что такое индюки?

Дети засмеялись; они знали индюков фермы «Липки», и едва маленькое общество дошло до фермерского фруктового сада на холме, как на него набросилось целое стадо индюшек. Книжка Галя снова появилась в руках художника.

– Ого-го! – крикнул он. – Вот воплощенное тщеславие, одетое в лиловые перья. Вот гневное презрение и торжественность плоти. Как вы называете этих птиц?

– Это индюки и индюшки! – закричали дети; в это же время старый индюк с покрасневшим наростом стал бесноваться, нападая на лиловое трико Галя.

– Прошу прощения, ваше великолепие, – сказал птице художник, – я сегодня зарисовал две хорошие новые вещи, – и он приподнял свою лиловую шапочку и поклонился кричавшей птице.

Потом все четверо прошли через травянистый луг к Бугорку, на котором стоят «Липки». При ярком вечернем солнце обветренный и развалившийся старый дом окрасился в цвет кровавого рубина. Голуби клевали известку возле развалившейся трубы; пчелы, которые жили под черепицами, наполнили своим жужжанием горячий августовский воздух; запах буксов, прижавшихся к окну молочной, смешивался с ароматом влажной земли, свежего хлеба и дыма.

Жена фермера подошла к двери; она держала на руках ребенка, защитив глаза рукой от солнца, наклонилась, сорвала веточку розмарина и свернула в фруктовый сад. Старый сторожевой пес раза два тявкнул из будки, заявляя, что он охраняет пустой дом. Пек задвинул засов калитки.

– Удивляетесь ли вы, что я люблю это? – шепотом спросил Галь. – Что могут знать горожане о красоте и характере строений и земли?

Они все уселись рядом на старинной дубовой скамье фермы «Липки» в саду и смотрели через долину туда, где за домом плетельщика корзин и изгородей стояла старая кузница; Хобден рубил дрова в саду около своих ульев. Вот его топор упал; через секунду раздался стук.

– Да, – произнес Галь. – Там, где стоит дом этого старика, был литейный завод мастера Джона Коллинза. Много ночей я просыпался от стука его огромного молота. Бум-бим!.. Когда ветер дул с востока, мне случалось слышать, как в Стокенсе завод мастера Тома Коллинза отвечал ему: бум-бом!.. В промежутках слышались удары молотков сэра Джона Пельгама, в Брактлинге; они походили на голоса школьников; тук-тук-тук – слышал я и засыпал под эти звуки. Да, в этой долине было столько же кузниц и заводов, сколько в мае бывает кукушек. А теперь все исчезли.

– А что они изготавливали? – спросил Ден.

– Орудия для королевских судов и для других кораблей. По большей части это были серпентины. Когда орудия бывали готовы, являлись королевские посланцы и на наших волах везли их к берегу. Посмотрите, вот это портрет одного из первых и лучших моряков.

Галь перевернул одну страницу и показал детям выполненный карандашом портрет молодого человека с подписью: Себастьян.

– Он явился к Джону Коллинзу с приказом короля изготовить двести серпентин (это были злобные маленькие пушки) для снаряжения кораблей. Я зарисовал его, когда он сидел у нас подле камелька и рассказывал моей матушке о землях, которые собирался открыть на краю земли. И он отыскивал такие земли. Бывает чутье, ведущее человека по неведомым морям. Себастьян носил фамилию Кабо; он родился в Бристоле, но был наполовину иностранцем. Благодаря ему я получил много денег. Ведь он-то и помог мне выстроить церковь.

– А я думал, это сделал сэр Эндрю Бартон, – заметил Ден.

– Да, да, но фундамент кладут раньше, чем строят крышу, – ответил Галь. – Первым толкнул меня на этот путь Себастьян. Я приехал сюда не для того, чтобы служить Господу, как подобало бы благочестивому художнику, а желая показать, какой я великий человек. Мои соотечественники не обращали на меня внимания, и поделом мне. «Зачем это он, – говорили они, – сует свой нос в здание старой церкви святого Варнавы? Церковь наполовину разрушилась со времени черной смерти и должна остаться в руинах. Пусть он лучше повесится на веревке на своих лесах». Все благородные и простые, великие и малые – Гайсы, Фоульсы, Феннерсы, Коллинзы – все, все были против меня. Только сэр Джон Пельгам поддержал мое мужество и приказал продолжать постройку. Но мог ли я сделать это? Когда я просил Коллинза одолжить мне его волов, чтобы привезти стропила, оказывалось, что волов нет дома. Правда, он обещал мне набор железных скобок и прутьев для крыши, но они не попали ко мне в руки, а те, которые попали, были ржавыми и с трещинами. И так получалось со всеми. Никто ничего не говорил, но ничего не делалось, если я не присутствовал сам, да и тогда люди работали плохо. Мне казалось, что вся страна заколдована.

– Конечно, была заколдована, – сказал Пек, подтягивая колени к подбородку. – А ты никого не подозревал?

– Нет, пока Себастьян не явился за орудиями, и Джон Коллинз не начал играть с ним таких же противных штук, как со мной. В течение нескольких недель он изготовил две-три серпентины, но такие, которые, по словам знатоков, годились только на переплавку. Тогда Джон Коллинз стал качать головой и говорить, что он не решится послать королю несовершенные орудия. Святители, как бушевал Себастьян! Я хорошо помню это, потому что мы сидели как раз на этой же скамье и рассказывали друг другу о наших печалях.

Когда Себастьян пробесновался шесть недель и получил только шесть серпентин, Дирк Брезент прислал мне сказать, что запас камня, который он вез из Франции, выброшен им за борт для облегчения его корабля, который преследовал Эндрью Бартон вплоть до самого порта Рай.

– Ага, пират! – заметил Ден.

– Да. Я рвал на себе волосы; в это время приходит ко мне мой лучший каменщик, Виль, дрожит и уверяет, что сам дьявол, с огромными рогами, с хвостом и весь в цепях, убежал от него из церковной колокольни и что остальные рабочие отказываются строить. Тогда я пошел с ними в харчевню «Колокол» и угостил каждого кружкой пива. Мне встретился мастер Джон Коллинз и сказал:

– Делай, как знаешь, мальчик, но на твоём месте я послушался бы знамения и оставил в покое старую церковь.

Мои рабочие закивали своими грешными головами и согласились с ним. Но они меньше боялись дьявола, нежели меня; я это узнал позже.

С такими милыми вестями я прихожу в «Липки» и вижу, что Себастьян белит потолок кухни моей матушки. Он ее любил, как сын.

– Мужайся, голубчик, – сказал он. – Бог там, где он и был. Только мы с тобой сущие ослы. Нас провели, Галь, и да будет стыдно мне, моряку, что я раньше не угадал этого. Ты должен бросить свою колокольню, потому что в ней дьявол; я не получаю серпентин, так как Джон Коллинз не в состоянии хорошенько отлить их. Между тем Эндрью Бартон крадетсЯ от порта Рай. Зачем? Чтобы получить те самые серпентины, которые уходят из рук бедного Кабо. Я готов заложить мою часть новых материков, что упомянутые серпентины спрятаны в колокольне церкви святого Варнавы. Это ясно, как бывает ясно виден ирландский берег в светлый полдень.

– Они не осмелятся этого сделать, – возразил я. – Кроме того, продажа пушек врагам короля – измена, за которую грозит виселица.

– Их соблазняет большой барыш. Многие люди ради этого решаются рискнуть головой. Я сам торговал, – сказал Себастьян. – Но мы должны уличить их, уличить во имя чести Бристоля.

И тут же, сидя на ведре с известковыми белилами, Себастьян придумал план. Во вторник мы сделали вид, что уезжаем в Лондон, и простились со всеми нашими друзьями, особенно с мастером Коллинзом. Проехав же немного, вернулись через заливные луга, спрятали наших лошадей в ивовой роще, там, где начинается пашня, и ночью прокрались к старой церкви. Стоял густой туман, но лунный свет пробивался сквозь него.

Едва я закрыл за нами дверь колокольни, как Себастьян растянулся в темноте.

– Ох, – сказал он, – поднимай ноги выше и щупай руками пол, Галь. Я натолкнулся на пушки.

Я послушался его совета и в черной тьме насчитал двадцать стволов серпентин, которые лежали в соломе. Их и не подумали спрятать.

– Вот здесь две маленькие пушки, – сказал Себастьян, постукивая рукой по металлу. – Они приготовлены для нижней палубы корабля Эндрью Бартона. Честный, честный Коллинз. Это его склад, его арсенал, его оружейная мастерская. Теперь ты видишь, почему твой шум, стук, твои работы вызвали дьявола в Суссексе? Ты много месяцев мешал Коллинзу честно торговать. – И Себастьян засмеялся.

Обмазанная свежей глиной башня – не самое теплое место в полночь, а потому мы поднялись на лестницу колокольни, и там Себастьян наступил на коровью шкуру с хвостом и рогами.

– Ага, – произнес он. – Твой дьявол забыл здесь свою одежду. Ну, идет ли мне этот плащ, Галь?

Он надел на себя коровью шкуру и остановился в полосе лунного света, который проникал через узкое окошко. По чести – сущий дьявол. Потом Себастьян сел на ступеньку, стал колотить хвостом по доске, со спины он казался еще ужаснее, чем спереди. Сова влетела и поскреблась о его рога.

– Пословица говорит, что, если ты хочешь прогнать дьявола, запирай дверь, – прошептал Себастьян. – Но она лжет, как и другие поговорки, Галь, потому что я слышу, как дверь в башню отворяется.

– Я запер ее. У кого же, побери его чума, может быть второй ключ? – спросил я.

– Судя по звуку шагов, ключи у всех прихожан, – ответил Себастьян, вглядываясь в темноту. – Молчи, молчи, Галь. Слышишь, они стонут, охают. Я уверен, принесли еще несколько моих серпентин. Одна, другая, третья, четвертая. Все внесены. Поистине, Эндрью снаряжает свои корабли, точно адмирал. Всего двадцать четыре серпентины.

В эту минуту до нас долетел глухой голос Джона Коллинза, повторивший, как эхо:

– Двадцать четыре серпентины и две малые пушки. Весь заказ сэра Эндрью Бартона.

– Как вежливо он величает пирата. Что же это?.. – прошептал Себастьян. – Не бросить ли в его голову мой кинжал, Галь?

– В среду орудия отправятся в порт Рай в шерстяных фурах под тюками шерсти. Дирк Брезент опять встретит их в Удиморе, – продолжал Джон.

– Господи, что за странные приемы торговли! – произнес Себастьян. – Полагаю, мы с тобой единственные два младенца, не участвующие в барышах.

Действительно, внизу было человек двадцать, и все говорили громко, как на ярмарке. Мы сосчитали их по голосам.

Вот Джон Коллинз пропищал:

– Орудия для Франции мы положим здесь же в следующем месяце. Скажи, Виль, когда твой молодой дурак (это, значит, я) вернется из Лондона?

– Не знаю, – послышался ответ Вилли. – Кладите их, куда вам угодно, мистер Коллинз. Мы все до того боимся дьявола, что не войдем в башню.

Этот мошенник засмеялся.

– А тебе, Виль, легко вызывать дьявола, – прозвучал другой голос, голос Ральфа Хобдена, который работал в кузнице.

– А-а-минь! – прогремел Себастьян, и не успел я схватить его, как он спрыгнул с лестницы! – ну, сущий дьявол! – и страшно заревел. Он заработал кулаками; они убежали. Святители, как они улепетывали! До нас донесся их стук в дверь харчевни «Колокол»; тогда мы тоже пустились в путь.

– Что делать дальше? – спросил Себастьян, перепрыгивая через кустарник и поднимая при этом вверх свой коровий хвост. – Я разбил лицо честному Джону.

– Поедем к сэру Джону Пельгаму, – сказал я, – он единственный человек, который подерживал меня.

Мы отправились в Брайтлинг; промчались мимо сторожек сэра Джона, из которых сторожа собирались осыпать нас пулями, приняв за браконьеров; разбудили сэра Джона Пельгама, усадили его в его судейское кресло и рассказали ему обо всем, показав при этом коровью шкуру, которая все еще болталась на Себастьяне; он хохотал до слез.

– Отлично, отлично, – сказал сэр Джон Пельгам. – Еще до рассвета дело будет решено. На что вы жалуетесь? Мастер Коллинз мой старый друг.

– Но не мой, – возразил я. – Когда я думаю, как он и ему подобные подставляли мне ножки и выживали меня из церкви... – И я задохнулся.

– Ведь церковь была нужна им для другого дела, – мягко заметил сэр Джон.

– И они помешали мне получить мои серпентины, – с жаром произнес Себастьян. – Получи я мои орудия, я уже пересек бы половину западного океана. Теперь же серпентины проданы шотландскому пирату.

– А где доказательство? – поглаживая свою бороду, спросил сэр Джон.

– Час тому назад я чуть не переломал себе о них ноги и слышал, как Коллинз приказал переправить их Эндрю Бартону.

– Слова, одни слова, – протянул Пельгам. – Мастер Коллинз в лучшем случае – лгун.

Сэр Пельгам говорил так серьезно, что на одно мгновение в моей голове шевельнулась мысль о его участии в тайной торговле, и я заподозрил, что в Суссексе нет ни одного честного литейщика.

– Ответьте во имя рассудка, – заговорил Себастьян, стуча по столу своим коровьим хвостом, – чьи же эти орудия?

– Очевидно, ваши, – ответил сэр Джон Пельгам. – Вы явились с королевским приказом изготовить их, и мастер Коллинз отлил их на своем заводе. Если ему было угодно перетащить их в церковную башню, орудия очутились только ближе к главной дороге, и вы избавлены от части перевозок. Зачем видеть злой умысел в простом поступке доброго соседа, юноша?

– Боюсь, что я недобро отплатил ему, – заметил Себастьян, поглядывая на свой кулак. – Как же поступить с маленькими пушками? Онигодились бы мне, но эти орудия не включены в королевский заказ.

– Опять доброта, доброта любящего человека, – продолжал сэр Джон. – Благодаря своему рвению услужить королю и любви к вам, мастер Коллинз, без сомнения, прибавил эти два орудия в виде дара. Ах вы, треска, разве это не ясно, как начинающийся теперь рассвет?

– Да, ясно, – согласился Себастьян. – О, сэр Джон, почему вы никогда не служили на море? На суше ваш талант пропадает даром, – и он с нежной любовью посмотрел на него.

– Я делаю все, что могу на своем месте, – ответил сэр Джон, снова погладил свою бороду и произнес громовым голосом, как всегда во время суда: – Но слушайте меня, вы, юноши, в полночь вы выделяли штуки, которых я не одобряю, бегали около харчевни, застали мастера Коллинза за его (на минуту он задумался), за его хорошими деяниями, которые он желал до времени сохранить в тайне, и жестоко напугали его...

– Верно, сэр Джон. Посмотрели бы вы, как он улепетывал, – заметил Себастьян.

– Позже вы примчались ко мне с историями о пиратах, о фурах и коровьих кожах, и ваши слова, правда, заставили меня хохотать, но возмутили мою совесть судьи. Поэтому я вернусь с вами к колокольне, захватив с собой нескольких моих собственных людей да три-четыре телеги, и, ручаясь, мастер Коллинз добровольно отдаст вам, мастер Себастьян, ваши серпентины и малые орудия. (Он снова заговорил обыкновенным голосом.) – Я давно предсказывал старому мошеннику и его соседям, что они попадут в беду из-за тайных продаж и темных делишек; но ведь нельзя же перевешать половину Суссекса за маленькую кражу пушек? Довольны вы, юноши?

– За два орудия я совершил бы любую измену, – ответил Себастьян и потер руки.

– Вы только что видели измену и мошенничество из-за того же, – заметил сэр Джон. – А теперь на лошадей, и марш получать «орудия».

– Но ведь мастер Коллинз действительно хотел отдать пушки сэру Эндрю Бартону? Правда? – спросил Ден.

– Ну, конечно, – ответил Галь. – Однако он потерял их. Когда разгорелась заря, мы нахлынули на деревню. Сэр Джон ехал впереди всех, и его знамя развевалось; за ним двигалось тридцать здоровых слуг, по пяти в ряд, дальше – четыре фуры, а вслед за ними – четверо трубачей, ради торжественности. Они играли: «Наш король поехал в Нормандию». Вот мы остановились и вытащили звенящие орудия из башни, эта сцена походила на картинку французской осады, которую брат Роджер нарисовал для молитвенника королевы.

– А что сделали мы... я хочу сказать, наша деревня? – опять спросил Ден.

– О, она держалась благородно, – заявил Галь. – Хотя мои односельчане провели меня, я гордился ими. Они высыпали из своих домов, глядя на маленькую армию, точно на проезжающую почтовую карету, и молча пошли своим путем. Ни движения, ни слова. Они скорее погибли бы, чем позволили бы Брайтлингу перекричать себя. Даже этот негодный Виль, выйдя из «Колокола», где он пил утреннюю кружку пива, чуть-чуть было не попал под ноги лошади сэра Пельгама.

– Берегись, сэр дьявол! – крикнул ему сэр Пельгам и осадил лошадь.

– Разве сегодня рыночный день? – спросил Виль. – Почему это здесь все брайтлингские быки?

Я оплатил за это бессовестному негодяю.

Но лучше всех был Джон Коллинз. Он шел по улице (с подвязанной челюстью, которую угостил Себастьян) и видел, как мы вытаскивали первую пушку из дверей.

– Полагаю, вы найдете, что она тяжеловата, – сказал мастер-литейщик.

Тут я в первый раз увидел, как Себастьян попал в тупик. Он открыл и закрыл свой рот: ни дать ни взять – рыба.

– Не обижайтесь, – продолжал Коллинз. – Вы получили орудия за очень дешевую цену, и я думаю, вам нечего сердиться, если вы заплатите мне за помощь.

Ах, он был великолепен! Говорят, это утро обошлось ему в двести фунтов, но он и бровью не повел, даже когда увидел, что орудия повезли из деревни.

– Ни тогда, ни потом? – спросил Пек.

– Раз поморщился, а именно когда доставил церкви святого Варнавы новый набор колоколов (в те времена Коллинзы, Гайсы, Фоулины и Феннерсы были готовы сделать все для церкви. «Проси и получай» – только и пели они). Мы повесили колокола; мастер Коллинз стоял в башне с Черным Ником Фоулином, который поднес нам футляр для креста. Литейщик дергал за колокольную веревку одной рукой, а другой почесывал себе шею. «Пусть лучше она дергает тебя за язык, чем давит мне горло», – сказал он. И только. Таков Суссекс, вечный, неизменный Суссекс.

– А что было потом? – спросила Уна.

– Я вернулся обратно в Англию, – медленно произнес Галь, – получив хороший урок за гордость; но, говорят, что из церкви я сделал жемчужину, настоящую жемчужину. Так-то. И я сделал это для моих односельчан, работая рядом с ними, и (прав был отец Роджер) никогда позже я не видел столько хлопот и такого торжества. Это в природе вещей. Милая, дорогая моя страна! – Его голова опустилась на грудь.

– Дети, вон ваш отец. О чем это он разговаривает со старым Хобденом? – заметил Пек, раскрывая кулак, в котором были зажаты три листка.

Дети посмотрели в сторону дома Хобдена.

– Знаю, – сказал Ден. – Он говорит о старом дубе, который лежит поперек ручья. Папа хочет, чтобы его вырыли.

В тихой долине звучал голос Хобдена.

– Делайте, как вам угодно, – говорил он. – Только корни старого дерева укрепляют берег. Если вы уберете дуб, берег обвалится, и во время следующего половодья ручей затопит луга. Впрочем, как угодно. Только вот мистрис очень нравятся папоротники, которые выросли на его коре.

– Ну, я подумаю, – сказал отец.

Уна засмеялась журчащим смехом.

– Какой дьявол в «этой» колокольне? – лениво усмехаясь, спросил Галь. – По голосу, вероятно, Хобден.

– Этот дуб – настоящий мост, он соединяет заросли с нашим лугом. Хобден говорит, что там лучше всего ставить силки. Он только что поймал двух кроликов, – ответила Уна. – Он не позволит вырыть дуб.

– О, Суссекс, вечно глупый Суссекс! – пробормотал Галь.

В следующее мгновение до «Липок» донесся голос отца детей, а на колокольне часы пробили пять.

Отлет из Димчерча

Стемнело; мягкий сентябрьский дождь стал падать на головы собирателей хмеля. Матери повернули скрипучие детские колясочки и покатали их из садов; старики вынули счетные книги. Молодожены двинулись домой, укрываясь под одним зонтиком; холостяки поплелись за ними и со смехом поглядывали на них. Ден и Уна отправились печь картофель в сушильню, туда, где во время сбора хмеля старый Хобден и его любимица, охотничья собака, синеглазая Бес, жили целый месяц.

Дети, по обыкновению, уселись на покрытую мешками лежанку напротив очага и, когда Хобден закрыл ставни, стали, тоже по обыкновению, смотреть на остывающие угли, жар от которых уходил вверх по старинной трубе. Хобден наколот нового угля, спокойно уложил свежие куски туда, где они могли принести больше всего пользы, подошел к Дену, который передал ему картофель, заботливо разместил картофелины по краю камина и остановился, рисуясь черной тенью на фоне вспыхнувшего пламени. Так как Хобден закрыл ставни, в сушильне стало темно, и старик зажег свечку в фонаре. Дети привыкли ко всему, и это им нравилось.

Немного поврежденный умом сын Хобдена, Пчелиный Мальчик, скользнул в сушильню, точно тень. Дети угадали, что он пришел, только когда Бес завиляла своим коротким обрубленным хвостом.

А снаружи донесся чей-то громкий голос, который пел, несмотря на моросивший дождь.
– Только двое людей могут так реветь, – заметил старый Хобден и обернулся.

Пение стало еще громче. Дверь растворилась, и на пороге показалась фигура рослого человека.

– Ну, говорят, оживленная работа оживит и мертвого, и теперь я верю этому. Это ты, Том, Том Шосмис? – Хобден опустил свой фонарь.

– Не скоро ты узнал меня, Ральф.

Шосмис вошел в сушильню, это был исполин, ростом на три дюйма выше Хобдена, с седой бородой и баками, с темным лицом, но со светлыми голубыми глазами. Старики пожали друг другу руки, и Уна с Деном услышали, как две жесткие ладони стукнули одна о другую.

– Ты по-прежнему сильно жмешь руку, – заметил Хобден. – Не помню – тридцать или сорок лет тому назад ты раскроил мне голову на ярмарке в Писмарше?

– Всего тридцать, и зачем нам считаться, кто кому разбил голову? Ты отплатил мне, стукнув меня шестом от хмеля. Как мы попали домой в ту ночь? Вплыв?

– Тем путем, которым фазан попадает в сумку браконьера, то есть благодаря счастью и маленьким заклинаниям.

И старый Хобден громко расхохотался.

– Я вижу, ты не забыл старого. Ты по-прежнему занимаешься «этим»? – И гость старого плетельщика сделал вид, что стреляет из ружья.

Хобден ответил движением руки, которым он как бы ставил силок для кролика.

– Нет, мне осталось теперь только «это». Что делать? Старость. А где ты был все эти годы?

«Я побывал в Плимуте; я побывал в Дувре, я шатался по всему свету», – пропел старик строфу из старой песни. – И, – прибавил он, – мне кажется, я знаю старую Англию лучше многих.

Повернувшись к детям, он подмигнул им.

– Вероятно, тебе рассказали много небылиц. Я изучил Англию вплоть до Вайльдшайра. Там меня даже надули, продав мне плохую пару садовничьих перчаток, – заметил Хобден.

– Лгут и надувают повсеместно. Но ты, Ральф, все же поселился на старом пепелище.

– Нельзя пересадить взрослое дерево, оно умрет, – сказал Хобден и засмеялся. – А я умирать хочу не больше, чем ты желаешь помочь мне просушить мой хмель.

Старый исполин прислонился к стене у камина, развел руками и сказал:

– Найми меня.

И два приятеля захохотали. Скоро дети услышали, как их лопаты заскребли по холсту, на котором лежал слой желтых шишек хмеля, сушившегося над огнем; когда же старики пере-ворошили хмель, сарай наполнился сладким, навевающим дремоту запахом.

– Кто это? – шепотом спросила Уна Пчелиного Мальчика.

– Знаю не больше, чем вы оба... если вы знаете, – с улыбкой ответил он.

По сушильным доскам топали ноги; раздавались голоса разговаривающих. Сквозь отвер-стие пресса прошел мешок; он наполнился и растолстел, когда старики насыпали в него хмель. «Звяк» – лязгнул пресс и расплющил мешок в лепешку.

– Тише! – крикнул Хобден. – Не то разорвешь холст. Ты не осторожнее быка фермера Глизона. Садись-ка к огоньку. Теперь дело пойдет.

Старики вернулись к камину; Хобден открыл ставни, чтобы посмотреть, готов ли карто-фель, а Том Шосмис сказал детям:

– Посильнее посолите картофелины. Это покажет вам, какого сорта я человек. – Он опять подмигнул, Пчелиный Мальчик снова засмеялся, а Уна широко открыла глаза и посмотрела на Дена.

– Я-то знаю, что ты за человек, – проворчал старый Хобден, собирая картофелины.

– Ты знаешь? – Том зашел за спину своего друга. – Некоторые из нас не выносят подков, церковных колоколов, живой, проточной воды. Кстати, говоря о проточной воде, – обратился он к Хобдену, отходившему от очага. – Помнишь ты большое наводнение, во время которого работник мельника утонул на улице Робартсбриджа?

– Еще бы. – Старый Хобден опустил на кучу угля возле камина. – В тот год я ухаживал за моей женой. Я был возничим у Плема и получал десять шиллингов в неделю. Моя жена уроженка Марша.

– Удивительно странное место этот Марш, – заметил Шосмис, – я слышал, мир делится на Европу, Азию, Африку, Америку, Австралию и Марш.

– Уроженцы Марша думают так, – сказал Хобден. – Уж как я бился, стараясь разубедить в этом мою жену.

– А из какой деревни она была? Я забыл, Ральф.

– Из Димчерча, под стеной, – ответил Хобден, держа в руке картофелину.

– Значит, из рода Пет или Вайтгифт. Так?

– Она была Вайтгифт. – Хобден разломал картофелину, стал есть ее аккуратно, как это делают люди, старающиеся не терять ни крошки на ветру. – Пожив здесь, она стала разумна, но первые двадцать лет жизни со мной была бесконечно странной женщиной. И до чего чудесно обращалась она с пчелами!

Хобден отрезал кусочек картофелины и выкинул его за порог двери.

– Ах, я слышал, что все Вайтгифты умеют видеть дальше других, – сказал Шосмис. – А как она?

– Моя жена была честной женщиной и не занималась колдовством, – ответил Хобден. – Она только понимала значение полета птиц, мелькания падающих звезд, звука роящихся пчел и тому подобных вещей. И нередко лежала, не смыкая глаз, и говорила, что слушает призывы.

– Это ничего не доказывает, – проговорил Том. – Все уроженцы Марша – прирожденные контрабандисты. Она должна была слушать по ночам; это у нее в крови.

– Конечно, – с улыбкой ответил Хобден. – То есть когда несли контрабанду не в Марше, а поближе к нашему дому. Но не это волновало мою жену. Ее занимали нелепости; она гово-рила, – он понизил голос, – о фаризеях.

– Да. Я слыхивал, что в Марше в них верят. – И Том посмотрел в широко открытые детские глаза.

- Фаризии, – повторила Уна. – Феи? Волшебн... О, я понимаю.
- Жители гор, – произнес Пчелиный Мальчик и швырнул к порогу половину своей картофелины.
- Именно, – сказал Хобден. – У него (плетельщик указал на своего сына) ее глаза и ее чутье. Так выражалась она.
- А что ты думал?
- Гм, – промычал Хобден. – Человек, который вечно возится в поле, вечером занимается только сторожами дичи.
- Оставим это, – ласково попросил его Том. – Я видел, как ты выбросил за дверь хорошую часть картофелины. Ты веришь или не веришь?
- На картофелине было большое черное пятно, – с негодованием заметил Хобден.
- А я не видал пятнышка, и мне казалось, что ты хотел покормить кого-то, кому картофель мог пригодиться. Но оставим это. Веришь ты в них или нет?
- Я молчу, потому что ничего не слыхал, ничего не видал. Но если ты скажешь, что ночью копошатся не только люди, звери, птицы или рыбы, я не стану называть тебя лгуном. Но что ты скажешь, Том?
- Тоже промолчу. Я только расскажу одну историю, а ты суди о ней, как угодно.
- Пойдет речь о бессмыслицах, – проворчал Хобден, но стал набивать свою трубку.
- В Марше называли это отлетом из Димчерча, – медленно заговорил Том. – Может быть, ты слыхал историю?
- Моя жена десятки раз рассказывала мне ее... И в конце концов я верил ей... иногда.
- Хобден прикурил трубку от желтого пламени своего фонаря. Том подпер рукой подбородок и спросил Дена:
- А вы бывали на Марше?
- Только в Рае, и то раз, – ответил Ден.
- Ах, это окраина. Дальше поднимаются колокольни подле церквей; мудрые старухи сидят у своих порогов; море набегает на землю; дикие утки стаями собираются в канавах. Весь Марш исполосован канавами, и там и сям видишь протоки и шлюзы. Можно слышать, как вода журчит и шумит в них во время прилива; слышишь также, как море ревет справа и слева от стены. Видели вы, до чего Марш ровен? Сперва думаешь, что легко пересечь его, но каналы заставляют дороги виться прихотливо, точно пряжу на прялках. Кружишься при ярком дневном свете.
- Это все потому, что люди отвели воду в каналы, – заметил Хобден. – Когда я ухаживал за моей женой, по всей низине шумели зеленые тростники. Да, зеленые, и властитель болот разъезжал по лугам так же свободно, как туман.
- Кто это был? – спросил Ден.
- Лихорадка и озноб. Раза два этот властитель потрепал меня по плечу так, что я весь задрожал. Но теперь болота осушены, лихорадка исчезла, и люди смеются, говоря, что властитель болот сломал себе шею в канаве. Прекрасное это место для пчел и уток.
- Люди, – продолжал Том, – жили там испокон веков. Уроженцы Марша говорят, что с самых древних времен фаризии особенно любили Марш. Им легко это знать; они, отцы и сыновья, занимались контрабандой с тех самых пор, как на овцах стала расти шерсть. И по их словам, фаризии были бесстрашны и нестыдливы, как кролики. При дневном свете их хоро- воды вились на открытых дорогах, они зажигали маленькие зеленые огоньки в канавах, и то показывали их, то прятали, ну точно честные контрабандисты свои фонари. А иногда запирали церковные двери перед пастором и его причетником в воскресенье.
- Вероятно, это делали контрабандисты, прятавшие в церкви кружева или водку, чтобы потом убежать из Марша. Я говорил это моей жене, – заметил Хобден.

– Конечно, она тебе не верила, раз была урожденная Вайтгифт. Во всяком случае, хорошо жилось фаризиям в Марше, пока отец королевы Бес не ввел там реформацию.

– Ее одобрил акт парламента? – спросил Хобден.

– Конечно. В нашей старой Англии ничто не делается без парламентского акта, без приказа, без обнародования требований. Отец королевы Бес получил этот акт от парламента, и пошла кутерьма. Одни стали на одну сторону; другие – на другую и принялись жечь друг друга. Кто брал верх, тот и жег побежденных. Это испугало фаризий, потому что мир между людьми для них пища и питье, а злоба и ненависть – яд.

– Вот то же и с пчелами, – заметил Пчелиный Мальчик. – Пчелки не остаются в доме, где есть ненависть.

– Истина, – согласился Том. – Реформация испугала фаризий, как жнец, который идет вдоль последней полосы пшеницы, пугает кроликов. Жители лугов, лесов и вод собрались в Марш со всех сторон и стали говорить: «Благородные или низкие, все мы должны улететь из этих мест, потому что веселая Англия погибла, и нам в ней так же нет места, как и изображениям святых».

– И все они соглашались с этим? – спросил Хобден.

– Все, кроме одного древнего существа, по имени Робин. Ты слышал о нем. Ну, чего смеешься? – спросил Том Дена. – Все это дело с фаризиями не пошло впрок Робину; уж очень он привык жить подле людей. Да и не хотелось ему бросать свою старую Англию; поэтому остальные послали его к людям просить у них помощи. Только ведь существа из крови и плоти прежде всего думают о своих делах, и Робин ничего не добился. Люди оставались глухи, они принимали его голос за отзвуки прибоа.

– А чего вы... чего хотели феи и волш... то есть фаризии? – спросила Уна.

– Ну, конечно, лодки. На своих крылышках они так же не могли бы перелететь через пролив, как и слабые бабочки. Им хотелось добыть лодку и моряков, которые переправили бы их во Францию, где люди еще не перестали молиться перед изображениями святых. Они не переносили жестокого звона кентерберийских колоколов, которые звонили для того, чтобы снова сожгли несчастных мужчин и женщин; они не могли видеть, как королевские гордые горцы разъезжали по всей стране, приказывая срывать с церковных стен и со стен домов изображения святых. А между тем им не удавалось получить лодку с моряками и переплыть во Францию. Люди в то время занимались своими делами. Марш кишел фаризиями, древними существами; они собирались туда со всех концов Англии, стараясь всеми средствами воздействовать на сознание людей и сказать о своих печалях... Не знаю, слышали ли вы, что фаризии похожи на цыплят?

– Моя жена говаривала это, – заметил Хобден, сложив на коленях свои коричневые руки.

– Это верно. Собери слишком много цыплят вместе – и земля будет отравлена; у них появится типун, и они перемрут. Точно так же, когда столпятся фаризии в одном месте, они, правда, не умрут, но люди, бродящие между ними, занедужат и затоскуют. Фаризии этого не хотят, люди об этом ничего не знают, но я говорю правду. Так, по крайней мере, я слышал. И все эти существа были испуганы, взволнованы: старались, чтобы люди услышали их мольбы, а потому жители низин чувствовали тяжесть. Над Маршем как бы нависла гроза. В сумерках в церквях вспыхивали болотные огни, стада скота внезапно рассеивались, хотя ни один человек не пугал животных; бараны жались друг к другу, хотя никто не сгонял их вместе; лошади убежали, маленькие зеленые огни чаще прежнего мерцали на откосах рвов; чаще прежнего также вокруг домов слышался топот невидимых ножек; и день и ночь, ночь и день каждому чудилось, что около него что-то ползает, кто-то его манит, но неизвестно кто. Холодный пот бежал по телу людей. Ни мужчина, ни девушка, ни женщина, ни ребенок не мог успокоиться в течение всех недель, пока в Марше кишели фаризии. И люди решили, что это предвестие бедствий для их низин; что, вероятно, море нахлынет на Димчерчскую стену и зальет их или придет

чума. Существа из плоти и крови старались прочитать зловещие признаки на волнах моря или в клубах облаков, вглядывались в даль и в высокое небо. Но никто не думал посмотреть вниз, подле себя.

Ну-с, в Димчерче, около стены, жила одна бедная вдова; не было у нее мужа, не было никакого имущества, а потому у нее оставалось много времени на то, чтобы чувствовать и ощущать. Вот она и угадала, что к ее порогу пришли такие тяжелые беды, каких она еще никогда не переживала. У вдовы было два сына – один слепой от рождения, другой немой после падения в детстве со стены. В то время, о котором я говорю, они, уже взрослые, не получали заработка, и она работала, чтобы прокормить их: держала пчел и отвечала на вопросы.

– На какие вопросы? – спросил Ден.

– Например, где можно найти потерянную вещь; что надевать на шею скрюченного ребенка; как помирить поссорившихся влюбленных. И она почувствовала тяжесть, нависшую над низинами Марша, как угри ощущают приближение грома. Это была мудрая женщина.

– Моя жена тоже тонко чувствовала перемену погоды, – заметил Хобден. – Я видал, как перед грозой из-под щетки с ее волос летел дождь искр, точно с наковальни. Ну а на вопросы она не отвечала.

– Та вдова была искательница, а ищущие иногда находят. Раз ночью лежала она в постели. Ей было жарко, и она чувствовала боль в теле. Вдруг пришла к ней сонная греза, постучалась в ее окно и позвала:

– Вдова Вайтгифт, вдова Вайтгифт!

Сперва, судя по мельканию крыльев и шороху, она подумала, что налетели синицы, но потом поднялась с постели, оделась и открыла дверь воздуху Марша. В ту же минуту Вайтгифт почувствовала, что ее окружает какое-то волнение, сильное, как лихорадка и озноб, услышала также ропот и крикнула: «Что это? О, что это?»

Что-то запищало, точно лягушки в канавах; потом послышался как бы стук стеблей тростника; наконец, большая прибойная волна стала колотиться о стену, и ее рев помешал вдове слышать.

Три раза спрашивала она и три раза ропот моря заглушал ответ. Однако вдова выбрала спокойную минуту и опять закричала:

– Что случилось в Марше? Что давило мне сердце и волновало меня прошлый месяц?

В ту же секунду маленькая рука дернула ее за подол платья, и, почувствовав это, вдова наклонилась.

Том Шосмис раскрыл свой огромный кулак, посмотрел себе на ладонь и улыбнулся.

– Не затопит ли море Марша? – спросила Вайтгифт. Она была истая дочь своих низин.

– Нет, – ответил тонкий голосок. – Относительно этого будь спокойна.

– Не чума ли подходит? – спросила опять Вайтгифт. Только таких бедствий и ждала она.

– Нет, относительно этого спи спокойно, – сказал ей Робин.

Вдова повернулась было, собираясь уйти в дом, но раздались такие пронзительные и огорченные голоса, что Вайтгифт остановилась и снова спросила:

– Если никакая беда не грозит родной мне плоти и крови, что я могу сделать?

Тогда маленькие существа окружили ее и стали просить у нее лодку, чтобы переправиться в ней во Францию и навеки остаться там.

– На стене есть лодка, – ответила вдова, – но я не в силах столкнуть ее в море; не могу и переправить вас через пролив.

– Дай нам на время своих сыновей, – зазвучали голоса, – позволь им управлять лодкой, о, мать, о, мать!

– Один из них немой, а другой слепой, – ответила она, – и тем дороже для меня оба, а вы погубите их в бурном море. – Голоса дошли до нее, и она поняла, что ее просят также и дети.

Этого она не могла вынести и потому сказала: «Если вы уговорите моих сыновей, я не стану останавливать их. Большого от матери нельзя ждать».

Тут зеленые огоньки замелькали и затанцевали перед ней, и у нее голова закружилась; тысячи маленьких ног затопали вокруг; до вдовы донесся звон жестоких колоколов и рокот волн, яростно бивших о большую стену. Тем временем древние существа заставили сновидение разбудить сыновей вдовы; и вот Вайтгифт увидела, как они оба вышли из дома и, не сказав ей ни слова, миновали ее. Она закусила губы и, заливаясь слезами, пошла за ними к старой лодке на стене. Немой и слепой спустили шлюпку в море!

Молодые люди установили мачту, натянули парус, и слепой сказал вдове: «Мама, мы ждем, чтобы ты позволила нам и благословила перевезти их на тот берег».

Шосмис закинул голову и полузакрыв глаза.

– Ах, – продолжал он, – вдова Вайтгифт была хорошая, отважная женщина. Она стояла, крутила пальцами концы своих длинных волос и дрожала, как тополь. Фаризии заставили молчать своих детей и ждали тихо-тихо. Только на нее и надеялись они; без ее позволения и благословения они не могли отплыть, ведь она была мать. Да, она дрожала, как осина. Наконец сквозь зубы сказала: «Отправляйтесь. Я позволяю вам и благословляю вас».

Тогда я увидел... тогда, говорят, ей пришлось идти домой, точно против течения бурного потока; дело в том, что фаризии неслись мимо нее. Они летели по берегу к лодке, все, все, стараясь убежать из жестокой старой Англии. Вы могли бы слышать, как звенело серебро; маленькие тюки падали в лодку; крошечные мечи звенели о щиты; невидимые пальчики царапали доски, когда два сына вдовы отталкивали шлюпку. Она оседала все ниже и ниже, но вдова видела только своих сыновей, которые наклонялись к рулю. Парус надулся, они отплыли, и шлюпка погрузилась глубоко, как барк в Рае, и скоро исчезла в прибрежном тумане. Вдова же Вайтгифт опустилась на землю и плакала до рассвета.

– А я и не знал, что она была там совсем одна, – заметил Хобден.

– Да, вспоминаю; с ней остался тот, кого звали Робин... говорят. Но она так горевала, что не хотела слушать его увещаний.

– Ах, ей следовало раньше сторговаться с маленькими существами. Я всегда говорил это моей жене! – с жаром произнес Хобден.

– Она послала своих сыновей из чистой любви; она ощущала тяжесть, нависшую над Маршем, и просто хотела рассеять ее. – Том мягко засмеялся. – Она достигла этого. Да, да. Вздошные мужчины, капризные девушки, страдавшие женщины, плакавшие дети – все почувствовали перемену в воздухе, как только улетели фаризии. Люди вышли из домов свежие, веселые, блестящие, точно улитки после дождя. А вдова Вайтгифт сидела и плакала на стене. Ей следовало верить нам... следовало верить, что ее сыновья вернуться. Но она страшно беспокоилась, и вот через три дня лодка вернулась.

– И конечно, оба ее сына совсем поправились? – спросила Уна.

– Не-ет. Это было бы противоестественно. Они вернулись к ней такими же, какими она отослала их. Слепой ничего не видел, немой, конечно, не мог сказать, что он видел. Вероятно, поэтому-то фаризии и выбрали их.

– Но что обещал ты... что обещал Робин вдове? – спросил Ден.

– Что он обещал?... – Том притворился, будто вспоминает. – Ведь твоя жена, Ральф, была урожденная Вайтгифт? Она тебе об этом не говорила?

– Когда родился вот он, – Хобден указал на своего сына, – она наболтала мне целый короб всякого вздора. Сказала, будто один из них всегда будет видеть больше остальных людей.

– Это обо мне, обо мне! – закричал Пчелиный Мальчик, да так неожиданно, что все засмеялись.

– Теперь вспомнил, – заметил Том, ударив себя по колену. – Робин обещал, что, пока кровь Вайтгифтов не иссякнет, в каждом поколении ее потомков всегда будет один особенный:

его не устрасит беда; ни одна девушка не заставит его вздыхать; ночи не станут пугать; страх не доведет до несчастья; бедствие – до греха и он не будет одурачен женщиной.

– Ну, разве я не такой? – спросил Пчелиный Мальчик, сидевший в серебряном четырехугольнике лунного света, проникавшего через открытую дверь сарая.

– Именно это сказала она, когда мы впервые заметили, что он не походит на остальных. Но откуда ты знаешь? – спросил Хобден.

– Ага! Под моей шапкой кроме волос есть еще многое, – со смехом ответил Том и потянулся. – Когда я провожу домой вот этих юнцов, мы поговорим о старине, Ральф. Хорошо? Да, кстати, где вы живете? – спросил он Дена. – А вы как думаете, мисс, ваш папа даст мне выпить за то, что я отведу вас домой?

Ден и Уна так захохотали, что им пришлось выбежать из сарая. Том поймал их; на одно свое плечо посадил Уну, на другое Дена и зашагал по луку, на котором их увидели пасшиеся коровы и в лунном свете обдали своим молочным дыханием.

– Ах, Пек, Пек, я сразу узнала тебя, как только ты заговорил о соли. Как же ты мог сделать это? – спросила Уна.

– Что сделать? – спросил Том, перелезая через изгородь возле дуба.

– Притвориться Томом Шосмисом, – договорил за сестру Ден и вместе с Уной наклонился, чтобы спастись от ветвей двух молодых тисов, росших около мостика через ручей. Том почти бежал.

– Это мое имя, мастер Ден, – ответил Том, быстро двигаясь по безмолвной, блестящей дороге туда, где подле куста терновника сидел кролик на самом краю площадки для крокета. – Вот вы и дома, – сказал он, свернув во дворик, и спустил детей на землю в ту самую минуту, когда кухарка Елена вышла и стала осыпать его вопросами.

– Я помог им вернуться из сушильни, – объяснил он ей. – Нет, я здешний уроженец, а не чужой. Я знал эти места раньше, чем родилась ваша матушка. И скажу вам, мисс, спасибо за пиво; в сушильне всегда пересыхает горло.

Елена ушла за пивом; дети вбежали в дом, снова зачарованные листьями дуба, тиса и терновника.

Редьярд Киплинг. Сказки и легенды

Почему кит ест только мелких рыбок

В стародавние времена, моя любимая, в море хил кит; жил и ел рыбу, всякую рыбу; треску и камбалу, плотву и макрель, шук и скатов, миног и ловких выюнов угрей; ел он также морских звезд и крабов, и все, все, что только ему попадалось. На всех-то, на всех рыб, на всех морских животных, которых кит замечал, он кидался и, открыв свою пасть, хватал их. Гам – и готово! Наконец, кит съел решительно всех рыб во всех морях. Уцелела только одна маленькая хитрая рыбка. Она плыла подле правого уха кита, так что он не мог ее схватить. Вот кит поднялся, стал на свой хвост и говорит:

– Я голоден.

А маленькая-то хитрая рыбка пищит в ответ тонким, хитрым голоском:

– Пробовали ли вы, великодушный рыбообразный, человека?

– Нет, – ответил кит, – не пробовал. А это вкусная штука?

– Да, – ответила хитрая рыбка, – только человек ужасно беспокойное создание.

– Ну, принеси мне парочку-другую людей, – сказал кит и ударил хвостом по воде, да так сильно, что все море покрылось пеной.

– Одного за глаза хватит, – сказала хитрая рыбка. – Проплыви до пятого градуса северной широты и до сорокового восточной долготы, и ты увидишь, что посреди моря на плоту сидит моряк. Его корабль разбился, а потому на нем только синие холщовые штаны на подтяжках (помни о подтяжках, моя любимая), и в кармане – нож. Но я, по совести, должна сказать тебе, что он необыкновенно умен и находчив.

Кит поплыл; все плыл и плыл к пятому градусу северной широты и к сороковому восточной долготы и очень торопился. Вот он увидел посреди моря плот, а на нем моряка в синих холщовых штанах с парой подтяжек (главное – помни о подтяжках, моя любимая) и с ножом. Моряк сидел, свесив ноги в воду. (Конечно, его мамочка позволила ему болтать голыми ногами в воде, не то он ни за что не стал бы этого делать, потому что был очень умен и находчив.)

Кит открыл рот; он открывал его все шире да шире, так что чуть не дотронулся носом до хвоста, и проглотил моряка, плот, на котором он сидел, синие штаны, подтяжки (о которых ты не должна забывать) и нож. Моряк и все эти вещи попали в теплый темный желудок кита. После этого кит с удовольствием облизнулся и три раза повернулся на своем хвосте.

Но как только моряк, человек донельзя находчивый и умный, очутился в темном теплом животике кита, он затопал ногами, запрыгал, заколотил и замолотил руками, стал кувыркаться и танцевать, кусаться, ползать, извиваться, выть, подскакивать и падать, кричать и вздыхать, лягаться, брыкаться и вертеться там, где это было вовсе не к месту. Понятно, кит почувствовал себя нехорошо. (Ведь ты же не забыла о подтяжках?)

И он сказал хитрой рыбке:

– Этот человек ужасно беспокоен; кроме того, у меня из-за него поднялась икота. Что мне делать?

– Скажи ему, чтобы он выскочил обратно, – посоветовала киту хитрая рыбка.

Тогда кит крикнул в свой собственный рот потерпевшему крушение моряку:

– Вылезай наружу, тогда и возись! У меня икота.

– Нет, нет, – ответил моряк. – Будет все по-другому. Отнеси меня к берегу моей родины, к белым утесам Альбиона, тогда я подумаю, как мне следует поступить.

И он заплясал еще сильнее прежнего.

– Лучше отнеси его к нему на родину, – посоветовала хитрая рыбка киту. – Я же предупреждала тебя, что он очень находчив и умен.

Нечего делать, кит поплыл; он все плыл да плыл, усиленно работая обоими своими плавниками и хвостом, хотя ему немного мешала икота. Наконец, он увидел родной берег моряка и белые утесы Альбиона, с размаха чуть было не выскочил на отмель и стал открывать свой рот все шире, шире и шире и сказал:

– Здесь пересадка на Винчестер, Эшлот, Неша, Кин и на все станции дороги, ведущей к полям вики.

Как только кит сказал слово «вики», моряк выскочил из его пасти. Надо сказать, что, пока кит плыл, моряк, человек действительно необыкновенно умный и находчивый, вытащил свой нож, разрезал плот на маленькие кусочки, сложил их крест-накрест, крепко-накрепко связал их между собой своими подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать о подтяжках?) и таким образом сделал из них решетку. Он взял с собой эту решетку и вставил ее в горло кита. Потом сказал вот какие слова. Ты ведь не слышала, что сказал моряк, так я повторяю тебе его слова: «Этой решеткой я помешаю тебе есть».

Дело в том, что моряк был также и сочинителем. Он ступил на отмель и пошел домой, к своей маме, которая позволяла ему ходить босиком по воде. Через некоторое время он женился и жил долго и счастливо. Долго и счастливо жил также и кит. Но со дня высадки моряка на его родной берег решетка, сидевшая в горле кита, которую он не мог ни выбросить наружу, ни проглотить, мешала ему есть что-нибудь, кроме очень-очень мелких рыбок. Вот потому-то в наше время киты не едят ни взрослых людей, ни маленьких мальчиков, ни маленьких девочек.

Хитрая рыбка уплыла и спряталась в тине, под порогом экватора. Она боялась, что кит на нее рассердится.

Моряк унес с собой свой нож. Когда он шел по морской отмели, на нем были синие холщовые штаны. Подтяжки же остались, помнишь, на решетке. Вот и конец сказочки о ките и хитрой рыбке.

Как на спине верблюда появился горб

Очень интересна вот эта наша вторая сказка; в ней рассказывается, как на спине у верблюда появился большой горб.

В самом начале, когда земля была совсем новая и животные только-только начали работать на человека, жил да был верблюд. Он поселился в самой середине огромной Воющей пустыни, потому что не хотел работать; кроме того, он и сам любил реветь. Ел он там стебли сухих трав, терновник, ветви тамариска, молочай, разные колючие кусты и ничего не делал. Когда кто-нибудь с ним заговаривал, он отвечал: «Грб»; только «грб», и больше ничего.

В понедельник утром к нему пришла лошадь; на ее спине лежало седло, а во рту у нее были удила, и она ему сказала:

– Послушай-ка, верблюд, пойдем, побегай, как все мы, лошади.

– Грб, – ответил верблюд; лошадь ушла и сказала об этом человеку.

Вот к верблюду пришла собака; она принесла в зубах палку и сказала:

– Послушай, верблюд, пойдем-ка со мной; отыскивай разные вещи и носи их, как мы, остальные.

– Грб, – фыркнул верблюд; собака убежала и рассказала все человеку.

Теперь к верблюду пришел бык; на его шее лежало ярмо, и он сказал:

– Послушай-ка, верблюд, пойдем и начни пахать, как мы, остальные.

– Грб, – сказал верблюд; бык ушел и рассказал все человеку.

В этот день вечером человек позвал к себе лошадь, собаку и быка и, когда они пришли, сказал им:

– Бедные вы трое, мне очень жалко вас; но верблюд, который говорит только «грб», не может работать; если бы он мог что-нибудь делать, он был бы здесь; поэтому я оставляю его в покое; вы же должны работать в два раза больше, чтобы заменить его.

Трое очень рассердились; они собрали совет на самом краю пустыни; скоро к ним подошел ленивый верблюд; он пожевал стебель молочая, посмеялся над ними, потом сказал «грб» и опять ушел.

В это самое время появился джинн, который заведует всеми пустынями; он ехал на катившемся облаке пыли. (Все джинны всегда путешествуют таким образом, потому что они волшебники.) Увидя троих, он остановился, чтобы поговорить с ними.

– Джинн, начальник всех пустынь, – сказала лошадь, – скажи, неужели справедливо, чтобы одно существо ничего не делало, когда весь мир такой новый и молодой?

– Конечно, нет, – сказал джинн.

– Так знай же, – проговорила лошадь, – что в самом центре твоей Воющей пустыни живет существо (кстати, оно тоже любит громко кричать и реветь), существо с длинной шеей и с длинными-предлинными ногами; оно с утра понедельника ровно ничего не сделало. Только подумай, оно не хочет бегать, как мы, лошади.

– Фюить, – свистнул джинн, – клянусь всем золотом Аравии, это животное – мой верблюд. Ну а что он сказал тебе?

– Он сказал «грб», – ответила собака, – и он не хочет носить тяжестий.

– А верблюд сказал еще что-нибудь?

– Нет, только «грб», и не хочет пахать, – вставил свое замечание бык.

– Очень хорошо, – проговорил джинн. – Он твердит «грб»? Хорошо же, я ему задам славный «грб», только подождите немного.

Джинн окутал себя пылью, укатил дальше по степи и скоро увидел верблюда. Верблюд ровно ничего не делал и только смотрел на свое отражение в луже воды.

– Ты ленив до невозможности, – сказал ему джинн, – подумай, из-за этого у тех троих с понедельника стало вдвое больше работы.

Сказав это, джинн уперся подбородком в кулак и стал мысленно говорить волшебные слова.

– Грб, – фыркнул верблюд.

– На твоём месте я не стал бы вечно повторять «грб», – заметил джинн, – мне кажется, ты и так слишком часто говорил это слово. Дудки, полно тебе лентяйничать; принимайся-ка за работу.

А верблюд опять сказал «грб», но едва он закрыл свой рот, как увидел, что его спина, которой он гордился, стала надуваться; она раздувалась все больше и больше, и на ней, наконец, образовался большой горб.

– Видишь, что у тебя на спине? – спросил его джинн. – Этот горб сел на твою спину, потому что с понедельника, то есть с того самого дня, в который началась общая работа, ты ничего не делал. Теперь тебе придется трудиться.

– Разве я могу работать с таким горбом на спине? – спросил верблюд.

– Это сделано тебе в наказание, – сказал джинн, – и все потому, что ты пролентяйничал три дня. Теперь ты получил возможность работать по три дня подряд безо всякой еды; тебя будет кормить этот горб. И пожалуйста, никогда не говори, что я ничего для тебя не сделал. Уходи из пустыни; отправляйся к тем троим и веди себя хорошо. Иди же.

И верблюд поднялся и пошел к троим, унося на своей спине свой собственный горб. С тех пор и до нынешнего дня верблюд его носит. Верблюд работает, много работает, но все не может наверстать тех трех дней, которые он пролентяйничал в самом начале мира, и до сих пор не научился вежливости.

Как на коже носорога появились складки

Очень давно на необитаемом острове, на Красном море жил один огнепоклонник, перс. Он носил шапку, от которой лучи солнца отражались с такой яркостью, какую редко увидишь даже на востоке. Человек этот жил на самом берегу Красного моря, и у него не было ничего, кроме шапки, ножа и печки с плитой; знаешь, из тех, до которых никогда не следует дотрагиваться. Раз он взял муки, воды, сушеных слив, изюму, сахару и сделал из этих вкусных вещей огромный сладкий хлеб в два фута ширины и в три фута высоты. Это была замечательно вкусная вещь, сказочный хлеб. Пек он его, пек, и, наконец, сладкий каравай славно зарумянился, и от него пошел приятный запах. Человек собрался поесть своего хлеба, но как раз в эту минуту из совершенно необитаемой середины острова пришел носорог. На его носу сидел рог; глаза же зверя походили на свиные глазки. В те времена кожа носорога плотно облегла все его тело. На ней не было ни одной складочки или морщинки. Он был совсем такой, как носороги в игрушечном ноевом ковчеге, только, понятно, гораздо больше их. А все-таки он не умел вести себя прилично; плохо ведет себя он и теперь, и у него всегда будут дурные манеры.

Носорог сказал: «Ой!» Тогда перс бросил свой хлеб и вскарабкался на пальму; на нем была только его шапка, от которой лучи солнца отражались великолепно, чем где-нибудь в другом месте на востоке. Носорог опрокинул носом керосиновую печь с плитой, и хлеб покатился по песку; тогда он сперва насадил его на свой рог, а потом съел и, помахивая хвостом, ушел в печальные, совершенно ненаселенные дебри островов Мазандеран, Сокотра и в пустыни мысов Высокого Равноденствия. Человек слез с пальмы, поставил печку на ножки и нараспев произнес несколько слов. Ты не знаешь, что он пропел, а потому я скажу тебе:

«Тот, кто съел хлеб, который я испек, получил урок».

И в этих словах было больше правды, чем ты думаешь.

Ровно через пять недель на Красном море стало так жарко, что жители сбросили с себя всю свою одежду. Огнепоклонник тоже снял со своей головы шапку, а носорог скинул с себя кожу и, перебросив ее через плечо, спустился к берегу; он задумал выкупаться. В те дни кожа эта застегивалась у него под шеей на три пуговицы и очень походила на непромокаемое пальто. Носорог ничего не сказал человеку о хлебе; ведь ни прежде, ни после он не умел себя вести. Он вошел в воду, совсем погрузился в нее и стал выпускать из носа воздух, который поднимался пузырьками; а его кожа лежала на берегу.

К морю пришел и огнепоклонник; он увидел кожу и улыбнулся такой широкой улыбкой, которая два раза обежала вокруг его лица; потом заплясал, описал три круга около кожи носорога и потерял руки. После этого он вернулся в свой лагерь и наполнил шапку крошками сладкого хлеба; он никогда не ел ничего, кроме хлеба, и никогда не имел своего жилища, а потому у него было много крошек. Огнепоклонник взял кожу носорога, стряхнул ее, поскоблил, потерял, так как она была полнехонька старой грязи, и всыпал в нее все свои старые сухие, заветрившиеся крошки и несколько подгоревших изюминок. После этого он снова взобрался на вершину пальмы и стал поджидать, когда носорог выйдет из воды и наденет кожу.

Едва носорог надел свою кожу и застегнул ее на три пуговицы, ему стало щекотно; крошки кололи его, царапали ему тело, знаешь, как бывает, когда ты просыплешь крошки на простыню в постели? Носорог вздумал почесаться, но от этого дело стало еще хуже. Он лег на песок и стал валяться и кататься, но каждый раз, когда он переворачивался, крошки беспокоили его все больше и больше. Чтобы избавиться от неприятности, он подбежал к пальме и начал тереться о ее ствол. Он так усиленно и так долго тер кожу о пальму, что над его плечами она сморщилась, образовав большую складку; другая складка появилась внизу, там, где были пуговицы (когда он терся, он оторвал их). Кожа также сморщилась в несколько складок на ногах носорога. Все это происшествие испортило его настроение: он рассердился, но на крошки это

не имело влияния. Они были под кожей и продолжали покалывать его тело. Наконец, носорог, рассерженный и жестоко исцарапанный, ушел домой. С тех пор и до нынешнего дня у каждого носорога на коже складки, и у каждого очень дурной характер – все из-за крошек.

Огнепоклонник спустился с пальмы; на его голове была шапка, от которой лучи солнца отражались более чем с восточным великолепием. Он упаковал свою печку с плитой и пошел по направлению к Оротово, Амигдала, к травянистым плоскогорьям Авантариво и к болотам Сонапутта.

Как леопард стал пятнистым

В те далекие дни, когда все существа только что начали жить на земле, моя любимая, леопард поселился в пустынном месте, которое называлось Высокий Фельдт. Заметь: это не был Низкий Фельдт, или Лесистый Фельдт, или Горный Фельдт; нет, леопард жил в совершенно голой, унылой, знойной, залитой сияющими лучами солнца пустыне, называвшейся Высоким Фельдтом. Местность эту покрывал песок, скалы одного цвета с песком и редкие кусты желтоватой травы.

Там жили жирафы, зебры, антилопы, газели и другие породы рогатых животных; все они были покрыты гладкой желтовато-коричневатой шерстью песчаного оттенка; леопард фигурой походил на кошку; у него была серовато-желтоватая шерсть, которая совсем сливалась с желтовато-серовато-коричневатой почвой Высокого Фельдта. Это было очень плохо для жирафов, для зебр, для антилоп и для остальных беззащитных животных, потому что леопард ложился подле желтоватых камней или высоких травянистых зарослей, и, когда жираф, зебра, газель, антилопа куду или лесная антилопа проходили мимо него, он выскакивал из засады, бросался на них, и тогда их жизни наступал конец. В этой стране также жил эфиоп; у него были лук и стрелы; сам он в те времена был серовато-коричневато-желтоватый и охотился вместе с леопардом; эфиоп брал с собой лук и стрелы; леопард же убивал дичь зубами да когтями. Наконец, жираф, газель, антилопа, квагга и все остальные животные в этом роде решительно перестали понимать, в какую сторону им следует бежать. Да, моя любимая, они совсем растерялись.

Через очень-очень долгое время (тогда животные и люди жили долго) они научились скрываться от всего, что походило на леопарда или на эфиопа, и мало-помалу убежали из Высокого Фельдта. Первыми ушли жирафы, потому что у них были самые длинные ноги. Бежали они много-много дней; наконец увидели огромный лес; в нем было много деревьев, кустов, а на землю падали тени: темные полосы и пятна. Животные спрятались в лесу. Прошло еще много времени. Животные вечно были отчасти в тени, отчасти на солнце, и от этого жираф стал пятнистым, а зебра – полосатой; антилопа же куду и газель потемнели, и по их спинкам прошли извилистые серые полосы, похожие на древесную кору. Теперь их можно было слышать, чують, но видеть стало трудно; их разглядел бы только знающий, где следует искать беглецов. Отлично жилось этим зверям среди пятен света и узорчатых теней леса. Между тем леопард и эфиоп бегали по обнаженной желтовато-красноватой пустыне и спрашивали себя, куда девались их завтраки, обеды и ужины? Наконец, они до того проголодались, что стали поедать крыс, жуков и кроликов, живших в скалах; потом у них разболелись животики; оба заболели. Как раз в это время они встретили павиана. А он, надо тебе сказать, самый мудрый зверь в целой Южной Африке.

Леопард сказал павиану (стоял очень жаркий день):

– Куда ушла вся дичь?

Павиан подмигнул. Он отлично знал «куда».

Эфиоп сказал павиану:

– Можешь ли ты сказать мне, куда переселилась вся туземная фауна?

Эфиоп спросил совершенно то же самое, что леопард; только он всегда употреблял длинные слова; он был взрослый.

Павиан подмигнул. Он-то знал.

Скоро заговорил павиан:

– Дичь ушла в другие места, и тебе, леопард, я советую поискать темных пятен.

Эфиоп сказал:

– Все это хорошо и прекрасно, но я желаю знать, куда переселилась туземная фауна?

Тогда павиан ответил:

– Туземная фауна соединилась с туземной флорой. Тебе же, эфиоп, была бы полезна перемена.

Леопард и эфиоп ничего не поняли. О каких пятнах, о какой перемене говорил им павиан? Тем не менее они стали разыскивать туземную флору и после долгих-долгих поисков увидели большой, высокий, густой лес, полный деревьев с пятнистыми стволами, по которым перебегали тени. Тени эти качались, извивались, сходились и расходились.

– Что это? – сказал леопард. – Здесь темно, а между тем столько пятнышек света.

– Не знаю, – сказал эфиоп, – вероятно, это туземная флора. И я чую жирафа, но не могу видеть жирафа.

– Это удивительно, – заметил леопард, – Впрочем, мне кажется, это происходит потому, что мы сию минуту вошли в тень с того места, где ярко светит солнце. Я чую зебру, я слышу зебру, но не могу видеть ее.

– Погоди немного, – сказал эфиоп. – Ведь с тех пор, как мы на них охотились, прошло много времени. Может быть, мы забыли, какой вид у этих зверей?

– Пустяки, – ответил леопард. – Я отлично их помню; и особенно хорошо у меня в памяти сохранился вкус их костного мозга. Жираф около семнадцати футов высоты и весь, от макушки до копыт, золотисто-желтый; зебра же около четырех футов с половиной, с головы до ног она серая.

– Гм, – протянул эфиоп, вглядываясь в пятнистые тени леса. – В таком случае, эти животные должны быть видны в темноте, как спелые бананы в темной дымной хижине.

Но ни жирафа, ни зебры не было видно. Леопард с эфиопом охотились целый день, и хотя чуяли дичь, слышали, как она шевелится, но ни разу не видели ни зебры, ни жирафа.

– Пожалуйста, – сказал леопард, когда наступило время обеда, – дождемся темноты; охотиться при дневном свете неудобно.

Они подождали наступления темноты, и вот леопард услышал дыхание и фыркание среди серебристых полос звездного света, который проходил сквозь древесные ветви и падал на землю. Леопард почуял зебру, схватил ее и, когда повалил на землю свою добычу, почувствовал, что она бьет его ногами, как зебра; а все-таки он не знал, что это было.

Леопард сказал:

– Не двигайся, ты, существо без формы. Я буду сидеть на твоей голове до утра, потому что не понимаю, что ты такое.

В ту же минуту он услышал шум, треск, и эфиоп закричал:

– Я поймал животное, которого не вижу. Оно брыкается, как жираф, и я чую запах жирафа, но ничего не вижу.

– Не доверяй ему, – сказал леопард. – Садись на его голову и не двигайся до утра; я сделаю то же самое. Их совсем не видно.

Так они просидели, пока не рассвело. Наконец, леопард сказал:

– Ну, братец, скажи, что там у тебя?

Эфиоп почесал себе голову и ответил:

– Животное это должно быть темно-оранжевое, а это все в каштановых пятнах. А у тебя что, братец?

Леопард тоже поцарапал себе голову и ответил:

– Моя дичь должна была иметь нежную серовато-желтую шерсть и называться зеброй; между тем шкура пойманного мной зверя покрыта черными полосами. Ну, скажи, пожалуйста, зебра, что ты с собой сделала? Разве ты не знаешь, что там, в Высоком Фельдте, я мог видеть тебя за десять миль; теперь же ты расплываешься перед глазами и тебя нельзя разглядеть.

– Да, – сказала зебра, – но ведь мы не в Высоком Фельдте, а в другом месте. Разве ты этого не видишь?

– Теперь-то вижу, – сказал леопард, – но вчера я ничего не видел. Скажи, почему это?

– Отпустите нас, вы оба, – сказала зебра, – и мы вам покажем, в чем дело.

Эфиоп и леопард отпустили зебру и жирафа; зебра побежала к большим кустам терновника и остановилась там, где от них падали полосы теней. Жираф же подошел к высоким деревьям, под которыми лежали узоры из теневых пятен. Теперь ни ту, ни другого нельзя было разглядеть в лесу.

– Хи, хи! – сказал эфиоп.

– Теперь смотрите, – сказали зебра и жираф, – вот как делается у нас. Раз, два, три! Где ваш завтрак?

Леопард смотрел во все глаза; эфиоп тоже, но они видели только полосы да пятна теней в лесу; зебры и жирафа не было и следа. Они ушли и спрятались в чаще.

– Хи, хи! – сказал эфиоп. – Стоит поучиться их фокусу. Это тебе урок, леопард. Здесь, в темном месте, ты виден, как кусок мыла в ящике с углем.

– Хо, хо! – в свою очередь, сказал леопард. – Удивит ли тебя, если ты узнаешь, что здесь, в темной чаще, ты виден ясно, как горчичник, прилипший к угольному мешку?

– Ну, мы можем придумать сколько нам вздумается сравнений, но это не поможет нам получить обед, – заметил эфиоп. – Все дело в том, что мы отличаемся от цвета почвы. Я исполню совет павиана. Он сказал мне: тебе нужна перемена, а так как мне нечего менять, кроме кожи, я и переменю ее.

– Что-о? – протянул взволнованный леопард.

– Да, я обзаведусь новой хорошенькой рабочей коричневатой-черной кожей с лиловым оттенком и с переливами в аспидно-синий цвет. В ней будет удобно прятаться в ложбинах и за стволами деревьев.

И он сейчас же переменял свою кожу. Леопард заволновался еще сильнее; он до сих пор не видел, чтобы человек менял кожу.

– А я-то? – сказал он, когда эфиоп натянул даже на кончик левого мизинца свою прекрасную новую черную кожу.

– Послушайся совета павиана; он сказал тебе: поищи темных пятен.

– Да я и смотрел в темные места, – сказал леопард. – Я пришел сюда с тобой, осматривал тени леса, но разве это помогло мне?

– Вспомни о жирафе, – сказал эфиоп, – или подумай о зебре и ее полосках. Их пятна и полосы очень удобны им.

– Гм, – сказал леопард. – Я совсем не хочу походить на зебру.

– Ну, решайся, – сказал ему эфиоп, – я не хотел бы охотиться без тебя, а все-таки придется отправиться одному, потому что теперь тыходишь на подсолнечник; торчащий подле темной изгороди.

– В таком случае, я соглашусь на пятна, – ответил леопард, – только, пожалуйста, не делай мне слишком больших клякс; они вульгарно выглядят. Я не хочу слишком походить на жирафа.

– Я испещрю тебя кончиками пальцев, – предложил ему эфиоп. – На моей коже еще достаточно черной краски. Поднимайся и не двигайся.

Эфиоп сжал свои пять пальцев (на его новой коже все еще было много черной краски) и стал прикладывать их к телу леопарда; там, где они касались желтой шкуры зверя, после них оставалось до пяти черных пятнышек, очень близко друг от друга. На любой леопардовой шкуре ты увидишь их, моя дорогая. Иногда пальцы эфиопа скользили, и пятна немного расплывались, но присмотришься к любому леопарду – и ты увидишь, что на его шкуре в каждом пятне пять точек. Это следы пяти жирных черных кончиков пальцев эфиопа.

– Теперь ты красавец, – сказал эфиоп. – Ляг на землю; тебя всякий примет за кучу мелких камешков. Ляг на обнаженную скалу, ты будешь походить на ноздреватый туф. Если ты

ляжешь на сук, покрытый листьями, всякий подумает, что ты свет, проходящий сквозь листву; на тропинке ты тоже не будешь виден. Думай об этом и мурлыкай.

– Но если мои пятна так удобны, – заметил леопард, – почему ты сам не стал пятнистым?

– О, негру приличнее быть черным, – ответил эфиоп. – Пойдем же и посмотрим, не сумеем ли мы справиться с мистрис Раз-Два-Три-Где-Завтрак?

Они убежали и с тех пор, моя любимая, жили хорошо и счастливо. Вот и все.

Ах, да; иногда ты услышишь, как взрослые говорят: может ли эфиоп переменить свою кожу или леопард сбросить с себя пятна? Я думаю, что вряд ли даже взрослые спрашивали бы такие глупости, если бы леопард и один эфиоп уже не сделали такой вещи. Правда? Но еще раз они не сделают ничего подобного; они и так вполне довольны.

Слон-дитя

Много-много лет тому назад, моя любимая, у слона не было хобота – только черноватый толстый нос, величиной с сапог; правда, слон мог поворачивать его из стороны в сторону, но не поднимал им никаких вещей. В это же время жил на свете очень молодой слон, слон-дитя. Он был страшно любопытен, а потому вечно всем задавал различные вопросы. Жил он в Африке, и никто в этой обширной стране не мог насытить его любопытства. Однажды он спросил своего рослого дядю страуса, почему самые лучшие перья растут у него на хвосте, а страус вместо ответа ударил его своей сильной лапой. Свою высокую тетю жирафу слоненок спросил, откуда появились пятна на ее шкуре, и эта тетка слоненка лягнула его своим твердым-претвердым копытом. И все-таки молодой слон продолжал быть любопытным. Толстую гиппопотамаху он спросил, почему у нее такие красные глаза, она же ударила его своей толстой-претолстой ногой; тогда он спросил своего волосатого дядю бабуина, почему у дынь дынный вкус, и волосатый дядя бабуин шлепнул его своей волосатой-преволосатой лапой. А все-таки слоника переполняло ненасытное любопытство. Он расспрашивал обо всем, что видел, слышал, чуял, осязал или обонял, и все дяди и тети слона-ребенка только толкали да били его; тем не менее в нем так и кипело неутолимое любопытство.

В одно прекрасное утро, во время приближения равноденствия, любопытный слон-дитя задал новый вопрос, которого раньше никогда не задавал. Он спросил: «Что подают крокодилу на обед?» И все сказали: «Тс!» – громким и опасливым шепотом, потом начали колотить его и долгое время все колотили да колотили.

Наконец, когда наказание окончилось, слон-дитя увидел птицу колоколо; она сидела в середине тернового куста, который как бы говорил: «Погоди, погоди». И слоник сказал: «Мой отец бил меня; моя мать била меня; мои тетки и дяди меня колотили, и все за то, что я так ненасытно любопытен, а мне все-таки хочется знать, что крокодил ест за обедом?»

Колоколо-птица печально вскрикнула и сказала:

– Пойди к берегам большой серовато-зеленой тихой реки Лимпопо, окаймленной деревьями, от которых заболевают лихорадкой, и тогда узнаешь.

На следующее же утро, когда от равноденствия не осталось и следа, любопытный слон-дитя, взяв сотню фунтов бананов (маленьких, коротких и желтых), тысячу фунтов стеблей сахарного тростника (длинных, лиловых), семнадцать дынь (зеленых, хрупких), сказал всем своим дорогим родственникам:

– Прощайте, я иду к серо-зеленой болотистой реке Лимпопо, затененной деревьями, от которых веет лихорадкой, и увижу, чем обедает крокодил.

Все родственники поколотили его просто так, на счастье, и колотили долго, хотя он очень вежливо просил их перестать.

Наконец, слоненок ушел; ему было немного жарко, но он этому не удивлялся, ел дыни и бросал корки; ведь поднять-то их с земли он не мог.

Шел он от города Грегема до Кимберлея, от Кимберлея до области Кама, от области же Кама направился на север и на запад и все время ел дыни; наконец, слон-дитя пришел к берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, затененной деревьями, от которых веет лихорадкой. Здесь все было так, как сказала птица колоколо.

Теперь, моя любимая, ты должна узнать и понять, что до этой самой недели, до этого самого дня, часа, даже до последней минутки любопытный слоник-дитя никогда не видывал крокодила и даже не знал, каков он на вид. Оттого-то ему и было так любопытно взглянуть на это создание.

Прежде всего он увидел двухцветного питона скал; эта огромная змея лежала, окружив своими кольцами камень.

– Извините за беспокойство, – очень вежливо сказал слон-дитя, – но, пожалуйста, ответьте мне, не видели ли вы где-нибудь в окрестностях что-нибудь вроде крокодила?

– Видел ли я крокодила? – ответил двухцветный питон скал голосом презрительным и злобным. – Ну, что ты еще спросишь?

– Извините, – продолжал дитя-слон, – но не можете ли вы любезно сказать мне, что он кушает за обедом?

Двухцветный питон скал быстро развернулся и ударил слоника своим чешуйчатым, похожим на бич хвостом.

– Что за странность, – сказал слон-дитя, – мой отец и моя мать, мой дядя и тетя, уже не говоря о моей другой тете, гиппопотамихе, и моем другом дяде, бабуине, били меня и лягали за мое ненасытное любопытство, а теперь, кажется, опять начинается то же самое.

Он очень вежливо простился с двухцветным питоном скал, помог ему обвить телом скалу и ушел; слонику стало жарко, но он не чувствовал усталости; ел дыни и бросал корки, так как не мог их поднимать с земли. И вот слон-дитя наступил на что-то, как ему показалось, на бревно, лежавшее на самом берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, обросшей деревьями, от которых веет лихорадкой.

А это и был крокодил, моя любимая, и крокодил этот подмигнул одним глазком.

– Извините меня, – очень вежливо сказал слон-дитя, – но не видали ли вы где-нибудь поблизости крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом, приподняв из ила свой хвост; слон-дитя вежливо шагнул назад; ему не хотелось, чтобы его били.

– Подойди-ка сюда, малыш, – сказал крокодил. – Почему ты это спрашиваешь?

– Прошу извинения, – очень вежливо ответил слон-дитя, – но мой отец бил меня; моя мать меня била, словом, меня били все, не говоря уже о моем рослом дядюшке страусе и моей высокой тетушке жирафе, которые жестоко лягаются; не упоминая также о моей толстой тетке, гиппопотамихе, и моем волосатом дяде, бабуине, и включая двухцветного питона скал с его чешуйчатым, похожим на бич хвостом, который бьет сильнее всех остальных; итак, если вам не очень этого хочется, прошу вас не стегать меня хвостом.

– Поди сюда, малыш, – протянул крокодил, – дело в том, что я крокодил. – И чтобы доказать, что он говорит правду, крокодил заплакал крокодиловыми слезами.

Слон-дитя перестал дышать от удивления; потом, задышавшись, опустился на берегу на колени и сказал:

– Именно вас я искал все эти долгие-долгие дни. Не согласитесь ли вы сказать, что вы кушаете за обедом?

– Подойди поближе, малыш, – сказал крокодил. – И я шепну тебе это на ушко.

Слон-дитя пододвинул свою голову к зубастой пасти крокодила, и крокодил схватил слоненка за его короткий нос, который до той самой недели, до того дня, часа и до той минуты был не больше сапога, хотя и гораздо полезнее всякой обуви.

– Кажется, – сказал крокодил (он сказал это сквозь зубы), – кажется, сегодня я начну обед со слоненка.

Услышав это, моя любимая, слоник почувствовал досаду и сказал в нос:

– Пусти! Мне больно!

В эту минуту двухцветный питон скал опустился с берега и сказал:

– Мой юный друг, если ты сейчас же не потянешь свой нос изо всех сил, я полагаю, твой новый знакомый, покрытый патентованной кожей (он подразумевал «крокодил»), утащит тебя в глубину этого прозрачного потока раньше, чем ты успеешь проговорить: «Джек Робинзон».

Именно таким образом всегда говорят двухцветные питоны скал.

Слон-дитя послушался питона скал; он присел на задние ножки и стал дергать свой нос из пасти крокодила; он все дергал да дергал его, и нос слоненка начал вытягиваться. Крокодил

же возился и бил по воде своим большим хвостом, так что она пенилась; в то же время он тащил слоника за нос.

Нос слоненка продолжал вытягиваться; слоник расставил все свои четыре ножки и не переставал дергать свой нос из пасти крокодила, и его нос становился все длиннее и длиннее. Крокодил же водил по воде своим хвостом, как веслом, и все тянул да тянул слоника за нос; и каждый раз, как только он дернет за этот носик, тот делается длиннее. Слоннику было ужасно больно.

Вдруг слон-дитя почувствовал, что его ноги скользят; он так и поехал на них по дну; наконец, говоря в нос, который теперь вытянулся почти на пять футов, слоненок выговорил: «С меня довольно!»

Двухцветный питон скал спустился в воду, обвил задние ноги слоника как бы двумя петлями каната и сказал:

– Неблагодарный и неопытный путешественник, с этой минуты мы серьезно посвятим себя важному делу, постараемся тянуть твой нос изо всех сил, так как сдается мне, что этот самодвижущийся военный корабль с броней на верхней палубе (этими словами, моя любимая, он обозначал крокодила) будет мешать твоим дальнейшим движениям.

Все двухцветные питоны скал всегда говорят в таких запутанных выражениях.

Двухцветный питон тянул слоника; слон-дитя тянул свой нос; крокодил тоже тянул его; но слон-дитя и двухцветный питон скал тянули сильнее, чем крокодил, и тот, наконец, выпустил нос слона-ребенка, при этом вода так плеснула, что этот плеск можно было услышать по всей длине реки Лимпопо, вверх и вниз по течению.

В то же время слон-дитя внезапно сел, вернее, шлепнулся в воду, но перед этим сказал питону: «Благодарю!» Затем он позаботился о своем бедном носе, за который его так долго дергали, завернул его в свежие банановые листья и опустил в воду большой серо-зеленой тихой реки Лимпопо.

– Зачем ты это делаешь? – спросил его двухцветный питон скал.

– Прошу прощения, – ответил слон-дитя, – но мой нос совсем потерял свою форму, и я жду, чтобы он сморщился и уменьшился.

– Долго же тебе придется ждать, – сказал двухцветный питон скал. – А все-таки замечу, что многие не понимают своих выгод.

Три дня слон-дитя сидел и ждал, чтобы его нос уменьшился. Но этот нос не делался короче; кроме того, ему приходилось жестоко косить глазами. Моя любимая, ты поймешь, что крокодил вытянул нос слоника в самый настоящий хобот, вроде тех, какие ты увидишь теперь у всех слонов.

На третий день прилетела муха цеце и укусила слоника в плечо. Слоник же, сам не понимая, что он делает, поднял свой хобот и его концом убил муху.

– Выгода номер один, – сказал двухцветный питон скал. – Ты не мог бы этого сделать своим носом-коротышкой. Ну, теперь попробуй поесть.

Еще не успев подумать, что он делает, слон-дитя протянул свой хобот, сорвал большой пучок травы, поколотил эти зеленые стебли о свои передние ноги, чтобы сбросить с них пыль, и, наконец, засунул их себе в рот.

– Выгода номер два, – сказал двухцветный питон скал. – Ты не мог бы сделать этого своим носом-коротышкой. Как тебе кажется, не слишком ли печет солнце?

– Да, – согласился слон-дитя и, еще не успев подумать, что он делает, зачерпнул из серо-зеленой болотистой реки Лимпопо ила и намазал им свою голову; из ила получилась прохладная илистая шляпа; вода с нее текла за ушами слона-ребенка.

– Выгода номер три, – сказал двухцветный питон скал. – Ты не мог бы сделать этого своим прежним носом-коротышкой. Ну а что ты скажешь насчет колотушек, которыми тебя угощали? Опять начнется прежнее?

– Прошу извинения, – сказал слон-дитя, – мне совсем не хочется этого.

– Не приятно ли будет тебе поколотить кого-нибудь? – спросил слоника двухцветный питон скал.

– Мне очень хотелось бы этого, – ответил слон-дитя.

– Хорошо, – проговорил двухцветный питон скал, – ты увидишь, что твой новый нос окажется полезным, когда ты вздумаешь поколотить им кого-либо.

– Благодарю, – сказал слон-дитя, – я это запомню, а теперь пойду домой, к моим дорогим родственникам, и посмотрю, что будет дальше.

Слон-дитя действительно пошел к себе домой через Африку; он помахивал и крутил своим хоботом. Когда ему хотелось поесть плодов с деревьев, он доставал их с высоких ветвей; ему не приходилось, как прежде, ждать, чтобы плоды эти падали на землю. Когда ему хотелось травы, он рвал ее с земли и ему не нужно было опускаться на колени, как он делал это в прежние время. Когда его кусали мухи, он срывал с дерева ветку и превращал ее в опахало; когда солнце жгло ему голову, он делал себе новую прохладную влажную шляпу из ила или глины. Когда ему делалось скучно, он пел, вернее, трубил через свой хобот, и эта песня звучала громче, тем музыка нескольких духовых оркестров. Он умышленно сделал крюк, чтобы повидаться с толстой гиппопотамахой (она не была в родстве с ним), и сильно отколотил ее хоботом, чтобы посмотреть, правду ли сказал двухцветный питон скал. Весь остаток времени он подбирал с земли дынные корки, которые побросал по дороге к Лимпопо. Он делал это потому, что был очень опрятным животным из рода толстокожих.

В один темный вечер слон-дитя вернулся к своим дорогим родственникам, свернул свой хобот в кольцо и сказал:

– Как вы поживаете?

Все они были очень рады повидаться с ним и тотчас же сказали:

– Подойди-ка поближе, мы отшлепаем тебя за твое неутолимое любопытство.

– Ба, – сказал слон-дитя, – я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас умел драться; вот я умею колотить и сейчас научу вас этому.

Тут он выпрямил свой хобот, ударил двоих из своих милых родственников, да так сильно, что они полетели кувирком.

– Чудеса, – сказали они, – где ты выучился такой штуке? И скажи на милость, что ты сделал со своим носом?

– Крокодил устроил мне новый нос, и это случилось на берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, – ответил слон-дитя. – Я его спросил, что у него бывает на обед, а он за это вытянул мой нос.

– Какое безобразие! – заметил бабуин, волосатый дядя слоненка.

– Некрасив-то он некрасив, – сказал слон-дитя, – но очень удобен, – и, говоря это, слоненок обхватил хоботом одну ногу своего волосатого дядюшки, поднял его и посадил в осиное гнездо.

После этого дурной слоненок долго колотил всех своих дорогих родственников, колотил до тех пор, пока им не стало очень жарко. Они были донельзя удивлены. Слоненок подергал своего высокого дядю страуса за его хвостовые перья; поймал свою рослую тетушку жирафу за ее заднюю ногу и протащил ее через колючий терновый куст; когда его толстая тетка, гиппопотамиха, покушав, отдыхала в воде, он приставил свой хобот к самому ее уху, крикнул ей два-три слова, в то же время пустив несколько пузырьков через воду. Но ни в это время, ни позже, никогда никому не позволял обидеть птицу колоколо.

Наконец, все милые родственники слоненка начали так волноваться, что один за другим побежали к берегам большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, затененной деревьями, от которых веет лихорадкой; каждый из них хотел получить новый нос от крокодила. Когда они вернулись домой, они уже не колотили друг друга; дядюшки и тетушки не трогали также

и слоненка. С этого дня, моя любимая, у всех слонов, которых ты увидишь, и у всех, которых не увидишь, есть предлинные хоботы, совершенно такие, какой появился у любопытного слоненка.

Просьба старого кенгуру

Нашему старому кенгуру было вечно жарко; но в те времена, о которых я говорю, он был совсем другим зверьком и бегал на четырех коротеньких ногах. Шкурка у него была серая, пушистая, и он отличался гордым нравом. Странно, он больше всего гордился тем, что танцевал на горной площадке в центре Австралии. Вот однажды у него так закружилась голова, что он пошел к маленькому австралийскому богу Нка.

Пришел он к Нка в шесть часов утра и сказал:

– Пожалуйста, сделай так, чтобы к пяти часам пополудни я перестал походить на всех остальных животных.

Нка сидел на песке, услышав же просьбу старого кенгуру, подскочил и крикнул:

– Убирайся!

Кенгуру был весь серенький, пушистый и гордился тем, что танцевал на скале в середине Австралии. Он пошел к богу побольше, которого звали Нкинг.

Он пришел к Нкингу в восемь часов после завтрака и сказал:

– Пожалуйста, сделай меня непохожим на всех остальных зверей и, кроме того, устрой так, чтобы меня знали решительно все, и все это к пяти часам пополудни.

Нкинг сидел в норке, и, услышав, что ему говорит кенгуру, он выскочил из нее и закричал:

– Убирайся!

Кенгуру был серенький, пушистый и у него была странная гордость: он гордился тем, что танцевал в центре Австралии. Подумав, он пошел к большому богу по имени Нконг.

Пришел он к нему в девять часов, до обеда, и сказал:

– Сделай так, чтобы я не походил на всех остальных зверей; сделай так, чтобы все обращали на меня внимание, чтобы за мной гонялись, и все это – к пяти часам пополудни.

Нконг купался в соленой воде; услышав просьбу кенгуру, он сел в воде и закричал:

– Хорошо, сделаю!

Нконг позвал динго, желтого пса динго, зверя вечно голодного и пыльного. Динго спал на солнышке, но проснулся. Нконг показал ему кенгуру и сказал:

– Динго, проснись, динго! Видишь господина, который танцует на песке? Он хочет прославиться, хочет также, чтобы за ним гонялись. Беги за ним, динго!

Динго, желтый пес динго, вскочил и сказал:

– Гонять этого зверька, не то кошку, не то кролика? Хорошо!

И динго, желтый пес динго, вечно голодный и грязный, побежал. Он гнался за кенгуру, открыв пасть широко, как совок для каменного угля.

А гордый кенгуру мчался на своих коротких четырех лапках и слегка подпрыгивал, как дикий кролик.

Вот, моя любимая, и конец первой части рассказа о кенгуру.

Кенгуру бежал через пустыню; бежал он через горы, бежал через солончаки, бежал через тростниковые заросли, бежал через рощи синих камедных деревьев, бежал через чащи араукарий, бежал так долго, что у него заболели передние ноги.

Вот как!

А динго, желтый пес динго, вечно голодный, преследовал его, раскрыв пасть широко, как мышеловку; он не догонял кенгуру, но и не отставал от него.

Вот как!

Кенгуру, старый кенгуру, все бежал. Бежал он через рощи деревьев, бежал по высокой траве, бежал по траве короткой, перебежал через тропики Рака и Козерога, бежал, пока наконец у него не заболели задние ноги.

Вот как!

И динго бежал, желтый пес динго; голод все больше и больше мучил его, и его пасть открылась широко, как конский хомут; он не догонял кенгуру, но и не отставал от него. Так прибежали они к реке Волгонг.

Надо тебе сказать, что на этой реке не было моста, не было и парома, и кенгуру не мог перебраться на ее другой берег, поэтому он поднялся на свои задние лапы и стал прыгать.

Прыгал он через камни, прыгал через кучи песка, прыгал по пустыням Средней Австралии. Прыгал, как прыгают кенгуру.

Сперва он делал прыжки в один ярд; потом в три ярда; потом в пять ярдов; его ноги становились сильнее; его ноги становились длиннее. Он не мог отдохнуть и подкрепить свои силы, хотя ему нужно было поесть и полежать.

А динго, желтый пес динго, по-прежнему гнался за ним. Динго страдал от голода и с удивлением спрашивал себя: «Какие земные или небесные силы заставляют прыгать старого кенгуру?»

Ведь кенгуру прыгал, как кузнецик, как горошина в кастрюле, как новый резиновый мячик на полу детской.

Вот как!

Он прижал к груди свои передние ноги и прыгал на задних; он вытянул хвост для равновесия и все прыгал и скакал по долине реки Дарлингга.

А динго, утомленный пес динго, бежал за ним. Ему больше прежнего хотелось есть, он был очень смущен, изумлен и все спрашивал себя, какие земные или небесные силы остановят старого кенгуру?

Вот Нконг выглянул из соленой лужи и сказал: «Пять часов».

И динго сел на землю, бедный пес динго; по-прежнему голодный, весь покрытый пылью, сел он на солнце и, высунув язык, завыл.

Сел и кенгуру, старый кенгуру, подставил свой хвост, как скамеечку, и сказал:

– Как я рад, что «это» кончено.

– Почему ты не поблагодаришь желтого пса динго? Почему ты не поблагодаришь его за все, что он для тебя сделал?

Кенгуру же, утомленный старый кенгуру, сказал:

– Он выгнал меня из дома, где я жил в детстве, он помешал мне есть в обычное время, он изменил мою фигуру, так что я никогда не сделаюсь прежним, и из-за него у меня болят ноги.

Нконг ему ответил:

– Если я не ошибаюсь, ты просил меня сделать тебя необыкновенным зверем, не похожим на всех остальных животных, а также, помнится, тебе хотелось, чтобы за тобой гонялись? И теперь пять часов.

– Правда, – сказал кенгуру. – Но мне жаль, что я попросил тебя об этом... Я думал, что ты изменишь меня волшебством и заклинаниями, а ты просто подшутил надо мной.

– Подшутил? – сказал Нконг, сидевший между синими камедными деревьями. – Только повтори это, и я призову динго, и он опять погонит тебя так, что ты останешься совсем без задних ног.

– Нет, – сказал кенгуру, – я извиняюсь. Ноги, во всяком случае, годятся, и я прошу тебя оставить их в покое. Я только хотел объяснить твоей милости, что я с утра ничего не ел и у меня пусто в желудке.

– Да, – сказал динго, желтый пес динго, – я чувствую совершенно то же самое. Мне удалось сделать его непохожим на всех животных. Но что дадут мне к моему чаю?

Тогда Нконг, сидевший в соленой луже, сказал:

– Приди и спроси меня об этом завтра, потому что теперь я собираюсь мыться.

И два зверя, старый кенгуру и желтый пес динго, остались в центре Австралии и сказали друг другу:

– Это твоя вина!

Как появились броненосцы

Теперь, моя любимая, я расскажу тебе о том, что случилось в давно-давно прошедшие времена. Так вот, в эти далекие времена жил да был колючка-ежик, жил на берегах большой бурной реки Амазонки, где поедая улиток в раковинах, слизняков и тому подобные вещи. Он был очень дружен с тихоней-черепахой, которая тоже жила на берегу Амазонки, ела листики зеленого латука и другие растения. Ну, значит, все было в порядке, правда, моя любимая.

Но в те же самые стародавние времена на берегах бурной реки Амазонки жил пятнистый ягуар и ел все, что только мог поймать. Когда ему не удавалось поймать оленя или обезьяну, он ел лягушек и жуков. Однажды ему не удалось проглотить ни одной лягушки, ни одного жука; опечаленный зверь пошел к своей матери-ягуарихе, и она научила его ловить ежей и черепах. Грациозно помахивая своим хвостом, она несколько раз повторила:

– Сынок, когда ты увидишь ежа, брось его в воду; там он развернется; когда же ты поймешь черепаху, выцарапай ее когтями из ее панциря.

Совет был хорош, душечка моя.

В одну прекрасную ночь пятнистый ягуар натолкнулся на берегу реки Амазонки на колючку-ежика и тихоню-черепаху; два друга сидели под стволом упавшего дерева. Бежать им было некуда; поэтому колючка-ежик свернулся в колючий шар: ведь на то он и был ежик. Тихоня же втянула свою голову и лапки под панцирь: ведь на то она и была черепаха. Значит, крошечка моя, они поступили умно. Правда?

– Ну-с, прошу обратить на меня внимание, – сказал пятнистый ягуар, – дело серьезное; моя матушка сказала мне: «Если ты встретишь ежа, брось его в воду, тогда он развернется; если ты увидишь черепаху, выцарапай ее лапой из-под ее панциря». Теперь объясните – кто из вас еж и кто черепаха? Сам я решительно не могу понять этого.

– А ты хорошо помнишь, что именно сказала тебе твоя матушка? – спросил колючка-ежик. – Хорошо ли ты помнишь ее слова? Не сказала ли она, что, вынув ежа из-под его оболочки, тебе следует бросить этого зверя на панцирь?

– Ты вполне уверен, что тебе сказала твоя мама? – проговорила также тихоня-черепаха. – Ты вполне уверен в этом? Может быть, она велела тебе подбросить ежика лапой, а черепаху царапать до тех пор, пока она не развернется? Не это ли советовала тебе твоя мамаша?

– Кажется, она говорила совсем другое, – протянул пятнистый ягуар, но он был сбит с толку. – Пожалуйста, повторите, что вы сказали, только хорошенько, чтоб я понял все.

– Поцарапав воду лапой, ты должен распрямить когти ежом, – сказал колючка. – Запомни это; это очень важно.

– Но, – прибавила черепаха, – когда ты схватишь когтями мясо, ты уронишь его в черепаху. Как ты этого не понимаешь!

– Я ровно ничего не понимаю, – ответил пятнистый ягуар, – кроме того, я у вас не спрашивал совета. Я только хотел знать, кто из вас еж и кто черепаха?

– Этому я учить тебя не стану, – сказал колючка. – Но если желаешь, выцарапай меня из моих щитов.

– Ага, – сказал пятнистый ягуар, – теперь мне понятно; ты – черепаха. А ты думала, я этого не пойму? Ну-ка!..

Пятнистый ягуар быстро протянул свою мягкую лапу, как раз в ту минуту, когда колючка свернулся в колючий шар. И конечно, иглы жестоко искололи лапу ягуара. Хуже того, пятнистый зверь катил колючку все дальше и дальше по лесу и, наконец, закатил ежика в такие темные кусты, где никак не мог найти его. Опечаленный ягуар взял в рот свою исколотую лапу, и уколы на ней заболели сильнее прежнего. Он сказал:

– Теперь я понимаю; это была совсем не черепаха. Ну, – тут он почесал голову здоровой лапой, – как узнать, что другой зверек – черепаха?

– Да, я черепаха, – проговорила тихоня. – Твоя матушка сказала совершенную правду. Она велела тебе выцарапать меня из-под моих щитов. Начинай же!

– А минуту тому назад ты говорила совсем другое, – сказал пятнистый ягуар, высасывая из своей мясистой лапы засевшие в ней иголки ежа. – Ты говорила, что мать учила меня чему-то другому.

– Хорошо, предположим, ты сказал, что я сказала, будто она сказала что-то совсем другое, но какая же в этом разница? Ведь если она сказала то, что ты сказал, будто она сказала, выходит совершенно, что как будто я сказала то же самое, что она сказала. С другой стороны, если тебе кажется, будто она велела тебе развернуть меня ударом когтей, а не кинуть в реку вместе с моими щитами, я в этом случае не виновата. Ну, разве я виновата?

– Да ведь ты же хотела, чтобы я выцарапал тебя из твоих щитов? – заметил пятнистый, точно раскрашенный, ягуар.

– Подумай-ка хорошенько и ты поймешь, что я не говорила ничего подобного. Я сказала, что твоя мать советовала тебе выцарапать меня когтями из моего панциря, – сказала тихоня.

– А что тогда будет? – спросил ее ягуар и осторожно понюхал воздух.

– Не знаю; ведь меня до сих пор еще никогда не выцарапывали из-под моей покрывки; но, по правде скажу тебе вот что, если тебе хочется видеть, как я плаваю, брось меня в воду.

– Я не верю тебе, – ответил пятнистый ягуар. – Вы оба говорили вздор, перепутали все, чему учила меня моя мама, и я совсем сбился с толку и, кажется, не знаю, стою ли я на голове или на моем раскрашенном хвосте. Вот теперь ты говоришь мне слова, которые я могу понять, но это не помогает, а только еще больше прежнего смущает меня. Я отлично помню, что моя мать учила одного из вас бросить в воду; ну, раз тебе, по-видимому, так хочется очутиться в реке, мне кажется, в глубине души ты не желаешь, чтобы я тебя бросил в волны. Итак, прыгай в воду Амазонки, да скорее.

– Предупреждаю, твоя мамочка не останется этим довольна. Смотри же, скажи ей, что я тебя предупреждала, – проговорила тихоня.

– Если ты скажешь еще слово о том, что говорила моя мать... – ответил ягуар, но не успел договорить, потому что тихоня спокойно нырнула в Амазонку, долго плыла под водой и вылезла на берег в том самом месте, где ее ждал колючка.

– Мы едва не погибли, – сказал ежик. – Откровенно говоря, мне не нравится этот пятнистый ягуар. Что ты ему сказала о себе?

– Я честно сказала ему, что я черепаха; но он не поверил, заставил меня броситься в воду, чтобы увидеть, кто я такая. Я оказалась черепахой, а он удивился. Теперь он побежал к своей мамаше рассказывать о случившемся. Слышишь его голос?

Рев ягуара звучал среди деревьев и кустов на берегу реки Амазонки; наконец пришла ягуариха-мать.

– Ах, сынок, сынок, – сказала она и несколько раз грациозно махнула своим хвостом. – Я вижу, что ты сделал что-то, чего тебе не следовало делать. Признавайся.

– Я постарался выцарапать лапой зверька, который сказал, что он желает быть выцарапанным из своей скорлупы, и теперь в моей мясистой лапе занозы, – пожаловался пятнистый ягуар.

– Ах, сынок, сынок, – повторила ягуариха и много раз грациозно помахала хвостом, – раз ты занозил свою лапу иглами, я вижу, что с тобой был еж. Вот его-то и следовало бросить в воду.

– Я кинул в реку другого зверька; он назвался черепахой; я ему не поверил, но это действительно была черепаха; она нырнула в Амазонку и не выплывает. Мне же нечего есть, и я

думаю, не лучше ли нам переселиться на новую квартиру? Звери на берегу Амазонки слишком умны и хитры для меня, бедного.

– Сынок, сынок, – сказала ягуариха и еще несколько раз помахала своим хвостом. – Слушай меня и хорошенько запомни мои слова. Еж сворачивается клубком и его иглы торчат во все стороны. Вот как легко узнать ежа.

– Мне совсем не нравится эта пожилая дама, – сказал ежик-колючка, сидевший в тени большого листа. – Что еще знает она?

– Черепаха не может сворачиваться клубком, – продолжала ягуариха, по-прежнему шевеля хвостом. – Она только прячет лапки и голову под свой панцирь. Черепаху легко узнать.

– Эта старая дама мне совсем-совсем не нравится, – сказала тихоня. – Даже пятнистый ягуар не забудет таких наставлений. Как жаль, колючка, что ты не умеешь плавать.

– Пожалуйста, помолчи, – сказал ежик. – Лучше подумай, как было бы хорошо, если бы ты могла сворачиваться в шар. Ну, заварилась каша! Ты лучше послушай, что говорит ягуар.

А пятнистый ягуар сидел на берегу бурной Амазонки, высасывая из своей мясистой лапы иглы ежика, и повторял:

– Не может сворачиваться клубком, но плавает – это тихоня-черепаха; сворачивается клубком, но не плавает – колючка-еж.

– Этого он ни за что не забудет, – сказал колючий ежик. – Поддерживай меня под подбородок, тихоня; я попробую научиться плавать. Умение плавать может оказаться полезным.

– Прекрасно, – сказала тихоня и, пока колючка барахтался в воде Амазонки, поддерживала его, чтобы он не утонул.

– Ты скоро научишься плавать, – сказала черепаха. – Теперь, если ты немножко распустишь шнурки, которыми стянут мой верхний щит, я посмотрю, не удастся ли мне свернуться в шар. Это может оказаться полезным.

– Очень хорошо.

Ежик раздвинул спинные пластины панциря черепахи, и, после многих и долгих стараний, тихоне действительно удалось согнуться.

– Прекрасно, – сказал колючка, – но на твоём месте я отдохнул бы немного. А то, смотри, твоя мордочка совсем почернела от натуги. Пожалуйста, отведи меня в воду, и я попробую плавать боком. Ведь ты говорила, что это так легко.

И колючка снова стал учиться плавать; тихоня держалась рядом с ним.

– Отлично, – сказала черепаха. – Еще поучись и будешь плавать, как кит. Теперь, пожалуйста, распусти мой корсетик еще больше, и я попробую наклониться вперед. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

– Прекрасно, – сказал ежик, сбрасывая с себя капли воды. – Право, я принял бы тебя за зверька нашей породы. Ты, кажется, велела распустить твой корсет на две шнуровки? Пожалуйста, побольше выразительности в движениях и не ворчи так громко, не то пятнистый ягуар услышит. Когда ты кончишь упражнения, я попробую нырять. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

И колючка-ежик нырнул; тихоня-черепаха нырнула рядом с ним.

– Отлично, – сказала тихоня. – Научись только задерживать дыхание, и тогда строй себе дом на дне бурной Амазонки. – Теперь я попробую закладывать задние лапки себе за уши. По твоим словам, это такое приятное положение. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

– Великолепно, – похвалил черепашку колючка, – но твои спинные чешуйки немного расходятся, теперь они все приподнялись и не лежат одна рядом с другой.

– Ничего, это от упражнений, – сказала тихоня. – Я заметила, что теперь, когда ты сворачиваешься, твои иглы торчат пучками и ты больше походишь на ананас, чем на шелуху каштана.

– Да? – спросил колючка. – Они слиплись, потому что я долго пробыл в воде. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

Так они продолжали учиться – ежик плавать, а черепаха сворачиваться клубком, и помогали друг другу. Это продолжалось до утра. Когда солнце поднялось высоко, два друга легли отдыхать и сохнуть, когда же они высохли, то увидели, что совсем перестали походить на прежних ежика и черепаху.

– Колючка, – после завтрака сказала черепаха, – я совсем не такая, как была вчера, и мне кажется, я могу позабавить пятнистого ягуара.

– То же самое и я думал, – сказал ежик, – и нахожу, что чешуйки гораздо лучше, чем иголки; я не говорю уже о том, как хорошо и важно уметь плавать. Да, пятнистый ягуар очень удивится. Пойдем к нему.

Через некоторое время они увидели пятнистого ягуара; он все еще лечил свою исколотую мясистую лапу. Увидев своих друзей, ягуар так изумился, что сделал три шага назад, наступая на свой собственный, как будто раскрашенный хвост.

– Здравствуй! – сказал ему колючка. – Как чувствует себя сегодня твоя прелестная грациозная мамочка?

– Она совершенно здорова, благодарю, – сказал пятнистый ягуар. – Но прошу извинения, я не помню твоего имени.

– Как это нехорошо с твоей стороны! – сказал колючка-ежик. – Ведь именно в это самое время ты вчера старался выцарапать меня когтями из моего панциря.

– Да ведь вчера у тебя не было щитков! Ты ведь был в иголках, – возразил пятнистый ягуар. – Я это отлично знаю. Только посмотри на мою лапу.

– Ты посоветовал мне кинуться в бурную Амазонку и утонуть, – сказала тихоня. – Почему же сегодня ты сделался так нелюбезен и совсем потерял память?

– Разве ты не помнишь слов своей матери? – спросил колючка и прибавил: – Не сворачивается клубком, но плавает – колючка; сворачивается клубком, но не плавает – тихоня.

Они оба свернулись и стали кататься вокруг пятнистого ягуара и так долго катались вокруг него, что его глаза стали круглы и огромны, как колеса у телеги.

Он убежал к своей матери.

– Мама, – сказал ягуар, – сегодня я видел в лесу двух новых зверьков; и знаешь ли, тот, про которого ты сказала, что он не может плавать, – плавает; тот, про которого ты говорила, что он не умеет сворачиваться, – сворачивается. Кроме того, они, кажется, поделили иголки; на обоих чешуя, тогда как прежде один был гладкий, а другой весь колючий; наконец, они оба катаются, и я страшно встревожен.

– Сынок, сынок, – сказала ягуариха, грациозно обмахиваясь своим хвостом, – еж всегда останется ежом и не может быть ничем, кроме ежа; черепаха и есть черепаха и никогда не сделается другим зверьком.

– Но это уже не еж и не черепаха. Эти зверьки похожи и на ежей и на черепах, и у них нет названия.

– Какой вздор! – сказала ягуариха. – У каждого существа и у каждой вещи есть свое собственное название. На твоём месте я, до поры до времени, называла бы их броненосцами, вот и все. Кроме того, я оставила бы их в покое.

Пятнистый ягуар исполнил совет матери; главное, оставил в покое двоих зверьков. Но вот что странно, моя любимая: с этого дня до нашего времени никто из живущих на берегах бурной реки Амазонки не называет тихоню и колючку иначе, как броненосцами. В других местах много ежей и черепах (например, у меня в саду), но настоящие, старинные и умные существа с чешуйками, лежащими одна над другой, как листки ананаса, и в старые дни жившие на берегах Амазонки, называются броненосцами. Их зовут так, потому что они были необыкновенно умны и находчивы.

Значит, все это кончилось хорошо, моя любимая. Правда?

Как было написано первое письмо

Очень-очень давно на свете жил первобытный человек. Жил он в простой пещере, не носил почти никакой одежды, не умел ни читать, ни писать, да ему совсем и не хотелось учиться читать или писать. Человек этот не чувствовал себя совершенно счастливым только в то время, когда он бывал голоден. Звали его, моя любимая, Тегумай Бопсулай, и это имя значило: «человек, который не спешит». Но мы с тобой будем его звать просто Тегумай; так короче. Жену его звали Тешумай Тевиндрой, что значит: «женщина, которая задает много вопросов»; мы же с тобой, моя любимая, будем звать ее Тешумай; это короче. Их маленькую дочку звали Тефимай Металлумай, что значит: «маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлепать»; но мы с тобой будем ее звать просто Тефи. Тегумай очень любил свою дочку, Тешумай тоже очень ее любила, и Тефи редко шлепали, хотя иногда следовало шлепать побольше. Все они были очень счастливы. Едва Тефи научилась бегать, она стала повсюду ходить со своим отцом, Тегумаем; иногда они долго не возвращались в пещеру и приходили домой, только когда они начинали хотеть есть. Тогда Тешумай говорила:

– Откуда это вы пришли такие грязные? Право, мой Тегумай, ты не лучше моей Тефи.

Ну, теперь слушай повнимательнее.

Как-то раз Тегумай Бопсулай пошел через бобровое болото к реке Вагаи; он хотел наловить острогой карпов на обед; с ним пошла и Тефи. Острога Тегумая была деревянная; на ее конце сидели зубы акулы. Еще до того, как ему удалось поймать хоть одну рыбу, он так сильно ударил острогой в речное дно, что она сломалась. Тегумай и Тефи были очень-очень далеко от дома и, понятно, принесли с собой в маленьком мешке завтрак; запасных же острог Тегумай не захватил.

– Вот так наловил рыбы! – сказал Тегумай. – Теперь мне половину дня придется провозиться с починкой сломанной остроги.

– Дома осталось твое большое черное копье, – сказала Тефи. – Хочешь, я сбегая к нам в пещеру и попрошу маму дать мне его?

– Это слишком далеко; твои маленькие толстые ноженьки устанут, – сказал Тегумай. – Кроме того, ты, пожалуй, упадешь в болото и утонешь. Попробуем обойтись и так.

Он сел на землю, вынул из-за пояса маленький кожаный мешок, в котором лежало все необходимое для починки – жилы северных оленей, полоски кожи, куски пчелиного воска, смола, – и принялся за починку остроги. Тефи тоже села на землю и болтала ножками в воде; подперев подбородок рукой, она сильно задумалась, подумав же, сказала:

– Знаешь, папа, ужасно неудобно, что мы с тобой не умеем писать. Если бы мы писали, мы могли бы послать письмо про новую острогу.

– Тефи, – заметил Тегумай, – сколько раз говорил я тебе, что следует говорить прилично. Нехорошо говорить «ужасно»; но это правда было бы хорошо, если бы мы могли написать домой.

Как раз в это время на берегу реки показался чужой человек; он принадлежал к жившему далеко племени по названию тевара и не понял, о чем говорили Тегумай с дочерью. Он остановился на берегу и улыбнулся маленькой Тефи, потому что у него самого дома была дочка. Между тем Тегумай вынул сверток оленьих жил из кожаного мешочка и стал чинить свою острогу.

– Слушай, – сказала Тефи чужому человеку, – знаешь ты, где живет моя мамочка?

– Гум, – ответил человек; ведь ты знаешь, что он был из племени тевара.

– Какой глупый, – сказала Тефи и топнула ножкой.

Ей было досадно, потому что она видела, как целая стая крупных карпов идет вверх по течению реки, а ее отец не может поймать их своей острогой.

– Не надоедай взрослым, – сказал Тегумай.

Он был так занят починкой остроги, что даже не повернулся.

– Да я не надоедаю, – сказала Тефи. – Я только хочу, чтобы он исполнил мое желание, а он не понимает.

– В таком случае не надоедай мне, – сказал Тегумай и продолжал дергать и вытягивать оленьи сухожилия, забирая в рот их концы. Чужой человек сел на траву, и Тефи ему показала, что делал ее отец.

Человек из племени тевара подумал: «Какой удивительный ребенок! Она топнула на меня ногой, а теперь строит мне гримасы. Вероятно, она дочь этого благородного вождя, который так важен, что не обращает на меня внимания».

И он особенно вежливо улыбнулся им обоим.

– Теперь, – сказала Тефи, – поди к моей маме. Твои ноги длиннее моих, и ты не упадешь в бобровое болото; хочу я также, чтобы ты попросил у нее другую папину острогу, большую, с черной рукояткой. Она висит над нашим очагом.

Чужой человек (из племени тевара) подумал: «Это очень, очень странная маленькая девочка. Она размахивает руками и кричит мне что-то совершенно непонятное. Между тем, если я не исполню ее желания, важный вождь, человек, который сидит спиной ко мне, пожалуй, рассердится».

Подумав это, тевара поднялся с земли, сорвал с березы большой кусок коры и подал его Тефи. Он сделал это, моя любимая, с целью показать, что его сердце бело, как береста, и что у него нет злых намерений; Тефи же неправильно поняла его.

– А, вижу! – сказала она. – Ты хочешь знать адрес моей мамы? Правда, я не могу писать, но я умею рисовать картинки, если у меня есть в руках что-нибудь острое. Пожалуйста, дай мне на время акулий зуб с твоего ожерелья.

Тевара ничего не сказал; тогда Тефи протянула свою маленькую ручку и дернула за висевшее на его шее прекрасное ожерелье из бисера, жемчуга и зубов акулы.

Чужой человек (помнишь – тевара?) подумал: «Какой удивительный ребенок. Акулий зуб в моем ожерелье – зуб волшебный, и мне всегда говорили, что тот, кто без моего позволения дотронется до него, немедленно распухнет или лопнет; между тем эта маленькая девочка не раздувается и не лопается, а важный вождь, человек, который занимается своим делом и еще не обратил на меня внимания, кажется, совсем не боится, что она раздуется, улетит или лопнет. Буду-ка я еще вежливее».

И он дал Тефи зуб акулы. Она тотчас легла на свой животик, задрала ножки, как это делают некоторые знакомые мне девочки на полу гостиницы, когда они рисуют в своей тетрадке.

– Теперь я нарисую тебе несколько прехорошеньких картинок, – сказала Тефи. – Смотри через мое плечо, только не толкай меня. Прежде всего я нарисую, как мой папа ловит рыбу. Видишь, он вышел не очень похож, но мама его узнает, потому что я нарисовала его сломанную острогу. Теперь нарисую другую острогу, ту, которая ему нужна, острогу с черной рукояткой. У меня получилось, что она засела в спине папы, но это только потому, что акулий зуб скользнул, а кусок бересты недостаточно велик. Мне хочется, чтобы ты принес ее сюда; я нарисую себя, и мама увидит, что я объясняю тебе, что именно нужно сделать. Мои волосы не торчат вверх, как вышло на картинке, но иначе я не могла нарисовать их. Вот и ты готов. Ты мне кажешься очень красивым, но я не могу сделать тебя хорошеньким на картинке; не обижайся же. Ты не обиделся?

Чужой человек (тевара) улыбнулся. Он подумал: «Вероятно, где-то должна произойти огромная битва, и этот странный ребенок, который взял волшебный зуб акулы, но не раздувается и не лопается, просит меня позвать народ на помощь великому вождю. Он, конечно, великий вождь; не то, без сомнения, заметил бы меня».

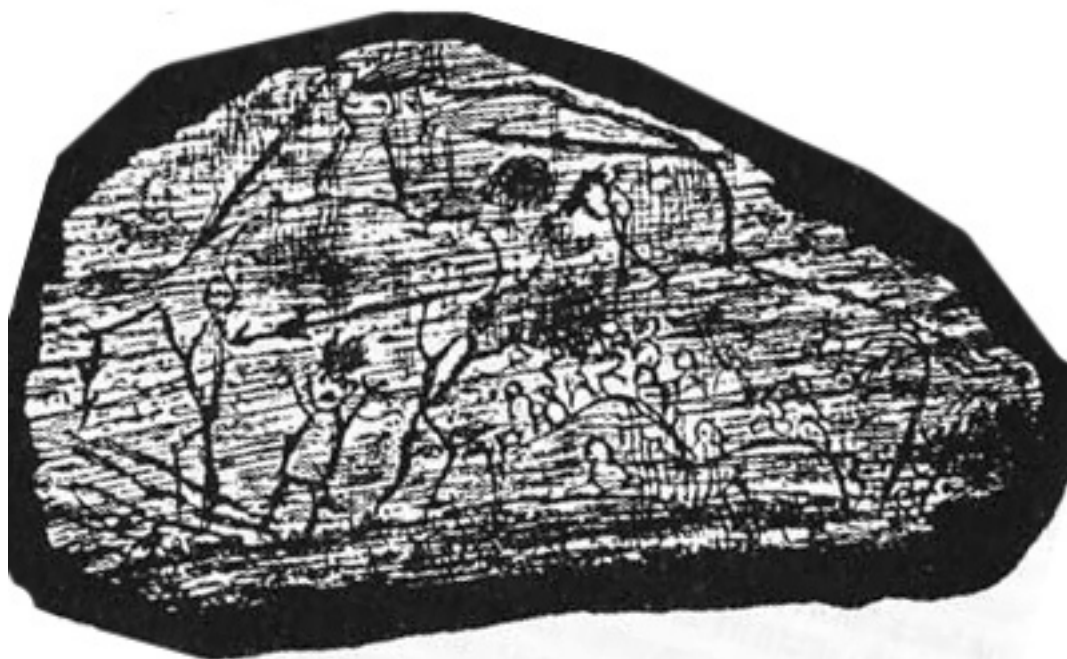
– Смотри, – сказала Тефи, продолжая усиленно нацарапывать рисунки, – вот я нарисовала тебя и вложила в твою руку ту острогу, которая нужна папе; я сделала это, чтобы ты не забыл моей просьбы. Теперь я покажу тебе, как отыскать место, где живет моя мама. Ты пойдешь все прямо и прямо, до двух деревьев; видишь, вот эти деревья; потом ты поднимешься на холм и спустишься с него; видишь, вот и холм. После холма ты увидишь болото, полное бобров. Я не нарисовала бобров целиком; это для меня слишком трудно; я нацарапала их круглые головы; впрочем, перебираясь через болото, ты только и увидишь их головы. Смотри, не упави в топь. Наша пещера сразу за болотом. По-настоящему, она не так высока, как горы, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Около нее моя мама. Она очень красива. Она самая красивая мамочка в мире, но не обидится, когда увидит, что я нарисовала ее безобразной, напротив, она останется довольна, что я могу рисовать. Вот здесь острога, которая нужна папе; я нарисовала ее подле входа в пещеру, чтобы ты не забыл о ней; по-настоящему-то, она внутри пещеры, но ты покажи картинку моей маме, и она даст тебе острогу. Я нарисовала у мамы поднятые руки, так как знаю, что она обрадуется, когда ты придешь. Ну, разве это не отличная картинка? И хорошо ли ты понял все, или лучше еще раз объяснить тебе, что значат мои рисунки?

Чужой человек (он был из племени тевара) посмотрел на картинку и несколько раз кивнул головой.

Себе он сказал: «Если я не созову всего племени на помощь этому великому вождю, его убьют враги, которые бегут к нему со всех сторон с копьями в руках. Теперь я понимаю, почему великий вождь делает вид, будто не замечает меня. Он боится, что враги, которые прячутся в кустах, увидят, как он дает мне какое-то поручение. Поэтому он и повернулся ко мне спиной и приказал умной и удивительной маленькой девочке нарисовать страшную картинку, которая показывает все его затруднения. Я пойду и приведу к нему на помощь его племя».

Тевара даже не спросил у Тефи, куда надо идти; он просто быстро, как ветер, кинулся в чащу, унося с собой бересту. Тефи села на землю: она была довольна.

Вот картинка, которую нарисовала Тефи.

– Что ты там делала, Тефи? – спросил Тегумай. Он уже починил свою острогу и размахивал ею в воздухе.

– Я кое-что придумала, папа, – ответила Тефи. – Если ты не будешь меня расспрашивать, ты скоро сам все узнаешь и очень удивишься. Ты не можешь себе представить, до чего удивишься ты. Обещай мне, что ты обрадуешься!

– Отлично! – ответил Тегумай и пошел ловить рыбу острогой.

Чужой человек (ведь ты знаешь, он был из племени тевара) быстро бежал с картинкой на бересте, бежал, пока случайно не увидел Тешумай Тевиндрой подле входа в ее пещеру; она разговаривала с другими первобытными женщинами, которые пришли к ней, чтобы покушать ее первобытный завтрак. Тефи была очень похожа на свою мать; главное, лоб маленькой девочки и глаза были совсем такие же, как у Тешумай; поэтому тевара вежливо улыбнулся матери Тефи и передал ей исчерченный кусочек березовой коры. Он бежал быстро и потому задыхался, шипы колючих кустарников исцарапали его ноги, но он все-таки старался быть вежливым.

Как только Тешумай взглянула на рисунок дочери, она громко вскрикнула и кинулась на человека из племени тевара. Другие первобытные дамы сбили его с ног и все шесть уселись на нем рядом; Тешумай стала дергать его за волосы.

– Я вижу так же ясно, как длинный нос этого человека, – сказала мать Тефи, – что он исколот копьями моего бедного Тегумая и напугал мою бедную Тефи до того, что ее волосики стали дыбом на голове. Больше того, он принес мне ужасный рисунок, чтобы показать, каким образом он сделал свое злое дело. Смотрите! – Тешумай Тевиндрой показала картину шести первобытным дамам, которые терпеливо сидели на лежащем человеке из племени тевара. – Смотрите, вот мой Тегумай, – говорила она, – видите, его рука сломана; вот копье, торчащее из его спины, рядом с ним человек, который готовится бросить другое копье в Тегумая; вот еще человек; он бросает из пещеры копье, а вот тут целая шайка людей (она показала на головы бобров, которые нарисовала Тефи, действительно похожие на человеческие головы); вся эта шайка бежит за Тегумаем. Разве это не ужасно?

– Ужасно! – сказали подруги Тешумай Тевиндрой и стала покрывать волосы тевара грязью (что очень его удивило). Потом они принялись бить в большой священный барабан своего племени и таким образом созвали всех вождей племени Тегумая, со всеми их помощниками, помощниками помощников и другими начальниками, а также с ангекоками, бонзами, людьми джу-джу, варлоками и тому подобными важными особами. Это собрание решило отрубить голову незнакомому человеку, но сначала заставить его отвести их вниз по течению реки и показать, куда он спрятал бедную маленькую Тефи.

На этот раз чужой человек (хотя он и был из племени тевара) рассердился. Ил и глина засохли в его волосах, женщины катали его взад и вперед по острым валунам, долго сидели на нем, колотили и толкали его так, что ему стало трудно дышать, и хотя он не понимал ни слова из их языка, однако догадывался, что первобытные дамы называли его не очень любезными именами. Тем не менее он не говорил ни слова, пока не собралось племя Тегумая; после же этого отвел всех к берегу реки Вагаи. Они увидели Тефи, которая плела длинные гирлянды из ромашек, и Тегумая, снимавшего со своей починенной остроги очень маленького карпа.

– Быстро же ты пришел, – сказала Тефи. – Только зачем ты привел с собой так много народа? Это мой сюрприз, папа. Ты удивлен?

– Очень, – сказал Тегумай. – Только теперь сегодняшняя рыбная ловля пропала. Зачем сюда пришло наше огромное милое, доброе, чистое, красивое, спокойное племя, Тефи?

Действительно, пришло все племя. Впереди шагали Тешумай Тевиндрой и другие женщины; они крепко держали незнакомца, волосы которого были покрыты грязью. За женщинами шел главный вождь, вице-вождь, вождь-депутат, вождь-помощник, вооруженные с ног до головы начальники и их заместители; все со своими отрядами. За ними двигались простые люди, по старшинству, начиная с владельцев четырех пещер (по одной на каждое время

года), затем владельцы собственных оленьих упряжек, лососьих заводов и кончая простолюдинами, имевшими право владеть половиной медвежьей шкуры, наконец, рабы, державшие под мышками кости. Все кричали, бранились и распугали рыбу на двадцать миль вокруг. Тегумай поблагодарил их в очень красноречивой первобытной речи.

Тешумай Тевиндрой подбежала к Тефи, долго целовала ее и прижимала к своей груди. Главный же вождь племени Тегумая схватил его за перья, торчавшие у него в волосах, и резко встряхнул его.

– Объясни, объясни, объясни! – прокричало племя.

– Что это? – сказал Тегумай. – Отпусти мои перья. Неужели человек не может сломать свою острогу для карпов без того, чтобы на него накинuloсь все племя? Как вы любите вмешиваться в чужие дела!

– Кажется, вы все-таки не принесли черной остроги моего папы, – сказала Тефи. – И что это вы делаете с моим милым незнакомцем?

Они действительно вскакивали на тевару по двое, по трое, по десяти за раз и били его ногами, так что он начал отчаянно вращать глазами. Хватая ртом воздух, бедняга мог только указать на Тефи.

– Где злые люди, которые ранили тебя копьями? – спросила Тешумай Тевиндрой.

– Здесь не было злых людей, – сказал Тегумай. – За целое утро ко мне подошел только бедный малый, которого вы стараетесь задушить. Не сошло ли ты с ума, о племя Тегумая?

– Он пришел к нам с ужасной картинкой, – сказал главный вождь, – на коре был нарисован ты, а в тебе сидело несколько копий.

– Гм... Да, может быть, я должна объяснить, что эту картинку он получил от меня, – сказала Тефи. Ей было очень неловко.

– Ты? – закричало племя Тегумая. – Ты, маленькая, дурно воспитанная особа, которую следует отшлепать? Ты?

– Тефи, дорогая моя, кажется, мы попали в некоторое затруднение, – сказал ей Тегумай и обнял ее, а потому она сразу перестала бояться.

– Объясни, объясни, объясни! – закричал главный вождь племени Тегумая и запрыгал на одной ноге.

– Я хотела, чтобы чужой человек сходил в нашу пещеру за папиной черной острогой, а потому нарисовала картинку, – сказала Тефи. – Я не говорю о множестве копий. Я думала только об одной остроге и нарисовала ее три раза, чтобы он не ошибся. Я не виновата, что вышло, будто копьё засело в голове папы; просто на бересте было слишком мало места; а эти штучки, которые мама называет злыми людьми, – бобры. Я нарисовала их, чтобы показать ему дорогу через бобровое болото, нацарапала я также маму около входа в пещеру; я хотела показать на рисунке, что мама весела и довольна; ведь к ней пошел милый чужой человек. А теперь я считаю, что все мы самые глупые люди в мире! Он очень милый и красивый человек. Ну, скажите, зачем это вы намазали его волосы илом и глиной? Вымойте его.

Долгое время никто не говорил, наконец, главный вождь засмеялся, засмеялся и чужой человек, тевара, Тегумай же расхохотался так, что повалился на траву; засмеялось и все племя, и смех делался все громче и сильнее. Не смеялись только Тешумай Тевиндрой и все остальные первобытные дамы. Они очень вежливо обошлись со своими мужьями, каждая по несколько раз сказала своему супругу:

– Идиот.

Наконец, главный вождь племени закричал:

– О, маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлепать, ты напала на великое изобретение!

– Я этого не хотела, мне нужна была только острога с черной рукояткой, – ответила Тефи.

– Все равно. Это великое изобретение, и когда-нибудь люди назовут его умением писать. Теперь же это только картинки; картинки не всегда правильно понимаются. Но наступит время, о, ребенок Тегумая, когда мы будем делать буквы, – сделаем ровно двадцать шесть букв; когда мы будем читать так же хорошо, как писать и, таким образом, говорить именно то, что желаем сказать, никого не вводя в заблуждение. Первобытные дамы, вымойте волосы чужого человека.

– Мне это очень приятно, – сказала Тефи, – но хотя вы принесли решительно все копыя племени Тегумая, вы забыли захватить с собой острогу с черной рукояткой.

Тут главный вождь покричал, попел немного и сказал:

– Дорогая Тефи, когда в следующий раз тебе вздумается начертить письмо-картинку, ты лучше поручи отнести свой рисунок кому-нибудь, кто умеет говорить на нашем языке. Мне это все безразлично, так как я главный вождь, но как ты сама можешь видеть, вышло нехорошо для остального племени Тегумая, да и чужестранец был сильно удивлен.

После этого племя Тегумая приняло чужого человека (настоящего тевара из области Тевара) в свое племя за то, что он был истый джентльмен и не скандалил по поводу глины, которой женщины намазали его волосы. Но с того дня до нынешнего времени (и я считаю, что это вина Тефи) очень немногие маленькие девочки любили или любят учиться читать и писать. Чаще всего им больше нравится рисовать картинки или играть со своими папами, совсем, совсем, как Тефи.

Как была составлена первая азбука¹¹

Теперь, моя любимая, ты узнаешь, что через неделю после того, как Тешимай Металлумай (мы по-прежнему будем называть ее Тефи) сделала большую ошибку относительно остроги, чужого человека, письма-картинки и всего остального, она опять пошла с Тегумаем ловить карпов. Тешумай Тевиндрой хотела, чтобы Тефи осталась дома и помогла ей развесить на жердях звериные кожи, но Тефи рано убежала к своему отцу, и они принялись ловить рыбу. Вот Тефи засмеялась, и Тегумай сказал ей:

– Не шали, дитя мое.

– Но я вспомнила, – ответила Тефи, – как забавно главный вождь надул щеки; каким смешным казался мой милый чужой человек с волосами, намазанными глиной! Помнишь?

– Как не помнить, – сказал Тегумай. – Мне пришлось заплатить твоему товару две оленье шкуры, мягкие, с бахромой, и все это за то, что мы его обидели.

– Да мы-то с ним ничего не сделали, – сказала Тефи. – Его обидела мама, другие дамы... и глина.

– Не будем говорить об этом, – сказал Тегумай, – лучше давай позавтракаем.

Тефи принялась высасывать костный мозг из бычьей кости и целых десять минут сидела тихо, как мышка; в это время ее отец что-то царапал зубом акулы на куске бересты. Наконец, дочка Тегумая сказала!

– Знаешь, папа, я придумала один удивительный сюрприз. Закричи или скажи что-нибудь.

– А! – громко протянул Тегумай. – Это годится для начала?

– Да, – ответила Тефи. – Когда ты прокричал «а», ты был похож на карпа с открытым ртом. Пожалуйста, еще раз скажи «а».

– А, а, а! – крикнул Тегумай. – Только зачем ты мне нагрубила, дочка?

– Уверю тебя, я не хотела быть грубой, – сказала Тефи. – Видишь, это нужно для моего удивительного сюрприза. Пожалуйста, папа, крикни опять «а», не закрывай рта и дай мне зуб акулы. Я хочу нарисовать открытый рот карпа.

– Зачем? – спросил Тегумай.

– погоди, – ответила Тефи, царапая зубом акулы по коре. – Это будет наш маленький сюрприз. Когда я нарисую карпа с широко открытым ртом на задней стенке нашей пещеры (конечно, если мама позволит), мой рисунок будет напоминать тебе, как ты закричал «а». И мы будем играть, будто я выскочила из темноты и удивила тебя, прокричав «а». Помнишь, я это сделала прошлой зимой в бобровом болоте?

– Да, – ответил Тегумай таким голосом, моя любимая, каким говорят взрослые, когда они действительно чем-нибудь заинтересуются. – Скажи, что дальше, Тефи?

– Вот досада, – пробормотала она, – я не могу нарисовать целого карпа; впрочем, ничего; у меня выходит что-то вроде открытого рыбьего рта. Знаешь, карпы стоят головой вниз, когда роются в иле на дне. Ну вот, здесь как будто карп, и мы можем играть, как будто остальное его тело тоже нарисовано. У меня вышел его рот, и мой рисунок означает «а». – И Тефи нарисовала вот это:

¹¹ В том месте этой сказки, где идет речь о картинном изображении звуков, было невозможно держаться буквального перевода; историю некоторых букв пришлось передать иначе.

– Недурно, – сказал Тегумай и на другом куске бересты нацарапал тот же рисунок для себя, – только ты забыла усик, – прибавил он, – усик, который висит поперек его рта.

– Да я не могу нарисовать всей рыбы и ее усика, папа.

– Тебе незачем рисовать что-нибудь, кроме открытого рта карпа и усика. Если ты нарисуешь ус, мы будем знать, что это именно карп, потому что у окуней и форелей усиков нет. Посмотри-ка сюда, Тефи. Хорошо вышло? – Вот что показал ей Тегумай:

– Я нацарапаю такой же рисунок, – сказала Тефи. – Ты поймешь его, когда я покажу мой значок. – Говоря это, она нарисовала вот такую фигурку:

– Конечно, пойму, – сказал Тегумай. – И я также удивлюсь, увидав где-нибудь твой рисунок, как удивился бы, если бы ты неожиданно выскочила из-за дерева и крикнула: «а».

– Теперь крикни что-нибудь еще, – попросила Тефи; она очень гордилась своей новой игрой.

– Уа, – очень громко произнес Тегумай.

– Гм, – протянула Тефи, – это двойной крик. Его вторая часть – «а», то есть рот карпа; но что нам делать с первой частью?

– Первый звук очень похож на тот, который мы обозначили ртом карпа. Давай нацарапаем второй рыбий рот и соединим их, – предложил Тегумай. Его тоже заняла новая забава.

– Нет, нет, так нельзя; я забуду. Нужно нарисовать два различных куска карпа. Вот что, нарисуй его хвост. Когда карп стоит головой вниз, его хвост вверх, и, значит, его видишь раньше, чем голову. Кроме того, мне кажется, я сумею нарисовать рыбы хвосты, – сказала Тефи.

– Отлично, – согласился Тегумай. – Давай обозначим звук «у» хвостом карпа – И вот что он нарисовал:

– Теперь и я постараюсь нацарапать хвост карпа, – заметила Тефи. – Только, знаешь, папа, я не могу рисовать, как ты. Как ты думаешь – ничего, если я нарисую только расщепленную часть рыбьего хвоста; а потом тот плавник, с которым хвост соединяется? Смотри, вот как у меня вышло. – И она показала отцу вот это:

Тегумай кивнул головой; его глаза так и блестели.

– Это прелесть как хорошо! – весело произнесла Тефи. – Ну, папа, крикни-ка еще один отдельный звук.

– О! – закричал Тегумай.

– Теперь дело просто, – сказала Тефи. – У тебя сделался совсем круглый рот, точно яйца или камешек. Значит, для этого крика годится яйцо или камень.

– Ну, не везде найдешь яйца или камни. Нам просто нужно нацарапать кружок. Что-нибудь вот такое. – И вот что он нарисовал:

– Ах, батюшки, – сказала Тефи, – сколько картинок нацарапали мы: рот карпа, хвост карпа и яйца! Ну, еще папа!

– С-с-с! – прошипел Тегумай и немного нахмурился, но Тефи было так весело, что она этого не заметила.

– Ну, это просто, – сказала она, рисуя на бересте.

– А? Что? – спросил Тегумай. – Я хотел показать тебе, что я думаю и не хочу, чтобы ты мне мешала.

– А все-таки это звук. Так шипит змея, когда она думает и не желает, чтобы ее тревожили. Давай обозначим звук «с» – змеей. Как ты думаешь, это годится? – И вот что она нарисовала:

– Видишь? – сказала Тефи. – Это наш новый чудесный секрет. Когда ты нарисуешь шипящую змею подле входа в твою маленькую пещеру, где ты чинишь остроги, я пойму, что ты о чем-то серьезно думаешь, и войду к тебе неслышно, как тихая мышка. Когда ты во время рыбной ловли нарисуешь змею на дереве около реки, я пойму, что ты хочешь, чтобы я подходила тихо, как самая спокойная мышка.

– Верно, верно, – сказал Тегумай. – И в этой игре больше смысла, чем ты думаешь. Тефи, моя дорогая, сдается мне, что дочка твоего папы придумала самую отличную вещь, когда-либо придуманную с того самого дня, в который племя Тегумая впервые насадило на копье зуб акулы вместо кремня. Мне кажется, мы открыли важную тайну.

– Что такое? Не понимаю, – сказала Тефи, и ее глаза тоже загорелись.

– Сейчас увидишь, ну, как на языке племени Тегумая называется вода?

– Конечно, уа, и это также значит река; например, вагай-уа – река Вагаи.

– Скажи-ка теперь, как называется вода, от которой у тебя сделается лихорадка, если ты выпьешь хоть один ее глоток? Скажи, как называется черная вода, болотная вода?

– Уо, конечно.

– Теперь смотри, – сказал Тегумай. – Предположим, ты подошла к луже в большом бобровом болоте и увидела, что на дереве нацарапана вот такая штучка. – И вот что он нарисовал:

– Хвост карпа и круглое яйцо. Смесь из двух звуков. Уо – дурная вода, – прочитала Тефи. – Конечно, я не стала бы пить из лужи, потому что поняла бы, что ты называешь эту воду дурной.

– И мне совсем незачем было бы стоять подле лужи. Я мог бы охотиться очень далеко от этого места, и все-таки...

– А все-таки вышло бы, точно ты стоишь подле лужи и говоришь: «Уйди Тефи, не то у тебя сделается лихорадка». И все это сказал бы хвост рыбы и круглое яйцо! О папа, мы должны пойти и сейчас же рассказать все маме! – И Тефи запрыгала вокруг своего отца.

– Нет, погоди, – сказал Тегумай, – сначала нужно придумать еще кое-что. Давай подумаем. Уо – дурная вода; со – пища, приготовленная на огне. Ведь правда? – И он нарисовал вот это:

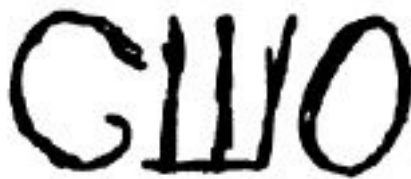
– Да, змея и яйцо, – сказала Тефи. – Значит, «со» обозначает, что обед готов. Если ты увидишь эти нацарапанные на дереве знаки, ты поймешь, что тебе пора идти к пещере. Пойму это и я.

– Умница, – сказал Тегумай, – верно. Только погоди минуту. Я вижу одно затруднение. «Со» – значит: иди и обедай, а вот слово «сшо» обозначает жерди для просушки звериных шкур.

– Ах, эти ужасные старые колья! – сказала Тефи. – Я так не люблю помогать развешивать на них горячие, волосатые, тяжелые кожи. Если я увижу, что ты нарисовал змею и яйцо, я подумаю, что это обозначает обед, приду из леса и узнаю, что мне нужно помогать маме развешивать кожи. Что я сделаю тогда?

– Ты рассердишься. Твоя мама тоже. Значит, нам следует придумать новую картинку для «сшо». Давай нарисуем пятнистую змею; она шипит «сш-сш», а простая змея шипит только «с-с-с-с».

– Ну, я не знаю, как нарисовать пятна, – сказала Тефи. – Кроме того, торопясь, ты, пожалуй, забудешь о них. Тогда я подумаю, что нацарапано «со», а не «сшо»; мамочка все-таки поймает меня и заставит развешивать шкуры. Нет, лучше нарисуем эти ужасные высокие колья и жердь для просушки кож; тогда мы будем знать наверняка. Я нарисую их около шипящей змеи. Вот. – И она нарисовала это:

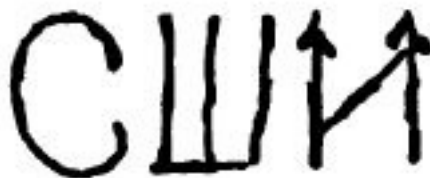

10

– Пожалуй, так удобнее. Твой рисунок очень похож на наши жерди, – со смехом заметил Тегумай. – Слушай, теперь я сделаю еще один звук, в котором будет и змея и жерди. Я говорю «сши». Ты знаешь, племя Тегумая называет так копье или острогу, Тефи. – И он засмеялся.

– Не смейся надо мной, – сказала Тефи; она вспомнила о своем письме-картинке и о грязи в волосах чужого человека. – Нацарапай две или три остроги, отец.

– На этот раз у нас не будет ни бобров, ни холмов. Хорошо, – сказал Тегумай. – Чтобы обозначить остроги, я просто проведу прямые линии. – И он нацарапал вот это:

11

– Даже твоя мама не подумала бы, будто этот рисунок обозначает, что кого-то убили.

– Перестань, папа. Мне так неприятно. Лучше скажи еще что-нибудь. Мы придумываем такие хорошие вещи.

– Гм, – откашлялся Тегумай и задумчиво посмотрел вверх. – Ну, хорошо, «сшю» – это значит небо.

Тефи быстро нарисовала змею и жердины. Потом задумалась и сказала:

– Мы должны придумать новую картинку для последнего звука.

– Сшю, сшю, ю-ю! – протянул Тегумай. – Знаешь, этот звук похож на звук, обозначенный круглым яйцом, только потоньше, понежнее.

– Тогда нарисуем очень тонкое яйцо и представим себе, что это не яйцо, а лягушка, которая несколько лет голодала.

– Н-нет, – сказал Тегумай. – Торопясь, мы можем плохо нарисовать тоненькое яйцо и потом принять его за яйцо обыкновенное, круглое. Не годится... «Сшю, сшю, сшю»... Вот что сделаем: мы нацарапаем яйцо и покажем, что его скорлупа тонкая, что ее легко разбить прутом или палочкой. Поэтому рядом с яйцом нацарапаем стоячую палку, и, чтобы показать, что эти две вещи, то есть яйцо и палка, обозначают один звук, соединим их тоненькой веточкой. Нарисуем что-нибудь вроде этого. – И вот что нарисовал Тегумай:

Ю

12

– О, как хорошо! Это лучше худой лягушки! Ну, дальше! – сказала Тефи, размахивая зубом акулы.

Тегумай продолжал царапать бересту, и его рука дрожала от волнения. Он рисовал долго; наконец, вот что у него вышло:

СШЮУА

13

– Смотри внимательно, Тефи, – сказал Тегумай, – и постарайся понять, что это значит на наречии племени Тегумая. Если ты все поймешь, мы открыли великую тайну.

– Змеи; жерди; яйцо и палки; хвост карпа и рот карпа, – прочитала Тефи. – Сшю-уа. Небесная вода (дождь). – В эту минуту на ее руку упала капля; небо давно хмурилось. – Дождь идет, папа. Ты это хотел сказать мне?

– Конечно, – ответил Тегумай, – и я сказал тебе про дождь, не произнеся ни одного слова.

– Мне кажется, я все поняла бы через минуту, но дождевая капля окончательно объяснила мне, что ты написал. Я никогда теперь не забуду. «Сшю-уа» – значит «дождь», или «скоро пойдет дождь». Знаешь что, папа? – она вскочила и стала прыгать вокруг отца. – Может быть, ты когда-нибудь уйдешь раньше, чем я проснусь, и перед уходом нацарапаешь «сшю-уа» на закопченной стене; тогда я пойму, что собирается дождь, и захвачу с собой мой капюшон из бобровой шкуры. Вот мама удивится.

Тегумай тоже вскочил и запрыгал. (В те времена, моя любимая, папа и мама прыгали, не смущаясь.)

– Я захочу тебе сказать, что пойдет дождь, но несильный, и что ты все-таки должна прийти к реке; скажи, что же тогда придется мне нарисовать? Скажи это на наречии Тегумая.

– Сшю-уа-лас-уа-мару. (Небесная вода окончится; к реке приди.) Сколько новых звуков. Право, уж не знаю, как мы обозначим их.

– А я знаю, знаю, – перебил ее Тегумай. – погоди минуту, Тефи; мы сделаем еще кое-что и закончим на сегодня. У нас есть уже «сшю-уа», правда? Ну вот «лас» – вещь трудная. Ла-ла-ла! – прокричал Тегумай, помахивая зубом акулы. – Лас!

– В самом конце шипящая змея; перед змеей рот карпа. «Ас, ас, ас». Нам нужно только «л», – сказала Тефи.

– Правда, но мы должны придумать «л». И знаешь, мы первые люди в мире, которые начали делать это, ТEFИМАЙ.

– Я очень рада, – сказала Тефи, но зевнула; она сильно устала.

– «Лас» – значит ломать, прекращать, оканчивать, Правда? – спросила она.

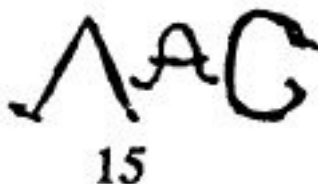
– Правда, – согласился Тегумай. – «Уа-лас» – значит: в котле нет больше воды, в котором твоя мама варит пищу, когда я уйду на охоту.

– А «сши-лас» значит, что твоя острога сломана. Ах, если бы я вспомнила это вместо того, чтобы царапать глухих бобров для того чужого человека.

– «Ла, ла, ла», – повторил Тегумай, помахивая своей палкой и хмуря брови. – Вот досадато! – Я могу без труда нарисовать «сши», – продолжала Тефи. – Потом можно нарисовать твою сломанную острогу. Смотри. – И вот, что нацарапала Тефи:

– Именно то, что нужно, – сказал Тегумай. – Это «л» совсем не такое, как другие знаки; значит, нацарапаем «лас». Смотри, Тефи. – И он нарисовал вот это:

– Теперь «уа». Ах, да мы это уже делали. Ну, – мару. «Му-мум-мум-мум». Для этого нужно закрыть рот. Хорошо, нарисуем закрытый рот. Что-нибудь вот в таком роде. – И вот что нарисовал Тегумай:

– Теперь открытый рот карпа. Значит, выходит «ма». Но что мы придумаем для «р-р-р-р», Тефи?

– Это шум сердитый; так шумит валун, когда он вырвется из-под твоей ноги и завертится на каменистом берегу.

– Ты говоришь – завертится? Повернется, обежит кружок и остановится? Вот так бежит камешек, который как будто кричит «р-р-р»? Смотри. – И вот, что нарисовал Тегумай:

17

– Да, да, – ответила Тефи. – Только зачем столько значков? Довольно двух.

– Одного достаточно, – сказал Тегумай. – Если наша игра со временем сделается той важной вещью, которой, мне кажется, она должна быть, чем проще будут наши картинки звуков, тем лучше. – И вот что он нарисовал:

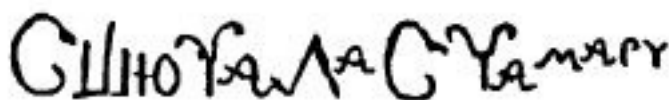
18

– Готово, – сказал Тегумай, подпрыгнув на одной ноге. – Я нарисую все картинки рядком, как мы вешаем рыб на жилу оленя.

– А не лучше ли между отдельными словами поставить по маленькой палочке, чтобы они не терлись друг о друга; знаешь, как мы это делаем, когда сушим карпов?

– Нет, между словами я оставляю пустые пространства, – сказал Тегумай. – И он с большим усердием нацарапал все знаки на куске свежей березовой коры.

Вот что вышло у него:

19

– Сшю-уа-лас уа-мару, – прочитала Тефи.

– Ну, на сегодня довольно, – сказал Тегумай. – Ты устала, Тефи. Ничего, дорогая; завтра мы окончим дело, и о нас будут вспоминать через много-много лет после того, как люди срубят самые большие деревья в наших лесах и расколют их на дрова.

Они ушли домой. Весь вечер Тегумай сидел с одной стороны костра, а Тефи с другой; оба рисовали знаки на закопченной стене, посматривали друг на друга и посмеивались. Наконец, Тешумай сказала:

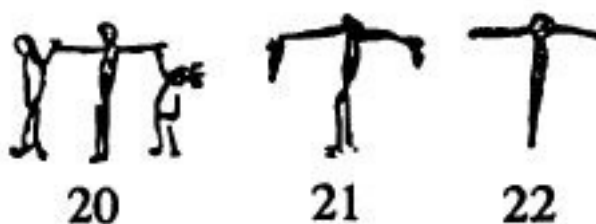
– Право, Тегумай, ты еще хуже, чем моя Тефи.

– Пожалуйста, не сердись, мама, – попросила ее Тефи. – Это только наш удивительный сюрприз, и мы расскажем тебе о нем, когда он будет готов; теперь же, пожалуйста, не расспрашивай меня, потому что тогда я непременно проговорюсь.

Тешумай перестала расспрашивать свою дочку. На следующее утро Тегумай очень-очень рано ушел к реке, чтобы подумать о новых картинках для звуков, и, когда Тефи проснулась и встала, она увидела, что на большом выдолбленном в камне бассейне для воды около входа в пещеру было мелом начерчено «уа-лас» (вода кончается или вытекает).

– Гм! – проворчала Тефи. – Эти картинки звуков – скверная шутка. Теперь получилось, как будто папа заглянул ко мне сам и велел натаскать воды, чтобы мамочка сварила нам пищу. – Тефи пошла к ключу, который бил позади пещеры, и ведром, сделанным из древесной коры, наносила воды в выдолбленный камень; сделав это, она побежала к реке, увидела своего папу и дернула его за левое ухо. Когда Тефи вела себя очень хорошо, ей позволялось дергать Тегумая именно за это ухо.

– Давай придумаем и нарисуем картинки для остальных звуков, – предложил своей дочке Тегумай. Они превосходно провели утро; в полдень закусили и вместо отдыха побегали и повозились. Когда дело дошло до звука «т», Тефи объявила, что, так как ее собственное имя, имена ее папочки и мамы начинались этим звуком, оставалось только нарисовать семейную группу: папу, маму и Тефи, держащихся за руки. Раза два можно было нацарапать такую сложную картинку, но когда пришлось то и дело рисовать три фигурки, Тефи и Тегумай стали изображать их все проще и проще, так что наконец звук «т» превратился в тонкого, длинного Тегумая с вытянутыми руками, готовыми обнять Тефи и Тешумай. Посмотри на эти три картинки, моя милая, и ты отчасти поймешь, как это случилось. Вот они:

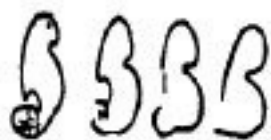
Из остальных картинок многие были до того красивы и сложны, что на рисование их уходило много времени; но их много раз повторяли на березовой коре, и они становились все проще; наконец, даже Тегумай сказал, что не находит в них никакого недостатка. Например, для звука «з» отец и дочь иначе изогнули змею и повернули ее в другую сторону; все это они сделали, желая показать, что змея шипит более пронзительно.

Звук «е» они изобразили дождевым червем, потому что на их наречии он встречался так же часто, как дождевые черви в земле. Для красивого звука «б» выбрали священного бобра племени Тегумая.

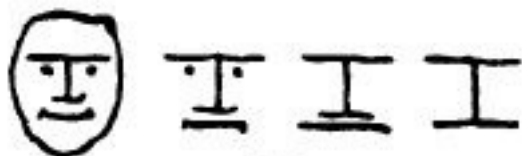

24

25 26 27 28

И ты, моя крошечка, увидишь, как изменился этот знак и постепенно из картинки превратился в настоящую букву Б. Для некрасивого звука «н» они хотели нарисовать нос, нарисовали много носов, но это им плохо удавалось:

29

Кроме того, рисовать носы показалось Тефи слишком трудным делом; наконец, ее усталая ручка нечаянно нацарапала перевернутый нос, на этот раз рисунок опять не удался ей, и вместо носа на бересте появился странный знак; в конце концов рассерженные Тегумай и Тефи стали обозначать им звук «н». Для жесткого звука «к» они нарисовали злобный рот щуки, а позади него копье или палку.

30 Н

31 К

И так далее, и так далее. Наконец, Тефи с Тегумаем составили картинки для всех звуков, которые им были нужны; получилась полная азбука.

Прошло много-много тысяч лет; появлялись иероглифы, письмена нильские, криптические, рунические, ионические, словом, всевозможные «ические» (ведь все эти негусы, жрецы и мудрецы не могут довольствоваться чем-нибудь простым и хорошим); и все-таки в конце концов появилась старая простая азбука, понятная азбука, которую составили Тегумай с Тефи; по ней и учатся все милые, любимые маленькие девочки, когда для них наступает время учиться.

Я же ни за что не забуду Тегумая Бопсулая, ТEFимай Металлумай, Тешумай Тевиндрой тех дней, когда они жили, и всего, что в давние времена случилось на берегах огромной реки Вагаи.

Морской краб, который играл с морем

В самые стародавние времена, моя крошечка, во времена, которые были раньше старых времен, словом, в самом начале мира, жил старый, самый старый волшебник и переделывал по-своему все, что тогда было. Сперва он сделал землю, потом море, потом велел животным собраться и начать играть. Животные пришли и сказали: «О, старейший и великий волшебник, как нам играть?» И он ответил им: «Я скажу как». Он призвал слона, всем слонам слона, и сказал: «Играй в слона». И слон, всем слонам слон, стал играть, как ему было указано. Призвав бобра, всем бобрам бобра, волшебник сказал: «Играй в бобра». И бобр, всем бобрам бобр, стал играть, как ему указал волшебник. Корове, всем коровам корове, волшебник приказал: «Играй в корову». И корова, всем коровам корова, стала играть в корову. Обращаясь к черепахе, всем черепахам черепахе, он сказал: «Играй в черепаху». И она послушалась его. Так, одного за другим, призывал он всех четвероногих животных, всех птиц и рыб и говорил им, как они должны играть.

К вечеру, когда все существа утомились, пришел человек... Ты спрашиваешь, малютка, со своей ли маленькой дочкой? Да, конечно, со своей собственной любимой деточкой, которая сидела у него на плече. И человек сказал: «Что это за игра, старейший из всех волшебников?» И старший волшебник ответил: «Сын Адама, это игра, в которую нужно играть в самом начале времен; но ты слишком умен для нее». Человек поклонился волшебнику и сказал: «Да, правда; я слишком умен для этой игры; но смотри позаботься, чтобы все животные слушались меня».

Человек и волшебник разговаривали, а Пау Амма, морской краб, услышал все, побежал боком, боком, как бегает крабы, и юркнул в море, говоря себе:

– Я буду играть один в глубине вод и ни за что, никогда не стану слушаться этого сына Адама.

Никто не видел, как убежал краб; его заметила только маленькая девочка, сидевшая на плече своего отца. Игра продолжалась до тех пор, пока каждое из живых существ не получило указания, как ему играть. Наконец, волшебник стер мелкую пыль со своих рук и пошел по всему свету смотреть, так ли играют животные.

Он отправился на север, моя милая, и увидел, что слон, всем слонам слон, роет глину бивнями и утаптывает своими большими ногами красивую новую чистую землю, которую приготовили для него.

– Кун? – спросил слон, всем слонам слон, а это значило: «Хорошо ли я делаю».

– Пайа Кун – вполне хорошо, – ответил старый волшебник идохнул на большие скалы и огромные куски земли, которые слон, всем слонам слон, подбросил вверх; и они тотчас сделались высокими Гималайскими горами; ты, моя любимая, можешь увидеть их на географической карте.

Волшебник пошел на восток и увидел корову, всем коровам корову, которая паслась на приготовленном для нее лугу; вот она своим огромным языком слизнула с земли сразу целый большой лес, проглотила его и легла, начав пережевывать жвачку.

– Кун? – спросила всем коровам корова.

– Да, – ответил старый волшебник идохнул на обнаженное пространство земли, с которого она съела всю траву,дохнул и на то место, куда она легла. Первое место сделалось великой пустыней Индии, а второе – африканской Сахарой; ты можешь найти их на карте.

Волшебник пошел на запад и увидел всем бобрам бобра, который делал плотины поперек устьев широких рек, только что приготовленных для него.

– Кун? – спросил всем бобрам бобр.

– Пайа кун, – ответил старейший волшебник и дохнул на поваленные деревья и на стоячую воду, и они тотчас превратились в луга и болота Флориды, и ты можешь отыскать их на карте.

Потом он пошел на юг и увидел всем черепахам черепаху, она сидела и царапала своими лапами песок, только что приготовленный для нее; песок и камни вылетали из-под ее лап, крутились в воздухе и падали далеко в море.

– Кун? – спросила черепаха, всем черепахам черепаха.

– Пайа кун! – сказал волшебник и дохнул на упавшие в море комья песка и камни, и они тотчас сделались самыми прекрасными в мире островами, которые называются Борнео, Целебес, Суматра, Ява; камни поменьше стали остальными островами Малайского архипелага, и ты можешь отыскать их на карте.

Ходил, ходил старый волшебник, наконец, на берегу реки Перак увидел человека и сказал ему:

– Эй, сын Адама, все ли животные слушаются тебя?

– Да, – ответил человек.

– Вся ли земля послушна тебе?

– Да, – ответил человек.

– Все ли море тебе послушно?

– Нет, – сказал человек. – Раз днем и раз ночью море бежит к земле, вливается в реку Перак, гонит пресную воду в лес, и тогда она заливают мой дом; раз днем и раз ночью море увлекает за собою всю воду реки, и в ее русле остаются только ил и грязь, и мой челн не может плыть. Разве в такую игру велел ты играть морю?

– Нет, – сказал самый старый волшебник, – это новая и нехорошая игра.

– Вот, смотри, – сказал человек, и, пока он еще говорил, море влилось в устье реки Перак, отесняя ее воды все назад и назад, так что речные волны залили дремучий лес, и дом человека очутился среди разлива.

– Это не порядок. Спусти свой челн, и мы увидим, кто играет с морем, – сказал самый старый волшебник.

Сын Адама и волшебник сели в челн; туда же прыгнула и маленькая девочка. Человек взял свой крис, изогнутый кинжал с лезвием, похожим на пламя, и они выплыли из реки Перак. После этого море стало все отодвигаться и отодвигаться и высосало челн из устья Перака; оно влекло его мимо Селангора, мимо полуострова Малакки, мимо Сингапура, все дальше и дальше к острову Бинтангу, и челн двигался, точно его вели на веревке.

Наконец, старый волшебник выпрямился во весь рост и закричал:

– Эй вы, звери, птицы и рыбы, которых я в начале времен учил играть, кто из вас играет с морем?

И все звери, птицы и рыбы в один голос ответили:

– Старейший из всех волшебников, мы играем в те игры, которым ты научил нас; в них будем играть мы и после нас дети наших детей. Никто из нас не играет с морем.

В это время над водой поднялась большая полная луна. И старый волшебник сказал горбатому старику, который сидит в середине луны и плетет рыболовную сеть, надеясь со временем поймать весь мир.

– Эй, лунный рыбак, ты играешь с морем?

– Нет, – ответил рыбак. – Я плету сеть и с ее помощью поймаю мир; но с морем я не играю. – И он продолжал свое дело.

Надо тебе сказать, что на луне сидит еще и крыса, которая так же быстро перегрызает шнурок, как рыбак плетет его, и старый волшебник сказал ей:

– Эй ты, лунная крыса, ты играешь с морем?

Крыса ответила:

– Я слишком занята, чтобы играть с морем; мне постоянно приходится перегрызать сеть, которую плетет этот старый рыбак. – И она продолжала грызть нитки.

Вот маленькая девочка, сидевшая на плече сына Адама, протянула свои мягкие маленькие темные ручки, украшенные браслетами из раковин, и сказала:

– О, старейший волшебник, когда мой отец разговаривал с тобой в самом начале, а я через его плечо смотрела на игры животных, одно непослушное создание убежало в море раньше, чем ты заметил его.

Старый волшебник проговорил:

– Как умны маленькие дети, которые видят и ничего не говорят. Что же это за зверь был?

Маленькая девочка ответила:

– Он круглый и плоский; его глазки сидят на палочках; бежал он боком, вот так, вот так, – она показала как, – на спине у него толстая прочная броня.

Тогда волшебник сказал:

– Как умны дети, которые говорят правду! Теперь я знаю, куда ушел Пау Амма, лукавый краб. Дайте-ка мне весло.

Он взял весло, но грести ему не пришлось, потому что вода все бежала мимо островов и несла челнок, пока не принесла его к месту, которое называется Песат Тасек – сердце моря. Песат Тасек – большая подводная пещера, и ведет она в самую сердцевину мира; в ней растет чудесное дерево, Паух Джангги, на котором растут волшебные орехи-двойчатки. Старейший волшебник опустил руку до самого плеча в глубокую, теплую воду и под корнями чудесного дерева нащупал широкую спину Пау Аммы, лукавого краба. Почувствовав прикосновение, Пау Амма завозился, и поверхность моря поднялась, как поднимается вода в чашке, в которую ты опустишь руку.

– Ага, – сказал старый волшебник. – Теперь я знаю, кто играл с морем. – И он громко закричал: – Что ты тут делаешь, Амма?

Сидевший в глубине Амма ответил:

– Раз днем и раз ночью я выхожу для пропитания. Раз днем и раз ночью я возвращаюсь к себе. Оставь меня в покое.

Тогда старый волшебник сказал:

– Слушай, Пау Амма, когда ты выходишь из пещеры, воды моря вливаются в Песат Тасек и берега всех островов обнажаются; маленькие рыбы умирают, а у раджи Мойнга Кебана, короля слонов, ноги покрываются илом. Когда ты возвращаешься обратно и прячешься в свою пещеру, воды моря поднимаются, половина маленьких островов исчезает в волнах, море окружает дом сына Адама и пасть раджи Абдулаха, короля крокодилов, наполняется соленой водой.

Услышав это, сидевший в глубине Пау Амма засмеялся и сказал:

– Я не знал, что я такая важная особа. С этих пор я буду выходить из пещеры по семь раз в день, и море никогда не будет спокойно.

Тогда старый волшебник сказал:

– Я не могу заставить тебя, Амма, играть в ту игру, которая тебе назначена, потому что ты убежал от меня в самом начале; но, если ты не боишься, всплыви, и мы потолкуем.

– Я не боюсь, – ответил лукавый Амма и поднялся на поверхность моря, освещенного луной.

В то время в мире не нашлось бы ни одного существа ростом с Пау Амма, потому что он был король всех крабов; не обыкновенный краб, а краб-король. Один край его большого щита дотрагивался до берега Саравака, другой – до берега подле Пеханга, и он был крупнее дыма трех вулканов. Поднимаясь между ветвями чудесного дерева, Амма сбил один из больших орехов – волшебный орех-двойчатку, который дает людям молодость, маленькая дочка человека увидела, как орех выглядывал из воды, проплывая мимо челнока, втащила его в челн и своими маленькими золотыми ножницами принялась вынимать из скорлупы мягкие ядрышки.

– Теперь, – сказал волшебник, – поколдуй, Пау Амма, и покажи нам, что ты действительно важное существо.

Пау Амма завращал глазами, задвигал ногами, но смог только взволновать море... Ведь краб-король был только краб, и больше ничего. Старейший волшебник засмеялся.

– В конце концов, ты уж не такая важная персона, – сказал он. – Теперь дай-ка я поколдую.

И старый волшебник сделал магическое движение своей левой рукой; нет, только мизинцем левой руки. И что же вышло, моя душечка? Твердая синевато-зелено-черная броня упала с краба, как волокна падают с кокосового ореха, и Амма остался весь мягкий-мягкий, как маленькие крабы, которых ты, моя любимая, иногда находишь на песчаных отмелях.

– Действительно, велика твоя сила, нечего сказать! – заметил старейший волшебник. – Что мне сделать? Не попросить ли вот этого человека разрезать тебя крисом? Не послать ли за королем слонов, чтобы он проткнул тебя своими бивнями? Или не позвать ли короля крокодилов, чтобы он укусил тебя?

Пау Амма отвечал:

– Мне стыдно. Отдай мне мою твердую скорлупу и позволь уйти обратно в пещеру; тогда я буду выходить из нее всего раз днем и раз ночью, и только за пищей.

Но старейший волшебник сказал:

– Нет, Амма, я не отдам тебе назад твоей брони, потому что ты будешь расти, делаться все больше, все сильнее и мало-помалу набираться новой гордости. Потом ты, может быть, позабудешь о своем обещании и снова примешься играть с морем.

Пау Амма сказал:

– Что же мне делать? Я так велик, что могу прятаться только в Песат Тасеке, и, если я пойду куда-нибудь в другое место, такой мягкий, каким ты сделал меня, акулы и другие рыбы съедят меня. Если же я отправлюсь в Песат Тасек, такой мягкий, каким ты меня сделал, я, правда, буду в безопасности, но не посмею выйти наружу за пищей и умру от голода. – И он задвигал своими лапами и заплакал.

– Послушай, Пау Амма, – сказал ему старейший волшебник. – Я не могу заставить тебя играть так, как хотел, потому что ты убежал от меня в самом начале; но, если ты хочешь, я сделаю все ямки, все кустики морской травы, все камни в море безопасными приютами для тебя и для твоих детей.

– Это хорошо, – сказал Пау Амма, – но я еще не решился. Посмотри, с тобой человек, с которым ты разговаривал в самом начале. Если бы ты не обратил на него такого внимания, мне не надоело бы ждать, я не убежал бы и ничего не случилось бы. Что сделает для меня он?

Тогда человек сказал:

– Если хочешь, я поколдую, тогда и глубокая вода, и сухая земля станут приютами для тебя и для твоих детей; вы будете прятаться и на суше и в море. Хочешь?

Амма ответил:

– Я еще не решил. Смотри, вот девочка, которая в самом начале видела, как я убежал. Если бы она тогда заговорила, волшебник позвал бы меня обратно, и ничего не случилось бы. Что сделает для меня она?

Маленькая девочка сказала:

– Я ем славный орех. Если хочешь, Амма, я поколдую и отдам тебе ножницы, эти острые и прочные ножницы, чтобы ты и твои дети могли есть кокосовые орехи, когда вы из моря выйдете на землю; ножницами вы будете также устраивать для себя Песат Тасеки, если вблизи вас не окажется ни камня, ни ямки; когда же земля будет слишком жестка, вы с помощью этих же ножниц будете подниматься на деревья.

Но Пау Амма сказал:

– Я еще не решил. Ведь мне, такому мягкому, ваши дары не помогут. Старейший волшебник, верни мне мою броню; тогда я буду играть, как ты мне укажешь.

Старейший волшебник сказал:

– Я отдам тебе твою броню, Амма; носи ее одиннадцать месяцев в году, но на двенадцатый месяц каждого года она будет делаться снова мягкой, чтобы напоминать тебе и всем твоим детям, что я могу колдовать, а также, чтобы ты не зазнавался; ведь я вижу, что раз ты будешь бегать и под водой и по земле, ты сделаешься слишком смел; если же кроме этого научишься взбираться на деревья, разбивать орехи и вырывать норки ножницами, ты станешь слишком жадным, Амма.

Краб Амма подумал немножко и ответил:

– Я решил, я беру все ваши дары.

Тогда старейший волшебник поколдовал правой рукой, всеми пятью пальцами правой руки, и смотри, что случилось, моя милая! Пау Амма стал делаться все меньше, меньше и меньше, наконец, остался только маленький зеленый краб. Он плыл по воде, рядом с челноком и тонким голосом кричал:

– Дай же мне ножницы!

Маленькая дочка человека поймала его ладонью своей коричневой ручки, посадила его на дно челна и дала ему ножницы; он помахал ими в своих маленьких лапах; несколько раз открыл их и закрыл, шелкнул ими и сказал:

– Я могу есть орехи. Я могу разбивать раковины. Я могу рыть норы. Я могу взбираться на деревья. Я могу дышать среди сухого воздуха, я могу находить безопасные убежища под каждым камнем. Я не знал, какое я сильное существо. Кун?

– Пайа кун, – сказал волшебник. Он засмеялся и благословил краба, маленький же Пау Амма быстро пробежал по краю челнока и соскочил в воду. Он был так мал, что на земле мог скрыться в тени сухого листа, а на морском дне в пустой раковине.

– Хорошо я сделал? – спросил волшебник.

– Да, – ответил человек. – И теперь нам нужно вернуться в устье реки Перак, но грести туда утомительно. Если бы мы дождались, чтобы Пау Амма вернулся в свой Песак Тасек, вода отнесла бы нас.

– Ты ленив, – сказал старейший волшебник. – За это и твои дети будут ленивы, они будут самым ленивым народом на земле. – И он поднял палец к луне, сказав: – О, рыбак, смотри: этому человеку лень грести до дому. Отведи своей сетью челнок к его родному берегу, рыбак!

– Нет, – ответил сын Адама, – если мне суждено лениться всю жизнь, пусть море дважды в день работает за меня. Это избавит меня от необходимости грести и коротким веслом.

Волшебник засмеялся, сказав:

– Очень хорошо.

Крыса на луне перестала грызть сеть; рыбак отпустил свою бечевку так низко, что она дотронулась до моря; и вот лунный старик потащил глубокое море мимо острова Бинтанга, мимо Сингапура, мимо полуострова Малакки, мимо Селангора и, наконец, челнок вошел в устье реки Перак.

– Кун? – спросил рыбак с луны.

– Пайа кун, – сказал волшебник. – Смотри же, теперь всегда два раза днем и два раза ночью води за собой море, чтобы малайские рыбаки могли не работать веслами. Только смотри, не делай этого слишком резко, не то я обращу свои чары против тебя, как я сделал это с Пау Аммой.

И они поплыли вверх по реке Перак и пошли спать, моя любимая.

Теперь слушай хорошенько!

С того самого дня до нынешнего луна всегда водит море к земле и от земли, делая то, что мы называем приливами и отливами. Иногда лунный рыбак тащит море слишком сильно, и

тогда у нас бывает весеннее наводнение; порой он слишком мало поднимает море, и тогда вода стоит низко, но почти всегда он работает старательно, помня угрозу старейшего волшебника.

А что же стало с крабом Аммой? Когда ты бываешь на морском берегу, ты можешь видеть, как его детки устраивают себе маленькие Песат Тасеки под камнями, под кустами травы на песке; можешь видеть, как они машут своими маленькими ножницами. В некоторых далеких странах они, действительно, всегда живут на суше, поднимаются на пальмовые деревья и едят кокосовые орехи, все, как обещала королю-крабу маленькая дочка человека. Раз в год Аммы сбрасывают с себя свою твердую броню и становятся мягкими; это происходит для того, чтобы они помнили о власти великого волшебника. В это время нехорошо убивать или ловить детей Аммы, ведь они становятся беззащитными только потому, что старый Пау Амма однажды, очень давно, был груб со старым волшебником.

Так-то! Дети краба Аммы терпеть не могут, чтобы люди вынимали их из норок, унося к себе домой в банках из-под разного соленья, и заливали спиртом. Потому-то они так жестоко щиплют тебя своими ножницами, и поделом.

Кот, который гулял где хотел

– Ну, моя милая деточка, теперь слушай хорошенько-хорошенько, потому что все, что я расскажу сейчас, произошло и случилось, когда наши домашние животные были еще дикими. Собака была дикой, лошадь была дикой, корова была дикой, овца была дикой, свинья была дикой; все они были совсем-совсем дикими животными и расхаживали по сырым, диким лесам, совсем одни, где им вздумается. Но самым диким из всех диких животных был кот. Он разгуливал один, где хотел, и все места были для него одинаковы.

Понятно, человек был тоже дикий. Страшно дикий. Он не стал ручным, пока не встретил женщину, и она не сказала ему, что ей не нравится вести такую дикую жизнь. Она выбрала хорошую сухую пещеру вместо сырых листьев, прежде служивших ей приютом; посыпала ее пол чистым песком и в глубине ее развела большой костер; перед входом в пещеру она повесила сухую шкуру дикой лошади хвостом вниз.

После этого женщина сказала своему мужу:

– Пожалуйста, мой дорогой, когда тыходишь к нам в дом, вытирай ноги; ведь у нас теперь свой дом и хозяйство.

В первый же вечер, моя душечка, они ели поджаренное на горячих камнях мясо дикого барана с приправой из дикого чеснока и дикого перца, а также дикуую утку, тушенную с диким рисом, с диким укропом, с богородской травкой и с диким кишнецом; потом высосали костный мозг из кости дикого быка и все закусил дикими вишнями и дикими гранатами. Человек был доволен; он совсем счастливый заснул перед костром, а его жена села и причесала свои волосы; потом взяла лопатку барана, большую плоскую кость, посмотрела на странные нацарапанные на ней знаки, подбросила хвороста в костер и начала колдовать. Она запела первую волшебную песню в мире.

А там, в сырых диких лесах, дикие животные собрались в том месте, откуда они могли видеть свет костра, и раздумывали, что бы это могло быть.

Наконец, дикая лошадь топнула своей дикой ногой и сказала:

– О, мои друзья, о, мои враги, зачем человек и его жена развели этот большой огонь в своей большой пещере? Какой вред это принесет всем нам?

Дикая собака подняла свой дикий нос, почуяла запах жареной баранины и сказала:

– Я пойду посмотрю, разузнаю и скажу вам; мне кажется, в пещере что-то хорошее. Кот, пойдем со мной.

– Нет, нет, – ответил кот, – я кот, разгуливаю совсем один, где мне хочется, и для меня все места одинаковы. Не пойду я с тобой.

– Ну, в таком случае, мы никогда не будем дружить, – ответила ему дикая собака и отправилась к пещере.

Но, когда она отбежала, кот мысленно сказал себе: «Ведь все места для меня одинаковы. Почему бы и мне не отправиться к пещере, не посмотреть, что там происходит и не уйти, когда вздумается?»

Итак, он скользнул вслед за дикой собакой, крался тихо, очень тихо и спрятался подле пещеры в таком месте, откуда мог все услышать.

Дикая собака подошла к входу в пещеру, носом подняла сушеную конскую шкуру и втянула ноздрями манящий запах жареной баранины. Женщина, которая смотрела на лопаточную кость, услышала, что собака нюхает, засмеялась и сказала:

– Вот первый. Дикий зверь из диких лесов, что тебе нужно?

Дикая собака ответила:

– О, мой враг и жена моего врага, что это так хорошо пахнет в диком лесу?

Женщина взяла поджаренную кость барана, бросила ее дикой собаке и сказала:

– Дикий зверь из дикого леса, погрызи и попробуй.

Дикая собака стала грызть кость и нашла, что ей еще никогда не приходилось есть таких вкусных вещей. Поев, собака сказала:

– О, мой враг и жена моего врага, дай мне еще кость!

Женщина же ответила:

– Дикий зверь из дикого леса, днем помогай моему мужу охотиться, а ночью сторожи его пещеру, тогда я буду давать тебе столько жареных костей, сколько ты захочешь.

– Ага, – подумал слушавший кот, – это очень умная женщина, но она глупее меня.

Дикая собака вошла в пещеру, положила свою голову на колено женщины и сказала:

– О, мой друг и жена моего друга, днем я буду помогать человеку охотиться, а ночью стану сторожить вашу пещеру.

«Ах, – подумал слушавший кот, – как глупа собака!»

Он ушел обратно в дикий, полный сырости лес, помахивая своим диким хвостом, долго бродил одинокий и дикий и ничего никому не сказал.

Через некоторое время человек проснулся и спросил:

– Зачем здесь дикая собака?

Его жена ответила:

– Этот зверь уже не называется дикой собакой; его имя – первый друг; собака станет нашим другом и останется нашим другом всегда, всегда, всегда. Когда ты пойдешь охотиться, позови ее с собой.

На следующий вечер женщина принесла большую охапку свежей травы с заливных лугов и высушила ее перед костром; от нее пошел запах свежего сена; жена человека села подле входа в пещеру, сплела из кожи уздечку, посмотрела на баранью лопатку, на большую плоскую баранью лопатку, и стала колдовать. Она запела вторую волшебную песню в мире.

Там, в глубине дикого леса, дикие животные удивлялись, что случилось с дикой собакой; наконец, дикая лошадь топнула ногой и сказала:

– Я пойду разузнаю и расскажу вам, почему дикая собака не вернулась. Кот, пойдем со мной!

– Нет, нет! – сказал кот. – Я кот; гуляю один, и все места для меня одинаковы. Я не пойду с тобой.

А все-таки он пошел за лошадыю, крался за ней тихо, мягко, очень мягко ступая лапами, и спрятался там, откуда мог слышать все.

Когда до слуха женщины донесся топот лошади, спотыкавшейся о свою длинную гриву, она засмеялась и сказала:

– Вот пришел и второй. Дикое существо из диких лесов, чего ты хочешь?

Дикая лошадь ответила:

– О, мой враг и жена моего врага, где дикая собака?

Женщина засмеялась, подняла баранью лопатку, посмотрела на нее и сказала:

– Дикая лошадь из дикого леса, ты пришла сюда не за собакой, а вот за этой вкусной травой.

Дикая лошадь, спотыкаясь о свою длинную гриву, сделала еще несколько шагов вперед и сказала:

– Правда; покорми меня твоей травой.

Жена человека сказала:

– Дикая лошадь из дикого леса, наклони свою дикую голову; носи то, что я на тебя наброшу, и ты будешь трижды в день есть самую хорошую траву.

«Ага, – сказал слушавший кот. – Это умная женщина, но она не так умна, как я».

Дикая лошадь наклонила свою дикую голову, и женщина накинула на нее уздечку; тогда дикая лошадьдохнула на ноги женщины и сказала:

– О, моя госпожа и жена моего господина, я буду служить тебе ради этой чудесной травы.

– О, – сказал слушавший кот, – какая глупая лошадь! – И он пустился по сырому, дикому лесу и, помахивая своим диким хвостом, разгуливал, где хотел, а сам был дикий и одинокий. Но он никому ничего не сказал.

Когда человек и собака вернулись с охоты, человек сказал:

– Что здесь делает дикая лошадь?

А его жена ответила:

– Ее уже не зовут дикой лошастью; нет, она наша первая служительница и будет переносить нас с места на место всегда, всегда и всегда. Когда ты отправишься на охоту, садись на ее спину и поезжай.

На следующий день дикая корова, высоко подняв свою дику голову, чтобы не зацепиться своими дикими рогами за дикие деревья, пришла к пещере; а кот пришел за ней и спрятался там же, где и прежде. Случилось все, как прежде, и кот сказал все, что говорил прежде, а когда дикая корова обещала женщине каждый день давать свое молоко за чудесную траву, кот пошел через дикий лес и, помахивая своим диким хвостом, одинокий и дикий разгуливал все так же, как и прежде. И никому ничего не сказал. Вот вернулись человек, лошадь и собака, и муж женщины задал ей прежние вопросы; она же ответила:

– Ее больше не зовут дикой коровой; теперь она наша кормилица и всегда, всегда, всегда будет давать нам теплое, белое молоко. Я же стану заботиться о ней, пока ты, наш первый друг и твоя первая служанка, будете охотиться.

На следующий день кот ждал, чтобы еще кто-нибудь из диких зверей пошел к пещере, но все они остались в диком, сыром лесу; поэтому кот пошел к пещере один.

Он видел, как женщина подоила корову; видел свет от костра в пещере; почуял запах теплого белого молока.

Кот спросил:

– О, мой враг и жена моего врага, где дикая корова?

Женщина засмеялась и ответила:

– Дикий зверь из дикого леса, возвращайся в чащу, потому что я заплела мои волосы и отложила волшебную баранью лопатку; кроме того, нам не нужно больше ни друзей, ни слуг.

Кот сказал:

– Я не друг; я не слуга. Я кот; разгуливаю один, где мне нравится, и хочу войти в вашу пещеру.

Женщина его спросила:

– Так почему же ты не пришел сюда с первым другом в первый вечер?

Кот сильно рассердился и сказал:

– Не наговорила ли на меня дикая собака?

Женщина опять засмеялась и ответила:

– Ты, кот, гуляешь один, где тебе вздумается, и все места для тебя одинаковы. Ты не наш друг и не слуга, и сам сказал мне это. Так уходи и гуляй, где тебе вздумается, по тем местам, которые для тебя одинаковы.

Кот притворился опечаленным и проговорил:

– Неужели я никогда не посмею приходить в пещеру? Неужели я никогда не буду сидеть подле теплого костра? Неужели я никогда не буду пить теплое белое молоко? Ты очень умна и очень красива; тебе не следует быть жестокой даже к коту.

Женщина сказала:

– Я знала, что я умна; но не слышала, что я красива. Давай же согласимся, если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь приходить в пещеру.

– А что будет, если ты два раза похвалишь меня? – спросил кот.

– Этого никогда не случится, – ответила женщина. – Но если я два раза похвалю тебя, тебе будет позволено сидеть подле огня в пещере.

– А если ты похвалишь меня в третий раз? – спросил кот.

– Ни за что, – ответила женщина, – но если бы так случилось, тебе было бы позволено, кроме всего прочего, пить теплое молоко по три раза в день; и так было бы всегда, всегда и всегда.

Кот изогнул свою спину дугой и сказал:

– Пусть же завеса в отверстии пещеры, огонь в ее глубине и котелки с молоком, которые стоят около огня, запомнят, что сказала жена моего врага.

И он ушел в сырой, дикий лес и, помахивая своим диким хвостом, долго бродил одинокий и дикий.

Когда человек, лошадь и собака вернулись домой с охоты, женщина не рассказала им о договоре, который она заключила с котом; она боялась, что это им не понравится.

А кот уходил все дальше и дальше и долгое время, одинокий и дикий, прятался в диком, сыром лесу; он так долго не показывался подле пещеры, что женщина забыла о нем. Только летучая мышь, маленькая, висевшая вниз головой летучая мышка, которая цеплялась задней лапкой за каменный выступ в потолке пещеры, знала, где прятался кот; она каждый вечер летала к нему и рассказывала, что делается на свете.

Раз летучая мышь сказала коту:

– В пещере – малютка. Он совсем маленький, розовый, толстый, и женщина очень любит его.

– Ага, – сказал кот. – А что любит малютка?

– Он любит все теплое и мягкое, – сказала летучая мышь. – Засыпая, он любит держать в руках теплые и мягкие вещи. Он любит также, чтобы с ним играли. Вот что он любит.

– В таком случае, – сказал кот, – мое время наступило.

На следующий вечер кот пробрался через сырой дикий лес и до утра прятался около пещеры. Утром человек, собака и лошадь отправились на охоту. Женщина готовила еду; малютка кричал, плакал и мешал ей работать; она вынесла его из пещеры и дала ему пригоршню камешков, чтобы он играл ими. А малютка все-таки плакал.

Тогда кот протянул свою мягкую, бархатную лапку и нежно погладил малютку по щеке; ребенок стал весело гукать; кот потерся о его толстые коленки и пощекотал своим хвостом его круглый подбородок. Малютка засмеялся; мать услышала этот смех и улыбнулась. Летучая мышь, маленькая летучая мышь, висевшая вниз головой на потолке пещеры, сказала:

– О, хозяйка дома, жена хозяина дома и мать сына хозяина дома, дикий зверь из дикого леса прелестно играет с твоим малюткой.

– Благословляю этого дикого зверя, каков бы он ни был! – сказала женщина, выпрямляя спину. – Я очень занята, и дикий зверек оказал мне услугу.

В ту же минуту, в ту же секунду, моя крошечка, – бац! – сухая конская кожа, висевшая хвостом вниз в отверстии пещеры, упала. Она помнила, какое соглашение женщина заключила с котом, и когда мать ребенка подошла, чтобы поднять свою дверную занавеску, перед ней открылась картина: кот, устроившийся в уютном уголке пещеры.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – говорил кот, – вот и я; ты похвалила меня, и с этой поры я всегда, всегда, всегда могу сидеть в пещере. И все-таки я кот, разгуливаю один, где мне нравится, и все места для меня одинаковы.

Женщина сильно рассердилась; она крепко сжала свои губы, взяла прялку и начала прясть.

Но ребенок плакал, потому что кот ушел от него, и женщина не могла успокоить своего малютку. Он вырывался от нее, бил ножками, и его личико почернело.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал кот, – возьми кусок нити, которую ты спряла, привяжи ее к твоей катушке и тащи катушку по полу; я покажу тебе волшебство, от которого твой малютка засмеется так же громко, как теперь плачет.

– Хорошо, – ответила женщина, – потому что сама я ничего не могу придумать; только я не поблагодарю тебя.

Она привязала нитку к маленькой глиняной катушке и потащила ее по полу. Кот бросился за ней, хватал ее лапками, кувыркался, подбрасывал через себя, прокатывал между своими задними ногами, делал вид, будто потерял ее, снова прыгал на катушку, да так забавно, что малютка засмеялся так же громко, как недавно плакал, пополз за котом и стал резвиться на полу пещеры, пока не устал и не лег спать, обхватив ручонками мягкого кота.

– Теперь, – сказал кот, – я убаюкаю малютку песенкой, и он проспит целый час.

И кот замурлыкал громко и тихо, тихо и громко, и ребенок крепко заснул. Женщина посмотрела на них обоих, улыбнулась и сказала:

– Ты отлично убаюкал его. Нечего и говорить, умен ты, о, кот.

В эту самую минуту, в эту самую секунду, моя душечка, – пух-пуф! Дым от костра в глубине пещеры спустился клубами вниз; он помнил соглашение, которое женщина заключила с котом. Когда дым рассеялся, явилась новая картина: кот уютно сидел и грелся подле костра.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал он. – Видишь – это я; ты второй раз похвалила меня. Теперь я могу сидеть и греться около костра в глубине пещеры и делать это всегда, всегда и всегда. А все-таки я кот, разгуливаю один, где мне захочется, и все места для меня одинаковы.

Очень очень рассердилась женщина; она распустила свои волосы, подбросила дров в костер, вынула широкую баранью лопатку и принялась над ней колдовать, чтобы волшебство помешало ей в третий раз похвалить кота. Она не пела волшебной песни, моя милая, нет, она колдовала молча, и мало-помалу в пещере стало так тихо, что маленькая-маленькая мышка выползла из угла и побежала по полу.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал кот, – скажи: эта мышка тоже помогает твоему волшебству?

– Ох, нет, нет, нет! – ответила женщина, уронила баранью лопатку, вскочила на табурет, стоявший около костра, и быстро-быстро заплела волосы, опасаясь, чтобы мышь не поднялась по ним на ее голову.

– Ага, – сказал кот, глядя на нее, – значит, я могу съесть мышку и за это мне не попадет? Ты не рассердишься?

– Нет, – ответила женщина, поднимая косы, – скорее съешь ее, и я буду вечно тебе благодарна.

Кот прыгнул, поймал мышку, и женщина ему сказала:

– Тысяча благодарностей! Даже первый друг не может ловить мышей так быстро, как это сделал ты. Ты, вероятно, необыкновенно умен.

В эту самую минуту, в эту самую секунду, моя крошечка, – трах! – горшок с молоком, стоявший подле костра треснул в двух местах; он помнил условие женщины с котом, и когда она соскочила с табурета, перед нею оказалась новая картина: кот лакал теплое белое молоко, оставшееся в одном из черепков развалившегося горшка.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал кот, – видишь, это я, потому что ты меня похвалила в третий раз. Теперь я могу три раза в день пить теплое белое молоко, и так будет всегда, всегда и всегда. А я все-таки кот, который может разгуливать один, где захочет, и все места для меня одинаковы.

Женщина засмеялась и поставила перед котом чашку с теплым белым молоком, сказав:

– О, кот, ты так же умен, как человек, только помни, ты не заключал договора с моим мужем и с собакой, и я не знаю, что они сделают, когда вернуться.

– Что мне за дело до этого? – сказал кот. – Если у меня будет местечко в пещере около костра; если мне станут давать три раза в день теплое белое молоко, меня не потревожит мысль о том, что могут сделать твой муж или собака.

Когда в этот вечер человек и собака пришли в пещеру, женщина рассказала им все, что произошло у нее с котом. Кот сидел подле костра и улыбался. Но муж женщины сказал:

– Да, только я-то ему ничего не обещал; ничего ему не обещали и все другие мужчины, которые будут после меня.

Сказав это, человек снял с себя свои кожаные сапоги, взял маленький каменный топор (три вещи), принес полено и секиру (всего пять вещей), разложил их все в ряд и сказал:

– Теперь, кот, договорись со мной. Если ты не станешь ловить мышей в пещере всегда, всегда и всегда, я буду швырять в тебя одну из этих вещей; так будут поступать и все остальные люди после меня.

– Ага, – сказала женщина, – кот очень умен, а мой муж все-таки умнее его.

Кот сосчитал пять вещей, лежавших рядом; жестки и неприятны показались они ему. Сосчитав их, он сказал:

– Я всегда, всегда и всегда буду ловить мышей, когда зайду в пещеру; а все-таки я кот, буду гулять, где мне нравится, и все места для меня одинаковы.

– Только берегись меня, когда я буду поблизости, – заметил человек. – Если бы ты не сказал последних слов, я помирился бы с тобой. Теперь же при каждой нашей встрече я стану бросать в тебя свои сапоги и топорик. Точно таким же образом будут поступать и другие люди после меня.

Человек замолчал; вперед выступила собака и сказала:

– погоди минуту. Кот, ты не заключил договора ни со мной, ни с другими порядочными собаками, которые будут после меня. – Она оскалила зубы и прибавила: – Если при мне ты не будешь ласков с ребеночком, всегда, всегда и всегда, я стану гоняться за тобой, пока не схвачу тебя; схватив же, примусь кусать. И то же будут делать все порядочные собаки после меня.

– Ага, – сказала слушавшая женщина, – кот очень умен, но собака умнее его.

Кот сосчитал зубы собаки (какими острыми показались они ему!). Сосчитав же их, он сказал:

– Я буду всегда добр к малютке, если только он не станет слишком сильно дергать меня за хвост; да, я буду ласков с ним всегда, всегда и всегда. А все-таки я кот, могу гулять один, где мне вздумается, и все места для меня одинаковы.

– Только берегись меня, – заметила собака. – Если бы ты не сказал последних слов, я закрыла бы рот и никогда, никогда, никогда не показывала бы тебе зубов; теперь же при каждой встрече я буду загонять тебя на дерево. И то же будут делать все порядочные собаки после меня.

Человек кинул в кота оба свои сапога и каменный топорик (три вещи); кот выскочил из пещеры, и собака загнала его на дерево. С тех пор, моя любимая, три человека из пяти кидают в кота все, что попадется им под руку, и все собаки загоняют котов на деревья. Кот держит свое слово. Он ловит мышей и ласково обращается с детьми, пока дети не принимают слишком сильно дергать его за хвост. Исполнив же свои обязанности в доме, в свободное время, особенно ночью, при луне, кот снова делается прежним диким котом, разгуливает один, где ему вздумается, и все места кажутся ему одинаковыми. В такое время он уходит в сырой дикий лес, карабкается на дикие деревья или бежит по мокрым крышам, помахивает своим диким хвостом и, одинокий и дикий, бродит, где ему вздумается.

Мотылек, который топнул ногой

Слушай, моя деточка, слушай хорошенько; я расскажу тебе новую чудесную сказку, она совсем не похожа на мои остальные. Я расскажу тебе об этом мудром правителе, которого звали Сулейман-Бен-Дауд; это значит Соломон, сын Давида.

Об этом Сулейман-Бен-Дауде составлено триста пятьдесят пять рассказов; но моя история не из их числа. Я не стану говорить про пигалицу, которая нашла воду, или про удода, который своими крылышками защитил Сулеймана от солнечного зноя. Это не рассказ о хрустальном паркете или о рубине с большой трещиной; в сказке моей не говорится также о золотых украшениях султанши Балкис. Нет, я расскажу тебе про мотылька, который топнул ножкой.

Так слушай же, слушай хорошенько!

Сулейман-Бен-Дауд был очень мудр, очень умен. Он понимал, что говорили звери, птицы, рыбы и насекомые. Он понимал, что говорили глубоко ушедшие в землю скалы, в то время, когда они со стоном наклонялись одна к другой, понимал он также шелест листьев, когда утренний ветер играл вершинами деревьев. Он понимал все-все, и Балкис, его главная султанша, изумительная красавица, эта султанша Балкис была почти так же умна, как он.

Сулейман-Бен-Дауд мог делать удивительные вещи. На третьем пальце своей правой руки он носил кольцо. Стоило ему повернуть этот перстень один раз вокруг пальца, духи земли и джинны появлялись из-под земли и исполняли то, что он приказывал им. Когда мудрый султан поворачивал кольцо два раза вокруг пальца, с неба слетали феи и выполняли его желание; когда он поворачивал перстень три раза вокруг пальца, сам великий Азраил с мечом и в доспехах являлся к нему в образе водоноса и рассказывал ему все, что происходит в трех великих мирах, вверху, внизу и здесь.

Между тем Сулейман не возгордился своим могуществом; он редко прибегал к своей власти, а когда это случалось, то ему это было неприятно. Однажды он задумал накормить всех животных целого мира в один день, но, когда вся пища для пира была приготовлена, из морской глубины выплыл огромный зверь, вышел на отмель и в три глотка съел весь корм, лежавший на берегу. Сулейман очень удивился и спросил:

– О, зверь, кто ты?

А зверь ему ответил:

– О, султан, желаю тебе бесконечной жизни. Я самый маленький из тридцати тысяч братьев. И живем мы все на дне моря. Мы узнали, что ты собираешься накормить зверей со всего света, и братья прислали меня узнать, когда будет готов обед.

Сулейман-Бен-Дауд удивился еще больше и сказал:

– О, зверь, ты проглотил весь обед, который я приготовил для всех животных со всего света.

А зверь ему ответил:

– О, султан, желаю тебе вечной жизни, но неужели эту безделицу ты называешь обедом? Там, откуда я пришел, мы в виде закуски едим вдвое больше того, что я проглотил здесь.

Сулейман пал ниц и сказал:

– О, зверь! Я собирался дать этот обед, надеясь показать, какой я могучий и богатый властитель, а совсем не потому, что мне действительно хотелось быть добрым к животным. Ты пристыдил меня, и я заслужил это.

Сулейман-Бен-Дауд был истинно мудрый человек, моя любимая. После этого случая он уже не забывал, как глупо тщеславиться и хвастаться. Только это была присказка, а теперь начинается настоящая сказка.

У султана было много-много жен, девятьсот девяносто девять, не считая очаровательной главной султанши, Балкис. Они жили в большом золотом дворце, а дворец этот стоял в пре-

лестном саду с красивыми фонтанами. В сущности, Сулейману совсем не было приятно, что у него столько султанш, но в те дни у каждого богатого господина было много жен, и, понятно, султану нужно было ввести в свой дом побольше султанш, чтобы показать, как он важен и как богат.

Многие его жены были красивы и приветливы; некоторые же прямо ужасны. Уродливые ссорились с красивыми, те тоже становились раздражительными и злыми. И все они ссорились с султаном, а это ужасно надоедало ему. Только Балкис, красавица Балкис, никогда не ссорилась с Сулейманом. Она слишком любила его. Балкис сидела в своей комнате в золотом дворце, гуляла по дворцовому саду и очень жалела, что у Сулеймана так много семейных неприятностей.

Понятно, если бы мудрый правитель повернул кольцо на своем пальце, призвал джиннов и других духов, они, конечно, превратили бы его девятьсот девяносто девять сердитых жен в белых мулов пустыни, в борзых собак или зерна граната; но султан Сулейман считал, что это было бы хвастовством. И когда его жены слишком кричали и сердились, он уходил подальше, в глубину своего чудесного дворцового сада, и жалел, что родился на свет.

Однажды, после того как ссоры сварливых жен великого мудреца не прекращались три недели, и все это время девятьсот девяносто девять султанш кричали и сердились, Сулейман-Бен-Дауд, по обыкновению, ушел в свой сад.

В апельсиновой роще он встретил красавицу султаншу Балкис; она была очень печальна, зная, что Сулейман огорчен. Балкис посмотрела на него и сказала:

– О, господин мой и свет моих очей, поверни кольцо на своем пальце и покажи владычицам Египта, Месопотамии, Персии и Китая, что ты великий и страшный султан.

Но Сулейман-Бен-Дауд, покачав головой, ответил:

– О, моя госпожа и радость моей жизни, вспомни зверя, вышедшего из моря! Он пристыдил меня перед всеми животными за мое тщеславие и за мою гордость. Теперь, если бы я возгордился перед султаншами Персии, Египта, Месопотамии и Китая только потому, что они мне надоедают, я, может быть, был бы посрамлен еще больше, чем в тот раз.

А прекрасная Балкис спросила:

– О, мой господин и сокровище души моей, как же ты поступишь?

Сулейман-Бен-Дауд ответил:

– О, моя госпожа и радость моего сердца, я подчинюсь своей судьбе, которую держат в руках девятьсот девяносто девять султанш, надоедающих мне своими непрерывными ссорами.

И султан пошел дальше, пробираясь между лилиями, мимозами, розами и тюльпанами, между имбирными кустами, распространяющими сильное благоухание, и, наконец, пришел к большому камфарному дереву, которое называлось камфарным деревом Сулеймана-Бен-Дауда. Балкис же спряталась среди высоких ирисов, пестрых бамбуков и красных лилий, окружавших камфарное дерево, чтобы остаться близ своего любимого супруга, султана Сулеймана.

Вот под дерево прилетели две бабочки; они ссорились.

Сулейман-Бен-Дауд услышал, что пестрый мотылек сказал своей спутнице:

– Удивляюсь, как ты дерзка! Не смей таким образом говорить со мной! Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой, и дворец султана Сулеймана с садом тотчас же с грохотом исчезнет?

Услышав это, Сулейман-Бен-Дауд позабыл о своих девятистах девяносто девяти надоедливых женах и засмеялся, засмеялся так, что камфарное дерево затряслось. Его рассмешило хвастовство мотылька. Он поманил его пальцем, сказав:

– Поди-ка сюда, ты, малыш!

Мотылек страшно испугался, но подлетел к руке Сулеймана и вцепился лапками в его палец, обмахивая себя крылышками. Султан наклонил голову и тихо-тихо прошептал:

– Маленький мотылек, ведь ты знаешь, что, как бы ты ни топал ножками, тебе не удастся согнуть и былинки. Что же заставило тебя сказать такую ложь своей жене? Потому что эта бабочка, без сомнения, твоя жена?

Мотылек посмотрел на Сулеймана, увидел, что глаза мудрого султана мерцают, как звезды в морозную ночь, взял свое мужество в оба крылышка, наклонил маленькую голову и ответил:

– О, султан, живи долго и счастливо! Эта бабочка действительно моя жена, а ты сам знаешь, что за существа эти жены.

Султан Сулейман улыбнулся в бороду и ответил:

– Да, я это знаю, мой маленький брат.

– Так или иначе, приходится держать их в повиновении, – ответил мотылек, – а моя жена целое утро ссорится со мной. Я солгал ей, чтобы ее хоть как-нибудь уговорить.

Сулейман-Бен-Дауд заметил:

– Желаю тебе, чтобы она успокоилась. Вернись же к ней и дай мне послушать ваш разговор.

Мотылек порхнул к своей жене, которая, сидя на листе дерева, вся трепетала, и сказал ей:

– Он слышал тебя. Сам султан Сулейман-Бен-Дауд слышал, что ты говорила.

– Слышал? – ответила бабочка. – Так что же? Я и говорила, чтобы он слышал. А что же он сказал? О, что сказал он?

– Ну, – ответил мотылек, с важностью обмахивая себя крылышками, – говоря между нами, дорогая, я не могу порицать его, так как его дворец и сад, конечно, стоили дорого; да к тому же и апельсины начинают созревать... Он просил меня не топтать ногой, и я обещал не делать этого.

– Что за ужас! – сказала бабочка и притихла.

Сулейман же засмеялся; он до слез хохотал над бессовестным маленьким негодным мотыльком.

Балкис, красавица султанша, стояла за деревом, окруженная красными лилиями, и улыбалась про себя; она слышала все эти разговоры и шептала:

– Если я задумала действительно умную вещь, мне удастся спасти моего повелителя от преследований несносных султанш.

Она протянула палец и нежно-нежно шепнула бабочке-жене:

– Маленькая женщина, лети сюда.

Бабочка вспорхнула; ей было очень страшно, и она приникла к белому пальчику султанши.

А Балкис наклонила свою очаровательную голову и тихо сказала:

– Маленькая женщина, веришь ли ты тому, что только что сказал твой муж?

Жена мотылька посмотрела на Балкис и увидела, что глаза красавицы султанши блестят, как глубокие пруды, в которых отражается звездный свет, собрала обоими крылышками всю свою храбрость и ответила:

– О, султанша, будь вечно здорова и прекрасна! Ты ведь знаешь, что за существа мужья!

А султанша Балкис, мудрая Балкис Савская, поднесла руку к своим губам, чтобы скрыть игравшую на них улыбку, и снова прошептала:

– Да, сестричка, знаю; хорошо знаю.

– Мужья сердятся, – сказала бабочка, быстро обмахиваясь крылышками, – сердятся из-за пустяков, и нам приходится угождать им, о, султанша. Они не думают и половины того, что говорят. Если моему мужу хочется воображать, будто я верю, что, топнув ногой, он может разрушить дворец султана Сулеймана, пусть; я притворюсь, что я верю. Завтра он забудет обо всем этом.

– Маленькая сестричка, – сказала Балкис, – ты права, но когда в следующий раз он примется хвастать, поймай его на слове. Попроси его топнуть ногой и посмотри, что будет дальше. Ведь мы-то с тобой отлично знаем, каковы мужья. Ты его пристыдишь, пристыдишь сильно.

Бабочка улетела к своему мужу, и через пять минут у них закипела новая ссора.

– Помни, – сказал жене мотылек. – Помни, что случится, если я топну ногой!

– Я не верю тебе! – ответила бабочка. – Пожалуйста, топни, я хочу посмотреть, что будет! Ну, топай же ногой!

– Я обещал султану Сулейману не делать этого, – ответил мотылек, – и не желаю нарушать моего обещания.

– Какой вздор. Если ты топнешь ногой, ничего не случится, – сказала бабочка-жена. – Топай сколько хочешь; ты не согнешь ни одной травинки. Ну-ка, попробуй! Топай, топай, топай!

Сулейман-Бен-Дауд сидел под камфарным деревом, слышал разговор мотылька и его жены и смеялся так, как никогда еще не смеялся в жизни. Он забыл о своих султаншах; забыл о звере, который вышел из моря; он забыл о тщеславии и хвастовстве. Он хохотал просто потому, что ему было весело, а Балкис, стоявшая с другой стороны дерева, улыбалась, радуясь, что ее любимому мужу так весело.

Вот разгоряченный и надутый мотылек порхнул в тень камфарного дерева и сказал Сулейману:

– Она требует, чтобы я топнул ногой. Она хочет видеть, что случится, о, Сулейман-Бен-Дауд. Ты знаешь, что я не могу этого сделать; и теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и до конца моих дней будет насмехаться надо мной!

– Нет, маленький братик, – ответил Сулейман-Бен-Дауд, – твоя жена никогда больше не станет над тобой насмехаться. – И он повернул свое кольцо на пальце, повернул ради маленького мотылька, а совсем не для того, чтобы похвастаться своим могуществом. И что же? Из земли вышли четыре сильных джинна.

– Рабы, – сказал им Сулейман-Бен-Дауд, – когда вот этот господин, сидящий на моем пальце (действительно, на его пальце по-прежнему сидел дерзкий мотылек), топнет своей левой передней ногой, вызовите раскаты грома и под этот шум унесите мой дворец с садом. Когда он снова топнет, осторожно принесите их назад.

– Теперь, маленький брат, – сказал он мотыльку, – вернись к своей жене и топни ножкой, да посильнее!

Мотылек полетел к своей жене, которая продолжала кричать:

– Ну-ка, посмей топнуть! Топни ногой! Топни же, топни!

Балкис увидела, как джинны наклонились к четырем углам сада, окружавшего дворец, весело захлопала в ладоши и прошептала:

– Наконец-то Сулейман-Бен-Дауд сделает для мотылька то, что он давно должен был бы сделать для самого себя! О, сердитые султанши испугаются!

И вот мотылек топнул ногой. Джинны подняли дворец и сад в воздух на тысячу миль. Раздался страшный раскат грома, и все окутал мрак, черный как чернила.

Бабочка билась в темноте и кричала:

– О, я буду добрая! Мне так жаль, что я глупо говорила! Только верни на место сад, мой дорогой, милый муж, и я никогда больше не буду с тобой спорить!

Мотылек испугался не меньше своей жены, а Сулейман так хохотал, что прошло несколько минут, прежде чем он смог шепнуть мотыльку:

– Топни снова, Маленький Братец. Верни мне обратно мой дворец, о, великий и сильный волшебник!

– Да, да, верни ему его дворец! – прошептала бабочка-жена, по-прежнему бывшая в темноте, как ее ночные сестры. – Верни ему дворец, и, пожалуйста, довольно этого ужасного колдовства!

– Хорошо, дорогая, – ответил ей мотылек, стараясь придать своему голосу твердость. – Ты видишь, что вышло из-за твоих капризов? Конечно, мне все это безразлично; ведь я-то привык к подобным вещам, но из любви к тебе и к султану Сулейману я согласен привести все в порядок.

Итак, он снова топнул ногой, и в то же мгновение джинны опустили дворец и сад, да так осторожно, что даже не колыхнули их. Солнце освещало темно-зеленые листья апельсиновых деревьев; фонтаны били среди розовых египетских лилий; птицы пели, а бабочка-жена лежала на боку под камфарным деревом, трепетала крылышками и, задыхаясь, говорила:

– О, я буду послушна, я буду уступчива!..

Султан же так смеялся, что не мог говорить. Он откинулся назад, изнемогая от смеха, несколько раз икнул, наконец, погрозил пальцем мотыльку, сказав:

– О, великий волшебник, ну зачем ты вернул мне мой дворец, раз в то же самое время заставляешь меня умереть от смеха?

Вдруг послышался страшный шум; все девятьсот девяносто девять султанш с криком и визгом выбежали из дворца и принялись звать своих детей. Они спускались по большим мраморным ступеням мимо фонтанов, потом выстроились по сто в ряд и остановились; умная Балкис подошла к ним и сказала:

– Что с вами, о, султанши?

Они стояли на мраморной лестнице по сто в ряд и ответили:

– Ты спрашиваешь, что с нами случилось? Мы, по обыкновению, жили мирно в нашем дворце; вдруг он исчез, и мы остались посреди густой тьмы, что-то шумело, гремело, и в темноте мимо нас пролетали джинны и духи земли. Вот что нас взволновало, о, главная султанша, и мы очень напуганы этим; это был страшный испуг, и он не походил ни на что прежнее.

Тогда Балкис, красавица султанша, любимая жена Сулеймана-Бен-Дауда, прежняя прачка Савская, пришедшая через золотоносные реки юга из пустыни Цинна к башням Зимоабве, Балкис, почти такая же мудрая, как мудрейший в мире султан Сулейман-Бен-Дауд, ответила:

– Все это пустяки, о, султанши. Мотылек пожаловался на свою жену, которая с ним ссорилась, и наш повелитель Сулейман-Бен-Дауд пожелал преподать ей урок смирения и послушания, потому что то и другое считается добродетелью среди жен мотыльков.

Ей ответила дочь фараона, султанша Египта, сказав:

– Я не верю, чтобы можно было поднять наш дворец, как маленькую поросль, ради ничтожного насекомого. Нет, конечно, Сулейман-Бен-Дауд умер. Раздались страшные звуки и замелькали страшные картины, потому что земля загремела и свет померк от известия о его кончине.

Балкис поманила рукой эту гордую султаншу, не глядя на нее, и сказала ей и всем остальным женам Сулеймана:

– Пойдите и посмотрите.

Они спустились с мраморной лестницы, по-прежнему, по сто в ряд, и увидели, что под камфарным деревом сидит премудрый султан Сулейман-Бен-Дауд, все еще не оправившийся от слабости после припадка смеха; что он покачивается взад и вперед и что на каждой его руке сидит по бабочке; султанши также услышали, как он говорил:

– О, жена моего братика, летающего в воздухе, теперь после всего, что случилось, помни: во всем угождай своему мужу, чтобы он снова не вздумал топнуть ногой; он сказал, что привык к этому великому волшебству, и сам он великий волшебник, колдун, который может уне-

сти дворец Сулеймана-Бен-Дауда. Летите с миром, мои крошки! – Он поцеловал крылышки мотылька и бабочки, и они улетели.

Тогда все султанши, кроме Балкис, прекрасной и великолепной Балкис, которая стояла в сторонке и улыбалась, пали ниц, сказав:

– Если ради мотылька, недовольного своей женой, совершаются такие чудеса, что же будет с нами, рассердившими нашего султана своими вечными ссорами, криком и недовольством!

Потом они поднялись, опустили на лица покрывала, прижали руки к губам и тихо, как мышки, на цыпочках двинулись к дворцу.

А Балкис, прекрасная и восхитительная Балкис, прошла между красными лилиями в тень камфарного дерева, положила свою белую руку на плечо Сулеймана-Бен-Дауда и сказала:

– О, мой господин и сокровище души моей! Радуйся, мы преподали великий и памятный урок султаншам Египта, Эфиопии, Абиссинии, Персии, Индии и Китая!

Сулейман-Бен-Дауд, все еще следивший взглядом за мотыльком и бабочкой, игравшими в луче солнца, ответил:

– О, моя госпожа и драгоценность моего счастья, когда же это случилось? Ведь с той минуты, как я пришел в сад, я шутил с мотыльком, – и он рассказал Балкис все как было.

Балкис, нежная и прелестная Балкис, сказала:

– О, мой повелитель и господин моей жизни, я пряталась за стволом камфарного дерева и все видела. Именно я посоветовала жене мотылька попросить его топнуть ногой, так как надеялась, что ради шутки мой повелитель сотворит великое волшебство, и что султанши испугаются. – После этого Балкис рассказала Сулейману, что ей сказали султанши, что они видели и что думали.

Сулейман-Бен-Дауд поднялся со своего места и, протянув к ней руки, радостно сказал:

– О, моя госпожа и сладость дней моих, знай, что, если бы я совершил волшебство, направленное против моих султанш, и действовал из тщеславия или гнева, как тогда, готовя пир для всех животных, я, вероятно, был бы посрамлен. Но ты своей мудростью заставила меня прибегнуть к волшебству ради шутки и на пользу маленькому мотыльку, и что же случилось? Мое волшебство избавило меня от досады на моих несносных жен. Поэтому скажи мне, о, госпожа и сердце моего сердца, что сделало тебя такой мудрой?

Балкис, великая султанша, прекрасная собой и статная, заглянула в глаза Сулеймана-Бен-Дауда, немного наклонила головку набок, точь-в-точь как это сделала маленькая бабочка, и сказала:

– Во-первых, о, мой повелитель, моя горячая любовь к тебе; во-вторых, о, мой господин, знание женского сердца.

После этого они пошли во дворец и с тех пор жили счастливо.

Но, скажи, моя милая деточка, разве не умно поступила султанша Балкис?

Сказки бабушки про чужие странушки

Принцесса лгунья

Шведская сказка

Жил на свете король и правил таким большим королевством, что пришлось бы идти много-много месяцев тому, кто вздумал бы пересечь его от одной границы до другой. Посреди королевства стоял замок; в нем-то и жил король, у которого была дочь, очень огорчавшая его. Дело в том, что принцесса отличалась большим недостатком: она была очень хороша собой, но с самого раннего детства не могла открыть рта, чтобы не солгать.

Рядом с замком король велел выстроить маленький дворец для принцессы и ее приближенных. Там принцесса жила очень одиноко; никто не хотел с ней дружить, потому что она всегда говорила неправду. Только король заходил к ней; но возвращался обычно из ее дворца печальный.

Все знали о несчастье короля и со страхом думали, что после его смерти королевство попадет в руки лживой принцессы.

Король уже много раз рассылал указы, в которых говорилось, что он отдаст все свое государство и руку дочери тому, кто научит ее говорить правду.

Являлись сотни принцев, но все возвращались ни с чем – ни одному не удалось исправить красавицу-лгунью.

В том же королевстве жила бедная вдова, сын которой пас королевское стадо. Пастуха звали Пер, и мать не могла нарадоваться на него, потому что он больше всего на свете любил правду.

Однажды Пер вернулся домой очень серьезный и перед сном сказал матери:

– Матушка, я больше не буду пасти стадо.

– Почему? – спросила она.

– Завтра утром я пойду в королевский дворец.

– Зачем?

– Я хочу вылечить принцессу и получить королевство, – спокойно ответил Пер.

На следующее утро старуха благословила сына, и он пошел к замку. На половине дороги Пер услышал в лесу журчание ручья и пробрался в чащу, так как хотел напиться.

Никогда в жизни не видал он такой свежей и светлой воды, а заглянув в ее глубину, заметил, что там блестит звезда. Пер наклонился; чем ниже наклонялся он, тем больше приближалась к нему звезда; когда он утолил жажду, она вышла из воды, стала перед ним и превратилась в красивую девушку.

– Ты выпил из источника Истины! Если хочешь, я исполню любое твоё желание, – сказала она.

– Я хочу вылечить принцессу, – вскрикнул Пер.

– Трудное дело! Впрочем, если ты будешь слушаться меня, тебе, может быть, это удастся.

– А что я должен сделать?

– Налей в мех воды из этого источника и иди в королевский дворец. Когда ты услышишь, что принцесса солгала, брызни на нее тремя капельками воды и скажи: «Пусть твои слова исполнятся». Через три дня вернись к ней и, если она опять скажет неправду, брось на нее

шесть брызг, говоря: «Пусть твои слова исполнятся». Еще через шесть дней вернись к ней, и если тогда она не будет говорить правду, значит, ее нельзя вылечить.

Чудное видение исчезло. Пер налил воды в мех и пошел дальше. К вечеру он пришел к дворцу и постучался в ворота.

– Кто там? – спросил король.

– Человек, который пришел, чтобы попробовать вылечить принцессу, – спокойно ответил Пер.

– Ну, подожди до утра. Прежде всего я должен посмотреть, кто ты, – ответил король. И Перу пришлось пойти в парк и проспать ночь на траве.

Едва показалось солнце, как король сам otvorил ворота замка. Хотя у него было мало надежды на выздоровление принцессы, ему все же очень хотелось увидеть того, кто считал себя способным научить ее говорить правду.

Заметив Пера, он наморщил брови:

– Что ты можешь сделать, пастух? Ведь тысячи принцев потерпели неудачу, – сказал он.

– Все-таки позвольте мне попробовать.

«Ну, пусть войдет», – подумал король и отвел Пера в замок.

Пастуха угостили вкусным обедом, и король позволил ему три раза поговорить с принцессой. В первый раз в тот же самый день, во второй – через три дня после первого и наконец через шесть дней после второго раза.

Вечером принцессу позвали в замок отца. Она пришла одна и с насмешливой улыбкой посмотрела на молодого человека, одетого в грубое пастушье платье.

– Дочь моя, – сказал король, – вот новый жених, как ты его находишь?

– Какой нарядный рыцарь! На нем красуются чудные золотые одежды, и венец сияет на его голове! Я не могла и надеяться встретить лучшего жениха, – сказала принцесса и расхохоталась так звонко, что от ее смеха зазвенели стекла.

Лицо бедного отца омрачилось, а Пер, глядя на него, кивал головой, точно говоря: «Слышу и понимаю».

– А что ты скажешь, если я велю тебе выйти за него замуж? – спросил король.

– Я отвечу, что ему придется прежде подумать, а уж потом идти ко мне во дворец, потому что рыкающие львы стоят у входа в мой дом, а над моей дверью парит громадный орел. Впрочем, может быть, жених не испугается зверей, однако он сейчас же убежит, когда увидит, что я старая колдунья и каждую ночь вылетаю на метле из окошка, – ответила принцесса со смехом.

– Неужели ты не можешь сказать ни слова правды? – спросил Пер.

– Конечно, могу, а потому предупреждаю короля, что ты пришел к нему в замок, желая убить его и завладеть королевским тронном.

Услышав это, король стал бледный, как полотно. Между тем Пер спокойно взял три капли воды из своих мехов и брызнул ими на принцессу, говоря:

– Пусть твои слова исполнятся.

Король приказал отвести Пера в темницу, а когда стражники увели молодого человека, принцесса снова расхохоталась.

Она пошла домой, но чуть не упала от ужаса, увидев, что ее выдумки осуществились. У входа в маленький дворец стояли два рыкающих льва. Она хотела убежать, но ее остановил рыцарь в блестящем венце и в платье из золотой парчи; у него были честные глаза и белокурые кудри Пера. Он указал рукой на дверь. Проходя мимо львов, которые разорвали когтями ее платье, принцесса почувствовала, что ее кровь холодеет. Ее ужас усилился, когда она увидела орла, парившего над дверью. Она хотела бежать, но рыцарь остановил ее. С криком бросилась она в дом; орел же ударил ее клювом.

Как только принцесса вошла в комнату и взглянула в зеркало, она с дрожью увидела, что превратилась в старую колдунью. Через мгновение она уже сидела на метле, которая вынесла ее в окно.

Стояла темная ночь, уносясь на метле, принцесса услышала голос рыцаря:

– Благодаря лжи ты сделалась колдуньей, несись же на крыльях северных ветров во мрак, туда, где царит черная тьма, лети в царство смерти.

Быстро-быстро неслась принцесса над лесами и морями, и чем дальше летела она, тем холоднее становилось. Северный ветер развеивал ее платье, ей казалось, что тысячи кнутов бьют ее, и повсюду она видела своего мертвого отца, убитого Пером.

Холодный пот выступал у нее на лбу, но он замерзал, превращаясь в длинные ледяные сосульки, примерзавшие к ее ресницам и бровям. Принцесса попробовала кричать, но у нее перехватило горло. Вдруг ее закружил вихрь, она стала виться, как легкая снежинка, потом упала в какую-то страшную бездонную пропасть. Долго-долго падала она в темноте ночи, но когда заблестел первый луч солнца, проснувшись в своей комнате, ее окружали приближенные.

Весь следующий день принцесса была грустна, однако никому не сказала о причине своей печали. Вечером она спросила у одной из фрейлин, не слыхала ли она чего-нибудь о пришедшем накануне пастухе. Фрейлина ответила, что Пера приговорили к смертной казни. Из глаз принцессы потекли слезы, и она вышла из маленького дворца, чтобы рассказать королю всю правду. Но едва красавица очутилась во дворе, как раскаяние замерло в ней. Она хотела уже вернуться, но перед дверями дворца опять стояли страшные львы с оскаленными зубами.

Рыцарь весь в золоте подошел к ней и поразил львов шпагой.

– За твое раскаяние я прогоню также и орла, который парит над дверью, – сказал он, и, когда хищная птица улетела, прибавил: – Я благодарю тебя за то, что ты заплакала о моей судьбе.

– Кто? Я? Я плакала из-за тебя? Ну, нет, извини. Напротив, когда тебя казнят, я буду хохотать, ты слишком мучил меня.

В одно мгновение принцесса снова сделалась старой колдуньей, как накануне, и услышала, что рыцарь говорит:

– Благодаря лжи ты сделалась колдуньей, несись же на крыльях северных ветров во мрак, туда, где стоит вечная тьма, в царство смерти.

И принцесса вылетела в окно, и вихрь всю ночь носил ее и крутил над холодными равнинами, покрытыми вечным льдом и снегом.

На следующий день она спросила своих приближенных о Пере, и одна из фрейлин сказала, что пастух скоро казнят.

Принцесса залилась слезами и выбежала из дворца, чтобы рассказать отцу о своей вине, но она остановилась перед дверями замка и повернула назад.

Снова появился одетый в золото рыцарь, он казался более кротким, чем накануне, проводил принцессу до ее дома и на прощанье сказал ей:

– Благодарю тебя за то, что ты плакала обо мне.

Принцесса рассердилась, но, увидя упрек в глазах рыцаря, смягчилась, в ее сердце потух гнев, и из ее глаз снова побежали слезы.

В эту ночь северный ветер кружился один, раскаяние избавило принцессу от мучительного полета.

Через три дня Пера освободили из темницы и позволили ему поговорить с принцессой. Когда она вошла в залу замка, все присутствующие удивились ее бледности.

– Что ты скажешь сегодня о твоём женихе? – спросил король.

– Я скажу, что он невиновен в том преступлении, в котором я его обвиняла, и что он мой лучший друг, – ответила принцесса.

Пер улыбнулся, но король заметил:

– Все присутствующие могут сказать, что ты лжешь, у тебя не может быть ни подруги, ни друга. Я скорее верю тому, что ты сказала в прошлый раз, а потому через шесть дней велю его казнить.

Принцесса упала на колени, заплакала и стала просить отца помиловать Пера, но король был неумолим.

– Как может он быть твоим другом? – продолжал король. – Ведь ты не виделась и не разговаривала с ним.

– Я часто говорила с ним, – с мукой в голосе сказала принцесса и, желая спасти Пера, выдумала, будто она каждую ночь подходила к его тюрьме, беседовала с ним и за это время поняла, что он ее лучший друг.

Тем не менее Пер бросил на нее шесть капель воды и сказал:

– Не уклоняйся от правды, даже в опасности. Иди и пусть твои слова осуществляются, мы увидимся через шесть дней.

После этого стражники увели Пера в темницу. На этот раз принцесса не рассмеялась, напротив, она заплакала, да так горько, что трава и цветы увядали всюду, куда падали ее горячие слезы.

Когда совсем стемнело и все стихло вокруг замка, принцесса почувствовала жестокую тревогу и никак не могла заснуть. Она думала о невинном узнике, которого должны были скоро казнить из-за нее, наконец выскользнула из комнаты, прошла мимо заснувших фрейлин, потом мимо стражников и пошла к тюрьме.

Там, продев белые руки между решетками и скрестив пальцы, она умоляла Пера простить ей то зло, которое она ему причинила.

Пер взял ее за руки и стал утешать. Так разговаривали они до рассвета. На рассвете же принцесса вернулась к себе. Каждую ночь она приходила к темнице, садилась у тюремного окошечка и слушала все, что ее друг говорил ей об огромной силе истины. Когда наступил шестой день и принцесса увидела Пера в большой зале, она не заплакала, напротив, спокойно подошла к королю и сказала:

– Я очень огорчала тебя, дорогой отец, но теперь я не хочу больше лгать и надеюсь, что ты мне поверишь, если я скажу, что тот человек, от которого я научилась любить правду, для меня дороже всех остальных.

Король мрачно молчал, через мгновение он сказал дочери:

– Ты ничего не прибавишь раньше, чем его уведут на казнь?

– Умоляю тебя, позволь мне умереть вместе с ним.

Лицо короля прояснилось, и он сказал:

– Я не хочу доводить испытание до конца. Я уверен, что ты говоришь правду.

Король обнял дочь и ее друга, который отучил ее лгать, он благословил их, и вслед за этим сыграли свадьбу.

Празднества были чудо как хороши, и каждый рассказывал о них по-своему, а потому теперь всякий может рассказать какую-нибудь историю о Пере и его жене.

Угольный человечек

Голландская сказка

В Голландии жил старый горшечник, у которого был один сын Кай. Усердно работал старик, день и ночь он делал красивые горшочки, покрывал их глазурью, а потом обжигал в громадных печах на очень сильном огне. Тринадцатилетний Кай помогал ему как умел. Он приносил топливо для печи, поддерживал огонь, мешал уголь. Хороший был мальчик этот Кай, только слишком любопытный, а иногда и непослушный. Сделав много плошек и горшочков, отец Кая обыкновенно возил их в соседний город продавать. Он уезжал рано утром и возвращался поздно вечером.

Однажды как-то собрался он везти посуду на продажу и сказал Каю:

– Смотри, сынок, веди себя хорошо, сиди дома, читай книги и не ходи к плотинам, туда, где стоят развалины старого дома. Не нужно туда ходить.

– А что там такое? – спросил Кай.

– Сам не знаю, – ответил горшечник, – только люди уверяли меня, что туда ходить опасно, особенно вечером.

Кай остался дома, почитал немного, потом зевнул, ему сделалось скучно, и стал он придумывать, чем бы заняться. Возле печи Кай увидел большой кусок древесного угля – целую обгоревшую головешку, которая формой напоминала человеческую фигуру, только без рук и без ног.

«Вот славная головешка, – подумал Кай, – попробую сделать из нее куклу».

Он взял перочинный ножик и стал осторожно закруглять голову, сделал кукле плечики, туловище, потом отыскал четыре продолговатых уголька и два из них приклеил к плечам, два к туловищу. Кукла вышла на славу, по крайней мере она очень понравилась Каю.

– Ах ты славный, славный угольный человечек, – крикнул Кай и поцеловал фигуру в круглую голову.

Как только он сделал это, маленькая черная голова быстро зашевелилась и закивала, на ней ясно выделились нос, рот, уши, глазки и черные волосы. Вообще вся она так и осталась черной угольной. Вдруг крошечные черные губки задвигались, и Кай услышал тонкий, писклявый голосок:

– Молодец, Кай, спасибо тебе, ты отлично сделал меня, а поцелуем и лаской дал жизнь моей голове. Доверши же благодеяние. Обдай меня всего теплым человеческим дыханием, тогда я оживу и когда-нибудь в трудную минуту отблагодарю тебя!

«Почему бы и не оказать этой услуги человечку?» – подумал Кай, взял его в руки, пододвинул к своему лицу и несколько раз сильнодохнул на него.

Что за чудо! Человечек совсем ожил. На его ручках появились маленькие пальцы, ноги быстро-быстро зашевелились, и он пропищал:

– Пусти меня, Кай, теперь я совсем живой, только обращай со мной осторожно, потому что я все-таки угольный и меня легко сломать.

Кай разжал руки, и человечек от радости, что ожил, стал прыгать по всей комнате, размахивать руками, вертеться и танцевать. Он был очень мал ростом, с пол-аршина, и весь черный, как трубочист, в черной же одежде, тоже напоминавшей костюм трубочиста, в черных башмачках. На его черном угольном личике блестели и искрились черные же глазки.

– Милый Кай, славный Кай, – пел он, танцуя по комнате. – Ты сделал меня и своей любовью дал мне жизнь. Смотри же, я отблагодарю тебя.

Тут он расшаркался, низко поклонился Каю, отворил дверь и убежал. Кай долго смотрел, как он быстро-быстро шагал по снегу.

Весь день Кай сидел дома, думая о маленьком черном угольном человечке, и все задавал себе вопрос: «Придет ли он когда-нибудь ко мне и как меня отблагодарит?»

На следующий день все пошло по-обыкновенному. Отец делал горшочки, Кай приносил топливо, складывал его в громадные обжигательные печи, словом, все было как всегда, и посреди ежедневной усердной работы мальчик совсем перестал думать об угольном человечке. Через некоторое время горшечник опять изготовил множество глиняной посуды и раз рано утром отправился в город продавать ее. На прощанье он сказал Каю:

– Веди себя хорошо, Кай. Читай, играй, но смотри, не ходи к разрушенному дому. Люди говорят, что там бывать опасно, особенно вечером. Смотри же! Дело в том, что я, может быть, не вернусь сегодня, а приеду только к завтрашней ночи. Посуды у меня много, и вряд ли удастся в один день распродать ее.

С этими словами он сел на облучок санок, шевельнул вожжами и поехал к городу.

Кай сначала читал, потом вздремнул немного, потом вспомнил об угольном человечке. Ему было скучно, он вышел из дома, побродил по двору и, вспоминая, как он делал угольную куклу и как она ожила, стал незаметно для себя отходить от дома все дальше и дальше.

– Ах, да я иду в сторону моря, – подумал Кай, – а ведь отец не велел мне ходить к старому разрушенному дому. А почему не велел – и сам не знает. И что там может быть?

В Кае заговорило любопытство, да такое сильное, что он забыл о запрещении отца, об опасности, о страхе, обо всем и решил войти в старый дом, о котором говорили, будто он был выстроен сто лет назад. Еще уверяли, что там случилось какое-то несчастье и что хозяева бросили его. Дом стоял пустой и понемногу разваливался. Кай подошел к нему. Это было громадное мрачное здание с выбитыми окнами, с сорвавшимися с петель дверями. Кай немного постоял перед ним, потом переступил обветшалый порог. Пустая мрачная комната, ничего страшного. Он перешел в другую, третью, наконец попал в большую залу. Ее наполняли необыкновенные вещи. Тут были восьмиугольные, пятиугольные и четырехугольные столы, заставленные странной посудой, банками с какими-то жидкостями, чашами; громадные кресла с очень высокими спинками, украшенными резными змеями с глазами из драгоценных камней; какие-то музыкальные инструменты невиданной формы и т. д. Посередине комнаты стоял бронзовый блестящий нарядный стол, а на нем – подпертая стойкой громадная книга в черном переплете с золотыми застежками.

Каю стало очень страшно. Он повернул к двери, но ее не оказалось на месте. Все стены комнаты сплошь покрывали толстые ковры, и не было видно, где кончался один, где начинался другой. Кай бросился к стенам и стал ощупывать их. От отчаяния слезы выступили у него на глазах, но он никак не мог найти двери. Со стоном мальчик отошел от стены и, как только повернул голову, увидел, что посреди комнаты, подле черной книги, стоит старуха в черном платье, с бледным лицом, с трясущейся головой и с длинными космами седых волос, торчащих из-под остроконечной шапки, вышитой какими-то знаками. В руках у старухи была большая черная клюка с изогнутой ручкой. Она смотрела на Кая, и ее маленькие глазки блеснули, как у молодой девушки.

– Не бойся, не бойся, лучше подойди ко мне, миленький, – сказала она. – Я ничего с тобой не сделаю, только тысячу пятьсот лет ты не выйдешь из этого дома. Ты будешь моим учеником. Я научу тебя вызывать гениев, но для этого ты не должен никогда больше видаться с людьми. Гении дадут тебе богатство, роскошь и удобства. Вот видишь, тебе нечего огорчаться.

– Нет, лучше отпустите меня, – сказал Кай. – Мне не нужно ни роскоши, ни богатства. Я хочу видеть отца, хочу жить с людьми... На что мне золото и другие сокровища, раз я не буду по-прежнему видаться с моими товарищами, с друзьями, со всеми, кого я любил?

– Довольно разговаривать. Ты останешься у меня, и дело с концом. Молчи – не то...

И она с угрозой подняла клюку.

На следующий день старуха велела Каю снять старое голландское платье, принесла новое, какого-то странного покроя, сделанное из бархата и атласа, покрытое дорогой вышивкой и унизанное сверкающими драгоценными камнями.

– Это чтобы тебе не было скучно, – сказала она.

Чернокнижница принялась учить Кая своему искусству. Не обращая внимания на слезы и просьбы мальчика, она заставляла его процеживать страшные яды, варить похлебку из ядовитых змей и жаб, помешивая ее громадной ложкой, и недели через две приступила к главному – вызыванию гениев по книге в черном переплете с золотыми застежками. Для этого нужно было читать странные буквы, составлявшие странные слова, и трижды произносить заклинания. Когда Кай заучил первую фразу и по приказанию старухи при ней вызвал гения недр земли, комната наполнилась страшным шумом, осветилась золотистым светом, и в ней появилось железное существо, похожее не то на птицу, не то на человека с алмазным ожерельем и громадными золотыми крыльями. Старуха произнесла второе заклинание, и вот из его полулап, полурук посыпались осколки золота, много золота. Перевернув страницу, чернокнижница произнесла третье заклинание, и гений исчез. Потом, когда колдунья осталась наедине с Каем, она заставила мальчика собрать золото в ларчик.

Однажды старуха сказала:

– Мне нужно улететь далеко, далеко отсюда, в теплую страну, к великому городу, который стоит на семи холмах, за травой, отмыкающей все замки, все затворы. Только под стенами того старого города растет она, лететь мне придется далеко, а потому я вернусь вечером. Чтобы тебе не было скучно, изволь к завтрашнему дню затвердить вот это заклинание. Выучись хорошенько произносить слова, но только помни, не смей говорить их, стоя перед книгой и положив руку на ее раскрытые страницы. Иначе тебе же будет худо.

Сказав это, старуха свистнула, и на ее зов неизвестно откуда появился зеленый крылатый дракон, она уселась на него и в одно мгновение вылетела через трубу огромного камина.

Кай остался один. Прежде всего он попробовал опять отыскать дверь, чтобы, если возможно, убежать и вернуться к отцу, но, как и в первый раз, ничего не нашел. Походил по комнате, поплакал, потом сел за книгу, раскрытую на той странице, на которой ему нужно было учить заклинание, и принялся твердить странные волшебные слова.

Он очень легко освоился с ними, так как привык заучивать слова из этой книги, и вдруг ему захотелось узнать, что будет, если он без старухи вызовет гения. И какой гений явится к нему? Кай понимал, что это неблагоприятное желание, но никак не мог совладать с любопытством. Наконец он встал, подошел к бронзовому столу и, положив руку на раскрытые листы книги, дрожащим голосом начал говорить:

– Кари, кари, бум, бум... – и другие таинственные слова.

Едва он повторил заклинание в третий раз, как в комнате что-то зашипело, затрещало. В камине вспыхнул яркий красный огонь и залил всю залу зловещим светом. Среди багровых клубов дыма, ворвавшихся неизвестно откуда, появился гений на ярко-красных с желтым крыльях. Его глаза и все лицо горели нестерпимым блеском. Пламя и огонь расходились от его громадных крыльев, зажигая все вокруг. Без слов Кай понял, что он вызвал гения огня. В отчаянии мальчик стал перелистывать страницы, но не мог найти заклинание, имевшее силу прогнать страшного гения. Вот стали тлеть ковры, вот вспыхнул стул из сухого дерева, вот обуглились ножки дивана. В эту минуту, взглянув на уголь, Кай вспомнил об угольном человечке, который был так рад, что он дал ему жизнь, и наудачу закричал:

– Угольный человечек, угольный человечек! Ведь ты же обещал помочь мне в трудную минуту! Сюда, сюда!

И пора было позвать его: волосы на голове Кая уже начинали тлеть. Мальчик хотел снова закричать, но увидел, что перед ним стоит маленькая черная фигурка с блестящими живыми глазами, кланяется ему и говорит:

– Хорошо, что ты позвал меня, я сейчас тебе помогу. Я не боюсь огня, мы с ним давно знакомы и даже состоим в некотором родстве. Всякого гения я сумею прогнать, потому что тот уголь, из которого ты сделал меня, был прежде старой-старой сосной, росшей возле дома гораздо более могучего колдуна, чем твоя чернокнижница... Сосна знала наизусть все заклинания, все волшебные слова.

– Да что же ты болтаешь, а не поможешь мне? Смотри, ведь вокруг нас все пылает. Вот-вот я сам сгорю, помоги же мне, угольный человечек!

В одно мгновение черная фигурка сделала уморительный прыжок, вскочила на кресло, потом на стол и, перевернув семь страниц, прочитала писклявым голосом коротенькое заклинание. Гений мгновенно исчез, огонь потух, и в комнате остался только запах гари.

– Но что же будет со мной? – простонал Кай. – Ведь старуха все равно убьет меня. Она никогда не простит мне моего непослушания.

– А зачем тебе ждать старуху? – спросил угольный человечек. – Разве тебе не хочется вернуться домой к отцу?

– Как не хочется, – ответил мальчик, – очень хочется! Да как выйти из этой залы?

– Да так и выйди, – ответил угольный человечек, – огонь оказал тебе услугу, ведь дверь-то сгорела и сгорела та волшебная картонная чаша, в которой лежал талисман, скрывавший выход из залы. От обыкновенного огня чудодейственная чаша не погибла бы, но ведь тут был сам огненный гений, а это не шутка! Иди же, не мешкай. Пора, пора.

И угольный человечек быстро побежал к стене, на которой лохмотьями висел почерневший, обгоревший ковер. Кай шел за ним. Угольный человечек дотронулся до ковра своей маленькой черной ручкой, с удовольствием понюхал его и сказал мимоходом:

– Как славно пахнет! И он стал гораздо красивее прежнего, черный, угольный! Но ведь вы, люди, этого не понимаете. Ну, смотри же, вот и выход.

Он отодвинул ковер, Кай увидел обгоревшую, настежь открытую дверь и, не помня себя от радости, выбежал из нее. Он быстро прошел через все остальные пустые комнаты полуразрушенного дома и вскрикнул от удовольствия, ступив на оттаявшую землю и вдохнув чистый воздух ранней весны.

– Как долго пробыл я здесь, – сказал он, – вошел сюда зимой, а теперь уже наступила весна.

– Да, да, – ответил человечек, – только идем, идем, торопись домой. – И они побежали. У дверей дома горшечника угольный человечек простился с Каем, пожал ему руку своей черной ручкой и сказал:

– Теперь ты больше меня не увидишь. Мне было позволено только раз оказать тебе услугу, а теперь уж я не буду заботиться о тебе, заботься о себе сам и будь счастлив.

Он кивнул Каю головой и быстро побежал прочь.

Кай бросился в дом отца. Увидев сына, старик не поверил собственным глазам. Кай рассказал ему обо всем, что случилось, а отец вместо слов только целовал его и плакал.

Кай исправился, он поступил в школу, а через много лет сделался ученым, который особенно любил добывать из земли уголь и исследовать его.

Охота питона Каа

Из «Книги джунглей» Р. Киплинга

Все, что здесь рассказано, случилось, когда маленький индеец Маугли жил у волков. В то время старый медведь Балу учил его законам индийских зарослей – джунглей. Большой серьезный коричневый зверь любил способного человеческого детеныша, его другие ученики, молодые волки, занимались плохо, старались заучить только то, что касалось их стаи или их племени, и сейчас же убегали, едва запоминали следующие строки закона: «Ноги бесшумные, глаза, видящие в темноте, уши, слышащие притаившийся ветер, острые белые зубы – вот признаки наших братьев; нужно исключить только Табаки-шакала и гиену, их мы ненавидим». Но Маугли, человеческий детеныш, должен был учиться больше. Иногда Багира, черная пантера, любившая его, подкрадывалась посмотреть, что делает ее любимец, мурлыкала и терлась головой о дерево, слушая, как Маугли отвечал урок медведю Балу. Мальчик мог лазать почти так же хорошо, как он плавал, а плавал он почти так же хорошо, как бегал. Поэтому Балу научил его законам леса и воды. Он научил его отличать подгнившие ветки от здоровых, научил вежливо разговаривать с дикими пчелами, сказал, что следует говорить летучей мыши, если он днем потревожил ее в ветвях, как нужно, бросаясь в воду, предупреждать водяных змей в болотах. (Обитатели джунглей не любят, чтобы их беспокоили, и всегда готовы наказать потревожившего их.) Маугли научили также охотничьему зову, который нужно повторять в чужих лесах до тех пор, пока не послышится ответ. Охотничий крик обозначает: «Позвольте мне охотиться здесь, потому что я голоден», ответ же звучит так: «Охоться для пищи, но не для удовольствия».

Все это показывает, сколько нужно было Маугли заучить на память, и иногда ему надоело повторять одно и то же. Раз, когда Балу шлепнул Маугли за рассеянность, мальчик рассердился и убежал; Балу сказал Багире:

– Человеческий детеныш должен выучить все, о чем говорится в законе!

– Но подумай, какой он маленький, – сказала черная пантера, которая, конечно, совсем избаловала бы Маугли, если бы ей не мешали. – Как может все это встать в его маленькой головке?

– Разве в джунглях не убивают маленьких? Вот почему я учу его, вот почему я и бью его, правда, очень нежно, когда он что-нибудь забывает.

– Нежно? Хороша нежность, – проворчала Багира. – Его лицо в крови от твоей нежности. Ах ты, железная лапа.

– Лучше пусть он весь будет исцарапан моими лапами, которые любят его, чем пострадает от незнания, – серьезно ответил Балу. – Теперь я учу малыша Великим Словам, которые защитят его от народа птиц и племени змей, ото всех, кто бежит на четырех лапах. Разве из-за этого не стоит немножко поколотить его?

– Хорошо, только смотри, не убей человеческого детеныша. Но что это за слова? Скорее всего я буду помогать, чем просить помощи, – сказала Багира и, вытянув бархатную лапу, стала ее рассматривать. – Тем не менее мне хочется знать.

– Я позову Маугли, и он скажет эти слова, если захочет. Приди, маленький братец!

– У меня в голове шумит, точно в пчелином улье, – произнес недовольный голосок над их головами. Маугли спустился по дереву с рассерженным лицом. Соскочив на землю, он прибавил:

– Я пришел для Багиры, а не для тебя, жирный старый Балу.

– Мне все равно, – ответил Балу, хотя и обиделся. – Скажи Багире Великие Слова джунглей, которым я учил тебя сегодня.

– Для какого племени? – спросил Маугли (он был рад показать свои знания). – В наших зарослях много наречий, я знаю их все.

– Знаешь некоторые, а не все. Видишь, Багира, ученики никогда не благодарят учителя, ни один волчонок не пришел поблагодарить старого Балу за учение. Ну, великий ученый, скажи Великое Слово для племени охотников-зверей.

– Мы одной крови, вы и я, – сказал Маугли с медвежьим акцентом.

– Хорошо. Теперь для птичьего племени.

Маугли повторил те же слова, закончив фразу криком коршуна.

– Теперь для племени змей, – сказала Багира.

В ответ послышалось шипение, потом Маугли откинул ногу назад, сжал руки, захлопал в ладоши, прыгнул на спину Багире и уселся на ней, свесив ноги сбоку, поколачивая пятками по ее мягкой блестящей шерсти и в то же время корча ужасные гримасы медведю Балу.

– Ну, ну, из-за этого стоило тебя поколотить, – нежно сказал медведь. – Ты когда-нибудь меня вспомнишь!

И обернувшись к Багире, он рассказал ей, как Хатхи, дикий слон, который знает все, научил его Великим Словам, а потом отнес Маугли к болоту, чтобы мальчик услышал змеиное слово от водяной змеи; сам Балу никак не мог произнести его как следует. Наконец медведь прибавил, что Маугли теперь может ничего не бояться в джунглях.

Пока Балу и Багира разговаривали, Маугли тоже говорил им что-то и очень волновался.

– Пожалей мои ребра, маленький братец. Зачем ты скачешь взад и вперед? – сказала пантера.

Маугли хотел, чтобы его слушали, он что-то говорил, дергал Багиру и колотил ее ногами. Когда наконец медведь и пантера обратили на него внимание, он во весь голос прокричал:

– Понимаете, у меня будет своя собственная стая, я буду целый день водить мой народ по вершинам деревьев.

– Что это еще за новая выдумка, маленький мечтатель? – спросила Багира.

– Да, и бросать ветки и грязь в Балу, – продолжал Маугли. – Они мне обещали это.

Бац! Большая лапа Балу сбила Маугли со спины Багиры, и, лежа на траве между большими передними лапами медведя, мальчик увидел, что Балу сердится.

– Маугли, – сказал Балу, – ты разговаривал с Бандар-Логами – народом обезьян!

Маугли посмотрел на Багиру, чтобы понять, рассердилась ли также пантера, и заметил, что взгляд ее стал жестким, как камень яшма.

– Ты был у обезьяньего племени, ты играл с серыми обезьянами, с народом без закона, – сказала пантера. – Как стыдно!

– Когда Балу ударил меня по голове, – сказал Маугли (он все еще лежал на спине), – я убежал, и ко мне с деревьев спустились серые обезьяны, они пожалели меня, никто больше обо мне не подумал.

– Сострадание обезьян! – Балу фыркнул. – Тишина горного потока! Прохлада летнего солнца! А что было потом, человеческий детеныш?

– Потом... потом они дали мне орехов и других хороших вещей и... и на руках отнесли меня на вершины деревьев, сказали, что я их брат по крови, что я отличаюсь от них только тем, что у меня нет хвоста, что когда-нибудь я сделаюсь их предводителем.

– У них нет предводителя, – сказала Багира. – Они лгут, они всегда лгали.

– Они были очень добры ко мне и просили меня вернуться к ним. Почему меня никогда не водили к обезьянам? Они ходят на задних лапах, как я. Они не били меня, они целый день играют. Позволь мне уйти на вершины деревьев. Злой Балу, пусти меня к ним. Я опять поиграю с ними.

– Слушай, человеческий детеныш, – сказал Балу, и его голос зазвучал, как гром в жаркую ночь. – Я научил тебя законам всех племен, живущих в джунглях, не говорил только о племени обезьян. У них нет закона. Их все презирают. У них нет собственного языка, они пользуются подслушанными словами; их обычаи непохожи на наши. У них нет предводителя, у них нет памяти. Они хвастаются, болтают, уверяют, что они – великий народ, который совершил великие деяния, но едва упадет орех, как Бандар-Логи начинают смеяться и забывают обо всем. Мы не имеем никаких дел с ними. Мы не пьем там, где пьют обезьяны. Мы не охотимся там, где они охотятся, мы не умираем там, где умирают они. Слыхал ли ты до сегодняшнего дня, чтобы я когда-нибудь говорил о Бандар-Логах?

– Нет, – прошептал Маугли. Теперь, когда Балу замолчал, в лесу было совсем тихо.

– Народ джунглей не думает и не говорит о них. Их очень много, они злы, грязны, бессовестны и во что бы то ни стало хотят, чтобы мы замечали их, но мы их не замечаем, даже когда они бросают в нас орехи и грязь.

Едва он выговорил эти слова, как сверху посыпался град орехов и сухих веток, послышались кашель, вой, сердитые возгласы.

– Племя обезьян для нас не существует, – сказал Балу, – запомни это!

Посыпался новый град, и звери убежали. Балу сказал правду. Обезьяны жили в вершинах деревьев, и так как звери почти никогда не смотрят вверх, они редко сталкивались с племенем Бандар-Логов. Однако когда обезьяны находили больного волка, раненого тигра или медведя, они мучили его; кроме того, они бросали палки и орехи во всех зверей. Потом они выли и выкрикивали бессмысленные песни, звали к себе на деревья четвероногих жителей джунглей, предлагали им сразиться, иногда дрались между собой из-за ерунды и бросали убитых обезьян там, где звери джунглей могли увидеть их. Они все собирались выбрать себе предводителя, придумать для себя законы, но никогда не делали этого, потому что у них совсем не было памяти. Ни один из зверей не мог подобраться к ним, зато никто и не замечал их. Поэтому они так обрадовались, когда Маугли пришел поиграть с ними.

Одна из обезьян предложила остальным удерживать Маугли, так как он умел сплетать прутья для защиты от ветра. По ее мнению, поймав человеческого детеныша, они могли заставить его выучить их этому искусству и другим полезным вещам.

Все обезьяны бесшумно бежали за Балу и Багирой и следили за ними, пока не настало время полуденного отдыха. Когда Багира и Балу легли спать в кустах, Маугли, стыдившийся сам себя, заснул между пантерой и медведем, решив не иметь больше никакого дела с обезьяньим народом.

Вдруг он почувствовал, что какие-то руки – жесткие, сильные, маленькие – крепко держат его за ноги и плечи, потом ветви дотронулись до его лица, наконец он совсем очнулся от сна и понял, что обезьяны унесли его. Он посмотрел вниз сквозь качающиеся сучья деревьев, услышал громкий рев Балу и увидел Багиру, которая взбиралась на дерево, показывая все свои белые острые зубы. Обезьяны выли от восторга и карабкались на самые верхние ветви, на которые Багира не могла взобраться. Племя Бандар-Логов кричало:

– Она нас заметила! Багира нас заметила! Все звери джунглей восхищаются нашей ловкостью и хитростью!

И обезьяны бросились бежать. Нельзя описать их бегства по вершинам деревьев. У них там есть собственные дороги, обходные дорожки, подъемы и спуски, и все это на высоте 50 или 70 футов над землей. Две самые сильные обезьяны схватили Маугли под руки и прыгали с ним с одного дерева на другое, делая скачки в двадцать футов. Если бы они были одни, они могли бы бежать вдвое скорее, но тяжесть тела мальчика удерживала их. Хотя у Маугли сильно кружилась голова, ему нравилось это быстрое бегство, тем не менее ему было страшно, когда он видел землю далеко внизу под собой. Ужасный треск ветвей во время прыжков обезьян заставлял сжиматься его сердце. Обезьяны втаскивали мальчика на вершины деревьев и останавли-

вались только тогда, когда самые тонкие ветви вершин начинали под ними ломаться. Тогда они с дикими воплями прыгали вниз, хватаясь за ветви соседних деревьев. Иногда Маугли видел окрестности на много миль вокруг, как с верхушки мачты, потом ветки и листья ударяли его по лицу, и он и его два спутника снова спускались почти к самой земле. Так, прыгая, ломая ветви, с воем, племя Бандар-Логов несло по древесным дорогам, увлекая с собой своего пленника, Маугли.

Иногда мальчику казалось, что его сейчас бросят вниз; он начал сердиться, однако решил не отбиваться и стал думать. Прежде всего следовало дать знать о себе Балу и Багире. Он понимал, что его друзья сильно отстанут от обезьян. Искать помощников внизу не стоило: Маугли видел только ветви, а потому он поднял глаза вверх и вдруг высоко в синем небе заметил коршуна Чилия, который то делал большие круги, то висел в воздухе, выискивая добычу. Чиль увидел, что обезьяны тащат что-то, и спустился пониже, чтобы посмотреть, не несут ли они чего-нибудь съедобного. Увидев Маугли, он засвистел от удивления. В эту минуту мальчик сказал ему Великое Слово для птиц. Волны листвы сомкнулись над Маугли, но Чиль, распутив крылья, остановился в воздухе над следующим деревом и успел снова увидеть среди ветвей маленькое бронзовое лицо:

– Заметь, куда меня уносят, – крикнул Маугли, – и скажи об этом Балу и Багире.

– От чьего имени, брат?

До сих пор Чиль никогда не видел Маугли, хотя и слышал о нем.

– Я Маугли-лягушка. Меня называют человеческим детенышем. Заметь мой сле-е-ед.

Он выкрикнул последние слова в тот момент, когда его подбросили в воздух, но Чиль кивнул головой и так высоко поднялся, что казался теперь только небольшим пятном на лазури. Он замер в воздухе, наблюдая своими зоркими глазами за колебанием вершин деревьев, качавшихся от движений обезьян.

– Они никогда не уходят далеко, – сказал он, посмеиваясь. – Они никогда не делают того, что задумали. Племя Бандар-Логов бросается на все новое. На этот раз мне кажется, они навлекут на себя неприятности, потому что Балу не трус, а Багира способна убивать, и не только диких коз!

Он качался на своих сильных крыльях, подобрав под себя лапы, и ждал.

Между тем Балу и Багира выходили из себя от печали и ярости. Багира взбиралась на деревья так высоко, как никогда, но тонкие ветви ломались под ее тяжестью, и наконец она совсем соскользнула вниз, обдирая кору когтями.

– Зачем ты не предупредил человеческого детеныша, – проревела она, обращаясь к бедному Балу, который пустился неуклюжей рысью в погоню за обезьянами. – Стоило ли бить его чуть не до полусмерти, если ты не предупредил его!

– Скорее, о, скорее! Мы... мы еще можем нагнать их, – задыхаясь, прохрипел Балу.

– Такой-то рысью? От такой скорости не устала бы даже раненая корова! Ах ты, преподаватель закона, каратель детенышей! Если ты прокачаешься так с милю, ты лопнешь от усталости. Садись и думай. Составь план. Нечего преследовать их! Если мы слишком быстро настигнем обезьян, они сбросят его с дерева, и он убьется.

– Угу-угу! Они, может быть, уже бросили его. Можно ли доверять этому племени! Брось мне на голову мертвых нетопырей, корми меня черными бобами! Кинь меня в улей диких пчел, и пусть они зажалют меня до смерти, зарой меня вместе с гиеной, потому что я самый жалкий из всех медведей. Бр-бр-пр! Ах, Маугли, Маугли. Зачем я не предупредил тебя относительно племени обезьян, вместо того чтобы тебя колотить? Может быть, я выбил из его ума весь урок, и он останется один в джунглях, забыв Великие Слова.

Балу обхватил передними лапами голову и со стоном покачивался из стороны в сторону.

– Совсем недавно он правильно повторил мне все слова, – нетерпеливо сказала Багира. – Балу, у тебя нет ни памяти, ни уважения к себе! Подумай, что сказали бы лесные звери, если бы я, черная пантера, свернулась, как дикобраз Сахи, и стала бы выть?

– Что мне за дело до зверей джунглей? Может быть, он уже умер!

– Если только они не сбросят его с дерева или не убьют из лени, за него нечего бояться. Он умен и хорошо воспитан, главное же – уметь взглядом пугать обитателей леса. Однако (и это очень дурно) он в плену у Бандар-Логов, а обезьяны, живущие на деревьях, не боятся никого из нас.

Багира задумчиво полизала переднюю лапу.

– Какой я глупец! Ах я, коричневый жирный глупец, – сказал Балу, быстро выпрямляясь. – Я все забыл. Но слушай: Хатхи, дикий слон, говорит: «Каждый боится чего-нибудь», а племя обезьян боится Каа, питона скал. Он может не хуже их подниматься на деревья и ночью уносить маленьких обезьян. Если даже шепотом сказать его имя, их противные хвосты холодеют. Пойдем к питону Каа.

– Разве он согласится помочь нам? Он не принадлежит к нашему племени, потому что у него нет ног и у него такие дурные глаза, – сказала Багира.

– Каа очень стар и очень хитер. Главное же – он всегда голоден, – ответил медведь. – Обещай подарить ему много коз.

– Когда он сытно поест, он спит целый месяц, – заметила пантера. – Может быть, он теперь отдыхает после еды? А если он даже и не спит, может быть, ему самому захочется поохотиться?

Багира мало знала Каа, а потому опасалась всего.

– В таком случае, может быть, мы с тобой сумеем заставить его ползти с нами.

Балу потерял своим старым вылинявшим коричневым плечом о пантеру, и они пошли к горному питону.

Они увидели его на теплой скалистой площадке. Он лежал и грелся в лучах послеобеденного солнца, любясь своим красивым новым нарядом. Последние десять дней он нигде не показывался, так как менял кожу, и теперь казался очень щеголеватым. Он поднял свою тупоносую большую голову, протянул ее над землей и, свивая длинное, тридцатифутовое тело в причудливые узлы и спирали, облизал языком губы.

– Он еще не ел, – сказал Балу и заворчал от удовольствия, заметив красивую кожу змеи с коричневыми и желтыми пятнами. – Осторожнее, Багира. После того как он переменит кожу, он всегда бывает слеповат и иногда кидается на всех, кого завидит.

Каа не был ядовит (он даже презирал ядовитых змей, считая их коварными трусами), и вся его сила заключалась в его величине. Когда он обвивал животное своими громадными кольцами, его жертва не могла спастись.

– Хорошей охоты! – крикнул Балу, садясь на задние лапы. Как все питоны, Каа был немного глух и не сразу услышал приветствие. Услышав же, он на всякий случай свернулся и наклонил голову.

– Хорошей охоты всем нам, – ответил Каа Балу. – Что ты здесь делаешь? Хорошей охоты, Багира. Нет ли слухов о дичи? Нет ли вблизи оленя или молодого козла? Я пуст, как сухой колодец.

– Мы охотимся, – небрежно произнес Балу. Он знал, что никогда не следует торопить Каа.

– Позвольте и мне отправиться с вами, – сказал Каа. – Одной дичиной больше или меньше – для вас неважно, Багира и Балу. Мне же иногда приходится ждать по многу дней на лесных дорожках и лазать по деревьям целые ночи, чтобы застигнуть какую-нибудь молодую обезьяну. Пшшш! Ветви совсем переменились с тех пор, как я был молод. Теперь все они гнилые, непрочные.

– Может быть, это зависит от твоей тяжести, – заметил Балу.

– Я длинный, очень длинный, – с гордостью заметил Каа. – Но все-таки молодой лес стал непрочен. Во время последней охоты я чуть было не упал, и когда скользил вниз (мой хвост недостаточно крепко обвился вокруг дерева), шум разбудил обезьян, они стали кричать, называя меня самыми оскорбительными именами!

– Безногий, желтый, дождевой червяк, – шепотом сказала Багира, точно вспоминая что-то.

– Ссссссссс! Неужели они называли меня так? – спросил Каа.

– Да, они кричали что-то в этом роде во время последнего полнолуния, но ведь мы их не замечаем! Пусть говорят что угодно, даже что ты потерял все зубы и боишься всякого зверя побольше козленка (они так бессовестны, эти Бандары!), что ты боишься рогов козлов, – сладким голосом продолжала Багира.

Всякая змея, особенно же воинственный старый питон вроде Каа, редко показывает раздражение, но Балу и Багира заметили, как большие глотательные мускулы по обеим сторонам горла Каа задрожали и надулись.

– Бандар-Логи ушли куда-то, – спокойно сказал питон. – Когда я сегодня выполз на солнце, я слышал, как они кричали в ветвях деревьев.

– Мы преследуем теперь это племя, – сказал Балу, но поперхнулся словами, потому что в первый раз один из зверей джунглей сознался, что его занимают обезьяны.

– Без всякого сомнения, что-нибудь важное заставляет двух таких охотников, как вы, идти по следу Бандар-Логов, – вежливо ответил Каа, надувшись от любопытства.

– Да, правда, – начал Балу, – я старый и иногда очень неблагоприятный учитель закона для молодых волков, а Багира...

– Багира – Багира и есть, – сказала черная пантера, и ее челюсти закрылись так, что зубы щелкнули, ей не понравилось смирение Балу. – Вот в чем дело, Каа. Эти воры орехов и подбиратели пальмовых листьев украли нашего человеческого детеныша, о котором ты, может быть, слышал.

– Сахи (надо сказать, что иглы делают его довольно несносным) болтал о человеческом детеныше, которого приняли в волчью стаю, но я не поверил ему. Сахи вечно услышит что-нибудь и потом повторяет, но многое он путает.

– Дикобраз Сахи сказал правду.

– Знаешь, никогда на свете не было такого человеческого детеныша! Он добрый, умный, смелый. Он мой воспитанник и прославит имя Балу во всех джунглях, кроме того, я... Мы любим его, Каа.

– Тзз, тзз, – сказал Каа, вертя головой взад и вперед. – Я тоже когда-то знал, что такое любовь. Я мог бы порассказать вам...

– Рассказывать нужно в светлую лунную ночь, когда все сыты, – быстро сказала Багира. – Наш человеческий детеныш в руках обезьян, а мы знаем, что из всех обитателей джунглей они боятся только одного Каа.

– Меня одного? И они правы, – сказал Каа. – Обезьяны болтливы, глупы, тщеславны, тщеславны, глупы и болтливы. Но если ваш человеческий детеныш попал в их руки, ему придется плохо. Им скоро надоедают подобранные орехи, и тогда они бросают их с деревьев. Они половину дня носят с собой ветку, намереваясь многое сделать с ней, а потом вдруг без причины ломают ее. Да, ему не позавидовать. И они называли меня желтой рыбой, вы говорите? Да?

– Червяком, червяком, дождевым червем, – сказала Багира, – и они дали тебе еще много других названий, которые мне стыдно повторять.

– Следует напомнить им, что они должны почтительно говорить о своем господине. Нам нужно освежить их плохую память. Ну так куда же побежали они с детенышем?

– Это знают только одни джунгли. Кажется, они направились к стороне заката солнца, – сказал Балу. – Мы думали, что ты знаешь это, Каа.

– Я? Как? Я ловлю их, когда они попадают на моей дороге, но я не охочусь за племенем Бандар-Логов, или за лягушками, или за зеленой тиной в воде. Ксссс.

– Эй, эй, вверх, вверх, взгляни вверх, Балу.

Балу поднял голову, чтобы посмотреть, кто зовет его, и увидел коршуна Чилия, который спускался вниз. Солнце освещало верхние части его крыльев. Подходило время сна птиц, но Чиль несся над джунглями, отыскивая медведя.

– Что тебе? – спросил Балу.

– Я видел Маугли с племенем обезьян. Он просил меня сказать это тебе. Я наблюдал за ними. Бандар-Логи унесли его за руки в город обезьян, в Холодные Логовища. Может быть, они останутся там одну ночь, или десять ночей, или только час. Я поручил летучим мышам сторожить их в темноте. Хорошей охоты всем вам там, внизу.

– Желаю тебе всегда иметь полный зоб и крепко спать, – крикнула Багира. – Я не забуду тебя во время моей следующей охоты. Я отложу для тебя, лучшего из коршунов, голову убитого козла.

– Не стоит, не стоит. Мальчик сказал Великое Слово, я не мог не исполнить его просьбу. – И Чиль стал снова описывать круги в воздухе, улета к своему гнезду.

– Он не забыл, какие слова нужно говорить, – заметил Балу и тихонько засмеялся от гордости. – Только подумать, что такой маленький детеныш вспомнил Великое Слово для птиц в то время, как обезьяны тащили его через чащу ветвей.

– Ему сильно вбивали в голову эти слова, – сказала Багира, – но я горжусь им. Ну а теперь нам нужно идти к Холодным Логовищам.

Все жители джунглей знали это место, но очень немногие посещали его, так как то, что они называли Холодными Логовищами, было старым заброшенным человеческим городом, а дикие создания редко бывают в покинутых селениях людей. Кабаны заходят в такие места, но племена охотников – нет. Кроме того, там жили обезьяны (если о них можно сказать, что они живут где-нибудь), и ни один зверь, который себя уважает, не считал нужным бывать в области Бандар-Логов, за исключением времени засухи, когда в полуразрушенных водоемах и бассейнах старого города сохранялось немного воды.

– Да, туда придется идти полночи полным ходом, – сказала Багира. Балу казался озабоченным.

– Я побегу изо всех сил, – тревожно заметил он.

– Мы не будем ждать тебя. Мы должны бежать скорыми шагами.

– Есть у меня ноги или нет, я не отстану от твоих лап, – сухо заметил Каа. Балу попытался броситься бегом, но ему пришлось остановиться: он задыхался. Багира пустилась быстрой рысью пантеры. Каа ничего не сказал, но, как ни торопилась пантера, громадный скалистый питон не отставал от нее. Когда они очутились возле горного потока, Багира опередила его, так как перескочила через ручей, питон же переплыл поток, подняв голову и два фута своей шеи. На земле Каа скоро догнал Багиру.

– Ну, ты быстр, – сказала Багира, когда наступили сумерки.

– Я голоден, – ответил Каа. – Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

– Червяком, червяком, дождевым червем, да вдобавок еще желтым!

– Все равно. Вперед! – Казалось, что Каа лился по дороге, он быстро находил самый короткий путь и избирал его.

В Холодных Логовищах племя обезьян веселилось и не думало о друзьях Маугли. Бандар-Логи перенесли мальчика в брошенный город и очень важничали этим. Маугли никогда в жизни не видал ни одного индийского города, и хотя это была груда развалин, Логовища показались ему чем-то изумительным и великолепным. Давно-давно какой-то царь выстроил

этот город на небольшом холме. Кое-где еще сохранились мостовые, которые вели к обрушившимся воротам с деревянными досками, висевшими на обломанных и заржавевших петлях. На городских стенах и возле них выросли деревья. Здания развалились и обветшали, дикие ползучие растения разрослись и свешивались из окон башен.

На вершине холма стоял большой дворец без крыши. Мраморные плиты, которыми были выложены дворы и бассейны фонтанов, треснули и покрылись красными и зелеными пятнами плесени, даже каменная площадка, где прежде стояли царские слоны, искривилась, потому что между камнями проросла трава. С холма виднелись ряды домов без крыш, бесформенный кусок камня, бывший когда-то идолом, водоемы на углах улиц и купола храмов, окруженные дикими фиговыми деревьями. Обезьяны называли это место своим городом и уверяли, что они презируют зверей джунглей за то, что те живут в лесу. А между тем Бандар-Логи не знали, зачем были выстроены эти здания, и не умели пользоваться ими. Иногда серые обезьяны собирались вместе, усаживались кружками в зале царского совета, ловили блох и говорили между собой, что они люди, потом кидались в полуразрушенные дома, через минуту выбегали из них, собирали кусочки замазки и обломки мрамора, заботливо складывали все в уголок, тотчас же забывали, где спрятали свои сокровища, дрались, кричали, толпились. Вскоре они принимались играть и бегать по террасам царского сада. Они изо всех сил трясли высокие розы и апельсиновые деревья, чтобы видеть, как падают на землю цветы и плоды. Они осматривали все темные проходы дворца, сотни маленьких темных комнат, но ничего не запоминали. Они пили в водоемах, поднимали муть, дрались из-за питья, потом все вместе собирались в толпу и кричали:

– Нет никого в джунглях, кто был бы так добр, умен, силен и кроток, как мы – племя Бандар-Логов!

И опять поднималась возня и продолжалась, пока город не надоедал обезьянам и они не возвращались на вершины деревьев в надежде, что население зарослей заметит их.

Маугли, воспитанному в законе джунглей, не нравились манеры Бандар-Логов. Обезьяны унесли его в Холодные Логовища вечером и не легли спать, как сделал бы Маугли после долгого путешествия. Напротив, они взялись за руки и принялись плясать и петь какие-то нелепые песни. Одна из обезьян обратилась с речью к своим товарищам и сказала им, что плен Маугли – великое событие, потому что человеческий детеныш покажет им, как свивают и плетут ветки и тростник, чтобы защищаться от дождя и ветра. Маугли поднял несколько ползучих трав и сплел из них циновку. Обезьяны старались подражать ему, но через несколько мгновений это надоело им, и они принялись дергать друг друга за хвосты или прыгать взад и вперед на всех четырех лапах и кашлять.

– Я хочу есть, – сказал Маугли. – Принесите мне чего-нибудь или позвольте поохотиться.

Обезьян двадцать-тридцать бросилось за орехами и за дикими ягодами, но по дороге обратно они передрались между собой, уронили свою ношу и решили, что не стоит нести сохранившиеся ягоды. Маугли очень хотелось есть, кроме того, ему было грустно и досадно. Он бродил по пустому городу, время от времени выкрикивая охотничий зов, но никто не отвечал ему.

«Правду говорил Балу, – подумал он, – у обезьян нет ни закона, ни охотничьего крика, ничего, кроме глупых слов и маленьких воровских лап. Если я умру здесь от голода или меня убьют, я сам буду виноват. Однако нужно постараться вернуться в родные джунгли. Конечно, Балу поколотит меня, но, право, это лучше, чем бегать за упавшими розовыми лепестками с Бандар-Логам».

Он подошел к городской стене, в ту же минуту обезьяны схватили его и потащили обратно, говоря, что он должен быть счастлив, что попал в их город. Они также принялись его щипать, чтобы заставить благодарить их. Маугли сжал зубы и молча пошел с обезьянами на верхнюю террасу, на которой были устроены водоемы, до половины наполненные водой. Тут же стояла белая мраморная беседка, выстроенная лет сто назад. Половина ее обвалилась внутрь

и загородила подземный проход из дворца, по которому прежде в нее входили царицы. Стены были сделаны из мраморных резных досок и украшены агатами, корнелинами и яшмой. Как ни был Маугли огорчен, как ни хотелось ему спать и есть, он все же невольно засмеялся, когда около двадцати обезьян принялись твердить ему, как они велики, мудры, сильны и кротки и как глуп он, желая уйти от них.

– Мы велики, мы свободны. Мы – самое удивительное племя в джунглях. Мы все говорим это, значит, это правда, – кричали они.

– Ты в первый раз у нас и, конечно, передашь наши слова жителям джунглей, а потому мы расскажем тебе, какие мы хорошие, умные, ловкие, добрые...

Маугли не спорил с ними. Обезьяны собрались огромной толпой, и как только одна из них переставала говорить, все кричали:

– Это правда, мы все говорим это!

Маугли кивал головой, моргал глазами и говорил «да», когда они задавали ему вопросы. От их шума у него закружилась голова.

«Вероятно, Табаки-шакал искушал их, – подумал он, – и они все сошли с ума от его укусов. Неужели они никогда не спят? Вот на луну находит облако, если оно окажется достаточно большим, я в темноте попытаюсь убежать от них. Только я так устал».

За тем же облаком наблюдали два друга Маугли – Багира и Каа, которые притаились во рву под городской стеной. Они знали, как опасны обезьяны, когда они нападают толпой на одного, и не хотели подвергаться этому.

– Я поползу к западной стене, – прошипел Каа, – и поднимусь на нее. На меня они не бросятся, на тебя же...

– Я знаю, – сказала Багира. – Жаль, что Балу нет с нами. Однако попробуем сделать все что можно. Когда облако закроет луну, я прокрадусь на террасу. Они собрались там.

– Желаю удачной охоты, – мрачно сказал Каа и пополз к западной стене. Она меньше развалилась, чем все другие, и питон довольно долго искал место, по которому он мог бы подняться. Облако закрыло луну. Как раз в ту минуту, когда Маугли раздумывал, бежать ли ему от обезьян или нет, он услышал на террасе легкие шаги Багиры. Черная пантера почти бесшумно поднялась на откос горы. Вскоре она кинулась на обезьян, разбрасывая их вправо и влево и пробираясь к Маугли через их густые ряды. Послышался испуганный и злобный вой Бандар-Логов. Вдруг одна обезьяна закричала:

– Здесь только один зверь, убьем его, убьем его!

Толпа обезьян бросилась на пантеру, они кусали ее, царапали, разрывали ей кожу. Пять или шесть Бандар-Логов схватили Маугли, втащили его на стену беседки и бросили вниз через отверстие в разбитой крыше. Мальчик, воспитанный среди людей, конечно, страшно разбился бы, но Маугли упал, как его научил падать Балу, и остался на ногах.

– Сиди там! – крикнули обезьяны, – пока мы не убьем твоих друзей, а потом мы займемся тобой, если только ядовитое племя оставит тебя в живых. (В каждой индийской развалине рано или поздно заводятся змеи, и старая беседка была полна кобрами.)

– Вы и я одной крови, – сказал Маугли и быстро закончил фразу шипением. Он услышал легкий шелест в мраморных обломках и для верности повторил змеиное слово второй раз.

– Хорош-ш-шо. Сузьте шеи, – проговорили тихие голоса. – Стой неподвижно, маленький братец, иначе ты навредишь нам.

Маугли стоял тихо, глядя сквозь резьбу и прислушиваясь к ужасному шуму борьбы. До него доносились крики обезьян и рев Багиры, которая прыгала взад и вперед, отбиваясь от врагов. В первый раз Багира сражалась ради спасения жизни.

«Вероятно, Балу близко. Багира не пришла бы одна», – подумал Маугли и громко закричал: – К водоему, Багира! Скатись в водоем. Скатись, нырни! К воде, Багира, к воде!

Багира услышала, и крик Маугли, который доказал ей, что мальчик жив, придал пантере новые силы. Отчаянно, дюйм за дюймом, поднималась она к бассейну и билась молча. Вдруг со стороны ближайшей к джунглям стены раздался громовой военный крик Балу. Старый медведь бежал изо всех сил, но не мог явиться раньше.

– Багира, – кричал он, – я здесь. Я лезу! Я тороплюсь! Камни осыпаются из-под моих лап! Подождите, вот я приду! Эй, вы, бессовестные Бандар-Логи!

Он, задыхаясь, бежал по террасе и вскоре исчез под массой обезьян, кинувшихся на него, но Балу быстро и ловко поднялся на задние лапы, вытянул передние и охватил ими столько врагов, сколько могло поместиться в его страшных объятиях, потом он принялся бить вправо и влево.

Плеск воды донес до Маугли, что Багира бросилась в водоем, где обезьяны не могли преследовать ее. Пантера лежала, выставив из воды одну голову, а ее враги тремя рядами стояли на красных ступенях, с яростью прыгали взад и вперед и, конечно, кинулись бы на нее, если бы она вышла на берег, чтобы помочь Балу. И вдруг Багира вытянула шею и в отчаянии произнесла призыв змеи:

– Мы одной крови – ты и я!

Она думала, что Каа в последнюю минуту обратился в бегство. Балу, которого со всех сторон одолевали обезьяны, все же не мог не посмеяться, услышав, что черная пантера зовет питона на помощь.

Между тем Каа перебрался через западную стену, изгибаясь с такой силой, что большой камень свалился в ров. Он несколько раз свернулся и развернулся, чтобы удостовериться, что все его длинное тело в полном порядке. Пока продолжался бой Балу с обезьянами, Манг, летучая мышь, разносила по джунглям весть о великой битве. Все звери узнали о бое, и Хатхи, дикий слон, затрубил в свой длинный хобот.

Рассеянные в лесу стаи обезьян проснулись и, прыгая с дерева на дерево, побежали к Холодным Логовищам на помощь товарищам. Все дневные птицы проснулись. Каа быстро бросился на террасу. Вся сила питона заключается в ударе его головы, которая бьет жестоко. Питон в четыре или пять футов может свалить человека, если ударит его головой в грудь, а, как вы знаете, Каа был тридцати футов длиной. Первый удар он нанес в самую середину толпы обезьян, окружавших Балу, второго же удара не понадобилось. Обезьяны рассыпались во все стороны с криком:

– Каа! Каа! Это Каа! Бегите, бегите!

Все Бандар-Логи знали о существовании Каа, ночного вора, который скользил вдоль ветвей так же бесшумно, как растет мох, и мог уносить даже очень больших обезьян, умел делаться неподвижным, как сухой ствол, обманывая самых опытных из них. Больше же всего обезьяны боялись Каа, потому что они не знали пределов его силы и не могли смотреть ему прямо в глаза. Они взобрались на стены и крыши домов. Балу с облегчением вздохнул. У него была гораздо более густая шерсть, чем у Багиры, но и он жестоко пострадал в бою. Тут Каа в первый раз открыл рот и произнес длинное свистящее змеиное слово; обезьяны, бежавшие на помощь своим товарищам, остановились. Обезьяны на стенах и домах перестали кричать, и среди тишины, наступившей в городе, Маугли услышал, как Багира отряхивалась, выйдя из водоема. Вскоре снова начался шум. Обезьяны карабкались на стены все выше, визжали и кричали. Маугли, прыгая от нетерпения в беседке, прижался лицом к резным стенам.

– Выньте человеческого детеныша из этой ловушки, – сказала Багира. – Возьмем его и уйдем. Они могут опять напасть.

– Они не двинутся, пока я не прикажу им. С-с-с-стойте! Тиш-ш-ш-ше, – прошипел Каа, и в городе снова все затихло. – Я не мог явиться раньше, но я слышал, как ты позвала меня...

– Может быть... может быть, я и закричала во время битвы, – ответила Багира. – Балу, ты ранен?

– Мне кажется, они разорвали меня на сотни маленьких кусочков, – сказал Балу, потряхивая то одной, то другой лапой. – Ох, у меня все болит! Мне кажется, Каа, что мы с Багирой обязаны тебе жизнью.

– Это неважно! Где человечек?

– Здесь, в ловушке. Я не могу вылезти, – закричал Маугли.

– Возьмите его отсюда. Он прыгает, как павлин, и, пожалуй, передавит наших детенышей, – сказали кобры, бывшие внутри беседки.

– Ага, – посмеиваясь, заметил Каа, – у него друзья повсюду. Отойди немного, человеческий детеныш, а ты, ядовитое племя, спрячься. Я свалю стену.

Каа внимательно осмотрел резьбу и, найдя трещину, которая обозначала слабое место стены, раза три дотронулся до нее головой, чтобы рассчитать расстояние, а потом, поднявшись футов на шесть от земли, нанес носом с полдюжины сильных ударов. Резьба сломалась, упала, поднялось облако пыли, посыпались обломки. Маугли выскочил через отверстие и бросился между Балу и Багирой, обняв руками шеи обоих зверей.

– Ты не ранен? – спросил Балу, нежно обнимая его.

– Я голоден, мне больно, я очень разбился. Но вы-то, вы жестоко пострадали от них, мои братья, вы в крови!

– Они тоже в крови, – сказала Багира, облизываясь и поглядывая на мертвых обезьян.

– Это ничего, ничего, только бы ты был жив, о, моя гордость, лучшая из маленьких лягушечек, – сказал Балу.

– Об этом поговорим позже, – сухо заметила Багира, что не очень понравилось Маугли. – Но, Маугли, здесь Каа, который помог нам выиграть битву. Ты обязан ему жизнью. Поблагодари же его по нашему обычаю.

Маугли обернулся и увидел голову большого питона, которая качалась на фут выше его.

– Вот каков человеческий детеныш, – сказал Каа, – у него очень нежная кожа, и он похож на обезьяну! Берегись, маленький, чтобы я когда-нибудь в полусумраке не принял тебя за одного из Бандар-Логов.

– Мы одной крови – ты и я, – ответил Маугли. – Сегодня ты дал мне жизнь. О, Каа, если ты когда-нибудь будешь голоден, моя дичь к твоим услугам.

– Благодарю, маленький братец, – сказал Каа, хотя его глаза блестели жадностью. – А что может убивать такой храбрый охотник? Я спрашиваю, так как хочу идти с ним, когда он отправится на охоту.

– Я ничего не убиваю, я еще слишком мал, но я загоняю коз для зверей, которым они могут понадобиться. Когда ты будешь голоден, приползи ко мне, и ты увидишь, говорю ли я правду. Они довольно ловки, – он показал на свои руки, – и если ты когда-нибудь попадешь в западню, я уплачу мой долг тебе. Хорошей охоты тебе, Багире и Балу!

– Хорошо сказано, – проворчал Балу.

Питон на минуту положил голову на плечо Маугли.

– Храброе сердце и вежливый язык, – сказал он. – Ты пойдешь далеко, маленький человечек. Теперь же уходи отсюда поскорее вместе с твоими друзьями. Ложитесь спать, вам не надо видеть то, что здесь будет.

Луна заходила за горы. Обезьяны, собравшиеся на стенах и строениях, казались дрожащими лоскутами. Балу подошел к водоему, чтобы напиться, Багира начала чистить свою шкуру. Между тем Каа выполз на середину террасы и сжал челюсти так, что они стукнули одна о другую. Глаза всех обезьян обратились к нему.

– Луна заходит, – сказал он, – но достаточно светло, чтобы видеть.

Со стен послышался стон, похожий на шелест ветра в листьях.

– Мы видим, о, Каа!

– Хорошо. Теперь начинается танец, танец голода питона Каа. Сидите смирно и смотрите.

Он два или три раза обвел головой круг, потом начал делать своим длинным телом петли и восьмерки, мягкие треугольники, которые превращались в квадраты и в пятиугольные фигуры. Питон не останавливался, не торопился, не отдыхал и все время пел какую-то жужжащую песню. Становилось все темнее и темнее.

Наконец извилистое тело змеи исчезло, слышалось только шуршание ее чешуи.

Балу и Багира стояли, как каменные, они слегка ворчали, их щетина поднялась. Маугли же смотрел спокойно.

– Бандар-Логи, – послышался наконец голос Каа, – можете ли вы без моего приказа двинуться? Говорите.

– Мы не можем двинуться без твоего приказа, о, Каа!

– Хорошо. Сделайте ко мне один шаг.

Обезьяны медленно двинулись. Балу и Багира тоже выступили вперед.

– Ближе, – прошипел Каа. Обезьяны подвинулись опять.

Маугли положил руки на Балу и на Багиру, чтобы удержать их, и большие звери вздрогнули, точно внезапно проснулись.

– Держи руку на моем плече, – прошептала Багира. – Касайся меня, не то я вернусь... я вернусь к Каа.

– Да ведь Каа только кружится в пыли, – сказал Маугли, – уйдем.

Все трое пробежали через проломленную стену в джунгли.

– Ой, – сказал Балу, остановившись под большими деревьями. – Никогда в жизни я больше не буду биться вместе с Каа! – И он вздрогнул всем телом.

– Он знает больше нашего, – дрожа сказала Багира. – Если бы я осталась, я скоро сама пошла бы к нему в челюсти.

– Сегодня у него будет и без того хорошая охота, – заметил Балу.

– В чем же дело? – спросил Маугли, не знавший силы питона, который умел взглядом приманивать к себе добычу. – Я видел только большую змею, которая описывала в пыли какие-то глупые круги и фигуры. И у него совсем разбит нос! Ха-ха-ха-ха!

– Маугли, – сказала Багира, – его нос разбит из-за тебя, из-за тебя же изорваны мои уши, бока и лапы, а шея и плечи Балу искушены. Ни Балу, ни Багира не будут с удовольствием охотиться еще много-много дней.

– Правда, – сказал Балу, – но это ничего. Мы спасли человеческого детеныша.

– Он дорого обошелся нам, мы покрыты ранами. У меня выдергали почти половину шерсти на спине, наконец наша честь пострадала. Подумай, Маугли: мне, черной пантере, пришлось просить защиты у Каа. А потом я и Балу оба оглупели, как маленькие птички, глядя на танец Каа. И все это вышло из-за того, что ты, человеческий детеныш, побежал играть с племенем обезьян.

– Ты права, вполне права, – печально сказал Маугли, – я глупый человеческий детеныш, и меня мучит мой желудок.

– А что говорит закон джунглей, Балу?

Балу не хотел доставлять новых неприятностей Маугли, но не мог скрыть закона, а потому пробормотал:

– Печаль не избавляет от наказания. Только помни, Багира: он ведь очень маленький.

– Я не забуду этого, но он провинился, и его нужно побить. Маугли, что ты скажешь?

– Ничего, я поступил дурно. Балу и ты ранены, меня нужно побить.

Багира дала ему с полдюжины ласковых пинков, легких, с точки зрения пантеры. Ее удары вряд ли разбудили бы одного из ее собственных маленьких детей, но для семилетнего мальчика они были болезненны. После наказания Маугли чихнул и поднялся, не говоря ни слова.

– Теперь, – сказала Багира, – садись ко мне на спину, маленький братец, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей закона джунглей заключается в том, что после наказания прекращаются все счеты. Ни в ком не остается дурного чувства.

Маугли положил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что не проснулся даже тогда, когда она его опустила на землю в той пещере, в которой он жил с семьей волков.

Купец и обманщики

Турецкая сказка

Один турецкий купец привез в чужой город много бревен сандалового дерева, надеясь выгодно продать свой дорогой товар. Он не знал, что в этом городе жили отъявленные обманщики, которые больше всего на свете любили обманывать и обсчитывать чужестранцев. Хозяин гостиницы, у которого остановился купец, был пройдоха и плут. Увидев дорогое дерево, привезенное его постояльцем, он решил поскорее забрать себе этот товар почти даром. Плут принес в свой дом все сандаловое дерево, которое только мог купить у соседей или выпросить у них, положил бревна в большой очаг и зажег их. Вскоре весь дом наполнился ароматным запахом сандала. Купец, который только что уселся ужинать, тоже почувствовал благовонный дым. Он испугался, не загорелся ли его товар, но, увидев, в чем дело, успокоился.

– Почему ты жжешь такое драгоценное дерево? – спросил он плута.

– Нечего удивляться, – сказал хозяин гостиницы, – у нас столько сандала, что мы никогда ничем другим не топим наших очагов и каминов.

Купец пришел в отчаяние, узнав, что он приехал торговать в такое место, где его товар почти ничего не стоил. Наконец, чтобы выручить хоть маленькие деньги, он предложил хозяину гостиницы дешево уступить ему все семь тюков, за которые сам заплатил несколько тысяч цехинов. Плут сделал вид, что он горячо жалеет купца и наконец сказал, что только из доброты он в обмен за сандаловое дерево даст ему корзинку, полную дорогого материала.

– Какой же товар дашь ты мне? – спросил бедный купец, говоривший себе: «Не лучше ли принять всякое предложение, чтобы только получить возможность вернуться на родину?»

– Да какой захочешь, – ответил хозяин гостиницы, который за сандаловое дерево с радостью отдал бы корзину, полную золота. На следующий день пошли в суд, чтобы подписать договор. В этом городе люди были до того бесчестны, что никто не доверял честному слову другого.

В суде собралось много народа, и когда купец и хозяин гостиницы подписали договор, в судебном зале раздался громкий хохот. Теперь все наперебой кричали приезжему турку, что дерево, которое он согласился продать, было в городе необыкновенной редкостью и ценилось на вес золота.

Раздосадованный купец старался скрыть недовольство и улыбался, несмотря на обиду. Он решил на будущее быть как можно осторожнее с этими нечестными людьми. Вскоре ему представился случай доказать плутам, что он совсем не такой глупец и простака, каким они его считают.

Выйдя из суда, он увидел на площади двух людей, игравших в шахматы. Оба делали непозволительные ошибки. Купец тотчас же заметил их промахи. (Надо сказать, что плуты именно этого и хотели.) Когда партия окончилась, турок предложил одному из игроков сыграть с ним в шахматы. Хитрец согласился с тем условием, что выигравший имеет право заставить проигравшего исполнить какую угодно работу, а в случае невыполнения задачи – заплатить большой штраф.

Расставили шахматы. Сели. Купец надеялся выиграть значительную сумму денег. Но он был жестоко разочарован, заметив, что его противник играет хорошо. Через несколько ходов купец получил мат – проиграл. Зрители опять расхохотались, и турок пришел в ужас, когда его противник потребовал, чтобы он в один присест выпил море.

– Да как же... – начал было он.

– Нечего, нечего отговариваться, – с насмешкой ответил плут. – Ты должен сделать то, чего я от тебя требую. Если же не исполнишь сказанного, тебе придется заплатить штраф. Ты увидишь, как у нас наказывают за всякую нечестность.

Купец ничего не ответил. Он хотел уйти, но третий мошенник удержал его. Это был одноглазый малый. Он видел, как его товарищи удачно обманули приезжего, и решил тоже сыграть с ним недобрую шутку. Мошенник попросил всех присутствующих засвидетельствовать, что глаз купца был одинаковой формы и одинакового цвета с его единственным глазом, и стал уверять, что турок украл у него глаз. Напрасно старался бедный купец обратить дело в шутку. Все присутствующие стали на сторону лгуна, закричали, что купец должен возвратить украденный глаз, и отпустили несчастного, взяв с него торжественное обещание не уезжать из города раньше суда.

Бедный купец убежал к себе в комнату и постарался забыться сном, но воспоминания обо всем, что случилось в этот несчастный день, отгоняли от него сон. Лежа в постели, он вдруг услышал в соседней комнате голоса. Несколько слов, долетевших до него, объяснили турку, что речь идет о нем. Вскоре он нашел в стене щелочку, прижался к ней ухом и таким образом услышал все, что происходило рядом. Он стал еще внимательнее, узнав голоса хозяина гостиницы и двух других плутов. Они беседовали со стариком, который был самым главным мошенником в городе. Обманщики хвалились своими бесчестными подвигами, своей хитростью и ловкостью и смеялись над заезжим простаком. Прежде всего хозяин гостиницы рассказал, как удачно купил он сандаловое дерево.

– Ты прекрасно сделал, – сказал старик, – только глупо было обещать дать ему корзину, полную какого угодно товара. Что станешь ты делать, если он потребует, например, чтобы ты дал ему корзину, полную живых блох?

– Что за пустяки! Этого нечего бояться, – ответил хозяин гостиницы, – он, конечно, потребует золота или серебра. Тем или другим я наполню самую маленькую игрушечную детскую корзиночку, какую мне удастся отыскать в нашем городе, – и дело с концом.

– Ну-ну, увидим, увидим, – сказал старик, который хотел показать своим ученикам, что они еще должны учиться у него.

После этого второй мошенник, игрок в шахматы, рассказал, как он обыграл купца, велел ему выпить море и решил взять с него за неисполненное обещание большой штраф.

– А вдруг он потребует, чтобы ты раньше закупорил все реки, которые текут в море? Ведь на это он имеет полное право, – заметил старик...

– Он глуп и не подумает о такой вещи...

Выслушав рассказ третьего, главный мошенник города снова покачал головой и произнес:

– Если бы я был на месте заезжего купца, я потребовал бы, чтобы у тебя вырезали глаз, потом вырезали глаз у меня и оба взвесили на весах, чтобы увидеть, принадлежат ли они одному и тому же человеку. Идите прочь. Стыдно! Вы совсем не умны и не хитры, зерна моей науки не дали всходов.

Купец слышал все. Теперь, радуясь, что он нашел выход из затруднений, он заснул с легким сердцем, но, засыпая, еще раз мысленно повторил все советы старого плута.

На следующее утро в назначенное время все сошлись перед судьей. Раньше остальных выступил одноглазый и стал обвинять купца в том, что он украл у него глаз.

– А как ты мне это докажешь? – спросил судья, который был до того близорук, что видел не дальше кончика своего носа.

– Это можно легко решить, – воскликнул купец. – Вырежьте у этого человека глаз, вырежьте также один мой глаз и оба положите на весы, тогда станет ясно, принадлежат ли они одному владельцу.

Судья нашел, что купец дал хороший совет, и приказал тотчас же исполнить сказанное. Увидев, какой неожиданный оборот принимает дело, одноглазый плут проскользнул через толпу, чтобы не потерять и второго глаза, и убежал.

Перешли ко второму делу. Жалобщик потребовал, чтобы купец выпил море.

– Я готов сделать это, – сказал турок, – но прежде остановите все реки, которые впадают в него. Как только это будет сделано, я примусь за работу.

– Правильно, – решил мудрый судья, подумав с четверть часа над этими словами.

Второму мошеннику также пришлось уйти со стыдом и срамом. Тут выступил хозяин гостиницы. Он отыскал крошечную корзиночку, наполнил ее золотом и сказал, что принес купцу условленную плату.

– Ну на что мне золото? – воскликнул купец, – у меня на родине его так много, что мы мостим им улицы. Мы согласились, что ты дашь мне корзину того товара, который я потребую, и я хочу взять за сандаловое дерево корзину, полную живых блох, они редкость у нас!

– На этом и решим, – сказал судья и, устав от размышлений, крепко заснул.

Напрасно хозяин гостиницы спорил. Не удалось ему также и наловить целую корзину живых блох. Между тем купец не соглашался оставить ему сандаловое дерево ни за какую другую плату.

Тут мошенник ясно увидел, что он запутался в собственных сетях. Ему пришлось вернуть сандаловое дерево и, кроме того, заплатить штраф. Купец же снова нагрузил своих мулов сандалом и вернулся на родину, решив никогда больше не ходить в город мошенников.

Серый человечек

Исландская сказка

В прежнее время, лет триста-четыреста назад, в Исландии, в деревне Скальгольте, жил старый крестьянин, небогатый ни умом, ни деньгами.

Раз после одного неудачного предприятия он вел домой корову. Путь был трудный. Наступила весна, лед таял, ветер поднимал вихри снега. Бедняк скользил на каждом шагу. Корова мычала и останавливалась. Через час старик заблудился и испугался, что никогда не вернется домой. Он остановился, не зная, что делать с несчастным животным. Пока он стоял и раздумывал, к нему подошел человек с большим мешком и спросил его, зачем он стоит тут с коровой, а потом прибавил:

– Знаешь что, милейший, давай поменяемся. Я живу недалеко, уступи мне корову (ведь тебе не удастся довести ее домой), я же дам тебе мешок. Он не тяжел, и в нем хорошие вещи: там только мясо да кости.

Столковались. Встречный увел корову, а крестьянин взвалил мешок на плечи и согнулся под его тяжестью. Дома он рассказал жене, что выменял корову на мешок с сокровищами. Жена рассердилась, но муж попросил ее успокоиться и велел развести в очаге огонь.

– Посмотри, что я принес, – сказал он, – ты меня еще поблаговаришь. Он развязал мешок. В ту же минуту оттуда выскочил человечек весь в сером, какмышь.

– Здравствуйте, добрые люди, – произнес он с гордостью принца. – Я надеюсь, что вы не сварите меня, а, напротив, дадите мне поесть. Я устал и очень проголодался.

Крестьянин так и упал на табурет.

– Так я и знала, – сказала старуха. – Вместо коровы, которая нас кормила, ты привел в дом лишний рот. Лучше бы ты погиб под снегом.

Она еще долго говорила бы, если бы серый человечек не убедил ее, что словами делу не поможешь и что он отправится за провизией. Несмотря на темноту, ветер и снег, человечек ушел и вскоре вернулся с толстым бараном.

– Зарежьте его, – сказал он. – Зачем нам умирать с голоду!

Старик и старуха покосились на него. Они чувствовали, что их странный гость где-то украл барана. Тем не менее голодные люди с удовольствием поели.

С этих пор старик зажил припеваючи. Человечек приносил барана за бараном. Но в то время как бараны появлялись в доме старика, их делалось все меньше и меньше в королевском стаде, которое паслось в окрестностях. Встревоженный главный пастух доложил королю, что, хотя он хорошо сторожит стадо, из него исчезают лучшие бараны. Вскоре узнали, что в хижине старика поселился никому не знакомый пришлый человек. Король решил, что он-то и крадет баранов, и приказал привести его к себе. Серый человечек спокойно пошел во дворец, но крестьянин и крестьянка встревожились.

Когда человечка привели во дворец, король спросил его, слышал ли он, что из королевского стада украдено пять больших баранов.

– Да, Ваше Величество, – ответил серый человечек, – их взял я.

– А по какому праву? – спросил король.

– Ваше Величество, – ответил человечек, – я их взял потому, что приютившие меня старик и старуха голодали, тогда как у вас всего достаточно.

Король изумился и, взглядевшись в серого человечка, сказал:

– Как я вижу, ты лучше всего умеешь воровать.

Серый человечек скромно поклонился.

– Отлично, – сказал король. – Тебя стоит повесить, но я тебя прощу, если завтра к этому часу ты украдешь у моих пастухов черного быка, которого я приказал им особенно беречь.

– Ваше Величество, это невозможно. Как мне обмануть их?

– Я приказываю украсть быка, – закричал король.

И он отпустил вора.

Серый человечек вернулся в хижину. Старик и старуха ласково встретили его, он же попросил их дать ему веревку. Ему дали старый коровий недоуздок, и он спокойно лег спать.

Рано на рассвете серый человечек вышел, захватив веревку. Он отправился в лес, росший вдоль дороги, по которой всегда проходили королевские пастухи, и, выбрав громадный дуб, повесился на одной из его толстых ветвей. Понятно, он сделал незатяжную петлю.

Вскоре появились два пастуха, гнавшие черного быка.

– Ага, – сказал один из них. – Нашего мошенника повесили. Значит, не ты украдешь черного быка.

Как только пастухи скрылись, серый человечек спустился вниз и по короткой дороге прибежал к другому большому дубу, который рос у дороги. Он снова повесил веревку на сук дерева, а сам зацепился за нее. Подошли пастухи и страшно удивились.

– Что это? – закричал один из них. – Он висел там, а теперь висит здесь?

– Как ты глуп, – сказал другой, – это другой вор, вот и все.

– Повторяю, что это тот же самый, – настаивал первый пастух. – Он в том же платье.

– А я уверен, что это другой. Побьемся об заклад.

Первый согласился. Они привязали черного быка к дереву и побежали к первому дубу. В это время серый человечек соскочил на землю и отвел быка к крестьянину.

Старик и старуха обрадовались. Они поставили быка в хлев, решив вскоре продать его.

Когда вечером пастухи вернулись во дворец, король по их лицам понял, что серый человечек перехитрил их. За воров послали. Тот явился.

– Это ты украл моего быка? – спросил король.

– Ваше Величество, – ответил человечек, – я это сделал в угоду вам.

– Прекрасно, – сказал король, – вот десять золотых на выкуп моего быка. Но если ты через два дня не украдешь ночью простыни с моей постели, я тебя повешу.

– Ваше Величество, – сказал серый человечек. – Это невозможно. Вас так хорошо охраняют, что мне даже не удастся подойти к замку.

– Исполни мое приказание или ты погибнешь.

Вечером серый человечек, вернувшись в хижину крестьянина, взял длинную веревку и корзинку с мягким мхом, посадил в нее кошку с новорожденными котятками, потом в темноте проскользнул в замок и незаметно взобрался на его крышу.

В несколько минут ловкий человечек прошел на чердак, аккуратно выпилил в полу отверстие и через него спустился в спальню короля. Там он осторожно приподнял одеяло и положил на простыню кошку с котятками, закрыл одеяло и по веревке поднялся на балдахин. Там он сидел и ждал.

Часы на башне пробили одиннадцать. Король и королева вошли в спальню. Они помолились, и королева первая легла в постель. Вдруг она закричала и выскочила на середину комнаты.

– Что с тобой? – спросил король.

– Друг мой, – ответила королева. – Я почувствовала что-то горячее и покрытое шерстью.

– Все женщины – трусихи, – сказал король и презрительно засмеялся. Он лег, но тоже вскочил, как сумасшедший, за ним выскочила и кошка, которая вцепилась ему в ногу всеми четырьмя лапами.

На крики короля к дверям снаружи подошел часовой и постучался алебардой, как бы спрашивая, не нужна ли его помощь.

– Тише, – сказал король, который не хотел показать, что он испугался.

Он высек огонь из огня, зажег лампу и увидел, что кошка снова вскочила на простыню и лежала, нежно облизывая своих котят.

– Ну, уж это слишком, – сказал король. Он приподнял уголки нижней простыни, завернул в нее кошку с котятами, потом обернул сверток одеялом и верхней простыней и, сделав из всего огромный узел, выбросил его из окна.

– Теперь, – сказал он королеве, – пройдем в твою комнату и будем спать спокойно.

Король заснул. А в это время на крышу взобрался человек, привязал к трубе веревку и спустился по ней во двор. Он ощупью поискал что-то, нашел, взвалил себе на спину ношу, перелез через стену и пустился бежать по снегу. Если верить часовым, то мимо них пробежало привидение, и они слышали стон новорожденного!

Проснувшись утром, король стал раздумывать, у него появилось подозрение, что дело не обошлось без серого человечка. Он послал за ним.

Серый человечек пришел во дворец и принес на плече только что выглаженные простыни. Он преклонил колено перед королевой и почтительно сказал ей:

– Вам известно, Ваше Величество, что все совершено мною ради послушания королю. Будьте же милостивы и простите меня.

– Пожалуй, – сказала королева. – Но больше не делайте ничего подобного, иначе я умру от страха.

– А я не прощаю, – сказал король. – Слушай, если завтра вечером ты не украдешь королеву из дворца, ты завтра же и будешь повешен.

– Казните меня сейчас, Ваше Величество. Неужели вы хотите, чтобы я украл милостивую королеву? Легче схватить зубами луну.

– А это уже не мое дело, – сказал король.

Серый человечек ушел. Он закрывал лицо руками и рыдал.

Когда спустились сумерки, в замок пришел монах капуцин с четками в руках, с мешком на спине и с опущенным на лицо капюшоном. Он по своему обыкновению просил подаяния на монастырь. Королева дала ему денег, и он сказал ей:

– Королева, я сейчас награжу вас. Как вам известно, завтра в замке повесят несчастного и, конечно, невинного человека.

– Ах, – сказала королева, – я очень хотела бы его спасти!

– Это невозможно, – ответил монах, – но человек этот – колдун, и перед смертью он мог бы сделать вам прекрасный подарок. Я знаю, что у него есть три замечательные тайны. Одной из них он может поделиться с той, которая пожалела его.

– А какие это тайны? – спросила королева.

– Благодаря первой из них, – ответил капуцин, – жена заставляет мужа делать все, что ей угодно.

– Ну, это нетрудно, – заметила королева. – А вторая?

– Вторая тайна дает мудрость и доброту.

– Это прекрасно, – рассеянно заметила королева. – А третья?

– Третья, – произнес капуцин, – дает женщине, обладающей ею, несравненную красоту и дар нравиться до последнего дня жизни.

– Вот этот секрет я хочу знать, – сказала королева.

– Это просто, – продолжал монах. – Нужно только, чтобы колдун, пока он еще на свободе, взял ваши две руки и три раза подул вам на волосы.

– Пусть он придет сюда, – сказала королева, – позовите его.

– Нет, – возразил капуцин. – Король строго-настрого запретил впускать его в замок. Если он придет сюда, его тотчас же схватят.

– А мне король запретил выходить до завтрашнего вечера.

– Досадно, – сказал монах. – Придется вам отказаться от этого сокровища, а между тем как было бы приятно никогда не стариться, вечно оставаться молодой, красивой, любимой.

– Да, да, король поступил несправедливо, запретив мне выходить. Но даже если я захочу послушаться его, меня не выпустит стража.

– Какое варварство! Бедная королева! Не поддавайтесь же требованиям короля. Поступайте так, как вам хочется.

– А как же сделать это? – спросила королева.

– Сядьте в мешок, я вас вынесу из дворца. И через пятьдесят лет, увидя, что вы так же красивы и так же свежи, как сегодня, вы похвалите себя за то, что не послушались короля.

– Пожалуй, – сказала королева, – но это не ловушка?

– О нет, – ответил монах. – Кроме того, пока несчастный будет с вами, я не отойду от вас.

– И вы меня вернете обратно в замок?

– Клянусь!

Королева храбро влезла в мешок. Капуцин затянул завязки, взвалил мешок на спину и медленно пошел через двор. По дороге он встретил короля, делавшего обход.

– Как я вижу, вы набрали много добра, – сказал король.

– Ваше Величество, – ответил монах, – ваша милость неистощима, пожалуй, я злоупотребляю вашей добротой. Может быть, лучше оставить этот мешок вместе со всем, что в нем лежит?

– Нет-нет, – сказал король, – уносите все!

И монах ушел.

Позвонили к ужину. Король вошел в столовую, потирая руки, у него был хороший аппетит.

– Королева еще не пришла? – спросил он, – а впрочем, не удивительно, женщины всегда неточны.

Он хотел сесть за стол, но три солдата, скрестив алебарды, втолкнули в столовую серого человечка.

– Король, – сказал один из стражников. – Он осмелился войти во двор замка, несмотря на ваше запрещение! Мы тотчас же повесили бы его, но он уверяет, будто он гонец королевы.

– Королевы? – закричал король. – Где же она?

– Я ее украл, – холодно сказал серый человечек.

– Но как? – спросил король.

– Король, – ответил серый человечек, – капуцин, которому Ваше Величество изволили сказать: «Уноси все...»

– Был ты? – сказал король, – значит, для тебя нет ничего невозможного? На днях ты украдешь меня и вдобавок мое королевство!?

– Король, я пришел просить у вас большего.

– Ты меня пугаешь. Кто же ты? Волшебник?

– Нет, Ваше Величество. Я просто король Холара. У вас есть дочь. Дурная погода заставила меня и моего шталмейстера укрыться в доме священника в деревне Скальгольт. По дороге оттуда я встретил глупого крестьянина и случайно сыграл ту роль, которую вы знаете. Впрочем, все это я сделал в угоду Вашему Величеству.

– Отлично, – сказал король. – Я понимаю или, вернее, ничего не понимаю. Все равно. Мне приятнее, чтобы вы были моим зятем, чем моим соседом. Как только королева вернется...

– Ваше Величество, она, вероятно, уже здесь. Мой шталмейстер обещал проводить ее до дворца.

Вскоре вошла королева, немного смущенная своей оплошностью, однако она скоро утешилась, узнав, что такой ловкий человек сделается ее зятем.

– Ну а знаменитая тайна? – шепотом спросила она у серого человечка.

- Секрет остаться вечно красивой, – сказал серый король, – всегда быть любимой.
- А как быть всегда любимой? – спросила королева.
- Быть всегда доброй и простой.
- И он осмелился назвать себя колдуном! – закричала королева.

Пошли ужинать.

Тут оканчивается история короля Холара. Однако мы знаем, что он наследовал своему тестю и сделался великим королем и завоевателем.

Птицы графини Моралес

Испанская сказка

В мрачном замке жил богатый и знатный граф Альфонсо Моралес с дочерью и второй женой. Удивительно хороша была жена графа – графиня Инезилья, но взгляд ее почти всегда был гордым и суровым, и действительно, сердце у нее было недоброе. У графа от первого брака была дочка, семнадцатилетняя Мерседес. Как пышный цветок, расцветала красавица-девушка в замке старого Моралеса... Мачеха не любила ее, хотя она сама была хороша, как чудная звездная ночь. Инезилья завидовала молодости девушки, прекрасной, как весеннее свежее утро.

Наденет Мерседес красивое платье для бала – мачеха непременно скажет:

– Не пристало молодой девчонке украшать себя жемчугами, кружевами и серебряным шитьем! Надень то платье, которое я приготовила для себя.

И она приказывала принести девушке скромное платье из простой материи, но и в нем Мерседес казалась ослепительно прелестной.

Красавицу Мерседес все любили, а ее мачеху, донью Инезилью, ненавидели, потому что девушка всех жалела, со всеми была ласкова, а Инезилья не знала ни жалости, ни сострадания, никогда не бросила ни одного пезета бедняку, никогда никому не помогла и любила только себя, свою красоту и свои богатства.

В замке графа жил маленький сиротка – поваренок Леоне. Однажды, когда Мерседес еще было всего двенадцать лет, поваренок этот чем-то провинился.

– Выгнать его, пусть идет куда глаза глядят! – закричала молодая графиня.

Мерседес же побежала к отцу, опустила перед ним на колени и стала просить старика не наказывать бедного Леоне.

– Лучше, отец, не дари мне ничего в день моего рождения, лучше целый год не покупай для меня новых нарядов, игрушек. Только прости бедного Леоне.

Отец подумал-подумал, да и решил оставить Леоне в замке. Однако по настоянию графини Инезильи его понизили в должности, из поварят перевели в пастушата. Теперь Леоне помогал старшим пастухам пасти графские стада. Пастушонок как умел выказывал благодарность своей маленькой благодетельнице. Он приносил ей с полей редкие цветы, первые ирисы, которые расцветали у болота, первые нарциссы, белевшие на горных склонах.

Когда Мерседес минуло семнадцать лет, графиня Инезилья задумала окончательно отделаться от нее. Она сказала графу, что Мерседес необходимо выдать замуж, что она отыскала для нее отличного жениха и что жених этот через два дня приедет просить руки девушки.

Два дня готовили в замке пир, на третий день все было в порядке. Мерседес нарядили в белое праздничное платье. Но лицо ее было бледным... Не хотелось ей выходить замуж за человека, которого она никогда не видела, не знала, жаль было расставаться с добрым отцом, со старой няней, со слугами и с пастушонком Леоне. Но не смела она ослушаться мачехи.

И вот к подъемному мосту шумно подкатила карета. Опустился подъемный мост, и во дворе замка показалась целая процессия. Впереди ехали на вороных конях четыре пузатых карлика с черными лицами и в красных фесках с кисточками. Они горбились, некрасиво держались в седлах и все время корчили отвратительные гримасы. За ними на белых конях следовали два рыцаря – высокие, худые, с бледными неподвижными лицами и с длинными белыми руками. Наконец, вкатилась и карета, запряженная шестеркой цугом. Но что за лошади везли ее! Впереди маленькие, как ослы, потом побольше и наконец два громадных коня, величиной почти с верблюдов и все яркой рыжей масти, красной, как огонь. На козлах сидели слуги в жел-

тых одеждах, с темными лицами, на запятках стояли лакеи. Карета же была сделана из золота, а на ее крыше красовался громадный пук красных и желтых перьев. Когда она остановилась, слуги бросились открывать дверцу и высадили из экипажа своего господина. Он еле сошел с подножки, покачиваясь на тонких ногах. Это был небольшого роста человек в богатом, расшитом золотом платье, с огромным животом, круглой головой и с противным – злым и хитрым – лицом. С первого взгляда было ясно, что это колдун.

Его с почестями ввели в зал, усадили в мягкое кресло и представили ему его невесту. Очень не понравился он графу Моралесу, да старик не посмел спорить со своей красавицей женой. Зато когда Мерседес, обыкновенно такая кроткая и добрая, увидела гостя, она закричала:

– Мне страшно, страшно. Не хочу, не хочу...

Она разрыдалась и выбежала из зала.

Жених обиделся. Инезилья и граф старались успокоить рассерженного гостя, а Мерседес убежала в цветущий сад, опустила на скамейку и горько заплакала.

– Не плачьте, донья Мерседес, скажите лучше, что случилось? – спросил ее знакомый голос.

Она подняла глаза и увидела Леоне, который ласково смотрел на нее.

Мерседес печально улыбнулась.

– Чем бы мне утешить вас, графиня? Слушайте, какую славную историю я расскажу вам. На днях мне сильно досталось от главного пастуха. Бранил он меня долго и даже побил немного, вот я и пошел к ограде вашего сада, туда, где растут такие чудные красные розы, сел под кустом и горько заплакал. Вдруг я услышал шорох в ветвях и увидел хорька, который нес во рту птицу, да такую красивую, каких я никогда в жизни не видывал. Все ее перышки сверкали, а на голове был блестящий зеленый хохолок. Она жалобно пищала. Я схватил зверушку за хвост. Хорек обернулся, чтобы укусить меня, и выпустил птицу изо рта. Она вспорхнула на розовый куст. Хорек впился зубами мне в руку, я отбросил его, и он убежал. А птица не улетела, она уселась на ветке розана и запела нежно-нежно. И, знаете что, графиня, с тех пор она каждый день прилетает туда. Вот и теперь, наверное, сидит на розовом кусте и заливается. Пойдемте, я вам покажу ее.

Графиня пошла за пастушонком и, когда он привел ее к кусту, на котором алели яркие розы, увидела красивую птицу, певшую нежным голосом.

Леоне и Мерседес так заслушались пением, что не заметили, как к ним подошла домоправительница и сказала:

– Милостивая госпожа, сеньорина Мерседес, иди в дом. Графиня ищет тебя, карлики твоего жениха и слуги бегают по всему двору и саду. По приказанию доньи Инезильи они схватят тебя и насильно отведут в зал. Я же убежала из замка и стала искать тебя, чтобы посоветовать вернуться домой.

Мерседес покорно опустила голову и пошла в замок, а Леоне с упреком обернулся к красивой птице, заливавшейся нежной песней, и со злобой сказал:

– Птица ты, птица, бессердечное создание! Вот я спас тебя от верной смерти, вырвал из зубов кровожадного хорька, а когда при тебе увели мою благодетельницу на печаль, ты в благодарность не могла даже замолчать и заливаешься веселой песней! Вот уж видно, что в птичьем сердце нет ни доброты, ни благодарности.

В эту минуту птица перестала петь, склонила голову набок и пристально посмотрела на Леоне, слегка прищурив глаза и точно говоря: «Ну, это еще бабушка надвое сказала! Поживем – увидим».

Она спустилась пониже, еще раз заглянула в лицо пастушонку, пронзительно свистнула, взмахнула крыльями и улетела.

«Это неспроста, – подумал Леоне. – Птица что-то задумала, и мне кажется, она поможет графине Мерседес в трудную минуту. А если она поможет ей, то мне ничего в жизни больше не нужно».

Между тем граф и графиня дали слово приезжему, имя которого было Микрофастонелиссасуспексниск. Никто не мог выговорить такого длинного слова, а потому жениха просто звали дон Микро. Назначили свадьбу через неделю, и все эти семь дней бедная Мерседес горько плакала, а вместе с ней горевали ее няня, домоправительница, все слуги и служанки, которые не могли вынести ее отчаяния. Леоне тоже плакал. Он каждый день ходил к розовому кусту и, видя там блестящую птицу, принимался снова упрекать ее, говоря:

– Птица ты, птица, бессердечная, неблагодарная ты птица! Ничем ты не помогаешь бедной молоденькой графине Мерседес, а еще смотришь, точно обещаешь сделать что-то! Бессердечная, неблагодарная птица!

А птица каждый раз смотрела на него, потом замолчав, спускалась пониже, склоняла голову набок, прищуривала глаза, точно с насмешкой, и, пронзительно свистнув, улетаала.

Наконец наступил день свадьбы. Молоденькую графиню одели в подвенечный наряд, украсили цветами и драгоценными камнями. Дон Микро надел удивительно красивый камзол, весь покрытый золотом и сверкающий бриллиантами, рубинами и топазами. Свадебная процессия тронулась в путь. Нужно было перейти из замка в соседнюю церковь. Во главе шествия шли граф и графиня Моралес, за ними жених и невеста, за ними безобразные пажи жениха и его бледные воины, следом родные, родственники, друзья и приглашенные, потом подчиненные графа, служащие в замке, а позади всех бедный пастушонок Леоне, который, заливаясь слезами, все шептал про себя:

– Бессовестная птица, неблагодарная птица! Так ничего и не сделала для бедной графини, а еще смотрела на меня и шурила глаза, точно обещая помочь ей.

Процессия была уже близко от церкви, когда вдруг в синем небе показалось облачко. Оно все росло и росло с поразительной быстротой, вскоре стало ясно, что это не облако, а какая-то необыкновенно большая стая птиц. Идущие остановились, наблюдая странное зрелище. Летело огромное количество самых разнообразных птиц. Были тут и дикие лебеди с широкими сильными крыльями, и гуси, и журавли, кричавшие металлическими голосами, и дикие коричневые кряквы и длинноносые удопы, и царские орлы, золотистые шеи которых блеснули на солнце, и длинноногие ибисы, фламинго, аисты и цапли с хохолками, и мелкие пташки – черноголовые синички, зеленые чижики, желтенькие канарейки, щеглы с красными горлышками и много-много других, названий которых я сейчас не помню; впереди же всех виднелась довольно большая красивая птица с переливчатыми, точно металлическими, перьями и с зеленым хохолком на круглой голове. Низко пролетая над землей, она покосилась на Леоне и, открыв короткий черный клюв, свистнула пронзительно и, как показалось пастушонку, немного насмешливо. Птицы спустились совсем низко, и тут-то началась потеха! Громадные ибисы, фламинго, аисты и журавли ударами клювов и лап быстро свалили на землю маленьких карликов и воинов дона Микро, и, несмотря на то, что он кричал не своим голосом, никто из слуг, любивших молодую графиню Мерседес, не подумал помочь ему. Когда же уродливый толстяк хотел произнести какое-то страшное волшебное слово, птица с зеленым хохолком села ему на голову, сильно клюнула его в лоб, и он вдруг, ахнув, превратился в громадную жабу.

Графиня Инезилья в бешенстве закричала:

– Противная девчонка, это все твои штуки. Ты еще колдовать выдумала! погоди, за волшебство я прикажу тебя сжечь, если ты не согласишься обвенчаться с другим женихом – Нигромурнепрескофлосом. Вот увидишь его. По сравнению с ним дон Микро еще был красавец! Послезавтра...

Но она не договорила, и так и осталась с разинутым ртом.

Птицы переплелись крыльями, подняли с земли бледную, как смерть, Мерседес и через мгновение взлетели с ней и унеслись куда-то далеко-далеко.

Через леса, через горы летели птицы со своей ношей. Проносились они над долинами, над реками, над большими городами, над полянами, и вот внизу под ними зашумело синее море. Мерседес было немного страшно, но она мысленно говорила себе: пусть лучше птицы уронят меня в пучину морскую и я утону в синих волнах, чем обвенчают с таким чудовищем, как этот Микро или другой колдун Нигро.

Быстро двигались птичьи крылья, шумели волны, а во главе всей стаи летела дивная птица с зеленым хохолком.

Наконец внизу показался большой остров. Все ниже и ниже летели птицы, и вот их лапки коснулись земли. Они бережно опустили Мерседес на землю. Молодая девушка огляделась. Это был суровый, неприветливый остров, на нем не виднелось ни деревца, ни травки, повсюду были только угрюмые серые скалы.

– Ну что же, это не очень красивое место, но я надеюсь, что как-нибудь проживу здесь, – сказала Мерседес и прибавила, обращаясь к птицам, которые все до одной рядами уселись на отмели и смотрели на нее. – Благодарю вас, милые птицы, вы спасли меня от ужасного Микро и, наверное, если мне станет очень тяжело и скучно, кто-нибудь из вас будет навещать меня.

Все птицы, как одна, посмотрели на графиню и поклонились ей. А птица с зеленым хохолком вышла вперед и сказала человеческим голосом:

– Ты кротка, ты добра и вдобавок благодарна. Ради твоего друга, пастушонка, я спасла тебя. Ради тебя самой я дам тебе возможность жить хорошо и счастливо! Я королева-птица, и в моем хохолке волшебная сила. Смотри.

Птица распустила крылья, странно закружилась на одном месте и крикнула пронзительным голосом. В то же мгновение свершилось невиданное чудо: посреди острова вырос дворец с мраморными резными колоннами, а вокруг него раскинулся дивный зеленый сад с журчащими фонтанами, с цветущими розовыми кустами, с гранатовыми деревьями, покрытыми алыми цветами, с олеандрами, пальмами и т. д.

– Этот дворец я дарю тебе, – сказала птица. – У тебя будут слуги и служанки, все необходимое. Теперь я дам тебе еще три перышка из моего хохолка, вырви их, не бойся, мне не будет больно. Самое большое из них храни всегда. Когда к этому острову будут подплывать чужие и враждебные тебе люди, махни им, и тогда дворец, сад и деревья, вся эта прелесть и роскошь скроются на время, чужеземцы увидят только серые, скучные скалы. Второе перышко, покороче, брось в воздух, когда у тебя появится какое-нибудь большое желание. Я и мои птицы исполним его. Третье, самое маленькое, брось, когда ты пожелаешь еще чего-нибудь...

Птица улетела, графиня счастливо зажила в своем дворце, но она часто вспоминала о добром пастушонке Леоне, который выручил ее из беды, и однажды подбросила маленькое перышко в воздух и пожелала, чтобы птицы перенесли его на остров. Действительно, прилетели птицы – миллионы птиц. Выслушали приказание графини, кивнули ей головами и улетели.

Вскоре они принесли к ней пастушонка. Через несколько месяцев Мерседес обвенчалась с ним, и молодые супруги весело зажили во дворце.

Но Мерседес часто вспоминала об отце, и ей очень хотелось видеть его. Она бросила в воздух самое коротенькое перышко и, когда явились птицы, попросила их принести к ней отца и старую няню. Птицы исполнили и это желание Мерседес. Нет слов описать радость свидания, только няня все приговаривала:

– Святая мадонна, уж как я боялась, когда эти птицы тащили меня через море... А теперь я рада видеть тебя, ох, как рада.

Мерседес рассказала отцу, как ее преследовала графиня Инезилья, и он не захотел возвращаться в свой замок. Так и живут они все вместе на чудном острове.

Дон Миакка

Испанская сказка

Жил на свете бедный крестьянин. У него была прелестная маленькая дочка, которую звали Каридад (что по-испански значит милосердие). Это имя как нельзя больше шло к ней, потому что она старалась делать добро людям и всем живым существам. Как-то раз увидела она в винограднике громадного отвратительного паука, тащившего в своих цепких лапах хорошенькую золотистую муху. Бедная мушка отчаянно билась и жужжала, но паук не выпускал ее и уже готовился вонзить в нее свои ядовитые челюсти.

Маленькая Каридад всегда до смерти боялась и не любила пауков, но ей стало так жаль красивую муху, что она схватила ее врага и ловко высвободила из его цепких лап золотисто-зеленое насекомое. Как весело поднялась мушка в воздух! Как бойко стала виться вокруг головки девочки, и Каридад даже казалось, что она говорит ей:

– Спасибо, спасибо, Каридад. Когда-нибудь я отплачу тебе.

Однажды отец Каридад собрался ехать в город. Была осень, и он хотел отвезти своему знакомому фруктовику красивые спелые гроздья винограда, которые только что собрал. Он нагрузил ими две высокие плетеные корзины, на ремне перекинул их через спину своего стройного мула Сида и сказал дочери:

– Каридад, хочешь проехаться со мной в Севилью? Пока я буду разговаривать с фруктовщиком, ты погуляешь в городском саду. Потом мы пройдем к славному собору, и ты помолишься святой мадонне.

Каридад несказанно обрадовалась. Вскоре она уже сидела на спине мула между двумя корзинами с виноградом и обмахивалась крошечным бумажным веером.

Весело позвякивали бубенчики на ошейнике мула, беспечно посвистывал Пабло, отец Каридад, весело прыгала подле него его большая курчавая собака Коде.

Так пришли в Севилью. Пабло отвел мула в один из узких тенистых переулков, туда, где была лавочка фруктовику, старого Хозе, и сказал Каридад:

– Поди, доченька, в городской сад. Побегай по его тенистым аллеям, полюбуйся фонтаном. Там я тебя найду. Только не выходи за ограду, на улице в толпе легко затеряться. Возьми с собой Коде, он посторожит тебя.

Девочка пошла в сад. Коде побежал за ней. Она обошла все аллеи, любовалась цветами, послушала журчание великолепного фонтана и присела на скамеечку. Она устала от непривычно долгого путешествия. Ее разнежил зной, и она невольно начала дремать, задремал и Коде, как верный сторож свернувшийся клубком у ее ног.

Долго ли она спала или всего одну минуту, Каридад не могла бы сказать. Проснулась же она оттого, что за оградой слышались звуки шарманки и крик:

– Пауки, пауки, кто хочет посмотреть на ученых пауков!? Невиданное зрелище! Удивительное! И стоит всего одну пезету. Пауки, пауки!

Девочка увидела, что все бегут к ограде, и, забыв о строгом приказании отца не выходить из сада, пошла вслед за толпой, даже не заметив, что ее верный друг и сторож Коде спит как-то необыкновенно крепко и не слышит, что его маленькая хозяйка уходит. Все так же не помня о запрещении отца, она вышла из сада и увидела возле калитки маленького старичка с круглой головой и с круглыми глазами. Он держал в руках шарманку, а по ней бегали черные большие пауки и выделяли под музыку всякие фокусы. Они то встречались, то расходились, поднимались на задние лапы, обнимали друг друга передними и принимались кружиться парами, как бы танцующей какой-то странный вальс. Старик вертел ручку, смотрел на окруживших его детей,

улыбался, и при этом его круглые глаза были такие же злые, как у танцевавших пауков. Все его движения тоже напоминали паука – цепкие, проворные руки шевелились, как паучьи лапы, а во всей его маленькой толстой круглой фигуре было что-то страшное.

Вдруг музыка шарманки оборвалась. Старик спрятал пауков в коробочку, положил ее за пазуху, пристально взглянул в глаза Каридад и, слегка насвистывая музыку танца оле, медленно двинулся вдоль ограды.

И Каридад пошла за ним так же медленно, напевая ту же мелодию, не отставая от него ни на шаг. Она ни о чем не думала, ни о чем не помнила и чувствовала только, что ей нужно, непременно нужно, шаг за шагом идти за странным, страшным стариком, подражать всем его движениям и напевать ту песенку, которую он насвистывал.

Так, не торопясь, переходили они с одной улицы на другую, из переулка в переулок. Впереди двигался толстый старик со злыми паучьими глазами и с шарманкой в руках, а за ним шла маленькая побледневшая девочка, которая чувствовала себя, как во сне. Вот они пришли в узенький переулок, который поднимался к цитадели старого города; даже в это время дня он был полутемный, так как крыши старинных угрюмых высоких домов, стоявших по обе его стороны, почти касались одна другой. Прохожих не было. Вдруг старичок обернулся к Каридад, протянул к ней свои тонкие руки с цепкими шевелящимися пальцами и, когда она невольно сделала к нему еще шаг, внезапно схватил ее в охапку и побежал скоро-скоро, как бегают лошади.

Каридад хотела закричать – и не могла, хотела вырваться из ужасных рук, но у нее не хватило сил.

Старик свернул во второй переулок, потом в третий, отворил дверь небольшого серого каменного дома, быстро поднялся по узкой темной лестнице и вошел в комнату. Она была убрана, как обыкновенные гостиные, и в ней стояла такая же мебель, как у всех людей. Тут Каридад немного пришла в себя и спросила:

– Зачем ты принес меня сюда? Что ты хочешь делать? Где я и как тебя зовут?

– Мое имя дон Миакка, я принес тебя сюда, чтобы позавтракать. Мне очень хочется есть, и я нахожу, что ты точь-в-точь похожа на ту зеленую муху, которой я хотел закусить сегодня, когда был в твоём саду в виде паука.

С этими словами Миакка вдруг начал расти, расти, и вскоре перед Каридад стоял великан с громадной круглой головой, с чудовищно огромным ртом и с большими злыми круглыми глазами. Несмотря на свой рост, он в эту минуту еще больше походил на паука. К ужасу бедной Каридад из всех углов, из всех щелей комнаты выползли большие серые пауки, которых она никогда не любила, и принялись по двое кружиться по полу, точно радостно танцуя на каком-то празднике.

– погоди, Каридад, дожись меня, – сказал Миакка и вышел из комнаты.

Не помня себя от страха, девочка подошла к двери, надеясь убежать, но увидела, что она крепко-накрепко заперта, бросилась к раскрытому окну, но увидела на нем тяжелые железные решетки.

Тогда Каридад спряталась под низенький диванчик и забилась в угол, думая, что там Миакка не так скоро найдет ее. Послышались тяжелые шаги: в комнату вошел великан с блестящим топором в руках. Он сел на диван, провел пальцем по краю острия и сказал:

– Эх, затупился.

Он снова вышел из комнаты. Через несколько минут Миакка вернулся с точилом, сел на диван и стал точить топор. Дзинь-дзинь, лязгало точило.

«Что бы мне сделать, чтобы спастись хоть ненадолго?» – подумала Каридад и вдруг неожиданно изо всей силы толкнула ногой толстую ногу великана. От неожиданности Миакка вздрогнул и уронил точило, а Каридад схватила его и втащила под диван. Великан, не выпуская из рук топора, стал уже наклоняться, чтобы посмотреть, где прячется Каридад, и вытащить ее

из-под дивана, как вдруг сквозь решетку открытого окна влетела маленькая зеленая мушка и закружилась около его головы.

Муха ужалила его прямо в глаз. Миакка громко вскрикнул и схватился за глаз, но там уже образовалась такая большая опухоль, что веко совсем закрылось.

– Жж-ж-ж-ж-ж, – пронеслось в воздухе.

– Ай, ай, ай, – закричал Миакка и схватился за другой глаз.

Теперь он ничего не видел, и Каридад, пользуясь этим, выползла из-под дивана и побежала к открытому, но зарешеченному окошку. Она приникла к нему, чтобы посмотреть, нет ли кого на улице, и позвать на помощь. В эту минуту к двери дома Миакки подбежала большая курчавая собака, и Каридад узнала в ней Коде. Собака увидела ее и, подняв голову, стала громко лаять. Вскоре в узком переулке показались отец Каридад Пабло и еще несколько людей, вооруженных топорами, ломами, пистолетами, кинжалами.

– Скорей, скорей, – закричала им Каридад, так как слышала, что великан ощупью подбирается к ней.

Он был уже совсем близко, вот-вот схватит ее. Но раздались звуки топора и ломов, и окованная железом дверь с грохотом упала на пол. Девочка радостно закричала и бросилась на шею к входившему отцу.

– Чего же ты боялась, моя крошка? – с удивлением спросил Пабло, – и кто привел тебя в этот дом, в эту комнату?

– Он, он, великан Миакка... Старик с пауками, – сказала Каридад и повернулась, чтобы показать отцу своего врага. Но в комнате не было никого, только большой серый паук с черной спиной быстро бежал с середины комнаты в угол.

Оказалось, что Коде, вероятно, от колдовства Миакки заснувший так крепко, что даже не слышал ухода своей госпожи, проснулся, когда чародей уводил ее, бросился за ними, выследил их до самого дома Миакки, потом побежал к лавке фруктовщика, схватил Пабло за платье, и тот, чувствуя что-то недоброе, пошел за верным псом, позвав с собой слуг старого Хозе.

В этот день он, конечно, покинул Севилью и вскоре вернулся домой. А маленькая Каридад никогда больше не решалась послушаться отца. С этих пор все шло для них счастливо и весело.

Миакка же как в воду канул. Рассердила ли его неудача с Каридад, испугался ли он того, что люди узнают, где он живет, или нашел для себя приятнее переселиться куда-нибудь за море, никто не может сказать. Одно верно: с тех пор в Севилье никто не встречал его и не слышал о нем.

Мак

Индийская сказка

Среди большого леса струились тихие воды священной реки индийцев – Ганга. Широкие листья бананов склонялись над прозрачной глубиной. На поверхности реки покачивались цветущие лотосы. На берегу Ганга в полном уединении жил старик-отшельник, который целыми днями молился и размышлял. Чтобы спастись от непогоды, холодных рос и ветров, он выстроил себе небольшую хижину из стройных бамбуков. Люди редко навещали его, зато к нему постоянно прибегала маленькая серая, совсем ручная мышь. Он бросал зверьку крошки риса, плодов и орехов, которыми питался, и так привык к нему, что даже стал понимать мышинный писк.

Однажды вечером, когда он лежал на своей постели из банановых листьев, к нему подбежала мышь, кивнула своей маленькой головкой, встала на задние лапки, передние протянула и жалобно пропищала:

– Ты не обижаешь меня, бедного зверька, ты кормишь и ласкаешь жалкую мышь, исполни же ее просьбу.

– Говори смелее. Если я смогу исполнить твоё желание, я сделаю это, – сказал отшельник.

– Видишь ли, святой господин, – продолжала мышь, – когда тебя нет в хижине, сюда часто прокрадывается большой кот и грозит мне. Я боюсь, что в конце концов ему удастся схватить и съесть меня. Мне кажется, ты все можешь сделать, сделай же меня кошкой, тогда я не буду бояться этих врагов моей породы.

Отшельник согласился исполнить просьбу маленького зверька. Он помолился тому боже-ству, которому служил, сходил к Гангу, зачерпнул воды из священной реки и окропил ею мышь, говоря:

– Великий Бог, преврати ее в кошку.

Через мгновение вместо серой мышки перед ним сидела большая пушистая кошка дымчатого цвета с зелеными блестящими глазами. Весело взглянув на старика, кошка изогнула спину дугой и выскочила из хижины.

Прошло несколько дней. Отшельник продолжал молиться, и все было по-прежнему, только вместо маленькой мыши в уголке его хижины копошилась большая серая кошка.

Как-то он спросил ее:

– Нравится ли тебе быть кошкой?

– Ах, нет, – ответила она.

– Неужели? Тебя все еще обижают другие кошки? Или ты забываешь о своей силе и продолжаешь бояться их, как боялась, когда была бессильной мышкой?

– Нет-нет. Что такое кошки! Без тебя здесь бывает громадная собака, она рычит, скалит зубы и лает так, что я от ужаса дрожу. Не можешь ли ты сделать меня собакой? Не откажи помочь мне.

– Пожалуй, – сказал отшельник, – будь собакой!

Он опять бросил на нее несколько капель священной воды, помолился, и вскоре перед ним очутилась большая собака, радостно махавшая хвостом.

Время шло, собака иногда заходила в хижину отшельника, иногда убегала в лес на несколько дней и охотилась там за дикими кроликами. Казалось, ей было очень хорошо жить. Тем не менее она однажды пришла к отшельнику и сказала ему:

– Собакой быть не очень весело, так как мне мало той пищи, которую я получаю от тебя, и той, которую дает мне охота. Вот обезьяны счастливы. Они живут в ветвях, целый день прыгают

по деревьям, срывают чудные сочные плоды, едят их вдоволь и, кажется, никогда не скучают. Сделай меня обезьяной, господин мой.

Отшельник согласился и исполнил желание собаки.

Но вскоре у обезьяны появилась новая мечта: ей показалось, что жизнь кабанов приятнее жизни обезьян, и она попросила превратить ее в кабана.

Однако бывшая мышь пробыла кабаном всего несколько дней. Однажды в лесу появились охотники на громадном слоне, и кабану пришлось что было сил спасаться от них. Он прибежал к отшельнику и стал просить старика превратить его в слона.

Отшельнику не очень понравилась затея кабана, однако он исполнил его желание, и вскоре новый слон исчез в чаще леса. Недолго он пробыл на воле. В заросли пришли охотники, ловившие слонов для раджи. Они быстро поймали его и отвели во дворец.

Слона обучили ходить под седлом, и раджа стал кататься на нем вместе со своей женой. Во время этих прогулок слон слышал, как раджа забавлял свою красавицу жену, рассказывал ей всевозможные интересные истории, исполнял все ее прихоти и желания.

– Чего хочет мой благоуханный лотос, моя пестрая райская птичка? – спрашивал ее раджа.

– Мне хочется иметь то драгоценное ожерелье, которое я видела в лавочке Джеми, – отвечала красавица.

И раджа приказывал погонщику направить слона к городскому рынку, где под навесом сидел старый Джеми и продавал жемчужные украшения, сверкающие бриллианты и рубины, красные, как кровь.

На другой день красавица придумывала что-нибудь новое, и раджа беспрекословно исполнял ее желание.

Все это слышал слон, и ему до смерти захотелось сделаться женой раджи. Однажды, когда его и других слонов вывели пастись близ ручья, он вдруг, точно обезумев, стал размахивать страшным хоботом и так быстро помчался, что погонщики не могли ни остановить его, ни догнать.

Через лесные чащи, ломая на своем пути кусты и опрокидывая молодые деревца, мчался слон к хижине отшельника. Завидев мудрого старика, он опустился перед ним на колени и закричал:

– Добрый, добрый отшельник, великодушный старец! Нет никого счастливее жены раджи. Сделай меня женой раджи!

– Но это невозможно, – сказал старик, – я могу только превратить тебя в молодую красивую девушку.

– Хорошо, хорошо, сделай меня хоть красавицей, – простонал слон.

Повторив все то, что он делал раньше, старик превратил слона в красивую молодую девушку и, положив руки на ее очаровательную головку, прибавил:

– Бывшая мышка, ты стала человеком и теперь должна жить как разумный, хороший человек. Знай же, что я смогу помогать тебе, пока ты останешься правдивой и доброй. Великий Бог, которому я служу, запретил мне иметь дело с существами низкими и злыми.

– Благодарю тебя, отец мой, – сказала девушка и низко поклонилась ему.

Через несколько минут в лесу послышались шум, топот лошадиных копыт и звуки охотничьей трубы, а еще через короткое время из чащи показался высокий красивый молодой человек в блестящем платье, с белым тюрбаном на голове, украшенным пряжкой из драгоценных камней и тонкими перьями хохолка цапли.

– Это раджа, – прошептала молодая девушка. – Ведь я хорошо знала его и его жену, когда была слоном.

Раджа заблудился и, подъехав к старику, попросил его помочь ему выбраться из леса. Молодая красавица предложила проводить раджу до опушки. По дороге он сказал, что охотно женился бы на ней, если бы она была знатного происхождения.

– Это не должно смущать тебя, – ответила красавица. – Я царского рода, и мое имя царевна Мак. Народ, которым правил мой отец, взбунтовался, мои родители бежали, но были убиты, из всей нашей семьи в живых осталась только я одна. Благочестивый отшельник принял меня к себе, приютил и воспитал как дочь.

Раджа поверил всему, что говорила ему ложная царевна Мак. Он изгнал из княжества свою прежнюю красавицу жену и женился на бывшей мышке.

Мак была счастлива, ее смущала только одна мысль. «Вдруг, – думалось ей, – старый отшельник расскажет моему мужу, что я была прежде мышью».

Это так беспокоило новую жену раджи, что она перестала быть веселой, никогда не смеялась, не пела, не танцевала. Раджа постоянно спрашивал Мак о причине ее печали, но молодая женщина молчала и только утирала слезы.

Однажды, когда они при свете серебряной луны прогуливались по плоской крыше великолепного дворца, молодой человек опять спросил красавицу Мак:

– Скажи мне наконец, что же тебя печалит? Всякое твое желание я исполню, моя дорогая жемчужина, мой ясный рубин.

– Я не могу быть счастлива, пока жив на свете человек, который готов сделать мне жестокое зло.

– Кто же ненавидит мой царский алмаз, мой блестящий солнечный луч? – спросил раджа, и в его черных глазах промелькнуло выражение злобы.

– Тот отшельник, у которого я жила, – ответила красавица. – Не сердись на меня за то, что я не сказала тебе тогда всей правды. Он ненавидел отца моего и мать, он ненавидит меня и хочет моей смерти. Прикажи его казнить. Я не могу быть счастлива, пока он будет жив.

Раджа очень удивился и уже хотел сказать, что он исполнит даже это желание любимой жены, но вдруг вскрикнул: красавица исчезла, и перед ним была крошечная серая мышь.

Он раздавил ее ногой и сбросил с крыши в сад. В ту же минуту он услышал чей-то голос, который позвал его:

– Раджа, раджа.

Раджа обернулся. Позади него, весь облитый серебряным лунным светом, стоял отшельник, и его старое лицо было величаво, как у пророка.

– Не горюй об этой обманщице, – сказал старик. – Под ее прекрасной наружностью крылось злое сердце и лживый ум. Великий Бог наказал ее, снова придав ей ее первоначальный образ. Закопай мышь там, куда она упала. Над нею вырастет растение с огненно-красным ярким цветком. Когда его лепестки опадут, образуется плод, полный семян. Из этого плода люди станут готовить странный и чудесный напиток – опий. Для многих он послужит лекарством, но тот, кто будет курить его слишком часто или пить, подвергнется жестокому наказанию. В него вселятся все те качества, которыми отличалась твоя жена, раджа, бывшая мышью, кошкой, собакой, обезьяной, кабаном и наконец слоном. Он будет коварен и неверен, как кошка, ворчлив, как собака, способен кривляться, как обезьяна, любить грязь, как кабан, воображая, что он могуч и силен, как слон. Наконец он вдруг очнется бессильным, жалким и трусливым, как та мышь, которую ты убил.

Сватовство

Шведская народная сказка

Я расскажу вам о трех братьях, которые совсем не походили друг на друга.

Старший брат, Ионас, был любимцем отца, потому что он отличался рассудительностью и осторожностью. Он никогда не делал таких необдуманных поступков, как младший из братьев – Ян. Яна особенно любила мать за его решительность. Средний Янне не был любимцем ни отца, ни матери.

Как-то раз в деревне вывесили королевский указ, объявлявший, что принцесса, которая наследовала королевство после смерти своего отца, желает, чтобы кто-нибудь помог ей управлять ее землей, а потому решила выйти замуж. Всякий мог явиться женихом – и принц, и крестьянин, нужно только быть благоразумным, рассудительным, решительным и уметь владеть собой.

Ионас, Янне и Ян задумали идти попытать счастья.

Отец дал Ионасу кошелек с деньгами, мать подарила Яну мешок с хлебом, мясом, сыром и пирогами, Янне же не получил ни денег, ни съестного. Отец сказал, что средний сын недостаточно осторожен, чтобы ему можно было дать в руки деньги, а мать заметила: «Янне не стоит давать провизии, он сам скоро поймет, что ему незачем идти дальше, и вернется домой». От их хижины лежала только одна дорога. Всем троим предстояло отправиться по ней. Отец и мать решили, что первым на рассвете уйдет Ионас, что Ян возьмет путевой посох, когда солнце поднимется высоко, а Янне выйдет из дома на закате.

На следующий день после первого пения петуха Ионас простился со всей семьей и отправился в путь. Пройдя немного, он остановился, чтобы обдумать, как поступить дальше.

– Никогда не знаешь, что случится в дороге, – сказал он себе, – если я встречу вора, он отнимет у меня деньги, лучше спрятать их здесь, у подножия горы.

Он зарыл деньги в землю, а чтобы пометить место, воткнул там большую ветку сосны, и двинулся дальше. Пройдя еще немного, он встретил карлика, который нес в руках великолепный свадебный шелковый костюм, вышитый серебром.

– Шелковое платье лучше суконной куртки, – сказал карлик.

– Сколько ты хочешь за него? – спросил Ионас.

– Десять серебряных монет, кроме того, я буду повсюду служить тебе без жалованья.

– Хорошее предложение, о нем стоит подумать, – сказал Ионас. Но он не знал, что лучше: купить великолепный костюм или обойтись без него.

Ионас девять раз уходил и девять раз возвращался. На десятый, нерешительно обернувшись, он увидел, что и карлик, и платье исчезли.

– Как глупо, что я не пошел за деньгами, пока он еще стоял тут, – проворчал Ионас и пошел дальше.

Через некоторое время он увидел карлика с блестящей стальной шпагой, ручка которой была сделана из чистого серебра.

– Шпага лучше дорожной палки, – сказал карлик.

– Сколько ты хочешь за нее? – спросил Ионас.

– Десять серебряных монет, кроме того, я буду без жалованья служить тебе.

– Это хорошее предложение, стоит подумать о нем, – сказал Ионас и принялся раздумывать: идти дальше или вернуться и вырыть деньги.

Девять раз он пускался в путь, девять раз возвращался, уходя в десятый раз, он нерешительно оглянулся и увидел, что и карлик, и шпага исчезли.

– Ну, он недолго думает, – с досадой сказал Ионас и пошел дальше.

Еще через какое-то время он снова встретил карлика, который держал на поводу великолепного вороного коня.

– Лучше ехать на коне, чем идти пешком, – сказал карлик.

– А сколько ты хочешь за твою лошадь? – спросил Ионас.

– Десять серебряных монет, вдобавок я буду даром служить тебе.

– Стоит подумать, – ответил Ионас.

Он не знал, идти дальше или вернуться за кошельком, чтобы купить лошадь.

Девять раз он уходил, девять раз возвращался. Ионас не знал, на что решиться, и уже стал подумывать, что лучше всего вернуться домой и посоветоваться с отцом, но лошадь и карлик внезапно исчезли. Ионас пошел дальше, думая с досадой, что все у него ускользает из рук.

Шел он целый день и целую ночь, наконец на следующее утро увидел стены замка и в них ворота, перед которыми расхаживали стражники в блестящих латах и в шлемах с развевающимися перьями.

Усталый, запыленный, Ионас остановился перед дверью и мысленно спросил себя: «Что я скажу принцессе, когда меня введут к ней? Об этом стоит подумать!» Он сел на землю, задумался и уснул.

Когда солнце поднялось совсем высоко, из дома вышел Ян. Было очень жарко, поэтому, пройдя часть дороги, он нашел, что мешок с едой слишком тяжел.

– Не повесить ли мне его здесь? Пусть висит, пока не спадет жара, – сказал Ян и перекинул его через сосновую ветку, воткнутую у подножия горы. Сделав это, он пошел дальше. Вскоре Ян встретил карлика, который показал ему бархатный свадебный костюм, вышитый золотом.

– Бархат лучше сукна, – сказал карлик.

– Вот это правда, – воскликнул Ян и схватил костюм.

– Ну, ты не стесняешься, – заметил карлик.

– О да. погоди минуту, я сниму мое прежнее тряпье.

– Сохрани его, может быть, оно тебе понадобится.

Ян надел бархатный костюм, а старое платье бросил в реку, бежавшую вдоль дороги.

Вскоре он встретил другого карлика с блестящей стальной шпагой, кончавшейся золотой рукояткой.

– Шпага лучше дорожной палки, – сказал карлик.

– Верно, – сказал Ян и выхватил шпагу из рук карлика.

– Ну, ты поступаешь смело, – сказал карлик.

– Еще бы! – ответил Ян. – Вот тебе взамен шпаги, – и он бросил ему свою узловатую палку. Маленький человечек в то же мгновение исчез.

Прошел Ян еще немного и встретил третьего карлика, державшего на поводу великолепную лошадь, гнедую в яблоках.

– Лучше скакать на коне, чем идти пешком, – сказал карлик.

– Верно, верно, – ответил Ян и быстро вскочил на коня.

– Ну, ты совсем не стесняешься, – заметил карлик.

– Да-да. Покажи мне теперь самую короткую дорогу к замку.

– Этот конь, Граль, знает ее, – ответил карлик и в ту же минуту исчез.

Конь поскакал с быстротой ветра. Ян не мог сдержать его. Граль скоро свернул с дороги и понес всадника в густой лес, ветви били Яна по лицу и через несколько минут так изорвали его великолепный свадебный костюм, что он превратился в лохмотья.

«Если я не убью коня, он убьет меня», – подумал Ян.

Он обнажил шпагу и погрузил ее в шею животного, конь упал как раз на опушке леса, так близко от замка, что Ян мог видеть дверь и караульных, серебряные латы которых блестели при свете луны.

Ян упал в грязь и какое-то время не двигался. Придя в себя, он поднялся, чтобы отыскать шпагу, но с удивлением обнаружил, что и шпага, и конь пропали без следа.

В ту же минуту Ян почувствовал, что ему до смерти хочется есть и пить. Он подумал обо всех тех вкусных вещах, которые дала ему мать, но вспомнил, что мешок остался на сосновой ветке недалеко от родного дома.

«Меня напоят и накормят», – подумал Ян, подошел к замку принцессы и постучался в ворота.

– Кто ты? – спросил его один из часовых.

– Я рыцарь, хотя моя одежда разорвана, – ответил Ян.

– Нет, ты бродяга, ты разбойник. Тебя нужно посадить в башню, – ответил стражник, опуская алебарду.

– Ты заплатишь мне за эти слова, – закричал Ян и, выхватив из рук стражника алебарду, бросился на него. Другие солдаты поймали Яна, связали ему руки и ноги и бросили его в подземелье.

Когда солнце село, из дома вышел Янне. Пройдя немного, он заметил, что у него нет путевой палки. Оглядевшись, он увидел ветку сосны, воткнутую в землю.

– Она мне пригодится, – с удовольствием сказал Янне и еще больше обрадовался, увидев, что на этой ветке висит мешок с разными вкусными вещами.

Вытаскивая ветку, он услышал странный звук и, разрыв землю, вынул из нее большой кожаный кошелек, набитый серебряными деньгами. Так у него появились и провизия, и деньги.

Вскоре Янне встретил карлика, державшего ярко-красную бархатную куртку, вышитую жемчугом и драгоценными камнями.

– Лучше платье, вышитое жемчугом, чем суконная куртка, – проговорил карлик.

– Нужно смотреть не на куртку, а на сердце, которое бьется под нею, – сказал Янне и хотел пройти мимо.

– Ты говоришь как достойный человек, а потому я дарю тебе платье, вышитое жемчугом, и вдобавок соглашаюсь даром служить тебе.

– Если у меня будет возможность и средства, я награжу тебя, – сказал Янне.

Он надел нарядное платье, а старую куртку поручил нести карлику, потому что, как он прибавил, никогда ничего не следует бросать.

Пройдя еще немного, Янне встретил другого карлика, державшего в руке блестящую стальную шпагу с золотой рукояткой, осыпанной драгоценными камнями.

– Шпага лучше дорожной палки, – сказал карлик.

– Не шпага дает мужество тому, кто ее носит, – сказал Янне, проходя мимо.

– Ты говоришь как достойный человек, поэтому я дарю тебе шпагу и вдобавок стану даром служить тебе.

– Когда у меня будут средства и возможность, я награжу тебя, – ответил Янне.

Он взял шпагу, а свою палку отдал новому спутнику, сказав, что никогда ничего не следует бросать.

Пройдя еще немного, Янне увидел третьего карлика, который вел коня, белого, как молоко.

– Лучше ехать на лошади, чем идти пешком, – сказал карлик.

– Для того, кто идет прямым путем, дорога никогда не бывает длинна, – ответил Янне и хотел уже идти дальше.

– Ты говоришь как достойный человек, а потому я дарю тебе коня и, кроме того, буду даром служить тебе.

– Если только у меня появится возможность, я вознагражу тебя за все.

Он дал мешок третьему карлику, вскочил на белого коня и направился к замку.

Когда часовые увидели всадника в нарядном платье, один из них закричал:

– Кто ты, приезжий?

– По рождению – крестьянин, хотя по платью меня можно принять за принца.

– Нет, ты разбойник с большой дороги, – ответил стражник, опуская алебарду, – и тебя отведут в башню.

– Перестань оскорблять меня или мне придется пустить в ход мою шпагу, – спокойно сказал Янне.

Стражник поднял оружие, и перед Янне открылись ворота.

Янне спешил, и в ту минуту, когда он собирался войти в ворота, его взгляд упал на спавшего Ионаса, однако молодой человек не узнал брата. Напротив, он принял его за нищего, вынул кожаный кошелек, полный серебряных монет, и бросил его на колени спавшего.

Придя к большой башне, Янне услышал в подземелье шум.

– Кто это шумит? – спросил он.

– Вор с большой дороги. Он хотел убить одного из наших товарищей и теперь сидит в темнице без платья, без пищи, без огня и мерзнет, так как там очень холодно.

– Дайте ему мое старое платье, бросьте ему мой мешок, чтобы он мог поесть, и мою палку, чтобы он мог зажечь огонь.

Стражники не решились нарушить приказание человека в нарядных одеждах.

Янне вошел в замок.

В тронном зале сидела принцесса в пышном платье, готовая принять жениха. Хотя каждый день со всех концов государства стекались сюда молодые люди, ни один из них не выдержал испытания, а потому ни один еще не входил в тронный зал.

День и ночь курьеры принцессы скакали по дорогам, которые вели к замку, и, встречая того или иного жениха, подвергали его испытанию. Все оказывались недостойными и возвращались обратно.

Подойдя к тронному залу, Янне увидел закрытую дверь. Он постучал.

– Кого ты ищешь? – спросил голос изнутри.

– Я ищу ту, которая, как она сама написала, ждет меня в подвенечном платье, – ответил Янне, и двери распахнулись перед ним.

На несколько мгновений блеск и великолепие зала ослепили молодого человека.

По обеим сторонам громадной комнаты стояли советники принцессы и придворные, в глубине, на троне под балдахином, сидела принцесса. Она была одета в пурпурное платье, и корона на ее голове была похожа на венец из сверкающих звезд.

– Ты имеешь право попросить у принцессы три милости, – сказал один из старых советников.

– О принцесса, вели отыскать двух моих братьев, которые пошли сюда раньше меня. Они, конечно, заблудились по дороге!

По знаку принцессы к трону подошел один из ее слуг и сказал:

– Один из его братьев сидит у ворот замка и все раздумывает, как ему поступить.

– Это мой старший брат, Ионас, – воскликнул Янне и прибавил: – Дайте ему золота и отпустите его обратно к отцу, который его любит.

По знаку принцессы к трону подошел другой слуга.

– Второй его брат, – сказал он, – бросился на одного из стражников, за это его завтра казнят.

– Это мой младший брат, Ян, – воскликнул Янне, падая на колени перед принцессой. – Даруй ему жизнь и отпусти его к матери, которая очень любит его.

Принцесса встала.

– Ты мог всего желать для себя, но ничего не попросил, – сказала она. – Ты достоин царствовать в моем королевстве, и я отдаю тебе мою руку.

Принцесса сняла с себя корону и надела ее на голову Янне, потом поцеловала жениха.

Тотчас же начались свадебные пиры, так как все было готово к празднику. Ионас и Ян присутствовали при увеселениях, а потом, получив богатства, вернулись к отцу и матери.

– Ведь я говорила, – заметила мать, – Ионас так долго раздумывает, что всегда опаздывает.

– Ян вечно торопится и поступает необдуманно, – проворчал отец.

Но они никак не могли понять, каким образом Янне получил руку принцессы и трон.

Аль Багум

Арабская сказка

Солнце садилось за высокие горы Хеджаза. Длинная тень большой мечети уже касалась верхней части крыш соседних домов. В это время из одного бедного жилища вышел Аль Багум. Он шел, не глядя по сторонам, его занимали тяжелые мысли. Так пересек он самые бедные из двадцати четырех кварталов священного города мусульман Мекки, и наконец вышел на песчаную равнину, которая окружает город, узенький ручей перерезал ее.

Аль Багум дошел до заводи ручья, над которой поднималась стена отвесных скал. Над поверхностью воды тянулась сероватая дымка, на берегу квакали лягушки. Бедняк опустился на колени и сказал:

– Аллах, за что ты посылаешь мне такие ужасные испытания? Мой дом и магазин сгорели, все мое состояние пропало, моя семья голодает. Люди, которые, когда я был богат, казались моими друзьями, оставили меня! За что, за что это, Аллах?

Но ему ответил только хор лягушек.

Вдруг он услышал плеск и отчаянный крик:

– Помогите, спасите!

Заметив на воде круги от падения тела, Аль Багум бросился на помощь тонувшему и вскоре, несмотря на темноту, увидел всплывший край плаща, схватил его и вытащил несчастного на землю.

Перед ним был маленький старичок. Он раза два чихнул, после этого совсем оправился, посмотрел на Аль Багума светлыми глазками, блеснувшими из-под темных сдвинутых бровей, и произнес:

– Благодарю тебя, брат мой, ты спас мне жизнь, хотя я не могу сказать, сделал ты мне благодеяние или оказал дурную услугу.

– Разве ты должен жаловаться на судьбу?

– Да, – ответил старик, – у меня нет семьи, никто меня не любит, и я не имею средств к жизни. Кроме того, мне больше семидесяти лет.

– Вот еще человек, который проклинает жизнь, – прошептал Аль Багум.

Старик услышал этот шепот и сказал:

– Нет, я ее не проклинаяю. Но почему ты, – продолжал он, – бродишь здесь один? Ты, вероятно, тоже не особенно счастлив.

– Да, – ответил Аль Багум. – Я был богат, но у меня все сгорело: дом, все вещи, товары. В довершение несчастья заболела моя жена, и сегодня у моих детей в первый раз нет ни куска хлеба. Еще хорошо, что добрая соседка принесла им поесть. Но, – прибавил Аль Багум, – мне прежде всего следует постараться помочь тебе. Пойдем со мной. Крошечная каморка, в которой мы живем, достаточно велика, чтобы ты мог переночевать в ней, там по крайней мере ты не будешь под открытым небом и обсушишь твои одежды.

– Пожалуй, – сказал старик, – я пойду с тобой. Аллах заплатит тебе мой долг.

– Я верю в справедливость Аллаха, – ответил Аль Багум, – но я зову тебя к себе, не думая о награде, поверь мне.

– Так-то оно так, – сказал старик, – а между тем гении земли будут тебе покровительствовать! Я, Селим, ручаюсь тебе в этом.

– Аллах велик, – просто ответил Аль Багум.

Семья Аль Багума жила в небольшой комнатке, уцелевшей от пожара и прежде служившей кладовой. Медже, жена Аль Багума, поддерживала в ней порядок с помощью своей подруги, бедной вдовы Зораиды.

Когда Аль Багум открыл дверь в жалкое жилище, он увидел, что его жена сидит на табурете и горько плачет. Зораида и дети Аль Багума, сын Ахмед и дочь Марджиана, старались утешить мать.

– Какое новое несчастье поразило нас? – спросил Аль Багум.

– Ах, – ответила Медже, не замечая Селима, – сюда опять приходил Мук и требовал, чтобы мы отдали ему двести цехинов, которые ты у него взял. Я его умоляла подождать, но он говорит, что если не получит деньги сегодня, то завтра же велит продать все наши уцелевшие вещи.

– Пусть свершится воля Аллаха, – просто ответил Аль Багум. – Лучше потерять все, чем быть таким злым, как этот старый Мук. Однако, – прибавил он, – позаботимся о госте, которого я привел сюда.

И он рассказал все, что случилось. Говоря, Аль Багум подбросил в очаг несколько сухих веток, огонь запыхал ярче.

Вскоре Медже и Зораида разложили в углу комнаты циновки из маисовой соломы, на которые улеглись Аль Багум и Селим. В противоположном углу они повесили гамак для детей.

На следующий день рано утром раздались сильные удары в дверь. Аль Багум понял, кто пришел, но тем не менее отворил дверь. В комнату почти вбежал худой старик с непомерно длинными, двигавшимися, как у осла, ушами, которые торчали по обе стороны широкого тюрбана. Это был Мук. Голос его тоже напоминал крик осла.

– Угу, это я, – сказал он Аль Багуму. – Ну, где же мои двести цехинов?

Говоря это, он насторожился и повернул уши в сторону Аль Багума, точно не желая пропустить ни одного его слова.

Аль Багум ответил, что он уплатит ему деньги, как только заработает что-нибудь, но Мук закричал:

– Я велю пристапу, служащему у кади, унести все, что ты имеешь, и продать.

– Да ведь тебе не дадут за мое имущество больше пятидесяти цехинов, – уверял Аль Багум. Но Мук не стал слушать его и ушел, хлопнув дверью.

Взволнованный Аль Багум решил немного пройтись, поцеловал Медже и детей и вышел вместе с Селимом.

Селим повел его за город. Разговаривая, они вошли в длинную густую тенистую аллею, которая вела к гробнице знаменитого паши Халед Омара.

Эта белая мраморная гробница была очень красива и сверкала на солнце. Большие кокосовые пальмы бросали на нее тень. Надо сказать, что, уходя из дома, Аль Багум захватил с собой корзинку, надеясь набрать в нее кокосовых орехов, свалившихся с пальм, и действительно принялся поднимать их. Селим помогал ему.

Окончив это дело, бедный араб и старик сели на скамью близ гробницы.

– Что будет со мною, когда Мук унесет все мои вещи, – сказал Аль Багум. – Ведь продолжать торговать материями я не могу, у меня нет денег на их покупку, и никто не доверит мне товаров в долг. Что делать?

– Ты добр, честен и достоин быть богатым, – заметил Селим. – Посмотри-ка, что это блестит у твоих ног?

– Маленький стальной ключик, – ответил Аль Багум.

– Возьми его, может быть, случайность даст тебе счастье, – проговорил старик и, указывая на железную дверь, которая закрывала вход в гробницу, прибавил: – Попробуй, не откроет ли ключ этого замка?

Аль Багум послушался. Едва он вставил ключ в ключ ибиса, который служил замком, как дверь скользнула в сторону, и он увидел что-то вроде темной передней. Аль Багум остановился.

– Иди, – прозвучал за ним торжественный голос Селима.

Аль Багум переступил через порог. В то же мгновение чугунная дверь с грохотом закрылась.

– Селим, Селим! – закричал Аль Багум, но старик не ответил. Аль Багум стоял один в темноте. Ему было немного страшно. Он поворачивался в разные стороны, ощупывал стены, вытягивал руки, делал шаги, не зная, куда идти, и решил не двигаться, пока его глаза не привыкнут к темноте. Вскоре он действительно начал различать предметы и наконец увидел, что стоит в большом зале, который, казалось, был гораздо шире и длиннее, чем вся гробница Омара. В противоположном его конце мерцал слабый свет, озарявший вход в галерею. Аль Багум вошел в этот коридор.

Долго-долго шел он по нему, наконец очутился в другом большом зале, который имел форму восьмиугольника. В нем горело что-то, и вскоре Аль Багум увидел, что свет расходится от маленького фонарика, такого маленького, что он мог поместиться в ладони человеческой руки. Фонарь этот состоял из одного бриллианта и бросал необыкновенно яркие то красные, то зеленые, то желтые, то голубые лучи, словом, всех цветов радуги. Порой они все угасали, и тогда фонарь делался молочно-прозрачным, как опал. Казалось, будто этот фонарик живет и чувствует.

Аль Багум подошел к подставке, на которой он стоял.

– Возьми меня, – сказал фонарик.

Онемевший от изумления, Аль Багум неуверенно протянул руку к странной маленькой драгоценности.

– Ну, ну, смелее, – продолжал фонарик.

Аль Багум взял его. Внезапно из фонаря упал голубой луч и осветил половину зала. Удивительную картину увидел бедный араб. Перед ним открылось множество комнат и коридоров, залитых спокойным светом. Их потолки были сделаны из бирюзы цвета небесного свода, а на этой лазури белели жемчужины, походившие на звезды. Справа и слева спускались мраморные лестницы, на которых сидели неподвижные ибисы. Всюду виднелись алебастровые вазы, полные голубых, точно дремавших цветов.

Там и сям на мягких бледно-розовых подушках лежали красивые молодые люди и тоже не то спали, не то мечтали. Время от времени молчаливый негр, одетый в серебряные парчовые одежды, проходил между ними и на подносе, сделанном из горного хрусталя, подносил им маленькие сапфировые чашечки с изумрудными ручками, полные вкусных напитков из лепестков неньюфара.

Аль Багум сделал несколько шагов дальше и увидел красивых девушек, отдыхающих в серебряных гамаках. Розовые гирлянды украшали их светлые волосы, их мягкие воздушные одежды казались нежным туманом. Они смотрели на Аль Багума, но не улыбались, и глаза их были тусклы.

Аль Багум прошел еще дальше и остановился: перед ним был необыкновенно нарядный храм. Его стены, сделанные из розового порфина, были украшены золотом, и над ним высился купол из страусовых перьев, которые слегка покачивались от легкого ветра. Клубы ладана и мирры поднимались из серебряных курильниц, стоявших вокруг золотого ложа с перламутровыми украшениями.

– Это храм отдыха, – тихо прошептал фонарик, который Аль Багум невольно сжал.

На ложе было распростерто божество храма. Оно не двигалось и напоминало статую. Подойдя немного ближе, Аль Багум увидел женщину с красивыми чертами лица, с гладким лбом, с ничего не выражающей улыбкой и бессмысленным взглядом.

Увидев Аль Багума, она приподнялась и сказала голосом ровным и ясным, как кристалл.

– Все идет, все меняется, одна я остаюсь неподвижной. Ничто меня не смущает, я никогда не знала радостей, горе мне тоже незнакомо, ни веселье, ни печаль не волнуют меня.

Несколько мгновений Аль Багум стоял неподвижно, потом, точно очнувшись ото сна, громко закричал:

– Нет, нет, не хочу этого покоя! К жизни, к жизни!

И он побежал, сам не зная куда. Все исчезло. Он снова стоял в восьмиугольном зале.

– Ты хочешь жизни? – спросил фонарик, – смотри же!

Из него вырвался луч цвета золота, осветил зал и как бы разрушил одну из его стен. Перед глазами изумленного Аль Багума появился чудный сад, сад жизни. Он увидел изумительно красивые растения со странными листьями, с дивными цветами и плодами. Повсюду журчала вода, со всех сторон неслись живительные ароматы, справа и слева раздавалось сладкое птичье пение, в траве жужжали насекомые.

«Какое светило оживляет эту изумительную природу?» – мысленно спросил себя Аль Багум.

– Работа, труд, – ответил тоненький голосок фонарика.

Скоро Аль Багум задумал утолить жажду, которая мучила его. Перед ним как раз стояло дерево, покрытое мясистыми, сочными, очень привлекательными ягодами. Аль Багум уже хотел протянуть руку за одной из них, как вдруг вспомнил, что он не имеет права рвать их с дерева, которое не принадлежит ему. В ту же минуту он увидел бассейн с прозрачной водой, падавшей со скал, прячущихся под цветами.

«Вода принадлежит всем», – подумал Аль Багум и, наклонившись к бассейну, прильнул к нему губами.

Едва он сделал несколько глотков, как почувствовал в себе сверхъестественную силу. Все его тело стало гибче и сильнее, чем прежде, и ему показалось, что сердце забилося с новой силой.

– О, как приятно жить, – воскликнул он. – Откуда во мне столько сил и мужества? Не от этой ли живительной влаги?

– Да, – ответил фонарик, – это волшебная вода. Она охраняет от всех болезней, снимает усталость и дает силу. Благодаря ей человек всегда остается молодым. Только если выпить ее два раза, человек умрет.

Аль Багум, вторично наклонившийся было к источнику, сразу выпрямился и поднял голову. Он вздрогнул от изумления – перед ним стоял удивительно красивый и улыбающийся ему молодой человек. Аль Багум не слышал, когда он вошел. Больше всего араб удивился, заметив, что этот красавец похож на его старого друга Селима.

– Почему ты смотришь на меня так пристально? – спросил красавец.

– Потому что ты удивительно похож на человека, которого...

– Ты спас?

– Как! Ты...

– Да, я Селим, но не бедный и старый Селим, мое настоящее имя Амжиад – гений благодарности. Чтобы отблагодарить тебя, я сделаю тебя богатым. Я не оставлял тебя и незаметно следил за тобой, зная, что ты напьешься из этого источника и не дотронешься до тех сочных плодов. Я остановил бы твою руку, но радуюсь, что ты сам не сорвал плодов, которые оказались тебе привлекательными. Знай, они растут на дереве бед. Оно само собой зародилось в царстве жизни. Напрасно его вырывают – оно снова вырастает, и в каждом из его плодов под красивой оболочкой кроется тонкий яд. Все остальное принадлежит тебе: плоды, цветы, весь сад, все сокровища, все рабы, все рабыни.

– Зачем ты искушаешь меня, Амжиад? – спросил Аль Багум. – Я ничего не сделал, чтобы получить это богатство. Можно наслаждаться лишь тем, что приобретено собственным трудом.

Я прошу тебя только дать мне средства снова отстроить мой дом и начать торговлю. Остальное сделают покровительство Аллаха и мое собственное прилежание.

– Хорошо сказано, – заметил гений. – Возьми этот кошелек, в нем достаточно денег на постройку дома, о товаре не беспокойся – я сам позабочусь о нем.

– Как тебя благодарить, добрый гений! – воскликнул Аль Багум.

– Будь только счастлив, вот и все, – ответил Амжиад.

– Разве я тебя не увижу больше? – спросил Аль Багум.

Помолчав немного, гений произнес:

– Я живу в центре Африки, и только иногда отдыхаю в этой гробнице и в некоторых других. Но если тебе когда-нибудь понадобятся помощь и покровительство, ты найдешь помощника в фонарике, который сам предложил тебе взять его. В случае нужды дотронься до него рукой и громко произнеси свое желание – оно исполнится. Но помни: все сделанное с помощью фонарика может быть уничтожено только моей силой. Иди же домой, сын мой, и, смотри, никому не говори настоящего имени старого Селима. Твоему счастью станут завидовать люди, прощай! Пусть Аллах руководит тобою!

Аль Багум хотел было ответить, но гений исчез, а вместе с ним плоды, цветы, сад, бассейн. Кругом сгустилась тьма.

– Почему же ты не выходишь? – вполголоса спросил фонарик.

Аль Багум протянул руку, и перед ним открылась дверь. Он переступил через порог гробницы. Железная дверь с грохотом закрылась, и он очутился под яркими лучами света, возле корзины, которую недавно поставил под одной из больших кокосовых пальм.

Аль Багум весело побежал домой. Дома его встретила взволнованная Медже и рассказала, что без него случилось много неприятного. Приходил Мук с приставом и унес весь их бедный скarb, чтобы продать его за долг. Детей увела к себе Зораида, обещала накормить их чем придется и уложить спать.

– Успокойся, моя бедная Медже, – сказал Аль Багум. – Я принес в дом счастье. Видишь вот этот кошелек, в нем достаточно денег, чтобы заново отстроить дом.

– Аллах! – закричала Медже, – кто же дал тебе эти деньги?

– Мне их подарил один могучий покровитель, но кто он, я не смогу сказать, он запретил мне говорить его имя.

В эту минуту на пороге пустой комнаты показались два черных невольника. Оба держали по маленькому ящичку из сандалового дерева. Они весело засмеялись, низко поклонились и поставили ящички на пол.

– Хи, хи, хи! Вот и домашние вещи, – сказал один.

– Хо, хо, хо! Вот и товары, – сказал другой.

И, не дожидаясь ответа Аль Багума, прибавили:

– Без благодарностей! Нам запрещено слушать их. Наш господин благодарен. Красивые вещи! Прекрасные товары! Аль Багум доволен? Прощайте!

Они, исчезли. Медже ничего не понимала, да и Аль Багум тоже. Его удивило, что ящички с домашними вещами и с товарами были так малы.

«Уж не хотел ли гений посмеяться надо мной?» – подумал было Аль Багум, но мысленно прибавил: «Впрочем, стыдно мне сомневаться в его благодарности. В свое время все объяснится».

В этот вечер Аль Багум заснул счастливый, с надеждой на будущее.

– Пора, пора вставать, уже рассвело, – прозвучал тонкий голосок над ухом Аль Багума. Он невольно открыл глаза, подумав: «Кто это говорит?»

– Как? Ты не узнаешь меня? – продолжал голосок. – Это я, твой фонарик. Вставай же, вставай.

«Гм, гм, – подумал Аль Багум. – Мне кажется, гений дал мне не только помощника, но и наставника».

С этого дня началась постройка дома. Однако как ни торопил Аль Багум работников, дело шло медленно.

– Ах, – сказал он однажды, – как бы мне подогнать этих ленивых и медлительных людей?

– Очень просто, – послышался из его кармана тоненький голосок фонарика. – Обратись ко мне.

– Подгони их, – попросил Аль Багум.

– Вынь меня, – сказал фонарик. Аль Багум так и сделал.

Фонарик направил на работников красные лучи. В ту же минуту все они принялись работать с удивительной быстротой. Их можно было принять за пчел в улье. За три часа было закончено дело, на которое следовало потратить шесть недель. Мечта Аль Багума исполнилась. У него снова был хороший дом.

– Откуда же мне взять мебель и все домашние вещи? – прошептал Аль Багум, потирая лоб.

– А то, что подарил тебе гений? – напомнил фонарик.

Аль Багум вспомнил о ящичках, которые он оставил в той комнате, в которой жил прежде, и решил открыть один из них при жене и детях. Все с удивлением увидели, что в ящичке лежали вещи, необходимые для меблировки маленького кукольного домика. Ахмед и Марджиана закричали от радости, Аль Багум же подумал: «Вот этого-то я и боялся». Тем не менее он осторожно взял турецкий диван, бывший не длиннее указательного пальца, и поставил его к стене. Увидев это, Медже и дети громко захохотали, но они перестали смеяться, увидев, что диванчик все растет и растет, наконец он сделался настоящим большим диваном. То же случилось и со всеми остальными вещами – столами, коврами, этажерками, подушками, всеми принадлежностями кухни и т. д.

– А вот гамаков-то у нас и нет, – плаксивым голосом сказала Марджиана.

– А это что? – в то же время спросил Ахмед, вынимая из ящичка две сеточки, золотую и серебряную. Это были крошечные гамаки, как бы сделанные для маленьких кукол. Дети пришли в восторг от игрушек, но Аль Багум расправил их и внимательно рассмотрел. «Гамак Ахмеда» – написано было на одном. «Гамак Марджианы» – виднелось на другом. Аль Багум повесил их, и гамаки вскоре увеличились до нормальных размеров. Дети были в восторге. Медже тихо молилась.

– А что это? – спросила вдруг Зораида, придвигая к себе второй ящичек. – Почему на нем написано «товары»?

Аль Багум открыл ящичек. В нем лежало множество ковров, недорогих тканей, мехов, кашемиров, материй, вытканых золотом и серебром, бабуш, драгоценностей, трубок, разного оружия, словом, всего, что должно продаваться в восточной лавке. Только все эти вещи были крошечные, точно для кукол. Тем не менее и с ними повторилось то же, что было с мебелью. С помощью Зораиды, Медже и детей Аль Багум приводил в порядок свои товары.

С этого дня дела Аль Багума совсем поправились. Он был благоразумен, честен и трудолюбив, а потому ему не пришлось прибегать к помощи фонарика. Зораида управляла его магазином, который стал самым богатым в Мекке. Все были счастливы.

Между тем старый Мук, который жил на другом конце громадного города, удивлялся, что он ничего не слышит о своем должнике.

«Не посмотреть ли мне, что он делает», – однажды подумал недобрый человек. Придя к Аль Багуму, он изумился, увидев, как богато и хорошо живет он. Он насторожился, а лицо его приняло выражение сладкое и угодливое.

– Осмелюсь напомнить о вашем долге, – сказал он Аль Багуму.

– Да ведь ты продал все мои вещи, – заметил Аль Багум.

– Так что же? Я выручил за них всего двадцать пять цехинов.

И он заставил Аль Багума пойти вместе с ним к судье – кади. Там он потребовал у Аль Багума такие деньги, которых тот ему не был должен. Аль Багум согласился заплатить Муку его сто семьдесят пять цехинов, но отказался дать больше.

– Но, – сказал кади, – этот Мук уверяет, что ты богат. Почему же ты не соглашаешься заплатить ему столько, сколько он требует?

– Потому, – ответил Аль Багум, – что я ему должен только сто семьдесят пять цехинов, а не триста семьдесят пять, как он уверяет.

– Клянусь всем дорогим для меня, что он мне должен триста семьдесят пять цехинов! – закричал Мук. – Если я лгу, пусть Аллах тотчас же превратит меня в осла.

– Клянусь Магометом, – сказал Аль Багум, поднося руку к поясу, в котором лежал фонарик, – мне нужен осел для перевозки моего товара. Это будет отлично. Сделайся же ослом!

Кади невольно засмеялся, но вскоре побледнел, увидев, что уши Мука вытянулись еще больше, руки стали тоньше, пальцы превратились в копыта, все тело покрылось шерстью, а платье сделалось седлом. Через мгновение перед ним стояли не Аль Багум и Мук, а Аль Багум и осел.

– Друг мой, – сказал кади, – я вижу, что тебе покровительствует какой-то гений. Очевидно, ты честный человек, а Мук был мошенником. Садись же на твоего осла и поезжай домой.

– Господин кади, – ответил Аль Багум, – возьмите вот эти сто семьдесят пять цехинов, которые я должен Муку, и храните их, пока он не спросит у вас этой суммы.

– Угу, угу, – закричал осел, но кади не понял его. Он с удовольствием взял цехины и потерял руки. По дороге к дому Аль Багум встретил бывшего друга Мука. Мук-осел захотел рассказать ему о своем несчастье, но только заревел по-ослиному.

– Славный голос у твоего осла, – посмеиваясь, сказал бывший друг Мука. – Но странно: ведь он похож на Мука, помнишь, на того ростовщика, который обошелся с тобой так жестоко. Этот Мук уверяет, что он дружен со мной, но это неправда, и я советую тебе остерегаться его.

– Конечно, – ответил Аль Багум. – Мук поступил со мной как мошенник...

В эту минуту осел так подпрыгнул, что Аль Багум чуть не слетел с него, но он раза два ударил его палкой, и Мук успокоился.

– Да, как настоящий мошенник, но я уверен, что он исправится.

Дети обрадовались, увидев, что Аль Багум привел им осла. Было приятно смотреть, как они гладили его, говоря:

– Ты похож на Мука, и мы тебя будем звать Мук-осел. Милый Мук-осел, добрый Мук-осел, мы дадим тебе овса и положим новенькую, свеженькую подстилку.

– Хорошо, дети, – сказал Аль Багум. – Я поручаю его вам. Ухаживайте за ним хорошо. Он божье творение, а не игрушка. Смотрите, чтобы у него всегда было всего вдоволь.

Мука поставили в конюшню, сытно кормили, ласкали, даже давали сахар и мед, но Мук не мог забыть, что он еще недавно был человеком.

Однажды Зораида сказала Аль Багуму:

– Знаешь, Мук умер или уехал: о нем нет никаких вестей. Его наследники разделили все, что он имел.

В эту минуту Мук, стоявший возле крыльца, отчаянно закричал, начал прыгать и брыкаться. Дети, сидевшие на его спине, чуть не свалились. Чтобы удержаться, они уцепились за его уши, и это привело его в чувство.

«Зачем кричать, – подумал он. – Мук-осел не нуждается в том, что было так мило Муку-человеку! Подождем лучших дней».

Он потянулся к сочному толстому репейнику, любимому лакомству ослов, и стал смиренно жевать его, отгоняя хвостом мух.

Так прошли три года. Аль Багум все богател. Однако он часто бывал задумчив и грустен. Что печалило его? Добрый человек не мог быть счастлив, видя, что наказанный им Мук остается жалким ослом. Это очень огорчало Аль Багума, и так как он не мог превратить осла в человека без помощи Амжиада, он решил отправиться к гению и попросить его снять чары с несчастного.

– Мне нужно уехать, – сказал он жене, – и я не могу тебе сказать, сколько времени меня не будет. Но не бойся, меня охраняют гении земли. Может быть, тебе без меня понадобится поддержка или совет, и потому я поведаю тебе тайну, которую ты должна сохранить. Видишь этот фонарик? Он дал нам счастье. Когда тебе понадобится его помощь, сожми его в руке или дотронься до него и громко выскажи желание: оно тотчас же исполнится. Никому не говори об этом талисмани, потому что люди станут нам завидовать. Чтобы доказать тебе могущество фонарика, – прибавил он, улыбаясь, – я покажу тебе его силу.

– Ко мне конь и спутник! – повелительно произнес араб.

В ту же минуту у дверей дома послышались конский топот и ржание, а Марджиана и Ахмед, вбежав в комнату, громко закричали:

– Посмотрите, посмотрите, у нашего крыльца стоит чудный конь, весь в золоте, а за ним громадный верблюд и негр!

Медже подбежала к дверям и действительно увидела великолепного оседланного коня, громадного верблюда, нагруженного всем необходимым для путешествия, и негра, который улыбался, показывая два ряда белых, как слоновая кость, зубов.

– Вот видишь? – сказал Аль Багум.

Аль Багум простился с женой, с детьми и с доброй Зораидой, вскочил на коня и уехал в сопровождении негра. В этот день Медже долго плакала, сидя на пороге своего дома.

Выехав из Мекки, Аль Багум направил коня к гробнице Халед Омара, но несмотря на все попытки открыть ее дверь, это ему не удалось.

Черныш (так звали негра) сказал:

– Добрый господин, если ты ищешь гения, я укажу тебе к нему путь, но это далеко.

– Едем, – сказал Аль Багум.

Тронулись в путь. Несколько дней не случилось ничего, как видно, Черныш хорошо знал дорогу. На ночь он раскидывал палатку для своего господина и делал для него ложе из сухих трав, но часто, несмотря на усталость, Аль Багум не мог заснуть. Он вспоминал о Медже и детях и молил Аллаха сохранить их.

– Милые мои, – шептал он, – Медже, Марджиана, Ахмед.

– Что передать им? Я лечу туда, – однажды ночью проговорил вдруг незнакомый голос.

Аль Багум поднял глаза и увидел большого зеленого попугая, сидевшего на одном из шестов, которые поддерживали палатку.

Аль Багум уже привык к чудесам, а потому не удивился и только ответил:

– Кто бы ты ни был, красивый попугайчик, птица ты или гений, скажи им, что я их целую.

Попугай нахохлился, распустил крылья, кивнул головкой и сказал:

– Будет сделано. Смарагд дает в том слово, будет сделано!

Между тем Медже скучала без мужа. Однажды вечером она сидела и грустно смотрела на фонарик, который ей оставил Аль Багум, вдруг его молочно-белый цвет изменился, и из него вырвались яркие лучи.

– Мне скучно, – сказал тоненький голос.

Медже изумилась, потому что Аль Багум забыл сказать ей, что чудесный фонарик умеет говорить. Однако она вспомнила, что фонарик – вещь волшебная, и попросила его сказать, что делает Аль Багум. В то же мгновение послышалось:

– Смотри сама!

Одна из стен комнаты исчезла, и Медже увидела странную картину. На сухих листьях посредине шатра лежал Аль Багум, а вокруг палатки толпились разбойники.

Черныш спал возле своего верблюда. Два страуса стояли под пальмой возле негра и тихо разговаривали. Медже слышала все.

– Эти люди злее диких зверей, – прошептал один из страусов, – и, конечно, если их гонцы вернутся от жены Аль Багума без золота, разбойники его убьют. Это гонцы разбойников.

– Али Бажу и Бен Тамар, вероятно, уже недалеко от Мекки, – сказал второй страус. – Только бы им дали денег.

– Медже, Ахмед, Марджиана, – прошептал Аль Багум во сне.

– Ах, бедный, – продолжал первый страус, – он задыхается от жары.

– Пойдем, обвеем его нашими крыльями.

– И добрые птицы, подойдя к Аль Багуму, стали махать над ним своими большими крыльями.

– Зораида, Зораида! – отчаянным голосом закричала Медже.

Картина исчезла. В комнату вбежала Зораида, и Медже стала говорить ей о разбойниках, о кокосовых пальмах, о волшебных фонариках и говорящих страусах.

– Мой бедный муж, – повторяла она в слезах, – неужели добрый гений покинул его?

– Нет, нет, – ответил большой попугай, усевшийся на открытое окно. (Это был Сма-рагд.) – Гонцы разбойников, Али Бажу и Бен Тамар, – продолжала птица, – сейчас постучатся к тебе. Они потребуют выкупа за Аль Багума. Не бойся, возьми фонарик и закричи: «Танцуй, Али Бажу, танцуй, Бен Тамар, танцуйте все».

В эту минуту в дверь постучали, Медже отворила ее, и на пороге появились люди с отвратительными лицами. Это были Бен Тамар и Али Бажу.

– Вы пришли за выкупом? – спросила их Медже, не дав им времени опомниться. – А не хотите ли лучше потанцевать?

– Что такое? – пробормотали разбойники.

Но тут Медже сжала фонарик и закричала:

– Танцуй, Али Бажу! Танцуй, Бен Тамар, и поколотите палками друг друга по плечам!

Разбойники заплясали, колотя друг друга палками.

– Теперь, – закричала Медже, – пусть танцуют и все разбойники в пустыне.

В это мгновение над пустыней пронесся страшный ураган. Он подхватил Аль Багума, Черныша и всех разбойников, которые стали выделывать в воздухе уморительные па. Ветер нес их к Мекке, и вскоре Аль Багум и разбойники очутились возле Медже.

Она обняла мужа и закричала:

– Ты со мной, и я счастлива, а вы, разбойники, пляшите сто лет.

Бен Тамар, Али Бажу и все остальные снова заплясали, пробежали через Мекку и исчезли за городом.

– Хорошо сделано! – прокричал попугай.

Бедный Черныш влетел в окно, ушибся о притолоку, но стоял и улыбался, потирая лоб.

Аль Багум решил снова пуститься в путешествие. На этот раз с Медже и детьми. Он шепотом попросил фонарик дать ему и его семье все необходимое для долгого пути, и вскоре у подъезда его дома стоял целый караван – лошади, мулы, большие верблюды с паланкинами на спинах, множество черных слуг и седобородый проводник-египтянин. Ахмед и Марджиана были в восторге. Ахмед помог Марджиане сесть в один из паланкинов, а сам вскочил на спину своего приятеля, осла Мука. Медже села на ту же белую верблюдицу, на которую уже взобралась ее дочка. Аль Багум выбрал себе вороного коня. Они простились с Зораидой, которая осталась стеречь дом.

– Слушай, Зораида, – крикнул ей шалун Ахмед, – если ты будешь умницей, я привезу тебе хорошего мужа.

– Почему бы и нет? – сказал Смарагд и уселся на паланкин, который защищал от солнца Марджиану.

Ехали долго. Животные измучились, люди задыхались, но чувство долга поддерживало Аль Багума. Он знал, что его ждет гений, который поможет ему избавить Мука от наказания. Наконец, вдалеке между желтым песком и синим небом появилась зеленая полоска.

– Скоро мы придем к великому оазису Аммана, – сказал египетский проводник.

Оазис походил на зеленый остров посреди моря песка. Тут Аль Багум велел раскинуть палатки и снять с верблюдов, мулов и ослов груз. Лагерь разбили на берегу маленького озера со свежей серебристой водой. Все наслаждались отдыхом, только Аль Багум был озабочен.

– Здесь дворец гения? – спросил он проводника.

– Да, – ответил тот.

В это мгновение попугай сел на плечо Аль Багума и подал ему две золотые дощечки, покрытые словами, составленными из бриллиантов и рубинов. Он прочитал:

– Друг, по велению Аллаха я и мои гении должны улететь на другой конец света, чтобы спасти одного невинного. Вскоре мы вернемся. Осмотри мой дворец и покажи его своей жене и детям. Толпа слуг ждет тебя. И я снимаю с тебя обещание молчать. До свидания. Пусть Аллах хранит тебя. Твой друг Амжиад.

– Пусть его воля исполнится, – сказал Аль Багум.

В ту же минуту из земли поднялся великолепный дворец.

– Войдите, – крикнул Смарагд, сидевший на плече Аль Багума.

Описать великолепие дворца невозможно. Вся свита Аль Багума тоже вошла во дворец. Осли Мука и остальных животных ввели в тенистый внутренний дворик, посреди которого извивался прозрачный, как хрусталь, ручей. Усевшись в одной из боковых галерей, Аль Багум собирался сказать жене и детям настоящее имя своего старого друга Селима, но в эту минуту богато одетый слуга распахнул двери дворца и сказал: «Обед готов».

Медже, дети и Аль Багум вошли в великолепный зал под звуки дивной музыки.

Посреди громадной комнаты стоял стол, заставленный серебряной и золотой посудой. Слуги в экзотических одеждах подавали изысканные блюда. Дети наслаждались всем, особенно же вкусными кушаньями. За кофе, который подали в громадных жемчужинах, выдолбленных внутри и стоявших на блюдечках, сделанных из драгоценных камней, Аль Багум рассказал обо всем, что он видел в гробнице Омара, и о том, что случилось позже.

Вдруг Ахмед и Марджиана в один голос закричали:

– Отец, отец, отведи нас поскорее к ослу Муку.

– Зачем? – спросил Аль Багум.

– Мы должны попросить у него прощения, – сказал Ахмед, – за то, что ему иногда приходилось дожидаться овса или пить недостаточно свежую воду. Кроме того, я дразнил его и щекотал хлыстиком. Ужасно, если господин осел Мук чувствовал себя несчастным из-за меня.

– Значит, – заметил Аль Багум, – вы жалеете, что обращались с ослом недостаточно ласково, только потому, что он был прежде человеком? А разве не нужно заботиться о настоящих животных?

Дети смутились и покраснели. Они быстро выбежали из зала дворца и бросились к ручью, на берегу которого расхаживал осел Мук, пощипывая травку.

– Прости нас, Мук, прости, – сказал Ахмед, целуя его. – С тебя скоро снимут чары, и ты будешь снова говорить все глупости, какие тебе вздумается.

– До тех пор, пока Амжиад не превратит тебя в человека, я буду очень-очень ласкова с тобой, – прибавила Марджиана.

Осел с удивлением посмотрел на детей, и вдруг в его больших глазах заблестели слезы.

Но прошла неделя, а гений Амжиад все не возвращался. Наконец на восьмой день звук колокола возвестил, что гений вернулся. Важный мажордом посоветовал Аль Багуму идти со своей свитой в тронный зал, где его ожидали гении с Амжиадом во главе.

Впереди всех двинулся мажордом, державший в руках жезл из слоновой кости. За ним Аль Багум и Медже, за ними Ахмед и Марджиана, следом шел Черныш, который вел Мука-осла. Амжиад ласково встретил Аль Багума, Медже и их детей.

Аль Багум бросился на колени перед сидевшим на троне Амжиадом и попросил его превратить Мука-осла в человека. Амжиад протянул руку и произнес несколько волшебных слов. Вскоре Мук, заливаясь слезами, склонился перед гением.

Аль Багум смотрел на него с изумлением.

– Неужели ты удивлен, – с улыбкой заметил Амжиад, – что этот человек с откровенным взглядом Мук? Спроси его сам.

– Ах, – воскликнул Мук, – я перестал быть хитрым, безжалостным Муком. Я теперь честный осел, то есть нет, честный человек. Недаром я долго был ослом, добрым, покорным, терпеливым животным. Теперь в меня, кажется, перешли его качества. И я люблю тебя, мой добрый хозяин.

– А все-таки, – сказал Ахмед Марджиане, – мне жаль нашего ослика.

– Ну, – со смехом заметил Мук, – я буду катать тебя на спине, кроме того, можно купить нового ослика.

Вскоре все простились с Амжиадом, который велел им вернуться в Мекку. В эту минуту послышался жалобный голосок из кармана Аль Багума: «А я?»

Говорил фонарик, опечаленный тем, что о нем забыли.

– Я благодарю тебя, – сказал Аль Багум, взяв в руки талисман, – я благодарю тебя за все и возвращаю твоему истинному владельцу. У тебя слишком страшная сила. Человек может злоупотреблять ею. Оставайся же в руках гения. Прощай!

И он передал фонарик Амжиаду.

Тут Медже попросила гения заставить разбойников перестать плясать и дать им стада, чтобы они могли сделаться честными мирными пастухами.

– Исполнено, – сказал Амжиад и прибавил: – Дорогой Аль Багум, мы расстаемся не навсегда. Твой старый друг Селим будет иногда приходить к тебе. Ты не похож на других людей, и я с удовольствием стану тебя навещать. Аллах да хранит вас.

Что сказать еще? Путники счастливо вернулись в Мекку, и добрый и справедливый Аль Багум зажил прекрасно. Маленький Ахмед в шутку предложил Зораиде выйти замуж за Мука, говоря, что недаром он обещал ей привезти мужа из путешествия, но она не захотела обвенчаться с человеком, который так долго был ослом, и осталась со своими друзьями.

Лунный луч

Бельгийская сказка

На окраине шумного фабричного города Льежа стоял бедный домик. В нем жил небогатый золотых дел мастер Клод Берек, у которого работали один подмастерье и один ученик. Ученик этот – бедный тринадцатилетний сирота Жак – даже жил в доме Клода, так как у него не было никого на свете. Плохо жилось бедному Жаку. Дела Берека шли не очень хорошо, а потому он часто раздражался, сердился за всякие пустяки, бранил и даже колотил Жака. Когда же ему давали хороший заказ, он заставлял его работать сверх сил. Правда, может быть, другому тринадцатилетнему мальчику работа не казалась бы чрезмерно тяжелой и утомительной, но слабый, болезненный Жак очень уставал. У него не было ни игрушек, ни книг, да, впрочем, и времени забавляться ими не было тоже. К тому же, когда хозяин отпускал его вечером, усталый Жак только и думал о том, как бы лечь на свою жалкую постель и отдохнуть.

Жил Жак на чердаке и, когда он ложился спать, сквозь маленькое, ничем не завешенное полукруглое окошечко к нему пробивался лунный луч. Жак любил этот луч и всегда ждал встречи с ним. Ему тогда казалось, что в его комнату входит кто-то нежный, добрый, который баюкает, ласкает его, касается его волос и лица осторожными пальцами. И он засыпал с довольной улыбкой, а засыпая, шептал, еле шевеля губами:

– Мой милый, милый, ласковый лунный луч.

Однажды Жак пришел на чердак весь в слезах. Он очень устал в этот день и, когда вечером хозяин заставил его помогать в работе, сделал ошибку, а рассерженный Клод с досады жестоко отодрал его за уши.

Было полнолуние, и лунный луч падал светлой полосой в убогую каморку. Жак лег на свой тощий матрац, зажмурил заплаканные глаза, но почувствовал, что векам больно, и снова открыл их. Что за чудо! Ему показалось, будто лунный луч превратился в серебристую твердую дорогу... В то же время тихий голос прошептал ему: «Иди, иди!»

Жак поднялся, дотронулся рукой до серебристо-голубоватой дорожки и почувствовал, что она твердая. Он ступил на нее и подумал: «Хорошо, я пойду по ней, но как же я пройду через окошечко? Ведь оно такое маленькое. В него с трудом проберется рыжий кот соседки Луизы».

«Попробуй, попробуй», – прошептал тот же голос.

Жак пошел по лучу и едва дотронулся рукой до окошечка, как оно внезапно выросло до размеров обыкновенной двери, и мальчик спокойно прошел через него. Все выше и выше поднимался он по голубовато-серебристому лучу. Ему не было страшно, а только весело и забавно. Вот наконец он увидел как бы остров. Он ступил на него и пошел по мягкой траве. Остановился. Перед ним была высокая серебряная дверь в ограде, сделанной из какого-то голубоватого камня. Едва Жак дотронулся до дверного замка, как обе створки распахнулись перед ним, и он очутился в саду.

Такой прелести, такой роскоши и красоты Жак не только никогда не видел, но и представить себе не мог. Перед ним разбегались извилистые дорожки, усыпанные серебристым песком, между ними были лужайки с травой, но не обыкновенной, а тоже серебристой. По обеим сторонам дорожек красовались никогда не виданные им цветы, которые покачивали серебряными головками на серебряных тонких стеблях.

В воздухе кружились удивительные насекомые, птички, сверкавшие, как алмазы, в траве ползали жуки, похожие на изумруды. Струился ручей с хрустально прозрачной водой. Его

дно было усыпано мелкими жемчужинами. Никогда не виданные Жаком зверьки серебристого цвета выбегали ему навстречу, заигрывали с ним.

Жак наслаждался. Потом свет порозовел, зверьки, птички и весь сад исчезли куда-то, и Жак очутился на темно-голубой дороге. Его ноги неудержимо скользнули вниз, и через минуту, сам не зная как, он очутился в своей крошечной каморке перед распахнутым настежь, маленьким полукруглым оконцем. На востоке розовела утренняя заря. Жак прилег было на постель, однако стук в дверь вскоре напомнил ему, что он должен начать работать.

Наступил новый рабочий день, но Жак не чувствовал ни усталости, ни желания спать. Напротив, он был полон сил. Он делал все аккуратно, хорошо, и хозяин ни разу не побранил его. Весь день Жак был весел. Сидя в душевной мастерской, занимаясь работой, он вспоминал о серебряных цветах, о зеленых жуках, копошившихся в мягкой серебристой траве, о чудных зверушках, которые прыгали у его ног, заигрывали с ним.

Вечером он побежал на чердак, улегся и стал ждать. Вот в его комнату опять скользнул яркий лунный луч, который прорвался из-за далекого облака, и через минуту перед Жаком уже была широкая серебристая дорожка, и чей-то голос шептал ему: «Иди, иди».

Жак уже знал, что его зовет лунная страна.

Он опять пошел по дороге, опять увидел остров, серебряную дверь, чудный сад, как бы посеребренные таинственные деревья, голубоватые цветы, которые сами протягивали к нему свои венчики и звенели тихими нежными голосами, изумительных птишек и серебряных бабочек, изумрудных жуков, ласковых зверьков, ручей и блестящие в нем жемчужины.

Каждую ночь повторялось то же самое. И с каждым днем Жак становился все сильнее и здоровее. Через какое-то время его совсем нельзя было узнать. Старый Клод только дивился:

– Работает мальчик все лучше. Кормить его, говоря правду, мне приходится плохо не от скупости, а от бедности. От неудач я часто сержусь, сдерживаться не умею и нет-нет да и оттаascaю его за уши, а он ничего себе, расцвел, как маков цвет.

Однажды, когда Жак был в дивном саду лунной страны, он услышал тихие голоса, которые со всех сторон шептали ему:

– Довольно, довольно. Прощай, прощай...

Жак прислушался, огляделся и понял, что цветы, травы, камешки, жуки, птички, бабочки и зверушки прощаются с ним.

В ту же минуту он заметил, что травки тянутся к нему тонкими былинками, что серебряные кусты поворачивают к нему свои листики, что цветы склоняют перед ним красивые чашечки, что маленькие серебристые зверушки, смешно приподнимаясь, кивают ему головками и машут лапками – как бы шлют ему прощальный привет.

Грустно стало Жаку. Все в лунной стране как бы говорили ему, что он не скоро вернется в этот дивный сад, а может быть, не вернется никогда. Задумчиво, с низко опущенной головой Жак шел по серебристому песку и вдруг остановился. Что-то загрозило ему дорогу. Он поднял голову и увидел, что два стебля растений, росших по обе стороны дороги, переплелись над ней. На каждом из них колыхались дивные цветы и тоже как бы тянулись к нему.

– Возьми, возьми, – прозвенели тонкие голоса.

Жак понял, что это говорили цветы и что он должен сорвать их. Он обеими руками взялся за стебельки, но цветы были так хороши, так нежны и прелестны, что он не решался сорвать их.

– Сорви, сорви!

Жак закрыл глаза и с сожалением обломил нежные веточки. В то же мгновение все потемнело, и Жак полетел вниз. Он зажмурился, а когда открыл глаза, то лежал на своей постели в полной темноте. Он чувствовал себя утомленным, и потому сразу заснул. Жак проснулся, когда совсем рассвело. Мальчик огляделся. В его каморке все было по-прежнему, только возле его матраца на полу лежали два дивных цветка изумительной красоты. Жак рассмотрел их при

солнечном свете и увидел, что они сделаны из серебра. Один напоминал розу, другой – большой колокольчик, в середине которого качался жемчужный язычок.

Жак спрятал их под подушку и побежал в мастерскую.

Клод встретил его бранью и упреками.

– Три раза стучал к тебе сегодня, мальчишка. Чего спишь, ведь не праздник! А у меня и без тебя неприятности!

– В чем дело, хозяин? – спросил Жак.

– Да приходится отказаться от выгодного заказа! Предлагали мне за него большие деньги, а взять его не могу... Ну да что с тобой разговаривать, ведь ты все равно ничего не смыслишь! Бери щипчики да разогни лапки этого кольца, нужно вынуть камни.

– А почему вы не можете взять заказ, хозяин? – спросил Жак, которому почему-то очень захотелось узнать, в чем дело.

– Да что ты ко мне пристал? Ну, вчера, когда ты уже завалился спать, приехал важный такой господин в шубе, в шапке, купец с толстым бумажником, велел сделать для своей жены брошку из серебра, да такого рисунка, какого нигде в магазинах нет. Говорит, будто ему кто-то расхваливал мою работу, да я думаю, что он ошибся. Кто станет хвалить такому важному барину меня, маленького мастера? Работай, работай, нечего болтать.

– Так почему же вы не можете взять работу, хозяин?

– А потому не могу, что мне нужно было бы попросить какого-нибудь искусного рисовальщика сделать рисунок, а где я возьму денег, чтобы заплатить ему? Мог бы и я сделать красивую вещицу не хуже других, если бы какой-нибудь мастер показал мне образец. Да кто же мне даст образец?

В эту минуту в уме Жака мелькнула странная мысль.

– Что если бы вы сделали ему брошку в виде розы?

– Эх, что выдумал, – закричал хозяин. – Конечно, это было бы красиво, да только я не знаю, как приняться за дело.

– А что, хозяин, если бы я попробовал сделать розу?

– Да ты с ума сошел! Или хочешь, чтобы я надрал тебе уши?

– Нет, правда, хозяин, позвольте мне попробовать. Сегодня вечером после работы дайте мне серебра, инструменты, и я попытаюсь помочь вам. Если у меня ничего не выйдет, дерите за уши сколько угодно.

– Нет уж, не только выдеру за уши, а просто-напросто выгоню тебя, убирайся куда глаза глядят.

А сам в то же время думал: «Все может быть. Да и серебро-то все равно не пропадет. Переплавлю его, и дело с концом. Жака, конечно, не выгоню. Жаль мальчонку, сирота».

И вот вечером, после работы, Жак сбегал на чердак, спрятал за пазуху серебряную розу из лунного царства и спустился в мастерскую. Хозяин засветил лампу, дал ученику все нужные инструменты, запер на ключ входную дверь, двери в другие комнаты и, пожелав ему успеха, ушел к себе.

Жак вынул из-за пазухи серебряную розу, поцеловал ее и сказал громко:

– Роза, роза, недаром ты захотела попасть ко мне в руки как раз в то время, когда к хозяину приехал богатый купец. Помоги же мне сделать твою маленькую копию.

В эту минуту сквозь боковое окно на мгновение проскользнул лунный луч, осветил комнату и скрылся, так как на месяц набежали тяжелые, точно свинцовые, облака. Но Жаку этого было достаточно. Ему показалось, что лунная страна шлет ему привет, и он стал прилежно работать. Он уже знал ювелирное искусство, только никогда не пробовал работать один. И вот теперь под его тонкими пальцами вырастала маленькая роза, похожая на чудный цветок из лунного царства.

Когда утром хозяин постучался в мастерскую, брошка была совсем готова, к ней осталось лишь приделать застежку.

Услышав стук, Жак спрятал волшебный цветок под платье, и когда хозяин вошел, он увидел только Жака и сделанную им вещицу.

– Ай да мальчишка, – радостно закричал Клод, – ты чистый колдун! Ну, молодчина, молодчина. Я и не думал, что бог послал мне такого славного мастера. – Он обнял, поцеловал Жака и велел ему идти отдыхать, но перед уходом спросил:

– Скажи мне, мальчонка, как ты сумел сделать такую славную вещицу?

Жак начал было рассказывать ему о лунном царстве, о луче, но хозяин только руками замахал.

– Ну, уж этого я не люблю. Зачем врать? Ступай, ступай спать, не серди меня.

– Да я не лгу, – начал было Жак, – хотите, я покажу вам... – и он сунул было руку за пазуху, но хозяин вытолкнул его за дверь и закричал:

– Уходи, уходи, и слушать не хочу твоих глупых рассказней. Никогда не смей говорить мне вздора, не то выгоню тебя, несмотря на все твоё искусство. Уж больно я не люблю лгунов.

Жак ушел к себе на чердак и проспал до трех часов пополудни, а в три часа к нему пришел сам хозяин.

– Ну, Жак, разодолжил ты меня, – сказал он. – Купец заплатил мне столько денег, что теперь мы с тобой переедем из предместья на лучшую улицу Льежа, где я решил нанять хороший магазинчик.

И он отпустил Жака погулять. Когда к восьми часам вечера Жак вернулся, он застал хозяина совсем в другом настроении, встревоженного, нетерпеливого.

– Ну, наконец-то ты пришел, дружище, – сказал он, – выручай своего старого хозяина. Опять приехал купец и сказал, что его жена до смерти хочет иметь серьги, но не розы, а какие-нибудь другие цветы. Я думал, думал и придумать ничего не могу. Отказаться от заказа жалко, хорошо платит купец, но боюсь, что и ты, мальчишка, хоть и помог мне раз, теперь ничего не сделаешь. Кроме того, купец страшно торопит. Жена у него капризная, больная. Если ее прихоть не будет скоро исполнена, она, пожалуй, заболеет от досады, а купец в ней души не чает...

– Позвольте, хозяин, мне опять попробовать. Дайте серебра, две жемчужинки, все инструменты, и я попытаюсь помочь вам. Если ничего у меня не выйдет, выгоните меня из дома.

– Не очень-то мне хочется давать тебе жемчужины. Да что делать, придется рискнуть. К тому же теперь я не прежний бедный мастер, а настоящий ювелир!

Все сделали, как в прошлый раз. Жак принес под платьем волшебный колокольчик, уселся за работу, и к утру у него были готовы прелестные сережки – серебряные колокольчики, в которых качались жемчужные язычки.

Хозяин расцеловал своего ученика и опять спросил:

– Как тебе удалось сделать такие прелестные вещи?

– Видите ли...

И Жак принялся говорить ему о волшебной лунной стране. Но Клод опять замахал на него руками, закричал, что он не любит вранья, и вытолкнул за дверь. Жак ушел спать.

Вечером приехали купец с женой. Они остались так довольны вещами, что заплатили ювелиру большие деньги. На следующий день в лавочку Клода приехала в карете старуха и заказала ему для своей дочери такие сережки, какие она видела у своей двоюродной сестры, жены купца. Еще через два дня явился господин и приказал сделать ему булавку для галстука, к которой был бы прикреплен маленький серебряный колокольчик с жемчужным язычком. Он видел серьги дочери старухи, и ему пришло в голову, что булавка с колокольчиком будет красива. Словом, один заказ следовал за другим. Все платили большие деньги. Жак начал работать

не по ночам, а днем, но только всегда один и глядя на цветы из лунного царства. Позже Клод переехал на самую большую Льежскую улицу, завел там отличный магазин и мастерскую. У Жака было теперь много учеников. Он уже работал, не глядя на образцы из лунного царства. Однажды он попробовал сделать лилию и другие цветы, которые видел в волшебной стране. Это удалось ему. Цветы так ясно всплывали в его памяти, что он без труда делал их. Вскоре материалом ему стали служить золото и драгоценные камни. После цветов он принялся изготавливать изумрудных жуков, листики, а как-то раз из-под его рук вышло несколько удивительных зверушек. Клод прославился. Разбогатев, он перестал быть раздражительным, начал ласково относиться к Жаку, в конце концов усыновил его и отдал ему свою мастерскую и магазин.

Жак сделался знаменитым ювелиром. Он работал сам, работали и его ученики. Но он никогда не забывал того, что ему пришлось пережить, а потому был приветлив со всеми, кто от него зависел, помогал бедным.

– Как это все случилось? – часто спрашивал его постаревший Клод. Но как только Жак начинал рассказывать о лунном луче, о волшебном царстве, старик тут же принимался махать руками и кричать изо всех сил:

– Ну, уж этого не надо! Не люблю вранья, сыночек, – и выталкивал его за дверь.

Так старый Клод никогда и не узнал истории лунного царства.

Как Джек пошел счастья искать

Английская народная сказка

Жил да был на свете молодой человек по имени Джек. Однажды утром он пошел искать счастья по свету. Пройдя немного, он встретил кошку.

– Куда ты идешь, Джек? – спросила кошка.

– Я иду искать счастья.

– Можно пойти с тобой?

– Да, – сказал Джек, – это будет веселее, чем идти одному.

Топ да топ, топ да топ. Прошли они немного и увидели собаку.

– Куда ты идешь, Джек? – спросила она.

– Иду искать счастья.

– Можно пойти с тобой?

– Конечно, – ответил Джек, – это веселее, чем идти вдвоем.

Пошли дальше. Топ, топ, топ, топ, топ, топ. Вскоре встретили козла.

– Ты куда, Джек? – спросил козел.

– Иду по свету искать счастья.

– Можно пойти с тобой?

– Да, – сказал Джек, – вчетвером идти веселее.

Они пошли дальше. Топ, топ, топ. Вскоре встретили вола.

– Куда ты идешь, Джек? – спросил вол.

– Иду искать счастья.

– Можно пойти с тобой?

– Да, да, – ответил Джек. – Чем нас будет больше, тем веселее.

Топ, топ, топ, топ, топ, топ. Вскоре они встретили петуха.

– Куда ты идешь, Джек? – спросил петух.

– Иду искать счастья.

– Можно пойти с тобой?

– Да, – ответил Джек, – чем нас будет больше, тем веселее.

Топ, топ, топ, топ, топ, топ. Так они шли целый день, когда же стемнело, задумались о ночлеге. И вдруг увидели дом. Джек велел всем молчать, а сам подкрался к окошку и заглянул в комнату. Там у стола сидели разбойники и пересчитывали награбленные деньги. Джек вернулся к своим спутникам и велел им ждать знака, а потом кричать изо всех сил. Когда они приготовились, Джек сделал знак начинать, и тут пошла потеха: кошка замыкала изо всех сил, собака залаяла и завывала, козел принялся блеять, вол – мычать, петух – кричать ку-ка-ре-ку. Поднялся такой страшный шум, что разбойники перепугались, бросили деньги и убежали.

Джек и его приятели вошли в дом. Но молодой человек боялся, что разбойники вернутся ночью, а потому, когда пришло время ложиться спать, посадил кошку на кресло-качалку, собаку уложил под стол, козла отвел в верхний этаж дома, вола – в погреб, петух же сам взлетел на крышу, а Джек лег в постель.

Разбойники, спрятавшиеся в соседнем лесу, увидели, что в доме темно, и послали одного из своих товарищей за деньгами. Вскоре он прибежал весь дрожащий, испуганный и вот что рассказал им:

– Я вернулся в дом, вошел в комнату и хотел усестись в кресло-качалку, но там уже сидела какая-то старуха, она вязала чулок и воткнула в меня вязальные спицы. (Вы уже догадались, что это была кошка?)

– Я подошел к столу, чтобы собрать деньги, а под ним сидел башмачник, который сейчас же страшно уколол меня шилом. (Собака, понимаете?)

– Я сломя голову побежал вверх. Там был человек, молотивший хлеб. Он цепом ударил меня. (Просто его боднул козел.)

– Я побежал в погреб, там сидел дровосек и ударил молотком. (Это были воловьи рога!)

– Все бы это ничего, если бы не маленький человечек, сидевший на крыше дома, который кричал. Я хорошенько не понял его слова, но мне показалось, что я слышу: «Куда, куда, куда! Куда, куда, куда!» (Конечно же, это петух радостно кричал «кукареку»!)

Разбойники ушли и больше не возвращались. А Джек и его приятели-звери счастливо зажили в разбойничьем домике.

Наследство

Шведская сказка

Жил на свете очень богатый старик. И было у него три сына – Аларик, Рюрик и Эрик.

Младшего из них, Эрика, отец любил особенно сильно за его гордый решительный характер и за доброе сердце, но молодой человек уехал в далекие края, и о нем так давно не было никаких вестей, что старик стал считать его умершим.

В действительности же Аларик и Рюрик заставили младшего брата уехать из дома, и этим разбили сердце отца.

Он лежал при смерти и призвал сыновей, чтобы разделить между ними свои богатства. Обращаясь к старшему, Аларику, отец сказал:

– Ты всегда желал владеть имениями, поэтому я оставляю тебе мои поля и луга, рогатый скот и рабочих лошадей.

Потом он сказал второму сыну, Рюрику:

– Ты всегда был отличным охотником, владей же моими лесами и охотничьими землями, моими скакунами и собаками.

– А золото? – спросили оба в один голос.

– Я оставляю его Эрику.

– Но ведь он умер, – сказали Аларик и Рюрик.

– Кто знает? Может быть, он еще жив, – прошептал старик.

– Он умер. Я узнал это от одного путешественника, который вернулся из дальних стран, – сказал Аларик.

– Он умер, – прибавил Рюрик, – и, умирая, прислал мне вот это, прося, чтобы я передал его дар тебе на память. – И Рюрик показал отцу перстень, прибавив, что гонец привез ему кольцо от Эрика.

– Ну, так возьмите мои богатства и разделите их между собой поровну, по-братски, – слабым голосом произнес старик. Потом он призвал слуг, прося их быть свидетелями его воли.

Устроив свои земные дела, он уже готовился навсегда закрыть глаза, как вдруг в передней послышался крик.

– Я хочу, я должен его видеть!

Старик узнал голос младшего сына.

Аларик и Рюрик бросились, чтобы помешать Эрику войти, но старик пригрозил им, и им пришлось впустить брата.

– О, мой добрый отец, наконец-то я вижу тебя и целую твои руки, – воскликнул Эрик, становясь на колени перед кроватью старика.

– Ты долго не возвращался, сын мой, – проговорил отец, – но слава Богу, что я увидел тебя.

– Я вернулся бы раньше, отец, но я думал, что ты не хочешь меня видеть.

– Кто тебе сказал это?

– Мне написали братья.

Старик понял все и заплакал.

– О чем ты плачешь, отец? – спросил Эрик.

– Я сделал тебя нищим. Меня уверили, что ты умер, и я разделил все между твоими братьями. У меня для тебя нет ничего, кроме благословения.

Он положил слабеющую руку на голову любимого сына, благословил его, закрыл глаза и умер.

Когда отца похоронили, Аларик и Рюрик занялись своими владениями. Эрику они позволили поселиться в небольшой усадьбе близ елового леса и возделывать землю.

Молодой человек с удовольствием обрабатывал маленькое поле, а его братья наслаждались всевозможными развлечениями и удовольствиями: один в громадном имении, другой на охотничьих землях.

У Аларика и Рюрика было все, чего они желали, но ни один из них не чувствовал себя довольным. Никакие увеселения не доставляли им счастья, а между тем они с удивлением замечали, что бедный Эрик живет весело и спокойно.

Они послали гонца спросить Эрика, почему он так весел, счастлив и доволен. В ответ младший брат сказал гонцу:

– У меня только маленькая хижина, которую мне дали братья, но я получил от отца лучшую долю наследства, чем они.

Услышав это, Аларик и Рюрик рассердились и решили отнять у брата долю наследства, которую, по их мнению, он скрывал в своей лесной усадьбе. Они сговорились прийти к Эрику ночью, во время сна, и внезапно выгнать его из дома, чтобы он не успел ничего захватить с собой. Так и сделали. Аларик и Рюрик ночью постучали к Эрику. Когда он отворил дверь, они кинулись на него и свалили его на пол.

– Уходи и никогда больше не возвращайся, – крикнул Аларик. – Наследство, которое ты хранишь здесь, принадлежит нам. И все богатства, оставленные отцом, – наши!

– Мы ничего не позволим тебе унести, – вторил Аларику Рюрик, обыскивая его одежду.

– У меня нет никаких богатств, а потому я не могу ничего унести, – ответил удивленный Эрик.

– Да ведь ты сказал, что получил от нашего отца лучшую долю наследства, чем мы?

Эрик понял все.

– Я не могу отдать этого наследства, оно везде со мною.

– Где же оно?

– Здесь, на моей голове, которой коснулась рука отца, и в моем сердце. Мое наследство – его предсмертное благословение. Это мое единственное достояние, но я считаю его бесценным и не отдал бы за все ваши богатства.

Аларик и Рюрик удивились, и в них заговорили раскаяние и стыд. Они молча вышли из лесной усадьбы.

С этой ночи Аларик и Рюрик стали жить совершенно иначе, чем жили до сих пор. Вместо того чтобы пировать со своими слугами, Аларик одиноко жил в замке. Рюрик не хотел больше смотреть на своих веселых товарищей по охоте. Старшие братья Эрика теперь редко выходили на улицу, а когда случайно показывались, то никто не узнавал в них бывших весельчаков. Было ясно, что их тяготила глубокая печаль.

Однажды два брата, не говоря никому о том, куда они идут, взявшись за руки, медленно двинулись к кладбищу, на котором вечным сном спал их отец. Раньше они никогда не ходили туда. Молча дошли они до деревянного забора, который отделял кладбище от полей и лугов. Дойдя до двери склепа, они с удивлением увидели, что ее окружают гирлянды из свежих цветов.

Они посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: «Ты принес эти цветы?» И поняли, что этого не сделал ни один из них. Братья вошли через полуоткрытую дверь и вскоре заметили, что в склепе кто-то есть. В полусумраке виднелась фигура молодого человека.

– Наконец-то вы пришли, – сказал кроткий нежный голос Эрика. – Я каждый день ждал вас, я был уверен, что вы придете, как только вам захочется помириться со мной.

– Эрик, Эрик, – смиренно сказал Аларик, – я охотно уступил бы тебе все мои земли, если бы ты мог уделить мне хотя бы крошечную часть той драгоценной доли наследства, которую оставил тебе наш отец.

– Возьми все мои леса, мои охотничьи угодья, мое золото, возьми все, но умоли отца простить меня, – простонал Рюрик.

– Наш отец благословляет вас в эту минуту. И я тоже прощаю вас, – сказал Эрик, обнимая братьев.

С этого дня они зажили счастливо. Теперь все было у них общее – и земные богатства, и драгоценная часть наследства – благословение отца.

Священник-призрак

Испанское предание

Густые темные облака закрыли луну. Свистит и завывает ветер в утесах скалистой Сиеры Невады. Подле очага бедного дома сидит старый священник дон Педро и греет озябшие руки. В церкви, которая стоит неподалеку от его маленького дома, пусто и темно. Он только что окончил вечернюю мессу, но из-за непогоды почти никто из окрестных жителей не пришел помолиться святому Яго, покровителю ее главного алтаря.

Вот послышался стук в дверь. Старуха – служанка патера открыла ее, и в комнату вошел озябший мальчик.

– Отец, отец мой, – заговорил он, – стоит бурный ненастный вечер, но не откажи исполнить мою просьбу... Я пришел из деревушки Кампаньона Эрмоза, меня прислала старая Хуанита.

– Как? – удивился священник, – Хуанита? Та, которая не боялась Бога, не стыдилась людей, та, чье сердце было, как камень, а язык – как ядовитое жало скорпиона? Зачем ей понадобился священник в такое ненастье?

– Отец, Хуанита – моя тетка. Всю жизнь она жила несправедливо, но теперь, в смертный час, в ее сердце проснулось раскаяние. Ей хочется примириться с Богом, принять святое причастие и с облегченной душой встретить великую минуту.

Не говоря ни слова, священник поднялся с места, велел своей старой служанке Сильвии приготовить осла, взял запасные дары, молитвенник и сказал мальчику:

– Мой долг прийти на помощь жаждущей покаяния бедной душе, только тебе придется вести моего осла. Глаза мои плохо видят, я не могу управлять им в этой темноте, а своего старого слугу я отпустил сегодня.

Через несколько минут по крутой горной тропинке шел мальчик и вел осла, на котором сидел престарелый священник. По узким ущельям и по крутым спускам, по неудобным подъемам осторожно пробиралось умное животное. Наконец путники очутились в густом дубовом лесу. Жутко было мальчику, но старик ничего не боялся. Он только читал молитвы и молил Господа вовремя привести его к умирающей и помочь ему успокоить душу и облегчить сердце старой грешницы. Дон Педро был до того погружен в молитвы и благочестивые мысли, что точно проснулся, когда какие-то люди остановили осла, его самого схватили за руки и вытащили из седла. Это были разбойники. С криком отчаяния мальчик бросился бежать и вскоре скрылся в соседних кустах.

– Ну, старый, где у тебя деньги? – закричал атаман.

– У меня ничего нет, кроме молитвенника и запасных даров, которые я вез к умирающей.

Тем не менее разбойники обыскали патера, отняли у него тощий кошелек с несколькими медными монетами, взяли святыню – дарохранительницу и с досады, что не нашли ничего больше, стали бить старика и смеяться над ним.

– Я слышал, – сказал один из них, – что этот старик – колдун. Недаром он такой старый.

– Мне же говорили, – обратился другой к атаману, – что у него где-то в горах спрятаны несметные богатства.

– Ну, потолкуем, что с ним делать, – сказал атаман, – а пока до поры до времени свяжем его и положим на траву.

Старику связали руки и ноги. Он не сопротивлялся, да и не стоило бороться. Он был один, а их – семь человек, и все такие рослые, здоровые малые.

Отойдя в сторону, разбойники принялись совещаться. Они долго спорили, кричали, бранились, наконец решили подвергнуть священника ужасной пытке – привязать его повыше к дереву и разложить под ним костер, чтобы огонь жег подошвы его ног.

– Тогда старый колдун сознается, куда он запрятал свои богатства, – с усмешкой сказал жестокий атаман и подошел к дону Педро.

Между тем старик-священник не думал о своей судьбе. Он горевал только, что ему не удалось попасть к Хуаните, и мысленно молил Господа отпустить ей грехи и успокоить ее грешную душу.

– Ну, – сказал атаман, – готовься, старикашка. Если ты сейчас не скажешь, где спрятаны твои деньги и богатства, мы разложим под твоими ногами огонь, и он заставит тебя сознаться.

– У меня одно сокровище – моя вера. Одно богатство – любовь к людям и молитва, – спокойно ответил дон Педро. – Не бери же греха на душу, не мучь беззащитного старика, лучше отпусти меня. Я тороплюсь к умирающей. Мне нужно успокоить ее, и я боюсь опоздать в Кампаньону Эрмозу.

– Старый скряга, – проворчал атаман. – Не хочешь сознаваться – пеняй себя!

И через мгновение горящие угли жгли обнаженные ноги дона Педро. Его лицо исказилось от жестокой боли, но он, забывая о себе, продолжал сжимать слабые старческие руки и молил Господа послать утешение и покой умирающей Хуаните. Брошенный разбойниками осел мирно щипал траву, не понимая, что происходит с его бедным хозяином.

Разбойники, уставшие за день от грабежей и бесчинств, заснули, и только атаман сидел, помешивая угли, однако скоро и его голова упала на грудь, а веки крепко сомкнулись. Ему показалось, что спал он только минуту, но вдруг он почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча. Атаман открыл испуганные глаза. Возле него никого не было. В лесу распространялся белесый свет утра. На листьях, на траве блестели крупные капли росы. Ее было много, как никогда. Он обернулся в сторону дуба и разложенного костра и увидел, что огня нет, что даже головешки почернели и что старец, прикрученный веревками к стволу столетнего дуба, каким-то чудом соскользнул к его подножию и, оставаясь привязанным, не то спал, не то молился. Изумленный атаман повернулся к своим товарищам. Они спали, как мертвые. Старый осел священника, развесив уши, дремал недалеко от потухшего костра. В лесу просыпались птицы. И вот в зелени чащи что-то шевельнулось. Атаман увидел какую-то фигуру, и вскоре на каменистой дорожке появился старый осел, а на нем священник, как две капли воды похожий на привязанного к дереву дона Педро, только радостный и улыбающийся. Посмотрев на атамана светлым взглядом, священник поднял благословляющую руку и произнес:

– Хуанита умерла счастливая, прощенная Богом.

Атаман вскрикнул, бросился будить своих товарищей, но когда он снова посмотрел в сторону чудесного видения, оно уже исчезло. К дубу по-прежнему был привязан старик, который не то спал, не то молился, а возле него дремал осел.

Потрясенный атаман бросился к дону Педро, быстро разрезал веревки на его затекших руках, упал перед ним на колени и закричал:

– Ты святой, отец мой! Сила твоей веры совершила чудо. С этого дня я брошу свое ужасное ремесло, обращусь к Богу, только умоли его простить меня.

На ногах дона Педро не оказалось ни ран, ни ожогов, но он был слаб. Ничего не отвечая атаману, старик опустил на колени и стал молиться. Через несколько минут опять послышался шум в чаще, и вскоре на каменистой тропинке показался племянник Хуаниты.

– Ах, – закричал он, увидев разбойников и старика Педро. – Отец мой, ты опять попался в руки этих людей, а я-то так радовался, что ты освободился и, приехав к нам в Эрмозу, утешил и успокоил мою умиравшую тетку. Как же они опять захватили тебя?

Услышав это, атаман зарыдал, закрыв лицо руками.

Разбойники с почестями проводили дона Педро до его дома. С этого дня они перестали убивать и грабить, стараясь добрыми делами загладить свои прежние преступления. Атаман же на месте, где произошло чудо, выстроил церковь в честь святого Петра, а сам ушел в Палестину и сделался там братом милосердия, чтобы ухаживать за самыми несчастными из несчастных людей – за прокаженными.

Дочь алхимика

Итальянская сказка

Жил король. У него не было детей, и он не знал, кому оставить свою корону. И он, и королева жалели об этом до слез. Вот однажды приходит к нему королева, такая веселая, и говорит:

– У нас будет наследник, сын.

– Неужели? – спросил король.

– Алхимик Демиде сказал мне это. Он говорит, что у нас родится сын, если только мы обещаем ему одну вещь.

– А какую?

– Видишь ли, когда принцу исполнится 20 лет, он должен жениться на дочери Демиде, которая родится у него.

– А почему он знает, что у него родится дочь?

– Он волшебник, все знает.

– Ну, хорошо, – сказал король и решил как-нибудь обмануть Демиде.

Однако ему пришлось подписать торжественный договор с алхимиком.

Через некоторое время у королевы родился сын. Начались праздники, пиры. Маленький будущий король был хорош, как звезда, здоров, как птичка, мил, как бутон розы.

Стук, стук.

– Кто там?

– Я, Демиде.

Волшебник вошел в комнату королевы. На нем был длинный-длинный плащ, а его борода доходила до колен. Он нахмурил щетинистые брови и сурово посмотрел на короля, не особенно приветливо встретившего его.

– Теперь у вас есть будущий король, – сказал Демиде на ухо королю, – а я принес вам будущую королеву. Нужно воспитать ее во дворце... в подземелье. Там я буду наблюдать за ней. Когда ей исполнится 20 лет, она станет женой вашего сына. Я хочу, чтобы вы хорошо обращались с ней, со временем она сделается красавицей.

Король проворчал что-то.

– Если же мы рассоримся... – Демиде не договорил и показал знаком, что тогда маленький принц умрет.

Королева поняла, прижала к сердцу малютку и сказала алхимику Демиде:

– Да, да, отнесите девочку в подземелье, возьмите себе ключи, поступайте, как велит судьба. А кто же будет кормить вашу малютку?

– Об этом позабочусь я, – ответил Демиде.

– Ну, покажи мне будущую жену моего сына, – недовольным голосом сказал король.

– Вот, – произнес Демиде. Его глаза засветились, он распахнул плащ и вынул из-под него большую крысу, черную-черную и с длинным хвостом.

Король и королева закричали от ужаса.

Но Демиде снова указал пальцем на мальчика и напомнил им о данном обещании. И король, и королева сказали в один голос:

– Да, да, воспитывайте вашу дочь. Через двадцать лет она станет женой нашего сына.

Демиде пошел в подземелье дворца, выпустил там крысу и заперся с ней.

Алхимик каждый день приходил во дворец и спускался в подземелье. Король всегда с ужасом смотрел на него, но вежливо спрашивал, как здоровье будущей супруги принца.

– Растет и здорова, – каждый раз отвечал Демиде.

– Увидишь, сделается ли твоя ужасная крыса женой моего сына, – думал про себя король и решил жестоко подшутить над Демиде.

Принц рос. Демиде приходил каждый день.

Когда принцу шел третий год, король сказал королеве:

– Неужели мы исполним обещание? Неужели наш Джильберто женится на этой ужасной крысе?

– А вдруг он умрет? – испуганным голосом спросила королева.

– Алхимик не узнает, что дело расстроилось по нашей вине.

Король взял одну из самых кровожадных собак со своей псарни, приучил ее ловить крыс и однажды отвел к дверям в подземелье.

Когда Демиде пришел утром и открыл дверь, где его ждала черная крыса, король, спрятавшись в соседнем коридоре, выпустил крысоловку, и она проскользнула за Демиде.

Раньше, чем волшебник успел защитить своего зверька, яростная собака бросилась на крысу, перекусила ей спину и кинула ее к ногам алхимика. Волшебник вытер слезы, выступившие на его глазах, и скоро оправился. Он наклонился, снял с руки большой перстень, открыл коробочку, которая была устроена в нем, и налил из нее несколько капель жидкости в рот зверька.

Крыса вздрогнула, поднялась и превратилась в прелестную девочку лет трех с небольшим.

Собака убежала с жалобным воем. Алхимик поднял малютку на руки и поцеловал ее в маленький-маленький розовый ротик.

– Бедная малютка, тебе придется много лет жить здесь, в темноте. Что делать? Но виновник будет наказан. Ты не побоишься сидеть здесь в темноте?

– Нет, папа Демиде, только приходи ко мне.

И Демиде каждый день приходил к малютке.

– Тебе было страшно спать одной?

– Нет, папа, я лежала в корзинке с листьями, и листочки рассказывали мне столько хороших историй.

Алхимик целовал дочку, ласкал ее, приносил ей разные вкусные вещи и говорил:

– Когда тебе минет двадцать лет, ты сделаешься королевой.

Девочка росла и хорошела, но она жила в темном подземелье и потому была белая-белая, как лилия.

Король, который думал, что его собака загрызла крысу, не мог понять, зачем волшебник продолжает бывать в подземелье. Он боялся встречаться с Демиде, но тем не менее следил за ним и однажды, когда алхимик вошел в подвал, приставил ухо к замочной скважине и прислушался.

– Малюточка моя, когда тебе исполнится двадцать лет, ты сделаешься королевой.

Кому сказал это Демиде? Крысе? Король ничего не мог понять.

И вот он услышал тонкий детский голосок, что-то отвечавший алхимику. Король страшно заволновался.

– Крыса жива и даже разговаривает. Неужели она действительно стала ребенком?

Король посмотрел в замочную скважину и увидел, что Демиде держит на руках прелестную девочку, беленькую, как восковая свечка.

– Нет, сын мой никогда не женится на дочери этого ужасного человека. Я как-нибудь отделаюсь от обещания!

Он ничего не сказал королеве, которая была занята воспитанием принца, и посоветовался с другим колдуном по имени Черный, врагом Демиде. Тот обещал избавить короля от данного слова.

В подземелье вела только одна дверь, тяжелая, железная, ключ от нее хранился у Демиде. Новый советник короля подошел к наружному решетчатому окошку, через которое в подземелье проникал слабый свет.

– Кто там? – спросила девочка, поднимаясь с сухих листьев.

– Я, колдун Черный, и я тебя съем.

– Съешь, если можешь.

– Вот как? – И Черный пролез сквозь узкую решетку окна.

– Вот и я, теперь берегись!

Но раньше, чем он успел броситься на дочь Демиде, девочка вскочила с постели и закричала:

– Гении листочков, придите ко мне!

И вся комната наполнилась маленькими крылатыми существами с палками и ветками. У некоторых были фонарики, чтобы освещать подземелье. Их налетело такое множество, что Черный похолодел от страха.

Они бросились на него, колотили, щипали, били, потом все вместе протолкнули сквозь решетки окна.

– Ай, ай, они замучили меня! – кричал Черный. Прибежал король.

– Ну, ничего, – сказал король. – Я попрошу другого колдуна.

– Нет, король, – ответил Черный, потирая ноги и ошупывая себя, – об этом позабочусь я. В другой раз дело пойдет удачнее.

Колдун Черный сидел дома и придумывал средства погубить девочку, а время шло. Дочь Демиде выросла, вырос и будущий король. Приближалось время, назначенное для свадьбы. Однажды королю пришлось встретиться с Демиде.

Алхимик состарился. Его борода совсем побелела и стала такой длинной, что доходила до земли. Глаза его блестели по-прежнему. Он дотронулся до руки короля и прошептал ему на ухо:

– Крысе восемнадцать лет. Она скоро обвенчается со своим женихом.

Король покраснел и сердито махнул рукой. Но алхимик сделал опять угрожающий знак, и король съежился.

– Колдун Черный, – сказал король своему советнику, – нужно покончить с этой девушкой.

– Не бойтесь, сделаем. Я тоже сердит на нее, ведь меня знатно поколотили.

Колдун Черный побежал к окошку с решеткой, через которое свет проходил в подземелье.

– Гм-гм, – сказал он.

– Чирик-чирик, – изнутри ответила ему птичка.

Дочь Демиде превратилась в щегла, который прыгал по подземелью.

– Теперь готово, – сказал колдун и побежал за охотничьим ружьем. Он зарядил его, прицелился... Паф!

Дым наполнил подземелье, птичка дрогнула два или три раза и... снова превратилась в молодую девушку.

Заскрипела дверь. В подземелье вошел Демиде. Колдун Черный до смерти боялся его и убежал со всех ног, пробормотав:

– Ну, в другой раз.

Колдун Черный ничего не мог сделать. Срок свадьбы подходил, и королю и королеве оставалось только исполнить обещание. Король сердито прогнал Черного.

Наконец наступил день, в который девушку должны были представить ко двору. Демиде отнес ей в подземелье нарядное платье, драгоценности и, когда она хорошенько нарядилась, отвел ее во дворец, где на тронах сидели король, королева и принц.

– Вот, Ваше Величество, невеста вашего сына, – сказал Демиде, велев дочери поклониться.

– Как? Эта некрасивая, желтая и худая девушка? – невежливо спросил принц.

Девушка, которая действительно после двадцати лет, проведенных в подземелье, была очень бледна и худая, но все же красива и привлекательна, так смутилась, что заплакала.

Демиде взял ее за руку, погрозил кулаком принцу и ушел из дворца.

– Ну, что теперь будет? – спросила королева и побежала за алхимиком, чтобы успокоить его. Но он был так раздражен, что ничего и слышать не хотел.

Королева долго упрашивала его перестать сердиться. Она все надеялась, что дочь алхимика оправится на свежем воздухе, и обещала так хорошо одеть ее, чтобы девушка понравилась принцу. Наконец Демиде согласился.

Через несколько дней бывшую крысу, которая оставалась по-прежнему бледной, нарядили, украсили драгоценностями, как настоящую принцессу, и отвели к сыну короля.

– Ну, сыночек, скажи ласковое слово твоей невесте, – со страхом прошептала королева.

– Этой желтой, сухой? Ни за что. Я не женюсь на ней!

Все пришли в ужас, понимая, что страшный Демиде отомстит принцу.

Королева и придворные рассказали молодому человеку о заключенном договоре, но он и слышать ничего не захотел. Принц называл невесту салатом, побледневшим в темноте, и жестоко смеялся над ней.

Не попрощавшись, ничего не сказав ни королю, ни королеве, Демиде ушел со своей дочерью. Напрасно королева посылала за ними. Они исчезли без следа.

Шли дни. Король и королева дрожали за сына.

«Не похудел ли он с того дня, как Демиде ушел из дворца?» – то и дело спрашивали друг друга король и королева. Действительно, принц стал есть мало и сделался печален. Ночью у него горел лоб, и он метался во сне.

Напротив королевского дворца была поляна, заросшая сорными травами, а посреди нее стояла жалкая хижина. В ней жил странный старик. Много раз король хотел купить эту землю, которая портила вид из окон дворца, но старик каждый раз презрительно отвечал, что он никогда не продаст своего имения. Король предлагал ему за землю миллионы, но упрямец не сдавался.

Как же все удивились однажды утром, увидев из дворца, что запущенное поле старика превратилось в великолепный сад, на краю которого точно вырос прелестнейший дом.

Король, королева, принц и придворные спрашивали друг друга: каким чудом в одну ночь появились все эти прелести? Королева боялась. Она думала, что дело не обошлось без Демиде, готовившегося отомстить принцу. Вечером в доме слышались музыка и пение. Сквозь окна, полузакрытые великолепными занавесями, виднелись тени гостей, свет множества свечей. Балы продолжались до зари. Но как ни наблюдали за таинственным домом, никто не видел, чтобы кто-нибудь выходил из него или входил в его двери, – ворота были заперты. Казалось, в нем шла своя, отдельная жизнь.

Раз утром на балкон дома вышла красивая девушка. Принц заметил ее, взгляделся в ее лицо, и ему показалось, что он узнает в ней кого-то, кого видел, но забыл.

– Как она хороша, мама, – сказал принц.

На следующий день принц не встал с постели. Он сильно ослабел и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Король и королева советовались с докторами, лекарями, знахарями, алхимиками. Никто не мог сказать, чем болен принц, но все твердили в один голос: «Принц при смерти». Этого не скрыли ни от короля, ни от королевы.

К вечеру третьего дня больной сказал:

– Отнесите мою кровать на террасу, я хочу еще раз увидеть красавицу.

Его желание исполнили. Он увидел девушку, и ему стало еще хуже. Заметив принца, она громко расхохоталась и ушла.

Принцу становилось все хуже и хуже. Он заметно слабел, но раз ему удалось подняться с постели и, когда молодая красавица была на своем балконе и любовалась цветами, он бросил ей прелестную розу.

Красавица подняла цветок, позвала слугу, передала ему розу и сказала так громко, что принц услышал:

– Прикрепи ее к уху моего осла, который пасется там, в парке.

Принц умирал. Тогда королева послала к красавице с просьбой выйти замуж за принца.

Королевского пажа ввели в великолепную комнату, и когда он передал поручение королевы, красавица ему сказала:

– Пусть принц женится на той крысе, которую ему назначили в невесты.

Принцу не передали этого ответа. Ему стало еще хуже.

– Пошлите ей рубиновое ожерелье моей матери, – гневно приказал он.

Приказание было исполнено.

Красавица приняла камергера, который принес ей ожерелье, в чудном мраморном зале, украшенном золотом.

Она со смехом взяла ожерелье и сказала камергеру:

– Подождите!

Подпрыгивая на каблуках своих вышитых золотых туфель и волоча длинный шлейф платья, она подбежала к боковой дверке и закричала серебристым голосом:

– Цып, цып, цып.

К ней бросилась целая стая кур и цыплят. Девушка разорвала ожерелье, побросала все рубины на землю, и камергер открыл рот от удивления, видя, как куры и цыплята стали быстро подбирать рубиновые зерна.

– Расскажите вашему принцу о том, что видели, – крикнула молодая девушка.

Принц опять спросил, что ответила красавица. Ему не сказали, и он приказал:

– Пошлите ей королевскую цепь, которую надевает король, когда он принимает иностранных послов.

Девушка охотно приняла посланного к ней старого сенатора. Он передал ей цепь и сказал:

– Соболаговолите принять этот знак королевского достоинства, его вам посылает принц, который при смерти.

Красавица улыбнулась, взяла цепь, позвала слугу и, передав ему драгоценность, сказала:

– Прикрепи ее над камином! – Повернувшись к сенатору, она добавила: – Расскажите об этом вашему господину.

Она засмеялась и убежала.

Принц хотел знать, что ответила красавица. Ему только намекнули на это, и он почувствовал себя совсем плохо.

– Бедный сынок, Демиде наказал его.

Плакал король, плакала королева.

– Отнесите ей королевскую корону или я умру, – сказал, задыхаясь, Джильберто.

Корону отнесли бессердечной красавице.

– Лючия, – закричала она служанке, – вот тебе гнездо для голубей, – и она отдала корону старухе.

Королева потеряла свое любимое ожерелье, король цепь и корону, а принц умирал.

– Пусть она придет и увидит, как я умираю.

Камергеры, пажи и сенаторы побежали умолять жестокую девушку.

– Хорошо, я приду, но пусть всю дорогу выложат лепестками роз, так, чтобы они покрывали землю. Если ветер унесет хоть один из них – принц умрет.

Королева приказала собрать все розы со всего королевства. Она велела выбрать самые тяжелые и самые большие из них и рассыпать их лепестки, когда не будет никакого ветерка. Лепестки устилали путь от ворот таинственного дома до дверей королевского дворца.

Красавица вся в белом вышла из дома. Перед ней шли двенадцать вооруженных рыцарей, восемь пажей несли ее длинный шелковый шлейф. Она ступала по лепесткам роз. Королева, стоя у окна, затаив дыхание, смотрела на нее. Вдруг с востока подул легкий ветерок, лепестки роз зашевелились и некоторые из них поднялись в воздух.

Красавица повернула назад. Принц, вздохнув, окаменел. Все думали, что он умер, королева и король заливались слезами. Придворные тоже плакали. А там, в доме, слышались звуки музыки, пение и смех. Вдруг на балконе появился старый Демиде с белоснежной бородой. Подозвав к себе красавицу, он протянул руку к дворцу короля и сказал:

– Войди в королевский дворец и посмотри, дочь моя. Там лежит принц худой-худой и желтый, как воск. Посмейся над ним.

Король услышал это и зарыдал громче прежнего. Молодая девушка подошла к отцу и сняла с его руки большой золотой перстень. Не говоря ни слова, она перебежала через дорогу, вошла во дворец и наклонилась над больным принцем. Нажав пружину, она открыла коробочку, которая была устроена в перстне, и вылила оттуда несколько капель красной, как кровь, жидкости. Одна капля упала на губы окаменевшего молодого человека. Пристально глядя на него, девушка сказала:

– Ты был бессердечен, ты смеялся надо мной, выросшей в темноте без света солнца, без ласки матери. Теперь ты сам такой же желтый и жалкий, какой была я! Но ты страдал, и я тебя прощаю!

В эту минуту принц открыл глаза, протянул руки к дочери волшебника и крикнул:

– Невеста моя, прости меня.

Красавица наклонилась и обняла его.

Вскоре принц оправился, и его свадьбу с дочерью Демиде отпраздновали великолепными пирами и торжествами.

Розовая птица

I

Давно-давно, когда среди роскошных цветов Прованса еще появлялись волшебные феи, в городе Сан-Рафаэль жили Мишель Морелло, его жена Катерина, их дети – трехлетний Руми и десятилетняя Розелина – и мать Катерины – Роземонда. Мишель Морелло был барочником, возил товар из Франции в Италию, и дела его шли хорошо.

Однажды во время бури барка Морелло натолкнулась на подводный камень, и, хотя сам Мишель и его матросы спаслись, все его имущество погибло. Ему пришлось уехать в далекую страну к старому дяде, который позвал его к себе. Средств на путешествие у него было мало, так как из всего имущества у него сохранились лишь деньги, которые были зашиты в его пояс. Он мог взять с собой только жену и маленького Руми. Роземонду и Розелину ему пришлось оставить дома. Старушку приютили в госпитале городка Фрежу, где она обещала помогать сестрам милосердия ухаживать за больными. Розелина же нанялась к одной фермерше Терезине пасти коз. Девочка радовалась, что она будет помогать бабушке, и ее печалила только разлука с отцом, матерью, братом да мысль, что ей не придется больше ходить в школу учиться. Однако она взяла с собой свои учебники в надежде в свободные минуты заглядывать в них. Фермерша ласково встретила ее, а двадцать порученных ей коз очень понравились пастушке.

На следующий же день после своего поступления на ферму Розелина пошла пасти коз. Она внимательно смотрела за ними и постоянно пересчитывала их. На пастбище козы спокойно щипали траву, и до половины дня все шло хорошо, но, когда козы наелись, им захотелось играть. Они стали бегать, прыгать, карабкаться по камням, приводя в отчаяние пастушку. Розелина бегала из стороны в сторону и кричала: «Козонька, козонька, иди сюда!» Но едва возвращалась одна из них, остальные исчезали в кустах козолист и мирт. Розелина пришла в полное отчаяние. Но вдруг она увидела спускающегося с горы мальчика лет тринадцати, который гнал перед собой стадо коров. Он заметил волнение Розелины и, поручив свое стадо двум большим собакам Аге и Рокебрюну, подошел к ручью, срезал два высоких султанчика, оборвал с них листья и спросил:

– Ты не можешь собрать коз?

– Не могу, – ответила она.

– Ничего, – сказал пастух. – Я помогу тебе. Возьми вот этот султанчик и загоняй коз с одной стороны, я же загоню их с другой.

Когда козы собрались, пастушок велел своим верным псам сторожить животных, а сам присел около Розелины.

Дети разговорились. Пастуха звали Катани, и он сказал, что хорошо знал прежнюю пастушку Терезины Ноели, которая была зла, дерзка и непослушна. Потом он стал расспрашивать Розелину, кто она и откуда. Когда пастушка сказала ему, что она училась в школе, Катани воскликнул:

– Значит, ты ученая?

– Ну нет, я только старалась хорошенько учиться тому, чему меня учили. А ты?

Катани ударил кулаком по камню и сказал:

– Мне тринадцать лет, а я не умею ни читать, ни писать.

– Бедненький, – кротко сказала Розелина и, подумав немного, прибавила: – Хочешь я поучу тебя?

Катани очень обрадовался.

Уроки начались. Теперь собаки Катани сторожили оба стада, а Розелина учила мальчика. Он занимался усердно и через две недели уже хорошо знал все буквы и даже мог писать нетрудные слова.

Однажды утром пастушка услышала, что дует страшный мистраль (южный ветер, который приносит грозу и бурю). В этот день козы ее не слушались, были сердиты, бегали, дрались, заходили на засеянные поля, вообще вели себя беспокойно, но на поляне они немного при-смирели. Урок шел с перерывами: дети то и дело ходили смотреть, что делают козы и коровы. Наконец Розелина не выдержала.

– Мы будем заниматься завтра. Сегодня наши коровы и козы от ветра совсем с ума сошли.

Сказав это, она пошла взглянуть на коз и увидела, что они разбежались в разные стороны.

– Аге, Рокебрюн! – закричал Катани, и, точно поняв его упрек, овчарки стали загонять коз обратно. Розелина сосчитала их и вскрикнула. Осталось только девятнадцать.

Напрасно дети искали пропавшую козу, она не нашлась. Оба были в отчаянии.

Дома Розелина прямо прошла к фермерше и сказала о несчастье, которое случилось с ней.

– Как же это вышло? – сурово спросила Терезина.

– Не знаю, – ответила бедняжка.

– Ах, Розелина, Розелина, – с упреком сказала фермерша, – а я-то считала тебя такой заботливой и хорошей. Я думала, что ты совсем не походишь на мою прежнюю пастушку Ноели.

– Я вам заплачу за козу, – ответила Розелина, – не давайте мне моего жалованья.

Терезина смягчилась: – Ну хорошо, дитя мое, я вижу, что ты сознаешь свою вину. Но теперь ты шесть месяцев не будешь получать денег.

В этот вечер Розелина пошла спать, не поужинав. Шесть месяцев без жалованья! Между тем она мечтала заработать деньги для бабушки. Девочка горько-горько заплакала. Вдруг раздалось пение птички, такое нежное, такое чудное, что Розелина перестала плакать. На эвкалипте, красивом южном дереве с кривыми, как турецкие сабли, листьями, качалась птичка и поглядывала на пастушку. Розелина никогда в жизни не видела таких птиц. Она была вся розовая, как самая красивая роза, с клювом голубым, как сапфир, с лапками красными, как коралл, а из ее горлышка лились потоки звонких звуков, нежное пение малиновки и соловья. Розелина забыла свою печаль и улыбнулась. Розовая птичка слетела с ветки и села на окно. Когда Розелина протянула к ней руку, птичка вспорхнула на нее, посмотрела ей в лицо, прикоснулась клювом к обеим ее щекам, потом улетела, чирикнув на прощанье.

Когда она скрылась в небе, Розелина посмотрела на руку и с удивлением увидела на ней яркую шерстинку. «Не птичка ли принесла ее?» – подумала Розелина. Шерстинка напомнила Розелине, что она могла бы вязать, чтобы зарабатывать деньги для бабушки, и решила начать работу, не зная, откуда ей удастся достать шерсть.

И на следующий день и еще долго Катани и Розелина отыскивали пропавшую козу, но она так и не находилась. Наконец Розелина сказала своему другу:

– Если она должна вернуться, то вернется. Давай учиться.

Катани вспыхнул.

– Как? Ты еще хочешь меня учить, хотя козочка пропала из-за меня? Как ты добра. Ну, хорошо, будем учиться, но только по утрам. Утром козы и коровы голодны и усердно пасутся, после же полудня я буду уходить на дальний луг.

В конце месяца Терезина призвала работников, чтобы заплатить им жалованье. Все подходило за деньгами, одна Розелина стояла в стороне.

– Что же ты не подходишь, Розелина? – спросила фермерша. – Разве ты не хочешь получить деньги?

– Я оставляю их в уплату за козу, – ответила пастушка.

– Хорошо, хорошо, – сказала фермерша, – ты добрая девочка, и я довольна тобой. Возьми деньги. Если они тебе не нужны, отнеси их бабушке.

Розелина не знала как и благодарить ее. В тот же день она пошла в Фрежу. Ей хотелось отдать деньги бабушке, но та сказала ей:

– Нет, моя дорогая, мне денег не нужно. Мне дают все необходимое. Помнишь, ты говорила, что хочешь вязать. Купи на эти деньги шерсть. Ты свяжешь что-нибудь хорошенькое и продашь.

Розелина так и сделала. Теперь по утрам она занималась с Катани, а после полудня, когда он уходил, стерегла коз и в то же время вязала юбку. Работа шла быстро. Через две недели пастушка с сожалением увидела, что у нее кончилась шерсть. Вздыхнув, она подняла головку и на одном красивом кусте увидела розовую птичку, которая ласково смотрела на нее. Розелина ее узнала. В ту же минуту из нежного горлышка птички полилась дивная песня. Розелине казалось, будто маленькая певица утешает ее и обещает ей помощь. Окончив песню, птичка села на плечо пастушки. Розелина погладила ее перышки. В ответ на эту ласку птичка стала нежно касаться ее руки и тихонько чирикала. Она так часто ударяла носиком по пальцам пастушки, что Розелина внимательнее пригляделась к ней и увидела в синем клюве шерстинку. Розелина взяла в руки один конец шерстинки, а птичка перелетела на ветку. О чудо! Другой конец шерстинки птичка держала в клюве. Девочка взяла спицы и попробовала начать вязать. В ту же минуту она увидела, что и по цвету, и по толщине эта чудесная шерсть точно такая же, как та, из которой она вязала теплую юбку. Она стала работать. Шерстинка все удлинялась. Тогда маленькая пастушка поняла, что перед ней добрая фея.

– О, моя прелестная розовая птичка, о добрая фея, ты заботишься о маленькой Розелине, я постараюсь быть достойной твоей доброты.

Она вязала до самого вечера. Когда послышался звон колокольчиков коров Катани, розовая птичка бросила шерстинку и подлетела к Розелине. С удивлением пастушка услышала тихий голосок, говоривший: «Никогда, никому не говори о том, что я делаю для тебя». И птичка улетела.

Птичка возвращалась каждое утро, и к следующему месяцу Розелина связала хорошую теплую юбку, но не продала ее. Она увидела, что Роземонда одета очень плохо, что ей холодно, и подарила бабушке свою работу.

Из Фрежу Розелина шла веселая и довольная. Выходя из города, она увидела Катани.

– Откуда ты? – спросила она.

– От моего отца. Он калека и не может работать. К счастью, я работаю и за него, и за себя.

Розелина стала расспрашивать Катани о его бедном отце и узнала, что мальчик отдает ему все, что получает. «Вот почему он так плохо одет, вот почему у него нет даже вязаного берета», – подумала она. Вдруг она услышала блеяние козы. Розелина прислушалась, огляделась и невдалеке увидела цыганскую палатку и фуру.

– Кажется, это голос Жанны, потерянной козочки, – сказала пастушка и вместе с Катани подошла к палатке.

Там послышался детский голос, который говорил: – Да, это моя коза. Она очень красива, и у нее много молока.

– Это Ноели, – прошептал Катани. Дети завернули за угол, заглянули в палатку и увидели старую цыганку, а возле нее девочку, ровесницу Розелины. Рядом с ней стояла Жанна, лучшая коза Терезины.

Розелина не выдержала, бросилась к палатке, вырвала веревку из рук Ноели, обняла шею козы руками и закричала:

– Ты лжешь, это коза фермерши Терезины. Ты украла ее.

Ноели пришлось отдать козу. Катани сказал, что он ответит Ноели в Фрежу и отдаст ее судье, но Розелина заступилась за прежнюю пастушку Терезины.

– Ее посадят в тюрьму, – сказала она, – а это будет ужасно. Я ей прощаю все. Я уверена, что она сожалеет о своем поступке и никогда больше не будет делать таких вещей.

– Не буду, не буду, – повторяла Ноели.

Катани отпустил ее.

Фермерша очень обрадовалась, что коза нашлась, и хотя Розелина не хотела сказать ей, что Ноели украла Жанну, Катани рассказал об этом.

II

Розелине пришлось на две недели расстаться с Катани, потому что тот фермер, у которого он служил, в это время года всегда вырабатывал из укропа и других ароматических трав пахучие эссенции. Коровы оставались в хлеву, так как Катани уходил в горы за травами. Розелине было скучно без своего друга, но розовая птичка продолжала приносить ей шерсть, и она связала бабушке прелестную пелеринку. Вскоре был готов и берет из голубой шерсти для Катани. Одно мучило Розелину: ни бабушке, ни Катани не могла она объяснить, кто дает ей шерсть для вязания, и однажды сказала птичке:

– Птичка, моя прелестная птичка. Мне тяжело молчать. Позволь мне сказать, что ты приносишь мне эту чудную шерсть.

– Нет, нет, – тонким человеческим голосом ответила розовая птичка, – знай, что я не всегда была птицей и могу снова сделаться красивой молодой девушкой только в том случае, если встречу мужчину, женщину, маленького мальчика или девочку, которые сумеют сохранить тайну. Итак, если хочешь спасти меня, сохрани все в тайне.

И птичка улетела. На следующий день Катани пришел с гор, и Розелина подарила ему вязанный берет и попросила не расспрашивать ее ни о чем. Как-то раз Катани сказал Розелине:

– Ты думаешь обо всех и забываешь только себя. Посмотри-ка на твое платье. Оно совсем выцвело, вытерлось. Если у тебя еще есть шерсть, свяжи для себя новое платье.

Розелина не любила делать что-нибудь для себя, но она должна была уступить просьбам Катани. Птичка принесла ей шерсть прелестного нежно-розового цвета. (Надо сказать, что, проходя в Фрежу мимо лавочки продавщицы Франсины Тассо, Розелина часто видела у нее шерсть совершенно такого же цвета.) Раз как-то во время работы Розелина с удивлением заметила, что у нее больше нет шерсти. Она оглядела все кусты, отыскивая розовую птичку, но не увидела ее. Зато перед ней стояла Ноели.

– Я пришла к тебе, так как хочу посмотреть, действительно ли ты меня простила, – сказала она.

– О, да, простила вполне, – ответила Розелина, обняла ее и поцеловала.

– Тогда, – продолжала Ноели, – ты не откажешь мне в одной просьбе: позволь мне приходить учиться у тебя, как учится Катани.

– Ты знаешь об этом?

– Да, мне сказали.

– Хорошо, маленькая Ноели. Завтра же я дам тебе первый урок.

Уроки начались, и вскоре Розелина заметила, что Ноели одета в лохмотья. Тетка, у которой она жила, была бедная и очень недобрая женщина. И она сердилась на племянницу за то, что Терезина отказала ей в работе. Розелине стало глубоко жаль Ноели, и она решила связать для нее то платье, которое начала было для себя. Раз в ожидании Ноели Розелина сидела и вязала. Ноели пришла, увидела ее работу и сказала:

– Ты вяжешь красивое платье.

Розелина улыбнулась и ответила:

– Тебе оно нравится? Тем лучше, значит, та, для кого я его вяжу, найдет его красивым.

– А для кого это платье? – спросила Ноели.

- Для одной из моих милых приятельниц, – нежно ответила Розелина и улыбнулась.
- А где ты купила такую красивую шерсть?
- Я слишком бедна, чтобы покупать шерсть, – ответила пастушка. – Мне ее подарили.
- Кто же тебе ее подарил? – спросила Ноели.
- Я не могу тебе этого сказать.

Вскоре Ноели перестала приходить учиться.

Розелина продолжала вязать платье для Ноели и, наконец окончив работу, решила отнести ее в Сан-Рафаэль. Тетка Ноели жила на площади городка рядом с красивым фонтаном, к которому обыкновенно собирались женщины поболтать и поговорить о новостях.

Стояла чудная погода. Около фонтана собралась большая толпа. Розелина заметила там Ноели. Она подошла к ней и поцеловала ее, говоря:

- Ах, какое счастье, а я уж боялась, что ты больна.

Ноели сильно покраснела и оттолкнула Розелину, потом, помолчав немного, сказала женщине, стоящей рядом с ней:

- Госпожа Тассо, вот кто украл вашу шерсть.

Розелина, как пораженная громом, пошатнулась и упала без чувств.

– Велите ей показать, что в свертке, – сказала Ноели, когда бедная пастушка пришла в себя. Сверток развернули.

- Моя шерсть! – закричала Франсина Тассо.

– Не может быть, – сказала бывшая тут же в толпе Терезина. – Розелина, скажи госпоже Тассо, где ты купила эту шерсть.

- Я ее не купила, мне ее дали, – прошептала Розелина.

- Кто дал?

- Я не могу этого сказать, – ответила побледневшая Розелина.

Фермерша уговаривала Розелину сказать, кто ей подарил шерсть, но маленькая пастушка дрожащим голосом твердила: не могу, не могу сказать.

- «Я должна спасти розовую птичку», – думала она.

Когда развернули связанное платье, все пришли в восторг, а фермерша сказала:

- Тот, кто умеет так работать, не может воровать.

- Правда, – согласились многие.

- Для кого ты вязала это платье? – спросила Терезина.

Розелина подняла на Ноели глаза, полные слез.

- Я давала ей уроки и видела, что на ней лохмотья, – прошептала Розелина.

- И ты захотела ей подарить платье? – спросила фермерша.

- Да, – ответила Розелина.

Франсина Тассо сказала:

– Слушай, Розелина, если ты даже взяла мою шерсть, пусть тебя судит совесть. У тебя все-таки доброе сердце, и я не хочу тебя губить. Иди домой.

- Погодите, – раздался грубый голос. – Эту девочку обвиняют в воровстве. Я арестую ее.

Розелина страшно вскрикнула. Перед ней стояли четыре жандарма.

- Объясни, откуда ты взяла шерсть, – сказал старший жандарм.

- Скажи, маленькая Розелина, – ласково шепнула фермерша. – Подумай о бабушке.

Девочка зарыдала. В это мгновение что-то мягкое дотронулось до ее щеки, и она услышала тихий шепот: – Все хорошо. Мужайся, мужайся!

Она подняла голову, в воздухе носилась чудесная розовая птичка. Розелина почувствовала себя сильнее и произнесла твердым голосом:

– Господин жандарм, я не могу вам сказать, кто мне подарил эту шерсть, но клянусь всем святым, что ее мне дали и что я не сделала ничего дурного.

- И ты больше ничего не скажешь? – спросил жандарм. – Иди же с нами.

III

Розелину отвели в тюрьму. Когда, узнав о несчастье, бабушка прибежала в тюрьму, ей позволили повидаться с Розелиной. Лаская внучку, старушка сказала, что она не верит в ее вину. После этого девочку разлучили с Роземондой и заперли в отдельную комнату с тяжелой решеткой. Началось следствие. Терезина, Катани и Роземонда всячески старались доказать невиновность Розелины. Ноели пряталась, никто ее не видел. Первые дни были ужасны для Розелины. Она плакала и приходила в отчаяние, но однажды прилетела розовая птичка и велела ей связать себе новое платье, прибавив: «Только помни, что одним словом ты можешь погубить меня».

Птичка принесла ей под крылышком золотые спицы и прелестные моточки шелка – белые, голубые, лиловые, розовые и зеленые клубки, которые сияли и сверкали точно золото, бриллианты и другие драгоценные камни. Розелина вязала платье из разноцветных шелков и вышивала на нем цветы. Вот на лифе появились анемоны, фиалки, ирисы, миртовые цветочки, цикламены, мимозы, все цветы, которые растут на теплом побережье Средиземного моря. Золотые спицы двигались быстро-быстро. В один день Розелина закончила работу, на которую другая вязальщица потратила бы целый месяц. Накануне суда платье было готово.

– Завтра, – сказала розовая птичка, – надень это платье, а старое оставь на постели, – и улетела.

IV

Розелина проснулась на рассвете и сделала все, как велела птичка. Она оставила на постели старое платье и надела новое с удивительными цветами. Но внезапно все цветы исчезли, и шелк стал походить на выцветшую шерсть. Розелина вздохнула.

Дверь отворилась. За ней пришли жандармы и отвели ее в зал суда.

Судья спросил Розелину, откуда взялась у нее совершенно такая же шерсть, как пропавшая из лавки Франсины Тассо.

Розелина ответила, что ей эту шерсть подарили.

– Кто подарил?

– Я не могу этого сказать.

– Почему?

– Потому что не хочу заплатить злом за добро.

– Кто же сделал тебе добро?

– Я не могу сказать, так как погубила бы того, кто мне сделал добро.

– Почему же этот благодетель не является тебе на помощь? Если ты должна молчать, он должен говорить за тебя. Этот благодетель так дурно поступает относительно тебя, что ты имеешь право нарушить данное слово.

– Я тоже удивлена, что ко мне никто не является на помощь, но я не могу роптать.

– Как же зовут твоего благодетеля?

– Я не могу этого сказать.

Такое упрямство раздражало всех. В эту минуту ввели Ноели.

– Скажи все, что ты знаешь, – сказал судья Ноели.

Ноели смело оглядела присутствующих и заговорила твердым голосом:

– Раз в воскресенье я проходила мимо магазина госпожи Тассо и остановилась, чтобы посмотреть на выставленные вещи. В лавке кто-то ходил. Я удивилась, так как знала, что госпожа Тассо пошла в церковь, пригляделась внимательнее и заметила в лавке девочку небольшого роста. Я спряталась. Девочка взяла большой моток шерсти, выглянула из двери, посмот-

рела, нет ли кого на улице, и, не заметив меня (я пряталась за углом), убежала. Но я сразу узнала Розелину.

Катани, бабушка и Терезина закричали от негодования, но судья заставил их замолчать и спросил Ноели:

– Значит, она украла эту шерсть для того, чтобы связать платье. А знаешь ли ты, для кого она вязала его?

– Она мне этого не сказала, – ответила Ноели.

– Для тебя, – сказал судья и, обращаясь к Розелине, спросил: – Правда это, Розелина?

– Она может его примерить, – ответила бедная пастушка.

– А почему ты связала ей платье?

Ее старая юбка и корсаж совсем износились, я это знала, так как учила ее читать и писать и виделась с нею каждый день.

Судья сурово посмотрел на Ноели.

– Не обвиняйте эту девочку, – сказала Франсина Тассо, – я не жалею на нее, господин судья.

Судья снова обратился к Розелине и спросил:

– Кто же дал тебе шерсть?

– Тот же, кто являлся ко мне всегда, когда мне было грустно. Тот, кто мне приносил и другую шерсть, из которой я вязала теплые вещи для моих друзей.

– Правда, правда, – закричал Катани, – правда, господин судья. Мой берет и платье госпожи Роземонды связала Розелина. Разве госпожа Тассо скажет, что и эту шерсть у нее украла Розелина?

– Правда, правда, – подтвердила Роземонда.

В эту минуту открылась дверь, и в зал суда вошел тюремщик.

– Господин судья, – сказал он, – разве маленькая пастушка пришла сюда не одетая? Я нашел в тюрьме ее платье.

И он подал судье старое платьице Розелины.

– Что это? – спросил судья. – Ты переоделась? Кто же тебе дал новое платье?

– Я его связала в тюрьме.

– Кто же дал тебе спицы и шерсть?

– Вы знаете, что я не могу этого сказать, – печально ответила Розелина.

– Ага, – произнес судья. – Тюремщик, кто приходил к Розелине?

– Никто, – ответил тюремщик.

– Моя покровительница прилетала в окно, – с улыбкой ответила Розелина.

Все изумились. Судья спросил:

– Ты уверяешь, будто кто-то через окошко приносил тебе шерсть для вязания?

Розелина опять улыбнулась и сказала:

– Это не шерсть, а шелк.

В эту минуту совершилось чудо: платье Розелины заблестело, и на нем выступили удивительные блестящие цветы.

– И это сделала ты? – спросил судья.

– Да, да, – ответила Розелина.

Вдруг через открытые окна в зал влетела целая стая прелестных розовых птичек. Они со щебетанием опустились на колени Розелины, на ее ручки и плечи. Самая красивая и блестящая из них села ей на голову и, наклонившись к уху, нежно прошептала:

– Розелина, твое испытание закончилось! Ты не испугалась тюрьмы, не испугалась суда, ты спасла меня, и я спасу тебя. Ты можешь все сказать.

– Я могу говорить, я могу говорить! – громко закричала Розелина. – Да, я могу говорить! Шерсть и шелк подарила мне вот эта розовая птичка.

– Розовая птичка?

Все думали, что девочка сошла с ума.

– Вам кажется, что я говорю неправду? Смотрите же...

В ту же минуту Розелина вынула золотые спицы, которые были спрятаны у нее в лифе, взяла из сапфирового клюва птички шерстинку, которую та подала ей, и принялась вязать с поразительной быстротой. Через несколько мгновений она связала хорошенький кошелек, положила его перед судьей и сказала:

– Вы видите, господин судья, что я не украла шерсти госпожи Тассо.

– Правда, правда, – сказал судья. – Это совершенно такая же шерсть, как та, из которой связано платье.

– Простите меня, простите! – закричала Ноели.

– Поздно, – сказала птичка. Она перелетела с головки Розелины на голову Ноели. В то же мгновение платье Ноели спало с нее, и все увидели, что ее тело обмотано перепутанной, сбившейся розовой шерстью.

Судья уже хотел арестовать маленькую воровку, как вдруг раздалась небесная музыка, и под ее чудные звуки розовые птички превратились в прелестных девушек. Все они были одеты одинаково, кроме одной, которая казалась еще красивее остальных.

– Господин судья, – сказала она. – Я фея Розетта, покровительница роз и розовых кустов, а это мои фрейлины и подруги. Благодаря Розелине я снова приняла прежний образ. Я дочь гения утесов Рокебрюн и феи мыса Эстерель. Меня называли хорошенькой, доброй и умной, но у меня был большой недостаток: я не умела хранить тайн и раз своей болтливостью наделала много неприятностей фее скал Мор. Она сурова и жестока, а потому решила наказать меня и сказала: «Розетта, ты хотела болтать, болтай же, сделайся болтливой птицей. Ты снова примешь свой прежний образ, если только тебе удастся отыскать в мире существо, которое сумеет удержать доверенную ему тайну. Мне нечего этого бояться, потому что люди болтливы». Фея исчезла, я сделалась птицей. Десять лет я летала по свету и встречала только нескромных людей. Наконец выражение лица Розелины привлекло меня, у меня появилась надежда. Она меня не обманула, и я спасена.

– Милая Розелина, – прибавила она, обращаясь к маленькой пастушке, – благодаря тебе я увижусь с моими родителями.

– Теперь простите Ноели, – сказала Розелина.

– Нет, нет, – закричали со всех сторон, – ее нужно наказать.

– Простив ее, мы ее погубили бы, – ответила фея. – Ноели, твой час пришел! Ты была красива и зла. Стань безобразна и полезна. Я превращаю тебя в летучую мышь.

В то же мгновение по залу заметалась большая летучая мышь и с криком вылетела из окошка.

– Ах, несчастная, несчастная, – со слезами сказала Розелина.

– Не бойся, она спасется, – сказала фея. – Прощай, моя маленькая благодетельница. С этого дня ты будешь видеть в жизни только радости.

Опять раздалась волшебная музыка. Фея Розетта и ее фрейлины вышли из суда и вскоре пронеслись мимо окон в больших белых лодочках, запряженных лебедями.

Розелину торжественно отвели на ферму. Терезина устроила большой пир. Она пригласила судью, Роземонду, Катани, Франсину Тассо и еще многих других.

На следующий же день в гавань Сан-Рафаэля вошел великолепный корабль. Это вернулся Мишель Морелло, получивший состояние дяди. С ним были Катерина и маленький Руми. Все они плакали от счастья. Маленькая пастушка познакомила их с Терезиной и Катани. Мишель и Катерина стали считать Терезину своей сестрой, а Катани – своим сыном. Дети учились вместе и были счастливы. Когда они выросли, Катани женился на Розелине. Как-то раз они гуляли

по берегу моря и увидели громадного филина, который нес в когтях летучую мышь и уже собирался убить ее клювом.

– Катани! – закричала Розелина.

Катани держал в руках палку. Он бросил ее в филина, и тот выпустил добычу. Летучая мышь упала на землю. В ту же минуту над нею поднялось плотное облако пыли, и когда оно рассеялось, Катани и Розелина увидели лежавшую в обмороке молодую девушку. Розелина бросилась к ней и стала приводить ее в чувство. Наконец, она открыла глаза, осмотрелась и, упав на колени перед Розелиной, закричала:

– Розелина, Розелина, прости меня!

– Кто вы?

– Я Ноели.

Они обнялись. Прострадав семь лет в образе летучей мыши, Ноели совсем исправилась. Желая загладить прежние проступки, она сделалась сестрой милосердия и посвятила себя уходу за больными.

Паша пастух

Турецкая сказка

В Багдаде жил паша, которого очень любил грозный султан. Али (так звали пашу) был самым настоящим турком. На рассвете он расстилал ковер и, обратившись лицом в сторону Мекки, благочестиво совершал предписанные Кораном омовения и читал молитвы. Потом два черных невольника в ярко-красных одеждах приносили ему кофе и трубку. Али усаживался на диван и, скрестив ноги, не двигался целый день. Он пил маленькими глотками аравийский кофе, медленно курил смиренный табак из длинного наргиле, ничего не делал и ни о чем не думал. Так он управлял государством. Каждый месяц он получал из Стамбула приказ посылать султану миллион пиастров. В этот день Али созывал к себе самых богатых багдадских купцов и вежливо просил их дать ему два миллиона пиастров. Несчастные поднимали руки к небу, били себя в грудь, рвали свои бороды, со слезами уверяли, что у них нет ни одного пара, молили пашу сжалиться и упротить султана не притеснять их. После этого Али, продолжая пить кофе, приказывал колотить их по подошвам ног до тех пор, пока они не заплатят деньги. Получив всю сумму, паша посылал половину султану, а остальное прятал к себе в шкатулку и снова принимался курить. Так шло дело.

Кроме трубки, кофе и денег, Али больше всего на свете любил свою дочь Прелесть-Очарование. И немудрено. Али видел в ней себя. Ленивая и красивая Прелесть-Очарование не делала шага без трех женщин, служивших ей. Белая служанка заботилась о ее прическе и туалете, желтая носила за ней зеркало или веер, черная рабыня забавляла ее гримасами и покорно сносила ее побои. Дочь паши каждое утро выезжала из дома в экипаже, запряженном волами. Три часа она проводила в бане, остальное время сидела в гостях, ела варенье из роз, пила шербет из гранатов, любовалась танцовщицами, насмехалась над своими подругами. Вернувшись домой, она целовала отца, ложилась и спала без сновидений. Прелесть-Очарование не читала, не думала, не вышивала, не музицировала. Все это она предоставляла делать своим служанкам.

Раз, когда паша собирал налоги, он велел отколотить по пяткам греческого райю, которому покровительствовала Англия. Побитый возмутился. Еще больше возмутился английский консул. Поднялся такой шум, что султан, боясь гнева Англии, решил избавиться от своего бывшего любимца. Султан приказал отвезти пашу на какой-нибудь уединенный морской берег и оставить его там умирать с голода.

К счастью Али, его судьей был старый, очень благоразумный паша. Он подумал, что султан когда-нибудь пожалеет о бывшем друге, и все образуется, надо только его спасти. Старик велел тайно привести к себе Али и его дочь, дал им одежду, рабов, несколько пиастров и объявил, что, если завтра их найдут в его пашалыке (области), они будут задушены или обезглавлены. Али поблагодарил пашу и через час уехал с караваном, направлявшимся в Сирию.

В Сирии, в городе Дамаске, Али оказался без средств, без друзей и родственников. Он умирал от голода и с отчаянием видел, что его дочь бледнеет и чахнет. Он не знал, что делать. Просить милостыню Али не решался, работать не умел.

Раз совсем голодный Али вышел из дому. Прелесть-Очарование сидела дома. Али бродил по улицам Дамаска и наконец увидел людей, которые, поставив на головы кувшины с маслом, переносили их из склада в магазин. У входа в магазин стоял приказчик и за каждый принесенный кувшин платил носильщику один пара. При виде маленькой медной монетки бывший паша так и задрожал. Он стал перед складом в вереницу носильщиков и, поднявшись на узкую лестницу, получил от смотрителя склада громадный кувшин, который с трудом мог держать на голове.

Приподняв плечи, наморщив лоб, Али медленно спускался с лестницы, но на третьей ступеньке почувствовал, что кувшин наклоняется вперед. Он откинулся, поскользнулся и скатился к подножию лестницы. Кувшин разбился вдребезги, и потоки масла облили Али. Когда он поднимался, приказчик схватил его за шиворот и закричал:

– Ах ты, неловкий! Сейчас же отдай мне 50 пиастров за твою глупость и убирайся. Если не знаешь ремесла, так и не суйся!

– Пятьдесят пиастров, – сказал Али с горькой улыбкой, – да ведь у меня нет ни одного пара.

– Если ты не можешь заплатить из кошелька, ты заплатишь мне своей кожей, – ответил приказчик.

По его знаку два силача схватили Али, повалили на землю, стянули его ноги веревками, и он получил пятьдесят ударов палкой по подошвам.

Али с трудом поднялся, кое-как завернул окровавленные ноги в лоскуты и потащился домой.

– Аллах велик, – шептал Али, – я должен терпеть то, что заставлял терпеть других. Но багдадские купцы были счастливее меня. Их друзья вносили за них деньги, я же умираю с голода, и никто не сжалится надо мной.

Он ошибся. Одна добрая женщина, случайно видевшая его несчастье, пожалела его. Она ему дала масла, чтобы он смазал свои раны, маленький мешок с мукой и несколько пригоршней чечевицы. В этот вечер Али в первый раз заснул, не беспокоясь о завтрашнем дне.

Сидя дома, он все думал, чем бы ему заняться, и наконец решил поступить к цирюльнику. Так и сделал.

Первые дни все шло хорошо. Хозяин приказывал ему носить воду, мыть лавку, вытряхивать циновки, приводить в порядок инструменты, подавать посетителям кофе и трубки. Али прекрасно исполнял все эти обязанности, потом взялся за бритье. Когда ему приходилось брить крестьян и он делал неловкое движение бритвой, они не замечали царапин.

Но раз, когда хозяина цирюльни не было дома, в лавку вошел важный господин. Это был шут дамаскского паши, маленький горбун с головой, как тыква, с длинными волосатыми руками, с бегающими глазами и с обезьяньими губами. Пока его череп покрывали клубами благоуханной пены, шут щипал нового брадобрея, смеялся над ним, показывал ему язык. Он два раза выбил у него из рук мыльницу и оба раза хохотал до упаду. Осторожный Али оставался серьезен. Он брил аккуратно, легко двигал бритвой, но вдруг горбун сделал такую отвратительную гримасу и закричал так громко, что испуганный цирюльник быстро отдернул руку и отрезал бритвой часть уха, к несчастью, не своего!

Шут бросился на Али, колотил его кулаками и старался задушить. В то же время он кричал, что его зарезали. Из уха горбуна хлестала кровь, и раненому пришлось позаботиться о себе. Али воспользовался удобной минутой и убежал.

Он спрятался в заброшенном погребке и поздней ночью вернулся домой. Решив, что оставаться в Дамаске нельзя, Али вместе с дочерью еще до зари были уже в горах. Три дня они шли не останавливаясь. Бедняги питались только винными ягодами, которые срывали с деревьев, и утоляли жажду водой, которую с трудом находили на дне высохших рвов.

Наконец их позвал к себе добрый крестьянин. После ужина он разговорился с Али и, узнав, что ему не на что жить, предложил бедняку поступить в пастухи. Пасты в горах штук двадцать коз и пятьдесят баранов – нетрудное ремесло, тем более что две большие собаки были хорошими помощниками. Бояться побоев было нечего, позволялось доить коз и овец, пить молоко, делать и есть сыр, а потому предложение понравилось Али. Вдобавок крестьянин позволил Прелести-Очарованию брать сколько угодно шерсти и прясть ее на платье для себя и своего отца.

На следующий же день Али и Прелесть-Очарование ушли в горы.

В полях бывший паша снова ничего не делал. Он целыми днями лежал на спине и смотрел на птиц, кружившихся в небе. Был доволен или по крайней мере не роптал на судьбу, а Прелесть-Очарование все надеялась, что их судьба переменится.

Больше года Али вел счастливую жизнь.

Раз Юсуп, сын дамаскского паши, охотился в тех местах. Преследуя раненую птицу, он отстал от товарищей и заблудился. Стараясь отыскать дорогу, он шел по течению ручья и вдруг увидел прелестную молодую девушку. Сидя на траве и опустив ноги в воду, она заплетала длинную косу. Юсуп вскрикнул. Прелесть-Очарование подняла глаза. Она увидела чужого человека, испугалась и убежала.

– Что это, – сказал Юсуп, – горный цветок лучше наших садовых роз? Эта девушка прелестнее наших султанш. Вот о какой жене мечтал я.

Он пошел по следам незнакомки и наконец увидел стадо Али. Прелесть-Очарование доила овец, Али же старался успокоить собак, лаявших на чужого. Юсуп сказал, что он заблудился и умирает от жажды. Прелесть-Очарование подала ему молоко в глиняной плошке. Он медленно пил, поглядывая на отца и на дочь, потом спросил, куда нужно идти. Али вывел охотника на дорогу и вернулся обратно совсем смущенный. Незнакомец дал ему золотую монету. Значит, он был чиновником султана или пашой? А, судя по себе, Али думал, что паша мог делать только зло.

Вернувшись в Дамаск, Юсуп бросился на шею матери, сказал ей, что она хороша, как в пятнадцать лет, что она сияет, как полная луна, что она его единственный друг, целовал ее лицо и руки.

– Дитя мое, – с улыбкой заметила она, – я вижу, что ты хочешь мне что-то сказать. Я не знаю, так ли я красива, как ты уверяешь, но знаю, что у тебя нет и не будет лучшего друга, чем я.

Юсуп рассказал ей о встрече с красавицей и объявил, что завтра же хочет жениться на незнакомке.

– Потерпи немного, сын мой, – ответила ему мать, – нужно узнать, кто эта красавица, потом уговорить твоего отца согласиться на ваш брак.

Когда паша узнал все, он раскричался, рассердился и сказал, что никогда не согласится на безумный брак. Однако меньше чем через неделю паша, тронутый слезами жены, решил уступить.

– Хорошо, – сказал он, – пусть мой сын женится на пастушке. Он сам будет виноват в своей глупости. Но я хочу, чтобы при этой смешной свадьбе не было забыто ничто. Позовите моего шута. Именно он должен привезти сюда невесту Юсупа.

Через час горбун, сидя на осле, отправился в горы. Он сердился на Юсупа, так как путешествие было трудное.

Через три дня шут увидел Али, который лежал в тени дерева и больше занимался трубкой, чем овцами и козами. Шут подогнал осла и важно, как визирь, подъехал к пастуху.

– Эй ты, – сказал он, – ты заморозил сына паши, и он тебе делает честь: хочет жениться на твоей дочери. Принаряди девушку, я должен отвезти ее в Дамаск. Тебе же паша посылает кошелек и приказывает как можно скорее уехать отсюда.

Али бросил кошелек и, не поворачивая головы, спросил горбуна, что ему нужно.

– Грубое животное, – сказал шут, – разве ты не слышал? Сын паши хочет жениться на твоей дочери.

– А что делает сын паши? – спросил Али.

– Что он делает? – закричал шут и расхохотался. – Ах ты баран, разве ты не знаешь, что паша собирает налог с провинции и что из сорока овец, которых ты так плохо стережешь, четыре принадлежат ему по праву, а тридцать шесть он может взять, если ему того захочется.

– Я не говорю с тобой о паше, – спокойно возразил Али. – Да сохранит Аллах его превосходительство. Я спрашиваю, что делает его сын. Он оружейник?

– Нет, глупец.

– Кузнец?

– Нет, нет.

– Плотник?

– Да нет же.

– Колесник?

– Нет, нет. Он важный господин. Работают только простолюдины. Сын паши – благородное лицо, а это значит, что у него белые ручки и что он ничего не делает.

– Тогда я не выдам за него мою дочь, – серьезно сказал пастух. – Жить дорого, и я никогда не отдам дочь человеку, который не в силах прокормить свою жену. Но, может быть, сын паши хоть чем-то занимается? Не вышивальщик ли он?

– Нет, – пожимая плечами, ответил шут.

– Портной?

– Нет.

– Горшечник?

– Нет.

– Плетельщик?

– Нет.

– Значит, он цирюльник?

– Нет, – ответил покрасневший от досады шут. – Прекрати эти глупые шутки или я велю отколотить тебя. Да позови дочь, я тороплюсь.

– Моя дочь останется со мной, – ответил Али.

Он свистнул собак, и они улеглись у его ног, с рычанием показывая шуту громадные клыки. Горбун повернул осла и погрозил кулаком Али, который удерживал собак.

Шут вернулся в Дамаск. На его счастье, паша не рассердился.

– Право, – сказал он, – этот пастух еще безумнее моего сына. Но успокойся, Юсуп. Я пошлю в горы четырех всадников, они привезут девушку, что же касается отца...

Он провел рукой, точно срезая что-то мешающее ему.

По знаку матери Юсуп стал просить отца позволить ему самому закончить начатое дело. Он не хотел огорчать Прелесть-Очарование. Вскоре Юсуп сам отправился в горы.

Пастух принял сына паши очень почтительно и любезно. Он поблагодарил его за лестное предложение, но своего решения не изменил: Али не соглашался отдать дочь человеку, не знающему никакого ремесла.

Юсуп уехал печальный. Что делать? Вернуться в Дамаск и выслушать насмешки отца? Ни за что. Потерять Прелесть-Очарование? Лучше умереть!

Занятый печальными мыслями, Юсуп увидел, что лошадь, которой он совсем не правил, заблудилась и привезла его к опушке оливковой рощи. Вдали виднелась деревня, над ее крышами вился синий дымок, слышался лай собак, пение работников, шум наковальни.

– Не попробовать ли научиться ремеслу? – вдруг подумал Юсуп. Ему казалось, что дочь пастуха стоит всяких жертв. Он привязал лошадь к оливковому дереву, сбросил оружие, вышитую куртку и тюрбан. В первом же доме он пожаловался, что его ограбили бедуины, купил простое платье и стал переходить от одной двери к другой, прося принять его в ученики.

Юсуп был так красив, что все соглашались учить его, но ему не нравились условия: кузнец предлагал ему выучить его ремеслу в два года, горшечник – в год, каменщик – в шесть месяцев. Все это казалось ужасно долго сыну паши. Вдруг он услышал скрипучий голос, который закричал:

– Эй, сынок, если ты торопишься да вдобавок нечестолобив, иди ко мне. Через неделю ты будешь в состоянии зарабатывать себе на хлеб.

Юсуп поднял голову. В нескольких шагах от него на скамейке, скрестив ноги, сидел маленький человечек. Это был плетельщик. Вокруг него лежали соломины и тростники, выкрашенные в различные цвета. Он ловко плел циновки, потом сшивал их, делал корзины, коврики, шляпы разных цветов и форм. Было приятно смотреть на него.

– Ты мой учитель, – сказал Юсуп. – Если ты выучишь меня в два дня, я тебе хорошо заплачу. Вот и задаток.

Говоря это, он бросил ему две золотые монеты.

Ученики ремесленников редко платят золотыми. Плетельщик скоро понял, что перед ним переодетый знатный человек, стал усердно учить его, и, так как у Юсупа не было недостатка ни в уме, ни в прилежании, он к вечеру узнал все тайны ремесла.

– Сын мой, – сказал плетельщик, – учение закончено. Видишь, солнце заходит, теперь все кончают работу и проходят мимо меня. Возьми вот эту циновку, сплетенную и сшитую тобой, и предложи ее кому-нибудь. Тебе, конечно, дадут за нее четыре пара.

Действительно, первый же покупатель предложил за циновку три пара. Юсуп запросил пять. Час торговались они, наконец сошлись на четырех. Покупатель стал медленно отсчитывать медные монетки, но Юсуп не взял денег, напротив, он дал золотую монету покупателю, десять золотых плетельщику и, схватив свою циновку, побежал из деревни. Он бежал, как сумасшедший. В оливковой роще возле лошади он расстелил циновку, лег на нее, завернулся в свой бурнус и заснул.

Когда на рассвете Али пригнал на пастбище стадо, то очень удивился, увидев Юсупа под своим деревом. Юсуп встал и, взяв циновку, произнес:

– Отец мой, ты сказал, чтобы я выучился какому-нибудь ремеслу. Я учился. Вот моя работа. Рассмотрю ее.

– Недурно, – сказал Али, – плетение не очень ровно, но циновка сшита хорошо. Сколько можно заработать, делая каждый день такую циновку?

– Четыре пара, – сказал Юсуп, – а привыкнув, я буду делать по крайней мере по две циновки в день.

– Будем скромны, – сказал Али. – Четыре пара в день немного, но заработав четыре пара сегодня и четыре завтра, получишь уже восемь пара и т. д. Значит, с этим ремеслом можно прожить. Если бы я научился плетению, когда был пашой, мне не пришлось бы сделаться пастухом.

Юсуп удивился. Али рассказал ему свою историю.

В этот день пастух пригнал стадо домой раньше времени, так как Юсуп сам хотел поблагодарить крестьянина, который принял к себе Али и его дочь. Он дал ему кошелек, полный золота. Позвали Прелесть-Очарование и объявили ей волю отца. Она согласилась сделаться женой Юсупа.

В тот же день все трое тронулись в путь. Ехали быстро, и на закате следующего дня лошади принесли их в Дамаск.

Мать Юсупа приласкала его невесту. Она была счастлива, но не могла удержаться от удовольствия показать мужу, что она умнее его, и рассказала, кто был отец Прелести-Очарования.

– Клянусь Аллахом, – воскликнул паша, не желавший, чтобы его считали простаком, – я все это давно знал. Паша всегда все знает.

Он тотчас же прошел в свой кабинет и написал султану, прося его решить судьбу Али. Все султаны любят необыкновенные истории (это мы знаем из «Тысячи и одной ночи»), поэтому он отправил в Сирию корабль с приказанием привезти в Константинополь бывшего губернатора Багдада. Али в лохмотьях и с пастушьей палочкой в руках вошел в сераль. Когда он закончил свой рассказ, султан велел надеть ему почетное платье. Из пастуха он превратил его снова в пашу. Все восхваляли султана, но Али бросился к его ногам, говоря, что он боится вторично рассердить своего повелителя и просит позволить ему состариться в безвестности.

Смелость Али испугала собрание, но султан улыбнулся, согласился на его просьбу и только велел ему взять деньги.

Вернувшись в Дамаск, Али купил чудный сад, полный апельсиновых, лимонных, абрикосовых и сливовых деревьев и виноградных лоз, и стал с утра до ночи работать в нем.

Прелесть-Очарование вышла замуж за Юсупа, и у нее родились три сына. Их воспитывал старый Али. Всех научил садоводству и каждого какому-нибудь ремеслу. На стенах своего дома он велел высечь самые лучшие стихи из Корана и собственное изречение: «Работа – единственное сокровище, которое нельзя потерять. Приучи руки к труду – и ты никогда не будешь протягивать их за милостыней. Когда ты узнаешь, как трудно заработать один пара, ты будешь уважать чужое добро и чужой труд. Работа дает здоровье, мудрость и радость. Работа и скука никогда не жили под одной крышей».

Каменное сердце

Немецкая сказка

На свете жил рыцарь, который хотел прославиться и сделаться первым в своей стране. Он часто говорил, что за богатство и власть готов на всякие жертвы. Тем не менее он был добр, справедлив и сострадателен, и его любили все, зависевшие от него. Между прочим, он милостиво поступил с одним бедным угольщиком, который со своей семьей жил в лесу. Бедняк не мог заплатить подати рыцарю, и управляющие хотели продать все его вещи и выгнать из леса.

Мария, дочь угольщика, решила пойти к рыцарю и попросить его сжалиться над отцом. Рыцарь ее выслушал и приказал своим управляющим не трогать угольщика и его семью. Кроме того, он ей дал денег и послал все необходимое ее больной матери.

Раз рыцарь поехал в лес на охоту. Он погнался за красивым оленем и заблудился. Стараясь выбраться из чащи, он попал в болото и чуть не утонул в вязкой трясине. Когда же ему удалось снова выбраться на твердую землю, он заметил огоньки, которые прыгали то назад, то вперед. Это были блуждающие огни. И вдруг они засмеялись и закричали:

– Ты чуть было не попал к нам в руки. Но мы не хотим твоей гибели. Напротив, мы сделаем тебя могучим и богатым, только за это отдай нам твое сердце. Вместо него мы вложим в твою грудь камень.

Они смеялись, дрожали, и целый дождь золотых червонцев сыпался кругом. Предложение огней показалось рыцарю заманчивым. Он согласился, тем более что блуждающие огни не сказали, что сделают ему больно. Они окружили его и стали дышать ему в лицо. У него закружилась голова, и он упал без памяти.

Когда рыцарь пришел в себя, он заметил, что все переменялось. Красота леса, сладкое пение птиц не радовали его больше, когда его лошадь споткнулась, он жестоко побил ее. На большой дороге он встретил крестьян, они кланялись ему, но он не благодарил их за приветствия и только окидывал сердитым взглядом.

И так было теперь всегда. Ничто больше не веселило рыцаря. Он разучился смеяться, но ничего не боялся, никогда ни о чем не заботился, не тревожился, никого не жалел, никому не выказывал сострадания. И немудрено: в его груди было холодное каменное сердце.

Он сделался жестоким господином для своих подданных. По его башне расхаживал сторож, который смотрел, не покажется ли нагруженная товарами повозка странствующих купцов, боязливо проезжавших мимо замка. Когда раздавался звук рожка сторожа, рыцарь вооружал своих воинов и оруженосцев и вскакивал на коня. Спрятавшись в засаде, он подстерегал подъезжавшие обозы и нападал на них. Он грабил и убивал, уводил богатых купцов в замок и в ожидании выкупа сажал их в подземные темницы.

Все товары, все сокровища присваивал себе этот разбойник. Впрочем, небольшую часть награбленного добра он отдавал своим людям. Узники его сидели в тюрьмах, питаясь хлебом и водой. Их отпускали на свободу только тогда, когда им удавалось заплатить большой выкуп.

Рыцарь сделался необыкновенно могуч и богат. Все его боялись, но считали самым дурным из дурных. Это его не смущало. Ему было все равно, что о нем думают люди. Однако и награбленные сокровища не радовали его. Теперь ничто не доставляло ему удовольствия. Он никого не любил, он никогда не улыбался, его сердце знало только жестокость. Многие стали несчастны из-за него, но сам он был несчастнее всех, так как каменное сердце давило ему грудь.

Все его ненавидели теперь. Только Мария продолжала любить рыцаря и не позабыла его благодарений. Она очень печалилась, когда ей рассказывали о его жестокости, и, не переставая, молилась о нем, прося Небо опять сделать его таким же, каким он был прежде.

Раз она встретила его в лесу. Застенчиво и почтительно Мария отошла в сторону и низко поклонилась. Заметив в ее руках корзину, рыцарь спросил, что она несет.

– Только ягоды и грибы, которые я собрала в лесу, милостивый господин, – сказала она.

– Как ты посмела сделать это? – закричал он в ярости. – Все, что растет в лесу, – мое. Ты украла мои грибы и ягоды, и я тебя накажу за это.

Он вырвал корзинку из ее рук, разбросал грибы и ягоды, сбил девушку конем, обнажил меч и ударил им бедняжку. Может быть, он хотел ударить Марию только плашмя, но ранил ее. Кровь брызнула из тела девушки, и она без чувств упала на землю.

Рыцарь уехал, не думая о том, что будет с нею, и Мария пришла в себя только через несколько часов. Она с трудом поднялась. Кровь остановилась сама собой, но рана жестоко горела, и ей хотелось охладить ее. Невдалеке виднелась поляна, которая заканчивалась болотом, по ней бежал ручеек. Мария подошла к нему и наклонилась к его живительным струям. Ей говорили, что на этом месте появляются злые лесные духи в виде блуждающих огней, но у нее было чистое сердце, она полагалась на Бога и потому не боялась ничего.

Водой ручья девушка освежила рану, однако была так слаба, что не могла идти дальше, а легла в траву, надеясь отдохнуть. Мария заснула. Когда она открыла глаза, совсем стемнело. Только в стороне болота мерцал странный свет. Вскоре девушка заметила качающиеся огоньки, которые делались то гигантски большими, то совсем крошечными. Они подскакивали, точно танцевали, и их шептание и треск походили на насмешливый хохот.

Мария сидела неподвижно и слушала. Вот раздались тяжелые шаги, казалось, шел вооруженный человек. Через мгновение раздался голос, напомнивший ей голос рыцаря.

Он сказал блуждающим огням:

– Вы обманули меня. Я так несчастлив, что и жить больше не могу. Все сторонятся меня с тех пор, как в моей груди лежит каменное сердце, и я ничего не чувствую.

Блуждающие огни захохотали, зашипели, засвистели.

– Ведь мы же дали тебе власть, могущество и богатство, – сказали они, – а ты этого и хотел. Мы сдержали свое слово.

– Богатство и власть не дают мне счастья, – ответил рыцарь, – верните мне прежнее бытие, чувствующее сердце.

– Этого никогда не будет, – захохотали блуждающие огни. – Ты отдал его по собственной воле. Ты не можешь его получить обратно. Только если другое чистое сердце будет отдано нам, твое вернется к тебе в грудь. Но тот, кто захочет отдать нам сердце, умрет. А кто же ради тебя решится пожертвовать собой? Ведь ты стал ненавистен всем.

Рыцарь вздохнул и уже хотел уйти, когда к нему подошла Мария. То, что она услышала, и обрадовало, и взволновало ее. Значит, рыцарь не был так виноват, как это казалось. В несчастную минуту он заключил с огнями договор и сделался злым только потому, что ему вместо живого сердца дали каменное. Теперь он хотел освободиться от страшных чар, и девушка решила ему помочь и умереть за него.

Она уже не чувствовала себя слабой, решение придало ей силу и мужество. Она сказала:

– Я готова отдать мое сердце за сердце этого благородного господина.

– Но это будет стоить тебе жизни, – сказали огни.

– Я пожертвую жизнью, если только вы обещаете мне вернуть рыцарю его прежнее сердце.

Огни обещали ей это и прибавили:

– Мы даем тебе время на раздумье. Если ты не изменишь решения, приходи в следующее полнолуние сюда же, и тогда мы сделаем то, что ты просишь.

Мария согласилась. Рыцарь слушал молча. Он даже не удивился, что девушка, с которой он обошелся так жестоко, хотела пожертвовать жизнью ради его спасения.

Время шло. Рана Марии зажила благодаря лечебным травам и мазям. Ее решение не поколебалось. Чтобы не огорчать родителей, она ничего не сказала им, и когда наступило полнолуние, пошла по лесной дороге. Возле болота она увидела блуждающие огни и рыцаря. Огни спросили ее, чего она хочет, и, услышав от нее прежний твердый ответ, приказали ей приготовиться к смерти.

До сих пор рыцарь стоял молча и неподвижно. Когда Мария так спокойно и твердо сказала «да», в душе у него что-то изменилось. Неужели после такого долгого времени его сердце проснулось? Оно снова начало боязливо биться. Когда же девушка окончательно приготовилась отдать свое сердце, в его груди послышались такие страшные удары, что казалось, она сейчас разорвется. Сердце рыцаря ожило.

Он бросился и закричал:

– Мария не должна страдать. Делайте со мной, что хотите, но ее я не отдам!

В эту минуту потухли блуждающие огни. Кругом стемнело. Мария дрожала, как осиновый лист, и тихонько плакала. Рыцарь успокоил ее и повел из леса, заботливо выбирая для нее дорогу. Ее смущало, что ее жертва не потребовалась, но рыцарь сказал, что одно ее желание уже спасло его, так как теперь в его груди билось живое, чувствующее сердце. Он снова сделался таким же добрым и кротким, каким был прежде. Вскоре рыцарь постарался загладить свою вину, и все опять полюбили его. Он был глубоко благодарен Марии, подарил ей золотое колечко и ввел ее в свой дом как жену. И они долго жили в мире, согласии и любви.

Конь рыцаря Рабогани

Венгерская сказка

В густом лесу стоял могучий конь, на нем сидел рыцарь Бенде с темным и мрачным лицом. Всю жизнь он завидовал своему товарищу по оружию и по боям рыцарю Рабогани, который был счастлив, имел обширные земли, богатые пастбища, стада, озера и реки, полные рыбы, великолепный замок невдалеке от Граца и красавицу жену Ванду. У Бенде же не было ничего. Все свое имущество, правда небольшое, он давно истратил, проиграв в карты и кости. Ни одна девушка не соглашалась выйти за него замуж, так как он был безобразен, а в боях счастье не улыбалось ему. Он был соседом Рабогани, и удача, которая сопровождала все дела этого рыцаря, раздражала его. Теперь Бенде ждал... Мрачно было его лицо, и еще больший мрак переполнял его душу.

Когда Рабогани собрался ехать на охоту с веселой толпой друзей и слуг, Бенде пошел к старой-старой ведьме, жившей в горах, и спросил ее: «Как погубить ненавистного Рабогани? Как потушить зависть, которая пожирает меня?»

Старуха подала ему горсточку золы из очага и сказала:

– Когда ты будешь наедине с ненавистным тебе Рабогани, брось золу в морду его коня, а сам поезжай в сердце леса к трем дубам. Дальше сам поймешь, что делать.

Бенде поблагодарил старуху, отдал ей все свои деньги и стал ждать удобного случая.

Вот веселая толпа приятелей, слуг, доезжачих и ловчих Рабогани скрылась в темном лесу. Прекрасная Ванда стояла на высокой башне, долго смотрела вслед любимому мужу и махала ему на прощанье вышитым цветными шелками платком.

Бенде все время старался держаться поближе к Рабогани, и когда они отстали от других, вынул платок, в который был завернут пепел, и бросил мелкий серый порошок по ветру против головы коня и лица Рабогани. Как бешеный, конь взвился на дыбы и помчался в сторону, несмотря на все усилия ловкого всадника остановить его. С притворными восклицаниями сожаления Бенде объяснил другим охотникам, что конь Рабогани испугался спрятавшейся в корнях ехидны и ускакал, как безумный.

Весь день, весь вечер товарищи разыскивали Рабогани. В глухом лесу раздавались звуки рожков, призывные крики, а потом, когда стемнело и между деревьями потянулся седой туман, в чаще замелькали огни факелов.

Но между искавшими уже не было предателя Бенде. Он заехал в самую глубь леса, отыскал указанные колдуньей три дуба и остановился под их широкими ветвями. С дрожью в сердце ждал он, и вот наконец в темноте показалось темное пятно. Усталый и измученный вороной конь шел, тихо перебирая ногами и опустив голову, как сонный. Как сонный, сидел на нем и его храбрый всадник. Голова Рабогани низко свешивалась на грудь, рука еле держала поводья, глаза были полузакрыты.

Предатель Бенде, точно стрела, кинулся на Рабогани и поразил его в самое сердце отравленным кинжалом. Без слов, без стога рухнул на землю убитый. Конь, как бы проснувшись, взмахнул гривой и, как птица, исчез в лесу.

В замке плач и рыдания. Уже три дня горюет молодая Ванда. Ей принесли известие о том, что храбрый муж ее, рыцарь Рабогани, исчез и никто не мог найти в лесу даже его следов. Вместе с ним пропал и его конь.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами, и не было у прекрасной Ванды более кроткого и покорного утешителя, чем рыцарь Бенде. Целыми днями сидел он возле нее, говорил с ней

о погибшем Рабогани, называл себя его лучшим другом, вспоминал его слова, поступки и, наконец, вкрался к ней в доверие.

В одно светлое весеннее утро, когда птички весело чирикали в ветвях, а из зеленой травы выглядывали свежие полевые цветочки, рыцарь Бенде сказал молодой вдове:

– Прекрасная Ванда, трудно вам жить одной, без защитника, позвольте мне сделаться вашим охранителем, доставьте мне счастье быть вашим мужем.

Ванда ответила: «Нет».

Три дня рыцарь Бенде и все старые родственники и родственницы Ванды, которым за это время Бенде успел понравиться, уговаривали молодую женщину. На четвертый день она согласилась.

Стали готовиться к свадьбе. Целыми днями в замке толпились иностранные купцы, приносившие товары. В кухне в громадном очаге пылал огонь, на вертелах поджаривали громадные бычьи и бараньи туши, фазанов, уток, перепелов...

Наконец, красавица Ванда в белом атласном платье, прекрасная и бледная, пошла в сопровождении дам и нарядных гостей к церкви рода Рабогани, стоявшей не очень близко от дома. По желанию Бенде двери в церковь закрыли. Жених и невеста опустились на колени перед алтарем. Старый священник начал службу. Поились звуки органа. Все затихли. Вдруг раздались резкие удары в церковные врата, послышался крик и ропот поселян, собравшихся на паперти, чтобы посмотреть на свадебную процессию. Священник перестал читать молитву. Рыцарь Бенде побледнел.

– Продолжайте, отец мой, – прошептал жених. – Это ничего, какой-нибудь шалун-мальчишка бросил в дверь камень.

Только что патер раскрыл губы, как раздались еще более ужасные удары, обе двери широко распахнулись, и в церковь ворвался большой вороной конь с разметанной гривой и пламенными глазами.

– Конь Рабогани! – закричали многие, увидев его, и расступились. Не обращая ни на кого внимания, конь в несколько прыжков очутился подле Бенде, схватил его зубами за нарядную одежду и, вытащив из церкви, сбросил с паперти. Все это случилось так скоро, что никто из остолебеневших приглашенных не мог остановить рассерженное животное. Ванда, увидев коня, упала в обморок.

Понятно, свадебный обряд не мог быть совершен, тем более что, как только Бенде поднимался с земли, конь снова толкал его на помост. Больную Ванду отнесли в замок. Родственницы и служанки столпились вокруг ее ложа. Приглашенные перешептывались, сторонились Бенде и говорили, что дело нечисто. Никто не мог поймать коня. Он никому не давался, только когда подошел старый слуга Рабогани, он ласково положил ему голову на плечо, подогнул ноги, всем своим поведением показывая, что он просит старика сесть на него. Едва старый Андреас исполнил желание коня, как Фарбагос, любимый сокол рыцаря Рабогани, пропавший в тот же день, когда исчез и его хозяин, спустился с высоты и уселся на плечо верного слуги.

Все с изумлением смотрели на происходящее, но недолго пришлось им смотреть... Вороной конь помчался с быстротой молнии и скоро исчез в густом лесу.

Долго-долго скакал он, унося на своей спине верного Андреаса и охотничьего сокола Рабогани. В самую глубь леса, в самую чащу занес он их. Там Андреас увидел, что под тремя дубами лежит рыцарь, словно убитый вчера, а в его груди торчит кинжал предателя Бенде.

Заливаясь слезами, сошел старик с коня и припал губами к бескровным рукам своего доброго господина.

В эту минуту он услышал какой-то шум в ветвях, соколиный клекот и карканье. Андреас невольно поднял глаза и увидел, что Фарбагос давит когтями черного, как смоль, вороненка, в то же время зорко поглядывая по сторонам блестящими глазами. Остальные воронята, рассевшись по ветвям, жалобно каркали, раскрывая свои еще желтые рты. Послышался шорох,

шелест крыльев. С дуба посыпались прошлогодние сухие листья. Громадный черный ворон с седоватым налетом на широких могучих крыльях опустился на дуб. Никогда в жизни не видел Андреас таких больших и могучих птиц этой породы, вдобавок на голове ворона блестел золотой обруч. Старая птица посмотрела своими умными темными глазами на Андреаса и, сложив крылья, заговорила с ним человеческим голосом:

– Прикажи моему соколу выпустить вороненка! Я царь воронов, уже прожил тысячу лет, знаю весь свет и видел все доброе, все злое, все тайное и все явное. Вели соколу отпустить моего внучонка, и я отблагодарю тебя за это.

– А не обманешь? – спросил Андреас.

– Не обману, вели только отпустить вороненка. Вот тебе порукой мой царский венец! – Он опустил голову, и в руки Андреаса упал золотой обруч тонкой работы.

Андреас велел Фарбагосу отпустить вороненка. Царь-ворон громко крикнул, и на его зов появились два ворона поменьше, но тоже очень большие и тоже с обручами на головах.

– Вороновы сыновья, – подумал Андреас.

На птичьем языке ворон сказал им что-то, и они улетели, один в правую, другой в левую сторону. Спустя час они вернулись. С трудом размахивая усталыми крыльями, вороны несли в лапках по склянке. Они спустились к Андреасу, положили склянки ему на колени и уселись на ветвях дуба.

– Сыновья мои летали далеко за море, на дивный остров Лазоревого Царства и принесли оттуда пузырьки с мертвой и живой водой. Брызни мертвой водой на его тело. Впрочем, я сам уже облил его этой водой, чтобы сохранить от тления, так как знал, что рано или поздно конь принесет тебя сюда. Тебе остается только смочить мертвой водой его волосы, ладони рук и подошвы ног, а потом опрыскать живой водой его глаза, губы и грудь над сердцем. Ну, я исполнил свое дело, теперь отдай мне венец, без которого я потеряю царскую власть.

Ворон слетел на землю и, когда Андреас надел на его черную, как бархат, большую голову царский венец, взвился над деревьями и исчез.

Андреас исполнил все, что сказал ворон, и едва последняя капля живой воды упала на сердце храброго рыцаря, Рабогани потянулся, зевнул, открыл глаза, увидел Андреаса и, улыбувшись, сказал:

– Кажется, я заспался.

– Да, господин, и ты еще долго спал бы, если бы не твой верный конь.

И он рассказал ему все.

Рабогани сел на коня и в сопровождении слуги и сокола вернулся в свой замок.

Услышав, что Рабогани подъехал к подъемному мосту, предатель Бенде так испугался, что убежал за тридевять земель, и никто никогда больше не видал его. Радости Ванды не было границ. Они с мужем счастливо зажили в своем богатом замке, щедро наградили и одарили Андреаса. На коня никто больше не садился, только Рабогани изредка ездил на нем, чтобы доставить ему удовольствие. Его холили и лелеяли, кормили и ласкали. Соколу отвели самое лучшее помещение и позволили охотиться на каких угодно птиц.

Неведомый рай

Шведская сказка

Раз маленький Гаральд сидел на берегу океана и смотрел вдаль.

Перед тем он прочитал описание чудных южных стран, в которых виноград широко раскидывает свои листья, апельсиновые и лимонные деревья блестят под лучами солнца, горы покрыты цветами, а небо темно-голубого цвета.

– Ах, если бы я мог полюбоваться этими чудными странами, – прошептал Гаральд.

Вдруг он увидел, что по волнам океана движется что-то белое, приближаясь к берегу, и вскоре различил большого лебедя. Он подплыл и вышел на берег близ мальчика.

– По глазам твоим вижу, чего ты хочешь, – сказал лебедь. – Ты хочешь знать, откуда я приплыл.

– Да, да. Я тоскую по великолепным странам, лежащим там, на юге, – воскликнул Гаральд и попросил лебедя унести его в эти дивные места.

– Я не туда держу путь, – ответил лебедь, – но если хочешь, садись мне на спину, я покажу тебе рай, о котором я часто тосковал в миртовых рощах и пальмовых лесах.

– Да, я хотел бы посмотреть на него.

– Ну, летим.

Едва успел Гаральд усесться на спину лебедя, как большая птица высоко поднялась.

– Обними мою шею обеими руками и хорошенько смотри вокруг, я лечу низко, и ты можешь рассмотреть все во время нашего путешествия.

Гаральд увидел большие равнины, покрытые полями с волнующимися хлебами, леса с густыми буками, великолепные замки, окруженные парками, полными цветов.

Повсюду поднимались остроконечные крыши церквей. Там и сям на равнине виднелись сады и огороды.

Картина скоро переменялась. Начались горы. Лебедю пришлось подняться выше. У подножия утесов шумели темные сосновые леса. В глубине долин извивались серебристые ручьи, которые местами расширялись в маленькие озера, окруженные березами с бледной листвой.

– Что это за равнина? Она блестит, точно серебряная.

– Это озеро озер, – ответил лебедь.

В то время как они неслись над водой, Гаральд слышал величавый шум волн, омывающих остров, покрытый дубами.

Он видел опять громадные леса, чудные поля. Наконец, лебедь остановился на берегу озера, покрытого множеством мелких островков.

– Мы здесь проведем ночь, – сказала птица. – Но почему у тебя на глазах слезы?

– Я плачу от радости, – сказал Гаральд. – Меня восхищает красота всего, что я видел сегодня. Я никогда даже не мечтал о таких дивных местах.

– Завтра утром ты увидишь мой рай.

Они отдохнули на ложе из мха, и ночью Гаральду снилось, что он бродит в стране роз и апельсинов, но, так же как лебедь, вздыхает о рае с озерами, окруженными березами.

Проснулся он, когда солнце стояло высоко. Путешествие снова началось.

– Что это за странное место? – спросил Гаральд, указывая на высокие черные горы, между которыми виднелись зияющие пропасти.

– Это дело рук человеческих. Вот уже много веков человек берет отсюда, из глубины земли твердое железо и выковывает из него плуги, чтобы возделывать землю, оружие, чтобы защищать свою родину.

С этого места горы сделались еще выше, леса еще гуще.

Большие реки шумели в глубине долины, дикие водопады прыгали со скалы на скалу, и вдруг на темно-синем горизонте засветилось что-то белое, похожее на небо.

– Что это? Не стая ли лебедей? – спросил Гаральд.

– Нет, нет, это вершины высоких снежных гор.

Гаральд все смотрел и смотрел, и его сердце билось от нежности к этому раю. Он поцеловал и приласкал лебедя, который принес его в чудную страну.

Время быстро шло, и Гаральд заметил, что они путешествуют уже давно.

– Скоро ли настанет ночь?

– Да ночь уже настала.

– Как так? Ведь солнце светит.

– В моем раю летние ночи светлы.

Наконец, лебедь опустился на берег горного озера. Гаральд сел подле своего друга и сказал:

– Я хотел бы знать, как называется чудная страна, которую ты мне показал.

– Это твоя родина, мое дитя, это твоя Швеция. Я тоже родился здесь, и поэтому ее долины и горы мне нравятся больше, чем богатые страны юга. Теперь ты видел все ее красоты и должен полюбить ее.

– О, да, да, – вскрикнул Гаральд.

Он хотел прижать к сердцу все, что окружало его, он рвал цветы, целовал их и принялся быстро бегать, счастливый тем, что научился любить родину.

Глупый крестьянин и умная птица

Немецкая сказка

Старый глуповатый крестьянин поймал в силки удивительно красивую птицу и с изумлением услышал, что она заговорила с ним человеческим голосом и попросила отпустить ее на волю.

– Ах, – сказал крестьянин Иоганн. – Раз ты умеешь так хорошо говорить, ты должна также понимать, что у меня тебе будет гораздо лучше, чем на свободе в лесу. Тебя посадят в красивую просторную клетку, будут вдоволь кормить и поить чистой ключевой водой. Не печалься же и не бейся больше.

– Ах, – ответила птица, – ведь я рождена, чтобы жить на свободе, в поле, в лесу и никогда не буду чувствовать себя хорошо в клетке.

– Ну, погоди, попробуй, – сказал Иоганн. Но бедная птица продолжала проситься на свободу.

– Неужели у тебя нет никакой жалости? – воскликнула она наконец.

– Я недостаточно богат, чтобы быть жалостливым, – со смехом сказал крестьянин. – Деньги для меня важнее всего, а я надеюсь получить за тебя несколько червонцев, ведь ты очень, очень красивая птица.

– Если так, я охотно заплачу тебе за мою свободу.

– Ого! А какой монетой будешь ты платить?

– Понятно, у меня нет с собой кошелька, но я могу дать тебе три совета, которые стоят многих червонцев.

– Какие же это советы? – спросил он.

– Отпусти меня, тогда я скажу, – проговорила птица. – Я не могу тебе доверять. Ты слишком хитер.

Иоганн не знал, что ему и думать, но так как птица продолжала уверять, что три ее совета замечательно ценны, он наконец ее выпустил.

Она весело взмахнула крыльями, поднялась на самую высокую ветку старого дерева и в восторге весело зачирикала.

– Ну, скорее! Я жду советов, которые ты обещала дать мне, – с нетерпением закричал крестьянин.

– Сейчас, сейчас, – сказала птица, глядя на него с высокой ветки. – Вот совет первый: не верь всему, что тебе говорят.

– Это я знал и раньше, – проворчал Иоганн.

– Так смотри, не забывай об этом впредь! Теперь второй: не слишком досадуй, когда теряешь что-нибудь, – произнесла птица, поглаживая клювом перья.

– И все? Надеюсь, последний совет будет получше этой старой, никому не нужной болтовни, – закричал рассерженный Иоганн.

– Конечно, конечно. Последнее вот что: держи крепко то, что у тебя есть.

– Когда я в следующий раз тебя поймаю, я тебе голову сверну, – закричал Иоганн, не помня себя от злобы.

– Но для этого тебе нужно меня поймать, – крикнула птица, распустила крылья, улетела в соседний лес и никогда больше не подлетала к сетям, силкам и ловушкам.

Хуан-Аррада

Испанская сказка

В давние времена, когда в Испании еще властвовали мусульмане-мавры, жил старый купец Аррада, у которого был сын, шестнадцатилетний Хуан. Купец рассылал по всей Испании свои товары, нагруженные на прекрасных сильных мулов, и его сын, молодой Хуан, нередко сам сопровождал вереницу вьючных животных.

Однажды, когда молодой Хуан и его слуги переправлялись на мулах через горы и стройные животные, покачивая длинными красными кистями на уздах и позвякивая серебряными колокольчиками, ловко ступали по каменным громадам, из ущелья показались разбойники. Заблестели кривые сабли, замелькали фески, чалмы и тюрбаны. Хуан понял, что это мавры. Его люди храбро бились, но разбойников было такое множество, что одни из проводников пали в бою, другие попали в плен. Разбойники захватили все товары, мулов с их уборами, Хуана и его оставшихся в живых слуг, которых и продали в рабство богатым маврам. Хуан был так красив, молод и силен, что его купили для самого гранадского калифа. Молодого человека отвели в калифский дворец. Там он работал в саду: окапывал деревья, чистил фонтаны, бившие струями кристально чистой воды, подвязывал дивные благоуханные цветы и вообще исполнял всякие садовые работы. Это было нетрудно, но тоска по родным, по дому и прежней жизни угнетала молодого человека. Днем он усердно работал, а по ночам часто плакал. Он вел себя так хорошо, работал так усердно, что по приказанию калифа ему предоставили почти полную свободу. Днем и ночью он мог бродить по калифскому саду и по дворам, только не смел выходить за стены, да этого и сделать было нельзя, потому что толстая ограда поднималась очень высоко, а все ворота охранялись стражниками.

Однажды в светлую лунную ночь Хуану не спалось. Как-то особенно ясно вспомнилась ему прежняя привольная жизнь у отца и до смерти захотелось на волю. Он встал с циновки и вышел из сарайчика, в котором жил вместе с остальными рабами, во двор. Луна светила ярко. Темные тени от кипарисов неподвижно лежали на плитах мощеного двора, посередине которого бил прекрасный фонтан, струи которого с журчанием падали в гранитный бассейн. Из одного двора Хуан переходил в другой, из другого в третий. Наконец, он присел у подножия большой черной башни, поднимавшейся над стеной, и глубоко задумался об отце и о том, как, вероятно, страдал этот несчастный старик, и горько-горько заплакал.

И вдруг откуда-то послышался голос:

– Хуан, Хуан!

Хуан огляделся. Кругом никого не было.

– Хуан, Хуан, – послышалось еще раз как бы снизу.

Молодой человек опустил глаза и у основания башни, над самыми плитами двора, увидел небольшое окошко, загороженное железной решеткой, и сухую морщинистую руку, схватившуюся за одну из ее перекладин. Хуан стал на колени и припал лицом к окну. В темноте подземелья белело что-то.

– Кто звал меня? – спросил Хуан Аррада.

– Это я, старый Диего-мудрец. Я долго жил у калифа, и милостиво глядели на меня очи моего властителя. Но не угодил я юной Сулейме, супруге моего господина, за то, что обличал ее в тщеславии, щегольстве и расточительности. Она уговорила калифа не слушать больше своего старого слугу, и он повелел бросить меня в подземную темницу и сковать мои руки, а пока их тяготят оковы, несвободен также и дух мой, и нет у меня силы с помощью знаний и мудрости открыть замки и запоры. Юный Хуан Аррада, сними оковы с моих рук, и тогда

я освобожу и тебя, и себя и в награду дам тебе тот великий дар, который ты выберешь сам. Только знай, пока руки мои несвободны, малейший шум может призвать сюда стражников, и тогда тебе не миновать лютой казни! Если ты не побоишься подвергнуть жизнь опасности и освободить меня, ты тоже, может быть, будешь свободен. Если же стражники придут – ты погибнешь.

– Согласен, – сказал Аррада. – Что мне жизнь без свободы? Скажи, что нужно сделать.

– Возьми камень и постарайся разбить оковы на моих руках, сперва на левой, потом на правой.

Хуан отыскал возле водоема большой камень и снова вернулся к темнице. Бледная рука, тесно охваченная кольцом, просунулась сквозь решетку. Хуан ударил камнем по железному браслету. Боже, какой поднялся звон! Казалось, тысячи кузнецов изо всей силы били по наковальням. Никогда не думал Хуан, что от одного удара мог раздаться такой грохот. Он похолодел от страха, огляделся. Вокруг не было никого.

– Все равно, – подумал молодой человек, – раз я начал, нужно закончить.

Он второй раз ударил по браслету, и обруч распался. Левая рука старика освободилась. Старик подвигал пальцами, с удовольствием пошевелил кистью и, подав вторую руку Хуану, сказал:

– Теперь правую.

– Боже, какой страшный звон поднимется опять, – подумал Хуан и сильно ударил по железному обручу, но не послышалось ни звука. Казалось, камень упал на толстый слой ковров. Обруч рассыпался на множество кусков. Глаза старика заблестели. Он сложил руки ладонями вместе и, отставив большие пальцы, сделал ими какой-то таинственный знак. В ту же секунду решетки бесшумно выпали из камней, как зубы изо рта старой собаки, и окно выросло, превратившись в удобную дверь. Вскоре Диего-мудрец уже стоял рядом с Хуаном, и юноша невольно залюбовался его высокой фигурой и длинной белой бородой, падавшей ниже колен. Уверенно ступая, прошел он с молодым человеком через дворы и подвел его к боковым чугунным воротам. Сделав новый таинственный знак обеими руками, он прикоснулся к их тяжелым створкам. Без скрипа, тихонько отворились ворота, и мудрец с Хуаном прошли мимо крепко спавших стражников. На улицах спавшего города все было тихо, никто не остановил их. Вот они миновали сады и дворцы предместий и очутились в горах.

– Тут мы в безопасности, отец мой, – сказал Хуан. – Я устал, отдохнем.

– Иди, иди, – ответил старик, – днем выписься, а теперь я должен показать тебе мой первый дар.

Пастбища и леса остались позади. Путники карабкались по утесам, наконец, старик сказал:

– Здесь!

Он ввел Хуана в глубокую темную пещеру, поднял руку, и пещера внезапно засияла. Изумленный Хуан увидел, что она украшена резными сводами и колоннами из топаза, берилла, аметиста и других прозрачных сверкающих камней. По углам груды лежали отшлифованные бриллианты, сапфиры, изумруды, рубины, играя тысячами цветов под лучами света, лившегося на них неизвестно откуда, сверху, снизу, со всех сторон. Посредине стоял стол, покрытый затканной золотом и серебром бархатной скатертью, а на нем красовались золотые чеканные кубки невиданной красоты и серебряные кувшины, украшенные эмалью, осыпанные бирюзой и топазами. Но это еще было не все. Старик хлопнул в ладоши, и в глубине пещеры открылась длинная галерея, отделанная малахитом. По ней побежали крошечные черные мохнатые карлики, полумедвежата-полулюди, одетые в красные одежды и с громадными мешками на плечах. Сбрасывая мешки на пол перед Хуаном, они разворачивали их и высыпали перед ним груды золотых и серебряных монет, чудные жемчужины, ожерелья, браслеты и другие украшения.

– Если захочешь, все это богатство будет твое, – сказал старик.

– Хочу, хочу, – подумал было Хуан, так как в эту минуту вспомнил, что не только себе принесет пользу богатством, но поможет и обедневшим товарищам, и другим беднякам. – Хочу, хо... – чуть было не выговорили его губы, но старик сказал:

– погоди, Хуан, не торопись.

И он вывел его из пещеры.

Всходило розовое солнце... Поев ягод дикой ежевики, напившись свежей ключевой воды, Аррада лег на мягкий мох и заснул до вечера, так велел ему старик.

Когда он проснулся, на потемневшем синем небе уже загорались звездочки и из-за громад гор блестел край серебряной полной луны. И над Хуаном стоял Диего-мудрец и говорил ему:

– Пойдем, пойдем. Пора, пора.

Все выше и выше поднимались они, все круче и круче делалась тропинка. Камни сыпались из-под ног Хуана, подскакивая, скатывались в глубокие пропасти и с глухим шумом падали с утеса на утес. Кругом были одни голые скалы. Устал Хуан и тяжело дышал. Старик подвел его к высокой отвесной скале, гладкой, как отполированная стена.

– Куда привел меня старик? – подумал Хуан. – Дальше и дороги нет. Нет даже и тропинки.

Но старик высоко поднял руки над головой, развел ими в стороны, странно пошевеливая сухими длинными белыми пальцами, и вот в каменной стене открылась узкая дверь. Едва старик и Аррада успели пройти в нее, как она снова закрылась за ними, но Хуан и не взглянул назад. Он увидел чудную картину. Перед ним лежал великолепный, облитый солнечным сиянием город с дворцами, с садами. На его широких площадях били дивные фонтаны, стройные пальмы с широкими раскидистыми листьями, лапчатые аралии, мимозы с благоуханными желтыми цветами и другие красивые деревья окаймляли широкие улицы. В садах пели птицы, по улицам двигались стройные ряды конных и пеших воинов, а на холме, вдали, поднимался роскошный царский дворец с золоченой крышей. Вокруг толпились важные сановники, горожане в богатых одеждах, женщины с малютками на руках, простой народ, нищие. И все ждали кого-то, все робко и с почтением оглядывались кругом.

– Кого они ждут? – спросил Хуан.

– Тебя, – ответил Диего. – Если ты захочешь, ты станешь царем этой счастливой богатой страны. В твоих руках будет возможность делать твоих подданных счастливыми. Власть и могущество могут дать много пищи сердцу доброго человека.

– Сделай меня царем, – хотел крикнуть Аррада и шевельнул уже губами, но старик остановил его:

– погоди, не торопись, – сказал мудрец. – Когда ты увидишь мой третий дар, ты сам рассудишь, который из них окажется для тебя привлекательнее остальных.

Говоря так, старик вывел его из чудесного города, снова раскрыл дверь в каменном утесе и, когда забрезжил свет, накормил дикой малиной и уложил спать.

С наступлением мрака Диего, как и накануне, разбудил Хуана и повел его с собой. Стояла неприветливая ночь, темные облака закрывали луну. Ветер свистел в камнях.

На этот раз старик вел Хуана не к вершинам гор, а к их подножью. По обрывистым склонам, по узким тропинкам, по скользким, влажным от тумана камням спускались они в сырые черные ущелья все ниже, ниже, так, что Хуану чудилось, будто они идут в глубь земли. Наконец они очутились на берегу ручья, который медленно, точно сонный, тек по узкой ложине. Утесы сближались, и вскоре их острия стали почти касаться друг друга. Образовался мрачный темный свод.

– Сейчас, – подумал Хуан, – сейчас чудесный старик покажет мне что-нибудь удивительное. Уж те два дара были хороши, хороши ослепительно, как же должен быть прекрасен этот последний, третий, если он приказывал мне дожидаться его! И, точно в ответ на эту мысль, он услышал тихие, нерадостные звуки. Навстречу ему неслись стон. Хуан сделал несколько шагов и остановился. Со всех сторон глядели на него страдающие глаза, отовсюду к нему тянулись

исхудалые дрожащие руки. Глаза эти молили о помощи, руки искали опоры... По бледным щекам струились слезы. Воздух дрожал от рыданий, и в этом печальном хоре Хуан различал голоса детей, юношей, людей взрослых, стариков, старух... Сердце его сжималось от жалости, но он не знал, к кому броситься, кого попытаться утешить.

– Зачем привел ты меня в это ужасное место? – спросил Хуан. – Неужели в благодарность за услугу ты хочешь сделать меня господином царства слез и несчастья?

– Нет, – ответил старик, – я только хочу показать тебе действие того дара, который собираюсь тебе предложить.

С этими словами он надел на палец Хуана большой перстень с крупным камнем, из которого сверкали разные лучи: розовый, красный, голубой, лиловый, сиреневый, дымчатый, оранжевый, и прибавил: «Дотронься им до головы вот этого рыдающего мальчика».

Хуан исполнил приказание Диего, и на глазах малютки мгновенно высохли слезы, он улыбнулся. Хуан уже сам провел перстнем по дрожащей голове дряхлого старика, и вместо выражения отчаяния увидел на его лице отпечаток тихой грусти.

– Это, камень сердца, камень утешения. С ним ты будешь богаче любого богача, могущественнее самого сильного властителя. Никакие сокровища в мире не дадут тебе таких высоких наслаждений, никакой трон не даст такой силы над людьми, как этот камень ласки, камень доброго слова. При помощи его ты будешь придавать мужество впавшим в отчаяние, спасать людей, изнемогающих от горя...

Хуан опустился на колени перед Диего и сказал ему:

– Благодарю тебя, отец.

Диего вывел его из ущелья и велел лечь спать. Еще стояла ночь, и Хуан тотчас же заснул, а когда проснулся, уже светило яркое солнце. Аррада открыл глаза и с удивлением оглянулся. Он лежал на срезанных виноградных сухих ветках возле ворот отцовского дома, а на его руке играл и переливался в золотом перстне чудесный камень сердца.

Храбрый царский сын

Турецкая сказка

Жил да был очень несправедливый султан по имени Гассан. Он воевал со всеми государствами и отнимал у них земли. Завоевал он также государство султана Магомета, который после этого умер с горя.

Перед смертью Магомет призвал своего единственного сына Али и сказал ему:

– Милый мой сын, я могу оставить тебе только трех животных, которые служили мне верой и правдой: верблюда Ванку, собаку Иолдаша и сокола Мируса. Ты умен и храбр, может быть, тебе удастся снова завоевать то, что я потерял. Эти звери будут тебе служить, я же благословляю тебя, так как ты был добрым сыном и утешал меня в несчастье.

Сказав это, старый султан закрыл глаза и умер. Али похоронил отца. Через некоторое время он немного оправился от печали и стал раздумывать, что ему сделать, чтобы не умереть с голода. Ему оставалось только отдать своего верного верблюда в наем для перевозки тяжестей и самому ходить с ним погонщиком. Собаке и соколу Али решил позволить отыскать себе нового господина, он больше не мог их кормить, хотя ему было очень тяжело, очень грустно расставаться с ними.

Печально стояли они вчетвером, и вот умная собака Иолдаш сказала:

– Никогда не нужно падать духом. Расставаться тоже не следует. Мы трое будем верно служить тебе. Сделавшись погонщиком верблюда, ты не разживешься, лучше найди принцессу, которая принесет тебе в приданое новое царство.

Верблюд Ванка и сокол Мирус нашли совет собаки хорошим и согласились с Иолдашем. Али же грустно заметил:

– Где я найду принцессу? Да и захочет ли она сделаться моей женой? Кроме того, если она будет безобразна и зла, я сам не пожелаю жениться на ней.

Ванка и Мирус согласились с Али, но Иолдаш сказал:

– На свете живет красавица-принцесса Мелекзала. Султан Гассан отнял у нее царство, которое она наследовала от своего отца. Он увел ее к себе и держит в плену в своем главном городе. Она удивительно красива, и султан сам желал бы на ней жениться, но она не соглашается. Только добраться до Мелекзалы трудно, потому что Гассан расставил стражу по всем дорогам своего государства и всякого, кто попадает к нему в руки, казнит.

– Я готов на все, чтобы освободить принцессу, – сказал Али, – только мне хотелось бы раньше узнать, согласна ли она сделаться моей женой.

Мирус предложил слетать к Мелекзале и принести ее ответ. Али написал принцессе письмо, в котором спрашивал, что она ответит на его предложение, и Мирус взвился в воздух. Долго не возвращался сокол, и остальные трое уже боялись, что с ним случилось какое-нибудь несчастье. Наконец, Мирус прилетел. Он исполнил трудное дело и передал принцессе письмо. Мелекзала расспросила сокола о принце и, узнав, что Али добр, умен и красив, обрадовалась и сказала, что она охотно обвенчается с ним, если только ему удастся освободить ее.

Принцесса также повесила Мирусу на шею медальон со своим портретом. Увидев ее милое лицо, принц горячо полюбил Мелекзалу.

Али отточил саблю и надел лучшую одежду. На оставшиеся у него деньги он купил пищу для себя и для своих животных, сел на верблюда и поехал. Иолдаш бежал за Ванкой, Мирус летел над головой принца.

Сначала их путь лежал через густой-густой темный лес, все боялись входить в него, потому что там жил страшный дракон, который убивал каждого встречного. У него были три

головы, и как только одну отсекали, на ее месте вырастала новая, поэтому победить его было нельзя. Но Али отлично владел саблей и умел так быстро размахивать ею, что она казалась блестящим кругом. Ее клинок, сделанный из лучшей стали, был закален в самом сильном огне. Итак, принц не терял мужества.

Три дня путешествовали они по лесу и уже надеялись, что не встретят дракона, как вдруг раздалось сопение и фыркание. Страшное чудовище вышло из чащи. Три головы открыли ужасные пасти, и из них вырвалось ядовитое дыхание, перемешанное с огнем и пламенем. На ногах дракона виднелись страшные когти, а его длинное, покрытое чешуей тело завершал остроконечный хвост, которым он рассекал воздух.

С диким ревом дракон бросился на принца, но Али уже обнажил саблю и крутил ею вокруг себя. Чудовище не могло ничего сделать. В одно мгновение отлетела первая голова дракона, а вскоре и вторая. Иолдаш бросился на страшилище, сжал зубами одну его шею, и вся кровь вытекла из нее, а потому новая голова не могла вырасти. Ванка наступил коленями на вторую шею, Мирус же схватил обе отрубленные головы и бросил их в глубокую пропасть. С третьей головой, самой сильной из всех, принцу пришлось долго сражаться, но наконец он отрубил и ее, а вместе с ней и шею дракона. Новой голове уже негде было и вырасти. Убив дракона, Али смочил его кровью все свое тело и благодаря этому сделался неуязвимым.

Отправились дальше. Вскоре перед Али заблестело громадное озеро. Надо было переправиться через него, так как ехать по дорогам, которые охранялись солдатами султана Гас-сана, было опасно. В водах озера жил страшный водяной змей. Али знал это, но его храброе сердце не дрогнуло, и он стал готовиться к переправе.

На берегу лежали сухие стволы деревьев. Али связал их вместе и устроил из них плот. Вскоре он со своими верными слугами поплыл по синим волнам. Когда плот доплыл до середины озера, сокол, все время летевший над волнами, тревожно закричал. В эту минуту из пучины поднялся гигантский змей. Он высоко выпрямился, потом изогнул шею дугой, чтобы схватить принца, но Али не спускал с него глаз. В одно мгновение его сабля сверкнула в воздухе и разрубила тело змея на две части. Одна половина убитого чудовища утонула в волнах, другую Мирус схватил в клюв. Иолдаш быстро содрал с нее кожу, которая была очень тонка и нежна и могла служить плащом-невидимкой.

Али с удивлением смотрел на собаку, но умный Иолдаш объяснил ему, что это волшебная кожа, которая делает невидимкой всякого, кто наденет ее. Он показал ее действие, сам надев шкуру змея. Иолдаш мгновенно исчез и сделался снова видимым, только когда сбросил с себя этот покров. Принц взял кожу и спрятал ее.

Поплыли дальше. Вскоре плот должен был пристать к лесистому берегу, но вдруг показалось страшное пламя и навстречу путникам хлынул удушливый дым, затруднявший дыхание. Сухие деревья, лежавшие на этом берегу, пылали, а над ними летала фигура в огненно-красных одеждах и с угрозой протягивала руки.

Верные животные потеряли мужество и советовали Али бежать раньше, чем дух огня настигнет его, но Али не хотел отступать. Обходной дороги не было, поэтому он решил пробежать через пламя. Он накинул на себя змеиную кожу и почувствовал, что она предохраняет его от жара. После этого он бросился на духа огня и стал с ним бороться. Во время борьбы Али схватил венец, сверкавший на голове демона, и едва дотронулся до него, как дух упал и пламя потухло. На берегу осталась только кучка пепла. Теперь Али со своими зверями мог спокойно идти дальше. Венец остался у него в руках. Посредине золотого обруча блеснул великолепный карбункул, и все, на что падали его лучи, мгновенно таяло. Ни один замок, ни один засов не мог устоять против него. Иолдаш, который отлично знал все, касавшееся волшебства, сказал об этом своему хозяину.

Они покинули лес и вышли на дорогу. Вскоре им встретился целый полк солдат. Предводитель велел принцу остановиться и сказал ему, что он пленник, так как никто не смеет вхо-

дить в государство Гассана. Султану докладывали о каждом появившемся, и он часто казнил своих пленников.

Али сделал вид, что подчиняется, и предводитель, которому очень понравился молодой человек, позволил ему без цепей ехать на верблюде рядом с ним. Они спокойно разговаривали, но Али неожиданно набросил на себя и на верблюда змеиную кожу и исчез. Правда, солдаты стали стрелять ему вслед, да ведь его нельзя было ранить! Верблюд с необыкновенной быстротой перебирал своими длинными ногами и неся к главному городу султана. Иолдаш, высунув язык, с большим трудом поспевал за ним, Мирус летел впереди и показывал дорогу.

Возле городской стены принц сошел с верблюда и на время простился со своими верными друзьями. Он хотел остаться один. Городские ворота были замкнуты на замок и на засов, но лучи карбункула растопили то и другое, и Али, закутанный в змеиную кожу, двинулся к замку. Принц-невидимка миновал стражников, и ни одна дверь не помешала Али идти, куда ему вздумается. Он переходил из зала в зал и наконец очутился в спальне султана, который лежал на своем ложе и спал.

Принц Али сбросил с себя кожу змея и вынул саблю из ножен. Он стоял неподвижно, пока султан не проснулся. Увидев Али, Гассан страшно испугался и хотел схватиться за шнурок звонка, но Али быстро перерезал его и сказал:

– То же будет и с твоей шеей, султан, если ты вздумаешь кричать или если не исполнишь то, чего я потребую. Ты человек злой и заслуживаешь смерти. Но я тебя помилую, если ты отдашь мне и принцессе Мелекзале наши государства. Поклянись в том бородой пророка.

Сначала султан колебался, но наконец согласился, так как увидел, что Али не шутит. С пеной ярости у рта подписал он договор. Потом Али связал Гассану руки и ноги, чтобы он не мог шевелиться, и заткнул ему рот платком, чтобы он не мог кричать. Наконец он закрыл дверь спальни на ключ и ключ взял с собой.

Сокол подробно описал принцу башню, в которой томилась принцесса, и Али в змеиной шкуре прошел к тюрьме Мелекзалы, открыл карбункулом все двери и внезапно очутился перед красавицей, которая сидела у окна. Понятно, Али сбросил с себя змеиную кожу, и она радостно приветствовала его как своего освободителя и будущего мужа.

Али накинул и на нее кожу змея, они сделались невидимками и спокойно вышли из города. У городской стены принц и Мелекзала сели на верного верблюда, и он быстро понес их обратно. Иолдаш и Мирус не отставали от Ванки. Подданные отца Али с большой радостью встретили принца и Мелекзалу. Али занял трон. Свадьбу отпраздновали великолепно, и Али со своей женой Мелекзалой жили долго и счастливо. Добрые умные животные жили вместе с ними.

Маленький паша

Египетская сказка

В бедном квартале Каира жили несчастные люди: калека-отец, слабая мать, их крошечная дочка Фатъма и сын, семилетний Мамуд. Этот мальчик был единственным работником в семье. Каждое утро он брал своего верблюда и вел его на заработок. Было странно видеть громадное неуклюжее животное, которое слушалось маленького мальчика. Мамуд всегда знал, куда ему надо идти. То он возил камни из каменоломни к строящемуся зданию, то убирал опилки с лесного двора, то доставлял в магазины сахарный тростник с плантации или еще какие-нибудь товары. Иногда он возил кататься целые семьи, усевшиеся на его верблюда в корзинах, сплетенных из пальмовых веревок. Словом, Мамуд не отказывался ни от какого дела, чтобы только заработать деньги.

В Египте есть только одногорбые верблюды, поэтому их всех следовало бы называть дромадерами, но их две породы. Одних египтяне зовут джамели, других – хаджимы. Джамели высоки, замечательно сильны, ходят тяжелой поступью и используются для перевозки тяжестей. Хаджимы не так массивны, очень ловки, изумительно быстры. Арабы зовут их хаджи-мами, потому что на них обычно ездят пилигримы или хаджи.

У Мамуда был джамель.

Однажды, несмотря на все старания бедного мальчика, он не нашел работы. Ему было очень грустно, и он отправился на край города в надежде встретить там кого-нибудь, кто бы его нанял.

Вдруг он услышал крик:

– Эй, уалед (погонщик), иди сюда.

Мамуд обернулся и увидел громадного негра в расшитом платье. Негр повторил:

– Эй, уалед, сюда!

Негр привел Мамуда в богатый пригород. Они остановились перед высокой садовой оградой с широкими воротами. Когда они открылись, мальчик увидел нарядный дом, перед которым расстился зеленый луг, украшенный двумя высокими фонтанами.

– Входи, – сказал ему негр.

– Хорошо, – ответил Мамуд, – но...

И он указал на своего четвероногого громадного спутника.

– Пусть входит также он. Он – главное.

Верблюд зашагал за своим маленьким хозяином. Ворота затворились.

Мамуду казалось, что он видит какой-то волшебный дворец, но это был просто загородный дом Риза-паши. Самым странным могло бы показаться, что в великолепный сад ввели скромного погонщика с его верблюдом, однако это было сделано по приказанию капризного ребенка.

У Риза был восьмилетний сын Ибрагим, мальчик испорченный и избалованный. Вероятно, его можно было бы исправить строгостью, но отец, который по делам службы часто уезжал из Каира, поручил воспитывать его матери мальчика, бабушке и теткам.

Они донельзя баловали Ибрагима и со смехом называли маленьким пашой. Слуги же и невольники со страхом повторяли прозвище, так как маленький паша был довольно жестокий и за малейшую провинность больно наказывал невольников.

Как большая часть детей знатных египтян, Ибрагим отлично ездил верхом на статных и красивых конях, носясь безумно быстро по дорогам, обсаженным великолепными пальмами.

Потом он полюбил дромадеров-хаджимов и несколько недель только и делал, что катался на них по долинам. Вскоре и хаджимы надоели Ибрагиму. Теперь красивые ослы быстрой и мягкой рысью носили его на своих спинах, покрытых красными чепраками, вышитыми золотом. Позже он стал ездить только в экипажах и сам правил лошадьми, украшенными ожерельями из бубенчиков, или стройными мулами в уздах, увешанных красными шелковыми кистями.

Наконец, все животные, на которых катаются богатые восточные люди, надоели ему. Он мечтал о единорогах, о сказочных крылатых конях и т. д. и не хотел даже смотреть на лошадей, ослов, дромадеров и мулов, которые стояли в его конюшнях.

В этот день, сидя на террасе, он печально смотрел в зеленую чашу своего чудного сада, мысленно называя себя самым несчастным мальчиком на свете. Вдруг он заметил Мамуда с его тяжелым джамелем, и в капризной головке маленького паши мелькнула странная мысль. Он захлопал в ладоши. На его зов пришел невольник.

– Ахмед, – сказал Ибрагим, – ты видишь этого джамеля?

Негр поднес руку к груди.

– Я хочу покататься на нем. Вели уледу тотчас же привести его сюда.

– Хорошо, господин. – Невольник ушел.

Как только Мамуд ввел верблюда, Ибрагим сбежал с террасы. Не обращая внимания на погонщика, он подошел к животному и два раза ударил его палочкой по коленям.

Верблюд по привычке подогнул ноги, и маленький паша уселся на его спину. Тогда джамель поднялся и зашагал. Сначала все шло хорошо. Ибрагиму нравилось качаться на верблюде и смотреть, как его длинные ноги тяжело ступают по аллеям. За джамелем шла толпа слуг, готовых исполнить любое желание своего господина. На балконе дворца появились две дамы – мать и тетка Ибрагима. Они смеялись до слез, видя новую затею маленького паши. Мамуд вел верблюда. Но вскоре Ибрагиму надоело ехать медленно, и он приказал поторопить тяжелого джамеля. Мамуд ударил верблюда, тот побежал, не особенно быстро, но сильно подкидывая Ибрагима, который взлетал высоко и всякий раз падал на ковровый чепрак.

Сперва маленький паша смеялся и старался поднять джамеля в галоп, думая, что это будет спокойнее, кроме того, ему хотелось ехать быстро. К несчастью, верблюд Мамуда не мог быстро бегать. Он стал только подскакивать повыше, остальное же было не в его силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.